

*Светлана
Шнитман-МакМиллин*

Георгий Владимов:

время рыцарства

*Светлана
Шнитман-МакМиллин*

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Ш77

Художник Андрей Рыбаков

В оформлении переплета использованы фотографии
Вадима Крохина (передняя сторона) и из архива
Vostock Photo (задняя сторона)

В книге публикуются фото Вадима Крохина,
Дафни Скиллен, Владимира Сычева, а также из архивов
Vostock Photo и Forschungsstelle Osteuropa (Бремен)

Текст приводится в авторской редакции

Шнитман-МакМиллин, Светлана.

Ш77 Георгий Владимов: бремя рыцарства / Светлана
Шнитман-МакМиллин. — Москва : Издательство АСТ :
Редакция Елены Шубиной, 2022. — 702, [2] с., ил. — (Ве-
ликие шестидесятники).

ISBN 978-5-17-151205-7

Книга филолога-слависта Светланы Шнитман-МакМиллин
написана в трех жанрах. Повествование о яркой и насыщенной
биографии писателя, диссидента и правозащитника Георгия
Владимова тесно связано с исследованием его литературных
произведений и личным свидетельством — рассказом о дружбе
автора с Владимовым.

Так вырисовывается портрет одного из наиболее важных
прозаиков второй половины XX века и человека, чье граждан-
ское мужество вызывает глубокое восхищение.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© Шнитман-МакМиллин С.
© Рыбаков А.И., художественное
оформление
© ООО «Издательство АСТ»

ISBN 978-5-17-151205-7

Содержание

Предисловие	9
Глава первая. Камушек в небо	15
Глава вторая. Война	22
Глава третья. Волчонок Берии	36
Глава четвертая. Поход к Зощенко	42
Глава пятая. История о том, как Жора Волосевич на себя доносы писал	56
Глава шестая. Судьба матери	63
Глава седьмая. От «Пашского колхозника» до журнала «Театр»	82
Глава восьмая. Планета «Новый мир»	111
Глава девятая. Лариса Исарова	141
Глава десятая. «Большая руда»	145
Глава одиннадцатая. Наталья Кузнецова	174
Глава двенадцатая. «Три минуты молчания»	185
Глава тринадцатая. «Шестой солдат»	247
Глава четырнадцатая. Цирк в цирке, или Спекулянтка Домбровская	266

Глава пятнадцатая. Глазами собаки	278
Глава шестнадцатая. Отщепенец и диссидент	306
Глава семнадцатая. «Не обращайтесь вниманья, маэстро»	328
Глава восемнадцатая. Эмиграция	340
Глава девятнадцатая. Начало жизни в Германии	353
Глава двадцатая. Работа в «Гранях» и конфликт с НТС	396
Глава двадцать первая. «Генерал и его армия»	453
Глава двадцать вторая. Возвращение	592
Встречи с Георгием Владимовым	614
Биография в датах	656
Избранная библиография литературных и публицистических произведений Георгия Владимова	663
Указатель имен	688
Благодарности	702

Светлой памяти
Екатерины Владимировны Эйлер
и моего любимого друга
Виктора Ефимовича Кельнера

Предисловие

Эта книга — первое расширенное исследование биографии и литературного творчества Георгия Николаевича Владимова на русском языке, хотя и не первая монография о нем. В 1999 году в серии публикаций о русской литературе в эмиграции, выпущенных Ягеллонским университетом в Кракове, было напечатано исследование Кристины Петшицкой-Бохосевич «В поисках подлинности. О прозе Георгия Владимова»*. Оно включает биографические сведения о писателе, обзор и анализ его прозы и публицистики. Кристина Петшицка-Бохосевич посетила Владимовых в Германии, и Георгий Николаевич старался помочь ей в работе, хотя прочитать эту книгу из-за незнания языка он не смог. Небольшой объем работы Петшицкой-Бохосевич определен рамками серии, но эта серьезная монография — первое систематизированное исследование творчества Владимова, и в этом несомненная заслуга ее автора.

В 2001-м было издано развернутое эссе «Крепости и плацдармы Георгия Владимова»**, написанное крити-

* *Petrzycka-Bohosiewicz K. W poszukiwaniu autentyzmu. Twórczość prozatorska Georgija Władimowa. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków, 1999. № 6. 226 с. (Literatura Rosyjska — emigracja — tamizdat — samizdat.) (Здесь и далее примеч. авт.)*

** *Аннинский Л. Крепости и плацдармы Георгия Владимова: в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: Изд-во МГУ, 2001. 104 с.*

ком Львом Аннинским. Оно особенно ценно тем, что Аннинский, ровесник и друг Владимова, прекрасно воссоздает восприятие и воздействие книг писателя в контексте современной обоим эпохи.

О Владимове написаны сотни статей, многие из которых будут с благодарностью упомянуты в моем исследовании и в библиографии*. Но значение его литературных произведений и его поразительная судьба настолько важны для истории русской литературы, культуры и жизни общества, что углубленное изучение его биографии и творчества представляется совершенно необходимым. Я надеюсь, что это исследование станет еще одной вехой, за которой последуют новые книги и статьи, посвященные творчеству замечательного писателя.

ОБ ИСТОЧНИКАХ И СТРУКТУРЕ КНИГИ

Я познакомилась с Георгием Николаевичем Владимовым в эмиграции, и наше общение было особенно интенсивным в 1997–1999 годах. Волею случая или судьбы я оказывалась в его орбите в моменты перелома или кризисов его жизни на Западе, когда ему хотелось говорить и нужен был собеседник: в самом начале эмиграции в Германию в 1983-м; в 1993 году, через несколько лет после разрыва с Народно-трудовым союзом российских солидаристов (НТС), когда изоляция и неблагополучие были особенно острыми; и в конце 1990-х после смерти жены Наталии Евгеньевны Кузнецовой, когда одиночество в Нидернхаузене казалось ему почти невыносимым.

* См. также подробный обзор библиографии: *Чистяков А.* Творчество Г. Владимова в оценке литературной критики. М.: Вестник РУДН, 2014. № 1. С. 51–60. (Литературоведение. Журналистика.)

В этот период и до получения жилья в Переделкине он несколько раз в год приезжал на недельку погостить к нам Лондон. Каждый раз я спрашивала, хочет ли он выступить в университетах или в русских клубах, но он предпочитал, чтобы визиты оставались частными. Стараясь развлечь и отвлечь его, я проводила с ним почти все время. Я уже думала о написании книги. Во время одного из своих приездов Георгий Николаевич, отвечая на мои вопросы, наговорил на магнитофонную пленку пятичасовой рассказ о своем творчестве и насыщенной событиями жизни. Запись шла с перерывами, так как мы отвлекались на прогулки, чаепития, походы в музеи и магазины, семейные ужины и застолья с друзьями. При этом мы постоянно разговаривали, Георгий Николаевич вспоминал и рассказывал, и я всегда после этого делала для себя заметки. Он также составил для меня хронологию событий своей жизни. В результате в моих руках оказался совершенно неупорядоченный, но бесценный материал — жизнь и целая эпоха, рассказанная голосом незаурядного человека и прекрасного писателя. Впечатление от его личности — сложной, яркой, крупной и поразительно талантливой — не ослабело с годами. Мои попытки отстраниться, «остраниться» и написать книгу, придерживаясь принятых академических канонов, оказались бессмысленны и непродуктивны. Из текста исчезали его живые слова и суждения, его реакции, его живое присутствие и теплота — доверенный мне писателем поразительный рассказ о себе и своей судьбе. Поэтому я решила, что должна сохранить и воспроизвести как можно больше от личности самого Владимирова, каким он остался в моей памяти и жизни.

Владимов передал значительную часть своего архива в Forschungsstelle Osteuropa (Исследовательский центр Восточной Европы) Бременского университета. Многие материалы этого архива, как и сохранившиеся в РГАЛИ, были использованы при написании этой книги.

Важный источник представляют письма и свидетельства современников и друзей: Василия Аксенова, Льва Аннинского, Владимира Войновича, Бориса Мессерера и других. Мемуарный очерк Марины Владимовой «Мой отец Георгий Владимов» бесценен рассказом о последних годах его жизни.

Владимов был человеком чрезвычайно активным в гражданской жизни, и в его судьбе преломились самые значительные события сложной эпохи, повлиявшие на развитие его характера и таланта. Его жизнь неразрывно связана с его прозой, и поэтому структура моей работы определилась как биографическое повествование, чередующееся с главами, в которых анализируются основные литературные произведения: повести «Большая руда» и «Верный Руслан», пьеса «Шестой солдат», роман «Три минуты молчания», рассказ «Не обращайтесь, маэстро» и последнее произведение — роман «Генерал и его армия». Ссылки на неоконченную повесть «Долог путь до Типперэри» можно найти в главах «Волчонок Бери» и «Поход к Зощенко».

РАМКИ РАБОТЫ

Две большие области творческой жизни Георгия Владимова остаются за пределами этой книги.

Первая — критика, в которой он начал свою жизнь в литературе. Некоторые статьи 1950–1960-х годов, которые он считал наиболее удавшимися, входят в последний, четвертый том его собрания сочинений, но это лишь небольшая часть материала. В молодости основным источником существования Владимова были внутренние рецензии, хранящиеся в архивах периодических изданий. Так как он был необычайно талантливым критиком и его статьи раскрывали очень многое в лите-

ратурном процессе и атмосфере эпохи, можно надеяться, что исследование этого материала будет проведено.

Вторая — общественно-политическая публицистика Владимова и анализ многочисленных интервью с ним. Часть материалов опубликована в четвертом томе его собрания сочинений, а также книге «Бремя свободы» и статьях периодических изданий — газетах «Русская мысль», «Московские новости», «Литературная газета», в журнале «Знамя» и других. Много публикаций, записей и выступлений Владимова на политические, социальные и литературные темы хранится в архиве радиостанции «Свобода»*. Это отдельная обширная область творческой и общественной деятельности писателя, требующая многостороннего анализа политических, социальных и литературных процессов 1983–2003 годов. Она интересна не только для историков литературы, но и для социологов, культурологов, политологов. Их совместные усилия в изучении этой стороны творчества Георгия Владимова могли бы дать очень интересный результат для понимания не только литературного наследия писателя, но и веяний и перемен переломной эпохи последних десятилетий его жизни.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

1. Все литературные тексты цитируются по четырехтомному собранию сочинений Владимова, выпущенному в 1998 году в Москве издательством «NFQ/2Print»**. После каждой цитаты в круглых скобках цифрами указываются том и страница текста. Это относится так-

* Внесена Минюстом России в реестр СМИ-иноагентов.

** Это собрание сочинений доступно также на сайте: <https://imwerden.de/razdel-620-str-1.html>.

же к публицистическим и документальным материалам, вошедшим в собрание сочинений.

2. Все цитаты, воспроизведенные *курсивом* в кавычках, — прямые слова Г.Н. Владимирова, записанные мною во время встреч с ним. В некоторых случаях, когда цитаты длинные, они выносятся из основного текста и после них стоят в скобках инициалы «ГВ».
3. Несколько глав сопровождаются «Архивными приложениями». После цитат из них в основном тексте в скобках стоят буквы «АП» и дается ссылка на главу.
4. После всех цитат из материалов архива Forschungsstelle Osteuropa в скобках стоят буквы «FSO». Архив Владимирова пока не каталогизирован, поэтому дать более конкретные указания на хранение отдельных документов не представляется возможным.
5. В редких случаях воспоминания Г.Н. Владимирова об отдельных мелких деталях, рассказанные мне и другим людям, не совпадают. В этом случае я привожу свой вариант, но в сноске упоминаю о расхождении.
6. Все письма, воспроизведенные в тексте, приводятся в оригинальной орфографии и пунктуации.

Глава первая

Камушек в небо

Ты не часто мне снишься, мой Отчий Дом,
Золотой мой, недолгий век.

Александр Галич. Песня об Отчем Доме

Георгий Николаевич Владимов (Волосевич) появился на свет в Харькове 19 февраля 1931 года. «*Русские писатели складываются из половинок и четвертинок*», — ответил Владимов на мой вопрос о родителях. Его мать Мария Оскаровна Зейфман — еврейская «половинка» — родилась в 1902-м в Полтаве в интеллигентной семье с давней традицией женского образования. Бабушка Дона Янкелева* Лернер, окончив медицинские курсы при Харьковском университете, практиковала акушерство. Образованная и очень музыкальная, она обожала поэзию и кинематограф. Дедушка Ошер Мовьевич Зейфман занимал солидный пост в страховой компании «Россия». Их дочери Мария и Ида учились в лучшей женской гимназии города и играли на рояле. Старшая, Мария, с детства обожала Пушкина и сочиняла стихи.

По воспоминаниям Марии Оскаровны**, родители ее были не особенно религиозны. Но каждую пятницу с вос-

* Именно так записано ее отчество в сохранившихся в архиве документах.

** Ряд ее писем хранится в архиве FSO. И Владимов помнил ее рассказы о детстве.

ходом первой звезды зажигались семь свечей в серебряной меноре и сервировался обильный ужин, на который приходил овдовевший сослуживец отца. После ужина мать и девочки музицировали. Более строгие еврейские ритуалы, молитвы и кошерная еда связывались только с несчастными посещениями бабушек и дедушек.

Благополучный быт семьи оборвался с началом Гражданской войны. Страховая компания прекратила свое существование, и Ошер Мовьевич сменил несколько мест работы: колбасная фабрика, обувная, банк — предприятия закрывались одно за другим. Дона Янкелева опять занялась акушерством, по вечерам иногда подрабатывая тапером в кинотеатре. Семья ходила в кинематограф бесплатно, что было радостным развлечением в тяжелые времена. Родителям новый режим совершенно не нравился. Ошер Мовьевич вздыхал и помалкивал, а импульсивная Дона Янкелева досадливо охарактеризовала советскую власть — «Холера!»:

Этим же словом бабка, и когда жила с нами после войны и была уже в полном склерозе, реагировала на все разговоры о происходящих в стране безобразиях. И голос ее делался все более пронзительным, а интонация агрессивной. Мать ее осаждала, шикала на нее, даже покрикивала, а я внутренне как-то усмехался и сочувствовал (ГВ).

В отличие от родителей, Мария Оскаровна вращалась в новую жизнь с доверием и энтузиазмом. Став активной комсомолкой, она ездила по деревням, организовывала курсы ликбеза среди крестьянства и участвовала в выпуске клубных газет. «Буржуазное происхождение» мешало ее поступлению в университет. Но два года поработав на заводе подсобной рабочей, она «опролетарилась» и в 1922-м была принята на филологический факультет института народного образования в Харькове, который окончила

в 1928 году с дипломом преподавателя русского языка и литературы.

Ее атеизм и культурная ассимиляция были добровольными и полными. Убежденная комсомолка, а потом и коммунистка, она верила в пролетарский интернационализм, считая национальную и религиозную принадлежность уходящим пережитком прошлого. Владимов рос с матерью, и важно отметить, что элементы бытовой и религиозной еврейской культуры полностью отсутствовали в его жизни и воспитании, и он долго не осознавал себя евреем. Поэтому события и личные последствия, связанные с атмосферой и преследованиями евреев во время «борьбы с космополитизмом», оказали на его судьбу и образ мыслей особенно сильное и тяжелое влияние.

Родители встретились в институте. Своевольная Мария, к ужасу родных, отказав накануне свадьбы жениху, ушла к Николаю Волосевичу, и в 1929-м они поженились в городке с симпатичным названием Изюм. Через полтора года родился сын Георгий, Жора, как его стали называть в семье. Когда мальчику было восемь месяцев, родители вернулись в Харьков и поселились в старом Павловском районе, по адресу улица Октябрьская, дом 8. Это была окраина города, где к маленьким домикам тесно прилегали сады.

Отец писателя, Николай Степанович Волосевич, наполовину поляк, наполовину белорус (владимовские «четвертинки») родился в Харькове в 1905 году. О его семье крестьян, мелких лавочников и торговцев известно очень немного, в основном из писем Марии Оскаровны 1930–1931-го (FSO). В период ее беременности и первое время после рождения сына они жили с семьей мужа. Несмотря на все ее старания, отношения, особенно с золовкой и свекром, сложились очень неблагоприятно, по мнению Марии Оскаровны, из-за общей низ-

кой культуры свойственников и их открытого «черного юдофобства», на которое она очень жаловалась в письмах к подруге. Муж не был близок со своей семьей, и в ее отношении с родными вникать не хотел.

Николай Степанович был личностью яркой, одаренной и с явной авантюристической жилкой. Он увлекался современной литературой, прекрасно владел белорусским, польским и украинским языками и дружил со многими литераторами. Учитель и журналист, он публиковал критические статьи о литературе в харьковских газетах. Рукопись его неоконченного романа пропала во время войны, когда соседи растащили из опустевшей квартиры все, вплоть до бумаги: *«...кто на растопку печей, кто на обертку для селедки»*.

Николай Степанович был непоседой и мечтал о путешествиях. Он категорически отказывался понимать, почему жена не желает оставить крохотного сына на попечение своих или его родственников и разделить с ним радости дальних странствий. Он оказался очень влюбчивым и время от времени отправлялся в путешествия по югу России или Кавказу с очередной подругой, бросая дома жену с маленьким ребенком. Для Марии Оскаровны это было чрезвычайно тяжелое и во многом унижительное время. Родители расстались через полтора года после рождения сына, сохранив *«цивилизованные»*, по выражению Владимирова, отношения. Оба души не чаяли в первенце, поэтому мальчик видел отца часто, проводил с ним много времени и *«травмы развода не почувствовал»*.

Зимой 1934-го Мария Оскаровна с сыном переехала ближе к центру, на Журавлевку. Ее родители перебрались в Харьков и поселились неподалеку. Дед, поступив на службу бухгалтером в очередную контору, сделался *«настоящим мичуринцем»*. Он выращивал на специально отведенном участке овощные гибриды, и его творчество каза-

лась маленькому Жоре волшебством. Дедушка возил свои плоды на какие-то выставки, о нем писали в газетах, он получал призы, и внук, гордясь им, хвастался детям во дворе: «Мой дедушка — фея! Ему за тыкву медаль дали!» — выведя в четыре года гибрид Золушки с Мичуриным.

По словам Владимова, первым отчетливым детским воспоминанием была обида. В три года он решил забросить на небо, представлявшееся ему твердью, найденный во дворе красивый камушек. Бросив свое сокровище необычайно, как ему казалось, высоко, он несколько секунд пребывал в неописуемом восторге. Результатом был большой синяк на лбу и долгий безутешный рев от боли и от обиды: *«Чистая символика, у меня потом всю жизнь так и бывало. Думаешь, добрался до неба, а получаешь по лбу...»*

В квартире, где он жил с матерью, постоянно работало радио, и мальчик невольно прислушивался к нему, возясь со своими игрушками. Матери, уходившей в магазин или по делам, часто приходилось оставлять его в комнате одного. Трехлетним малышом 1 декабря 1934-го Жора услышал по радио новость, значения которой не понял. Но слово «убит» и весь тон сообщения поразили ребенка, и он, как мог, передал содержание матери: так Мария Оскаровна узнала об убийстве в Ленинграде Сергея Мироновича Кирова. Мальчик навсегда запомнил ее реакцию: *«...ужаса от происшедшего и, как мне даже тогда почувствовалось, какого-то беспокойства. Я помню, что мне вдруг стало страшно, и я заплакал»*. Оба, каждый на своем уровне, интуитивно уловили смысл происшедшего, о чем впоследствии писал К. Симонов*: *«...трудно представить себе, какой страшной силы и неожиданности ударом*

* Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915–1979) — писатель, сценарист, журналист; главный редактор «Нового мира» в 1946–1950-м и 1954–1958 годах.

было убийство Кирова. Во всей атмосфере жизни что-то рухнуло, сломалось, произошло что-то зловещее»*.

Частые игры в одиночестве способствовали рано развившемуся интересу к чтению, которое стало любимым занятием мальчика с пяти лет. Доступные детские книжки были быстро проглочены, после чего Жора стащил с материнской полки роман Николая Островского «Как закалялась сталь». Попытки Марии Оскаровны отвлечь сына от преждевременного чтения успехом не увенчались. Книга была преодолена, а мнение пятилетнего критика высказано матери решительно и категорично: *«Интересно про войну. А там про любовь всякую, нежности — очень скучно. И даже непонятно, зачем он это написал, только испортил...»* Возможно, это раннее чтение пробудило его прошедший сквозь всю жизнь интерес к военной истории.

В 1934 году Мария Оскаровна получила место преподавателя русского языка и литературы в Харьковском кавалерийском пограничном училище имени Дзержинского, принадлежавшем ведомству НКВД**. Весной 1935 года мать с сыном поселились в комнатке при училище. Перед войной Марии Оскаровне было присвоено звание капитана. В училище, кроме кавалерийского, были танковое и авиационное отделения. Тренировочные полеты проводились на самолетиках У-2, называемых непочтительно «кукурузниками» и «Русь-фанерой». Жора мечтал о профессии летчика, но в ожидании лучших времен записался в кружок юных собаководов, где дети под руководством специалиста воспитывали щенков для погра-

* Симонов К. Глазами человека моего поколения // Истории тяжелая вода. М.: Вагриус, 2005. С. 307.

** По документам ее служба началась в январе 1935 года, но, вероятно, это связано с проверками и бюрократическими проволочками при оформлении на работу. Фактически она преподавала в училище с сентября 1934-го.

ничников. После этого щенков забирали в особые школы, где из них делали настоящих сторожевых зверей. Опыт этих занятий очень пригодился Владимову при написании «Верного Руслана».

Официальный развод родителей был оформлен в 1940-м, и Николай Степанович женился вторично. Его жена Белла Зиновьевна Идлин (родные и друзья называли ее Беллюся или Люся) приняла пасынка ласково, и мальчик часто и с удовольствием бывал в новой семье отца. 14 апреля 1940-го родилась его единокровная сестренка Елена, Алена, как ее сразу стали называть в семье, и Владимову запомнилось одно из последних застолий — в феврале 1941 года праздновались его десятилетие и десять месяцев со дня рождения девочки: *«Отец был счастлив, много смеялся, трепал меня по голове и говорил, что, как только я подрасту, мы поедem путешествовать по Кавказу. Я сразу стал мечтать, как мы с ним вдвоем отправимся в дорогу»*.

Отец и сын не представляли себе в тот радостный праздничный вечер, как скоро им предстоят дороги в разные концы земли: Николаю Степановичу в набитом людьми товарном вагоне к гибели в чужой враждебной стране, его сыну — в далекий азиатский край в поезде, переполненном бегущими от войны.

Глава вторая

Война

Утром 22 июня 1941 года Жора Волосевич с матерью направлялись в нелюбимый пионерский лагерь, находившийся в селе Ракитное на реке Мжа. В то лето, к большому удовольствию мальчика, отправка в лагерь затянулась из-за плохой погоды. Но с 18 июня начались теплые дни, и в воскресенье мать с сыном сели в переполненный пригородный поезд. В 12:15 по громкоговорителю в вагоне выступил нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов, объявивший о нападении Германии на Советский Союз. Какой-то мужчина громко сказал непонятную для ребенка фразу: *«Вот тебе и “муссируют”... Вечно врут!»* — и зло выругался. На него сердито шикнула жена, и все сразу заговорили вполголоса. Позднее Владимов осознал, что это была ссылка на заявление ТАСС: «Еще до приезда английского посла в СССР г-на Криппса* в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о “близости войны между СССР и Германией”...

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необхо-

* Криппс Ричард Стаффорд (1889–1952) — посол Великобритании в СССР с мая 1940 года по январь 1942-го. От имени Великобритании подписал в июле 1941 года советско-британское соглашение о совместных действиях в войне против Германии.

димым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны (из заявления ТАСС // Известия. 1941. 14 июня)».

После правительственных заверений известие о нападении было огромным шоком.

Услышав о начале войны, Жора возбужденно объявил на весь вагон: *«Вот сейчас мы немцам набьем морду!»* Мать, прижав мальчика к себе, сказала ему на ухо: *«Тихо, сыночек, тихо, война!»*

Через три дня Мария Оскаровна забрала сына из лагеря домой. Бомбежки Харькова начались почти сразу, даже дети дежурили на крышах, сбрасывая зажигалки клещами. На площади Дзержинского лежал сбитый немецкий самолет. Все тащили детали, и Жора, отправившись на него посмотреть, тоже вынес колесико *«из какого-то необыкновенного металла»*, поразившее его легкостью. На улице возле домов копали рвы, накрывавшиеся бревнами, поверх которых насыпали землю, чтобы прятаться во время бомбежек. Окна заклеивали газетой крест-накрест от взрывных волн. В бомбоубежище спускались в противогазах, матери удалось достать для сына детский. *«Первые дни война казалась мне интересной, взбудоражила всех, изменила всю жизнь. Но начались бомбежки, и лежали в крови убитые люди на улицах, скорая увозила раненых, появились беженцы, и сделалось страшно»*.

3 июля 1941 года, стоя с матерью среди курсантов и офицеров училища, мальчик услышал из громкоговорителя запоздавшие слова Сталина: «Братья и сестры!» Тогда они показались ему *«пронзительными»*, вероятно, потому, что он проникся настроением толпы, внимавшей каждому слову вождя. Но много лет спустя он писал А.И. Солженицыну:

Речь Сталина 3-го июля я слушал 10-летним в Харькове, в толпе молодых командиров, вчерашних курсантов училища... завтрашних мертвецов либо пленных (ни одного я всю остальную жизнь не встретил); тут, разумеется, никто репродуктору не грозил, слушали угрюмо — и, как мне теперь кажется, улавливали некое обещание: вот, мол, отобьемся, победим, и все пойдет по-другому... Не так давно «Свобода» ту речь воспроизвела — Боже, ничего этого не было, никаких обещаний, ни удержанных слез, ни сдавленного дыхания, одно сухое бубненье с акцентом... Вот что с нашим восприятием делает время! (07.05.1993, FSO. АП*)

Хотя офицеров не отпускали, мать получила разрешение отвезти сына в эвакуацию. С ними в поезде для семей военных ехали бабушка Доня и младшая сестра матери Ида с маленькой дочкой Ниночкой. Дед умер незадолго до начала войны. 16 сентября Жора навсегда простился с отцом, в последний раз крепко прижавшим его к себе на перроне вокзала, и за месяц до оккупации Харькова выехал в Киргизию.

Поезд медленно двигался через Украину, Россию и Среднюю Азию, простаивая часами, чтобы пропустить военные эшелоны и товарные составы. Железную дорогу бомбили, трудно было доставать еду и воду, но с избытком хватало впечатлений.

Глядя из окна, мальчик увидел на одной из станций очень молодую черноволосую женщину с ярко-голубыми глазами, почти без вещей, с грудным ребенком на руках. Рядом стояли растерянные родители и старшая сестра, тоже с младенцем. Голубоглазая женщина вынула из полотенца и дала добродушному проводнику-татарину плату за проезд — набор серебряных ножей, вилок и ложек.

* См. Архивное приложение к главе 21.

Он покивал, взял столовое серебро и посадил всех в вагон. Еврейская семья бежала от немцев. Молодая женщина была в пространии и приходила в себя, только когда начал плакать ребенок. Чудом попав в один из последних уходящих к центру страны поездов, она потеряла все, кроме паспорта и серебра, свадебного приданого, которым расплатилась с проводником. Муж был в армии, и она не знала, жив ли он и где находится. Каждый раз, когда она хотела говорить, из нее вырывались рыдания, которые она с трудом подавляла. Крошечная, почти не плакавшая девочка ее старшей сестры умерла через несколько дней. Проводник-татарин принес наволочку, в которую, как в саван, завернул мертвого ребенка. И приняв от него в руки маленький белый сверток, мать девочки вдруг *«страшно, по-звериному завывла. И как ток горя пронесся по вагону от ее воя»*. Заголосили женщины, прижимавшие к себе громко плачущих детей, плакали, не прячась, старые мужчины, плакал проводник-татарин, гладивший безутешную мать по плечу и бессмысленно повторявший: *«Нитцево, нитцево, ты эта... эта...»* Это бормотание и общий плач впервые пронзили мальчика острым чувством происходящей катастрофы и чужого страдания: *«Я вдруг почувствовал соленый вкус на губах и понял, что тоже плачу. И что-то сдвинулось во мне, как будто заработала турбина*». С этого воя произошло мое писательское сознание. Я стал подсознательно все запоминать и все детали откладывать в памяти»*.

Отец семьи на следующий день тяжело заболел. Его жена с ним и старшей дочерью с мертвым ребенком на руках сошли на ближайшей большой остановке. Голубо-

* Я спросила Владимова, связана ли «турбина» со строчками Бориса Пастернака из стихотворения «Так начинают. Года в два...» о пробуждении детского сознания: «Так начинают понимать. / И в шуме пущенной турбины / Мерещится, что мать — не мать, / Что ты — не ты, что дом — чужбина...» Он ответил: «Да, возможно... Я, когда сказал, не думал, но, скорее всего, — оттуда».

глазая женщина осталась одна. Проводник-татарин отечески опекал ее, приносил сладкий чай, воду на остановках, сам готовил ей еду и отводил в свое купе, чтобы она могла покормить ребенка. Простирнув пеленки из разрезанной им простыни, она отжимала их, просила Марию Оскаровну подержать мальчика и выходила. Она сушила пеленки теплом своего тела, разложив их на животе. Когда она возвращалась, на ее платье было мокрое пятно: *«Так и осталась в моей памяти. Мадонна войны — заплаканное юное лицо и мокрое пятно на животе».*

Это путешествие оставило огромный след в мироощущении мальчика, часами смотревшего в окно с верхней полки плацкартного вагона. Впервые к десятилетнему Жоре Волосевичу пришло осознание огромных пространств, многоликой красоты природы и драматичности человеческих судеб: *«Это было настоящее познание страны и жизни».*

Поезд довез семью до Джамбула, откуда на стареньком автобусе они добрались до Фрунзе, а потом на попутных машинах и лошадях к конечному пункту долгого пути — киргизскому селу Чалдовар. В нем жило много лишенных имущества и высланных украинских кулаков. Вырванные из родных мест, вышвырнутые посреди киргизской степи, они были брошены умирать или выживать в чужом азиатском краю.

И стояли пришельцы,
Барахлишко сгрузив,
Кулаки да лишенцы —
Самый первый призыв!

Александр Галич.

«Фантазия на русские темы»

Некоторые во время коллективизации сами бежали из родных мест в Среднюю Азию в надежде уцелеть и сохранить хоть какое-то имущество.

На новом месте умелые и трудолюбивые мужики обжились и со временем построили беленькие украинские хатки. Молодые мужчины ушли на фронт, но ловкие украинские дивчины прекрасно справлялись с полевыми работами. В семьях не стихал конфликт поколений. «Старики неисправимы!» — с отчаянием говорили девушки-комсомолки об упорстве старшего поколения, не желавшего понимать преимущества коллективизации и советской власти. Матери глубоко вздыхали, отцы угрюмо усмехались молодому энтузиазму неразумного потомства.

Жоре и его семье, бабушке Доне, тете Иде и Ниночке, была выделена комнатка в одной из украинских хаток. На единственной постели спали бабушка с девочкой. Мальчик и тетя Ида устраивались на ночь на узлах. Стола в комнате не было, ели на чемодане. Хозяева жалели детей, делясь иногда густым борщом, вяленым мясом и варениками.

Кроме киргизов и украинцев, в селе жили высланные чеченцы, державшиеся особняком. В письме дочери Марине Владимов вспоминал, как в 1941-м, вскоре после приезда, десятилетним мальчишкой «сверзился в арык и готов был предстать пред Божьим престолом — будучи омытым, но не причастившимся, — и мальчик-чеченец из ссыльных, старше меня года на два, кинулся в поток и вытащил» (04.10.1995, FSO).

Рабочих в колхозе не хватало, и школьники помогали после занятий. Рослый и сильный Жора, научившись управлять волами, стал возчиком, небожно нахлестывал волов вожжами и громко, с удовольствием цокал и покрикивал. Совхоз выращивал сахарную свеклу и поставлял ее в районный центр на сахарный завод. Обратно из города везли свекольный жом на корм скоту. Мальчику платили копейки за набегавшие трудодни и иногда давали продукты: *«Я гордился и чувствовал себя кормильцем, хотя жили мы голодно»*.

Впечатления жизни и работы в колхозе навсегда остались в памяти, уже в детстве зародив в нем сомнения в эффективности колхозной системы, что в будущем было замечено органами госбезопасности.

Оставив сына с родными в Чалдоваре, Мария Оскаровна уехала к новому местонахождению училища в Саратов. Во время войны преподавание русского языка и литературы в военных училищах было отменено, поэтому на новом месте мать работала заведующей библиотекой. В 1942 году, получив ведомственную комнатку, Мария Оскаровна выхлопотала разрешение съездить за сыном и привезти его из Киргизии. Он был счастлив возвращению к жизни с ней в военном городке.

Неподалеку от училища была городская тюрьма, а через дорогу — кладбище, где хоронили узников. Никто не сомневался в том, что они были уголовниками. Наклонив кузовок набок, солдаты сваливали голые мертвые тела в неглубокую яму, забрасывая сверху комьями земли. Истощенность трупов поражала даже в голодное военное время. Мать, не выдержав, подошла однажды к солдатам, почтительно откозырявшим при виде ее капитанских погон. *«Как же вы их швыряете... даже могилу не выкапываете?»* — с упреком сказала она. *«Так ведь нам лишь бы землей присыпать, товарищ капитан. Начальство не заругает, а мертвые не придерутся, им-то что...»* — лениво ответил один из конвойных*. Позднее Владимов узнал, что зимой 1943 года в той саратовской тюрьме умер от голода основоположник советской генетики академик Николай Иванович Вавилов**. Уже взрослым Владимов не раз думал о том, что они с матерью, возможно, были един-

* Такая «не могила, а неглубокая ямка» появилась позднее в сцене казни заключенного в «Верном Руслане» (Владимов Г. Собр. соч. Т. 1. С. 300).

** По официальным данным, Н.И. Вавилов умер 26 января 1943 года в Саратовской тюрьме № 1.

ственными свидетелями страшных похорон великого ученого.

Во время летних лагерей весь состав училища жил в палатках вблизи аэродрома, откуда взлетали бомбардировщики, направлявшиеся к Сталинграду. Немецкая авиация регулярно бомбила аэродром. Осколки сыпались на лагерь, пробивая брезент палаток. Когда начиналась атака, сын с матерью, взявшись за руки, ложились на пол под кровать, и мать старалась прикрыть его своим телом. Уже взрослым Владимов рассказал Марии Оскаровне, что он молился, чтобы его убило, если она погибнет. Мать вдруг заплакала. Коммунистка и убежденная атеистка, она тоже молилась памятными с детства словами еврейской молитвы — чтобы выжил сын*. *«Очень страшно было... Но Бог спас».*

В январе 1943 года Жора Волосевич решил, что *«...пришла пора защищать Отечество — во мне проснулся Петя Ростов»*. Сговорились с другом вместе убежать на фронт. Тайно сушили хлеб и копили сахар, возбужденно обсуждая маршрут. Благоразумный друг в последний момент испугался. Но Жора не отступил и, прихватив мешочек с сухарями и несколькими вареными картофелинами, направился *«прямо к Сталинграду»*. *«Компаса у меня не было, но к Сталинграду летели тяжело нагруженные бомбардировщики, а при полете назад звук был другой — они летели пустыми»*. С наступлением темноты полеты прекратились, замела поземка, и мальчик заблудился. Замерзнув и устав от колючего ветра и долгого пути, он собирался забраться

* В интервью, записанном мной, а также в рассказах дочери и некоторым знакомым Владимов излагал немного другую версию: они оба молились, чтобы если погибнуть, то вместе. Но однажды мы заговорили о том, что в кризисных ситуациях неожиданно проявляется заложенное с детства, и тогда он вдруг сказал мне, что мать во время бомбежек быстро-быстро бормотала на незнакомом языке — молилась *«по-еврейски»*.

в снег, что окончилось бы трагически. Но тут раздался шум шедшей мимо поля танковой колонны. Вылетев на дорогу, продрогший беглец попросился в танк. Танкисты, понимая, что ребенок погибнет, взяли его внутрь, по рации сообщив о происшествии командиру. Пока, воображая себя *«сыном полка»*, отогревшейся вояка перекусывал и пел экипажу военные песни, подкатил на «виллисе» командир. Забрав смельчака, он повез его назад в Саратов. *«Мать вся дрожала, переволновалась»*, — вспоминал Владимир. *«Вы воспитали героя, но воевать он пока еще маленький»*, — в утешение сказал командир Марии Оскаровне и уехал, почтительно откозыряв. И Жора опять начал ходить в школу, где учителя, посматривавшие на него с любопытством, уделяли ему больше внимания. Мать старалась проводить с ним побольше времени, они читали вместе и разговаривали о литературе: *«Я эти часы с ней очень любил. Она и сама писала стихи и остро чувствовала каждое слово. Стихи Пушкина были частью ее речи, и это я перенял»*.

* * *

Самой тяжелой военной потерей была для Владимира гибель отца. Николай Степанович Волосевич с семьей не успел эвакуироваться, так как был сразу мобилизован на строительство оборонительных сооружений под Харьковом. Но немецкие войска наступали с такой быстротой, что оставленные в городе люди построить толком ничего не успели и уехать им не удалось. Белла Зиновьевна, кроме того, очень боялась, что в переполненных поездах ребенок может заболеть. Волосевичи решили, что, беспартийные школьные учителя, они не будут представлять для немцев особого интереса и дождутся скорого освобождения Харькова советскими войсками. Одним из последствий пакта Молотова — Риббентропа было отсут-

ствие у населения информации о действиях и идеологии фашистов, в частности о расовом вопросе, что привело к гибели многих людей.

«Если бы в советских газетах говорилось, что, когда гитлеровские войска занимают города, они истребляют евреев, то, вероятно, это бы подвигло большинство евреев на эвакуацию. Но в советских газетах сообщалось, что вот в Минске расстреляно 12 тысяч мирных советских граждан, но ни слова, что они евреи. Конечно, в написанное никто не верил: ну почему немцы должны расстрелять 12 тысяч мирных советских граждан? Так что часть вины за гибель евреев на оккупированных территориях лежит и на советском правительстве, оно могло воспользоваться если не прессой, то другими какими-то способами, чтобы информировать еврейское население о том, что его ожидает в случае прихода немцев. Этого не было сделано»*.

Оккупировав Харьков 24 октября 1941-го, немецкие власти провели перепись населения, заноса евреев в особые списки. В декабре все евреи города были «приглашены» явиться на Харьковский тракторный завод: «Для защиты от украинского населения», — как гласил указ. Часть населения в самом деле проявляла такой антисемитский пыл, что приглашение даже не казалось особенно подозрительным. Белла Идлин пошла, оставив маленькую дочь на попечение мужа.

На территории завода скопилось около 30 тысяч человек. Отец ходил навещать жену каждый день. Вход на территорию завода был закрыт, так что видеть родных можно было только издали. Часовые позволяли перебрасывать через забор еду и одежду. Подойдя однажды к заводу, отец увидел толпу

* Романов Е. В борьбе за Россию. Воспоминания. М.: Голос, 1999. С. 53–54.

растерянных людей. Территория была пустой. Как выяснилось позднее, все находившиеся во власти оккупантов люди, в большинстве евреи, были ночью вывезены и расстреляны в большом овраге за городом. Тела были свалены в большую яму и засыпаны землей (ГВ).

Я воспроизвожу дословный рассказ Георгия Николаевича, услышанный им от бабушки, матери Николая Степановича, и сестры отца Веры. По сохранившимся документам известно, что расстрелы проводились ежедневно партиями по несколько сот человек. К концу февраля все обитатели харьковского гетто были уничтожены. Вместе с евреями были расстреляны пленные красноармейцы и пациенты из домов скорби. Точное число убитых неизвестно, по официальным данным, 16–20 тысяч человек. Дробицкий Яр был одним из самых массовых мест Холокоста в Украине.

Вскоре после этой трагедии, зимой 1942 года, Николай Степановича угнали на принудительные работы в Германию. Его письма оттуда родителям аккуратно доставлялись*. Николай Степанович работал токарем на военном заводе по четырнадцать часов в день. Режим был строгим, кормили плохо, везде водили под охраной солдат и собак: «Собаки всегда играли большую роль в моей жизни». Последнее письмо от отца, датированное 1943 годом, пришло из концлагеря, находившегося поблизости польского города Пила (Piła), называвшегося тогда по-немецки Шнайдемюль (Schneidemühl). Георгий Николаевич думал, что Николай Степанович погиб при авиационном налете в июле 1943 года. Лагерь был полностью разбомблен в 1944-м, так что никакой документации не осталось.

* По словам Леонида Дмитриевича Стонова, когда его двоюродную сестренку Алену Волосевич в 1944 году привезли к ним из Украины, где она жила со стариками Волосевичами, она сказала: «Мы ждем писем от папы Коли».

По предположениям Владимова, бомбила советская авиация: *«Англичане и американцы такие лагеря не бомбили, опасаясь, что там содержатся их пленные летчики»*. Владимов с помощью Константина Симонова пытался узнать о судьбе отца несколько раз, но поиски были безрезультатны. Позднее от имени матери был послан еще один запрос, и сохранился полученный Марией Оскаровой ответ Международного союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца: «Нами был произведен розыск Вашего мужа Волосевича Николая Степановича за пределами Советского Союза, но установить его местонахождение или судьбу, к сожалению, не удалось» (29.11.1962, FSO).

После гибели матери и депортации отца маленькая Алена оказалась у родителей Николая Степановича. Но ее дедушка боялся, что в доме жила внучка полуеврейка, и настоял, чтобы ребенка отдали в немецкий детский дом. Волосевичи сказали немецким властям, что у черно-волосой Алены грузинские корни. Алена там очень болела, перестала есть и разговаривать. Мать Николая Степановича, несмотря на скандалы и сопротивление мужа, после нескольких месяцев забрала больную, совершенно травмированную девочку из детдома.

В 1944 году в освобожденный Харьков приехала артистическая бригада, в состав которой входила пианистка Елизавета Эммануиловна Лойтер, подруга Анны Зиновьевны Идлин, старшей сестры Беллы. По просьбе Анны Зиновьевны она с большим трудом отыскала Алenu у стариков Волосевичей. Елизавету Эммануиловну поразила нищета дома. На полу в разорванной рубашечке сидела прозрачно-худенькая девочка с огромными темными глазами. Дома вначале была только бабушка, сразу согласившаяся отдать ребенка родственникам в Москву, чтобы спасти от голода. Физически истощенная, с полной вшей головкой, Алена была в очень плохом состоянии. Е.Э. Лойтер при-

везла ее в Москву в своей пижаме, осторожно давая в дороге по ложке меда в день*. Анна Зиновьевна Идлин и ее муж, друг Николая Степановича писатель Дмитрий Миронович Стонов, у которых был сын Леонид, официально удочерили Алену после войны, и она стала Еленой Дмитриевной Стоновой. В семье Стоновых ее очень любили, она обожала родителей и была очень близка с Леонидом.

Во время своей работы в «Новом мире» Владимов встречал Д.М. Стонова и относился к нему с огромной теплотой и симпатией. Но об Алене они никогда не заговаривали. Владимов был уверен, что Елена Дмитриевна ничего не знала об их родстве и считала Стоновых своими настоящими родителями:

У нее был дом, отец, мать и брат Леня, дружная, теплая, любящая семья. Что я, тогда бездомный и нищий мог предложить взамен? Нашего отца, с оккупированной территории угнанного в Германию и пропавшего без вести? Мою мать, только что вышедшую из ГУЛАГа? И я решил оставить как есть, не травмировать ее. Потерял на войне обоих, отца и сестру (ГВ).

По свидетельству Леонида Дмитриевича Стонова, когда Владимов стал широко известен, Елене Дмитриевне рассказали, что писатель и диссидент — ее единокровный брат. Однако она решила, что «знаменитый и богатый», как ей казалось, Владимов может не поверить, что раньше она была в полном неведении о своем происхождении, и неверно истолковать ее попытку установить поздний родственный контакт с известным писателем.

* Ковальская (Френкель) М. Вспоминая прошлое. Алена. Посвящается памяти моей любимой мамы Елизаветы Эммануиловны Лойтер. https://www.tau.ac.il/~levant/kovalskie/Vspominaya_proshloe.pdf.

И категорически отказалась от знакомства*. В 1988 году Елена Дмитриевна, химик по профессии, с семьей эмигрировала в Израиль, где умерла от лейкемии в 1995-м.

Среди архивных фотографий Владимирова есть снимок Елены Стоновой-Кричевской с Леонидом, Наталией и Александром Стоновыми, сделанный в США. В 1996 году в Бостоне Александр Стонов передал Георгию Николаевичу эту фотографию. На вопрос, знает ли Владимир, кто женщина на фотографии, Владимир ответил: «Это моя сестра Лена». Тогда же он узнал от Александра о ее смерти. Эта фотография хранится в архиве среди его бумаг. На обороте написано владимовской рукой: «*Елена Стонова-Кричевская. Моя единокровная сестра*» (FSO). Лев Наумович Кричевский рассказал мне, что после смерти Елены Дмитриевны среди ее бумаг обнаружилась папка с надписью «Владимов», в которой она хранила публикации и статьи о своем знаменитом, но незнакомом брате.

Такова бесконечно печальная история не-встречи двух родных людей, чьи судьбы были навсегда разорваны трагедией войны.

* Трудно точно сказать, когда Елена Дмитриевна Стонова узнала свою историю. После войны Стоновых посетила Ирина Волосевич, двоюродная сестра Владимирова, которая приехала из Харькова и хотела знать, как живет девочка. Она попросила разрешения взять Алену на прогулку, и Стоновы, хотя и очень беспокоились, чувствовали себя не вправе ей отказать. Неизвестно, что именно она рассказывала Алене. М.И. Ковальская также пишет, что соседи во дворе «просветили» Алену, когда она окончила школу. Но она очень любила Стоновых, и информация соседей никак не повлияла на отношения в семье.

Глава третья

Волчонок Берии

Побег своевольного сына в Сталинград на фронт смертельно испугал Марию Оскаровну: *«Она, наверное, тогда поняла, как трудно воспитывать растущего мальчишку одной, без отца»*. Весной 1943-го в газетах появилось сообщение, что по стране открывается одиннадцать суворовских училищ по типу старых кадетских корпусов. Девять из них были армейскими и туда набирались сыновья погибших офицеров. В двух других, принадлежавших ведомству НКВД, готовились младшие офицеры пограничных войск, и места в них предназначались для детей сотрудников органов госбезопасности. Выпускники направлялись на работу начальниками погранзаставы или командирами пограничных катеров, но наиболее способные могли рассчитывать на службу в контрразведке, военную или дипломатическую работу. Мария Оскаровна предложила сыну поступить в одно из них, надеясь, что это успокоит его военные порывы. Жора согласился с восторгом: *«Я сразу возмечтал, как стану разведчиком, генералом и кавалером всех орденов»*. Документы были посланы в Суворовское училище пограничных войск в Кутаиси, где «поздней осенью 1943 года 12-летний мальчик надел черную униформу с голубыми погонами»*.

Жора Волосевич, попав в 6-й класс первого набора, проучился в училище пять лет. Мать вначале очень тоско-

* Владимир Г. Долог путь до Типперэри. М.: Вагриус, 2005. С. 23.

вала без него и писала нежнейшие стихи, которые он хранил всю жизнь:

Улетел мой скворушка,
Опустел мой сад.
Скворушка-Егорушка,
Воротись назад...

1943, Саратов (FSO)

В 1944 году Марии Оскаровне удалось перевестись на работу в училище в Кутаиси: курсантам преподавались русский язык и литература, и она мотивировала желание перевода возможностью работать по специальности. С ее приездом литературная жизнь в училище оживилась. Она сразу устроила для курсантов лекцию «Пушкин на Кавказе» и стала выпускать газету «Суворовец». Владимов вспоминал, что вместе с матерью написал стихотворение для 1-го номера этой газеты. Мария Оскаровна сохранила первый литературный опыт тринадцатилетнего сына. Я приведу его начало:

Суворовец, стой! Разве ты не слышал?
В училище нашем выходит журнал.
Об этом немедленно должен ты знать,
Чтоб сразу активным участником стать.

Как в зеркале чудном журнал отразит
Всю жизнь нашу: отдых, учебу и быт.
Ты, верно, мечтаешь о нем уж давно...
«Суворовец» — славное имя его...

Май 1944, Кутаиси (FSO)

Исходящий от матери литературный импульс был очень важен для подраставшего сына, который благодаря ей *«почувствовал вкус сочинительства»*. Увидев в стенной газете свои неумелые строчки и стайку восхищенных

курсантов, читающих их вслух, Жора Волосевич решил свою судьбу — он будет не только полководцем, но и поэтом. И на следующий день сообщил матери свой литературный псевдоним. В честь Маяковского он будет подписывать свои стихи — Владимов*. Его детская мечта осуществилась лишь отчасти: он не стал ни полководцем, ни поэтом, но стал Владимовым.

О жизни в кутаисском училище подробно рассказано в последней неоконченной повести Владимова «Долог путь до Типперэри». Опыт пребывания в закрытом коллективе училища, находившегося в стране другой культуры и языка, кажется странным ретроспективно-зеркальным отражением будущей жизни и опыта писателя в эмиграции. Сходная отвлеченность от окружающей культуры, жизнь в замкнутом пространстве и неприятие, отсутствие живого интереса к местным традициям и жителям. Для него Грузия была «чужая страна»: «Я не предвидел, что мне придется жить в чужой стране, посреди чужого языка, чужих обычаев и повадок, и это будет мучительнее тюрьмы или лагеря...»** Обитатели древнего кавказского города вызывали у курсантов «брезгливость» и неуважение. Грузины, грузинские евреи и даже их дети были «чужими», и на них смотрели свысока. Лихостью считались воровство в их садах, насмешки над их дочерьми, а в случае столкновений никто не пытался найти правых и виноватых: «чужих» полагалось бить, от них следовало защищать «своих».

Курсант Жора Волосевич учился с удовольствием. Условия жизни в Суворовском были, по меркам голодно-

* Владимов рассказывал дочери Марине и Льву Аннинскому другую версию этого псевдонима. По его словам, он посылал свои ранние статьи под разными именами во многие издания, но журнал «Театр» впервые принял к публикации статью о пьесах А. Софронова, подписанную «Владимов». Нужно сказать, что это версия никак не противоречит рассказанной мне.

** Владимов Г. Долог путь до Типперэри. С. 34.

го и нищего военного времени, очень хорошими. Позднее Владимов осознал, что в армейских училищах *«и кормили похуже, и сукно было потоньше»*. Официальный патрон пограничных суворовских училищ Лаврентий Павлович Берия заботился о своих *«волчатах»*, как он любовно называл курсантов, ожидая из их рядов достойного пополнения своих кадров. *«Я не знаю, откуда, из каких питомников ТУДА набирают людей, но из наших ребят в органы ни один не попал»*, — комментировал Владимов.

Уровень преподавания был высоким. Учителя шли на работу в Суворовское охотно: платили за звание, полагался приличный паек, зарплата была выше обычной преподавательской. В училище царил культ Суворова, и военная история, очень интересовавшая Жору, изучалась серьезно и детально. Особой идеологической муштры не было, *«все в обычных дозах»*. Среди ребят даже *«цафила легкая фронда»*. Офицеры, воспитатели и преподаватели вполне откровенно делились с курсантами своими воспоминаниями о войне. Бывшие боевые офицеры, они почти все имели серьезные ранения, последствием которых был частичный паралич, слепота или тяжелая психическая травма. Их повествования не были *«идеологически выдержаны»*, и юным слушателям становилась ясна разница между официальной пропагандой и беспощадной военной действительностью.

Спорт был важной частью образования курсантов, на него отводилось по несколько часов в день. Занимались строевой подготовкой, штыковым боем, выезжали на стрельбища. В старших классах была введена конная езда и шашечный бой. На скаку срезали лозу шашками, стреляли из пистолета и винтовок, учились обращаться с пулеметом. В Кутаиси они много занимались на снарядах в гимнастическом зале, что Жора не особенно любил. Но позднее начались лыжные переходы, бег, велосипед, и он расцвел, получив даже грамоту *«За образцовое преодоление трудностей лыжного перехода»* (FSO). Переход был 50 кило-

метров, двигались при полном вооружении, с винтовкой и вещмешком.

В 1946 году, переехав в Петродворец, училище стало называться Ленинградским суворовским пограничным военным училищем МВД*. Курсанты строем прошли через разрушенный город. Первое, что они увидели на территории училища, — трофей войны, огромный подбитый немецкий танк. Владимир сохранил стихотворение матери о ее первом впечатлении, строфу которого я приведу:

Снаряды, и щебень, и камни,
Как боль незакрывшихся ран...
И призрак сражений недавних —
Фашистский изломанный танк...

М. О. Зейфман.

«Воспоминание». 1952. (FSO)

Этот «фашистский изломанный танк» сыграл впоследствии большую роль в судьбе Жоры Волосевича и его матери.

В Петродворце курсанты увидели пленных немцев, работавших на строительстве. В бытность генерал-лейтенантом на русской службе Карл Густав Маннергейм** построил военный городок с коттеджами и казармами, разбомбленный во время войны. Пленных пригнали для его восстановления. Они не проявляли большого рвения, работали «*вполфуки*», и строительство продвигалось медленно: «*Я тогда понял: раб не работник. И ведь, подумайте,*

* Постановление Совета министров СССР о переименовании училища было принято 4 мая 1946 года.

** Маннергейм Карл Густав (1867–1951) — генерал-лейтенант русской армии до апреля 1917 года, с декабря 1917-го вернулся в Финляндию, был верховным главнокомандующим финской армии во время советско-финской и Второй мировой войны, президент Финляндии (1944–1946).

сколько работающих Иванов Денисовичей бессмысленно угробила эта система. Какую страну они могли бы построить!» В военном каре городка, где находилось училище, был отведен специальный угол, огороженный двойной колючей проволокой, в котором жили пленные немцы. Общение с ними курсантам было строжайше запрещено.

У Владимирова на всю жизнь остались очень теплые воспоминания об училищном братстве мальчиков: жизнь в ограниченном пространстве, общие интересы, впечатления и учеба сближали их. По окончании Суворовского в течение двадцати лет те, кто мог прийти, «*гудели*» в ресторане «Прага» в Москве каждое 20 сентября, в день открытия училища. Среди них не было Геннадия Панарина, лучшего друга Владимирова. Он погиб в 1952 году на пограничной заставе. Старший лейтенант Панарин вез солдат в кузове грузовика и — согласно инструкции — сидел около кабины спиной к движению. Они проезжали через старый ручной шлагбаум, и пьяный управляющий солдат выпустил его из рук. Шлагбаум разможил Геннадию затылок и два позвонка. Ему было двадцать три года. Геннадий умер, не приходя в сознание, через четырнадцать часов. Мария Оскаровна целую неделю не говорила об этом сыну, зная, как трудно ему будет пережить гибель первого и очень любимого друга. Незадолго до этой трагедии Геннадий женился на девочке, с которой познакомился на одном из балов в Суворовском, куда приглашались женские школы. Владимиров много лет вплоть до эмиграции поддерживал связь с вдовой своего погибшего друга.

С Геннадием Панариным его связывала не просто первая детская дружба и творческий опыт, но и первый конфликт с безжалостной машиной сталинского режима, имевший огромные последствия для судьбы, мировоззрения и мироощущения будущего писателя.

Глава четвертая

Поход к Зощенко

Ах, какая странная эпоха,
Не горим в огне, а тонем в луже.
Обезьянке было очень плохо,
Человеку было много хуже.

Александр Галич.

На сопках Маньчжурии
(Памяти М.М. Зощенко)

Жизнь в Суворовском училище была наполнена не только тренировками и учением. Здесь Владимир встретил свою первую любовь, прехорошенькую польскую девочку Веронику Масевич, «дочку англичанки», как называли ее поголовно влюбленные в нее курсанты. Ее мать Зинаида Эдмундовна преподавала английский язык, и разыгравшееся романтическое воображение суворовцев возвело ее в ранг «бывшей шпионки». Отец Вики Александр Масевич работал в органах госбезопасности и, как много позднее узнал Владимир, был расстрелян в 1937-м «за жестокость». Вика, как и Жора, росла без отца.

Под влиянием нахлынувшей влюбленности Владимир начал писать стихи: «...*несамостоятельные, под Маяковско-го*». Они затеяли с Гёной Панариным большой утопический роман об идеальной стране Юнгландии со столицей Типперэри, где сбывается все, чего душа пожелает: «*Все*

то, что не устраивало нас на нашей родине, мы исправляли и вносили в жизнь на родине своей мечты»*. Название столицы было взято из ирландской песенки «Долог путь до Типперэри», популярной в британской армии во времена Первой мировой войны**. Но творчество друзей вскоре зашло в тупик: в их замечательной стране при полном отсутствии неприятностей «не происходило решительно ничего интересного». Утопия им быстро наскучила, и роман был заброшен. Но раз приобщившись к перу, подростки почувствовали себя «пишущими людьми, братьями по литературе», и их не совсем обоснованная цеховая гордость привела к неожиданным последствиям.

Геннадий был на два года старше Георгия и следил за событиями, происходившими в стране, осмысливая их и делясь своими соображениями с другом. Местом уединения, где велись душевные разговоры подальше от недремлющего ока взрослых, была прокуренная внутренность подбитого немецкого танка. «Курцы» выдыхали табачный дым в пушку, и выходящий оттуда дымок был едва заметен снаружи. Курение строго преследовалось, могли посадить в карцер или даже подвергнуть страшному наказанию — обрить наголо, что означало: на следующей бал, куда приглашались девочки из соседней школы, придется идти с бритой головой.

Учась в Суворовском, мальчики были очень заинтересованы делом А.А. Власова. Предательство генерала — когда-то героя войны и любимца Сталина — беспокоило

* Владимир Г. Долог путь до Типперэри. С. 68–69.

** Песня «Долог путь до Типперэри» была хорошо известна в Советском Союзе. Она исполнялась в первом звуковом фильме Якова Протазанова о Гражданской войне «Томми» (1931) и в фильме Семена Тимошенко «Снайпер» (1931). Песня цитируется также в поэме В.В. Маяковского «Хорошо!»: «Как над серыми хатами огненные перья и руки холеные туго у горл. Но... “итс э лонг уэй ту Типерери, итс э лонг уэй ту го!”» (строки 1570–1580).

и интриговало их. Смертный приговор Власову и его поделщикам, вынесенный закрытым военным судом, был приведен в исполнение 2 августа 1946 года. Георгий и Геннадий не были удовлетворены: *«Власов же не был просто трусом, это он много раз доказал... Боевой генерал и пошел на такое предательство. Ведь было же у него какое-то объяснение. Он должен был его сказать всему народу. Почему же его не судили открытым судом?»* — недоумевали мальчики, до которых донеслось эхо открытых процессов 1930-х годов.

А когда 14 августа 1946 года в «Правде» было опубликовано постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», ребята как-то «поежились», и Гена прокомментировал: *«Какое-то странное сближение...»* В те августовские дни, по словам Владимира, *«это производило впечатление какого-то 25-го кадра в кино, когда вклеивают слово, прочесть его вы не можете, но возникает подсознательное ощущение страха, тревоги»*. 4 сентября 1946 года Анну Ахматову и Михаила Зощенко исключили из Союза советских писателей. Позднее Вениамин Каверин писал: «Так до сих пор и остается загадочным, чем было вызвано постановление ЦК от 14 августа 1946 года “О Журналах «Звезда» и «Ленинград»”. О причинах внезапного нападения на Зощенко, Ахматову, “Серапионовых братьев” можно было только догадываться — по меньшей мере о причинах непосредственных, частных. Эти частные причины ничего не значили перед общей и даже всеобщей. Вот ее-то теперь, через тридцать лет, мне кажется, можно назвать. Без полной уверенности, что можно. Эта общая причина заключалась в том, что сразу поле войны, после победы, унесшей миллионы жизней, в обществе наступила пора определенных надежд. Это были надежды на “послабление”, на заслуженное доверие, на долгожданную человечность, на естественную, после всего пережитого, мягкость. По этим-то надеждам и решено было ударить, а так

как в русской литературе во все времена и при любых обстоятельствах выражалась (или хотя бы бледной тенью отражалась) душа народа — в эту душу и были решено вонзить отравленный нож»*.

Удар этого «отравленного ножа» остро почувствовали два подростка. Зощенко мальчики читали и любили. После всей ругани, обрушившейся на него, они еще раз раздобыли книжку его рассказов. Читали вслух, собравшись в комнате Вики, в которую к тому времени Гена тоже влюбился. Рассказы Зощенко казались очень смешными, яркими и талантливыми. Разговаривая друг с другом: «Погода пошлая, безыдейная и аполитичная»**, — мальчики передразнивали текст правительственного постановления: «...Зощенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности»***. Считая себя «писателями», они были глубоко оскорблены «за коллегу и офицера»: «Власти постановили, что Зощенко хулиган, клеветник, подонок, пошляк — с изумлением встречаешь в наши дни эти ругательства в официальном документе...» — писал В. Каверин****. По словам Владимова, у ребят было ощущение, «как будто в нашего друга плюнули, и брызги попали нам в лицо». Их чувство чести и достоинства было оскорблено, и мальчики приняли решение, навсегда изменившее их жизнь, — навестить Зощенко, чтобы лично выразить ему свое восхищение: «Чем больше его ругали, втоптывали в грязь, тем боль-

* Каверин В. Эпilog. М.: Аграф, 1997. С. 70–71.

** Владимов Г. Долог путь до Типшерэри. С. 45.

*** Постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14.08.1946 № 274 было опубликовано в газете «Правда» 21.08.1946. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/journal.htm>.

**** Каверин В. Эпilog. С. 76.

ше нам хотелось — пожать ему руку, высказать уважение»*.

Встал вопрос, идти ли к Ахматовой, стихов которой мальчики не читали, и в библиотеке Суворовского училища ее книг не было. Набор выражений «то ли монахиня, то ли блудница», «религиозно-мистическая эротика» и т. п. был очень далек от лексики курсантов. Мальчики хотели «*прояснить, насколько оскорбительными были эти слова для Ахматовой*». Решили спросить непререкаемого эксперта по женскому вопросу — пятнадцатилетнюю девочку Веронику. Вопрос был задан в «косвенной» форме: как бы она, Вика, отнеслась к тому, что о ней бы... Загадочно сощутив глазки, едва ли больше своих обожателей понимавшая, о чем идет речь, прелестница протянула: «*А что... Это было бы о-о-очень интересно...*» Из чего был сделан окончательный вывод, что Ахматову «не особенно обидели» и идти к ней необязательно.

К Зощенко было решено явиться в зимней форме суворовского училища, чтобы дать понять:

Его поддерживает и приветствует армия. Можно было надеть белую летнюю форму, но гимнастерки всегда выглядели жеваными, складки на них держались плохо, мялись от ремня, к тому же на фуражку полагался дурацкий белый чехол... Но мы хоть и были два идиота, все-таки сообразили, что он может испугаться. Не сам Зощенко, он — храбрый человек, боевой офицер и ничего, конечно, не боится. Но жена может подумать, что мы пришли его арестовывать. Мы не понимали, что мы еще маленькие, кто стал бы нас пугаться? (ГВ)

* Владимир Г. Долог путь до Типперэри. С. 47.

История о походе к Зощенко легла в основу первой неоконченной части «Долог путь до Типперэри» из задуманной автобиографической трилогии Владимова. Я приведу рассказ об этой истории таким, как я услышала и записала его со слов Владимова. Почти все подробности совпадают с книжными, но есть и некоторые дополнительные детали.

Посоветовавшись в танке, мальчики решили пригласить с собой Вику, попросив ее надеть белую кофточку — *«для успокоения жены»*. Девочка отнеслась к походу очень ответственно и оделась во все в белое, даже выпросив у матери новые белые туфельки на каблук. Лишь красный беретик красовался на светлой головке, и *«получались цвета польского флага»*. В бюро Госсправки без труда выяснили адрес Зощенко: канал Грибоедова, дом 9, квартира 122 (позднее Зощенко переехал в квартиру 119 того же дома, где сейчас находится его музей).

Направляясь вдоль канала к дому писателя, мальчики несколько *«сдрейфили»*. Появилось смутное опасение, что *«совершаем мы какой-то антигосударственный акт»*. День был пасмурный, холодный, от канала веяло сквозной сыростью, и хотелось повернуть назад. Но рядом в белом и красном вышагивала зеленоглазая длинноногая девочка — и отступить было невозможно.

Дверь открыла женщина, вероятно, жена Зощенко. *«Миша, это к тебе»*, — сказала она, впустив подростков, и ушла на кухню, продолжая прерванный разговор с сидящими там людьми. Зощенко был очень любезен со своими неожиданными гостями, но находился в таком подавленном состоянии, что в ответ на их военное приветствие и утешительные слова, стал растерянно уверять гостей в своей преданности советской власти. Вспомнил, что воевал с бандами Махно в Гражданскую войну, проливал кровь. Говорил, что не понимает, что антисоветского усмотрели в его произведениях: *«...может быть, за границей что-то сказали»*. Ребята попросили почитать повесть *«Перед заходом солнца»* и рассказ *«Приключения обезьянки»*, которые упоминались в постановлении, но Зощенко сказал, что у него дома их нет. Он был очень бледен, что, как позднее узнал Владимов, было следствием немецкой газовой атаки в Первую мировую войну. Но в тот августовский день им показалось: *«сидит*

бледный, потерянный человек, говорит тусклым голосом». Через полчаса подростки ушли, тоже подавленные.

Каверин со слов Зоценко упоминает об этом визите в своих мемуарах: «Вдруг он рассказал почти весело, с добрым лицом, как вскоре после доклада Жданова к нему пришли три суворовца с одной девочкой шестнадцати–семнадцати лет — пришли, чтобы “отдать дань уважения” (так было сказано), — и он поспешил выпроводить их из квартиры.

— Хорошие мальчики, — тепло улыбнувшись, сказал он, — фуражки держали по форме на локте левой руки. Я за них испугался.

Он недаром испугался за мальчиков. По приказу Главного штаба специальная комиссия приехала в Ленинград для разбора этого дела»*.

Один из них, Каверин или Зоценко, напутал, говоря о «*трех суворовцах*» и о том, что их исключили из училища. Владимов подробно писал об этой и других деталях в книге «Долог путь до Типперэри».

Вернувшись после посещения писателя, троица уселась в Вероникиной комнате и, вытащив книгу рассказов Зоценко, принялась читать вслух. Ребята очень развеселились, и тут начался второй акт драмы: «В мои пятнадцать лет я, кажется, впервые узнал, сколько в мире предательства — и самого бескорыстного, безвыгодного»**. В каждой комнате ведомственных коттеджей были двери, соединявшие ее с соседним помещением. Двери были заложены тонкой, в один кирпич, кладкой, не доходившей до верха, так что звуки проникали из комнаты в комнату довольно беспрепятственно. После ухода мальчиков Вероника вышла на кухню, куда выскочила соседка с вопросом: «*Над чем это вы так смеялись?*» И девочка доверчиво ответила: «*Мы Зоценко читали*». «А можно посмо-

* Каверин В. Эпилог. С. 86–87.

** Владимов Г. Долог путь до Типперэри. С. 54.

треть?» — попросила та. Вика любезно вынесла книгу. Взяв ее, соседка «...сняла передник, вымыла руки и шею и с книжкой почала в политотдел»*.

По ее доносу в начале сентября обоих суворовцев вызвали «на ковер». «По молодой дурасти» ребята не только соznались, что они читали крамольного писателя, но и добавили, что были у него в гостях, о чем до сих пор никто из начальства не подозревал. Владимов писал позднее, что мотивом их признания был страх: «Лучше мы сами на себя донесем, это нам зачтется... Мы не просто были дураки, а дураки круглые»**. Такого немыслимого афронта никто от «волчат» не ожидал. Разразился грандиозный скандал. Из Москвы специально приехал полковник Антон Лаврентьевич Гордиевский***, кричавший на ежедневных допросах, что Георгий и Геннадий «опозорили погоны армии». Они вызывались в кабинет по одному.

«Ты мне скажи, — возмущался Гордиевский, — для чего вы пошли к этому подонку, хулигану?» «Мы решили пойти, поговорить: как? что? У нас оставались вопросы, мы хотели узнать, что

* Владимов Г. Долог путь до Типперэри. С. 54.

В интервью Е. Константиновой в «Вопросах литературы» (см. библиографию) написано, что донесла соседка Зощенко, но, возможно, это была ошибка при записи или недопонимание: в книге и в интервью мне Владимов рассказывал, что это была сослуживица Марии Оскаровны, соседка по ведомственной комнате, где жила с матерью Вероника Масевич. Именно поэтому он писал о «бескорыстном предательстве».

** Там же. С. 55.

*** По воспоминаниям Владимова, и так написано в повести «Долог путь до Типперэри», А.Л. Гордиевский был в то время полковником. Олег Антонович Гордиевский при личной встрече в Лондоне сказал Владимову, что его отец был в 1946 году майором. Но в газете «Известия» от 28 сентября 1945-го, с. 1, сообщается о награждении орденом Красного Знамени подполковника Гордиевского. Точной информации о звании О.А. Гордиевского осенью 1946 года на доступных сайтах мне найти не удалось.

Зощенко сам об этом думает?» «Вы что же, — повысил голос Гордиевский, — пошли проверять, правы ли партия и правительство? А ты понимаешь, что такое честь офицера? Офицеру дается пакет: доставить, хотя бы и ценой собственной жизни. В случае пленения съест его, а потом застрелиться. Офицеру и в голову не может прийти — проверять, что в этом пакете написано. Вот что такое честь офицера-чекиста!» (ГВ)

На что ершистый Жора ответил: *«Ну, если мне его и съест нужно, и стреляться из-за него, я, наверное, посмотрю, из-за чего умереть придется»*. *«Вот, — кричал Гордиевский, — вся твоя гниль в этом»*. Распалаясь и все больше повышая голос, он обозвал подростка *«сопляком»*. Тот оскорбился до слез: *«Вы не смеете меня оскорблять! На мне погоны армии!»* *«Вы эти погоны опозорили, — объявил Гордиевский, — и мы их с вас сорвем на плацу перед училищем, под барабанный бой»*. Это казалось страшнее уничтожения, которым полковник пугал вначале. В *«уничтожим!»* не особенно верилось, а позорное наказание считалось в училище великим бесчестьем. Вместе с Жорой учился сын повара Берии, Шатал Ртвеладзе. Повар *«для солидности и престижа»* получил звание полковника медицинской службы. Курсант Ртвеладзе с помощью куска мыла открыл и ограбил ларек, за что с него были на плацу сорваны погоны. Но *«повар, вероятно, отлично готовил»*, и погоны вернулись на плечи Шатала Ртвеладзе довольно быстро. Были и другие случаи, когда погоны надрезали и отрывали перед строем, а наказанный должен был месяц ходить в десяти шагах позади строя.

Но страх охватил не только подростков: *«Вся иерархическая лестница перепугалась до обморока. Крамола в самом сердце чекистского образования, в военном училище, где обучали “бериевских волчат”! “Кого вы там воспитываете? Я вот скажу Лаврентию Павловичу!” — кричал Абакумов»*. Отвечать за мальчишеские выходки училищное начальство катего-

рически не хотело. Поэтому сначала Гену и Жору пробовали убедить, что они к Зощенко не ходили, а придумали это посещение *«для пущей важности»*. Но тут концы не сходились с концами: сам факт посещения скрыть было уже невозможно. Тогда *«начались странные вопросы»*, и, наконец, было высказано предположение, что, вероятно, троица посетила Зощенко *до* постановления от 14 августа, что, конечно, не похвально, но более простительно. Виновные, не понимая игр начальства, спасавшего свою шкуру, *«упирались рогом»*, предъявляя квитанцию с числом из Госсправки. Поскольку Жора упрямылся больше всех, оперуполномоченный госбезопасности Василий Емельянович Мякушко*, который вел дело о посещении Зощенко, сказал Геннадию: *«Вы лучше уговорите своего легкомысленного друга. Потому что, если вы будете настаивать на своем, вас обоих просто уничтожат»*. Постепенно угроза лишения погон, огромное давление на ребят и матерей дали о себе знать. *«В конце концов, мы свое дело сделали. Выразили Зощенко сочувствие, он будет помнить, что мы приходили»*. И Гена с Жорой согласились на подтасовку фактов.

Но Вероника повела себя иначе. Намеренно опоздав к назначенному часу, она с хладнокровным достоинством ответила на слова Мякушко, что ее друзья посетили Зощенко *«до»* постановления:

- Они так говорят? Ну, значит, они были до. А я была — после. Так что не могу ничего комментировать
- Ладно, — сказали они, — ступайте, милая девушка, с богом. Ваших поклонников мы накажем, а вы идите.
- Вы их, надеюсь, не расстреляете?
- Мы разберемся. Без вашего участия.

* В книге Владимирова и в рассказах мне он называл Мякушко капитаном, но, согласно официальной биографии В.Е. Мякушко (см. ниже в тексте), он был в то время старшим лейтенантом.

— Конечно, — сказала она. — Я даже не представляю, что бы вы да не разобрались. И даже — без моего участия*.

Но она не была курсантом, и, вообще, в этом мужском мире она была «девочка», так что на нее начальство смотрело иначе. Жора ждал ее в коридоре.

С тем обмиранием сердца при виде любимой, какое лишь в юности бывает, я стоял за этим огнетушителем или пожарным краном, прислонясь к стене. Она прошла, не повернув ко мне головы, только бросила через плечо:
— Тряпка!

И это осталось в душе тем колюще-режущим предметом, который не дает о себе забыть и саднит по сии дни. И кажется мне, и тогда показалось, что предпочтительнее были бы плац, общее построение и барабанный бой**.

Это был момент, глубоко повлиявший на его личность. В презрении девочки и рано испытанном чувстве жгучего стыда — исток личного бесстрашия, крайней бескомпромиссности и обостренного чувства чести, которые отличали в будущем писателя и правозащитника Георгия Владимова: *«Это было ужасно. Но потом я твердо знал, что больше со мной такого позора не случится никогда в жизни, даже под угрозой смерти. И появилась какая-то внутренняя свобода»*. «Стыд — это чувство свободного человека, а страх — это чувство раба», — писал Ю.М. Лотман***.

После согласия мальчиков на «до», колесики закрутились веселее. Были состряпаны «персональные дела» и проведено комсомольское собрание, на котором Мякушко

* Владимир Г. Долгого путь до Типперэри. С. 74.

** Там же. С. 73.

*** Лотман Ю. Воспитание души. СПб.: Искусство — СПб., 2003. С. 499.

провозгласил: «...органами проверено», — что курсанты Панарин и Волосевич ходили к Зощенко *до* постановления. Провинившимся был вынесен строгий выговор с занесением в личное дело «за *потерю бдительности*». Начальство облегченно вздохнуло.

Родители также не избежали наказания, хотя они ни о чем заранее не подозревали. Мать Вероники вынуждена была уволиться из училища и не могла найти после этого приличной работы. О последствиях для Марии Оскаровны речь впереди. Геннадия Панарину закрыли путь в Военную академию, куда он с детства стремился. Его распределили на дальнюю погранзаставу, ставшую местом его ранней гибели.

Владимов, окончив училище с серебряной медалью, выбрал гражданский путь, что разрешалось медалистам. В своей поздней неоконченной повести он пишет о полковнике А.Л. Гордиевском с чувством зрелой признательности, уже осознав на долгом опыте, что, покричав, пошумев и погрозив, тот уберет подростков от более страшной кары*. Интересно, что Мария Оскаровна, жестоко расплатившаяся за детскую смелость сына, позднее писала Владимову в Москву, перечисляя людей, которые могли бы ему помочь: «...не погнушайся, в крайнем случае найди полковника Гордиевского. Он не откажет в помощи бывшему суворовцу, тем более что он сочувственно относился и к моим злоключениям» (18.02.1957, FSO).

Уже упоминалось, что первая неоконченная часть задуманной Владимовым автобиографической трилогии посвящена этой истории. Если бы Георгий Николаевич успел ее дописать, у нас был бы завершённый портрет эпохи, увиденной глазами подростка, почти ребенка: о бесчеловечности тирании, об абсурде и жестокости

* Владимов Г. Долог путь до Типперэри. С. 75.

ее прихлебателей и холуев, об искореженных судьбах, о сломленных и погибших людях. И о высоте человеческого духа, на которую поднялись в сырой августовский день 1946 года светловолосая девочка в красном беретике и два мальчика в суворовской форме, идущие выразить свое уважение гонимому писателю. Эта неоконченная повесть свидетельствует о том главном в личности человека, что подвергается крайнему испытанию в страшную эпоху террора: о чести, которую, как рано и остро осознал будущий писатель, нужно беречь смолоду. Владимов берег всю жизнь.

* * *

Наталия Кузнецова — Льву Аннинскому
21.10.1991

...Он пишет прелестную вещь, может быть, впервые о себе. Случайно в дни путча я обнаружила в «Неве» за 1988 год (вот так у нас в эмиграции циркулируют журналы) в мемуарах В. Каверина, в главе о Зощенко, рассказ последнего о трех суворовцах и девочке, пришедших к нему выразить свое чувство после доклада Жданова. На самом деле, суворовцев было два, и один из них — Ваш старинный объект критики, тогда еще 15-летний. Столько же было и красивой девочке, которую он любил трепетно лет десять, а может, и посейчас любит, ведь память о любви — тоже любовь. Название (пока) — «Шинель Дзержинского». Замысел возник в те минуты, когда телевидение показывало свержение «Железного Феликса» во всех ракурсах и подробностях. Я на это смотреть не могла, Жора смотрел с грустью и сказал, что это все другие вышли из «шинели Гоголя», а он — из шинели Дзержинского. Ведь он погоны носил не алые, а голубые, учился в училище «войск НКВД» и мечтал стать ве-

ликим разведчиком вроде полковника Лоуренса Аравийского, но на платформе советской власти. Да все испортил Жданов, назвавши Зощенко «подонком литературы», чем была задета и честь будущего Лоуренса, поскольку он тогда писал стихи и даже какой-то утопический роман.

Вы очень точно подметили... две доминанты автора — одиночество и чувство чести. Обоих мальчиков сломили тогда, пригрозив сорвать с них перед строем училища погоны, которые они «опозорили». Наказание — всего на месяц, все-таки не исключение, но, тем не менее, заставили отречься от своего поступка, сказать на комсомольском собрании, что были у Зощенко *до* постановления о «Звезде» и «Ленинграде».

Мне кажется, на основе 26-летнего бесконечного знакомства, что Жора — человек личностного, точнее — единоличного поступка; в стаде он пассивнее, даже глупее, во всяком случае, размышлять может лишь наедине с собою, равно как и решения принимать. Наверное, сказался тогдашний слом, поселивши в душе страх перед «правосудием» коллектива, когда пришлось встать и заявить: «Нет, я вас не опозорил», — тогда как позором и было это отступничество.

И вот теперь, спустя 45 лет, сам Зощенко через Каверина — возвратил ему тот поступок: вы были у меня *после*.

Занят он этим сюжетом чрезвычайно, портрет красивой девочки (впрямь — красивой!) прочно утвердился на столе, перед машинкой, и время от времени писатель мне задает вопросы: как это называется, когда волосы подвязывают красной лентой? А я отвечаю: это называется «с лентой в волосах». Или еще что-нибудь в этом роде*.

* Аннинский Л. Удары шпагой // Владимов Г. Долог путь до Типперэри. С. 237–238. Вся переписка Г. Владимова, Н. Кузнецовой и Л. Аннинского будет цитироваться по этому изданию.

Глава пятая

История о том, как Жора Волосевич на себя доносы писал

Рвусь из жил — и из всех сухожилий,
Но сегодня — не так, как вчера!
Обложили меня, обложили,
Но остались ни с чем егеря!

Владимир Высоцкий.
Охота на волков

Получив в Суворовском свободное распределение, Георгий Волосевич подал документы в Ленинградский университет: *«Было очень противно, что университет даже после смерти Жданова все еще носил имя палача, но выбора не было»*. Он мечтал поступить во ВГИК в Москве и колебался между профессиями режиссера и сценариста, но Мария Оскаровна, боясь разлуки, решительно воспротивилась.

Призвание тянуло на филологический факультет, но там был риск. Медалисты принимались на другие факультеты без экзаменов, но так как на филфаке был особенно большой конкурс, экзамены должны были сдавать все. Если бы не удалось поступить на дневное отделение, Георгия призвали бы в армию. Он выбрал юридический факультет, куда брали без экзаменов, и позднее был рад этому решению. Факультет давал не только знание советских законов, но и лучшее понимание советской реальности. Георгий начал учиться успешно и с интересом. После

жесткого распорядка Суворовского училища в университете появилось свободное время, и он жадно набросился на книги, часто ходил в кинематограф и сделался заядлым театралом. Но эта радостная студенческая жизнь продолжалось недолго.

Охота на людей была приметой советского времени, и неизменным охотником были менявшие свое название органы госбезопасности. Уже упоминавшийся «Эпилог» Вениамина Каверина начинается главой «Засада», в которой описано, как ГПУ, гоняясь за Виктором Шкловским, устроило засаду на квартире его друга Юрия Тынянова, действуя по принципу героя поздней советской комедии: «Всех впускать, никого не выпускать». В течение трех дней в дверь гостеприимных Тыняновых позвонили более двадцати друзей, знакомых и сослуживцев. Все немедленно и насильно втаскивались в квартиру и запирались в трех комнатах. Одним из них оказался нищий, позвонивший, чтобы попросить милостыню. Попав в западню, он был чрезвычайно доволен кормежкой, трижды в день бесплатно поставляемой ГПУ. По сравнению с черными лестницами, где бедолага мыкался ночами, мягкий стул в теплой гостиной был великолепным улучшением его квартирных условий, и, сытый, он сладко дремал в тепле, наслаждаясь непривычной роскошью. Шкловский между тем улизнул в Германию через финскую границу. Фарсовый абсурд этой охоты разросся позднее в повторяющийся и знакомый всем по литературе (например, «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова) и устным семейным традициям ряд преследований, побегов, спасений и арестов.

Охотником на студента Волосевича был все тот же В.Е. Мякушко, не особенно довольный тем, что история с Зощенко окончилась *«малой кровью»*. Получив звание капитана, он перешел на работу в Большой дом на Литейном, курируя Военно-медицинскую академию и Суворов-

ское училище, где он вербовал стукачей, не выпуская из вида Марию Оскаровну и ее сына.

В университете у Жоры появился новый близкий друг Илья Белявский. Мальчик из семьи потомственных юристов, он был не по возрасту начитан и образован. Его прекрасные манеры очаровали Марию Оскаровну, которая была очень довольна новой дружбой сына. И когда в Суворовском училище был организован культпоход на балет Рейнгольда Глиэра «Красный мак», она, купив три билета, пригласила и Илью.

Соседом по ряду оказался В.Е. Мякушко. И пока на балете очарованная публика следила, как прима-балерина «быстрой ножкой ножку бьет», в мозгу капитана созрел грандиозный план: «...*раскрыть “дело” о преступной организации, связывающей Суворовское училище и университет*», — и представить его в Военно-юридическую академию в качестве дипломной работы. Честолюбец явно грезил о «красном дипломе» и новой звездочке на погонах, но ему нужен был *«материал»*.

Увидев рядом с Жорой его университетского друга, Мякушко оживился, навел справки и *«пригласил»* Илью Белявского на тайную встречу в квартиру на Лиговке. Там грубовато, без долгих речей и церемоний потребовал от него писать доносы: *«Вы не можете отказаться, мы вас посвятили в секретное и важное задание. За вашим другом Волосевичем числятся серьезные поступки против советской системы, о которых вы даже не подозреваете. Если вы — не враг, вы обязаны исполнить долг честного советского человека»*, — с угрозой в голосе нажимал Мякушко. У безупречно порядочного Ильи не хватило сил отказаться, но хватило мужества открыться другу: *«Что же нам делать?»* — в ужасе повторял он. Много позднее он рассказал Владимову, что в ночь после встречи с капитаном он был близок к самоубийству: *«Вы представляете себе, сколько миллионов таких чистых мальчиков провели бессонные ночи, навсегда сломен-*

ные своим предательством?» — сказал мне Георгий Николаевич. Выслушав отчаянное признание друга, Жора отнесся к ситуации неожиданным образом: «А мы будем писать на меня доносы, так даже лучше, у меня хоть контроль будет. Я буду сочинять, а ты — переписывать своим почерком и отдавать “шефу”...»

Начался новый творческий период, очень далекий от детского утопизма Юнглиндии. С того дня и в течение последующих двух лет студент-отличник юридического факультета Ленинградского университета имени Жданова Георгий Волосевич оттачивал свое перо в уникальном литературном жанре: сочинении политических доносов на себя самого.

Это казалось единственным спасением в те страшные годы: *«Бесконечные разговоры о предателях, космополитах, “дело врачей”, ужас весь этот, мрак. Это были мои студенческие годы, тем больше всего и запомнились»*. Именно в этот период, по его собственному признанию, у Владимова выработалось резко отрицательное отношение к системе в целом:

Появилось чувство охоты: система пытается догнать и схватить, а я убежал и чувствовал себя как одинокий загнанный зверь, против которого — лес! Это было время, которое меня, как человека, сформировало. Появилась сверхосторожность, лишний шаг я боялся сделать, и одновременно — развилась какая-то неслыханная авантюрная дерзость (ГВ).

Он сообразил, что для достоверности нужно, *«как говорят артисты, “войти в образ”, чтобы в доносах была последовательность. С этой целью была выбрана мною маска эдакого советского Че Гевары»*. *«Таинственный шеф»* Мякушко требовал от Ильи сведений о том, чем его друг *«недоволен»*. В доносах указывалось, что студент Волосевич недоволен: *«...слишком медленным развитием мировой революции.*

Сам Ленин говорил о том, что нужно прорваться «штыком в Европу». И ведь был такой шанс во время войны, а мы его не использовали. Могли же не только весь Берлин и западные земли Германии победоносно защитить, но и Париж пощупать!» Мякушко эти доносы читал, по словам Ильи, с удивлением и «даже вроде симпатизируя». Тогда изобретательный Мякушко придумал новый ход: приближался юбилей Сталина*, и Илья должен был подбить друга на написание стихов о вожде. Мнимый революционер разбушевался: «Такая грандиозная, величественная тема — разве можно тут халтурить?! Я недостаточно пока большой поэт, чтобы справиться с великой задачей. Она была бы под силу только Маяковскому!»

Капитан требовал от Ильи вопросов, которые могли бы спровоцировать нужные ответы, про колхозы, например. В ответ автор доносов бойко изложил детские впечатления от работы в киргизском колхозе Чалдовар, гордо добавив, что там заработал свои первые трудодни: «Времена, конечно, были голодными, но ведь шла война! Всем было трудно и голодно». Мякушко начинал терять терпение: красный диплом бледнел на глазах, и заветная звездочка улетала все дальше в небо. Тон капитана переменялся, и он стал обвинять Илью: или «ваш друг с вами не откровенен», или сам Илья не все докладывает — «например, о колхозах он некоторым своим другим друзьям и подругам совсем другое говорит». Упоминание о подругах наводило на след. «*Cherchez la femme*, — объявил Жора другу, — есть какая-то девка, которая несется...» Открытие оказалось очень мучительным. Он был глубоко влюблен в девочку, с которой разговаривал о многом вполне откровенно. Думать, что она, возможно, «стучит», было непереносимо больно, и он стал держаться от нее подальше, прекратив романтические свидания. Встречая в университетских ко-

* 70-летний юбилей Сталина праздновался 21 декабря 1949 года.

ридорах, пытался неумелыми вопросами навести на случайное признание, намекая, что ее видели на Литейном. Обиженная девочка сердилась: *«Что тебе дался этот Литейный?»* — и на вопросы о других адресах, куда таскали Илью на явочные квартиры, только отмахивалась. Через несколько месяцев после неутешительного окончания романа выяснилось, что доносицей была совсем не она. Все произошло, *«как в известном анекдоте об объявлении на двери спецотдела: “Замок сломался, стучите по телефону”*». Однажды секретарша факультета *«по дурусти»* зашла на лекцию и, перебив профессора, во всеуслышание объявила: *«Битяй просят зайти в спецотдел”*. Все смолкли, а Битяй, толстая красивая украинка, покраснев, как бурак, сидела какое-то время не двигаясь. А потом встала и быстро, опустив голову, вышла из аудитории». И Владимов вспомнил, как однажды заболевший профессор принимал экзамены на дому. Студенты сидели у него в прихожей, и Георгий пошутил, что сдаваемый предмет «колхозное право» было бы справедливее назвать *«колхозным бесправием»*, на что Битяй радостно подхихикнула и, как выяснилось, донесла. Таким образом, возлюбленная была реабилитирована, но, не догадываясь о терзаниях Жоры и причине его непостоянства, уже вышла замуж.

Материала *«для дела об организации»* не добавлялось, и Мякушко решился на серьезный расход. Илье отпускаясь сумма в 160 рублей, чтобы он пригласил друга отметить в ресторане день рождения и опять-таки задать ему *«вопросы»*. *«А мои люди посидят там, понаблюдают за вами, как вы общаетесь»*, — объявил он. Ресторан был выбран «Метрополь» на Садовой: *«Моя месячная повышенная стипендия была 390 рублей, но, чтобы посадить человека, они денег не жалели»*. Жора с Ильей, впервые в жизни оказавшиеся в ресторане, с радостью попиروвали *«на казенные деньги»* блинами с красной икрой и отменными шашлыками, но толку от этой баранины для капитана не вышло никако-

го. В конце концов Мякушко надоело возиться, и он объявил Илье: *«Ваш друг не антисоветчик, но в мозгах у него какой-то молочный кисель»*. *«Моя первая серьезная литературная удача! И самый сладкий молочный кисель за всю мою жизнь!»* — с улыбкой и не без самодовольства вспоминал Георгий Николаевич отзыв разочарованного капитана.

На предпоследнем курсе Владимов прошел большую преддипломную практику, принимая участие в работе следователя, секретаря суда и помощника прокурора по уголовным делам. Эта деятельность произвела на него очень сильное впечатление, прояснив многое в советской юридической системе. В последний университетский год он перешел на заочный, решив, что так будет меньше на виду. Мария Оскаровна была в лагере, и он непрерывно чувствовал себя *«в осаде»*. Учась на заочном, работал кем придется — верхолазом, разнорабочим, грузчиком, чтобы хоть как-то прокормиться, заплатить за угол и помочь матери.

Окончив университет без распределения, так как заочников работой не обеспечивали, Георгий Волосевич ни дня не работал по своей юридической специальности. С его анкетой: отец пропал без вести, депортированный с оккупированной территории во время войны, мать в ГУЛАГе, — ни на какую работу, связанную с юриспруденцией, его бы не взяли. Но знание законов и правовое мышление оказались позднее важны в его правозащитной деятельности.

Глава шестая

Судьба матери

Как пошли нас судить дезертиры,
Только пух, так сказать, полетел...

Александр Галич.

Вальс, посвященный
уставу караульной службы

Но в своей охоте на убежденную коммунистку Марию Оскаровну Зейфман капитан В.Е. Мякушко был удачлив. После скандала из-за посещения М.М. Зощенко сыном и его друзьями мать подвергли «суровой критике». Мария Оскаровна была обвинена в том, что сын ее воспитан в «чуждом духе». В 1952 году она была исключена из партии с набором обычных для той поры, а также «космополитических» грехов:

- Вдохновила сына на поход к Зощенко.
- После двенадцати лет развода искала информацию о попавшем в плен и пропавшем во время войны муже.
- Преклонение перед Западом, проявившееся в утверждении: «...Александрович поет так хорошо, потому что прошел итальянскую школу вокала».
- Вела разговоры об антисемитизме, якобы существующем в СССР, о несуществующем гонении на евреев, о сомнительности

«дела врачей» — извращала линию партии в национальной политике (ГВ).*

На робкое возражение Марии Оскаровны, что сын посетил Зоценко *«до постановления»*, партийная комиссия издевательски рассмеялась. Но это был лишь первый акт назревающей драмы.

Владимов с детства помнил атмосферу сталинских чисток в армии, возбуждение, скрытый страх и взаимные уверения взрослых в правильности и справедливости происходящего. Но сквозь все их желание веры в тихих разговорах *«прорывалась нотка удивления от количества разоблачаемых шпионов»*. После войны был арестован друг и начальник матери латыш полковник Лепинь. Мария Оскаровна не верила в его вину, считая, что *«произошла ошибка»* и *«должны разобратся»*. Но вскоре стало известно, что Лепинь расстрелян, что подействовало на всех в училище очень угнетающе.

В Петродворце соседями Марии Оскаровны по коттеджу была офицерская семья, родители и дочь. В 1952-м в училище, как и во всей стране, царил всеобщий страх перед репрессиями. Уже было арестовано несколько преподавателей, и *«чекисты чистили, как могли»*. Сосед, честный и храбрый офицер, награжденный многими орденами за отвагу, не выдержал: зарубив жену топором, он повесился в своей комнате. Двенадцатилетняя дочь, придя из школы, обнаружила висящего окровавленного отца и убитую мать на полу. Георгий прибежал на ее крик: *«В комнате пронзительно, жутко кричала, визжала девочка и было два мертвых тела. Весь пол был залит кровью»*. Это был страшный случай, потрясший всех в училище и отразивший невыносимую и бесчеловечную атмосферу в стране.

* См. также: *Владимов Г. Долог путь до Типперэри. С. 72.*

Приставленные к Марии Оскаровне стукачи доносили о ее откровенных высказываниях, которые Мякушко усердно подшивал «в дело». Человек искренний, страстный и очень открытый, Мария Оскаровна считала, что Сталин и партия не могли быть виноваты в безобразиях, связанных с антисемитской истерией «кампании против космополитизма» и «дела врачей», в вину которых она не верила совершенно. Антисемитизм раньше не был для нее темой размышлений или разговоров, но в те страшные годы она рано уловила в официальной политике антисемитский дух. Происходящее в стране она считала *«преступным отклонением от партийных норм»*. Но ведь кто-то же отвечал за творящиеся в стране безобразия? И Мария Оскаровна решила, что весь корень зла — глава органов госбезопасности Лаврентий Павлович Берия, и не скрывала своего отношения к *«этому негодяю»*. Рано повзрослевший сын предупреждал мать и просил быть осторожной. Но целостная натура Марии Оскаровны не укладывалась в шизофренические рамки двойной жизни, и скрывать свои взгляды она не могла и *«не считала нужным»*, так что на отличную дипломную работу капитану Мякушко материала хватило с лихвой.

15 декабря 1952 года около десяти часов вечера Жора возвращался домой с тренировки по боксу. Под правым глазом красовался большой синяк, приобретенный в честной борьбе. Подходя к дому, он с радостью увидел свет в окне их комнаты. Это значило, что мать ждала его с горячим ужином. Впереди была вкусная еда, сладкий чай и долгое чтение в постели. У дома стояла легковая машина.

На пороге комнаты его остановил крик: «Оружие имеется?» В вырванном из рук и распаханном спортивном чемоданчике невинно трепыхнулись боксерские перчатки. Жору поразило, что люди *«были в разных костю-*

мах. Один в форме майора артиллерии, другой — лейтенанта летных войск, третий — капитан пехоты». В комнате шел обыск. «Решено вашу мать арестовать, — объявил “артиллерист”, — а вы продолжайте учиться, пользоваться тем, что вам советская власть предоставила. Надеемся, что вы вырастаете и будете настоящим советским человеком». Обыск продолжался до четырех утра, перебирали и составляли опись вещей. Конфисковали сберегательную книжку Марии Оскаровны с накоплениями — 300 рублей старыми деньгами** и «обручальное кольцо из желтого металла, 56 пробы». Мать потерянно стояла в углу.*

У нас и обыскивать-то было нечего: две койки с казенным бельем, полочка с посудой, примус на кухонном столике, за которым мы обедали и читали. Несколько томов Пушкина и парочка библиотечных книг. Чемодан под кроватью, где, в зависимости от сезона, хранились летние или зимние вещи. Может быть, им полагалось не меньше какого-то времени тратить на обыск. Ходили нахмуренные, надутые, молчали с важным видом. Степаны несколько раз простукивали, за обоями колунали, ныряли на пол, как клоуны в цирке, подолгу рассматривали щели в потрескавшихся половицах (ГВ).

Наконец, объявили, что сын и мать могут проститься. Он обнял вдруг задрожавшую мать и пошел за уводящим ее конвоем. Перед тем как вывести на улицу, ей зачем-то велели заложить руки за спину, и материнское пальто, застегнутое на одну пуговицу, топорщилось сзади. Когда подошли к стоявшей на улице «Победе», Мария Оскаровна хотела оглянуться на сына, но «артиллерист», грубо нагнув ее голову, втолкнул в машину. Жора стоял в трени-

* Этот «майор артиллерии» возник в романе «Генерал и его армия», как любивший маскарад майор Смерша Светлооков.

** Средняя зарплата обычного преподавателя была в то время 770 рублей.

ровочном костюме один на зимнем морозе и смотрел на заднее окно отъезжавшей машины. Он видел исчезающую маленькую материнскую головку, испытывая чувство *«такого отчаяния и беспомощности, которых я не чувствовал потом никогда в жизни»*. Чужие люди увозили в неизвестный и страшный мир единственного родного ему человека. Они увозили дом, ее близость, горячую еду, вечернее наслаждение чтением, ее стихи и пушкинские цитаты. Пронзительное чувство любви и жалости к матери осталось в нем на всю жизнь. Он не был легким сыном, как и она — легкой матерью. Но, часто раздражаясь и сердясь, он всегда заботился о ней, делился последним, и в его письмах читается неостывающее желание скрасить и как можно лучше устроить ее жизнь.

Мякушко состряпал на Марию Оскаровну увесистое досье, которое и было развернуто в ходе процесса. Состоялось три заседания суда, посвященных делу *«государственной преступницы»*: первое слушание «дела» прошло 12 марта 1953 года — через неделю после смерти Сталина. На втором закрытом заседании суда 25 августа 1953 года она была признана виновной и осуждена по статье 58, пункт 10, часть 1: 10 лет лагерей за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Приговор был подтвержден военным судом 27 октября 1954 года.

По словам Владимова, против матери выдвигались три основных обвинения. Во-первых, ей, как и при исключении из партии, вменялись в вину разговоры о том, что *«культ личности” насаждался против воли Сталина и являлся отклонением от партийной линии и норм»*. После смерти Сталина и в быстро меняющейся политической атмосфере страны это обвинение потеряло всякий смысл. Во-вторых, Мария Оскаровна категорически не верила в «дело врачей», считая его антисемитской кампанией, т. е. *«искажала национальную политику партии»*. К моменту ее осуждения «дело врачей» было прекращено и неви-

новность обвиненных признана официально. Но судья пояснил ей, что *«врачей просто пожалели, а они, конечно, были виноваты»*, поэтому обвинение остается в силе. И, наконец, в-третьих, Мария Оскаровна была уверена, что Сталин и партия виновны в антисемитском шабаше быть не могли, но были введены в заблуждение Л.П. Берией, что означало *«злостную клевету на руководящих членов партии и правительства»*. Тот факт, что Берия ко времени приговора был расстрелян как *«враг народа, тайный агент царской охранки и английский шпион»**, судей не поколебал.

Пока мать была в тюрьме, сын переживал те события, которыми жила вся страна. К концу 1953 года, по воспоминаниям Владимова, в печати кое-где стали появляться статьи, употреблявшие выражение «культ личности». Они еще не были антисталинскими, в них даже приводились цитаты из Сталина, хотя Георгий Николаевич утверждал: *«Но уже становилось понятным для тех, кто умел читать между строк, что культ личности разрушается. Думают, что это впервые появилось на XX съезде, но я точно помню, так как был соответственно настроен, что все это возникло куда раньше»*. Нужно отметить необычную политическую прозорливость очень молодого человека, уловившего эти первые веяния**.

«Все тщательно составленные капитаном Мякушко обвинения против нее сыпались, как карточный домик». Однако освобождать Марию Оскаровну *«никто не торопился»*. Ее держали в одной из камер-одиночек прилегающего к Большому дому здания на Шпалерной***. В камере и потом в тюремной больнице Мария Оскаровна Зейфман писала стихи, которые глубоко восхищали сына, как сви-

* Л.П. Берия был казнен 23 декабря 1953 года.

** См. напр.: Чупринин С. Оттепель. М.: НЛО, 2020. С. 33.

*** Здание на Шпалерной — в то время улица Воинова, дом 25. Там находился ДПЗ (дом предварительного заключения), называемый в народе Шпалерка.

детельство силы и несгибаемости ее духа. Он хранил их всю жизнь и помнил с молодости наизусть*. Георгий, сам живший в постоянном страхе ареста, постепенно заподозрил, что тюремные власти скрывают от матери последние события. Сын стал ломать голову, как передать ей записку с информацией. В Большом доме на Литейном два раза в месяц родственникам подследственных разрешалось передавать продукты и кое-что из одежды, весом не более 2 килограммов. Кто-то из стоящих в очереди посоветовал Георгию передавать побольше фруктов, потому что в тюрьмах был страшный авитаминоз. Посылку в специально сшитой торбочке с чернильным именем заключенного принимал пожилой сержант, сидевший в окошке. Он проверял содержимое «*на крамолу*», а если ее не оказывалось, доставлял посылку и возвращал родным торбочку.

Из ведомственной комнаты через два дня после ареста матери Георгия «*поперли*»: «*Нашел вечером подсунутое под дверь письмо, что до одиннадцати утра следующего дня я должен освободить комнату. Я оставил записку, что выведу к вечеру, и пошел искать угол*». Начались скитания по углам. Существование бомжа продолжалось семь лет, в течение которых он сменил почти двадцать мест жительства. Самым трудным было то, что намаявшиеся за день на тяжелых физических работах женщины, сдававшие углы, просили рано выключить свет, и читать или писать по вечерам было невозможно. Он снял угол в Петродворце, это было дешевле, чем в Ленинграде. Хозяйка и ее сестра, пережившие коллективизацию, очень сочувствовали ему и Марии Оскаровне, ругая советскую власть на чем свет стоит: «*Ить и деревни им, кровопийцам, не хватило!*» Хозяйка пекла

* Сохранившиеся стихи Марии Оскаровны Зейфман находятся в архиве FSO. Тексты их опубликованы: *Владимов Г. Письма матери в ГУЛАГ* / Публ. С. Шнитман-МакМиллин // Знамя. 2019. № 3. С. 168–171.

пирожки с яблоком и картошкой для передач матери, но вкладывать записку в такой пирожок было рискованно: пирожки разламывались, особенно если были домашнего изготовления. Он попробовал вырезать сердцевину яблока и, вложив записку, заклеить его густым медом, но шов был замечен. И все-таки сообразительный сын нашел способ. Советский Союз завязал дружбу с Индией, на улицах и в магазинах продавались пластами индийские раздавленные финики. Он написал записку: *«Сталин умер, культ личности осуждается, врачи реабилитированы, Берия в тюрьме — враг народа и шпион. Политика меняется»*. Скатав записку в тоненькую трубочку, так, чтобы она была размером с финиковую косточку, и перевязав белой ниточкой, чтобы не разлезлась, Жора воткнул ее в финик, а финик втиснул поглубже в пласт. Проверил — заметно не было. *«Моя инженерная идея была, что она зубами почувствует что-то иное, не косточку, и посмотрит»*, — с удовольствием от собственной изобретательности пояснил Георгий Николаевич. Конечно, было опасение, что пласт разломают, но не каждый же плод — *«липкая работа»*. И удалось. Проведя в большом волнении пару часов, Георгий увиделержанта, несущего назад его пустую торбочку. Мать нашла записку именно так, как он рассчитывал. Она знала лишь, что умер Сталин. Ей в тюрьме сказали, что Берия вышшен и Хрущев наверху. Хрущев же в те времена, по словам Владимова, *«был личностью довольно мрачной: палач Украины, антисемит. Но прочитав мою записку, она взбодрилась и решила на суде защищаться. Однако не садись с дьяволом играть — переиграет»*.

Сыну разрешили присутствовать на заседании военного трибунала 27 октября 1954 года. Марии Оскаровне назначили адвоката, *«молодую девицу по фамилии Ярцева»*.

Илья специально приехал на три дня из Новосибирска, где работал по распределению. Он меня успокаивал, он был очень гра-

мотный юрист. Мы вместе пошли на встречу с Ярцевой, и Илья подробно объяснял этой девице все закофючки и статьи законов. Он был красавец, так что она строила ему глазки и покорно записывала все себе в тетрадку. Но рассказать ей, что мать знала от меня о ситуации в стране, мы, конечно, не могли.

Когда суд начался, мать спросили, признает ли она себя виновной. На что она ответила: «Что же вы меня, граждане судьи, обвиняете, что я дурно отзывалась о Берии? Я была права – Берия оказался враг народа и шпион. Он арестован и казнен, а врачи реабилитированы, признаны невиновными». После ее речи последовала немая сцена, достойная бессмертного пера Гоголя... Ярцева, сволочь такая, стала делать большие глаза и усиленно трясти головой, давая понять, что сведения идут не от нее (ГВ).

Сбитый с толку суд удалился на совещание. Вернувшись минут через сорок, судья, маленький полковник в отставке, «жифренный особистик с лоснящимся розовеньким личиком, пороху не нюхавший», повел такую речь: «Да, подсудимая, вы правы. Мы не разобрались в черном нутре этого человека, но дело не в нем...» А дальше, по словам Георгия Николаевича, шла долгая словесная казуистика о том, что «подоплека ваших высказываний была антисоветской», ибо, когда Мария Оскаровна неуважительно высказывалась о Берии, она говорила «о том, кто был обличен высшим доверием партии и народа. Вы позволили себе ругать в его лице не его самого, но правительство, народ...» — он долго и прочувственно нес эту ахинею. Подсудимая, по словам полковника, «всегда отличалась умом сверхкритическим, и на нашу советскую действительность и деятельность родной партии смотрела критическим взором, даже кое-что сомнению подвергала, за что и была справедливо исключена из партии». Такими речами он легко довел измученную Марию Оскаровну до слез, так что она, махнув рукой, сказала: «Ну, может быть, я действительно виновата», — и это был конец

процесса. Суд удалился для вынесения приговора и повторил прежний: «за “подоплеку” ввели ей 10 лет лагерей».

Это было не совсем то, о чем мечтал Мякушко. Капитану хотелось состряпать дело «об организации», «замести» и сына и припать обоим 25 лет лагерей. Будь он успешнее, русская литература, возможно, никогда не узнала бы имени писателя Георгия Владимова. Но так как дело Марии Оскаровны было дипломной работой капитана в Военно-юридической академии, он был осторожнее обычного: *«Совсем уж туфту он туда представить не мог, там все-таки были юристы-профессионалы»*, — так что полностью подделать все обстоятельства «дела» Мякушко не решился.

Сразу после первого суда свидание сына с матерью было уже в пересыльной тюрьме, возле Александроневской лавры. Особого контроля не было. Сидели за столиками: заключенные с одной стороны, родные с другой, на всех один надзиратель. Потом, в тюрьме, было хуже, приходилось кричать через две решетки, и надзиратель, которому все слышались разговоры «о деле», бросался от одной пары к другой и грозил прекратить свидание.

После пересыльной тюрьмы Марию Оскаровну отправили в лагерь в Антропшино*, под Павловск. Лагерь был женский, и конвой с собаками водил заключенных на фабрику — клеить коробочки для медицинских лекарств. Условия, по тогдашним меркам, были сносными, так как работали в помещении, в тепле. Но нормы — 120 коробочек за смену — были для матери слишком высокими. Она не справлялась, ее наказывали лишением продуктов. Раз в месяц сын мог передавать посылки по 2 кило и крошечные суммы денег, которых не хватало самому. В письмах он старался отвлечь мать от страшной

* В поселке Антропшино Ленинградской области находилась исправительно-трудовая колония (ИТК) № 25.

тюремной реальности. Зная горячую любовь Марии Оскаровны к русской литературе, он рассказывал о своем чтении, интересах и стремлениях. В его письмах чувствуется горячее желание сохранить духовную близость с единственным родным человеком и показать матери свой интеллектуальный и творческий рост. Сохранилось восемь писем, относящихся к периоду 1953–1954 годов. Первое из них было послано в Андропшинский лагерь*:

Здравствуй, милая мамочка!

В это воскресенье я приехал к тебе в Антропшино, но у вас был карантин, и пришлось вернуться восвояси. Почему ты меня не предупредила письмом? Впрочем, знаю твой лимит**, и поэтому особенно не обижаюсь. Думаю, что смогу к тебе приехать во вторник 29-го числа. Напиши, пожалуйста, на Ленинград, когда кончится карантин и что тебе привезти. Итак, прошел год твоего заключения, а надежд пока маловато.

Пишет ли тебе Ида? Если не пишет, то сообщи мне, я с ней поговорю по телефону. Будь добра, не проси у нее денег, я тебе сам пришлю. Надеюсь, что тех, что тебе передал, тебе хватит до 3–4 января, а потом я получу. Сейчас надеюсь провести одну операцию с деньгами, и если что-нибудь выиграю, будут деньги для московской поездки к К.Е.***. Впрочем, напиши, я как-нибудь выкручусь, и пришлю еще сотню.

Долго я тебе не писал и прошу за это прощения — усиленно работаю над заказом из Москвы. Для этого при-

* *Владимов Г.* Письма матери в ГУЛАГ. С. 155.

** Лимит на переписку при обычном режиме означал два письма в месяц.

*** К.Е. — инициалы Климента Ефремовича Ворошилова. «К.Е.» упоминается в письмах Владимова дважды, и один раз он пишет, что надеется поехать к Ворошилову похлопотать за мать. Ворошилов был с марта 1953 года Председателем Верховного Совета СССР, и, согласно Конституции 1936-го, право помилования входило в его компетенцию.

шлось подкрепиться — читаю Белинского и впервые оцениваю могущество этого великого критика. Оказывается, критиковать гораздо труднее, чем самому делать. Видишь несовершенное, а помочь ничем не можешь (кроме, конечно, советов на исправление и на будущее) — ибо должен быть беспристрастен.

Но сила Белинского как раз в том, что он умел сочетать беспристрастность с горячей любовью к критикуемому объекту или — горячей неприязнью.

И вообще мне его метод нравится — думаю его применять: сначала давать расширенный фон и определить свои эстетические воззрения, наметив позиции, а потом (примерно в третьей части статьи) — переходить к самому произведению. У нас же — начинают с места в карьер и в результате — никакой цельности. Это хорошо, это — плохо, а в общем: «Несмотря на перечисленные недостатки и т. д.». Следует шаблонная формула о ценном вкладе в золотой фонд.

Так-то. Ну, бывай здорова, жди моего приезда во вторник. Крепко целую и жду письма.

Твой Жора. 22.12.53

Напиши, кто еще были великие критики?

Из Андропшино через несколько месяцев Марию Оскаровну перевели на Березниковский химический завод*, находившийся в Молотовской (ныне Пермской) области. Работа была изнуряющей, воздух пропитан сероводородными парами. Мария Оскаровна начала изнемогать, но тут пришло спасение. В каждом советском лагере была обязательная художественная самодеятельность. «Кум по культурной части», узнав, что она

* Березниковский химический завод — это предприятие меняло название несколько раз. В то время он назывался Березниковский анилиноокрасочный завод.

«и на пианино играет, и стихи сочинять умеет», забрал ее к себе, избавив от работы на производстве. Кроме музыки, мать занималась театром и скетчами. От эков и эчек, желавших принять участие в ее спектаклях и сценках, отбою не было: иной возможности встретиться и совокупиться с противоположным полом в лагере не представлялось. *«Девки»*, молодые уголовницы, *«шли косяками»*, надеясь забеременеть и стать *«мамочками»*, чтобы избавиться от физической работы. Мужчины с энтузиазмом отзывались на их горячее пожелание. Мать смотрела на все это сквозь пальцы, отвечая за самодеятельность, а не за *«моральный облик»* ее участников. Мария Оскаровна писала также стихи в лагерную стенгазету. Начальство гордилось и приводило ее в пример другим заключенным, как *«перевоспитавшуюся преступницу»*: *«Они считали, что она начала сочинять стихи под их благотворным влиянием. Но, главное, что она получала добавку к пайку»*.

В лагере с Марией Оскаровной произошло несчастье. В старом бараке, где она жила, обвалился потолок, бревнами убило двоих заключенных, а ей сильно попало по голове. Пришлось накладывать швы, и к тому же была повреждена рука. Играть на пианино она больше не могла, но, главное, стала быстро слепнуть.

Подведя под очередную амнистию, 20 января 1955 года Марию Оскаровну активировали. Но из лагеря она вышла только в конце февраля. Жить было негде, пенсии по инвалидности не хватало даже на самое скромное питание. Материнское «имущество» Жора хранил в своем углу. Третьему человеку в той же комнате было не поместиться. Марии Оскаровне пришлось пойти на канцелярскую работу на маленький заводик, где ей платили копейки, и снять свой угол. В письмах сыну она очень жаловалась на плохое с ней обращение начальника. Но, оставаясь сильным человеком после своих тяжелых испытаний,

она в какой-то момент задала такую словесную трепку заносчивому бюрократу, что тот притих и перестал мучить ее и других женщин. Она подробно писала об этом сыну, который с веселым одобрением относился к ее неостывшей боевитости.

Бездомной матери было очень тяжело ютиться по углам. Снять такие углы для нее было труднее, чем для сына. Она часто жаловалась ему в письмах, что женщины постарше хотят «студентиков» в надежде устроить личную жизнь дочерей, племянниц или внучек. А «накрашенные дамочки» мечтают о «солдатиках» — дефицит мужчин в стране после войны и из-за репрессий был огромным. На состоянии Марии Оскаровны сказывался возраст, подорванное здоровье и чувство глубокой несправедливости, выбившей ее, лояльную советскую коммунистку, из нормальной жизни. В реабилитации Марии Оскаровне отказывали дважды на том же основании «антисоветской подоплеки». Когда Владимов попал на работу в «Новый мир», ему посоветовали («Кардин, кажется, посоветовал») обратиться к главному редактору журнала Константину Симонову — депутату, лауреату и орденоносцу — с просьбой помочь матери в реабилитации. Владимов был предупрежден, что вся просьба должна занять не больше минуты, так как Симонов ненавидел длинные обращения. *«Я без репетиции, очевидно, уложился в 59 секунд, потому что он немедленно поднял трубку и заказал машину, чтобы ехать на улицу Воровского, где располагалась Коллегия Верховного суда. Там оказались рады “пойти навстречу уважаемому Константину Михайловичу”»*. Не обращая никакого внимания на Владимова и какую-то там «подоплеку», решили вопрос о реабилитации его матери *«по-своейски»*, за десять минут. Симонов, пожав руку — *«с вас, Жора, причитается»*, — уехал, а Владимову через полтора часа вынесли бумажку.

Военная Коллегия

Форма № 30

Верховного Суда Союза ССР

30 апреля 1957 г., номер 4н — 02223/53

Москва, ул. Воровского, д. 13.

Справка

Дело по обвинению Марии Оскаровны Зейфман пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 16 апреля 1957 года.

Приговор Военного трибунала войск МВД Ленинградской области от 12 марта 1953 года и определение военного трибунала войск МВД Ленинградского округа от 25 августа 1953 года и военного трибунала Ленинградского военного округа от 27 октября 1954 года в отношении Зейфман М.О. отменены и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Председательствующий судебного состава
Военной Коллегии Верховного Суда СССР
полковник милиции

Цырлинский (FSO)

«Это был самый прекрасный советский документ, который я когда-либо держал в руках! Так и решались судьбы: сначала отнять у человека годы жизни и сделать инвалидом, а потом десять минут с “дорогим Константином Михайловичем” — и всё в полном ажуре». Мария Оскаровна была безмерно рада реабилитации, ощущая ее как возвращение гражданского достоинства. Постепенно ее бытовая ситуация существенно изменилась к лучшему: годы лагеря засчитали как стаж, а так как работала она до ареста в системе органов госбезопасности и дослужилась до капитана, то получила вполне приличную пенсию и через

некоторое время комнату на Васильевском острове. Она очень хотела, чтобы сын вернулся в Ленинград и жил с ней, но он чувствовал, что его судьба теперь связана с Москвой.

Позднее Владимир купил матери однокомнатную квартиру в Пушкине. Мария Оскаровна была в восторге от парков, близости лица, всей атмосферы города: *«Пушкин был для нее царь и Бог»*.

Вскоре мать обратилась к сыну с новой мечтой: помочь ей восстановиться в партии. Владимир раздражался ужасно: *«Что ты ломишься в эту партию, зачем она тебе? Мало тебе того, что эта партия тебя в лагерь посадила?»* *«Она же и освободила, партия!!!»* — горячо возражала Мария Оскаровна. К ее горю, сын наотрез отказался помогать. Хотя потом он успокаивал и обнадеживал мать, смирившись, что для нее членство в партии было очень важно. И даже передавал по инстанциям ее письма и звонил в разные партийные органы, стараясь ей помочь. В конце концов ее все-таки восстановила Комиссия партийного контроля. Она начала посещать собрания партийной ячейки при своей жилконторе. Но когда навещавший мать Владимир при гостях упомянул, что она сидела в одиночке в тюрьме на Шпалерной, Мария Оскаровна на него накинулась. Она скрывала от *«партийных товарищей»* свое лагерное прошлое. Ее поэтический талант расцвел в местной печати города Пушкина. Она писала под псевдонимом М. Оскарова, и в газете «Вперед» у нее даже появилась своя колонка «сатирических фельетонов» в стихах «Кузьма Припаркин — репортер». В мае 1972 года Марии Оскаровне была вынесена специальная благодарность от газеты за ее литературную деятельность. Владимир это трогало и веселило, и он сохранил подборку ее публикаций. Отрывок из одной, «О пользе фосфора в рыбе», он однажды процитировал, когда я приготовила на ужин рыбу:

Предрассудок есть известный,
Будто рыбы бессловесны,
Если б вы бывали там,
Подивились их речам:
«Взяли б нас на сушу,
Мы бы
Показали, что за рыбы.
Слух по свету бы прошел,
Как полезен рыбный стол.
Всем — от скумбрии до хека
Жить для пользы
Человека». (FSO)

В этот период жизнь Марии Оскаровны была вполне благополучной. Но с ее советским мировоззрением ей было трудно позднее смириться с правозащитной деятельностью сына. Хотя, когда о Владимове заговорили «вражеские голоса», некоторые соседи и друзья стали поздравлять ее со знаменитостью в семье, и Мария Оскаровна стала испытывать что-то похожее на гордость. Однако, страшась за сына, она просила его бросить эту деятельность, предсказывая: *«Либо ты в тюрьму загремишь, либо тебе Родину придется покинуть»*. Готовясь к эмиграции, Владимов уговаривал мать поехать с ними, но Мария Оскаровна к тому времени была уже почти неподвижна: ее сильно толкнули в магазине, упав, она сломала обе ноги, и у нее случился частичный паралич. После нескольких микроинфарктов 10 октября 1984 года Мария Оскаровна скончалась. Владимов уже жил в эмиграции в Германии. Он обратился телеграммой в советское консульство, прося разрешения присутствовать на ее похоронах, но ответа не последовало. Марию Оскаровну похоронил университетский друг Владимирова Илья Львович Белявский и его внучка. По доверенности Георгия Николаевича он, получив единовременную послед-

нюю выплату пенсии Марии Оскаровны, отправил ее Нине Васильевне Котляровой, двоюродной сестре писателя, той маленькой Ниночке, которая была с Жорой в эвакуации.

КРАТКОЕ НЕЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Василий Емельянович Мякушко (1923–2014), сыгравший столь роковую роль в судьбе Владимова и его матери, начал свою карьеру инструктором физкультуры Дома культуры в городке Решетилровка Полтавской области*. В ноябре 1941-го он поступил на службу в НКВД, и первым местом его карьеры в органах госбезопасности был цитрусовый Сухуми, в котором он провел два с половиной года. В мае 1944 года уже сотрудником Смерша** он получил перевод в древний Кутаиси, поэтично именуемый «город мая и роз». Там, как разъясняется на сайте Пограничных и разведывательных служб, лейтенант Мякушко «обслуживал» Суворовское училище, переехав с ним в Петродворец в 1946 году.

В 1948-м он перешел на работу в Большой дом на Литейном проспекте. Прослужив несколько лет, Мякушко успешно отправил в ГУЛАГ Марию Оскаровну, и, можно быть уверенным, не ее одну. Он с отличием окончил Воен-

* Керівники української зовнішньої розвідки. http://shieldandword.mozohin.ru/personnel/myakushko_v_e.htm.

** Смерш — организация, существовавшая фактически с 1942 года, хотя официальные даты — с апреля–мая 1943-го и до 1946 года. Было три отдельных корпуса Смерша: относящийся к Военно-морскому флоту, к военной разведке и к Наркомату внутренних дел, о деятельности которого идет речь в романе Владимова. Более подробно см.: Смерш. Исторические очерки и архивные документы. С. 64–79; см. также: *Birstein V.J. SMERSH: Stalin's Secret Weapon: Soviet Military Counter intelligence in WWII* // London: Biteback Publishing, 2011. Pp. 177–192.

но-юридическую академию Советской армии в 1952 году и поступил на факультет контрразведки школы № 101 МГБ/КГБ, завершив обучение в 1954-м. Мякушко провел несколько лет, работая в резидентуре КГБ в Париже, о чем вспоминал с особым удовольствием, как о лучших годах своей богатой трудами жизни.

Генерал-майор Василий Емельянович Мякушко дослужился до заместителя министра КГБ Украинской ССР и завершил свою блестящую карьеру на посту советника представительства КГБ СССР при МВД Болгарии.

Доблестный Мякушко был орденоносцем, награжденным двумя орденами Трудового Красного Знамени (1967, 1977), орденом Красной Звезды (1970), Отечественной войны I степени (1985), орденом Богдана Хмельницкого III степени (1985), знаком «Почетный сотрудник госбезопасности» (1958), «Почесний співробітник зовнішньої розвідки України» (2008), двумя нагрудными знаками за заслуги (2009) и бесчисленными грамотами.

Василий Емельянович Мякушко прожил более девяноста лет в довольстве и почете, охотно давая интервью, делясь воспоминаниями и профессиональным опытом со взрослыми и детьми и с видимым удовольствием позируя на фотографиях при всех своих великолепных регалиях.

Глава седьмая

От «Пашского колхозника» до журнала «Театр»

С арестом матери в декабрьскую ночь 1952 года начался трудный путь взрослой жизни Георгия Волосевича. «Век-волкодав» бросился ему на плечи, и он изо всех сил старался устоять на ногах. Ему был двадцать один год. Но он уже твердо знал, что его призвание — литература, и упорно, несмотря на голод, бездомность и одиночество, двигался к своей цели.

В университете Георгий увлекался драматургией и сочинил три пьесы и повесть: *«Посылал во все редакции, носил в театры, — ничего у меня не брали. За это можно только благодарить судьбу. Иначе мне теперь было бы очень стыдно — это была советская подражательная литература. Начал стихи писать, но быстро бросил, осознав, что я не поэт»*.

После окончания университета он попробовал устроиться в газету «Вечерний Ленинград», ездил по заводам и писал очерки:

Но начальство их печатать не могло — руки славных чекистов и сюда дотянулись. Я принял приглашение сельской газеты и выехал из Ленинграда на 212-й километр в село Паша на реке того же названия. Газета называлась «Пашский колхозник» и обслуживала в основном голодные, нищие колхозы, но и лесорубов, сплавщиков, рабочих речного флота. Проработал я в газете месяца три, всю зиму 1953–1954 года. Свой «угол» в Ленинграде я сохранил за собою, и почти все заработанные деньги трати-

лись на поездки, но жить совсем без города в медвежьем углу было невозможно (ГВ).

Его университетские друзья Илья Белявский и Алексей Новицкий уехали по распределению: Илья в Новосибирск, Алексей в свой родной город Орел. Оба, сговорившись, весной 1954 года записались на курсы повышения квалификации в Москве. Георгий приехал к ним на три дня, счастливый возможностью повидаться с близкими людьми — редкий случай в его «волчьем» одиночестве. Илью и Алексея поместили в общежитии, куда, дав небольшую взятку, они «протащили» Георгия. В первый день, гуляя по дождливой Москве, он купил билет на дневной спектакль в «Ленкоме». Шла пьеса Алексея Арбузова «Годы странствий» в постановке режиссеров Софьи Гиацинтовой и Владимира Соловьева и в оформлении известного театрального художника Александра Васильева. Спектакль так поразил молодого человека, что, выйдя из театра, он купил текст пьесы в ближайшем книжном магазине*. Уже в поезде по пути в Ленинград он начал читать «Годы странствий», делая записки для будущей рецензии.

Вскоре Владимов послал в журнал «Театр» статью «Женские образы в пьесах Анатолия Софронова»**. Она была напечатана, но Владимов, подробно рассказывая мне об этом периоде, о ней ни разу не упомянул. О Софронове он всегда отзывался с отвращением, вспоминая его рвение в преследовании «космополитов»***, а позднее участие в травле Владимира Дудинцева и Бориса Пастернака.

* Я предполагаю, что это было издание: *Арбузов А. Годы странствий*. М.: Искусство, 1954.

** *Владимов Г. Женские образы в пьесах Анатолия Софронова* // *Театр*. 1954. № 11. С. 136–145.

*** *Чупринин С. Оттепель*. С. 56–57; *Симонов К. Глазами человека моего поколения*. С. 426.

1954 год был важнейшим и переломным в жизни Владимова, о чем полнее всего свидетельствуют его письма матери в ГУЛАГ*. Они важны и как свидетельство его личной судьбы и характера, и как неоценимые штрихи к портрету поколения, вступавшего в литературу в переломный для страны постсталинский период.

Для заключенных существовал лимит на переписку, который объясняет редкость писем. Возможно, какие-то письма были изъяты органами госбезопасности или утеряны при переводе Марии Оскаровны из одного лагеря в другой. Некоторые странички писем так слежались, что отдельные строки прочесть невозможно. Иногда распавшиеся письма склеены, что затрудняет чтение. В тех случаях, когда по буквам или отдельным словам можно догадаться о содержании текста, он дается в квадратных скобках. Есть письма, где точные даты не указаны, но следуя смыслу и содержанию, можно установить приблизительное время написания. Часто отдельные слова, даты и части строк чем-то забелены, видимо, рукой цензора. Некоторые имена — Чарли, Винченце, нехромающий Байрон — явно закодированы, и не всегда можно определить, кто стоит за приведенными инициалами. Письма из лагеря Марии Оскаровны сыну не сохранились.

* * *

Здравствуй, мамочка!

Только что вернулся из Москвы. Побывал в театре, на ВСХ выставке [зрелище грандиознейшее!] и в своей редакции, где меня очень тепло приняли, наговорив уйму всяческих комплиментов, и напутствовали в дальнюю дорогу множеством необходимых истин. Принял с благодарностью.

* Владимов Г. Письма матери в ГУЛАГ. С. 153–171.

Особо впечатлительна была встреча с Н.П.*, который, правда, меня зверски отругал, но признал талант «искрометный и свежий» и обещал вывести эту «молодую сволочь», то бишь меня, в люди. Статья моя [первая] пойти не может — по некоторым не зависящим от редакции обстоятельствам, в связи с последними событиями в литературе и критике, — но деньги мне перешлют в ближайшее время, чтобы я работал и ни в чем не нуждался. Тут же на месте договорились о новой теме и заставили неделю посидеть в Москве, чтобы сдать статью в съездовский номер. Вчера вечером прилетел на самолете: деньги были казенные, и было все равно — на чем ехать.

Помимо прочего, заключено трудовое соглашение в том, что я обязуюсь не позднее 20 дней представить статью на 3 печатных листа о «Годах странствий» Алексея Арбузова**. Статья у меня почти готова и требует некоторой внешней отделки по сделанным на полях замечаниям. Как видишь, идут навстречу.

Деньги я на той неделе получу и, разумеется, тебе вышлю. Тратить мне особенно не на что, хочу только купить некоторые, до зарезу необходимые книги, остального хватит до ноября, а дальше пойдут статьи из месяца в месяц. Неожиданно я получил некоторую свободу и могу, как писали классики, «отдаться любимой литературной работе». Я, впрочем, предпочитаю другие термины, поскольку отдаются только женщины и города на милость победителям, — здесь же надо брать быка за рога.

Несколько похудел. Но чувствую в себе прилив необычайной энергии. Все-таки я чертовски молод, и это моя самая прочная и многообещающая база. К тому же — немалый жизненный опыт и развитой ум. Все остальное

* Погодин (Стукалов) Николай Федорович (1900–1962) был главным редактором журнала «Театр» в 1951–1960 годах.

** Молодой критик или неверно понял договор, или ошибся в подсчетах: в опубликованной статье приблизительно один печатный лист.

приложится. И разумеется, очень недалек тот день, когда звезда моего успеха засверкает на нашем потускневшем небосклоне. Прошу в это верить.

Пока работаю дома, но в самом ближайшем будущем Н.П. предлагает взять меня к себе или в «Литературную газету», поскольку предполагает — по стилю моих статей — немалый талант публицистический. Вообще, дядька очень добродушный и деловой и намерен принять в моей судьбе самое деятельное участие. «Слушайте, — говорит, — меня во всем, и я Вас выведу в люди». Приходится слушаться.

Теперь о свидании. Хотелось бы, конечно, увидеться, но у меня пока недостаточно денег, чтобы сделать передачу и переслать наличными. Я, впрочем, приду в ближайшее воскресенье, так что похлопочи о свидании. Только постарайся меня предупредить, потому что это очень мучительная штука: выстоять в очереди 5 часов и получить шиш с мармеладом.

Как твоё здоровье и прогнозы на дела? Есть ли какие-нибудь надежды? Я думаю, что в скором времени смогу это дело двинуть более бодрыми темпами.

Желаю всего наилучшего, что только может быть в твоей жизни, крепко жму руку и целую.

Твой непутевый и бесталанный сын Жора.

1954.

Точная дата отсутствует, но ясно по фактам биографии Владимирова, что это письмо было написано весной 1954 года, в апреле или мае.

* * *

Здравствуй, дорогая мамочка!

Прошу простить за долгое молчание, поскольку я себя загрузил всякими делами и поездками, и просто не было времени очнуться от той свободы, которую я, наконец,

получил. Был опять у Ирины*, пробыл там четыре дня. Встретили меня прекрасно, убедительно просят ехать в Харьков. Приехала тетя Вера с Вовкой, — в общем, было весело. Вовка здорово вытянулся, мне уже по плечо, занимается фотографией и даже меня провоцирует заняться этим делом. Тетя Вера постарела, но, в общем, все они характерами мало изменились. Это особенно, вероятно, заметно потому, что здорово изменились мы с тобой. Почему ты мне ничего не пишешь — о здоровье, о видах на будущее? Пишет ли тебе Ида? Может быть, мне взяться ей написать. Или лучше дожидаться, когда они сюда приедут, и тогда Ида сможет прийти к тебе. Сегодня приехал из Новосибирска адвокат Белявский с супругой, но у меня они еще не были, так что не знаю, как они выглядят и насколько хорошо будет мне с ними третьим лишним. Желать мне, что ли?

Сейчас я снова много пишу и много читаю, закончил чтение всего Горького, Джека Лондона и Шекспира. Теперь возьмусь за литературу французскую — Бальзака, Флобера и Стендаля. Этих я — ни в зуб ногой. Недавно читал «Вор» и «Соть» Л. Леонова — все хорошие, талантливые вещи и особенно язык.

Договорился со своими ребятами написать им большую статью о пьесе Арбузова «Годы странствий» — очень [интересная], хорошая вещь с небольшими педагогическими завихрениями, которые я, поклонник Д. Писарева, сумею исправить. Белинский меня ждет, и я просто не знаю, когда же я к нему вырвусь. Все хочется, и все нужно прочесть, ибо я чувствую, что мое образование ни к чорту негодно. А мои конкуренты, не обладающие ни критическим даром, ни смелостью мысли, дают мне

* Ирина Волосевич — двоюродная сестра Владимова. Далее упоминаются сестра отца Вера Степановна Волосевич и ее сын Владимир (Вовка).

100 очков вперед лишь потому, что вовремя прочитали очень много полезных книжонок и вовремя умеют достать их с полки. Я, конечно, не унываю, но все ж таки трудненько.

Помимо прочего, задумал я купить самоучители по английскому, французскому и испанскому языкам (наиболее распространенные в мире) и начать учить понемногу, по часу-два в день, и так до полного совершенства. Но все это можно будет делать, когда все более или менее утрясется, и станет определенным и «оседлым».

Ты напиши мне, нужны ли тебе деньги, — я немного имею, но ведь надо мне до августа, даже до сентября растянуть. В общем, я не пожалею и пришлю. На базаре уже кое-какая мелюзга появилась, можно достать, и я надеюсь к 13-му числу что-нибудь тебе передать. Увидимся мы, вероятно, только осенью, так что я тебя заочно поздравляю с твоим днем рождения и желаю всего, всего наилучшего.

Ты на меня не сердись, потому что жизнь мне досталась противная и нервная, — нужно иметь *мой* оптимизм, чтобы еще барахтаться и находить вдохновение.

Думаю, что в моем положении не творил ни один классик, но и это соображение доставляет мне удовольствие. Итак, как ты видишь, мой оптимизм имеет бездоннейшую черпальницу, и эта чаша, хоть и не золотая, да наша*.

На этом спешу закончить, ибо есть дела.

Желаю всего наилучшего — здоровья, бодрости и отсутствия всяких подозрений.

Крепко жму руку

Жора.

8.7.54.

Ленинград. 124**

* Лермонтов М. Чаша жизни. Начало строфы: «Тогда мы видим, что пу-
ста...» // Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Воскресение, 1999. Т. 1. С. 320.

** Номер почтового отделения, где Владимов получал почту «до вос-
требования».

* * *

Здравствуй, мама!

Получил твое письмо и очень удивлен переменою тона. Впрочем, приливы и отливы — вещь вполне закономерная под луной. Одно непонятно. Зачем же ты все еще пишешь невнимательному эгоисту?

Без долгих рассуждений замечу, что ехать мне куда уже не имеет смысла, ибо у меня на весь август осталось триста рублей. Если из этих денег 200 отдать хозяйке, то как раз остается сотня, чтобы переслать тебе. Как видишь, живется эгоистам недурненько, и всегда есть возможность свести концы с концами.

Вполне согласен с твоим утверждением, что тебе требуется усиленное питание, и обещаю в самые ближайшие дни деньги переслать. Есть возможность неплохо заработать на переборке овощей. Только прошу подождать терпеливо и дать мне возможность не протянуть копыта, — а это вполне может случиться, ежели учесть, что ем я 1–2 раза в сутки и работаю не совсем по-отпускному.

Должен сознаться, что при всей моей хваленой деловитости я еще не достиг того апогея, при котором удалось бы объединить и претворить в действительность три твоих лозунга: «вещи не продавай!», «питайся хорошенько!» и «обеспечь мне усиленное питание!».

Кто в этом виноват, не знаю: я или ты, которая до сих пор не понимает, какой тяжелый урон нанесло всему нашему семейству твое осуждение.

Я думаю, что обмен дурными письмами недолго будет продолжаться, ибо я все-таки намерен заговорить языком не дитяти, но мужа. В частности, хочу заявить теперь, что следующее твое «упречное» письмо решительно останется без ответа, и в конце концов, я превращусь в некий сердобольный автомат, который в определенное число каждого месяца будет пересылать тебе определенные суммы.

Я думаю, что и тебе не хочется рвать нити душевного согласия, которое у нас понемногу установилось в последние годы, и потому советую тебе — перед тем, как предпринимать очередную пилюлю моих нервов — хорошенько подумать и вспомнить, что сия экзекуция предназначается человеку, меньше всего виноватому в том, что случилось с нами, и не менее твоего заинтересованному, чтобы все окончилось к лучшему. Этому человеку очень трудно... Вот и все, что я могу сказать еще. Думаю, что в скором времени это положение изменится, и надеюсь, что ты порадуешься этому вместе со мною.

Пока же могу сообщить, что я ничего не узнал нового по интересующему тебя и меня вопросу, кроме того, что тебе, вероятно, известно по газетам (я имею в виду расстрел Рюмина*). Чарли уехал в Сочи, а нехромающий Байрон** и его дражайшая половина слышат только звон, да не знают, где он.

Прийти 1-го августа я не смогу, ибо это время будет использовано не без выгоды для тебя. Приду 8-го.

Целую, Жора

P. S. Ты могла бы все-таки не играть в «превозмогая боль», ибо, во-первых, публику меньше всего интересует, что актриса в день премьеры похоронила мужа, а во-вторых, такие эксперименты плохо кончаются. Зачем это тебе нужно? Я не понимаю «умение жить» как умение устраиваться, но давно отрешился от наивных салты морталя

* Рюмин Михаил Дмитриевич (1913–1954) — полковник НКВД/МВД, заместитель министра государственной безопасности СССР, известный особой жестокостью. Инициатор «дела врачей». Арестован 17 марта 1953 года, расстрелян 22 июля 1954-го.

** Я предполагаю, что этим именем обозначен Илья Белявский, по словам Владимова и его матери, очень красивый брюнет. Белявский работал адвокатом, и Владимов очень доверял ему и полностью полагался на него в юридических вопросах. Но в то время и для юристов было много неясного.

дешевого энтузиазма. Коли ты требуешь чего-то от меня, так и я вправе требовать, чтобы ты соблюдала режим и берегла здоровье. Надеюсь, оно и тебе и мне еще пригодится.

Жора.

28.7.54 г. Ленинград

* * *

Здравствуй!*

Получил 1 мая твою открыточку и был обрадован, что у тебя хорошее настроение и ты не ругаешься, т. е. не поешь мне псалмы о «забвении» своих сыновних обязанностей.

1 и 2 мая был в компании, немного рассеялся и выпил за твое освобождение. Мечтаю об этом не меньше, чем ты. Но, в отличие от тебя, великолепно знаю, что дело это непростое и небыстрое. Как видишь, сессия ничего в этом отношении не затронула. Так что поговорить еще придется, и не один год. Строить планы на ближайшие свои планы.

Однако желаю тебе бодрости и всего, что нужно, чтобы сохранить себя здоровой и бодрой для «мирной» жизни.

Ты что-то больно много цитируешь поэтов — это не к добру. Почитай лучше прозу — прозаики честнее и больше дают для разумного понимания жизни. А увлекаться красивыми и пустопорожними созвучиями не наше дело! Для нас это роскошь непозволительная. Кто бы ни был тот поэт, которого ты мне свалила на бедную голову, — позволю себе заметить как критик, что написал он совершенную глупость, (строка неразборчива):

* Часть обращения и дата замазаны чем-то белым.

«...пуста
Была золотая чаша,
Что в ней напиток был мечта
И что она не наша»*.

Если чаша «золотая» — то она хороша и без напитка, и плохо только то, что она «не наша». А ежели она фальшивая, да и напиток в ней «мечта», — так очень хорошо, что она и на самом деле «не наша». Стих не выдерживает никакой критики и выражает только одно: «плакало наше золотишко!»

Вот видишь, как вредно повторять поэтические истины, да еще строить на них какую-то жизненную философию. Ты была много бодрее несколько месяцев назад, и это меня тогда радовало. А теперь [почему-то впадаешь в уныние, когда деятельный сын] испытывает временный дефицит в деньгах и времени и не может вовремя выслать тебе пенензи** и начертать пару строк о своем железном здоровье?

Относительно штанги и гирь — не извольте сумлеваться: я старый спортсмен и сумею предупредить перетренировку. И вообще — поменьше жизненных советов — 1) даются они человеком, знающим жизнь едва ли лучше него; 2) даются заочно, и применять их в моей практике нет никакой возможности; 3) я уже дожил до тех лет, могу давать советы и сам, тем более что делать это очень легко — гораздо легче, чем претворять в действительность.

Во всех твоих письмах проглядывает прежнее, обидное для меня недоверие к моему зрелому разуму, к моей способности жить и работать в труднейшей обстановке, к моему отношению к тебе. Разубеждать тебя считаю излишним, поскольку считаю, что в тебе говорят «педагоги-

* *Лермонтов М. Чаша жизни. Т. 1. С. 320.*

** От польского *pieniądze* — «деньги».

ческая склонность» и воспоминание о «длинноногом папочке». Однако хочу предупредить, что все твои наставления и сомнения считаю попросту смешными и выпускаю в другое ухо без задержки. Все больше и больше жалею, что у меня в свое время не хватило твердости преодолеть твои [материнские страхи и стенания, а то], я бы, вероятно, не поступил на факультет, который не дает ничего, кроме блестящего и общего образования, заменяемого или достигаемого многими разумными людьми самостоятельным чтением, и не вернулся бы обратно после не довершенной попытки поступить во ВГИК. Вообще, надо признаться, что твой ум-разум едва ли когда-нибудь спасал меня от того состояния, которое тебе, вероятно, хочется и здесь выразить поэтически: «Я заплатил безумству дань»*. Весьма сожалею, что я в свое время этой дани не заплатил и хожу до сих пор в неоплатных должниках.

Вот все, что я хотел тебе сказать по этому поводу. В остальном предоставь мне, пожалуйста, действовать так, как я найду нужным: так будет лучше и для меня, и для тебя, и «для промфинплана».

Теперь о делах: деньги я на днях получу и немедленно тебе вышлю. Чутьочку потерпи: тебя ведь все-таки в больнице кормят, а я питаюсь бог знает где и чорт знает как. Вышлю.

Сейчас срочно заканчиваю одну работенку. Думаю, что моя работа в ближайшее время перейдет из области мечты и чаша будет наша. А напиток в нее нальем мы тот (хоть и не из провинции Шампань), который продается в магазинах «Росглавино».

Я тебе писал о послании Н.Ф. Погодина, — есть уверенность, что пришвартуюсь к ним и буду давать стопроцентную выработку.

* Точная строчка: «Ты заплатил безумству дань» // Пушкин А. Евгений Онегин // Собр. соч.: В 10 т. М.: Художественная литература, 1959. Т. 1. С. 163.

На этом кончаю. Очень спешу. Прошу не обижаться на некоторые резкости. Просто не хватило времени, чтобы их «округлить». Да это теперь и не в моих привычках, ибо я становлюсь груб, как заждавшийся любовник.

Довольно сантиментов. Нас ждут великие дела. В этой уверенности и пребывает ныне твой деловой сын Жора.

1954, Ленинград

* * *

Здравствуй, мама!

Сегодня получил твое письмо. Оно несколько запоздало: я уже сообщил Иде, что подыскал для них пристанище, и теперь она, конечно, приедет. Почему ты против ее поездки в Л-д? Ведь она едет не только с целью свидания, у нее дела в Институте. И потом, я думаю, что свидания все-таки можно добиться. Я слышал, что приедем (из-за сотни километров) идут навстречу. Мы тут с Идой что-нибудь придумаем.

Относительно овощей и фруктов — прошу подождать до 29-го. Как будто намечаются деньги. Те, что я получил, уже подходят к концу: надо было расплатиться с долгами и т. д. И теперь ожидаю выхода в свет журнала. Выходит он как раз в день открытия Второго съезда писателей. Т. о., моя речь на съезде тоже состоится, хотя и в письменном виде. Я полагаю, что это ничуть не хуже, а в материальном отношении даже удобней. Это пока, собственно, и есть те особые изменения, которых ты боишься. Девчонку, «тебя не спросив», надо сперва найти, а за последние месяцы мне ничего подходящего на глаза не попадалось.

Сейчас много работаю, читаю, пишу пьесу. Надеюсь все-таки не сложить оружие в эти «решающие месяцы» и не сдать завоеванных позиций. Как только получу деньги, начну планомерное и окончательное лечение. И пока не вылечусь до конца, не останавлиюсь.

Кроме прочего, хочу одеться поприличней и «накопец увидеть свет». Вот в таком разрезе.

Ты просишь сохранить твои книги — часть из них я продал, часть обменял. Если ты имеешь в виду художественное, то я собираю всех писателей полными собраниями. Купил по несколько томов Шекспира, Гейне, Макаренко, Маркса и Энгельса. Закладываю первые кирпичи моей библиотеки — материальной основы культурного фонда. Если ты что-то имеешь против — жаловаться в письменном виде.

Ну, пока. Желаю всего хорошего, здоровья и долгожданных известий. Что же они теперь лечат, если остались вещи, как ты пишешь, «необратимые»*?

Целую,

Жора. 21.X.54

* * *

Привет из далекого Ленинграда**!

Чорт знает, как расшвыряла нас судьба, но не думаю, чтобы это было к худшему. Ты не теряешь бодрость духа, я это чувствую по тону твоих писем, и это, конечно, здорово. Даже я, старый и безнадежный оптимист, проникаюсь благоговейным восхищением.

Не только нет худа без добра, но нет и черных дней без светлых промежутков. Я думаю, что ты порадуешься вместе со мною, если я сообщу тебе, что сегодня имел честь читать собственную статью, напечатанную в солидном журнале. Постарайся достать «Театр» номер 11 (за ноябрь) и прочти «Женские образы в пьесах Анатолия Софронова»***.

* Это письмо написано, когда Мария Оскарловна была в больнице Ф. Гааза.

** Точная дата отсутствует, но, судя по информации, которую Владимир сообщает, это письмо было написано в ноябре 1954 года.

*** Владимир Г. Женские образы в пьесах Анатолия Софронова // Театр. 1954. № 11. С. 136–145.

Не сказать, чтобы очень хороша была статьяшка, видна торопливость и легкомыслие, да и редакция здорово ее причесала, выбросив наиболее ударные места, — но как первый опус, прорвавшийся на линию огня, это для меня особенно важно. Теперь я полный и законный литератор, подвизавшийся на ниве журнальной во имя добра, истины и красоты. Лешка* прочел раньше моего и успел прислать телеграмму. Теперь следует ждать следующего, 12 номера, — будущая статья намного больше и лучше.

Ну, вот, мамочка, и окончилась моя «начинающаяся» юность. Я нашел типографию, я поэт!.. Теперь впереди большая работа: вперед и выше. Здорово робею, ибо плохо учился. Хуже того: мало знаю жизнь. Теперь все это надо наверстывать лихорадочными темпами, дабы к тридцатилетию своему стать большим и крепким писателем. Пожми мне через сотни верст мою доблестную длань и пожелай счастливо доехать. Лиха была беда — начало.

Ты спрашиваешь о делах. Ида не приехала и не придет, наверное. Я им немедленно сообщил о тебе, и, конечно, теперь ей нет смысла ехать в мороз. Она очень огорчена и растеряна. Между прочим, она тебе выслала 5-го телеграфом деньги (100 рублей). Я сообщил ей новый твой адрес, чтобы она переслала туда. В ближайшем времени ты их получишь. Недели через полторы я тебе тоже перешлю, а пока сообщи мне, получила ли пересланные тебе телеграфом 100 рублей от меня. Ты спрашиваешь относительно облигаций — они выигрывают и погашаются по 100–200 рублей раз в три месяца, больше от них толку не жди. Но, разумеется, я тебе от них же и пересылаю, а как же иначе?

В декабре ожидается довольно солидный гонораришко — доживем, попользуемся. У меня пока 800 рублей, кроме тех, что отложены, чтобы тебе помогать.

* Алексей Новицкий, университетский друг.

Кстати, 39 книг ты прочла, а «Мартина Идена», наверное, нет. А?

А ведь я тебя очень просил — это моя любимейшая книга, потому что — обо мне. Это я — со всеми, и я бы хотел, чтобы ты поняла меня до конца.

Тогда тебя не испугает риск, как испугал три года назад, когда я хотел перекинуться во ВГИК.

Ну, да не будем поминать старое.

Теперь — дела. 15-го мне выдадут облигации, только не знаю, как быть с проверкой номеров, квитанции ведь у меня нет.

Твои стихи мне понравились чрезвычайно, и я ходил два дня под их обаянием — такое не всякий день можно прочесть*. И радостно было, и грустно до слез. Радостно — по многим причинам. Ты помнишь, писал Вересаев: «Нет предела низости человека, так же как нет предела его величию». И вот оно все — перед нашими глазами. Это хорошо, что тебя не согнули, и твое внутреннее существо не сломалось под тяжестью несправедливости, да еще — социальной, хорошо, что твоя философия не дала крена, и ты осталась человеком, как я люблю говорить, — «пролетарским».

А я этого больше всего боялся — ведь это страшнее, чем попасть в застенки капитализма: там ясно, кто ты и кто враг твой, и гребень баррикады не пропадает в тумане.

Очень хорошие твои стихи, и ты сильный человек, крепкий духом, и я тебя за это уважаю и жму лапы. Иным мужчинам до такого мужества далековато.

Это и есть мирная победа духа над предательством непостоянной судьбы.

А грустно почему? Да потому, что так долго мы друг друга не понимали: ты на меня переносила свое представление об отце, хотела, чтобы я жил твоими интересами, —

* См. лагерные стихи Марии Оскаровны Зейфман: *Владимов Г.* Письма матери в ГУЛАГ. С. 168–171.

а были ли они у тебя? Вспомни, на кого ты столько лет работала и какие люди тебя окружали. И стыдно теперь сознавать, что под их влиянием два здоровых, крепких духом и мыслями человека, влюбленных в жизнь, не понимали, что они родственны не только по паспорту, но по душе.

И пожалуй, самое обидное, что ты в меня до конца не верила, а я без тени хвастовства могу сказать, что я — талантлив, упрям и нестигаем (что у меня от отца, а не от тебя), и уж если сказал, что буду писателем, так буду непременно.

И чем труднее мне жить, тем больше верю, что победа будет за мною, за нами, и писателем буду большим и настоящим.

А трудности? Что о них говорить! Как бы ни были они велики, они никогда не сравнятся с теми трудностями, которые составляют само существо писательской профессии. Так что на этот счет у меня никаких иллюзий нет.

И юность мою ничто не омрачит, — не тревожься.

Чем больше их на моем пути, тем лучше — потому что трудности всегда рождают потребность переживать и мыслить, так что «материальчик» всегда будет для писательства. И сколько бы сволочей и подлецов на моем пути не встречалось — меня они не сломают, я всегда буду выше их и сильнее, да и сами они — прототипы моих героев: я их наблюдаю, коллекционирую, и только.

Сейчас я перешагиваю через самого себя — чувствую большую потребность знать жизнь, учиться писать — так, чтоб моим пером всегда водила правда. Это и трудно, и хорошо. На выдумке далеко не уедешь, да и сама выдумка нужна ровно настолько, чтобы правда стала искусством. Ты меня понимаешь. Сейчас много читаю — Ленина, Толстого, Горького, Бальзака, газеты и журналы — хочу быть с веком наравне.

Единственное, чего я сейчас от жизни хочу, — такую профессию, чтобы ездить, видеть, разговаривать с людьми.

ми и обязательно писать о них. Даже за недолгую мою работу в «Вечерке» я увидел много интересного, в особенности людей, рабочих, — а это люди настоящие и интересные в массе своей. У них много задора, оптимизма, прямолинейности, смелости и простоты, они очень дружны и отзывчивы — это потому, что труд их конкретен, и в минуту самого «делания» дает им глубочайшую уверенность в полезности. Бывают они и пьяными, и грубыми, но ведь ты же знаешь:

«Класс-то жажду заливает квасом,
Класс-то тоже выпить не дурак»*.

Вот я и хочу в газету — обязательно в газету <...> все: и умение жить в ногу со временем, и знание людей, и ежедневная тренировка в писательстве.

Ну вот мы с тобой поговорили.

У нас еще много, много тем для разговоров, и мы обязательно наговоримся досыта. Только ты не унывай, не растревляй себя заботами о вещах: это добро еще нас переживет.

Жизнь и свобода — вот непреходящие ценности, и об этом надо печься.

Это хорошо, что ты надеешься и веришь в меня — я тебя не забуду и не оставлю.

Работать ты не будешь, хватит, наработалась! Теперь и мне пора приступать по-настоящему, а ты будешь мне помогать.

.....**

Если выиграют (облигации), поеду в Москву к Ворошилову. Только сперва хочу поменять паспорт — у меня 1 октября срок.

* *Маяковский В. Сергею Есенину // Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Художественная литература, 1955. Т. 7. С. 100.*

** Следующая часть письма заклеена — невозможно установить, кем и когда.

Ида прислала письмо, очень подавлена, переживает — написала письмо К.Е.*.

Будем работать, пока тебя не освободят.

Относительно зачета 9,5 месяца** — постараюсь узнать. Это трудно, поскольку официально ничего нет.

Ну вот пока все.

Обнимаю и целую тебя, дорогая мамочка!

Крепись и надейся. Верь в меня.

Твой Жора, 1954

* * *

Здравствуй, дорогая моя родительница!

Настоящим спешу сообщить, что блудное чадо ваше пребывает живу, здорову и в силах своих уверенну, как никогда. На днях получил твое долгожданное письмишко, в коем ты выражаешь радость по поводу моего несколько запоздалого дебюта, и это, разумеется, прибавило изрядную толику в ту чашу восторга, которую я опорожнял распивочно и навьинос все эти последние дни. Впрочем, нагрузиться мне так и не дали, — шефы мои не оставляют меня в блаженном беспорядке и уже сообщили дружественной эпистолой, что дебют мой на ниве критики «оказался бурным, залповым» [имеется в виду скоростная очередность выхода моих статей], однако, не мешает и честь знать: пора бы подумать о следующих выступлениях. По всей видимости, я уже успел понравиться и оказался не столь уже завалященьким сотрудником, чтобы оставлять меня на растерзание другим журналам. С моей стороны последовали самые искренние уверения в моем совершенном к уважаемой ре-

* Уже указывалось в предыдущей главе, что решение вопроса о помиловании было в руках К.Е. Ворошилова, председателя Верховного Совета СССР.

** Время, которое М.О. Зейфман провела в тюрьме с момента ареста и до первого суда в октябре 1953 года.

дакции почтении и полной боевой готовности работать, не щадя сил своих, в первую очередь, на пользу тому журналу, который первым протянул мне руку братства и помощи. Итак, договорились о дальнейших планах, и — пошла моя писательская, литераторская, журналистская жизнь... Кажется, вышеупомянутая эпистола впервые напомнила мне, что писательство — прежде прочего — обязанность, труд, долг, а потом уже — деньги, слава, женщины. Это — замечательно. Я ничуть не разочарован. Я по натуре человек будничный, и работать умею все-таки лучше, нежели праздновать. Даже в экстазе самого бурного вдохновения и фантазии для меня превыше всего — ясность мышления, а туман — дело никудышное, и притом у меня врожденная антипатия к алкоголю. Словом, делу время, потехе — десять минут.

Сейчас я работаю: пишу, читаю, учусь десяткам разнообразных вещей в области приемов и стиля, изучаю языки и потихонечку пытаюсь переводить Теккерее и Ромена Роллана. Даже на гитаре играть учусь, вот до чего дошел в искоренении недостатков «проклятого воспитания»!.. И разумеется, спорт. Ты бы меня теперь с трудом опознала: вешу 75 кг, шея приобрела благородные бычьи очертания, бицепсы вздуваются под рубашкой и ворот расползается на груди, это, разумеется, еще не предел. Словом, накапливаю энергию для грядущих свершений. Плохо только, что мало знакомых, и все как-то потускнели, так что испытываю голод в людях и хватаюсь за каждую новую кандидатуру. Учусь наблюдать и анализировать природу человеческую, и надеюсь, что в этом искусстве азы оставлены позади. Из давних знакомых наиболее часто попадают Валька Исаев и Маечка*. Последняя просит загляды-

* Валентин Исаев учился с Георгием Владимовым (тогда Жорой Волоосевичем) в Суворовском училище. Маечка — жена Исаева, с которой он познакомился на одном из балов в училище, куда приглашали девочек из соседней женской школы.

вать, она уже боже мой, мама, — сия гимназисточка с русой косой... Живут неплохо, но тоскует по «чему-то такому». Блажит, по-моему.

«Единственная и неповторимая» почему-то не встречается на стезе моей, а любить невероятно хочется — «аж-ник шея вздувается зобом»*, — как писал мой друг Володя Маяковский. И на душе тревожно, ибо знаю, что ежели встретится более или менее сносное подобие идеала, влюблюсь до обалдения, всерьез и надолго, — а это при моем росте и весе — трагедия. Иногда же кажется, что годы уходят в напрасном ожидании, — смотрю на себя в зеркало, а оттуда выглядывает физиономия семнадцатилетнего отрока, с полудетской мягкостью очертаний и челюстью, едва претендующей на прагматизм. Вообще, я теперь только начинаю преобразовываться в мужчину и все больше горжусь тем, что моложе телом и духом всяческих ныне истаскавшихся тарзанов и стилиг, которые в былые времена давали мне сто очков вперед в атаках супротив прекрасного пола. И это — несмотря на всю совокупность моих огорчений, ошибок и неудач. Как мало пройдено, как много пережито**.

Но больше всего огорчают меня теперь рецидивы твоих болезней и то, что в эти дни ты находишься у чорта на куличиках, — а я всегда думал, что мой дебют мы отметим добрым единением вокруг одного стола, с единственной бутылкой. Ты часто говорила мне, что я не оправдываю каких-то твоих надежд, а я отвечал с врожденной неделикатностью: я явился в этот прекрасный мир не для того, чтобы оправдывать чьи-то надежды. Все больше думаю, что оба мы неправы: ты — тем, что рассматривала меня сквозь искажающую призму воспоминаний о длин-

* Перефразированная строчка из стихотворения «Взрыв» Владимира Маяковского, написанного в 1925 году: «Горы злобы аж ноги гнут / Даже шея вспухает зобом» // *Маяковский В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Художественная литература, 1955. Т. 7. С. 73.

** *Надсон С.* Полн. собр. соч. М.-Л.: Советский писатель, 1962. С. 145.

ноногом папочке, я — свойственным юности «самоцельным» тяготением к самостоятельности и «гордому одиночеству». Если бы ты могла прочесть мою статью в 12-м номере о Ведерникове [«Крушение интересно-сти»], ты бы поняла, что писал я в большей степени о себе. Даже шефы мои догадались, что это «моя тема», и сказали, что это для них особенно ценно. Кредо всей статьи — в доказательстве: «Он — не урод. Он только гадкий утенок». Мудрость этой сказочки часто забывают и потому принимают сторону матери-гусыни, которая лелеет надежду, что птенчик ее «со временем выровняется и станет поменьше». Я теперь бесконечно далек от того, чтобы сводить счеты самолюбия, я только хочу предостеречь тебя от будущих беспокойств за мою бесшабашно-раскосую натуру. Все перемелется и будет хлеб!

Сейчас у меня на столе — незабвенный «Мартин Иден», и вот я читаю оттуда: «Однако время японских ресторанчиков уже кончалось для Мартина. Как раз в тот момент, когда он прекратил борьбу, колесо фортуны повернулось. Но оно повернулось слишком поздно. Без всякого волнения вскрыв конверт “Миллениума”, Мартин вынул из него чек на триста долларов...»*. Нечто похожее произошло и со мною, — но я не прекращал борьбы! И по-прежнему все конверты вскрываю с волнением. И все-таки какой-то частью души я рад, что победа далась мне в бою, что я не прилепился бесплатным приложением к первому ошеломляющему успеху, а долгие годы исканий и борьбы дали мне возможность заранее познать цену любви и дружбы.

Словом, колесо моей фортуны повернулось достаточно поздно, когда из карся-идеалиста вылупилсЯ трезвый политик и деловой человек. Дальнейшее — решится трудом, усид-

* *Лондон Дж.* Мартин Иден. Собр. соч.: В 14 т. М.: Правда, 1961. Т. 7. С. 341.

чивостью и терпением. Я ощущаю в себе огромную силу, которая ищет применения в больших делах, и если бы нашелся кто-нибудь, кто организовал бы мою будничную жизнь и обеспечил мне восемь часов ежедневно хорошей, доброкачественной рабочей тишины, я бы — ей-ей! — написал бы уже три «Войны» и четыре «Мира». Таково ощущение. Когда-то мне казалось, что весь вопрос упирается в энное количество свободных денег, но теперь понимаю, что не это главное. Главное — свободная жилплощадь, чтобы можно было сидеть над книгою после полуночи, спать в морозы при открытой форточке, жить по-спартански и приводить любых друзей. Это теперь моя основная задача, и я намерен решить ее любыми путями в ближайшие месяцы.

Понемножку растет моя библиотека, появились «Воспоминания» Бисмарка, сочинения утопистов-социалистов, стихи и публицистика Гейне, отдельные тома Спинозы, Смайlsa, Бэкона, Лессинга, Спенсера, Дидро. Уже некуда ставить, и я все более опасаясь, что страсть к собиранию книг приобретет со временем патологические нюансы. Впрочем, пока я собираю их с единственной целью детального изучения, и в таком плане это занятие довольно увлекательно. Хозяйка моя ужасается тому, что я покупаю книги, которых «нельзя читать», однако проникается к ним благоговейным уважением. Недавно она прочла «Идена» и никак не может понять, почему он утопился, когда у него столько было денег. «Неужели из-за бабы?» В конце концов, ее удовлетворило, что «что-то случилось с его головой», и теперь она смотрит на меня с опаской.

Сейчас все мое внимание привлечено к идущему съезду*: начинаю ощущать себя частицей этого коллектива и думаю на днях заявиться в секцию критиков Ленинградского дома литераторов. Пусть принимают в свою

* Второй Всесоюзный съезд советских писателей проходил в Москве 15–26 декабря 1954 года.

компанию. Там, правда, заседают солидные киты, среди которых я буду представлять весьма негабаритную разновидность, но говорят, что мой журнал — достаточно уважаемая трибуна, чтобы мериться силами с китами. По крайней мере, многие из них мечтали бы там напечататься.

Вот как будто и все мои теперешние интересы. Ты — представляешь собою самое уязвимое звено на фронте моих наступлений, и я постепенно разовью удары в этом направлении. Пока я смогу присылать тебе больше денег, в дальнейшем — отложу свободные деньги для твоего защитника. Утверждают компетенты, что игра теперь стоит свеч. Я пока не знаю, чем кончится твоя кампания с заявлением о помиловании. Сообщи мне, пожалуйста, все последние новости и, если можно, слухи, чтобы я мог координировать твои действия с моими. У меня такое ощущение, что все благоприятно разрешится не позднее этой весны. Самое большее — протянется до лета.

Родственники мне почему-то не пишут. Если сможешь, напиши им от себя, потому что я уже сообщал им о твоих метаморфозах и не получил ответа. Думаю, что все это им уже надоело в высочайшей степени. Ничего, однако, не поделаешь.

Заходит маленький Чарли и регулярно передает тебе самые свежие приветы. Он весьма озабочен твоим положением и наперебой предлагает самые фантастические выходы из положения. Ревекка тоже возмущена и делает большие глаза. Люди эти, к сожалению, слишком малы, чтобы дорожить их сочувствием больше чем платонически, но принять к сердцу — не мешает.

Илья и Лешка по уши увязли в работе и беспокоят меня письмами изредка. Все остальные друзья разлетелись по белу свету. Винченце* теперь в Таллине, с мужем,

* Возможно, под псевдонимом Винченце подразумевается Вероника Масевич.

она немножко поправилась и не так угнетена болезнью. Все это я узнаю от Шурика, который меня навещает временами. Он ко мне почему-то удивительно расположен и все еще лелеет надежду, что мы с его сестрой соединимся когда-нибудь законнейшим браком.

Остальное не стоит того, чтобы о нем говорить. Ты все беспокоишься о вещах, хотя им ничего не делается [кроме того, что они пребывают в благородном состоянии естественного устаревания], и меня нехорошо удивляет твоя повышенная заботливость о вещах решительно ничтожных, не стоящих теперь ни моего внимания, ни твоего беспокойства. Ты было заикнулась об их частичной ликвидации, и я был обрадован твоим частичным разрывом с грошовыми иллюзиями, а теперь я вижу, что навязчивые идеи все не покидают тебя. Тебе, ты говоришь, это дорого как память? О чем? Об училище, о бабкиной болезни и смерти, о дорогих сослуживцах и годах службы бок о бок с ними? Я бы хотел со всем этим расстаться отныне и вовеки, чтобы ни одна вещь не напоминала мне об оставшемся, слава богу, позади. Ты хочешь в будущем построить жизнь по образу и подобию старой и не понимаешь, что жизнь у нас пошла колесом и вывернута наизнанку — прошлого нет и не надо. Я отчасти понимаю тебя: у тебя еще нет будущего, есть только настоящее, которое хуже прошлого, и поэтому прошлое рисует-ся в привлекательных тонах, к нему хочется вернуться. Однако я уверяю тебя, что когда настанет долгожданная жизнь, ты первая посмеешься над былыми беспокойствами. То же происходит и со мною — многое выглядит смешно и глупо.

Спешу закончить, ибо — работа. Договорился о статье, которую надо сделать не позднее Нового года. Дней остается мало, а халтурить я никогда не приучусь.

Поздравляю тебя с Наступающим, и желаю в нем исполнения всех желаний. Здоровья — тоже.

Напиши мне, что ты читаешь и каково твое мнение
о прочитанном. Как подвигается писательский труд?

Целую и крепко жму руку.

Твой Ж о р а.

г. Ленинград, 124 19–ХП–54

Приписка на полях:

Следом высылаю 200 рублей.

«К СПОРУ О ВЕДЕРНИКОВЕ»

В 12-м номере журнала «Театр» за 1954 год появилась вторая значительная публикация Владимова — рецензия на пьесу Арбузова «Годы странствий» (4/5–39).

Действие пьесы охватывает период 1937–1945 годов. Главный герой книги — Александр (Шура) Ведерников, талантливый ученый-микробиолог. Общий любимец и человек редкого обаяния, он в то же время неумеренно честолюбив и эгоцентричен. Ведерников работает над новым, «волшебным» лекарством для борьбы с бактериологическими инфекциями. Но он твердо намерен создать лекарство в одиночку — не из корысти, но крайнего индивидуализма, связанного с ощущением своей избранности и незаурядности. Он годами отказывается видеть свою мать, чтобы, сделав великое открытие, явиться перед ней в лучах славы.

Мироощущение Ведерникова меняет война. В записках погибшего товарища он находит идею важнейшего компонента для своего препарата. Признав, что сделал открытие не один, он называет лекарство именем погибшего друга. Хотя у Ведерникова есть жена и дочь, влюбившись в другую женщину, он уходит за ней на фронт. Созревший за годы войны, он по возвращении в Москву стремится сразу же повидаться с матерью. Но в день его

приезда с фронта она умерла на руках Люси, его брошенной жены. От пережитого потрясения, чувства вины и потери в Ведерникове пробуждается осознание жестокости своего эгоизма. В глубоком раскаянии, жертвуя любовью, он решает, что его долг — вернуться к семье. Люся, «человечек», как называет ее муж, — воплощение «маленького человека» русской литературы: хорошенькая, нелепо-наивная, не очень образованная, она до войны не вписывалась в среду молодых интеллектуалов, относившихся к ней немного свысока. Но в годы войны ее неизбывная доброта и душевная щедрость согревали всех окружающих, помогая им пережить трудное время. Постепенно Люся делается центральным персонажем пьесы. Рубеж наступившей зрелости Ведерникова — родившееся в нем преклонение перед маленькой женщиной, выдержавшей, несмотря на подорванное здоровье, годы тяжелейшей работы на заводе в тылу, безгранично его любящей, ничего не требующей и ни в чем не упрекающей, родившей ему дочь и похоронившей его мать: «...их соединение оправданно, как союз двух талантов, таланта личности и таланта души»*. В этот момент личной трагедии и ожившей любви к жене Ведерников понимает, что его жизнь не одинокая тропа, ведущая к сияющему победному пику, но каждодневный совместный труд и душевные обязанности по отношению к окружающим его талантливым и теплым людям. Это сознание стало новым этапом большого странствия по жизни Александра Ведерникова.

Чем так поразил Владимова этот образ? Он тоже чувствовал себя в «странствии», физически — от полной неустроенности и постоянной перемены мест, духовно — так как чувствовал в себе огромный талант, но еще не определил свое место в мире. Он был по природе своей

* Вишневская И. Алексей Арбузов. Очерк творчества. М.: Советский писатель, 1971. С. 149.

сходен с Ведерниковым — одиночкой, яркой и крупной личностью. Как и Ведерников, он осознавал: «Перед собой нужно ставить крупные задачи... А скромность оставим неудачникам — она их здорово украшает»*. Как и Ведерников, пропадая дни и ночи в анатомичке, он готов был бесконечно много работать, забыв о бытовых невзгодах и удовольствиях. Как и персонаж арбузовской пьесы, как и его самый любимый литературный герой Мартин Иден, Владимов был полон жажды творческой деятельности. В тексте своей рецензии он писал не только о герое арбузовской пьесы, но и о себе:

Ведерников объединяет многих, точнее — всех тех, кто жить еще не умеет и жаждет научиться, кто понимает свое несовершенство и торопится воспитать в себе человека, самого необходимого на земле, кто мучительно ищет ответов в книгах и в жизни, кто ненавидит себя за угловатость, никчемность, бесхарактерность, мстительно ранит собственное самолюбие, клянет себя в бесполезности, мечется, ищет, оскорбляет себя и других, вечно собой недоволен — за временное несчастье жить в том «проклятом возрасте», когда понимаешь, что жизнь прекрасна, и столько ломается дров, и все — о твою голову! (4/8)

Но если Ведерников окружен любящими и заинтересованными в нем людьми, Владимов переживал период глубокого одиночества. Он много читал и думал, он хотел писать и вести разговор, но его личные обстоятельства означали, что он не мог легко сходитьсь с людьми и открываться им.

И в рецензии, и в письме матери он настойчиво объясняет свою концепцию образа Ведерникова: «Нет, он — не урод. Он только гадкий утенок» (4/25). И в этой трага-

* Арбузов А. Драммы. М.: Советский писатель, 1983. С. 71.

тельной, детски-наивной фразе, которую трудно представить себе под пером зрелого Владимова, проступает его собственная мечта очень одинокой молодости — остаться «гадким утенком», пока не вырастут крылья, и тогда он сможет влиться в «лебединую стаю», обретя теплоту и дружбу прекрасных и близких по духу людей.

Его родство с Ведерниковым не ускользнуло от опытного Погодина, угадавшего, что герой-одиночка, *«герой в развитии и борьбе»*, это тема не только Арбузова (4/13), но и Владимова, который не раз впоследствии говорил о своих *«ведерниковых метаниях»*. Много лет спустя Владимов писал В.Е. Тихомировой:

Излюбленная тема — один в поле воин, одинокий человек (в одном случае — собака), «вольный стрелок», исполняющий свой жизненный долг так, как он сам его понимает, зачастую наперекор окружающим, что приводит иной раз к трагическому для него исходу*.

С публикации этой статьи началось странствие, которое вывело Георгия Владимова на дорогу большой литературы.

* * *

Георгий Николаевич Волосевич официально сменил фамилию на Владимов 14 августа 1967 года. Он объяснил мне это тем, что иметь разные фамилии сделалось сложным из-за чисто бюрократических причин, и формальные ситуации были единственной сферой, где еще употреблялась его настоящая фамилия. Никто не знал Волосевича, все знали Владимова.

* Владимов Г. Из интервью Е.В. Тихомировой. 15.05.1997, FSO.

Глава восьмая

Планета «Новый мир»

Москва, ты не веришь слезам — это время проверило...

Булат Окуджава. Былое нельзя воротить,
и печалиться не о чем...

Статью об арбузовской пьесе в «Театре» заметили в литературных кругах, и молодого автора стали приглашать в «Литературную газету», «Новый мир» и другие серьезные издания. Ровно через два месяца после публикации в декабрьском номере 1954 года статьи «К спору о Ведерникове», в начале марта 1955-го, вернулась из заключения Мария Оскаровна. *«Огромная тяжесть свалилась с моей души и плеч, — вспоминал Владимов, — я даже дышать стал легче».* Погодин напечатал еще две статьи в журнале «Театр», которые сам Владимов считал менее удавшимися, но, как он выразился, цитируя Остапа Бендера: *«Процесс пошел...»* В 1955 году Владимов был включен в шестерку делегатов от Ленинграда на Третье Всесоюзное совещание молодых писателей. В. Кардин* пишет, как, встретив Владимирова на семинаре молодых критиков в Москве, они с Марком Щегловым убедили его переехать в Москву. В Ленинграде оставалась вышедшая из

* Кардин В. (Эмиль Владимирович Кардин) И один в поле воин // Лехаим. 2005. <https://lechaim.ru/ARHIV/145/kardin.htm>. Все ссылки на В. Кардина и цитаты из его текста в этой главе относятся к данной публикации.

лагеря мать, но жить было негде, денег не было и печататься не удавалось. «*Один черт...*» — вдохновенно решил Владимов. С двумя чемоданами, полными книг, он сошел с поезда на московский перрон 30 января 1956-го, как раз накануне XX съезда КПСС.

МОСКОВСКИЕ УГЛЫ

Кардин великодушно предложил ему кров, поделив пополам книжными шкапами свою единственную комнату в коммуналке. Новый жилец, въехав за шкаф, «...первым делом поинтересовался: не последний ли этаж? Утвердительный ответ заставил его поморщиться. Считалось, будто жилье на верхнем этаже прослушивается с чердака... Прослушивание, слежка, перлюстрации относились к расхожим темам Владимова».

Воспоминания Кардина содержат много неточной и даже неверной фактической информации о детстве, юности и семье Владимова, но их главная и несомненная ценность заключается в описании характера молодого писателя. Если Кардин думал, что обретет веселого товарища по литературному цеху, он глубоко ошибся. Владимов был замкнут, немногословен, «*вел свою игру*», часто не посвящая Кардина в ее ходы и предпочитая держаться одиночкой: «Он не мог, не хотел... “раствориться в коллективе”. Поскольку обладал высокой степенью нерастворимости». Кардин отмечает также полное равнодушие к материальным и финансовым обстоятельствам: «На гонорары от внутренних рецензий и разнообразных публикаций мы вполне сносно существовали, не чувствуя себя обделенными фортуной... Нищета была привычным уделом служившей интеллигенции, и в “своей игре” Владимов менее всего уповал на весомый выигрыш».

Но по условиям прописки в Москве долго оставаться у Кардина он не мог. На смену ленинградским пришли московские углы. Мысль о слепнущей матери, ютящейся в Ленинграде по «углам» и лишенной привычной среды, очень угнетала его:

1956, 5 апреля

Здравствуй, мама!

Получил твое письмо. Что случилось с твоей рукой? Какая новая болячка свалилась на мою лысеющую голову? Я, к сожалению, ничем не могу помочь сейчас, сам не знаю, как доживу до получения каких-либо денег. Едва вот наскреб на конверт, а гонорар будет не раньше 25-го. И то — хорошо, если будет.

Со статьей вышла самая обыкновенная задержка. К этому я в последнее время так привык, что более ничему не удивляюсь. Сначала разводят руками и говорят: «Ах, черт возьми! Как талантливо, как здорово, как хлестко! Вот так надо писать, а то ведь у нас повальная серятина и тягомотина». А потом говорят: «Видите ли... вот мы тут читали... знаете, как-то оно у вас это самое... залихватски, что ли? Своеобразно как-то слишком, вы понимаете? Нет-нет, вы не подумайте, что мы предлагаем вам испортить... боже упаси! Сейчас такая борьба за интересность, а мы будем прижимать одного из самых талантливых и смелых авторов. Но все-таки надо это как-то, знаете, отрегулировать, смягчить, округлить... этак, знаете ли, унять полет фантазии. В общем, подумайте, подумайте, вам видней... и придите недельки через полторы». Вот такие истории повторяются с каждой моей вещью, а между тем на страницу идет самое дерьмо, от которого все носы воротят. Да в этом, собственно, и сама редакция признается с сокрушением.

Вещи, над которыми я работаю не меньше недели, возвращаются ко мне с пометками, а то, что пишется левой ногой за два-три часа, идет безоговорочно. Мне уже

говорят: учитесь писать проходной материал, с ним меньше мороки, никто на него не обращает внимания, он проходит через оба уха без какой-нибудь осязательной задержки. А на ваших вещах взгляд не может не остановиться, вот и пеняйте на себя. Никто не назовет меня бездарным или халтурщиком, только я хожу голодный и не могу продать изделий своего труда.

Хочу, наконец, развязаться с критикой. Отобрал пять лучших своих рассказов и отделяю их до филигранной ясности. В критике нельзя работать талантливому человеку, это не времена Белинского и Писарева, когда нуждались в истине и жаждали схватки. Теперь критика что-то такое формулирует, задевает какие-то авторитеты, они обижаются и давят своими афедронами на редакции. Нет, я выберу другой путь. Я превращу свои недостатки в достоинства. Я пишу о многом ярко и хлестко — прекрасно, пусть это будут яркие и хлесткие рассказы, пьесы, очерки. Они не заденут ничьих интересов, но зато я скажу все, что хочу сказать. А на авторитеты мне наплевать. Стоит ли ходить голодным, чтобы доказать какому-то Кочетову, что он не Достоевский? Думаю, не стоит.

Все это так, но вот денег нет. Нет никакой базы. У меня сейчас такая злоба, что дайте мне 1000 рублей, и я переверну весь мир, по крайней мере, мир литературный и театральный. Только злоба и поддерживает мои силы, потому что изголодался я до озверения. Обидно вспоминать свою молодость. Почему каким-то гнусным, тупым и пошлым пижонам не приходится унижаться из-за 100 рублей, почему они ездят в папиных «победах» и имеют собственные кабинеты в шестнадцать лет отроду? И почему ко мне так несправедлива судьба? Сколько я себя помню, я всегда голодал: голодал в Чалдоваре, голодал в Саратове, впроголодь кормили нас в Кутаиси, промелькнуло полуголодное студенчество, и вот голодаю теперь. Когда это все, наконец, кончится? Неужели толь-

ко тогда, когда я наживу катар желудка и буду не способен радоваться жизни?

Не хочется писать все эти жалобы, но таково у меня сейчас на душе. А ты требуешь денег, и хозяйка питерская требует денег, и все кредиторы смотрят косо, хотя живут намного лучше моего. Когда вот так и подумаешь: а не удавиться ли мне? Но для этого слишком много у меня злобы.

Ладно, не буду тебя расстраивать, буду писать о фильме «Мексиканец». Завтра надо сдавать ее в «Правду». В общем, читай «Правду» и «Совкультуру» — должен же я наконец проявиться!

Ну, пока. Выздоровливай. Жму руку.

Жора

P. S. Письмо я, разумеется, передал в ЦК телефона, по которым велели звонить начиная с 15–20. Пока еще не звонил, конечно (FSO).

Бытовая неустроенность обоих оставалась главной темой писем:

1956, 16/V

Здравствуй, мама!

Времени мало, поэтому пишу коротко. В московской прописке мне отказано. Даже в Совкультуре и Союзе СП не могут мне дать необходимой справки. Поэтому принимаю решение: поселиться под Москвой, километрах в 30–40. Это сделать легче, здесь помогут мне Симонов или [сегодня собираюсь зайти] Тихонов как депутат Верх. Совета.

Пока сниму дачу — это обойдется рублей 500 за все лето, а потом перейду на зимнюю дачу, где можно будет прописаться постоянно и ездить в Москву по мере надобности. Конечно, на работу в этом случае устроиться труд-

нее, да и ездить каждый день — тоже не сладко, если учесть, что в редакции нужно сидеть 9 часов, а времени на писание не остается. Но этот вопрос решится потом, а пока надо решать дела квартирные.

Я тебе уже писал, чтобы ты собиралась к отъезду. Приемник можешь продать, можешь оставить — это как тебе нравится. Но вообще от лишнего желательно было бы освободиться. 22-го выйдет тираж — м. б., к 26–28 что-нибудь выиграешь. Тогда перешли деньги мне телеграфом, чтобы я мог за тобой выехать. У меня пока негусто и предстоят расходы.

Я пока буду договариваться о комнате на двоих. Не знаю, удастся ли тебе прописаться, но попробуем. Может быть, пропишут как пенсионера и как мать уже прописанного. Когда пропишусь, дам телеграмму и сообщу адрес.

Вот все пока. Пиши на адрес: Москва К-9, до востребования. В крайнем случае, если не удастся прописаться и под Москвой, придется переселиться в Орел и там, под эгидой Лешки*, легче будет осуществить прописку. Об этом — сообщу особо.

До свидания.

Жора.

П. С. Москва хоронит Фадеева, все взбудоражены и гадают насчет его предсмертного письма в ЦК**. Дело в том, что застрелился он, будучи совершенно трезвым. Это — точно и подтверждено видевшими его незадолго до смерти. Г. В. (FSO)

«Переписка из двух углов» Владимирова и его матери, одаренных, ярких и жизнеспособных людей, достойна

* Алексей Новицкий жил в Орле постоянно после окончания университета.

** Чупринин С. Оттепель. С. 208–209. Письмо Фадеева приводится полностью.

отдельной публикации. Невероятное количество мозговой энергии, прожектерства, бумаги и чернил посвящено в ней идеям приобретения жилья. В письмах излагались всевозможные варианты покупки и обменов углов, комнаты или части домика в Москве, под Москвой или в Ленинграде. У Владимова возникла даже мечта о домике для матери в Крыму, где он мог бы проводить часть года. Все это были фантазии, на реализацию которых денег не было совершенно. Фактически мать и сын жили на одну его зарплату, которой едва хватало на оплату жилья в двух городах, еду, транспорт и медикаменты для Марии Оскаровны. Владимов очень нервничал из-за растущих долгов, не зная, как и когда сможет с ними расплатиться.

Но упорства молодому автору было не занимать. После смерти Сталина времена менялись быстро, литературе нужны были новые голоса, взгляды, интонации. Время было благоприятным для начинающих писателей, журналы искали новых сотрудников, и Владимов считал, что *«попал в струю»*.

В середине мая 1965 года, к своей огромной и неожиданной радости, Владимов получил приглашение поступить на постоянную работу в «Новый мир» редактором отдела прозы. По словам В. Кардина: «Симонов безошибочно почувствовал силу, своеобразие владимовского таланта и вознамерился использовать его во благо журналу, вместе с тем осознавая, пусть и не до конца, что совершает перемену к лучшему в жизни бездомного литератора с острым пером, способным неплохо послужить “Новому миру”».

С чувством едва сдерживаемого ликования Владимов писал матери:

6/VII, 1956 г.

Приветствую Вас!

Нет, мамаша, не мытари мы. Ще не вмэрла Украина, и мадмуазель Фортуна таки поворачивается в нашу сторону.

13-го июня мистер Александр Ю. Кривицкий*, заместитель главного редактора журнала «Новый мир», вызвал меня в свой шикарный кабинет и, предложив болгарскую сигарету, сделал мне такой ангажемент — занять штатную должность редактора отдела прозы. Первое предложение я отклонил, на второе — после многозначительной паузы — дал согласие. Во время этой паузы я прикинул все за и контра: на курсах еще ничего не прояснилось, прописка остается в трагическом статус кво, в кармане лежит последняя пятерка, а в Питере — Ваше Страждущее Величество. Словом, я сказал свое решительное ДА, и мы тут же приступили к формально-деловой стороне вопроса.

Прежде всего, как это получилось. Эти несколько месяцев я жил только на внутренних рецензиях и даже не подозревал, что Борис Германович Закс** [они, между прочим, оба — т. е., Закс и Кривицкий — экс ностер***], зав. отделом, внимательно ко мне присматривается. Им нужен человек со вкусом, самостоятельно мыслящий, свежий и нескомпрометированный, — воск, из которого они вылепят все, что им угодно. По-видимому, я показался им таким, но, конечно, подтолкнуло их и мое пиковое положение, о котором они прекрасно знали и всеми силами старались помочь. По своей наивной неприязни ко всякой халтуре я делал эти пустяковые рецензии все-таки не «левой ногой» как мои многочисленные коллеги, а вкладывая в них почти полную производственную мощность [они ведь все-таки подписывались именем Георгия Владимова, а я считал, что это имя не должно быть скомпрометировано даже в глазах никому неизвестного автора, ко-

* Александр Кривицкий (Кривицкий Зиновий Юрьевич; 1910–1986) — член редколлегии «Нового мира» в 1946–1950-м и 1954–1958 годах.

** Закс Борис Германович (1908–1998) — ответственный секретарь «Нового мира» в 1958–1966 годах.

*** От «ex nostris» — «из наших людей» (лат.).

торый, может быть, никогда не выбьется в люди]. Разумеется, я тогда не знал, что это сыграет роль, просто делал порученное дело хорошо, и это им понравилось. Закс присмотрелся ко мне и рекомендовал. Ему давно нужен был редактор, но не было подходящей кандидатуры.

Теперь остановка только за Симоновым, который сейчас в отпуске, но я думаю, что возражать он не станет, тем более что сам же в августе прошлого года хотел посадить меня в отдел критики. Во всяком случае, прописку они мне устраивают немедленно, с понедельника я уже приступаю к своим обязанностям, а насчет жалования — до окончательного оформления — они мне гарантируют регулярно 1500.

Условия работы: есть гарантийная ставка — 1200, и кроме того — всякие мелкие приработки [ответы на письма, обзоры, рецензии другим отделам и т. д.], что дает в общей сложности 2500–3000. Работают они с 1 часу дня до 6 вечера, один день в неделю — «творческий», то есть «а в субботу мы не ходим на работу»*. Отпуск — месячный через 11 мес., и еще, по согласованию с главным редактором, так называемый «творческий отпуск» с условием написать какую-то вещь [крупную] и сдать в свой журнал.

Раз в три-четыре месяца — командировка на две-три недели. Вот, пожалуй, и все. Разумеется, их будет устраивать, если я буду выступать в других органах: это повышает авторитет журнала и удовольствие авторов, что их рукописи читает не какой-нибудь замухрышка, окончивший филфак или литинститут, а писатель.

Насчет квартиры они не дают никаких ощутимых гарантий, но <...>**. Но, во всяком случае, можно твердо рассчитывать на загородную зимнюю дачу от Союза, т. к. журнал находится в ведении ССП.

* Слова из песни Александра Дюмина «Джанкойский этап»: «Ай, ты же знаешь, что в субботу / Мы не ходим на работу, / А для нас суббота каждый день!»

** Следующие две строчки зачеркнуты.

В общем, считаю, что мне крупно повезло, да это мне говорят и все страждущие, не скрывая своей зависти. Журнал очень солидный, это не Совкультура, которая побоялась дать мне справку для прописки и в которую я по этой причине больше ни ногой и не дал им обещанную статью. Это первый журнал в стране, через него, а в особенности через отдел прозы [который, если ты раскроешь журнал и посмотришь, занимает две трети объема], проходит вся лучшая и прогрессивная литература. В отделе нас будет двое — я и Закс, но он в сентябре уходит в отпуск, и я буду сидеть там один. Закс — прекрасный редактор, едва ли не лучший редактор среди журнальных, все нынешние знаменитости прошли через его руки, замечательный эрудит и тонкий ценитель. Сам он, правда, пишет неважно и мало, но это явление очень распространенное. Он из тех, которые могут научить, но не могут сами. Все поздравляют меня, говорят, что год работы с Заксом — это все равно что окончить аспирантуру. Как человек — очень симпатичный, порядочный и сердечный. Я как будто писал тебе, что он поднял кампанию за оставление Владимирова в Москве, когда ему кто-то сказал о моем положении. Не знаю, правда, как он отнесется к моему роману, который я ему представлю вскорости, — здесь он невероятно жесток и придирчив, — но вообще мой критический стиль он хвалит и находит даже, что у меня можно поучиться стилю. Словом, если мне и повезло, то — благодаря ему и — насчет его.

К сожалению, к Заксу неважно относится нынешняя верхушка журнала [Кривицкий, Симонов], и сам он их не очень уважает, — он ведь единственный уцелевший после разгрома «Нового мира» в 1954 году, и для него идеалом шефа является Твардовский, а не Симонов. Ходят слухи, что вновь откроется «Красная новь», где шефом будет Твардовский, и тогда Закс перейдет к нему, — но не рань-

ше, чем подготовит меня. После его ухода я сяду в его кресло и буду единственным ментором по части драматургии и прозы, т. е. редколлегия будет читать только то, что пройдет через мои руки.

Пока что работа у меня будет несложная — пробегание глазами всей груды поступающих рукописей и управление оравой внешних рецензентов [к каковой ораве я принадлежал до сих пор] — отдавать рецензентам вещи лучше или сомнительные — читать самому и передавать Заксу. А он постепенно будет вводить меня в сложнейшую механику художественного редактирования от рассказа — к более крупным и сложным вещам.

Вторая фигура — это Кривицкий. Деляга и циник с головы до пят. Пальца в рот ему не клади. Человек он невероятно пронырливый и оборотистый, на его плечах держится весь журнал, и недаром Симонов везде таскает его за собою — из «Нового мира» в «Литгазету» и обратно в «Новый мир». Ходит он всегда в полуспортивном костюме и производит неизгладимое впечатление этакого американского продюсера, босса из Рокфеллеровского центра. В США он был бы, безусловно, звездой третьей величины, поскольку в его маленькой фигурке обитает гладиаторская натура финансового гения, очень осторожного, но постоянно готового рискнуть и — рискнуть крупно. По профессии он очеркист, и достаточно сказать <...>*. Сам он теперь не скрывает, что сделал на этом карьере. Ведь ничего этого не было известно. Он дьявольски работоспособен. И уж если взялся провернуть для меня дело с пропиской, то — как все меня уверяют — скорее Волга потечет обратно из Каспийского моря, чем это дело не выгорит у маэстро Кривицкого.

Ну и, наконец, сам «шеф», или «старик». Его, оказывается, невозможно представить себе без Кривицкого. Это

* Полторы строчки зачеркнуты.

своеобразный симбиоз трудолюбивого рака и пышной актинии. Подспудное деячество и оборотистость Кривицкого позволяют Симонову постоянно сохранять лениво небрежную грацию, преувеличенный демократизм в рукопожатиях с авторами [ведь ругается с ними Кривицкий, а он только сочувствует им и пожимает плечами] и спокойную респектабельность человека творческого, не любящего копать в навозе и дрызгах. Он дает журналу свое имя и несколько часов в месяц, а вообще — его в редакции почти не бывает. Но говорят о нем, что он тоже порядочный, деятель крупного масштаба, только более лощеный, деликатный и обаятельный.

Вот каковы эти три фигуры, под руководством которых мне предстоит пройти журнальный искуc. Если каждого взять понемножку: у Закса — его эрудицию, умение и тонкий вкус, у Кривицкого — его оборотистость и замечательную способность делать из мухи слона, а потом торговать слоновой костью, у Симонова — его элегантность и сохранение прекрасной мины во всех перипетиях игры, с полным знанием того, куда и как сильно дует ветер, — если это взять, усвоить и скомбинировать, то из меня со временем вырабатается идеальный редактор, преуспевающий писатель.

В общем, начнем помаленьку. Пока что приступлю к работе и оформлю все свои бытовые неурядицы. Я еще не получил твоего ответа на вопросы, поставленные в прошлом письме, — они, разумеется, остаются в силе. Кроме того, я через неделю-полторы смогу выслать тебе деньги. А потом решим, как нам поступить дальше. В смысле творческом — рассказы предложу в свой журнал, только чуть попозже, когда освоюсь, сейчас заканчиваю статью в Литгазету и продолжаю писать роман. Это будет вещь.

На этом кончаю. Жду твоих писем и жму твою страдальческую лапу.

Целую,

Жора

Получил твое письмо от 13.6. В ЦЕКА звонил много раз, мне дали другие телефоны. Но пока никуда нельзя дозвониться* (10.10.1956, FSO).

МАРК ЩЕГЛОВ

Вскоре ему пришлось пережить еще одну трагедию. Самым близким и любимым другом Владимирова в Москве был Марк Щеглов, молодой и очень талантливый литературовед, умерший 2 сентября 1956 года в возрасте двадцати девяти лет. Он оставил глубокий след в литературной критике той поры, в сердцах и умах знавших его современников. Самуил Маршак, по словам Владимирова, сравнивал смерть Марка Щеглова с трагедией ранней гибели Дмитрия Писарева. Владимиров очень тяжело и болезненно воспринял его смерть:

...Ты, наверное, уже прочла в Литературке некролог о Марке Щеглове. Он умер в Новороссийске 2 сентября [по ошибке, напечатали — августа] от туберкулезного менингита. Я ведь рассказывал тебе, что у него костный туберкулез, он ходил на костылях. Очень тяжело было встретить известие о его смерти — он был человек редкого обаяния и очень талантливый, на него возлагали большие надежды [и — били тоже весьма порядочно!]. Мы тут все ходим как потерянные, а вдобавок [...зачеркнуто] Кочетов искромсал этот некролог и снял все подписи наши, которые начались именами Твардовского, Федина, Погодина, Эренбурга, Чуковского и других. Что вы, говорит, носитесь с вашим Щегловым, ведь он даже не член Союза. Может быть, и меня когда-нибудь так. Очень тяжело на душе... (06.09.1956, FSO)

* Хлопоты по реабилитации матери.

Мария Оскаровна, принимавшая близко к сердцу все переживания сына, выражая свое сочувствие к его потере, написала и послала ему стихотворение «На смерть Марка Щеглова». В ответ он писал:

Спасибо за стихи о Марке Щеглове. Только никакими словами человека не вернешь. Это был на редкость симпатичный парень, очень веселый и человечный, несмотря на все свои недуги. Для меня его гибель — особенно большая потеря, потому что он был моим единственным «своим» человеком в Москве. Теперь она для меня как-то сразу опустела. За эти несколько месяцев мы с ним крепко сошлись, — я ведь писал тебе, что у него провел свое 25-летие, и вообще бывал на каждой неделе и виделся во всех редакциях... Марк умел притягивать людей, как магнит, вокруг него как-то сами собой возникали группы, кружки, общества, компании. А сам он никогда не делал из своей болезни пиф-паф-ой-ой-ой, — ей-богу, Островский мог бы позавидовать его спокойному и веселому мужеству. Он ел, как фламандец, любил выпить, поболтать, посмеяться с девицами, устроить какую-нибудь каверзу, но все удивительно мягко и человеколюбиво. Он никогда не жаловался на свои болезни, и это его погубило. 19-го августа я провожал его в Анапу, помог с чемоданами, он был очень весел, говорил «кто куда, а я в Анапу, вир фарен нах Анапа»*, мы лопали в жаркий день мороженое, и он рассказывал, что где-то вычитал о французских автоплакатах на опасных перекрестках «Водитель! Будь осторожен. Смерть — это надолго». А смерть уже сидела в нем... Будут еще появляться статьи — свет угасшей звезды. Но уже никогда не будет ничего в маленькой комнатенке в Электрическом переулке, мимо которого мне теперь страшно и проходить. Жамэ, Жамэ!**

* От «wir fahren nach Anapa» — «мы едем в Анапу» (нем.).

** От «Jamais, jamais!» — «Никогда, никогда!» (фр.)

Да, тяжело и грустно, но — живые борются! С этой мыслью я просыпаюсь утром и засыпаю вечером (1956, FSO).

Точной даты этого письма нет, но ясно, что оно было написано не позднее конца сентября. Десятилетия спустя Владимов, с грустью рассказывая мне о смерти Марка Щеглова, сказал: *«Генка мой погиб. Илью занесло в Сибирь, Лешка вернулся в Орел, но в письмах же всего не напишешь. Я после смерти Марка чувствовал себя в Москве очень одиноким. Но, конечно, я понимал, что — сильный, здоровый человек, даже ради памяти Марка я не имею права распускаться».*

Приступив к работе в «Новом мире», молодой литератор чувствовал, что его существование «гадкого утенка» кончилось. Он обрел свою «стаю» и, несмотря на все бытовые трудности, наслаждался новой средой, встречами с авторами и редакторскими обязанностями.

10.10.1956

Здравствуй, мама!

Получил твоё послание и конвертик, которым и воспользуюсь не без душевной приятности, так как бежать на почту нет времени, а редакционные — сдаются незапечатанными, их проверяют в отделе писем.

Дела мои, разумеется, «по-видимому» и «по-прежнему», хотя в хлопоты включился Симонов, который сам в этом «кровно заинтересован». Это, действительно, так, потому что ходят слухи, что Твардовский будет скоро главным редактором «Октября» и Закс, стало быть, немедленно уйдет туда, и в «Новом мире» нет человека, кроме меня, заворачивать отделом прозы. Я их почему-то устраиваю со всех сторон. Сейчас Закса нет — в Коктебеле, так что я один в отделе прозы и — ничего, справляюсь недурственно, хотя временами чувствую необходимость прибегать к онегинскому методу многозначительных умолчаний. Нужно много читать, а времени и условий —

нету. Так что — выворачиваюсь, полагаясь целиком на врожденный художественный вкус.

Во всем остальном шефы, безусловно, идут навстречу. В субботу ко мне в кабинет пришел Кривицкий, расспрашивал, как у меня с деньгами, много ли могу посылать матери и т. д., потом заявил, что хотел бы видеть меня в модном костюме и выписывает мне какими-то сложнейшими комбинациями, одному ему ведомыми, деньги — на пальто, костюм, ботинки и прочее. Просил составить смету расходов и представить ему и при этом быть «по возможности нескромным». Меня это удивило и обрадовало — с таким народом можно работать. Как неожиданны люди! — а мне со всех сторон говорили: не идите к этому бездушному цинику, за копейку продаст и т. д. и т. п.

А Дудинцев, который знает людей, сказал мне: «В самое смутное время, когда роман висел на волоске — или вознесут до небес, или угробят на всю жизнь, — Кривицкий заключил со мной договор на новый роман, выплатил авансом 15 000. Может быть, это только расчет, но я этого никогда не забуду».

В общем, я не теряю надежды, потому что дело делается, и Симонов, действительно, очень загружен в Союзе, так что трудно урвать несколько часов и обтяпать мои дела, — но сделают они обязательно, потому что это и филантропия, и расчет одновременно...

Да, вот так и живу: не хлебом единым! Работа чертовски увлекает, забываешь и о мансарде, продуваемой со всех четырех сторон, и о том, что «у меня теплого платочка, а у тебя нет теплого пальта»*. Но теперь это, слава богу, будет, раз мои шефы хотят видеть меня на коне и в новых латах.

* Строчки припева песни из кинофильма «Котовский» (1942) по сценарию Леонида Трауберга, реж. Александр Файнциммер, музыка Сергея Прокофьева.

Как видишь, перспективы передо мной захватывающие, стоило ради этого голодать и мытариться на романтической мансарде... Вообще, теперь, после всех ведерниковых метаний я вдруг почувствовал почву под ногами, увидел в руках канат, за который можно крепко уцепиться и он — вытянет меня из засасывающей трясины нищеты. К весне надеюсь закончить роман, у меня уже четверть написана, — тогда можно уже будет вздохнуть спокойно и позволить себе небольшой отдых. Может быть, даже — поехать на юг, к Черному морю, которого я не видел уже 10 лет. Так охота посмотреть на наше Махинджаури, обожраться хурмой и мушмулой, сползать на Зеленый мыс, куда мы плавали с Генкой, когда не совсем понимали, что человек — смертен... (10.10.1956, FSO)

В то время он начал писать «*лирико-философскую*» пьесу, которую планировал предложить журналу «Театр». Темой было столкновение вернувшегося из ГУЛАГа человека с доносчиком, который отнял у него годы жизни и любовь. Но при встрече к бывшему эку пришло осознание, насколько ничтожен и внутренне опустошен виновник его несчастий. Желание рассчитаться с ним погасло. В письме матери он рассказывал: «Но в этом деле есть молодежь, которая мотает себе на ус то, что произошло между дядями и тетями, она делает свои выводы и идет своей дорогой. Это и есть самое страшное возмездие проворовавшимся отцам» (27.11.1956, FSO). Рукопись этой пьесы не сохранилась. По словам Владимова, попытка была неудачной, так как он был слишком незрелым автором и не смог создать глубокую философскую пьесу, хотя тематика очень волновала его.

В молодости мне казалось, что знание и понимание философии необходимо для того, чтобы писать глубокие книги, что должна быть философская основа. Я читал в основном западных фило-

софов, особенно французских и английских — Монтеня, Паскаля, Бэкона... Но когда я начал писать по-настоящему, я понял, что писатель не может существовать в рамках философской концепции, потому что постоянно оказывается в положении софопоножки, у которой то одна, то другая нога начинает шагать куда-то в другую сторону (ГВ).

Несмотря на «треклятый квартирный вопрос», жизнь его, как он писал матери, была очень насыщенной, а настрой оптимистичным:

...Моя судьба всерьез и надолго связана с Москвой, и я вовсе не намерен отказываться от своих, пусть даже небольших завоеваний. Отступать бесполезно и глупо...

Живем мы, точно в кратере вулкана: горячо и весело, но каждую минуту ожидаем взрыва. Ну, пора кончать. Передай приветы всем, кого встретишь. Скажи кредиторам, что долги начну отдавать с первой же зарплаты, и тебе пришлю. Будь здорова, пиши. Остаюсь твой непутевый и страждущий сын, которого мало привлекает перспектива иметь под боком милую, умную, тонкую и грациозную*. Чорт их всех дерь, мне нужна хата!

Ну, всего наилучшего

Жора

18.02.1957 (FSO).

Владимов надеялся, что работа в журнале решит вопрос о прописке в Москве. Он не знал, что после XX съезда КПСС, прошедшего в феврале, вышел — «на мое кривое счастье» — указ, сделавший московскую прописку чрезвычайно трудной для иногородних. Поэтому начальное сотрудничество в «Новом мире» было на очень неопреде-

* В одном из писем мать рассказывала, что встретила молодую женщину, обладавшую перечисленными качествами, и хотела бы познакомиться с ней сына.

ленной основе, ему платили как внутреннему рецензенту, и напряжение, связанное с формализацией статуса проживания, не ослабело. Насколько опасной была ситуация, можно судить по словам его письма матери: «...в Москве, могут просто выслать в 24 часа по этапу или хуже того — 2 года по статье за бродяжничество» (06.09.1956, FSO). Устав от проживания в углях, Владимов осенью снял комнатку в деревенском доме под Москвой, мечтая, что у него будет спокойное место для творчества. Зимняя реальность оказалась иной:

С каждым днем все труднее и труднее, дело идет к зиме, а я все езжу на свою дачу, где мою романтическую мансарду обдувают всевозможные прозаические ветры. Фактически езжу только ночевать, потому что работать «на свежем воздухе невозможно». Хуже всего то, что писать негде — вот я и торчу в редакции с 9 утра до 11 вечера, но это, конечно, не то. С утра начинаются бесконечные телефонные звонки и стрекотание машинок, да и вообще — раз пришел в редакцию, там дела находятся: работа дураков ищет. А к вечеру голова так устает, что едва одолеваю одну-две странички. Переехать же в город и снять комнату не могу, ибо не прописан. В общем, живу на бивуаке и на колесах, увиливаю от тюрьмы и от сумы, работаю на полную мощность и не получаю при этом зарплату. Этим и измерится моя любовь к литературе (25.12.1956, FSO).

Симонов, всегда заботившийся о своих сотрудниках, вернувшись из очередной поездки, немедленно начал хлопотать за Владимова: *«Он вставал в семь утра и специально приезжал к девяти часам в Моссовет со своей дачи, сидел с портфельчиком в прихожей у секретаря, некоего Родионова. Тот куражился, дважды не принял, несмотря на депутатство, звезды Героя и всероссийскую славу. Наконец, соблаговолил допустить и позволил прописку на шесть месяцев».*

Весной Владимов сделал в свои двадцать четыре года важнейшее приобретение, о котором с нескрываемым восторгом сообщил Марии Оскаровне:

За 375 целковых купил я себе шикарный стол и четыре стула. Все это дачная мебель из алюминия, брезента и дерматина, которая складывается в чемоданчик и покрывается чехлом, и все вместе весит не более 15 килограммов. Утром я беру этот стол и один стул, укладываю чемоданчик, кладу в него бумагу и рукописи и ухожу в лес, как учили нас наши плодovитые и трудолюбивые классики. Это мой первый настоящий стол, и за ним я пишу мой первый роман, стараясь при этом обходиться с моим столом елико возможно деликатнее, чтобы оставить ему больше шансов дожить до музея»* (24.04.1957, FSO).

В конце 1957-го, когда реабилитированная мать получила комнату на Васильевском острове, Владимов все-таки официально прописался у нее в Ленинграде, снимая в Москве комнатку, за которую платил почти половину зарплаты. Проблема московской прописки была окончательно решена только после того, как он женился в 1958 году.

Как и для всех молодых людей, важным событием 1957 года стал для него VI Международный фестиваль молодежи и студентов в Москве. Познакомившись с англичанином из Брайтона, говорившим по-русски, американкой и французом, он проводил много времени в их компании, ходил с ними на банкет в Дом архитектора и подписывал письма матери: «*With all my love, твой Джордж, George Vladimov*». Желание увидеть мир стало очень острым, и он перебирал возможные и невозможные варианты, мечтая добраться до «берега Альбиона», который особенно притягивал его.

* В этом письме он писал о романе «Кто умрет на рассвете», который тогда сочинял. Рукопись не сохранилась или, возможно, была изъята позднее при одном из обысков сотрудниками КГБ. Владимов никогда об этом романе не упоминал.

«НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ»

В «Новом мире» Владимов проработал три года. Самым важным и значительным событием своей профессиональной жизни этого периода он считал редактирование романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым»*: *«Я ехал в метро, смотрел на людей и думал: “Вот вы не знаете, какую я бомбу везу в портфеле”»*. Он писал матери об этом романе и об атмосфере того времени: «Прочти в 8, 9 и 10 номерах нашего журнала роман В. Дудинцева “Не хлебом единым”. Вот это литература, а ты хвалишь какого-то Казакевича... Борьба идет страшная, в покое не оставляют даже мертвых» (06.09.1956, FSO). Энтузиазм его не утих через месяц: «Как, по-твоему, ничего себе романчик? Чувствуешь ли и мою твердую редакторскую руку? Ведь это (и рассказ Гранина “Собственное мнение”) моя первая работа» (12.10.1956, FSO). Позднее он писал: «Мой редакторский опыт начался с редактирования “Не хлебом единым”, что для человека 25 лет явилось даже некоторым потрясением. Разумеется, ни о каком политическом утеснении не могло быть и речи, я был автору восторженным единомышленником, но по стилю и по сути изображаемого предъявил ему около полусотни упреков, из коих он принял процентов 80»**.

Как редактор Дудинцева, Владимов оказался в самой гуще событий, связанных с романом. Это было то, к чему он всегда стремился, — литература влияла на жизнь, меняла ее и людей, которых она затронула:

Вокруг его романа заворачивается большая буча, каждый день поступают письма, приходят читатели, и теперь — как редактор книги — я в гуще разбуженных страстей. При-

* Дудинцев В. Не хлебом единым // Новый мир. 1956. № 8. С. 29–118; № 9. С. 37–118; № 10. С. 21–98.

** Александр Твардовский и его «Новый мир» / Публ. Марины Лунд // Знамя. 2010. № 1. С. 154.

гласили нас с автором на две читательские конференции, где оба будем выступать с речами, может быть, приедем в Ленинград. На днях явились изобретатели, я думал, что они меня растерзают — в них что-то от протопопы Аввакума, готовы на Голгофу, на дыбу, на костер. В этих шальных чудаках, живущих не хлебом единым, — фанатиках до мозга костей, чувствуется огромная неукротимая сила, невольно думаешь: какова же должна быть та стена, о которую эта сила все-таки разбивается! Теперь они осмелели, почувствовали, что ими занялась большая литература, — притом, роман их как-то объединил, они увидели друг друга, почувствовали себя еще смелее и сильнее, и хорошо, что роман совпал с совещанием изобретателей в Кремле. Там они выдадут всю правду-матку, потому что эти люди ничего и никого не боятся. И находятся же люди, считающие Лопаткина выдуманным (10.10.1956, FSO).

Георгий Николаевич говорил мне о том, что и сам роман, который он время от времени перечитывал, и герой Дудинцева всю жизнь оставались ему очень близки. Он считал, что это был первый в советской литературе герой, который боролся с самой системой:

В советском искусстве всегда позволялось критиковать бываловых, таких бездарных бюрократов, которые не понимают и не ценят народные таланты. А система была ни при чем, она, наоборот, восстанавливала «справедливость» и все ставила на правильные места. Но у Дудинцева все становилось ясно: бываловы, лысенки, авгиевы, дроздовы — они и есть система. Это была их система на всех уровнях, без которой не было бы на их улице праздника, да что праздника — кровавой вакханалии (ГВ).*

* Бывалов — персонаж фильма Григория Александрова «Волга-Волга», который по просьбе Владимова, любившего музыку, мы посмотрели накануне этого рассказа.

Важный ключ был и в характере главного персонажа, изобретателя Лопаткина, во многом очень похожего на самого Владимирова: необычайной целеустремленностью, бескомпромиссностью и трудолюбием, чувством своего высокого призвания, готовностью нести ради него огромные жертвы и работать, несмотря на почти непреодолимые бытовые трудности. И при этом изобретатель Лопаткин отличался неугасимой готовностью к борьбе — качество, чрезвычайно ценимое Владимиром в людях в течение всей его жизни.

Обсуждение романа «Не хлебом единым» состоялось 22 октября 1956 года на заседании секции прозы Московской писательской организации. Дудинцев, описывая этот вечер, вспоминал огромную толпу перед ЦДЛ и переполненный зал. В поддержку романа выступили Всеволод Иванов, Вениамин Каверин, Владимир Тендряков и другие*. Кардин вспоминает, что Владимир с напряженным вниманием слушал выступления, разговоры и выкрики, изредка удовлетворенно комментируя. Молодые литераторы были восхищены бесстрашными словами Константина Паустовского: «Важнейшая заслуга Дудинцева, который ударил по самому главному, в том, что он пишет о самом страшном явлении в нашем обществе. И на это ни в коем случае нельзя закрывать глаза, если мы не хотим, чтобы Дроздовы** затопили всю нашу страну... Откуда эти разговоры о низкопоклонстве? Откуда рвачи и предатели, считающие себя вправе говорить от имени народа, который они, в сущности, презирают и ненавидят, но продолжают говорить от его имени? Они не знают мнения народа, но они — любой из Дроздовых — могут совершенно свободно выйти на трибуну и сказать, что и как думает народ...

* Дудинцев В. Между двумя романами. СПб.: Журнал «Нева», ИТД «Летний сад», 2000. С. 11.

** Дроздов в романе — директор комбината, противостоящий главному герою изобретателю Лопаткину.

Это — последствия культа личности, причем этот термин я считаю деликатным. Это темная опара, на которой взошли эти люди начиная с 1937 года. Обстановка приучила их смотреть на народ, как на навоз. Они дожили до наших дней, как это ни странно на первый взгляд. Они воспитывались на потворстве самым низким инстинктам, их оружие клевета, интрига, моральное убийство и просто убийство. И если бы не было Дроздовых, то в нашей стране были бы такие великие талантливые люди, как Мейерхольд, Бабель, Артем Веселый, многие, многие другие. Их уничтожили Дроздовы. Тут надо вскрыть всю глубину причин, почему эти люди были уничтожены во имя собственного вонючего благополучия этих Дроздовых. Мы не можем себе представить, почему такая бездна талантливых и прекрасных людей исчезла, а если бы не исчезла, а если бы они существовали, у нас бы был полнейший расцвет культуры»*.

Сам Дудинцев считал, что выступление Паустовского было наивным и очень накалило атмосферу**, но Владимов и много лет спустя думал о нем с неугасающим восхищением: *«Дудинцев был человек стратегии и тактики, как и Симонов. А Паустовский не захотел больше молчать, выплеснул боль всей жизни. Я под каждым его словом готов был подписаться»*. Кардин писал: «Вспоминая жертв репрессий, громко выкликая имена, большая часть аудитории дружно скандировала: “Никогда впредь!”»

По приглашению Дудинцева Владимов присутствовал на дискуссии о романе на филфаке МГУ, о которой позднее писал Александр Чудаков: «Только там устроили об-

* Паустовский К. Из речи на обсуждении романа В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым» в Доме литераторов / Запись Ф.А. Вигдоровой // Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950–1980-е. / Сост. М.Ш. Барбакадзе: В 3 т. М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований. 2005. Т. 1. С. 421–422.

** Дудинцев В. Между двумя романами. С. 11–13.

суждение романа Дудинцева “Не хлебом единым” в самой большой аудитории. Она набилась битком. Какой-то чернявый молодой человек... сказал в своей блестящей речи: “До сих пор советская литература была литературой большой лжи, теперь она становится литературой большой правды”. И закончил выступление стихом Гейне: “Бей в барабан и не бойся!”»*

Студенты требовали дать автору «Не хлебом единым» Ленинскую премию. Владимов был очень воодушевлен. Дудинцев описал это событие в своих мемуарах, добавив: «Потом мне какое-то лицо сказала: нехорошо прошло в университете. Нехорошо прошло»**.

В начале марта 1957 года в ЦДЛ состоялся писательский пленум, на котором опять обсуждался роман «Не хлебом единым», но обстановка была уже совсем иной: «*Вся номенклатурная рать вылезла на сцену: Сурков, Софронов, Федин, — но сначала они все-таки женщин подставили*». Выступила Галина Серебрякова — автор книг о Карле Марксе. Как «жена врага народа», она провела более десятилетия сначала в тюрьме, где ее жестоко пытали, а потом в ГУЛАГе и ссылке, где она пережила острое психическое заболевание. Теперь она кричала со сцены: «Вот у меня здесь, смотрите, следы, что они со мной делали! А я все время думала: спасибо дорогому товарищу Сталину, спасибо партии, что послала меня на такие страшные испытания, дала мне возможность проверить свои убеждения... а этот Дудинцев, который ничего подобного не испытал, смотрите, как он страшно замахнулся на наше святое!»***

Ей вторила детская писательница Мария Прилежаева, «*истинным голосом вопившая*» полную бессмыслицу:

* Чудаков А. Ложится мгла на старые ступени. М.: Время, 2012. С. 403. См. также: Дудинцев В. Между двумя романами. С. 64–66.

** Дудинцев В. Между двумя романами. С. 65.

*** Там же. С. 96–101.

«...если бы к нам пришли американцы, они бы нас всех перевешали, а Дудинцева выбрали мэром Москвы!»* На пленуме выступил также К.М. Симонов заявивший, что публикация романа в журнале была политической ошибкой, в которой он раскаивается. Во время этой публичной экзекуции В.Д. Дудинцев потерял сознание. Публикация романа «Не хлебом единым» отдельной книгой была блокирована.

Судьба книги очень волновала Владимова, и все происходящее с ним принималось близко к сердцу. Матери он писал:

Как видишь, Дудинцева вытеснили из кандидатов на Ленинскую премию, каковым обстоятельством со всей очевидностью доказано, что это те же (далее следует несколько тщательно и полностью зачеркнутых слов. — С. Ш.-М.). Принципиального различия нет, потому что и в том, и в другом случае абсолютно игнорируется мнение широкого читателя. Если же его учесть, то Дудинцев — первый кандидат, поскольку и количество читательских писем в редакции давно перевалило за третью тысячу. Такого отклика еще не знала ни одна книга за 25 лет существования всех наших журналов (18.02.1957, FSO).

Роман Дудинцева остался знаковой книгой не только для него, но и для целого поколения: «Владимир Дудинцев был одним из тех последних могикан, кто верил в силу слова, кто оставил глубокий след в судьбе моего поколения, кто формировал наши души, кто был властителем наших дум»**, — писал Борис Никольский.

Пока разыгрывалась драма с книгой Дудинцева, в редакции лежал роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго», но, так как он считался «непроходным», Владимову ска-

* Дудинцев В. Между двумя романами. С. 96–101.

** Там же. С. 5.

зали им не заниматься. О событиях, связанных с публикацией этого романа в Италии и последующей травлей Пастернака, он рассказывал в интервью Льву Копелеву в 1983-м: «Роман “Доктор Живаго” долго лежал у меня в редакторском столе. Начальство колебалось: печатать не печатать, давайте подождем. Ну в конце концов вернули Пастернаку. А во время фестиваля [в Москве был всемирный фестиваль в 1957 году] пришел наш член редколлегии Борис Лавренев и стал рассказывать, что Борис Пастернак передал рукопись своего романа некому Фельтринелли*, итальянскому коммунисту, издателю, который снял копию и уже объявляет о том, что он будет печатать по-русски.

Почему-то Борис Лавренев, человек добрый [не злой, по крайней мере], очень зло и язвительно говорил об этой истории. Помнится такая фраза, что “если Пастернак не понимает, что это не шуточки, то не будет больше Бориса Пастернака”.

И отношение настроилось сразу против Пастернака. Такая была реакция: против него. И я думаю, что когда возник этот скандал с исключением, это судилище, то там участвовали такие люди, от которых сегодня трудно было бы этого ожидать, как Борис Слуцкий, Вера Панова, Владимир Солоухин, да и сам Сергей Сергеевич Смирнов**. Список ораторов довольно пестрый был.

Как я к этому относился? Я чрезвычайно молод был: 26 лет. Я понимал всю эту травлю, которая велась ушастыми из “Литературной газеты”. Кочетов был тогда редактором, и всю неделю поливали Пастернака. Я был свидетелем такого же “полива” Дудинцева год назад из той же “Литературной газеты”, так что я это воспринимал параллельно, как явления одного ряда.

* *Пастернак Б. Доктор Живаго. Милан: Feltrinelli editore, 1957.*

** Смирнов Сергей Сергеевич (1915–1976) — писатель, секретарь Союза писателей СССР в 1975–1976 годах.

Единственное, когда я почувствовал к Пастернаку не то чтобы неприязнь, а как-то стало за него обидно, это когда он отказался от Нобелевской премии. И как-то я подумал: “Будучи на вершине славы, зачем же проявлять такую слабость? Еще неделю перетерпеть бы!”»*

Вспоминая свою редакторскую работу, Владимов писал: «В дальнейшем я принимал участие в редактировании “Сентиментального романа” Веры Пановой, “Пяди земли” Григория Бакланова, мемуаров Довженко и Драбкиной, другие авторы были менее интересны. По большей же части я занимался “самотеком”, т. е. либо сам читал рукописи, либо полагался на мнение внештатных рецензентов, которые у меня этим нетрудным заработком кормились. Как ни мечталось мне открыть нового Толстого, за все время выловил лишь рассказ Анатолия Клещенко, оказавшегося просто полузабытым профессионалом, вернувшимся из ГУЛАГа. Рассказ напечатали, и я мог быть доволен, что не упустил его»**.

Общение с Константином Симоновым и особенно Александром Твардовским, прекрасным поэтом и редактором, оказало огромное влияние на молодого литератора, тянувшегося к самостоятельному творчеству. К тому же обоим, и Симонову, и Твардовскому, очень интересовала и волновала близкая Владимову военная тема. Но при всей глубокой и теплой признательности: «...к Симонову отношусь нежно, так как он меня прописал в Москве»***, — он отмечал определенную конъюнктуру

* *Копелев Л., Владимов Г.* Литература существует, как двуконь / Публ. С. Шнитман-МакМиллин // Знамя. 2019. № 7. С. 161. (См. также: Архивное приложение к главе 19.)

** Александр Твардовский и его «Новый мир». С. 153

*** *Аннинский Л.* Удары шпагой. С. 220.

Речь идет о получении первой временной прописки.

ность своего покровителя: *«Он отклонялся вместе с линией, и обычно совершенно искренне»**.

С уходом Симонова в редакции все заволновались. По слухам, циркулировавшим в литературных кругах, на место главного ожидался Всеволод Кочетов, что означало бы для Владимова конец работе в «Новом мире» и надеждам на постоянную прописку в Москве. Но главным редактором назначили Александра Трифоновича Твардовского. Владимир Лакшин пишет, как, придя в редакцию, он встретил Владимова, рассказавшего ему, что после времени полного затишья и пустых комнат, когда угнетенные сотрудники думали о поисках новой работы, жизнь необычайно оживилась**. Владимов считал, что с 1958 года, когда на пост заступил Твардовский, журнал приобрел более высокий литературный и нравственный уровень. Он считал Твардовского прекрасным редактором и «истинно народным» поэтом и о стихотворении «Я убит подо Ржевом», которое знал наизусть, говорил: *«От этих строк можно задохнуться. Это самое правдивое и глубокое, что написано о войне в русской поэзии»*. О гражданской позиции Твардовского он мне сказал следующее: *«Он искренне и глубоко верил в коммунистическую идеологию, вплоть до самых последних лет, когда, мне кажется, у него стали образовываться серьезные сомнения. Но даже когда он верил, он был иной какой-то»*. Сходное мнение высказывал в своих дневниках А.П. Чудаков: «26/XII/78. Если по Spitzer'у искать ключевые словечки у писателей, то у Твардовского это будет — “иной”, “иные”***. О поздних годах поэта Владимов писал: «Твардовский менялся с каждым годом,

* Отсылка к анекдоту советских времен: «На партсобрании человека спрашивают: “У вас были отклонения от линии партии?” Ответ: “Нет! Отклонялся вместе с линией”».

** Лакшин В. Новый мир во времена Хрущева. М.: Книжная палата, 1991. С. 26.

*** Чудаков А. Ложится мгла на старые ступени. С. 507.

превращаясь... в человека сомневающегося, страдающего, в живую рану России»*. Из всех людей, о которых Георгий Николаевич мне рассказывал, с наибольшей любовью, почтением и почти сыновней бережностью он относился именно к Твардовскому и его памяти.

По воспоминаниям Кардина, в «Новом мире» Владимов в основном «подпирал стены», внимательно наблюдая за происходящим. Общение с опытными сотрудниками и блестящими интеллектуалами — Заксом, Кондратовичем, Марьямовым, Дорошем, Сацом и другими — было, как определял Владимов, его «*настоящим филологическим образованием*»: «Марьямов первым прочел мою повесть и тотчас, не дожидаясь других мнений, позвонил автору; ему же я обязан многими переводами на другие языки — иностранные гости “Нового мира” непременно шли к нему, знающему языки и зарубежные литературы, и он им рекомендовал авторов. Дорош, знаток села, русского Севера, высказал много тонких замечаний по “Трем минутам” и был ярым их защитником. Сац — ходячая энциклопедия, занимательнейший собеседник (и собутыльник) — был другом авторов всех возрастов, только их всех моложе.

Пообщавшись с этими людьми, я ныне — с благодарностью к ним — сознаю себя питомцем чудесной, незаменной *alma mater*»**.

Интенсивное чтение новых произведений, общение с талантливыми авторами журнала, старшего поколения и ровесниками, стимулировали его страстное желание писать свою прозу. Но тут случились перемены в личной жизни, на время отвлекшие внимание от письменного стола.

* Александр Твардовский и его «Новый мир». С. 153.

** Там же. С. 154.

Глава девятая

Лариса Исарова

В 1958 году Владимов, участвуя в IV Всесоюзном совещании молодых писателей, познакомился с Ларисой Теодоровной Исаровой (1930–1992), урожденной Шварц.

Лариса Исарова окончила филологический факультет МГУ по кафедре русского языка и литературы. Писательница, критик и литературовед, она была автором «Нового мира», публикуя там статьи о «молодежной прозе». Впоследствии Исарова стала крупнейшим специалистом в жанре детективного, а затем исторического романа. Среди корреспондентов, писавших ей с благодарностью за критические статьи, Вениамин Каверин, Юрий Олеся, Л. Пантелеев, Виталий Бианки (FSO). По воспоминаниям всех, кто знал Ларису Исарову, она была не только очень талантлива, но и необычайно красива. Владимов *«влюбился без памяти»* и через две недели после знакомства сделал ей предложение. Лариса, боясь такой скорости в развитии отношений, предложила ему еще раз подумать, пока она отдыхала на юге и путешествовала по Волге. Мария Оскаровна очень переживала, боясь этого брака, и надоедала сыну в письмах с бесполезными и раздражающими его советами. В 1958-м Георгий и Лариса поженились и прожили вместе несколько лет. Сначала брак был очень счастливым. Владимова восхищали трудолю-

бие жены, ее образованность и многообразие культурных интересов: «...жена моя — образец спартанской добродетели, много работает и читает, а вчера даже вытащила меня в Малый театр на “Ярмарку тщеславия”» (15.02.1960, FSO).

Но постепенно, уже после рождения ребенка, отношения разладились совершенно. Владимов считал, что изначальная проблема была в честолюбии жены. Красавица и талантливый критик, Лариса Исарова была звездой в своей среде. С публикацией «Большой руды» она оказалась на втором плане, в тени внезапно прославившегося мужа. Но, вместо того чтобы на волне славы публиковаться и зарабатывать деньги, новоявленная знаменитость, как горько жаловалась свекрови деятельная Лариса Теодоровна, валялась на диване, читая книжки об устройстве кораблей. Владимов вынашивал замысел романа «Три минуты молчания». Мария Оскаровна, любившая невестку и обожавшая внучку, пробовала в письмах воздействовать на сына поучениями и советами. Владимов с раздражением отмахивался от обеих женщин. Получив гонорары за «Большую руду» и публикации отредактированных военных мемуаров (о которых речь впереди), он был счастлив после многих лет скитаний и безденежья спокойно полежать с интересной книжкой на собственном диване. Это было полное несходство его и жены личного опыта и материальных запросов. Но эти факторы, возможно, и не привели бы к полному разрыву.

Как можно понять из переписки сына с матерью, Владимов влюбился в другую женщину и «честно сказал» об этом жене. Эта любовная связь была непродолжительной, и он остался в семье, но Лариса Теодоровна была глубоко оскорблена изменой, и отношения начали стремительно ухудшаться. Постепенно дело дошло до развода — тяжелого, мучительного и очень конфликтно-

го*. Единственная дочь Марина осталась с матерью и была удочерена вторым мужем Исаровой. Лариса Теодоровна создала легенду, будто отчим был настоящим отцом девочки, но в то время был женат, а она — замужем за Георгием Николаевичем и не хотела разводиться, чтобы ребенок не родился незаконным. Выйдя вновь замуж, Лариса Теодоровна препятствовала контактам Владимира с ребенком, хотя они продолжали жить в одном кооперативном доме. Владимов очень переживал, что дочь, как он думал, «*воспитывается в ненависти к отцу*». Когда девочке было десять лет, Исарова с мужем и дочкой переехали в другой район Москвы, и более двух десятилетий Владимов и Марина не поддерживали никаких контактов.

В 1992 году Лариса Теодоровна Исарова умерла. Спустя некоторое время после ее смерти отчим сообщил Марине, что ее настоящий отец — Георгий Николаевич Владимов. В 1994-м Владимов получил от Марины письмо, которого он с волнением ожидал после известия о смерти первой жены. Он подтвердил свое отцовство, и между ними завязалась переписка. Когда Владимов приехал в Москву для получения Букеровской премии в 1995 году, он встретил свою взрослую тридцатичетырехлетнюю дочь. Они легко сошлись, и годами приглушенное чувство любви к Марине вернулось очень быстро. Нужно добавить, что Марина с детских времен знала Наталию Кузнецову, вторую жену Владимира. Когда они еще были соседями, Наташа иногда отводила ребенка в детский сад. Марина, как это видно по ее очерку об отце**, хранит

* Владимир Войнович, живший некоторое время с Владимиром, писал об аварии, в которую попал его друг, правивший машиной в состоянии отчаяния от разрыва с женой. См: *Войнович В. Автопортрет. Роман моей жизни*. М.: Эксмо, 2011. С. 452–456.

** *Владимова М. Мой отец — Георгий Владимов // Владимов Г. Генерал и его армия*. М.: Время, 2016. С. 7–45.

о Наташе самую нежную память. В тот «букеровский» приезд Георгий Николаевич попросил Марину побывать с ним на могиле ее матери. Он с грустью и восхищением вспоминал о красоте своей первой жены.

Переписка между отцом и дочерью продолжалась. После смерти Наташи они ездили в путешествие по Европе, жили вместе в Переделкине, и у Георгия Николаевича до смерти были с Мариной самые близкие, теплые отношения. В один из своих приездов в Лондон он рассказывал мне:

Сейчас мы все время перезваниваемся. Она врач, так что лечит меня, я ей, как могу, помогаю. Она очень трудно живет, на четырех работах мотается, в квартире ее живут друзья, которым некуда деваться. Она очень хороший врач, окончила стоматологический институт, лечебный факультет, и стала врачом-пульмонологом, по легочным заболеваниям. Занимается тропическими болезнями, написала книжку о СПИДе с тремя соавторами. Работает в Боткинской больнице, это ее основная работа, но где-то подрабатывает, дежурит... (ГВ)

В трудные и очень одинокие последние годы и месяцы смертельной болезни Георгия Николаевича его дочь Марина, принявшая фамилию и отчество отца, была для него самым близким человеком, его радостью и поддержкой.

Глава десятая

«Большая руда»

Я хочу немножко света
Для себя, пока я жив;
От портного до поэта —
Всем понятен мой призыв...
Саша Черный. Потомки

Анализируя литературное творчество самого Владимира, важно отметить, что в молодости он не стремился, не чувствовал и даже отрицал свою принадлежность к литературным группам или направлениям своего времени, хотя в более поздние годы всегда говорил о себе как о «шестидесятнике».

Владимир Войнович писал, что молодые авторы той поры делились на группировавшихся вокруг «Юности»: Василий Аксенов, Анатолий Гладилин и Анатолий Кузнецов, и тех, кто был связан с «Новым миром»: он сам и Владимир. Все они дружили, было здоровое чувство соперничества, но это были разные направления: авторы «Юности» тяготели к западной литературе, «Нового мира» — к русской традиции и классике*, хотя в случае Владимира ситуация представляется мне не столь однозначной.

* *Войнович В. Автопортрет. Роман моей жизни. С. 451.*

Для его чувства обособленности было много исходных предпосылок, среди которых можно назвать три главных фактора.

Во-первых, закрытая военная среда ограничивала пространство его жизненного опыта, личных контактов и интеллектуального общения. Недоступная повседневная реальность, которой жили миллионы сверстников, интересовала его очень остро. Возможно, в этом одна из причин необычайного внимания к конкретным, рабочим и бытовым, деталям в его прозе. Люди, наблюдавшие его близко, отмечали, что Владимов обладал необыкновенным умением слушать и вбирать в себя атмосферу окружающего мира, но что-то в нем самом как будто не принадлежало окружающей действительности*.

Во-вторых, с юности в его характере выработалась крайняя замкнутость, «не-светскость», как он сам ее определял. Георгий Николаевич Владимов был человеческим воплощением кантовской «*das Ding an sich*» — «вещи в себе». Очень молчаливый, он мало интегрировался в окружающий социум и везде, даже среди друзей и единомышленников из литературной среды, чувствовал себя человеком со стороны. И они, как писал Лев Аннинский, сходным образом воспринимали самого Владимова и его творчество — при несомненном признании литературного таланта и личной значимости: «В философском смысле Владимов смоделировал шестидесятников, окрыленных идеалистов, угодивших на смену эпох, когда все святое встало под вопрос, но по тяжко-пристальной зоркости “матерого реалиста” он в шестидесятники не сгодился. И место среди них ему отвели странное. Поначалу вовсе не приняли, потом стерпели»**.

* Владимов М. Мой отец — Георгий Владимов. С. 28; Коц А. Встречи с Владимовым // Урал. 1990. № 4. С. 169.

** Аннинский Л. Рок, судьба и участь Георгия Владимира // Владимов Г. Собр. соч. Т. 1. С. 8.

Третьим фактором, хотя и не столь редким среди писателей его поколения (В. Аксенов, В. Войнович, В. Максимов и другие), было отсутствие филологического, исторического или философского образования. В литературной критике это отсутствие изначальной базы, которое он интенсивно восполнял чтением, даже помогало ему. Он смотрел на тексты, по его собственному выражению, «как первопроходец ступает по новой земле», — вне культурных или литературных контекстов, сохраняя жажду углубленного постижения нового материала и изначальную свежесть интерпретации. Но такое отсутствие основы не могло не иметь и своих слабых сторон. Он хорошо понимал это и восполнял всю жизнь.

Владимов считал, что без работы в «Новом мире», где были опубликованы два его произведения, он не стал бы тем писателем, которым мы его знаем: «Мне кажется, мои вещи вносили в журнал, тяготеющий к литературе интеллигентской и деревенской, недостающий компонент — они были посвящены т. н. “рабочему классу”. Казалось бы, они этой рубрикой защищены от погромной критики, однако их постигла общая судьба “новомирской” прозы: доброжелательный прием в начале редакторства Твардовского (“Большая руда”) и изничтожение в конце (“Три минуты молчания”).

Между тем это были вещи одного рода и достоинства, но в одном случае было выгодно их поддержать, в другом — низвергнуть долу. Вся фальшь, конъюнктурность, рептильность официозной критики в моем случае проявили себя наглядно»*.

Исследователи находили в его работах литературные корни, заимствования и влияния, которые бывают всегда. Русская классика сопровождала его с раннего детства и оставалась важнейшей основой его творчества. В моло-

* Александр Твардовский и его «Новый мир». С. 154.

дости частью его мира стали обожаемый Джек Лондон, восторгавший его Редьярд Киплинг и очаровавший Эрнест Хемингуэй, а чуть позднее Эрих Мария Ремарк с его «вещественным реализмом»*, а также Бертольт Брехт. Он восхищался «Одесскими рассказами» и «Конармией» Исаака Бабеля и творчеством Михаила Булгакова, с особым наслаждением перечитывая «Собачье сердце». Среди произведений Солженицына очень высоко ценил «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор» и «Архипелаг ГУЛАГ». Лучшим прозаиком своего времени Владимир считал Василя Быкова, восхищаясь глубиной и мастерством его прозы, а из ровесников он особенно любил «двух Василиев», Аксенова и Шукшина. С особой нежностью он относился к Булату Окуджаве, называя его Булатиком, и, узнав о его смерти, писал дочери: «...со смертью Булата действительно кончилась моя эпоха» (02.07.1997, FSO). Георгий Николаевич очень высоко оценивал гражданскую поэзию Александра Галича, называя его «Нестором советской эпохи», и с удовольствием слушал песни Александра Городницкого и Владимира Высоцкого. Владимир очень любил и прекрасно знал русскую поэзию, считая вершиной русской литературы XX века «Реквием» Анны Ахматовой. Он дважды говорил мне, что всю жизнь глубоко сожалел, что они не посетили Ахматову в 1946 году.

Но личная обособленность, обостренное самосознание и постоянный самоанализ означали, что, испытывая несомненное вдохновение от многих прекрасных прочитанных книг, он рано и интенсивно, с присущей ему «высокой степенью неразтворимости», вынашивал каждое

* «Neue Sachlichkeit» («Новая вещественность») — сложное и комплексное художественное течение европейского искусства, включавшее многие жанры, к которому принадлежал Ремарк. Георгий Николаевич, пользуясь этим термином, ассоциировал его с глубоким интересом к реальным вещам и желанием воспроизведения их без идеализма или романтизации, и поэтому считал близким своему творчеству.

слово, реализуя свой внутренний голос на бумаге. Именно поэтому уже его первая повесть оказалась оригинальной и мастерской книгой.

Позднее Владимов сопоставлял «Большую руду» с «Калиной красной» Шукшина, но признал правоту Льва Аннинского, писавшего: «...драма Шукшина — это невозможность оторваться от почвы, от родного навоза, от мафии — Шукшин настоящий русский человек, который не выносит одиночества и потому гибнет. Ты же — писатель одиночества, ты пишешь несливающуюся душу, ты по природе — одинокий боец»*.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ ПОВЕСТИ

После трех лет работы редактором в «Новом мире» Владимов говорил: «...руки зудели. Появилось чувство, что напрасно я сижу в редакции. Нужно выйти из этой рутины и вернуться в журнал автором прозы». Он думал, что уже извлек из опыта работы в «Новом мире» все, что журнальная работа на тот момент могла ему предложить. В 1959 году Владимов перешел в «Литературную газету», надеясь, что это даст ему возможность поехать по стране. Расчет оказался неверным: «Там нужно было сидеть в отделе критики не пять часов в день, как в “Новом мире”, а все время, от девяти утра до одиннадцати вечера, пока шли полосы». Проработав в газете шесть месяцев, Владимов ушел, целиком занявшись писательским творчеством.

В июле 1960-го журнал «Смена» напечатал его рассказ «Все мы достойны большего»**.

Но это была лишь «проба пера», которую сам он не считал впоследствии удачной,

* Аннинский Л. Удары шпагой. С. 207.

** Владимов Г. Все мы достойны большего // Смена. 1960. Июль. № 13 (795). С. 11–13.

хотя включил в собрание сочинений, как свой первый опубликованный литературный опыт. Уже в этом рассказе, еще не очень интересном сюжетно, ясно проступают черты будущей владимовской прозы: точность и богатство лексики в описании деталей природы и окружающей жизни, выпуклость характера персонажа, гибкость синтаксиса.

В том же году «Литературная газета» оплатила Владимову творческую командировку на Курскую магнитную аномалию (КМА). «Новый мир» добавил денег, и Владимов провел в карьере три месяца. Он должен был написать очерк о молодых инженерах-горняках, выпускниках столичных вузов, работавших на КМА: *«Как им живется в глубинке на передовом крае»*. Из очерка ничего не получилось: «Его сломали неожиданные впечатления, непредвиденные встречи, не принятые в расчет ассоциации...

На КМА я был корреспондентом, “вольным человеком”, который мог брать официальные интервью у специалистов, мог и поселиться в рабочем общежитии, ездить с ребятами в карьер вверх-вниз, вверх-вниз от начала смены до ее конца, и не слишком опасаясь уронить авторитет “пославшей меня редакции” пить с ними водку и пиво, закусывая всевозможными занимательными историями»*.

Образ и история Виктора Пронякина — писательский вымысел. Такого персонажа и несчастного случая до и во время его пребывания на КМА не было. Но он встретил рабочего, фамилия которого — Пронякин — показалась ему подходящей. Во время командировки Владимова два молодых рабочих погибли в карьере, что потрясло его: *«Это же не война, а стройка коммунизма!»* Правила безопасности, как ему казалось, были неадекватными и едва соблюдались.

* Владимов Г. Методом собственной шкуры // Московский литератор. 1962. 23 мая. С. 3.

Вернувшись, он писал матери:

Поездка была интересная, впечатлений и материала набрал много, сейчас сижу и описываюсь. Хочу, кроме очерка, написать большой рассказ или маленькую повесть из жизни рудокопов, не знаю, как получится (10.5.1960, FSO).

Первый вариант был написан с рекордной быстротой. В октябре 1960-го Владимов принес его в «Новый мир». Длинный рассказ назывался «Пришлый» — остро сюжетное повествование о следователе, который выясняет обстоятельства гибели шофера. Владимов использовал при написании свой опыт юридической практики в прокуратуре. Но Твардовский, прочитав рукопись, предложил переработать ее, сосредоточившись на *«человеческом материале»* — образе Виктора Пронякина и его отношении к труду, к машине. Владимов сразу почувствовал плодотворность идеи и близость для себя такого подхода. А. Коц, обсуждавший с ним позднее историю публикации книги, писал: «...он понял, что в конце концов, всякий труд помогает понять человека. И это стало для него открытием целого эстетического континента»*.

Несмотря на предложения редакции о поправках и изменениях, положительное решение о будущей публикации рукописи было принято.

Начался новый виток жизни, о котором он подробно писал матери.

Здравствуй, мама!

Поездку в Кузбасс пришлось отменить, поскольку повесть прошла быстрее, чем я думал. За три дня ее прочитали в отделе прозы, затем редколлегия, а во вторник состоя-

* Коц А. Встречи с Владимовым. С. 171.

лось заседание у главного редактора, на коем, после двух часов прений, решено было, что повесть «отличная и надо ее печатать». Твардовский и Закс высказали несколько критических замечаний и пожеланий, касающихся чисто художественной стороны, с которыми автор согласился без боли в сердце, даже наоборот. В общем, на доработку потребуется не более двух недель, а представить рукопись я должен 10 января, так как повесть планируется в мартовский номер.

Вчера заключили договор на шесть авторских листов, 26-го я получу 25% — аванс. Всего, вероятно, будет тысяч 16–17, к сожалению, слишком мало для погашения «национального долга» за кооператив, но тут я сильно надеюсь на генеральскую книгу*, которая уже в работе и должна выйти к лету. Хочу выслать тебе тысячу — 300–400 сейчас, а остальное — по выходе повести в марте. Напиши или телеграфируй, куда выслать, в Питер или Калининград, потому что мне бы хотелось, чтобы ты встретила Новый год у Иды, а не в одиночестве.

В общем, итоги первого «свободного» года более чем утешительны: три статьи, рассказ, генеральская книга и повесть, которые со временем поставят нашу фирму на прочный финансовый базис. Повесть сразу после доработки несу в издательство; думаю, что марка «Нового мира» поможет ей быстро выползти в свет отдельной книжкой.

А к Новому году хочу немного обарахлиться — купить костюм и пальто.

С кооперативом пока дело мутное. Вырыт котлован, но кладку еще не начали и, боюсь, не начнут до весны, хотя руководство жилкома божится, что вселение произойдет к 7-му ноября. Боже, им помощи!

* *Севастьянов П. Неман — Волга — Дунай.* М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1961. Владимов редактировал эти мемуары.

В общем, жду письма или телеграммы с пожеланием, куда выслать деньги. 26-го тут же pošлю телеграфом. Расписание наше такое — Новый год встречаем в Москве, до десятого — делаю повесть, с 16-го по 3-е — в дом отдыха, а числа 4–5-го приеду в Питер.

Всего наилучшего, Жора.

P. S. Лариса передает приветы и поздравления с Новым годом тебе и Иде (23.12.1960, FSO).

В начале зимы они с Ларисой Исаровой поехали в дом отдыха в Новогорск. Утром Владимов интенсивно работал над повестью, а после обеда катался на лыжах, что очень любил еще с «суворовских» времен. К концу декабря текст «Большой руды» был готов. Владимову чрезвычайно хотелось попасть в план на первую половину года. Мечталось, что повесть выйдет в феврале к тридцатилетию автора:

Но не тут-то было! Мне сказали, что напечатали бы с дорогой душой, однако в 1-м номере идет молодой писатель Войнович, его герой — тоже шофер. Тут шофер, там шофер, получается тенденция. Два номера переждем и вставим Вас в апрельский, 4-й номер. Подошел апрель, номер, как всегда, опаздывал, хотя верстка уже была. Но вдруг полетел в космос Юрий Гагарин. Передо мной извинились, но пояснили, что придется повесть выдирать из номера. Гагарин — полетел вверх, а «ваш герой летит вниз», сами, мол, понимаете, получается нехороший намек... Майский номер — День Победы, и вообще майский номер должен быть жизнеутверждающий, ваша вещь не годится. В 6-м номере у нас Виктор Некрасов «Кири Георгиевна», у него 50-летний юбилей, отменить невозможно. После же Некрасова нужно дать читателю отдохнуть: его вещь мрачная, у вас вещь мрачная. Опять-таки, будет выглядеть как тенденция. В 7-м номере Тендряков идет, а вас пустим в августе (ГВ).

Уехав на дачу, угнетенный «тенденциями» автор терпеливо дожидался августа, но вдруг пришла телеграмма: «Немедленно в Москву, будем печатать в июле». Оказалось, что Тендряков не поладил с Твардовским, требовавшим изменений в тексте, и забрал рукопись. В печать пошла «Большая руда», опубликованная в 7-м номере «Нового мира».

* * *

О «Большой руде» было в свое время написано очень много*. Современная ей критика отнеслась к книге очень доброжелательно. Для этого было несколько важных предпосылок. Новый голос молодого писателя, каких ждала читающая публика после удушья сталинизма; глубокий реализм владимовского пера; отголоски шельмовского романа; авантюренность, азартность и жизнестойкость героя; трагичность конца. Но главным было высокое качество отточенной, мастерской прозы, свидетельствующей о появлении в отечественной литературе большого писателя. «Не испросив нашего позволения, нас *подключили* к новому для нас куску жизни и чужой душе... и из этой заколдованной сферы не вырваться», — писала И.Б. Роднянская, характеризуя построение владимовских фраз, как «внутренне напряженное и повелительно напрягающее читателя»**.

Позднее критики рассматривали повесть и ее героя во всех возможных контекстах — соцреализма, производственного романа, оттепели, молодежной прозы. Но вла-

* Обзор критической литературы о «Большой руде»: Коц А. Художественное своеобразие прозы Г. Владимова // Литературоведение: метод, стиль, традиции / Перм. гос. ун-т им. М. Горького. Пермь. 1970. С. 151–152.

** Роднянская И. Движение литературы. М.: Знак: Языки славянских культур, 2006. Т. 1. С. 392.

димовская проза никуда не вписалась. Сверстники предпочитали новых героев, «аксеновских балагуров», как их окрестил Л. Аннинский: «Если Пронякин — летун, выскочка и захребетник (а перед коллективом-де все равно не удастся словчить), то Владимов — вполне понятный мифолог коллективизма. Если же Пронякин — передовик, подающий пример косной массе (а дура-масса с запозданием прозревает), то Владимов — элементарный мифолог героики. При любой такой “программе” — ничего особенного в повести нет. Так мы тогда мыслили»*.

Владимов с самого начала относился к этим «*запихиваниям в коробочки*» крайне скептически. Похвальные рецензии и статьи радовали его, но убеждение, что суть книги критиками не была до конца распознана и герой не понят, осталась в нем до самого конца: «Коротко сказать, “Большую руду” не приняли, а — стерпели» (1/160).

СЮЖЕТ ПОВЕСТИ

Владимир Лакшин вспоминает, как на встрече в редакции «Нового мира» с Жан-Полем Сартром и Симоной де Бовуар Владимов говорил, что построение фабулы должно быть простым и крепким, как сюжет былины**. Е. Старикова отмечала впоследствии «балладную четкость» владимовского повествования***.

Само словосочетание — «Курская магнитная аномалия» — казалось необычайно притягательным среди советского лексического конформизма. На КМА приезжает шофер Виктор Пронякин, известно о котором очень немного. После армии Пронякин поехал в деревню

* Аннинский Л. Обреченное рыцарство. С. 8.

** Лакшин В. Новый мир во времена Хрущева. С. 61.

*** Старикова Е. Жизнь и гибель шофера Пронякина // Знамя. 1962. № 1. С. 206–214.

к своей невесте Наташке, предвкушая радости семейной жизни и работу по специальности. Но, столкнувшись с холодным ханжеством девушки, он на рассвете уходит от нее в неизвестность. Женившись на случайно встреченной доброй и щедрой в любви женщине, он отдает ей свою глубокую душевную привязанность. После долгих скитаний и перемены мест работы он твердо намерен осесть на КМА, чтобы заработать и обеспечить хорошие условия для своей «женульки» и будущих детей. И в этой новой и полной смысла жизни он очень хочет показать окружающим высочайший класс шоферского мастерства.

С трудом починив сломанную машину, Пронякин нанимается на работу. Но производственные нормы на восстановленный им МАЗ так завышены, что выполнить их и получить полную зарплату практически невозможно. Это заставляет Виктора использовать на опасной дороге рискованные приемы вождения, что очень нервирует других шоферов. И когда он решает ездить в карьер в дождь, хотя этого не позволяют правила безопасности, между ним и бригадой назревает серьезный конфликт.

Вдруг в его заезд открывается чистая руда, и Пронякин оказывается первым, в чей кузов засыпается драгоценная синька. В нетерпеливом азарте он уговаривает экскаваторщика перегрузить кузов машины, чтобы убедить всех, что долгожданная порода наконец «пошла» и может начаться ее индустриальная добыча. В возбуждении от радостной новости Виктор на мгновение теряет контроль над машиной, и перегруженный МАЗ вместе с шофером свергается в карьер со страшной высоты.

НЕ-ГЕРОЙ НА СТРОЙКЕ КОММУНИЗМА

«...Бездомный неунывайка Пронякин был мне чем-то в судьбе и характере очень близок», — сказал Владимов о своем первом литературном герое.

Выбор шофера главным персонажем повести был не только определен обстоятельствами командировки, но и заложен глубоко в российской реальности, литературной и кинематографической традиции*. Путешествия, о которых сам писатель так мечтал в молодости, были в Советском Союзе очень осложнены вечными проблемами с билетами, недоразвитой цепью железных и автомобильных дорог, плохим местным транспортом, отсутствием доступных гостиниц, бедностью населения и общей привязанностью к месту — результатом института прописки. Но шофер был по определению человек в дороге и в одиночестве, что чрезвычайно привлекало Владимова, видящего в этой профессии сходство с писательской: *«В дороге думается хорошо и потом легко пишется»*. «Ехать — всегда хорошо», — уверенно говорит Пронякин (1/146).

Страстное желание Виктора обосноваться там, где будет вершиться большое и важное дело, проступает в разговоре с начальником карьера: «Не нынче, так завтра, а будет руда!» (1/56) И хотя это явная спекуляция на чувствах молодого специалиста, но он и сам отчаянно надеется на эту руду, которая осветит его жизнь смыслом и радостью настоящего труда. Именно для этого он приехал на КМА после всех «теплых местечек», где больше не готов был прозябать с чувством своей человеческой и профессиональной нереализованности. Важнейшая черта характера Пронякина — горячее желание работать: «Я к делу хочу определиться. Я работать могу, как мало

* Стафилова Е. Жизнь и гибель шофера Пронякина. С. 207.

кто» (1/56). С профессиональной уверенностью и любовью мастера он говорит, приступая к починке поломанной машины: «У меня пойдет. Зверь будет, а не машина» (1/61). И.Б. Роднянская характеризует владимовского героя как человека незаурядного: «Он настойчивее, одаренное, энергичнее многих из этих других, он мастер своего дела, артист»*.

Цель Виктора — обрести своей работой на КМА достойное человеческое благополучие. То, что веками было нормой жизни и о чем так ясно писал Александр Чудаков: «Дед знал два мира. Первый — его молодости и зрелости. Он был устроен просто и понятно: человек работал, соответственно получал за свой труд и мог купить себе жилье, вещь, еду без списков, талонов, карточек, очередей. Этот предметный мир исчез... страна многовековой истории стала жить по нормам, недавно изобретенным»**.

В лицемерной советской реальности о таких людях, как Пронякин, принято было говорить «поехал за длинным рублем». А вся роскошь, на которую надеется бездомный тридцатилетний водитель, — свой домишко с садиком и никелированная кровать, символ советского благополучия: «...и чтоб все было в доме — холодильник, телевизор, мебель всякая» (1/74). То, чего хотят миллиарды людей на планете Земля.

Душевная одаренность и способность к глубокой любви видна из пронзительного рассказа о первой ночи с женщиной, к утру ставшей его женой: «За окном грохотали поезда, которые здесь не останавливались, и желтые пятна от их огней прыгали по ее лицу и груди. В эти минуты ему отчего-то становилось нестерпимо жалко ее...» (1/146) Письмо к ней проникнуто трогательной заботой: «Но денег особенно не жалеи, до Рудногорска

* Роднянская И. Движение литературы. С. 399.

** Чудаков А. Ложится мгла на старые ступени. С. 497–498.

таксишника найми... И приезжай, не медли, а то я по тебе, честно, соскучился... Жду тебя скоро и остаюсь уверенный в твоей любви любящий муж твой Пронякин Виктор» (1/67). Перед смертью Виктор напрягает последние жизненные силы, заботясь о своей «женульке»:

Женщина она еще красивая, мужиков вокруг нее всегда хватает... Да ведь она все... на бойких местах... Я уж ее такую застал... Ничего поделать не смог. Так вот, мужиков-то хватает, а жалеть по-настоящему, как я жалел, это навряд ли кто найдется... Вы бы потолковали с ней. Что дальше делать ей... Жить как. Боюсь я, спутается, с кем не надо. Я это без ревности говорю. Я за нее боюсь... (1/140)

Глубже всего раскрывается Виктор Пронякин, когда в нетерпеливом возбуждении ведет МАЗ с переполненным рудой кузовом по самой длинной из своих дорог — к смерти. Это момент его недолгого триумфа: «...ведь это я везу, я, а не кто-нибудь. И не последний я, а первый», — то, чего он желал с глубочайшей, неумеренной страстностью: перед осуждавшей его бригадой, в предчувствии любовного восторга «женульки», но главное — при мысли о радости, которую он вез для всей страны:

...это он, Виктор Пронякин вез первую руду с Лозненского рудника. Руду, которой ждут не дождутся и Хомяков, и Меняйло, и Гёна Выхристюк и про которую завтра утром, если не нынче же вечером, узнают в Москве, в Горьком, в Орле, в Иркутске и в других местах, где он побывал и где не пришлось (1/127).

Но его недолгому счастью не суждено было воплотиться в реальность. В безвременной и бессмысленной смерти Виктора Пронякина есть тревожащий знак вопроса, без ответа на который невозможно понять смысл этой повести.

ШОФЕРЫ НА КМА

Л. Аннинский отметил, что «Большая руда» была энциклопедией моды, быта и повседневной жизни рабочего класса той эпохи: «Постарели те дивы, повывелись те клопы, однако протокольно точные детали, которые должны резать ухо анахронизмом, читаются и теперь с интересом, как точные приметы эпохи»*.

Образы шоферов написаны теплыми красками, создающими индивидуальный портрет каждого из них. Солидный бригадир Мацуев, справедливый, природно-умный. С его домиком, палисадником, красным флюгером, телевизионной антенной на крыше и дородной, гостеприимной женой, он кажется самым благополучным из всех. Немудреный Косичкин, не очень грамотный, косноязычный, но прошедший войну и глубоко чувствующий цену труду, жизни и смерти. Раздражительный Меняйло, добрый Федька, милый Гена Выхристюк:

— Эх, хлопцы... жить бы нам всем на одной улице. Пришел домой — душа радуется. Часик порадовался — пошел, например, к Меняйло пешком через забор — козла забить. Или, скажем, к Федьке — магнитофончик послушать. Музыка самая модерн. И чтоб девочки были красивые (1/96).

Трудящиеся водители, умеренно пьющие, озабоченные семьей или обитающие в общежитии для холостых, развлекающиеся выпивкой и танцами по вечерам. Прибившись к КМА, они живут надеждой на лучшее будущее, безропотно смиряясь с погодными препонами и терпеливо «забивая козла» в надежде на их окончание:

* Аннинский Л. Рок, судьба и участь Георгия Владимова. С. 7.

И зачем же тогда с ума сходить? «Руда! Руда!» ...Если скажем, предназначено ей, рудишке-то, в пятницу появиться, так она же все равно в понедельник тебе не покажется. Ну и ради бога! Неужели же из-за этого жизнь себе портить? (1/94)

Конфликт возникает именно потому, что смирения и терпения нет в характере Виктора, решающего ездить в карьер, несмотря на дождь: «Мне заработать нужно, жизнь обстроить, обставить, как у людей. ...Мне почему валяться по чужим углам, слушать чужую храпотню... Не-ет, я себе жилы вытяну и на кулак намотаю, а добьюсь» (1/68). Но хотя он сводит свою решимость на вопрос материального благополучия, дело совсем не в том:

— Торопишься ты, Виктор, — сказал Мацуев. — Я вот тут с первого гвоздя, с женой и дочками в палатке жил. Да и другие, кого я знаю. Да и другие, не сразу к ним все приходило. А ты хочешь, чтоб сразу все. Нет уж, погоди, присмотрятся к тебе, соли пудика три съедят с тобой, а тогда уж и претендуй (1/95).

Опытный Мацуев неумелым словом «претендуй» правильно выражает неумную жажду деятельности, стремление Пронякина доказать свой талант: «Кого же винить, если слишком рано обнаруживается твое желание вырваться вперед» (1/97). Его товарищи тоже ждут руды: «Всякому приятней железо возить, чем пустую породу» (1/94), — но пренебрегать правилами безопасности и рисковать жизнью они не готовы, подозревая Пронякина в подхалимстве и сутяжничестве: «А просят, чтоб ты жлобом не был... который за четвертную перед начальством выпендривается» (1/114).

То, что ускользает от бывшего «летуна», не привыкшего к постоянным и прочным рабочим отношениям, — до-

быча руды это общее дело, в котором он тесно связан с другими людьми. И это диктует неписанные, но ясные правила социальной и трудовой жизни, которые он нарушает. Пронякин понимает, что в конфликте виноват он сам. Поэтому, взяв из карьера свой драгоценный груз, он сначала мечтает, как будет смеяться над товарищами, но быстро осаждаёт себя: «Впрочем, не очень долго. И не очень язвительно. В конце концов, они неплохие теплые ребята, черт знает, какая кошка между ними пробежала» (1/126).

И.Б. Роднянская писала, что в «Большой руде» гибель героя воспринимается как выход из его конфликта с бригадой и читатель испытывает почти облегчение от такой развязки*. Схожей была точка зрения многих критиков: «...человек-одиночка, не желающий и не умеющий жить чужими интересами, быстро и откровенно обнаружил и свое равнодушие к товарищам, и свое превосходство, и свое твердое намерение добиваться удачи, не считаясь с их интересами. И люди не простили ему ни его равнодушия, ни его смелой удачливости, и человек погиб, потому что не выдержал одиночества»**.

Это возможная интерпретация текста. Но, учитывая особенности личности самого Владимова — одиночки и «писателя одиночества»***, — вполне разрешимый человеческий конфликт едва мог стать решающей причиной гибели его героя.

ТЕМА СМЕРТИ

С первых слов повести «Он стоял на поверхности земли, над гигантской овальной чашей карьера» (1/51) возни-

* Роднянская И. Движение литературы. С. 382.

** Старикова Е. Жизнь и гибель шофера Пронякина. С. 208–212.

*** Аннинский Л. Удары шпагой. С. 207.

кает чувство тревоги от сверхчеловеческих размеров развернувшегося под ногами Пронякина пространства. Дорога в карьер описана как жуткий фантастический дракон: «Казалось, дорога сама, извиваясь, тащит их на себе, а хвост ее все отрастает в темных глубинах» (1/51). Чувство угрозы от огромного котлована постоянно нарастает: «Он стремительно раздвигался в прорези выездной траншеи и вдруг хлынул весь в глаза и в уши, чуть затуманенный и плоский, как горы на горизонте, и скрежещущий, лязгающий, ревущий» (1/51). Во всей природе карьера есть грозное предупреждение: «Сколько он ни жил на свете и сколько ни колесил, он ни разу не видел таких гроз, какие бушевали ночами здесь, над магнитными массивами курских аномалий...» (1/76)

Повествование о гибели Пронякина построено как повторение мотивов, разрозненно возникших в начале повести и собранных в единый трагический сонет в конце, когда МАЗ вместе с шофером обрушивается вниз.

Трогательный и радостный ориентир при заходах в карьер — *яблоньки** у конторы:

Он видел их острые верхушки, которые понемногу сливались в одну густую крону и наконец вновь раздваивались тонкими стройными стволами.

— А вот и мы, — говорил он этим яблонькам (1/89).

Эти же молодые деревца — первый знак гибели: «Он все понял, когда, вывернув руль еще и еще раз, он не смог поставить на место *яблоньки*, все ползущие влево» (1/128).

В начале повести: «Тень *облака* скользнула вниз, упала на пестрое движущееся скопище машин и людей, погасив блеск металла и сверкание стекол... И умчалась в зеленую

* Здесь и дальше в этой части курсив мой.

степь, к перелескам и хуторам, затерявшимся на горизонте» (1/51). Когда машина с Пронякиным летит в обрыв: «Вдруг он увидел *тучи*, быстро пронесшиеся в ветровом стекле...» (1/128)

Мотив осыпающейся *глины* возникает с первых страниц повествования. Оглядев карьер, «Пронякин пошел краем пропасти, топча траву, сошвыривая вниз комья сухой *глины*» (1/51). При этом он дважды употребляет привычный речевой оборот: «Не может быть, чтоб я тут не *окопался*» (1/53). Перед дорогой из карьера экскаваторщик Антон несколько раз напоминал Виктору: останавливаться и счищать, *скапывать* с колес перегруженного самосвала налипшую *глину*. Но в азарте и нетерпении Пронякин глину не скапывал. И «окопаться» на КМА ему не удалось, потому что, разбившись, он был закопан в эту глинистую землю своих надежд.

Руда в повести — метафора *крови*, «обломки расколотых глыб цвета запекшейся *крови*» (1/51). В словаре Владимира Даля приводится, кроме основного, древнее значение слова «руда» — кровь — и забытое выражение «разбиться до руды». Последнее, что различает слух Пронякина в кабине разбившегося МАЗа, — рассыпающаяся *красно-коричневая руда* и громкий стук капель его собственной *крови*. Он «разбился до руды».

Завершающий мотив — *падение, полет*. Виктор сорвался в карьер со страшной высоты:

«Когда же кончится? Господи, когда же кончится?» — подумал он с тоской, пока его куда-то влекло и било со всех сторон. Но это еще долго не кончалось, он успел потерять сознание от боли в затылке и в локте и снова очнуться, а машина все катилась по склону (1/129).

Его последним предсмертным видением был *полет*, навсегда замкнувший круг жизни: «Он почувствовал толь-

ко, что его *несет на деревья*, и обрадовался. И это было последней радостью» (1/142).

Посмертная не-встреча Виктора Пронякина с жизнью: такси с его любимой «женулькой», заразившейся общим радостным настроением и полной счастливого ожидания встречи с обожаемым Витенькой, проезжает мимо машины, везущей его мертвое тело в прозекторскую. При доскональном знании Пушкина совпадение с «Путешествием в Арзрум» не могло быть литературной случайностью:

Два вола, впряженные в арбу, медленно поднимались на крутой холм. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы», — спросил я их. — «Из Тегерана». — «Что везете?» — «Грибоеда»*.

Но реальность трагедии владимовского повествования заставляет вспомнить А. Галича, советскую инверсию пушкинских строк:

Так вот она, ваша победа!
«Заря долгожданного дня!»
Кого там везут? — Грибоеда.
Кого отпевают? — Меня!

Смерть юнкеров,
или Памяти Живаго

После смерти Виктора Пронякина начинается ряд характерных подстановок: его подретушированная фотография среди других членов бригады печатается в газетах с восхвалениями, его представляют героем дня, энтузиастом, погибшим при совершении трудового подвига.

* Пушкин А. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. Т. 6. С. 666.

Его больше нет, и эти идеологические выкладки его уже не достигнут, как не трогают они и читателя.

Владимов писал о смерти своего героя: «...Гибель же Пронякина возникла из общего трагического ощущения Курской Магнитки, как Молоха, перемалывающего людские судьбы, и еще — от ощущения зыбкости наших благих и, как многим казалось, необратимых перемен» (1/160). Молох, получивший свою жертву, отдал народу железное кровавое богатство: «Шла большая руда, брызнувшая фонтаном из вспоротой вены земли» (1/154).

Как литературный персонаж Виктор Пронякин кончился с появлением индустриальных пластов драгоценной синьки. Дальше началась бы иная рутина жизни со своими радостями, неудачами и заботами. Но это была бы совсем иная повесть, для которой нужен иной герой. И Владимир понял это безупречным инстинктом художника, написав трагичный конец своего неприкаянного шофера.

Но в смерти Пронякина есть и судьба писателя: персонаж повести погибает от двух разmozженных, пятого и шестого, позвонков — причина смерти Геннадия Панарина, глубоко любимого друга по Суворовскому училищу. И Владимир увековечил своего Генку, назначив ту же смерть своему литературному герою.

Однажды я спросила за ужином: «Георгий Николаевич, за кого из ваших героев мы выпьем?» — ожидая «генерала», но Владимир, не раздумывая, поднял рюмку и сказал: «За Пронякина!» Я думаю, что, не чокаясь, мы пили и за Гену Панарина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если говорить о генеалогии владимовского героя, во многих отношениях, при всей разнице интеллектов, развития и целей, в образе Виктора Пронякина видна связь

с арбузовским Ведерниковым: индивидуалист, стремящийся к вершине в своей профессии и ставивший своей целью прорыв вперед, утверждение своей исключительности. Этот тип героя был очень близок и интересен писателю. Именно поэтому шофер Виктор Пронякин, везущий руду дрожащими от счастья руками, оставался для Владимова «человеком на все времена» (1/161).

Своей первой повестью молодой писатель утверждал, что в жизни человека нет и не должно быть места подвигу, потому что подвиг — это аномалия, поступок, совершаемый в крайней, исключительной ситуации. Работящий профессионал, чтобы жить достойно, не должен быть поставлен в условия, когда ему приходится рисковать жизнью на незащищенной глинистой дороге. Его не должны принуждать к выполнению унизительно-невыполнимых, надуманных норм, обрекая на жизнь в бедности. Он не должен, приехав на Курскую магнитную аномалию или любое другое место работы, жить в общежитии с клопами. Человек рожден не для подвигов, но для полноценной жизни, профессиональной и личной, о которой так мечтал владимовский герой. Стремление к ней привело Виктора Пронякина к гибели, потому что, как заметил Анатолий Гладилин, несмотря на все стройки коммунизма, в стране «развитого социализма» не было больше места для неумеренного энтузиазма и жажды труда. Именно этим Пронякин выделялся среди хороших крепких шоферов бригады. Близкий друг и тонкий литератор А. Гладилин глубже всех понял и точно определил суть и жанр «производственной прозы» Георгия Владимова: повесть «Большая руда» была «реквиемом по рабочему классу»*. Герой ее был обречен.

ПОСЛЕ ПУБЛИКАЦИИ

После публикации «Большой руды» чувство успеха пришло не сразу. В том же номере был рассказ Казакевича «При свете дня» и печатались «Люди, годы, жизнь» Эренбурга. Но через две недели после выхода повести Владимов получил первое теплое письмо от Григория Бакланова, поздравлявшего его и хвалившего повесть. Владимов был в «Новом мире» редактором романа Бакланова «Пядь земли». Вскоре начался поток восторженных писем и статей — литературная номенклатура была чрезвычайно довольна появлением молодого писателя, который с теплотой и любовью пишет о рабочих и трудовом процессе*.

Уже 6 сентября 1961 года, минуя приемную комиссию, Владимова приняли в Союз советских писателей. Это было необычное нарушение процедуры, но, указав на случай Юрия Крымова после публикации повести «Танкер “Дербент”» в 1938-м и на такой же подход в случае Новеллы Матвеевой, Степан Щипачев призвал коллег не быть «излишними формалистами»**.

Владимов получил четыре прекрасные рекомендации в Союз писателей, среди них Владимира Тендрякова и заместителя редактора «Нового мира» А.Г. Дементьева. На заседании, состоявшемся 6 сентября, большинством голосов (шесть — за, один — воздержавшийся) Георгий Владимов был принят в члены Союза писателей.

Состояние Владимова после публикации книги, реакции на нее и приема в Союз писателей лучше и полнее всего отражено в его письме матери от 31 августа 1961 года.

* *Гладилин А.* Писатель, который не торопился // Новое русское слово. 1986. 2 марта. С. 5.

** Владимов Георгий Николаевич // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 41. Д. 76. Ед. хр. 28–34.

Здравствуйте, дражайшая родительница моя Мария Оскаровна!

Пишет вам недостойный сын Ваш — Георгий Николаевич сын Владимов, истомленный славой, работой, договорами, заработками, ожиданиями, надеждами и котенком Каней. Доказательство моего истомления прилагается — имею в виду фото.

Это я сфотографировался на предмет поступления в Союз писателей и на шоферские курсы. В Союз меня пригласил персонально Степа Щипачёв, очень растроганный моей гениальностью. А на курсы поступаю, имея в перспективе легковой автомобиль, каковой я скоро в состоянии буду приобрести.

Повесть пока идет на «ура» — и справа, и слева. Говорили о ней по радио, по телевизору и в «Литгазете», называют чуть ли не «подарком к съезду». Так что ты, как старый член партии, можешь быть горда, что именно ты являешься тому первопричиной.

Уже готов договор с одобрением в печать в издательстве «Советский писатель» — выйдет книжка в январе-феврале будущего года. Кроме того, заключил еще один договор с «Новым миром» — на новую повесть, о которой объявят читателю в 10-м номере. Пусть глупый подписчик думает, что она уже в портфеле редакции, но ты можешь быть уверена, что она еще у меня в чернильнице. Впрочем, на кончике пера.

И самая моя большая радость — закончил, наконец, второго моего генерала* (первый уже вышел 85-тысячным тиражом и поступил в магазины), сдал в издательство и помолился о том, чтобы мне никогда больше не пришлось голодать, бездомничать и заниматься всякой халтурой.

Лариса донашивает наследника — по-видимому, сдаст его в производство в конце третьего квартала. Мы бы хо-

* *Поздняков Е.* Юность комиссара. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1962. (Лит. запись Георгия Владимирова.)

тели, чтобы ты к нам подъехала после его рождения (дорогу мы, само собой, оплатим), посмотреть на Г. Владимира в роли отца. Если все будет хорошо, так я за один год сумел осуществить весь джентльменский набор: слава, деньги, ребенок, машина. К сожалению, выпадает квартира, так как дом будет готов не раньше мая, хотя все деньги мы уже внесли. Это нас существенно стесняет, поскольку работать будет негде, мне придется снимать на зиму для работы комнату или дачу.

Вот каковы приблизительно наши дела. Лариса тоже вступает в Союз. Уже прошла одну инстанцию, и, кроме того, у нее завязывается альянс с ТЮЗом. Словом, живем — лишь бы не война.

Напиши, как в Одессе, хорошо ли отдыхаешь, чем и как питаешься, как здоровье. Надеюсь, осенью побывать также в Питере, но приехать уже на своей машине.

Напиши, нужны ли еще деньги, хватит ли на обратный билет и на первое время в Питере.

Лариса передает самый горячий привет. Всего наилучшего, жму руку, жду письма.

Твой реваншистски настроенный сын — то бишь намеревающийся взять реванш за голодные годы юности.

Целую, Жора.

Рождение на следующий день после приема в Союз писателей дочери Марины сделало сентябрь того года *«месяцем счастья»*, может быть, единственным в его трудной жизни. Писатель Георгий Владимов состоялся.

* * *

Несколько слов о фильме «Большая руда». Когда еще неопубликованная повесть лежала в редакции «Нового мира», один из литературных редакторов Мосфильма обратился к журналам с просьбой указать ему интересных

новых авторов. «Новый мир» предложил киностудии ознакомиться с повестью «Большая руда». Вскоре в квартире Владимова появились два молодых режиссера, Александр Алов и Владимир Наумов, предложивших экранизировать книгу. Последствием этого посещения стал договор с Мосфильмом, хотя впоследствии фильм ставили не они, а Василий Ордынский, вместе с Владимовым написавший киносценарий. Роль Виктора Пронякина исполнял Евгений Урбанский. Б. Мессерер, которому очень понравился фильм, писал: «Урбанский очень хвалил Владимова и рассказывал, как он прост в общении и чужд любой фальши. Когда такой огромный, мощный человек, каким был Урбанский, с нежностью отзывался о полюбившемся писателе, это трогало и радовало своей искренностью и волновало предощущением встречи с самим Владимовым»*.

Сам Владимов не считал фильм большой удачей и писал позднее Наталии Кузнецовой:

Жалко, что так получилось с «Большой рудой». Я, конечно, не могу не огорчаться, я ведь вложил в это дело массу времени и сил, хотелось, чтобы получилась грандиозная картина. И где-то в материале она, действительно, казалась грандиозной, не знаю, как получилось так серо и скучно. Люди смотрели материал (последнюю или предпоследнюю сцену) и плакали, я не вру, а когда смотрели все целиком — никакого впечатления. Ушло божество, а куда оно ушло и как — одному богу ведомо (01.05.1965, FSO).

Но фильм пользовался у публики большим успехом, и кинокартина десятилетиями показывалась по провинциальным телевизионным каналам. После выхода фильма Владимов вошел в художественный совет при киностудии «Мосфильм».

* Мессерер Б. Георгий Владимов // Звезда. 2016. № 1. С. 151.

Еще одна трагедия была связана для Владимова с экранизацией его первой повести: гибель Евгения Урбанского, сходная со смертью Виктора Пронякина. Из воспоминаний Б. Мессерера: «Последней картиной, в которой он играл главную роль, стал “Директор” режиссера Алексея Салтыкова. Съемки проходили в пустыне, в сорока километрах от Бухары. По сценарию машина, в которой ехал Урбанский, должна была промчаться по барханам, обогнать колонну, а затем возглавить ее. Как рассказывали актеры, коллеги Жени, он сам отказался от дублера-каскадера и хотел выполнить тяжелый трюк лично. Причем первый заезд окончился благополучно, а погиб он во время исполнения дубля.

Прошли годы. И вот уже мы с Беллой дома у Жоры Владимова бесконечно прокручиваем ролик, запечатлевший тот трагический момент, когда машина Урбанского взлетела над барханом, перевернулась в воздухе и упала на крышу...

Перед моими глазами и сейчас стоит этот кадр: на наших глазах гибнет Урбанский»*.

Марина Владимова говорила мне, что отец испытывал странное и мучающее его чувство вины — как будто текст повести предопределил неожиданную смерть его любимого актера.

* * *

К двадцатилетию победы над фашизмом в 1965 году «Военное издательство» решило напечатать серию генеральских мемуаров. Для редактирования нанимались молодые писатели. Платили прекрасно, и всегда интересовавшийся военной историей Владимов сразу отзывался на

* Мессерер Б. Георгий Владимов. С. 151–152. См. также: Владимова М. Мой отец — Георгий Владимов. С. 29–30.

это предложение. Так судьба свела его с генералом Петром Васильевичем Севастьяновым*, к более подробно рассказу о котором я вернусь в главе о романе «Генерал и его армия». Владимов был редактором его книги «Неман — Волга — Дунай»**. После успешной работы с Севастьяновым Владимов охотно согласился на предложение сделать литературную запись воспоминаний Евстафия Ивановича Позднякова, в то время полковника, а в молодости комиссара***. Но, по словам Владимова, престарелый Поздняков Отечественной войны больше не помнил.

Он помнил лишь Гражданскую войну, и главным из всей войны было то, каким он тогда был красивым да с таким каштановым чубом! И конь у него был чудо-конь, такой красивый, и маузер был у него красивый, но добиться от него толку было невозможно. Где красота кончалась, там начинался полный склероз: ни где сражались, ни кто, ни как — он деталей не помнил. Но так как издательство уже заключило договор и с ним, и со мной, решили — пусть будет Гражданская. Дали мне в помощь консультантов. Из предоставленных ими материалов я «выдавил» и написал не бог весть какую замечательную книжку. Но деньги, очень нужные в тот момент, мне заплатили (ГВ).

Это было все «нудно и малоинтересно», и Владимов был рад, когда рукопись ушла в издательство.

В том же 1964 году произошла встреча, навсегда определившая его личную судьбу.

* Севастьянов Петр Васильевич (1907–1968) — генерал-майор, в 1943 году был начальником политотдела 40-й армии 2-го Украинского фронта, членом Военного совета армии. Как указывалось, результатом совместной работы с Г. Владимовым была книга мемуаров Севастьянова «Неман — Волга — Дунай».

** Севастьянов П. Неман — Волга — Дунай. М.: Воениздат, 1961.

*** Поздняков Е. Юность комиссара. Лит. запись Г. Владимова. М.: Воениздат, 1962.

Глава одиннадцатая

Наталия Кузнецова

В 1964 году Владимов познакомился в ЦДЛ со своей второй женой Наталией Евгеньевной Кузнецовой. Наташа пришла туда, чтобы взять интервью у писателя Аркадия Васильева для журнала «Огонек», где она работала внештатным сотрудником. Она также писала цирковые репризы для своего бывшего мужа, «грустного клоуна» Леонида Енгибарова, хотя к тому времени они уже разошлись. Роман Владимова с Наташей начался после нескольких встреч, но, по словам Георгия Николаевича, он вначале отнесся к этим отношениям *«не то чтобы легкомысленно, но не вполне серьезно и ответственно»*. После тяжелого, болезненного и лишь недавно завершившегося развода с первой женой Владимов чувствовал, что не готов к серьезной связи. И, как ему показалось, Наташа тоже была *«хорошенькой, легкомысленной девочкой, для которой это минутная мимолетная встреча»*. Но все оказалось совсем не так.

История семьи Наташи глубоко трагична. Ее отец Евгений Михайлович Кузнецов (1900–1958) был одним из создателей Музея циркового искусства в Ленинграде в 1928-м, позднее стал художественным руководителем Ленинградского цирка, основателем и главным редактором журнала «Советский цирк». Его работы о цирке были переведены на многие иностранные языки. Наташа с детства росла в близости к цирку, обожала лоша-

дей и прошла полную тренировку цирковой наездницы, хотя никогда не рассматривала это умение как возможный вариант профессиональной жизни. Евгений Михайлович происходил из дворянской семьи, его отец был известным хирургом, профессором Варшавского университета. Во времена «борьбы с космополитизмом» Е.М. Кузнецов оказался удобной мишенью для сталинских палачей. Среди евреев разных сфер и профессий, которых тогда преследовали, всегда был хотя бы один не еврей, чтобы продемонстрировать, что властями двигал не просто черный антисемитизм. На Кузнецова обрушился шквал абсурдной критики, как на «апологета буржуазного цирка» и «горе-теоретика», оказывающего «тлетворное влияние» и вносящего «дух Запада» на советскую цирковую арену*. Бог знает, чем бы все это кончилось, если бы не смерть Сталина. Евгений Михайлович был потрясен и страдал с тех пор острыми приступами депрессии. 27 марта 1958 года он попросил дочь сходить в магазин за молоком. Когда она вернулась, отец висел в петле. Шок, испытанный Наташей, остался с ней до конца жизни. Глубокая травма сказывалась на крайней нервности, повышенной возбудимости, сбивчивости речи и легком заикании. Это также навсегда определило Наташино отношение к советской власти. Владимов, глубоко сочувствовавший ее неостывающему страданию, всю жизнь относился к ней с необычайной нежностью, терпением и крайней бережностью.

Мать Наташи и любимая теща Владимирова Елена Юльевна Домбровская** больше не вышла замуж, хотя была еще очень красива. Портрет Елены Юльевны, на-

* В архиве Владимирова хранятся статьи из газет с подобными обвинениями (FSO).

** Урожд. Келлер (01.05.1908, Кенигсберг — 18.06.1986, Висбаден).

писанный влюбленным в нее в молодости художником Владимиром Лебедевым, висел в квартире Владимовых, и Георгий Николаевич отказывался его продать даже в самых стесненных финансовых обстоятельствах.

В декабре, через полтора месяца после знакомства с Наташей, Владимов уехал в Румынию для работы над сценарием советско-румынского фильма «Туннель» (1966) о совместной борьбе советских и румынских разведчиков во время Второй мировой войны, предотвращающих уничтожение гитлеровцами стратегически важного объекта*. Он был впоследствии очень недоволен этой картиной, считая, что его соавтор и режиссер картины Франчиск Мунтяну относился к работе спустя рукава — затягивал написание текста, часто отсутствовал, не консультируясь, менял реплики и фабулу, и, по словам Георгия Николаевича, фильм получился *«очень слабенький, и моего там почти ничего и не было»*. В Румынию Владимов ездил трижды, и за время этих поездок отношения с Наташей кристаллизировались: *«Она стала мне писать, звонить буквально каждый день. Чувствовалось, что она влюбилась, тоскует, беспокоится обо мне»*.

Из письма Наталии Кузнецовой:

Жорка, миленький, здравствуй!

Получила сегодня утром твое письмо и огорчилась...

Я тут тебя жду, не знаю как. Все на себя злюсь и жалею.

Я жалею, что редко говорила тебе чистые слова, от души, что чего-то боялась, и была какая-то тупая и скованная.

Я все время о тебе думаю. Все время. И если Володька** приходит, то я с ним говорю про тебя.

* «Туннель»: сценарий Георгия Владимова и Франчиска Мунтяну, реж. Франчиск Мунтяну. Мосфильм и Studioul Cinemartografic Bucuresti, 1966.

** Писатель Владимир Николаевич Войнович (1932–2018) в то время был близким другом Владимова.

Правда тот же Володька меня поддразнивает, что я так тебя жду, потому-де, что ты в самый разгар взял да уехал. Ну это он врет, правда?

...

А за легкомыслие, опять ты меня зря ругаешь: печенку-то я вылечила и даже вид допеченочный приобрела. Лечили меня вторую половину дома — делали вокруг печенки какие-то новокаиновые уколы. Вот так...* Красиво?! (25.01.1965, Москва, FSO)

Сохранились и необычайно трогательные письма из Румынии Владимирова к Наташе, полные тоски по ней, заботы, любви и бьющей через край нежности: «Считаю на пальцах дни, которые остались до России, до Москвы, до тебя... когда я услышу твой милый-милый голосок и ты придешь ко мне в своей пушистой шубке и платице и будешь долго причесываться в передней, а потом еще и в ванной» (01.05.1965, FSO). Это неожиданная сторона личности, никак не проглядывавшая в социальном общении Георгия Николаевича, где он был обычно замкнут и очень сдержан.

Когда я приехал 6 марта 1965 года в Москву, она встретила меня на Киевском вокзале в восемь часов утра. Для меня навсегда осталось тайной, когда же она встала, потому что ей от «Семеновской» нужно было ехать через весь город. И до этого, конечно, марафет полный навести. В тот день я сделал ей предложение. И она осталась у меня на тридцать два года (ГВ).

Наташа не была официально разведена с Леонидом Енгибаровым, брак с которым был зарегистрирован в Ки-

* В этом месте письма Наташи — маленький рисунок, который умилял Владимирова: точки вокруг кружка, в середине которого написано «печень». Георгий Николаевич несколько раз рассказывал мне об этом рисунке, с нежностью говоря: «Трогательно так...» Это письмо находится в архиве FSO.

еве. Свидетельство о браке было утеряно. Владимов решил не посылать запрос на восстановление свидетельства и ждать потом официального развода, но сделать проще: объявить, что Наташа и Леонид потеряли паспорта. Он рассчитывал, что никто не будет проверять, были ли они женаты, где и когда развелись. «Грустный клоун», ненавидевший формальности, радостно согласился, втроем они весело отпраздновали «потерю», и по получении Наташей нового паспорта брак ее с Владимовым был зарегистрирован. Брак оказался крепким, и любовь очень глубокой: *«Трудно мы притирились, характеры очень разные, но в конце концов стали неразлучны, неотделимы друг от друга»*.

Далее я приведу рассказ Георгия Николаевича практически дословно:

Она сначала встретила многообещающего молодого писателя. Про «Большую руду» было опубликовано более сотни статей. Я всюду мелькал, модным был мужчиной. И ей это нравилось, увлекало ее. Но потом мы столкнулись с трудностями: не печатают, не издают, рукописи возвращают. На гонорары от кино мы перебивались много лет. Но как тяжело не было, я никогда ни слова упрека от нее не слышал. Она сама старалась зарабатывать, написать. После моего выступления в защиту Даниэля и Синявского в 1966 году и в поддержку Солженицына в 1967-м ей стали отказывать в ее маленьких подработках: спецотделы выяснили, чья она жена. Она даже печаталась несколько раз под чужими именами, своих подруг, которые отдавали ей потом гонорары. Но и это прекратилось. Нам иногда бывало очень туго, но она несла этот крест. Когда в 1977 году я вышел из Союза писателей, она меня одобрила и не сделала никакой попытки отговаривать. И в диссидентском движении приняла участие, сразу сдружившись с Еленой Боннэр и Андреем Дмитриевичем Сахаровым, который к ней очень уважительно относился. Ходила со мной на все судилища, предрекалась с казэбэшниками – она была очень смелой и надежной мне защитой и другом (ГВ).

Сама Наташа писала позднее Льву Аннинскому: «Мое диссидентство далось мне так трудно — труднее, чем все ошибки юности, чем все неудачи в любви и даже чем эмиграция... Но мой мужественный муж говорил мне: “Ничего, привыкнешь. Я на СРТ тоже поначалу думал, что не выдержу, сбегу”.

Выдержала и обыски, и допросы, и положение изгоя, и филиал КГБ под названием “НТС”, но, как говаривал Ваш персонаж П. Корчагин, “жжет позор за бесцельно прожитые годы”. Действительно необходимо было одно — видеть, и близко, Сахарова, да и того безбожно перебивал каждый, кто мог...»*

Рассказ Г.Н. Владимова:

Когда какой-то странный тип, якобы шофер по фамилии Павлов хотел втереться в диссидентское движение, пробившись ко мне, Наташа встала между нами скалой. Он написал Копелеву, что «до Владимова не достучаться. Его жена Наташа никого к нему не пускает». Копелев ему резонно ответил: «Как же вы хотите свергнуть советское правительство, если не можете пробиться через Наташу?» (ГВ)

Лев Аннинский свидетельствовал, что Наташа совершенно теряла самообладание и становилась «необузданной тигрицей», если ей казалось, что кто-то не так относится к мужу. Но часто она преувеличивала, и Борис Мессерер писал, что это не всегда благоприятствовало общению Владимовых с людьми, по духу им близкими: «Могу назвать совсем небольшой круг бывавших у них в гостях: поэт Юрий Кублановский, писатели Андрей Битов и Евгений Попов, писатель-политолог Рой Медведев. Даже этот более чем узкий круг друзей, многократно проверенных на прочность убеждений и на свою неподкуп-

* Аннинский Л. Удары шпагой. С. 235–236.

ность, ставился Натальей под сомнение. В итоге своими придирками она неизменно сокращала и без того короткий список близких»^{*}.

Владимов никогда ни в чем ее не винил:

Она, как и ее мать Елена Юльевна, верила, что ее доля – оберегать мужа и свято следовать тому, что он делает. Это была семья с трагическим ореолом из-за жуткой смерти отца Наташи Евгения Кузнецова. Это было нервное потрясение, которое навсегда в ней осталось и имело свои последствия. Елене Юльевне было пятьдесят лет, она в этом возрасте все еще была необычайно красива, и поклонников было немало, но так и осталась – вдовой Кузнецова. Она жила вначале на Серпуховской, к нам приезжала почти каждый вечер, помогала по хозяйству. Мы жили трудно, она привозила продукты, готовила нам. Потом поменяла свою квартиру на Серпуховской и жила в нашем кооперативном доме на нижнем этаже. Мы спускались к ней пообедать, а потом поднимались к себе работать. Наташа готовить совсем не умела, но в эмиграции, когда рестораны были совсем не по карману, заказав из Москвы поваренные книги, научилась и готовила очень вкусно.

КГБ пытался воздействовать на меня через Наташу. А когда это провалилось, устраивал провокации, даже покушения на нее – чтобы припугнуть. Наташе хотелось выбраться из этого мрака в эмиграцию, куда уехало уже много наших друзей. И я видел, что у меня нет выхода, так как опасался, что репрессии обрушатся не на меня, а на нее, чего я никак не мог допустить. Елена Юльевна сразу приняла решение ехать с нами. Она была нам большой поддержкой. Проведя первые несколько лет жизни в Германии, Елена Юльевна помнила с детства кое-что из немецкого и, не стесняясь ошибок, всегда умудрялась как-то объясняться. Бывая раньше за границей по работе, она быстро реагировала на новое окружение, схватывала бытовые ситуации и довольно успешно решала их – в отличие от Ната-

^{*} Мессерер Б. Георгий Владимов. С. 156.

ши моей, бывшей в повседневной жизни совершенно беспомощной и непрактичной. Елена Юльевна очень переживала за нас во время всей этой истории с НТС. Через неделю после того, как нас уволили, она попала в больницу с инфарктом от пережитого потрясения и через два недели умерла. Мы остались вдвоем. Для нас это была огромная потеря, и мы ее очень остро пережили.

В эмиграции Наташа начала писать активно. Первую свою критическую статью под псевдонимом Рубцова она написала для моего первого номера «Граней». Я поместил в номер рассказ Артема Веселого «Огненные реки» и роман Бородин^{*}, так что литературная часть выходила достойной. Но нужно было три-четыре рецензии, а критического отдела у нас не было. Недавно вышла книга Даниила Гранина «Еще заметен след». Я сказал Наташе: «Сядь и напиши рецензию». Она села, написала, получилось очень неплохо, эту рецензию многие хвалили. Какое-то время она писала в «Грани», а потом больше не могла, так как стала ответственным секретарем. Появилось много работы в журнале, нужно было читать рукописи, отвечать авторам.

После увольнения и с 1987 года Наташа стала писать в парижскую «Русскую мысль» и следующие десять лет работала внештатно для этой газеты. У нее была невероятная память, как писал Аннинский, у нее была «большая готовность памяти», и она многое цитировала по памяти. Книг у нас было не много, собрали кое-что из русской классики, сочинения Гоголя, Толстого, Чехова. Но литературоведческие работы она все помнила по лекциям со времен факультета журналистики и могла цитировать. Профессиональная память ее была превосходной, и любовь к русской литературе глубочайшей.

В 1994 году у Наташи началась болезнь, которая продолжалась два с половиной года. Первое исследование не дало ясных результатов. Когда спустя какое-то время анализы хотели повторить, Наташа отказалась, сказав, что это очень мучительно.

^{*} Бородин Леонид Иванович (1938–2011) — русский писатель, публицист, диссидент.

И вообще, заявила, что ей легче, все уже прошло. Я однажды спросил у немецкого врача, не рак ли у нее, но тот покачал головой: «Nein, nein!»

Тут началась вся эта букеровская кампания после публикации «Генерала и его армии» в «Знамени». Наташа этим жила. Она очень надеялась, что, если я получу премию, мне вернут квартиру. Тогда мы могли бы, как Войнович и Аксенов, жить на два дома и часто ездить в Москву. В 1995-м мы поехали на букеровскую церемонию вместе, и там ее самочувствие очень ухудшилось. Мы очень ждали этой поездки, Наташа надеялась походить по друзьям, по знакомым, да просто по Москве. Но схватила грипп и две недели лежала, отвечая на звонки. Друзья и подруги к ней приезжали. Дочка мне потом рассказала, что однажды, когда меня не было в комнате, Наташа рассказала Марине, с которой они очень любовно сошлись, что у нее подозревают рак, но просила «не говорить папе».

После получения Букера на Наташу очень плохо подействовало, что наши ожидания насчет жилья в Москве не оправдались. Деньги появились, потому что заключили договоры испанское, немецкое и польское издательства. Но она ожидала большего эффекта от этой поездки, очень надеясь, что на волне успеха мне вернут квартиру. Но никаких практических последствий в этом смысле мой Букер не имел, и у нее появилось чувство обиды. Она заговорила о том, что все отвернулись от нас, предали: «Ты за всех заступался, защищал права людей, а твои права кто теперь защищает?» Последний раз она обрадовалась, когда щедро заплатили испанцы: «Испанцы – люди чести». Но умерла она с чувством обиды (ГВ).

Наталии Евгеньевны Кузнецовой не стало 2 февраля 1997 года. Из письма Владимирова дочери Марине:

Иной раз такая тоска накатывает, не передать... — ведь Наташа была всегда. И должна быть всегда, почему же ее нет, нет нигде? Ни на кладбище нет, ни в околосемном

пространстве, что-то не верю я в перемещение душ, о котором нынче столько пишут в российских газетах. Все не могу смириться с этой нелепостью, несправедливостью судьбы (02.07.1997, FSO).

Об этой очень красивой и непростой в общении женщине будут вспоминать по-разному. Но бесспорны два факта: Наталия Евгеньевна Кузнецова обожала своего мужа и искренне восхищалась им, преклоняясь перед его талантом и нравственной силой. В ней жили верность, жертвенность и готовность безоглядно служить любимому человеку. И она прекрасно знала, страстно и очень пристрастно любила русскую словесность и активно участвовала в современном литературном процессе.

Для Георгия Владимова это ее делало бесценной и глубоко любимой спутницей жизни.

* * *

Краткая биография Наталии Евгеньевны Кузнецовой, написанная Георгием Владимовым для Льва Аннинского.

Родилась 26 мая 1937-го в Ленинграде, в 41-м эвакуировалась в Омск, вернулась в 44-м, 45–55-й гг. — школа, потом факультет журналистики МГУ (в связи с переводом отца в Москву), окончила в 60-м. Работала в журналах «Сов. эстрада и цирк» и «Огонек», писала небольшие очерки для АПН и репризы для цирка. Замужем была как будто три раза (я никогда не уточнял): за Марком Эрмлером, Владимиром Симоновым и Леонидом Енгибаровым. В октябре 1964-го познакомилась с брандахлыстом Ж. Владимовым, жить вместе стали с 6 марта 1965-го и прожили в любви и согласии 32 года (без восьми дней). Участвовала в правозащитном движении, хотя формально ни в какую группу не входила, но выполняла многие тайные по-

ручения (и довольно опасные), дважды пережила обыски, несколько допросов — по делам З. Крахмальниковой* и Л. Бородина. Выехала в эмиграцию 26 мая (в день своего рождения) 1983-го. Литературной критикой прежде не занималась, первая рецензия — в моих «Гранях», затем был двухлетний перерыв — тянула журнал в должности ответственного секретаря, под псевдонимом Денисьева. В июне 86-го уволена энтээсэсовцами вместе со мной, после чего занялась критикой всерьез. В 1996-м почувствовала равнодушие к писанию и к славе — поди, уже серьезно была больна. Умерла от рака печени 2 февраля сего года, в 10 утра, в госпитале св. Иосифа, Висбаден. Похоронена в Оберносбахе, 2 км от нашего дома. Остальное — найдешь в ее писаниях, она много вкладывала личного**.

* Крахмальникова Зоя Александровна (1929–2008) — литературовед, публицист, участница диссидентского движения.

** *Аннинский Л.* Удары шпагой. С. 312–313.

Глава двенадцатая

«Три минуты молчания»

Покрепче, парень, вяжи узлы —
Беда идет по пятам,
Вода и ветер сегодня злы,
И зол, как черт, капитан.
И нет отсюда пути назад,
Как нет следа за кормой,
Никто не сможет тебе сказать,
Когда придем мы домой!

Сам черт не сможет тебе сказать,
Когда придем мы домой...

Александр Городницкий.

Моряк, покрепче вяжи узлы

Потому говорю им притчами, что они
видя не видят, и слыша не слышат, и не
разумеют...

Евангелие от Матфея, 13:13

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РОМАНА

Имя дочери — Марина — было выбрано не случайно. Владимов вынашивал замысел новой книги, действие которой должно было происходить в Мурманске и морях Северного Ледовитого

океана. Он подружился с Константином Николаевичем Брызиным, ранее плававшим радистом на атомном ледоколе «Ленин», базой которого был Североморск, военный порт в 5 километрах от Мурманска. От Брызина писатель услышал историю, которая легла в основу фабулы романа «Три минуты молчания». Владимов начал читать литературу о кораблях, но понимал, что ему не хватает практических знаний о жизни на рыболовном судне. «Околачиваясь» успешным автором в «Новом мире» и ЦДЛ, он быстро осознал, что нельзя «слишком погружаться в затягивающее писательское существование», и решил по совету Юлиана Семенова, знавшего о его замысле, пойти в море, чтобы прочувствовать атмосферу своей будущей книги. Попросив у Союза писателей командировку на Северный флот, Владимов получил дополнительные деньги от «Литературной газеты». Семенов предлагал ему пересаживаться с траулера на траулер, чтобы накопить побольше впечатлений. Но Брызин решительно отсоветовал:

Не надо пересаживаться, дураости все это. Так тебе никто не откроется. Люди заняты тяжелым трудом в тяжелейших условиях, а между ними ходит какой-то бездельник с записной книжечкой. Тебе натолкают баек, известных старинных морских историй, которыми всех новичков кормят. Ты лучше запишись в рейс матросом. Если без захода в иностранные порты, то легко оформляют, матросов всегда не хватает. Тут все и узнаешь... (ГВ)

При написании «Большой руды» Владимов сопровождал в поездках и жил с шоферами, но активно в их работе не участвовал. Но для «Трех минут молчания» роли наблюдателя было недостаточно: «...морская история должна быть рассказана от первого лица, языком и стилем молодого рыбака-матроса. Со всеми нюансами его фразеологии — что не так уж сложно — со всем багажом его

привычек, опыта, взгляда на вещи и на людей, что уже посложнее... Я пошел в Северную Атлантику матросом и поплавал три месяца и два дня»*.

Он беспокоился, не будет ли морской болезни, но Брызин объяснил, что в этом случае на первой базе спешут и вернут в порт.

11 января 1962 года Владимов вышел в плавание на траулере «Всадник». Он был очень сильным и выносливым молодым человеком.

Но тут с непривычки было страшно, потому что условия оказались довольно опасными: нужна была не столько сила, сколько ловкость, чтобы правильно развернуть и поставить 90-килограммовую бочку, когда палуба уходит из-под ног. Иначе эта бочка может или убить, или снести за борт (ГВ).

Позднее он рассказывал в интервью для «Литературной газеты»: «Было всякое — и штормы до одури, когда неделями валяешься на койке, проклиная день и час твоего выхода в рейс; и работа на палубе в семи-восьмibalльную волну, когда ледяная свежесть проникает за шиворот и в сапоги, и снежный заряд сечет лицо, а закрыться рукавицей нельзя, надо спешно выбирать сети... и дни прекрасной весенней погоды, невиданной синевы неба и воды, которую едва успеешь заметить, потому что рыба идет “навалом” и нужно работать от темна до темна»**.

Экспедиция была рассчитана на три месяца и одну неделю с проходом через Баренцево, Северное и Норвежское моря. В бинокль он смог разглядеть далекий берег Шотландии. Морской болезни не оказалось, легкая тошнота прошла за первые полчаса, а дальше даже в шторм, продол-

* Владимов Г. Методом собственной кожи. С. 3.

** Кузнецов Ф., Владимов Г. Диалог в прозе // Литературная газета. 1976. 18 февраля. С. 6.

жавшийся девятнадцать дней, проблем не было. Во время шторма в судне появилась пробоина, для починки которой траулеру пришлось зайти в фьорд около Фарерских островов, откуда виднелся норвежский берег с моряцким поселком*.

Рыболовами были в основном, как и главный герой книги Сеня Шалай, бывшие моряки Северного военного флота: *«После четырех лет на флоте, куда было уходить?»* Владимов выдавал себя за шофера с КМА, который хочет заработать денег на собственную машину, *«но моряки решили между собой, что КМА — это я для понта придумал, а был московским таксишником, который хочет заработать на “Волгу”»*. Легенда оказалась удачной, ему полностью поверили и принимали *«за своего»*. Плавание на траулере Владимову так понравилось, что он даже записался в следующий рейс. Но в Мурманске, увидев выставленную в окне уличного киоска «Большую руду», почувствовал:

Время возвращаться к своим кораблям. Тезис же о сказке, «которую делают былью», оправдался вполне: на свой первый «запорожец» я заработал деньги именно в море, получив премию за перевыполненный план по улову селедки и трески. Деньги за рейс заплатили — по тем временам — безумные: 12 тысяч. Так что части их хватило на кооперативную квартиру (ГВ).

Он купил экземпляр «Большой руды» и переслал эту «книжечку, уродливую жутко», капитану траулера «Всадник». Тот был потрясен: *«Жора же был самый политически неграмотный из матросов — даже газет никогда в руки не брал! Писатель... Что же мне ждать теперь? Что мой боцман серенады сочинять начнет?»*

После плавания Владимов приступил к написанию романа «Три минуты молчания». В отличие от «Большой

* Владимов Г. Методом собственной шкуры. С. 3.

руды» работа шла медленно и трудно: *«Жизнь так перла, что я ее никак не мог уложить на страницу»*. Дважды он откладывал текст, участвуя в создании сценариев для фильмов «Большая руда» (1964) и «Туннель» (1966). Роман был закончен в конце 1967 года, и Владимов принес его в «Новый мир». А.И. Кондратович, описывая обсуждение романа на редакционном заседании*, отмечал раздраженное состояние А.Т. Твардовского. Владимов в письме Г.Я. Бакланову вспоминал:

Построить свой мир в «Трех минутах молчания» было трудненько из-за решения — может быть, ошибочного — писать этот роман от первого лица. Твардовский считал, что я просто облегчил себе задачу, уклонившись от «дирижирования оркестром», и даже отказывался признать сие произведение романом, ибо роман от первого лица не свойственен русской прозе, предлагал назвать ему хоть один такой в русской литературе 19 века. Нашли ему такой — «Подросток» Достоевского. Но задачи я себе ничуть не облегчил, дирижировать все равно пришлось, только не своими руками, а руками матроса, видеть мир его глазами, говорить его устами, которые иных слов произнести не хотят или не могут. А сверх того, пришлось слишком многое объяснять читателю из области судождения и такелажа. Удивительно лишь то, что «Три минуты молчания» оказались самой читаемой из моих вещей... (30.03.1995, FSO. АП)

Роман был опубликован в 7–9-м номерах «Нового мира» в 1969 году со значительными цензурными купюрами. Полная его версия была впервые напечатана в издательстве «Посев» в 1982-м.

* Кондратович А. Новомирский дневник. М.: Собрание, 2011. С. 402–403.

МУРМАНСК НАЧАЛА 1960-Х

Береговая часть книги разворачивается в заполярном Мурманске. Один из заголовков обрушившейся впоследствии на роман критики вопрошал: «Разве они такие, мурманские моряки?»* Я не знаю, какими видел мурманских моряков автор этого риторического вопроса. Я провела в Мурманске детство и город видела именно таким, каким Владимир его описал. Георгий Николаевич позднее очень подробно расспрашивал меня о жизни в Мурманске, откровенно наслаждаясь моими воспоминаниями и уговаривая меня их записать. Они явно отзывались в нем тем ощущением мурманской жизни, которое он вынес из пребывания в городе. Ни в одном из своих произведений он не изведal «метод познания на собственной шкуре» с такой интенсивностью, как при написании «Трех минут молчания». Несколько месяцев на Севере были выходом в иную жизнь, и они отзывались в нем живым и радостным воспоминанием о своей молодости, авантюристичности и физической силе.

Приступая к анализу «Трех минут молчания», я не могла найти в литературе описаний, воспроизводящих совершенно особую атмосферу этого северного портового города, и поэтому я решила исполнить желание Георгия Николаевича, записав некоторые из своих детских впечатлений.

Роман Владимира начинается со встречи героя с характерными для Мурманска персонажами — бичами, спившимися моряками, которые больше не ходили в море. Зимой они часто ночевали в незапиравшихся подъездах домов у батарей, опустившиеся, бездомные, пьяные. Мы их не боялись и спокойно проходили мимо. На улицах

* Владимир Г. Ответы на анкету журнала «Иностранная литература» // Бремя свободы. М.: Вагриус, 2005. С. 233.

они валялись на обмерзших тротуарах у обочин или стен домов. Их подбирали специальные машины, но они все равно нередко замерзали до смерти. В городе было пять вытрезвителей: три мужских и два женских — пьянство и алкоголизм в Заполярье были феноменальными и более нигде мною не виданными.

Мурманск остался в моей памяти графикой трех перспектив и пяти направлений. От нижней части города, от неширокого незамерзающего залива с огромным портом и бесконечными верфями шел до центральной части города невысокий подъем.

Основной частью была узкая равнина, которую пересекал длинный проспект Ленина с несколькими параллельными улицами и соединяющими их короткими перпендикулярными ответвлениями. На проспекте находилось несколько гастрономов, вокруг которых всегда стояла полупьяная толпа, и рыбные магазины. В начале нашего пребывания в Мурманске их роскошные прилавки отличались от фламандских натюрмортов только большими лужами хлюпающей под ногами грязи на полу. Запах свежей рыбы, вырывавшийся на улицу, заполнял воздух соленым морским дыханием. Но свежая рыба исчезла через несколько лет, сменившись свежемороженой. Народ не унывал, бодро жарил ее и делал заливное. Потом свежемороженой тоже пропала, в больших грязноватых льдинах за витринами лежали серые мороженые рыбины. Они расплзались на сковородке, из них крутили рыбные котлеты и тефтельки. Когда же я в первый студенческий год, приехав на каникулы к родителям, зашла в рыбный магазин, его интерьер казался полинявшей картиной Энди Уорхола: прилавки сверкали неземной чистотой, а вдоль стены шла длинная выставка рыбных консервов в тусклых наклейках. Магазин был пуст. «Вот из этих суп вкусный получается», — приветливо объяснила мне молоденькая продавщица, указывая на одну из банок. История

рыбных эпох Мурманска — наглядная хроника «стагнации», постепенного развала советской экономики.

На улице, параллельной проспекту Ленина, находились кинотеатр и промерзший парк, в который никто не заглядывал, а также ресторан «Арктика», столь важный в повествовании Владимова. Я жила во дворе, куда выходила задняя дверь ресторана. У моей одноклассницы Любочки, красивой, рослой девочки, в «Арктике» работала мать, директором или администратором, я не помню. Любочка прибегала ко мне списывать домашние задания и, списав, звала в «Арктику» «есть эклеры». Мы перебегали через двор и попадали на кухню, где нам выносили на противне необыкновенно вкусные пирожные. Официантки, крупные, крепкие и сплошные красотики, вбегали в кухню, радостно целовали Любочку: «Красавица растет!» — и гладили меня по головке: «Кудрявенькая, да худышка-то какая! Ей бы борща с салом по три тарелки вливать каждый день — поправится!» Я вздрагивала от ужаса и давилась эклером. Они убегали, а мы, подстораживая моменты, придерживали дверь и смотрели в зал. Там шла загульная жизнь, наяривал оркестр, толкались пары и висел дымный гудящий туман — атмосфера ресторана точно описана в «Трех минутах молчания». Без драки на улице ночь никогда не кончалась.

Третьей высокой частью города была Гора, как все ее тогда именовали. Так называлась гряда сопок, тянувшихся вдоль Мурманска. На ней небольшими группками стояли дома и домишки, но был и район побольше, располагавшийся на сопке над концом проспекта Ленина. Первые три года мы жили на Горе, в небольшой коммунальной квартире.

Родители, посетив местную школу, решили меня туда не отдавать. На базе пединститута, где папа преподавал, была своя школа № 2, находившаяся на проспекте Ленина. Учителями там были отчасти институтские преподаватели, и студенты приходили на уроки. Меня туда и записали.

Каждый день, выходя из четырехэтажного дома, я мчалась к склону Горы. Кроме нескольких больших домов, район был застроен в основном деревянными бараками, похожими на магаданские, которые можно увидеть в фильме Виталия Каневского «Замри — умри — воскресни!». Холодные деревянные туалеты были во дворе примерно в 15 метрах от барачков. При осенних и зимних мурманских морозах бог знает кто туда добегал. В вечном полусумраке заполярного дня я каждый день, пробегая по мосткам, очень старалась не поскользнуться и не смотреть по сторонам на желтые замерзшие лужицы и оледеневшие коричневые кучки. Подходя к сопке, нужно было выбрать: съехать по очень крутому склону на портфеле, что было страшновато и опасно, или попробовать спуститься, скользя и больно падая, по совершенно оледеневшим неглубоким деревянным ступенькам длинной лестницы. По какой-то умной причине лестница не доходила до конца, и нужно было принять второе решение: уйти в сугроб и добраться по колено в снегу намокшей, но не упавшей, или перейти на склон и съехать на портфеле последнюю часть пути. Я обычно выбирала второе. Вернуться назад по тому же склону было невозможно. Но не особенно далеко за моей школой сопка была пониже. Там стояло какое-то бетонное беззаконное сооружение, говорили, что что-то военное. Лестница, ведущая рядом с ним наверх, казалась не такой трудной. По ней я и поднималась и, дрожа от пронзительного ветра, брела в темноте полчаса над городом по пустынной узенькой тропинке. С одной стороны были сугробы выше меня высотой, с другой — ледяной обрыв сопки. Когда наконец появлялись огоньки барачков и в темноте начинал неясно вырисовываться силуэт нашего дома, я из всех сил пускалась бежать.

Однажды папа ехал читать лекцию на Абрам-мыс, и я упростила его взять меня с собой: мне ужасно хотелось переправиться через залив. Абрам-мыс даже меня, советского ребенка, поразил безнадежной нищетой хаотично

лепившихся по склонам нескончаемых халупок. Я терпеливо высидела папину лекцию, и мы вернулись «в город». Больше я на Абрам-мыс не просилась. Но описание поездки туда героя «Трех минут молчания» Сени Шалая и домик его «морской любви» Нинки глубоко отозвались во мне полной правдивостью.

Был еще отдаленный район у залива — Три Ручья, упоминаемый Владимовым, но там я никогда не бывала.

В северной части города находился район Роста, тоже раскинувшийся по сопкам, где жила главная героиня романа — Клавка. Роста считалась в то время одним из его самых неустроенных и опасных, «бандитских» мест.

От конца проспекта Ленина шла дорога в Нагорное, район на высокой крутой сопке, где живет часть команды «Скакуна», — туда можно было добраться на переполненных, холодных, редких автобусах.

Матросы, придя из рейса, появлялись на проспекте Ленина приодетые кто в непонятного цвета куртки, кто в бесформенные драповые полупальто, но все — с козырьками, надвинутыми на одну бровь. Зимой они стояли компаниями у гастронома или неторопливо проходили по проспекту Ленина со своими девушками в толстых ватных пальто и теплых платках. Весной, с конца марта, на проспекте начинались прогулки. Девушки шли синеватые от холода, еле сдерживающие озноб в коротких пальтишках, с высокими начесами на головах, покрытых легкими платочками. Когда лютость холода и ветров ослабевала, на проспекте появлялись грузины, продающие цветы: смуглые, в меховых сапогах, в овчинных шапках и полушубках, они казались экзотическими пришельцами иного мира. Веточка мимозы стоила 7–8 рублей*.

* Для сравнения: месячная зарплата начинающего учителя и врача в средней полосе была 80 рублей, на Севере, в Заполярном крае, примерно на 30% больше.

В апреле появлялись гвоздики — 5 рублей цветов. Пары проходили по проспекту, и мы читали современный язык цветов. Не тот, на котором выражалась дворянская бабушка А.П. Чудакова: «Сейчас этот язык, к сожалению, забыт. А между тем на нем можно выразить все. Бересклет — твой образ запечатлен в моем сердце, лисохвост — тщетное стремление, божье дерево — желание переписки, ландыш — тайная любовь, крокус — размышление, колокольчик — постоянство... И так далее, целая наука...»*

Мы не подозревали не только о подобных нюансах, но среди чахлой мурманской растительности о самом существовании бересклета, лисохвоста и божьего дерева. Язык цветов проспекта Ленина был незатейлив и внятен: одна гвоздика у девушки в руках означала — понравилась; три гвоздики — любовные отношения; пять — серьезные намерения и возможную женитьбу. Больше пяти бывало только на свадьбах. Все знали, что можно дарить только нечетное число цветов.

Стремление к красоте и иной жизни проявлялось иногда в именах, которые родители давали девочкам. Дочки Недочка и Земфира в романе Владимова меня ничуть не удивили. В параллельном со мной классе училась Афродита Собакина, которая, шмыгая носиком, представлялась: «Фродя». Когда мы рассказали об этом маме моей подружки, преподававшей в медицинском училище, она смеялась до слез. У них на фельдшерских курсах училась Венера Медведева.

Криминальность в городе была чертой каждодневной жизни. Она начиналась в октябре. Летом преступный мир промышлял на юге, куда с наличными деньгами, при отсутствии банков и карточек, ездили «курортники». Денежный же, по советским понятиям, Мурманск был очень притягателен для матерых воров: высокие север-

* Чудаков А. Ложится мгла на старые ступени. С. 202.

ные оклады, рыбаки, получавшие «безумные», как выразился Владимов, деньги, возвращаясь из моря. Вечерами нас не выпускали из домов, входить в подъезды, где подвалы не запирались, было так страшно, что мы поджидали соседей, подпрыгивая от холода на улице. Когда мы выходили из квартир даже днем, родители ждали, пока хлопнет входная дверь — это означало, что ребенок в целости выскочил на улицу. Единственный безопасный подъезд был в доме, где жило высокое партийное начальство. Мы иногда ходили в гости к своей однокласснице Наташе, отец которой был секретарем Мурманского обкома партии. Под ярко освещенной лестницей у входа стоял стол, за которым всегда сидели два дежурных вооруженных милиционера. Когда в 1961 году Н.С. Хрущев объявил, что через двадцать лет в стране настанет коммунизм, я желала этого всей душой, потому что предполагалось, что при коммунизме не будет преступности. Я не совсем понимала, куда денутся мурманские бандиты, но все-таки тайно огорчалась из-за насмешливого скепсиса родителей.

В кино нас не пускали, всегда ходили рассказы, что бандиты проигрывали места и могли убить ножом во время сеанса или после него. Я не знала никого, чей знакомый погиб бы таким образом, хотя грабежи и убийства были частью жизни и случались даже в центре. Я помню, как в кинотеатре «Северное сияние» показывали французско-итальянский фильм «Три мушкетера», и мы умоляли родителей пустить нас в кино. В конце концов они объединились, купили билеты в ряд за нами, и мы целой детской ватагой, ликуя, отправились в кино. После маленького черно-белого домашнего телевизора, который я смотрела очень редко, у меня с непривычки от большого экрана и ярких цветов ужасно разболелась голова.

В начале 1960-х годов Мурманск стал «открытым городом», куда могли приезжать иностранцы. В школе была

устроена политинформация: как вести себя «с достоинством советского человека». Достоинство состояло в том, что мы не должны были смотреть на иностранцев, улыбаться им, вступать с ними в разговоры или брать подарки, и особенно жвачку, о которой мы понятия не имели, но которая была важным врагом советской власти. Предполагалось почему-то, что иностранцы непременно захотят фотографировать мурманские мусорные ящики. Увидев их за этим грязным занятием, мы должны были заслонить грудью урну или прыгнуть на виновника и разбить фотоаппарат. Я пришла в тайный ужас. Даже из страха оказаться предателем Родины, я совершенно не представляла себе, как я буду «прыгать на иностранца». Потосковав о своем малодушии, я придумала трусливый выход: иностранцев же по одежде будет видно издали, и я сразу перебегу на другую сторону проспекта Ленина. Но со временем я успокоилась. Иностранцы в безрадостный Мурманск не ездили, и я подозреваю, что мусорные урны на проспекте Ленина так и остались без внимания гнивающего Запада.

Когда папа стал профессором, городское партийное начальство спохватилось: единственный профессор европейского Заполярья и герой войны жил в коммуналке на Горе. Папу вызвали в обком партии и в присутствии высокого начальства торжественно облагодетельствовали: вручили ордер на крошечную двухкомнатную хрущевку на проспекте Ленина. Радость моих родителей была безгранична, и мама вскоре забрала к нам любимую племянницу Галочку, как раз окончившую медицинский институт. Когда к нам приехал ее муж Володя, семья была в комплекте. На каникулы приезжал мой брат, студент Ленинградского кораблестроительного института. Теснота была привычна, все были родные, и все довольны и веселы. Родители были счастливы в Мурманске: ни страшной войны, ни деятельности великого вождя, ни побегов от

арестов, ни выбитых зубов в улыбках вырвавшихся из ежовских тюрем друзей. Отдельная квартира в 28 метров с горячей водой и центральным отоплением. Каждое воскресенье приходили в гости друзья, жившие по окраинам или в коммуналках, интеллигенция, приехавшая подрабатывать после нищенства войны и ГУЛАГа. Я с утра делала огромную миску салата, называемого теперь «оливье», стол приставлялся к дивану, стаскивались стулья и голубые кухонные табуретки, и все радостно поднимали рюмки с коньяком: «Хорошо живем!» Теория относительно сти в применении к советской реальности. Эти воскресные застолья были «моими университетами». Я торчала дома, никуда не уходила и «грела уши», как говорила мама, жадно впитывая разговоры взрослых — о литературе, о политике и истории, которая была их жизнью. Интеллигенции в Мурманске было очень немного: преподаватели института, инженеры, работавшие на верфях, учителя, врачи, журналисты «Мурманской правды», сотрудники небольшого краеведческого музея. В северном портовом городе их было меньше, чем бичей и проституток.

В такой Мурманск и приехал Владимов в декабре 1961 года. Он прожил в городе чуть больше месяца до отхода в море и несколько недель после возвращения. Не пересечься в Мурманске было невозможно, и я не сомневалась, что не раз пробежала мимо него по проспекту Ленина или видела возле «Арктики». Эта мысль очень веселила Георгия Николаевича: «За нас, мурманчан!» — с сияющими глазами и широкой улыбкой провозглашал он, поднимая рюмку водки. Он *«лазил по городу»*, подробно исследуя каждый его район и уголок, а вечерами часто бывал в «Арктике», наблюдая атмосферу и местных персонажей. Еще на берегу он написал главу будущего романа, которая в текст не уложилась, и он опубликовал ее позднее, как отдельный рассказ «Мы капитаны, братья, капита-

ны...» — грустная история морской дружбы, земного предательства и обманутой любви. Оформив документы для плавания по Баренцеву, Северному и Норвежскому морям на рыболовном траулере № 849 под названием «Всадник», Владимов ушел в рейс простым матросом на три месяца и одну неделю.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РОМАНА

Сюжет этого произведения передавать почти бессмысленно. Он дробится на множество хронотопов, в каждом из которых живет своя динамика и персонажи. Основная фабульная линия — матрос Арсений Шалай возвращается из последнего, как он надеется, плавания на рыболовном траулере. Он хотел бы забрать из Мурманска нравящуюся ему девушку Лилю, чтобы уехать с ней с Севера навсегда. Куда уехать и как начать новую жизнь, он еще не решил, однако надеется, что заработанные в последнем рейсе деньги дадут ему время подумать и сориентироваться. Но в порту он встречает двух бичей, и события бурного и бестолкового дня с ними кончаются пьянкой, дракой, милицией и 40 копейками, оставшимися от огромной суммы.

Наутро Сеня вновь уходит в море. Плавание оказывается опасным, так как траулер, вышедший из порта недобросовестно починенным на верфи, попадает в аварийную ситуацию. Внезапно экипаж получает радиосигнал о том, что недалеко в еще более катастрофическом положении находится маленькое шотландское судно, моряков которого команде «Скакуна» удастся спасти. Благодаря почти нечеловеческим усилиям моряков, а также мужеству и умению самого старого члена экипажа, механика Бабилова, корабль избегает кораблекрушения, и команда возвращается в порт.

Жизнь героя связана с тремя женщинами — Нинкой, Лилей и Клавкой, совершенно разными по своему типу и судьбам.

Вся языковая гамма романа с живой, разговорной лексикой, полной морских терминов, идиом и неожиданных речевых оборотов, настолько необычна, что в советской литературе той поры сравнить этот текст было практически не с чем: «Путь к трем минутам молчания пролегает у Владимова сквозь долгие часы работы, штормов, громов и молний. Это чисто читательское ощущение: погружаясь в рыбацкие будни, в тонкости технологии лова, в грубость быта, в нескончаемое богатство типажей, живописных фигур и острых положений, во всю энциклопедию рыбацкого профессионального дела, попадаешь в удивительный плен. Владимов рассказывает блестяще, материал у него блистает, блещет и блестит — подробностями, деталями, частностями и прежде всего огромным слепящим количеством рыбы. Невозможно освободиться от гипноза материала...»*

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ «ТРЕХ МИНУТ МОЛЧАНИЯ»

Владимов писал свою книгу в один из самых напряженных и динамичных периодов советской жизни. Короткая оттепель и наступавшие заморозки затрагивали на разных уровнях все слои общества. В романе «Три минуты молчания» представлен достоверный социологический портрет трех поколений из среды морского пролетариата, номенклатуры и среднего класса.

Первое поколение. Представитель советской номенклатуры Дмитрий Родионович Граков и прошедший войну

* Аннинский Л. Рок, судьба и участь Георгия Владимира. С. 16.

и ГУЛАГ «дед», корабельный механик Сергей Андреевич Бабилов. Две России: «...та, что сажала, и та, которую посадили»*.

Во время войны Бабилов, служивший на Северном флоте, остался последним на корабле и по приказу капитана затопил его. Проплыв потом в ледяной воде океана 11 миль, он был чудом спасен через месяц на необитаемом острове. Граков, воевавший в начальственном кресле, высказал предположение, что Бабилов — предатель. Вызвал его «сомнение» сам факт выживания. Типичная ситуация, запечатленная в песне Александра Галича в сцене суда дезертира-прокурора над солдатом:

Ты кончай, солдат, нести чепуху:
Что от Волги, мол, дошел до Белграда,
Не искал, мол, ни чинов, ни разживу..
Так чего же ты не помер, как надо,
Как положено тебе по ранжиру?

«Вальс, посвященный уставу
караульной службы»

Бабилов был арестован, выдержал все пытки, вины своей не признал и был приговорен к 15 годам лагерей «по подозрению в измене». Вернувшись из заключения, он вновь стал ходить в море механиком. История о его военном подвиге превратилась в легенду и достигла Москвы. Приехал столичный журналист, написавший славную книгу о герое войны, в которой, однако, ни словом не упоминались ни арест, ни пытки, ни годы тюрьмы и лагеря. О чем всегда плакали Бабилов и его жена, читая эту книгу? О потерянной молодости и годах любви, о нерожденных детях? Или о стране, спасая которую,

* Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. М.: Время, 2013. Т. 2. С. 190: «Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили» (Анна Ахматова; 4 марта 1956 года).

герой обречен на бесчеловечные истязания и годы лагерного ада?

Сеня Шалай, придя в ресторан «Арктика» и увидев одиноко сидящего «деда», подсаживается к нему. И сразу чувствуется, как хорошо им вместе: Сене, подростком потерявшему отца, и бездетному Бабилову, принявшему в свое сердце непутевого доброго парня. Их полный взаимной приязни и душевного понимания разговор прерывается неожиданным появлением Гракова, который, не спрашивая разрешения, устраивается за их столом. Граков ныне — начальник промысловой добычи мурманского рыболовного порта, «сельдяной бог». Роль его в жизни Бабилова известна всему флоту, и поэтому он хочет продемонстрировать сидящим в зале, что прошлое забыто и «дед» готов по-свойски распивать с ним марочный коньячок. Граков ждет от бывшего зэка общественного доверия на порядочность, которое «дед» этому никчемному, не чувствующему покаяния человеку дать не готов. Граков пытается убедить его:

Ну, не в каменном же веке живем. Про что я — ты знаешь. Пойми, все мы люди, все можем ошибиться, не казнить же нас за это по двадцать лет. Ах, кержак ты этакий, ископаемый человек! Ведь пора уже кое-что и пересмотреть. Время-то, время-то было какое (2/35).

Бабилов отмалчивается. Тогда Граков предлагает ему место своего ближайшего подчиненного на сытой должности портового функционера. «Дед» с достоинством и презрением отклоняет это лакейство: «А вот, если я твоя правая рука буду, ты меня за минеральненькой — тоже пошлешь?» (2/36) Не получив ожидаемой индальгенции, недовольный «сельдяной бог» удаляется к своему столу.

Такая попытка материальной компенсации была очень характерна для психологии функционеров эпохи. Тихон Николаевич Хренников, бессменный председатель Союза композиторов в 1948–1991 годах, о котором многие вспоминают как о человеке незлом, даже добром, не проявлявшем никакой личной инициативы в репрессиях и, по возможности, помогавшем многим, искренне говорит в фильме «О любви немало песен сложено», что он глубоко сожалеет о своей речи «против космополитизма в музыке», произнесенной в 1948 году*. Речь была направлена против не только еврейских композиторов, но и Дмитрия Шостаковича и Сергея Прокофьева. Хренников объясняет свое выступление тем, что речь была за него написана, и он, как член партии, «не мог отказаться». Но сразу напоминает о том, что Шостакович в 1950-м и 1952 годах, а Прокофьев в 1951-м получили Сталинские премии: «А я в Сталинском комитете играл очень крупную роль. Они премии брали, от них не отказывались, получали деньги, и все было нормально». Напряженное, пронзительно-трагическое лицо Шостаковича, промелькнувшее в кадре кинохроники во время доклада, ясно показывает, что «нормальным» совершенно ничего быть уже не могло. Хренников был уверен, что его влияние, а не гений Шостаковича или Прокофьева вели к присуждению премий, — и, вероятно, так оно и было**. Как ясно сформулировала Анна

* «О любви немало песен сложено» — фильм Ирины Голубевой о Т.Н. Хренникове из серии «ЖЗЛ». <https://www.youtube.com/watch?v=qgPYuqZB0Rs>. Мы смотрели этот фильм вместе с Георгием Николаевичем.

** О том, как давались премии, можно прочесть в книге К. Симонова «Глазами человека моего поколения», существенная часть которой состоит из записей заседаний Комитета по Сталинским премиям в литературе в послевоенный период. Легко представить себе, что процедура была похожей и в музыке.

Андреевна Ахматова: «Их премии — кому хотят, тому дают»*. *«Значит, Хренников “не мог” отказаться читать речь, а Шостакович с Прокофьевым “могли” отказаться от Сталинских премий?»* — комментировал Владимов. В своем романе он интуитивно, но очень точно подметил эту черту поведения и психологии советской номенклатуры.

Но неожиданно Граков и «дед» оказываются вместе в океане в критической ситуации. Бабилов установил, что «Скакун» в аварийном состоянии и должен немедленно вернуться в порт. Граков, коротко посещавший судно, настаивает, чтобы траулер продолжал рейс: «Стране нужна рыба». Возражение «деда»: «Рыбаки стране тоже нужны», — номенклатурщик просто не слышит: для него важен план. Но узнав, что он сам оказался на борту аварийного корабля — пакость, подстроенная Сеней: месть за «деда» и за наглую демагогию, — Граков в панике кричит и требует, чтобы его немедленно отправили в безопасность. Капитан базы с удовольствием и злорадством отказывает ему, и видно, насколько моряки не уважают «сельдяного бога», потешаясь над его неожиданным пленом.

В критической ситуации между Граковым и «дедом» происходит столкновение. Граков требует себе места в единственной спасательной шлюпке — по положению и по возрасту. И потому что молодые могут сами доплыть до берега, как мог Бабилов во время войны. «Ну, мне-то полегче было. Мне все-таки немцы помогли, ты же знаешь», — не выдерживает «дед» (2/302). И когда Бабилов снисходит до прямого вызова, Граков осознает всю критичность ситуации. Запершись в своей каюте, струсивший «бог» в стельку напивается коньяком.

* Рассказ об этом я услышала от литературоведа Зиновия Самойловича Паперного. В 1963 году Ленинскую премию получил роман Олеся Гончара «Тронка». В Доме отдыха писателей в Комарове бурно обсуждалось это событие. За ужином кто-то спросил А.А. Ахматову ее мнение. Приведенные выше слова были ее ответом.

Именно «дед», моральный компас команды, убедил капитана идти на спасение тонущего шотландского судна. Бабилов пользуется самым сильным из своих аргументов: «С тобой в “Арктике” за один столик никто не сядет» — грозя бесчестьем, которое пугает капитана сильнее тюрьмы (2/323). В безнадежной ситуации, когда «Скакун» неудержимо несет на скалы, «дед» неожиданно распоряжается — поднять парус:

И тут парусина ожила, первый хлопок был — как будто кувалдой по бревну, потом заполоскала, и разом выперлось пузо — косой дугой, латы на нем затрещали, с них посыпались сосульки. Холод палил нам лица, сжигал брови и губы, но мы стояли, задравши головы, и что-то в эту минуту в нас самих переменялось: ведь это была уже не тряпка, а — парус, парус, белое крыло над черной погибелью; такой же он был, как триста лет назад, когда мы по свету бродили героями и не знали еще этих вонючих машин, которые отказывают в неподходящую минуту. И даже поверилось, что раз мы это чудо сделали — еще, быть может, не все потеряно, еще мы выберемся, увидим берег (2/320).

Стоя по колено в воде машинного отделения, Бабилов выводит корабль из штормового океана в норвежский фьорд:

Грохотало уже позади, и двигатель урчал и покашливал в узкости. Прожектора шарили между нависшими скалами, отыскивали поворот. Море храпело за кормой, а мы прошли поворот, и теперь только хлюпало под скалами. Это от нас расходились волны — от носа и от винта, а шторм для нас — кончился (2/337).

Узнав, что они в безопасности, Граков немедленно трезвеет, обретает начальственность и приступает к рас-

поряжениям: побыстрее отправить его самого на базу, проявлять «бдительность» и не допускать «неорганизованного общения» моряков со спасенными ими шотландцами. Требование абсурдное, учитывая обстоятельства совместной работы и тесноты на корабле. На базе Граков в парадном костюме гордо дефилирует на банкет в честь спасения шотландцев, не смущаясь презрением, которое моряки «Скакуна» высказывают ему публично: «...Мы-то и не надеялись, что вот за этим столом будем сидеть, у нас такой уверенности не было. А кое у кого, не буду указывать, столько ее было, что он уже заранее этот банкет начал, коньячок попивал в каютке» (2/394). После этого официального банкета, приодевшись и непривычно волнуясь, рыбаки идут праздновать спасение со своим настоящим героем — «дедом».

Для слепнувшего, стареющего Сергея Андреевича Бабилова, поднявшего свой последний парус в северных волнах, морская жизнь подходит к концу. Фамилия Бабилов происходит от старинного русского мужского имени Вавила, в переводе с арамейского означающего «ворота Бога». Бабилов был для Владимова воплощением лучшего в России: богатырь, спасший тонущий корабль, прошедший войну, сохранивший достоинство и честь после долгих лет в ГУЛАГе. «Кержак», как называют «деда» и Граков, и Сеня, — вымирающее в России староверческое племя. Каждый «дед» незаменим, и уход его из жизни — огромная и невозполнимая потеря, которую Владимов ощущал очень остро.

Граков же бессмертен, как Кощей, потому что, когда он уйдет, на его место придут другие граковы. Владимов с острой болью сознавал, что в атмосфере наступающих заморозков «посадившая» Россия по-прежнему *«холит свои афедроны»*, как он выражался, в начальственных креслах и вылезать из них не собирается.

Второе поколение. Моряки траулера, разношерстная, случайно составленная команда. В повествовании они чаще всего обозначены своими корабельными функциями: кеп, старпом, дрейфтер, боцман, бондарь — вероятно, потому, что в плавании они важны именно исполняемой работой, а не индивидуальными судьбами.

Экипаж «Скакуна» и сам траулер схожи с сотнями других советских судов и моряков, бороздящих северный океан:

Я взглянул: пароход — ну в точности наш, мы в нем отражались, как в зеркале. Такой же стоял на крыле кеп — в шапке и телогрейке, такой же дрейфтер горластый, боцман — с бородкой по-северному, бичи — в зеленом, как лягушки. Такой же я сам там стоял, держался за стойку кухтыльника, высматривал знакомых. Вот, значит, какие мы со стороны... (2/173)

По выходе из порта моряки пользуются недолгой передышкой до начала лова. На досуге двое из них, Шурка с Серегой, играют в карты на щелчки, отчаянно жульничая. И тут выясняется, что в Сениной жизни был оракул — «старпом из Волоколамска», чьи афористические изречения, рассеянные по страницам книги, раскрывают суть происходящего с несравненной мудростью и точностью: проигрывает и щелчки по носу получает тот, у кого «меньше свободы совести» (2/106) — советская инверсия «права на бесчестие». От разговора о литературе моряки отмахиваются: «Начитались уже... Все одно и то же пишут. Какие все хорошие, как им всем хорошо» (2/107). Боцман, идеолог корабля, излагает глубинный смысл соцреализма: «Правда, ее, знаешь, не всем и говорить можно... Скажи вот такому — он и будет сидеть в грязи по макушку. Скажет, что так и нужно» (2/107). *Некто*

взял на себя право решать — какую «правду» можно сказать этим людям. Ирония в том, что, спасаясь от скуки этой отмеренной «правды», сам боцман пришел поразвлекаться в матросский кубрик.

Береговая жизнь в море постепенно приобретает черты призрачности, и ее место занимает вымысел с отдаленно звучащим мотивом смерти. Неожиданный коллаж сказки, которую начал рассказывать Васька Буров, отец «пацанок»-близняшек Неддочки и Земфиры поразителен: «распрекрасный» турецкий король, охотящийся на оленей, три макбетовские ведьмы, чрезвычайно искусный и несчастливый «кандей» — Маленький Мук (персонаж одноименной сказки Вильгельма Гауфа) с горбом то ли Квазимодо, то ли Ричарда III, шашка времен Гражданской войны, подменившая острейшую турецкую саблю... Рассказчик засыпает, не окончив повествование: плавание только началось, и Васька, обозначив мотивы, еще не знает, как свести концы с концами в своем сказе.

Повседневная жизнь на корабле — капсульное отражение советских конвенций. В начале рейса проходит собрание команды, на котором должны быть приняты «соцобязательства». Нелепость их обсуждения звучит, как сатира на идеологическую бессмыслицу. Капитан выражает недовольство количеством нецензурных слов в речи моряков:

— Николаич, — сказал дрейфтер, — вы ж сами иногда... на мостике.

— Вы меня за руку хватайте. И потом — на мостике, не в салоне же.

— Есть предложение. — Васька Буров руку поднял. — Записать в протокол: для оздоровления быта — не ругаться в нерабочее время.

— Почему это только в нерабочее?

— Так все равно ж не выйдет, Николаич. Зачем же зря обязательство брать?

Кеп махнул рукой.

— В протокол этого записывать не будем. Запишем: «Бороться за оздоровление быта на судне» (2/166).

Как можно этот быт «оздоровить», никто даже не думает. Условия жизни на маленьком траулере совершенно ненормальные: нет обслуживающего персонала, кроме повара с помощником, стирать практически негде, и о переманах постельного белья на корабле, находящемся в плавании несколько месяцев, речи не идет. Спят часто не раздеваясь, иногда даже в верхней одежде. Единственная на всех каюта для мытья такая маленькая, что, запершись в ней, невозможно избежать столкновения с грязными ржавыми трубами.

Отношения людей в этом маленьком замкнутом пространстве напряжены и недружелюбны: «Ни дружбы, ни привязанности, простой привычки даже нет друг к другу — сплошная грызня» (2/157). В близости к смерти Сеня тоскливо думает о всеобщей вине:

В чем мы таком провинились? ...А разве не за что? — я подумал. — Разве уж совсем не за что? А может быть, так и следует нам? Потому что мы и есть подонки, салага правду сказал. Мы — шваль, сброд, сарынь, труха на ветру... За то, что мы звери друг другу — да хуже, чем они, те — если стаей живут — своим не грызут глотки. За то, что делаем работу, а — не любим ее и не бросаем. За то, что живем не с теми бабами, с какими нам хочется. За то, что слушаемся дураков, хоть и видим снизу, что они — дураки (2/286).

Изменение атмосферы и отношений происходит, когда гибнущие моряки, проявляя поразительную смекалку, профессионализм и самоотверженность, спасают тону-

щих шотландцев. И видят, как штормовая волна в щепки разбивает о черные скалы нарядный кораблик «Герл Пегги», когда-то весело плывший мимо «Скакуна» в синем океане.

Предвестником перемены звучит в повествовании рассказ Сени о синем китенке, запутавшемся в рыболовных сетях. И все корабли, советские и иностранные, перестали ловить рыбу, наблюдая борьбу моряков за возвращение в море многотонного морского дитяти:

...И китенок наш сиганул в воду. Тут же он вынырнул, взметнул хвостом, всплеск нам устроил — выше клотика. И ушел на глубину. И что тут такое случилось — «ура» на всех пароходах, гудки, ракеты полетели в небо! Этот день был как праздник, честно вам говорю. Он и сам был хороший — такой синий и солнечный. И китенок был хороший. И мы все тогда были людьми (2/300).

Такой же внутренний праздник, ощутив себя не «несчастливыми бичами», а достойными людьми, почувствовали члены команды «Скакуна», когда, рискуя жизнью, спасли от смерти шотландцев. И после испытанного физического и душевного напряжения разгорается общий разговор о цене человеческой жизни, всех очень интересующий и никак не вмещающийся в идеологические параметры:

Старпом все же вмешаться решил, предложил разграничить четко, какой человек имеется в виду — советский или не советский. Ну, это мы его оборжали всем хором. Попросили хоть при шотландских товарищах воздержаться, вдруг — поймут. К тому же, Серега ему намекнул, если иностранец — его же в наших рублях нельзя считать, его же надо — в валюте, так это, может, и подороже выйдет. Старпом свое предложение снял (2/343).

Ближе всех к пониманию человеческой ценности оказывается отец близняшек Васька Буров: «Вот этот жмот — слышал? — за меня бы и поллитры не дал, а пацанок моих спроси — им за папку любимого и десять миллионов мало будет» — человек бесценен, потому что бесценна любовь к нему. И после долгой дискуссии моряки приходят к выводу, что знать цену человеческой жизни дано только «Господу, Которого нету». Но и дальше летят в морскую бездну идеологические установки, поскольку кандей Вася авторитетно объявляет, что это — вопрос невыясненный. Как ни наивно и даже абсурдно звучат все эти рассуждения, они обнажают то, что в жизни необразованных и неотесанных людей непременно бывают моменты, когда они стремятся прочувствовать и понять истину — «увидеть» и «услышать». И именно тогда Васька Буров досказывает морякам свою сказку-притчу, которую все слушают и «слышат».

Притча о кандее Васе

Несчастный маленький повар Мук, избавившись от своего горба, становится замечательным корабельным кандеем Васей, готовящим горячую еду в любую погоду и выпекающим пироги на тонущем судне. Это сказка про то, как кандей Вася, умерев, предстает перед лицом «Господа, Которого нету». И на придирчивые вопросы о земной жизни рассказывает, как он кашеварил в шторм:

— «И все-таки ты им борща сварил?» — «Истинно так, Господи. Хорошего, с перцами. Это мое дело, и я его делал на совесть». И скажет Господь, Которого нету: «Больше вопросов не имею. Подойди ко Мне, сын Мой, кандей Вася. Посмотри в Мои рыжие глаза. Грешен ты, конечно. Да хрен с тобой, не станем мелочиться. В основном же ты — Наш человек. И вот Я тебе направление выписываю — в самый райский рай, в золотую палату для симулянтов!» И скажет Он своим ангелам и архангелам: «От-

ведите бича под белы руки. И запишите себе там, в инструкции: нету на свете никакого геройства, но есть исполнение обязанности...» (2/370)

На «Скакуне» не было коллектива — была команда плохо ладящих, случайных людей, которые сосуществовали в кубриках, работали и боролись за выживание: «Мы были одни на палубе, одни на всем море, и дождь нас хлестал, и делали-то мы одно дело, а злее, чем мы, врагов не было» (2/209). Но каждый из моряков признавал, что в этом рейсе он исполнил свою обязанность, морскую и человеческую, и это наполнило их чувством собственного достоинства и товарищества. Поэтому, ступив на берег, все они договариваются тем же вечером встретиться, чтобы вместе праздновать свое спасение в ресторане «Арктика».

Моряки «Скакуна» — не всегда привлекательные личности. Ярко очертив индивидуальность каждого из них, Владимов создал образы представителей пролетариата, класса-«гегемона» советской государственной системы, глубоко презирающего ее идеологию и функционеров.

Третье поколение. Непрофессиональные моряки, салаги Алик и Дима, молодые интеллигенты. Студенты или аспиранты, взявшие академический отпуск, чтобы пойти в рейс на рыболовном судне в Северном Ледовитом океане. Сеня, с ранней юности погруженный в трудную действительность, относится к этому скептически, как к барской придури. Но «дед» неожиданно встает на защиту салаг.

Так это же прекрасно, Алексеич! Начитались — и пошли. Другой и начитается, а не пойдет. Нет, зря ты про них. Сейчас хорошая молодежь должна пойти, я на нее сильно надеюсь. Мое-то поколение — страшно подумать, кто го-

лову сложил, кто руки-ноги на поле оставил, кто пятнадцать лет жизни потерял ни за что, как я. Да и кого не тронуло — тоже не всякому позавидуешь. Иному в глаза посмотришь — ну чистый инвалид. А тут что-то упрямое, все пощупать хотят (2/100).

Молодая интеллигенция — «шестидесятники», думающее поколение, которое еще находилось в плену советского мифа*. Они искали ответов, не задавая вопросов, которые никто не учил их ставить. Государство настаивало на «граковских» истинах, но они не отзывались правдой и не помогали жить:

Понимаешь, мы, наверное, все серьезно больны. Я и о себе, и об Алике говорю, и о чудных наших приятелях, которые в Питере остались, считаются нам компанией. Все милые, порядочные люди. Не гадят в своем кругу. Не делают карьеры один за счет другого. А это уже доблесть, шеф. Но на самом деле положиться на них нельзя. Потому что — никакие. Наверное, когда людям долго говорят одно, а потом — совсем другое, это не проходит безнаказанно. В конце концов рождается поколение, которое уже не знает, что такое хорошо и что такое плохо (2/182).

Поколение, неопределенно отвечающее на каждый вопрос: «Да нет...» — и потому определяющее себя, как «данетисты» (2/183), которыми Дима и Алик оставаться не хотят. И не за романтикой, как считает их подруга Лиля, и совсем не за деньгами, как предположили неко-

* Критики обоснованно проводили параллели между этими персонажами и героями молодежной прозы, особенно персонажами Василия Аксенова. См., например: *Соболь В.* Жаль, что нас не было с нами. Сопоставительный анализ романа Г. Владимова «Три минуты молчания» и повести В. Аксенова «Звездный билет» // Звезда. 2006. № 6. С. 219–224.

торые критики, но в поисках жизненного смысла «да» и «нет», уходят друзья-салаги в плавание на «Скакуне». Потому что на суше, где в одном ресторане пьет коньяк «посадившая» и «посаженная» Россия, Алик и Дима разобратся в жизни не в состоянии. Но и «потерянным поколением» они быть не хотят. И возвращаются они из рейса уже не салагами, но знающими цену жизни и смерти созревшими гражданами своей страны. Такими, каким хотел видеть Владимов свое поколение.

ЖЕНЩИНЫ И БАБЫ

Разговоры моряков о женщинах могут вызвать немедленный и обширный инфаркт у приверженцев феминизма. Культура отношения к женщинам в малообразованных слоях и советского, и российского общества была и остается очень низкой. «Три минуты молчания» — яркая иллюстрация для исследования этого слоя социальной, бытовой и лексической реальности. В романе жизнь главного героя пересекается с тремя женскими персонажами, разными по образованию, характеру, профессии и жизненной ситуации. Это единственное произведение Владимова, в котором женские героини играют ключевую роль, и ему удалось мастерски представить различные социальные и психологические типы, характеры и судьбы.

Нинка. «У меня была Нинка, посудомойка с плавбазы, я с ней морскую любовь имел — и в плавании, и на берегу, держал себя с нею по-свински, месяцами не заявлялся...» (2/45) Нинка для Сени Шалая — вечно ждущий его огонек на ледяной сопке Абрам-мыса. Ее образ напоминает «Песню-балладу про генеральскую дочь» Галича — о несчастном ребенке ленинградских репрессированных и расстрелянных родителей, бог знает из какого сиротского

дома попавшем в угольную Караганду. Единственное утешение в ее одинокой жизни — крохи жалкой любви, которые ей перепадают от женатого мужика: «...а что с чужим живу, так своего-то нет», — время от времени навещающего ее. И она благодарна ему за нечастые визиты:

А ведь все-тки он жалеет меня,
Все-тки ходит, все-тки дышит, сучок!

О прошлом мурманской Нинки ничего неизвестно: какой несчастной судьбой занесло эту женщину в ее жалкую халупу над заливом? Бедность ее видна из того, что она берет стирку на дом, и в единственной комнатке ее домика всегда стоит корыто с замоченным бельем. В тридцать лет ее руки распухли и обесцветились, как у старухи на картине А.Е. Архипова «Прачки». Нинка привязана к доброму и беспутному Сене, хотя ничего не ждет и не требует от него. Она никогда не знает, полезет ли он к ней на сопку, вернувшись из очередного плавания. И когда пьяный Сеня неожиданно возникает на ее пороге, она в слезах вводит его в комнату, где сидит ее новый любовник. Сеня сразу понимает то, что она, вероятно, знает и сама: этот крепенький солдатик будет ходить к ней из ближайшей части и любить ее за избавляющий от одиночества в чужом холодном краю домик с призраком любви, с настоящей едой и нормальной постелью. Но едва кончится срок северной службы, он уедет куда-то в бесконечную Россию, и она опять останется одна. Не зная, как защитить ее от безнадежности, пьяный Сеня из глубокого сострадания и чувства вины сует ей свои огромные по тем временам заработанные в последнем рейсе деньги. И Нинка понимает, что он поставил крест на ее женской судьбе. И тут в ней прорывается глубокая обида — на его не-любовь, на не встретившуюся или неудавшуюся судьбу, на свою безнадежную нищенскую жизнь, о которой он так явно напо-

мнил, на женскую тоску вечного и бесполезного ожидания и необретенного счастья: «Уйди! Уйди по-доброму. Ничего мне от тебя не надо! Сволочь ты... изувер... палач!» (2/83)

Посудомойка Нинка — люмпен-пролетариат, тот персонаж «дна», во имя которого была совершена Октябрьская революция, написавшая на своих знаменах: «...тройную ложь: Свободы, Равенства и Братства»*. Свернув красные полотнища, она в пропагандном искусстве вознесла несчастную труженицу на высоту великолепной мухинской колхозницы. А в жизни — бросила ее в крохотной избушке среди ледяного северного бездорожья у старого корыта с чужим замокающим бельем. Советская сказка «о золотой рыбке».

Лиля Щетинина. Лиля — молодая специалистка, по распределению после рыбного института попавшая в Мурманск. Она кажется Сене не похожей на женщин, которых он знал и встречал до сих пор. Может быть, он еще не любит ее, но готов к большой любви, и нравится она ему чрезвычайно. Сения встречает ее в тот момент, когда у него самого возникло желание другого содержания, наполненности жизни:

...она уже потом появилась, а сначала мне самому вдруг захотелось совсем другой жизни, где ничего этого нет — ни бабьих сплетен, ни глупостей, ни тревоги: что там делается дома, чем будешь завтра жив? Потом она появилась — в Интерклубе мы познакомились, на танцулях (2/114).

Сенино воображение наполняет эту спокойную, слегка индифферентную молодую женщину жизнью и содержанием, как некий сосуд, в котором теплится особый,

* Цветаева М. Фортуна. М.: Эллис Лак, 1994. Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. С. 402.

ему одному светящий огонек: «Вот я и думал: это она с другими — и угловатая, и жесткая, а со мною — самая мягкая будет, всегда меня поймет, и я ее только один пойму» (2/25).

О Лиле известно то, что она сама рассказывает о себе: ходила в школу, мама решила, что будет учиться в институте рыбной промышленности. Особых способностей или влечения ни к чему у нее не было. Нельзя назвать ее пустой или не думающей. Ее письмо Сене свидетельствует о том, что Лиля многое интуитивно понимает:

Мы все — дети тревоги, что-то в нас все время мечется, стонет, меняется. Но больше всего нам хочется успокоиться, на чем-то остановиться душой, и мы не знаем, что, как только мы этого достигнем, приедемся к какому-то берегу, нас уже не будет, а будут довольно-таки твердолюбые обыватели... (2/265)

Но понимая, она не способна на поступок, на порыв, на открытое сильное чувство, как будто в ней есть какой-то душевный изъян. Отношения их с Сеней в романе характерны ее отсутствием. Она *не приходит* в «Арктику», она *не подходит* к телефону в последний его день на берегу, и она *не появляется* на пристани, чтобы попрощаться перед отходом траулера в море. И *не ощущает* важности такого прощания, с иронической легкостью строча в письме Сене: «*Не обижайся, что я не пришла. Я, должно быть, нарушила одну очень важную традицию и не помахала платочком с пирса*» (2/177, курсив мой. — С. Ш.-М.). Интересно, что эти «не» отражаются в разговорах о Лиле. Сеня готов оправдать ее поведение незнанием местных традиций: «Тем и нравится баба, что на других *не похожа*». Но «дед» ставит все на свои места: «Тебе женщина нужна, Алексей. А *не баба*» (2/101). Сомнения Сени углубляются после разговора с салагой, одноклассником Лили:

Теперь, шеф, я скажу тебе о Лиле. Насколько я понял, это ты ее приглашал в «Арктику». Так вот, она весь вечер говорила об этом. Что она должна, должна, должна пойти. Что ее мучит совесть, совесть, совесть. Нам с Аликом это просто надоело, мы ее уже в шею гнали. А она — каялась и продолжала с нами трепаться. Не знаю, как ты, а по мне — так лучше, если тебя отшивают сразу и посылают подальше, чем вот такие вшивые угрызения. Нрависься ты ей? Данет... (2/183)

Неожиданное свидание с Лилей в море, где все чувствуется резче и яснее, раскрывает нравственную пропасть между этими людьми. Лиля упрекает Сеню в неготовности немедленно вернуться с ней на сушу. Но на «Скакуне», находящемся в аварийном состоянии, остаются «дед» и команда моряков, которые могут погибнуть. Бросить их — дезертирство, немыслимое для Шалая. Лиля же уверена, что он просто боится «чужого мнения», столь важного для нее самой (2/245–246). Далее Сеня объясняет, что не удержался в торговом флоте, так как отказался быть доносчиком. А Лиля, советская девушка с высшим образованием, ничего особенного в этом занятии не видит, советуя нейтрализовать ситуацию, т. е. информировать, но не причиняя вреда, — изначальное и безнадежное самооправдание всех стукачей. После этой встречи он внутренне знает, что они с Лилей — чужие. И когда, направляясь на банкет, она *«не видит»* его в толпе спасшихся моряков, Сеня осознает, что его влюбленность в *«не похожую на других бабу»* навсегда смыта океанским штормом.

Лиля Щетинина — продукт системы, стремившейся воспитывать нравственно недоразвитых, а потому опасных для себя граждан, неспособных построить самостоятельную жизнь, сделать выбор, совершить поступок: отсюда — все Лилины «не». Если приходилось, они были готовы идти на компромиссы, не чувствуя границ поря-

дочности и подлости. Эта девушка была не парой беспутному, живому и ищущему Сене Шалаю, и от того, что мезальянс не состоялся, выиграл именно он.

Клавка Перевощикова. Смесь Кармен и Василисы Прекрасной — жизнеспособная красавица с быстрыми реакциями и ярким природным умом. Клавкина бойкость и налет вульгарности отражают стиль ее профессии и окружения. Но в ней явно заложена потенция куда большая, чем предполагает роль официантки, ясное подтверждение чему — глубокий и осмысленный разговор с Сеней в ее каюте на базе.

В начале своих отношений они как будто существуют в двух параллельных измерениях. Сеня сразу определяет Клавку как знакомый женский тип: «Вся она была холерная, крепкая... Красуля, можно сказать. А лицо этакое ленивое, и глаза чуть подпухшие, будто со сна. Но я таких — знаю. Когда надо, так они не ленивые. И не сонные» (2/18). Но он совершенно неверно понимает ее: «Пришла наконец Клавка, стрельнула глазами и сразу, конечно, поняла, кто тут главный, кто платит. Передо мною и с чистой скатерки смела» (2/18). Клавкино воспоминание о том же эпизоде: «Я перед тобой и со скатерки чистой смела, и уж так, и так... А сказал бы ты мне тогда: “Поедем со мной, Клавка”, — тут же бы и поехала, куда хочешь. Скинула б только передник» (2/355). Она кажется Сене необычайно привлекательной: «...губы у ней обкусанные и яркие, как маков цвет. Наверно, никогда она их не красила», — но он подчеркнуто грубоват с ней: «Неси, чего там у тебя есть получше» (2/18). В «Арктике» Сеня сразу отмечает ее яркую красоту: «А Клавка — та королевой сидела...» (2/29) Но он убежден, что она пришла с «пропащим» бичом Аскольдом. Клавка же пришла именно к Сене: «Пригласил, за ушком поцеловал... Я-то — разоделась, марафет навела, в большом порядке пришла де-

вочка!» (2/355) Сама Клавка с первой встречи, с улыбкой говоря: «Не торопись, все будет. Дай хоть наглядеться на тебя, залетного...» (2/18) — уже знает, что Сеня — тот, кто ей нужен. Она называет его «рыженьким» — в России к рыжим относились, как к другой расе, и в школах ужасно дразнили. Так как роман написан от первого лица, мы только к концу узнаем, что Сеня — «светленький». Но для Клавки он был другой, и, чувствуя это своим женским инстинктом, она готова его защищать от недружественного мира.

Попав пьяным в ее комнатку в Росте, Сеня ведет себя инстинктивно, еще не понимая, что эта женщина — его судьба: «Клавка мне поднесла стопку и чего-то закусить, хотела со мной чокнуться. А я ее ноги увидел — красивые, с круглыми коленками, и чокнулся об ее коленку. Я ее так любил, Клавку, никого в жизни так не любил» (2/60). Но когда в тот вечер его избивают и грабят бичи, он совершенно уверен, что Клавка была в сговоре с ними. И, уйдя в море, лелеет злую мечту рассчитаться с ней. Убеждение, что Клавка расчетливая «девка» (2/22), остается в нем очень долго:

Она тебя встретит, такая Клавка, на причале, повиляет бедрами, и ты пойдешь за ней, как бык с кольцом в ноздре. И — не прогадаешь, если не будешь особенно жаться, пошвыряешься заработанными, как душа просит. Она тебе на все береговые, на пятнадцать там или семнадцать дней, лучшую жизнь обеспечит — тепло и уют, и питье с наилучшей закуской, и телевизор, и верную любовь... За Нордкапом очухаешься — ни гроша в кармане, да они и не нужны в море, зато ведь вспомнить дорого! И светлый образ ее маячит над водами. Месяца три маячит, я по опыту говорю, а в это время она себя другому выкладывает до доньшка. Вернешься — можешь ее снова встретить, а можешь — другую, она ничем не хуже (2/140–141).

При неожиданной встрече с ней на базе Сеню захлестывают эмоции. Уже живущая в нем любовь и страшная обида на ее, как ему кажется, предательство, недовольство собой и опустошение, которое он испытывает от конца отношений с Лилей, — все выливается в холодный, жесткий, ненавистный разговор. Для Клавки, совершенно невиновной в краже его денег, его слова — как ледяная океанская вода. Она даже не скрывает, как глубоко он ее ранил:

— Вот этот злодей, в курточке, зверем на меня смотрит. Убить меня хочет.

— Кто, Сеня?! — Дрифтер взревел: — Да какой же он злодей? Да он у нас — душа парохода! Весь экипаж в нем силы черпает в трудные минуты жизни!

— Вот вы его и заездили. Может, и была у него душа когда-то, да вы из него вынули...

— Сень! — Дрифтер ко мне стал приглядываться. — А у тебя и правда взгляд какой-то неродной. Сень, смягчись. Ведь на такую королеву смотришь!

— Правда, — сказала Клавка, — что ты против меня имеешь?

— Ты не кошка, я подумал, ты змея (2/243).

Но перед близкой смертью Сеня испытывает острое раскаяние за причиненную ей боль:

Мне вдруг стыдно стало, так горячо стыдно, когда вспомнил, как она стояла передо мной на холоде с голыми локтями, грудью. Что, если она и вправду не виновата ни в чем? А если и виновата — никакие деньги не стоили, что бы я так с нею говорил. Что же она про меня запомнит? (2/287)

Когда они еще раз встречаются на базе, Клавкина реакция на слова дрифтера: «По волнам его курточка плавает», — полностью контрастирует с Лилиной «близорукостью»:

Клавка взглянула испуганно — и меня как по сердцу резануло: так она быстро побледнела, вскинула руки к груди.

— Да не сообщали же... Типун тебе на язык!

Дрифтер уже не рад был, что так сказал.

— погоди, груди-то не сминай, никто у нас не утоп. Сень, ты где? Ну-ка, выходи там. Выходи, когда баба требует! (2/349)

И хотя она явно помнит оскорбление, Клавка сразу оживает, и все вокруг меняется от ее присутствия. Она распоряжается пропустить оборванную команду «Скакуна» на банкет. Она отводит промерзшего Сеню в душ, где под струей горячей воды он плачет от переутомления и крайнего напряжения пережитых часов. Клавка осторожными прикосновениями умеряет боль его раненого плеча и с милыми словами: «Мне тебя покормить хочется», — открывает бутылку вина, и сама долго, крепко целует его — в награду за то, что остался жив (2/353). И весь мир с его штормами, красотой и уродством отступает, потому что посреди океана Сене Шалаю является Ваше Величество Женщина:

А важно было — как женщина повернула голову. Ничего важнее на свете не было. Как она повернула голову и вынула колючие сережки, положила на столик; как вскинула руки и посыпались шпильки, а она и не взглянула на них, и весь узел распался у нее по плечам... (2/353)

Но когда он понял, что эта женщина — его жизнь и любовь, все рушится. Не потому, что за ней опыт неудачного брака. Она простила нанесенную им обиду, но страшит повторения резкой и глубокой боли, которую он ей причинил.

Плавание на «Скакуне», близость смерти и несколько часов, проведенных с Клавкой в морской каюте, навсегда

меняют Сеню Шалаю. После спасения от гибели и с потерей любимой к нему приходит глубокое осознание, что с каждым человеком, каким бы он ни виделся тебе в данный момент, следует обращаться бережно и по-доброму. И в нем начинается интенсивный процесс осмысления своего места среди людей и на планете Земля.

РОМАН О ПРОЗРЕНИИ

Арсений Шалай. «Просто слепые все, не видим, куда катимся. Какие ж бедствия нам нужны, чтоб мы опомнились?» (2/381) — говорит в море герой книги, размышляя о жизни. «Меня привлекал в Сене Шалае... процесс прозрения, постижения себя как личности и своего места в жизни — некий момент истины», — объяснил образ своего героя Владимов*. Внутренняя эволюция его персонажа стала главной фабульной нитью романа.

Детство и ранняя юность Сени Шалая — совершенно иной отрезок жизни, никак не соотносящийся с реальностью, в которой он существует в романе. В четырнадцать лет потеряв отца, он вынужден уйти из школы и работать, чтобы содержать мать и маленькую сестренку. Поэтому образования, к которому его тянуло, он не получил, хотя окружающие считают, что у него «светлая голова» (2/159).

В юности он пережил встречу, глубоко повлиявшую на него. Три моряка, проходивших со своими девушками, увидели, что произошел несчастный случай. Пока толпа, включая Сеню, «облаивала» несчастную кондукторшу и вагоновожатого, моряки вытащили и отправили в больницу попавшего под трамвай человека. Подростка поразило, что сделали они это слаженно и не проронив ни

* Кузнецов Ф., Владимов Г. Диалог в прозе. С. 6.

единого слова. Когда скорая помощь увезла пострадавшего, они вернулись к своим девушкам и ушли. С тех пор в Сене осталась уверенность: «...самые-то добрые дела на свете делаются молча» (2/140): «Сеня потому и на флот напросился, что парни в бескозырках с ленточками, которых он встретил в своем далеком от моря Орле, стали для него “самыми лучшими людьми”, идеалом его жизни — как раз оттого, что без единого слова сделали все что нужно, чтобы спасти человека, в то время как остальные, в том числе и сам герой, кричали, ахали, размахивали руками, всячески тешили свое самолюбие — и ничего не делали. В поисках подлинного, молчаливого добра идет Сеня в море»*.

Пройдя военную службу на Северном флоте, он застревает моряком на рыболовных судах. Шалай не раз пытался вернуться в свой Орел, но то его грабили в поезде, то он сам бездумно тратил заработанное — и опять уходил в море. Причина — не только безалаберность. Он инстинктивно многое понимает, но внутренне еще не сформировался, и ему сейчас нужны Северный Ледовитый океан, Гольфстрим, вечно меняющиеся, грозные, прекрасные воды и небо, и команды кораблей:

— ...мне просто интересно тут. Хочу что-то главное узнать о людях.

— Ты еще не все про эту жизнь знаешь?

— Про себя — и то не знаю (2/204).

Это любимый тип владимовского героя — человек в странствии, в процессе развития и становления личности. В романе Сеня рассказывает читателю легенду о северном «летучем голландце» — о матросе, который не

* *Перцовский В.* Проза вмешивается в спор // Вопросы литературы. 1971. № 10. С. 32.

сходил на берег два с половиной года, пересаживаясь в море с возвращающегося в порт судна на траулер, уходящий в новый рейс. Никто не знает, почему он это делает, и как все неестественное — это пугает моряков, как отзвук старинной легенды:

И если в час прозрачный, утренний
Пловцы в морях его встречали,
Их вечно мучал голос внутренний
Слепым предвестием печали.

Николай Гумилев. Капитаны

Что этот человек искал в океане, бежал ли от чего-то на земле, чтобы успокоить нестерпимую боль, или у него была иная цель — так и остается неизвестным. Едва ли это история о примитивной жадности, как предположило большинство критиков. Для того чтобы физически выносить океанские нагрузки два с половиной года, нужна была совершенно сверхъестественная сила и нечеловеческое напряжение воли. Этот «голландец» никому не открыл своей тайны. Когда его обманом не пустили в очередной рейс, он забрал свои колоссальные, не вместившиеся в чемодан деньги, и исчез навсегда. В этом «северном голландце» и легенде о нем была не разгаданная никем осознанность судьбы и цели, и это интригует и будоражит Сеню.

На страницах книги Шалай долгое время встречается читателю в характеристиках других людей: бичей, моряков, салаг, Клавки, «деда» — они отмечают его умение работать, доброту, щедрость, но и некоторую внутреннюю расхлябанность, незрелость. Шалай очень социален, помогает в рейсе салагам, и люди, за редким исключением, относятся к нему очень тепло.

В начале рейса, подобрав на палубе чайку со сломанным крылом, Сеня устраивает своего Фомку в трюме и выкармливает селедкой. С рыбиной в руке он идет

к птице в тот день, когда, упав с лестницы в воду, осознает, что в корабле пробоина. Сдерживая океанскую струю, Сеня заслоняет трещину спиной, пока его не находят. Но промокший и окоченевший от холода, он все-таки лезет за Фомкой, чтобы не дать птице утонуть в трюме. И, отпустив на свободу, видит, что чайка выбирает смерть:

Волна накатила, захлестнула планширь, а когда схлынула — Фомки уже не было. Я испугался, пробрался к фальшборту. Фомка лежал на крутой волне, сложив крылышки, клювом и грудкой к ветру — как настоящий моряк. Все-таки он выбрал штормящее море, а не трюм, где ему и сытно было, и тепло. Плохи, должно быть, наши дела, я подумал. Потом заряд налетел, и больше я Фомки не видел (2/266).

Это достоинство гибели чайки в родной стихии придает Сене внутреннюю силу до конца бороться за возвращение на сушу. И тогда, обрекая себя на годы тюрьмы, он совершает свой молчаливый добрый поступок — обрубает рыболовные сети, тянущие корабль на дно. Действие, преступное по советским законам, и даже крайние обстоятельства, как угроза кораблекрушения и гибель экипажа, во внимание не принимались. Поэтому капитан, боясь тюрьмы, не решается избавиться от сетей, хотя эти столь драгоценные для государства сети были «утиль... сплошные дыры, не залатать» (2/259). Без сетей возникает короткая передышка, которая помогает команде найти выход, спасти шотландцев и спастись от кораблекрушения.

Белый парус в Северном Ледовитом океане, глубокая привязанность к «деду», угроза тюрьмы и несчастная любовь становятся необычайно сгущенными этапами наступающей зрелости Арсения Шалая. В порт он возвращается уже не «шалавым» (2/349), каким отправился в рейс. На рассвете он идет бродить по Мурманску, городу своей судь-

бы и созревания, которое он должен до конца осознать и обратить в слова и мысли.

Ранним утром за стаканом едва теплого кофе в неуютном привокзальном буфете Сеня вспоминает момент чуда, увиденного в самом начале плавания:

Я стал к переборке отдышаться, поглядел в люк. И вдруг увидел: звезда качается, голубая, прямо над моей головой. Я просто очумел. Потом лишь дошло, что это не она качается, она себе висит на месте, а нас переваливает с борта на борт. И никто ее не видел, только я один — из темного трюма. Где же это я читал, что можно в самый ясный полдень увидеть звезду из колодца? Даже не верилось. А теперь я сам в этом колодце оказался. Я стоял, смотрел на нее (2/146).

Это видение превращается в символ его прозрения: звезда, которая днем светит в темный колодец жизни, — это три минуты доброты, когда каждый человек на Земле должен остановиться, чтобы, услышав зов о помощи, прийти на помощь ближнему или дальнему:

И жизнь сама собой не поправится. А вот было бы у нас, каждого, хоть по три минуты на дню — помолчать, послушать, не бедствует ли кто, потому что это ты бедствуешь!.. Или все это — бесполезные мечтания? Но разве это много — всего три минуты! А ведь так понемножку и делаешься человеком (2/381–382).

И за это постижение судьба еще раз сводит его с Клавкой. Встреча эта очень трудна для обоих, но Сеня, прощаясь, находит слова, навсегда изменившие их жизнь:

А будет худо, не дай бог, или пусто, как ты сказала, тогда позови только — я примчусь. Мы же с тобой знаем, как это

бывает: вот уже, кажется, ничего тебе не светит — и ангел не явится, и чайка не прилетит, — ан нет, кто-то все же и приходит. Я к тебе отовсюду сорвусь, где бы я только ни был. Даже и письма не напишешь — я услышу, почувствую... (2/387)

И Клавка, безошибочным женским инстинктом угадав, что произошло в нем и что он больше никогда не оскорбит и не обидит, решается:

— Поедем ко мне в Росту... Поедем, я сказала. Попробуем жить с тобой.

— Как же девятины? — все, что я догадался спросить.

— А ну их! ...Там и без меня не заскучают. А тут ты все-таки — живой. Эх, сделаю еще одну глупость — и затихну! (2/387)

Когда она говорит «живой», это не только его физическое выживание в недавнем рейсе, но живая душа, стремление, которое она чувствует в нем, — стать лучше, добрее.

Перед началом новой жизни с любимой Сеня оборачивается, чтобы навсегда попрощаться со своей беспутной молодостью и на неделю — с морем, ставшим его судьбой. И, не торопя, его ждет Клавдия, впервые получившая в романе это полное имя. В этой сцене короткого прощания и тихо ждущей в стороне женщине есть удивительный покой и ясность, которые передаются читателю. «На свете счастья нет, но есть покой и воля» — редкое жизненное мгновение такого состояния передал Георгий Владимов в конце своего романа.

Некоторые критики сочли хеппи-энд книги неубедительным и потому разочаровывающим. Но в «Трех минутах молчания» нет никакого хеппи-энда:

Клавка роняла варезки, застегивала мне телогрейку на горле, а студёный ветер выжимал у нее слезы.

— Я тебя завлекала, завлекала, а теперь самой страшно...

— Иди вперед, — я сказал.

Она кивнула.

— Вот правильно.

— И пошла (2/388).

Что будет с ними дальше, неизвестно, потому что повествование кончается. Но читатель прощается с героями, когда они идут вперед и хотят попробовать прожить жизнь вместе. Не зависая в прошлом, не отступая в страхе перед любовью, но каждый — с полной душевной отдачей и ответственностью за другого. В романе «Три минуты молчания», единственной из владимовских книг, — хорошее окончание, потому что в нем — начало. Может быть, поэтому книгу так полюбили молодые читатели.

СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН

В книге есть еще один персонаж, оказавшийся для Владимова самым сильным впечатлением плавания — Северный Ледовитый океан с его переменчивостью волн и ветров, пугающими шквалами и великолепной красотой, отраженной в непосредственном восприятии персонажей: «Такое было море — хоть вешайся от его синевы» (2/148). Начало плавания связано с недолгим состоянием счастья:

Дрифтер не торопился, и мы не торопились, смотрели на синее, на зеленое, ресницы даже слипались. Стояночный трос уже кончился, за ним выходил из моря вожак — будто из шелка крученный, вода на нем сверкала радужно. Чай-

ки садились на него, ехали к шпилью, но шпиль дергался, и вожак звенел, как мандолина, ни одна птаха усидеть не могла. Дрифтер тянул его не спеша, то есть не он тянул, он только шлагги прижимал к барабану, чтоб не скользили, но так казалось, что это он тянет, дрифтер, весь порядок — с кухтылями, поводцами, сетями, рыбой. Ну, рыбу-то мы еще не видели. И наверное, дрифтер не о ней думал, наверное, не о ней думал — нельзя же только об этом и думать, — про чаек, которых мы зовем глупышами, черномордиками и солдатами: счастливей они нас или несчастнее. А может быть, и вовсе ни о чем, просто глядел на воду, замороженный, млел от непонятной радости (2/143).

Но когда над океаном спускается ночь, пугающее ощущение вселенского одиночества охватывает героя: «Тьма настала крошечная, и тишина... И я летел один, качался над страшной студеной бездной» (2/113). Таящаяся в ней угроза далека от земной природы плывущих по океану людей: «...облитые светом, мы сами светимся, как зеленые призраки, — нездешние этому морю, орловские, калужские, рязанские, вологодские мужики. Летим в черноту над бездонной прорвой» (2/123).

В море и над морем кипит жизнь, небольшие северные чайки, могучие хищники альбатросы, перламутровая, великолепная сельдь, то изумляющая своей красотой, то превращающая жизнь в ад: «Так она шла четыре дня, подлая рыба, — по триста пятьдесят, по четыреста бочек за дрейф. И каждый день штормило, и валяло нас в койках, и снилось плохое» (2/172).

С приходом шторма океан превращается в вероломную, враждебную стихию, неизмеримой мощью обрушивающуюся на человека:

Все море изрыто этими оврагами, и мы из одного выползли, чтоб тут же — в другой, в десятый, и всю душу озно-

бом схватывало, как посмотришь на воду — такая она тяжелая, как ртуть, так блестит ледяным блеском. Стараясь смотреть на рубку, ждешь, когда нос задержится и она окажется внизу, и бежишь по палубе, как с горы, а кто не успел или споткнулся, тут же его отбрасывает назад, и палуба перед ним встает горой (2/253).

Не только воды, но и берега океана живут своей особой жизнью. В начале плавания на горизонте возникают, как великолепные космические тела, прибрежные скалы:

...плавали в дымке Фареры — белые скалы, как пирамиды, с лиловыми извилинами, с оранжевыми вершинами. Подножья их не было видно, и так казалось — база стоит, а они плывут в воздухе (2/185).

Но во время шторма нет ничего страшнее этих земных гигантов:

И вдруг нас рвануло, приподняло — все выше, выше — и понесло на гребне. Камни промелькнули с обеих сторон, а потом волна их накрыла с ревом. Я только успел подумать: «пронесло!» — и увидел скалу — черную, пропадающую в небе. По ней ручьями текло, и она была совсем рядом, да просто тут же, на палубе. Те, кто стояли у фальшборта, отпрянули к середине. А нос опять стало заносить, и скала пошла прямо на мачту, на нас, на наши головы... (2/336)

Единственное, что остается человеку перед гибелью в стихии, — молиться о Божьей милости. В «Трех минутах молчания» встречаются самые религиозные строки, когда-либо написанные *«упрямым агностиком»* Владимовым:

Если Ты только есть, спаси нас! Спаси, не ударь! Мы же не взберемся на эти скалы, на них еще никто не взобрался.

Спаси — и я в Тебя навсегда поверю, я буду жить, как Ты скажешь, как Ты научишь меня жить... Спаси «деда». Шурку спаси. Спаси «Маркони» и Серегу. Бондаря тоже спаси, хоть он мне и враг. Спаси шотландцев — им-то за что второй раз умирать сегодня! Но Ты и так все сделаешь. Ты — есть, я в это верю, я всегда буду верить. Но — не ударь!.. (2/336)

Океан открывает морякам «окно в Европу». «Скакун» подходит близко к иностранным кораблям, и сравнения неизбежны.

А смотреть приятно на них, на иностранцев: суденышки хоть и мельче наших, но ходят прибранные, борта у них лаком блестят — синие, оранжевые, зеленые, красные, рубка — белоснежная, шлюпки с моторчиками так аккуратно подвешены. И тут влезает наш какой-нибудь — черный, ржавый, все от него чуть не вроссыпную... (2/119)

Рыболовы видят, насколько облегчена работа иностранных моряков благодаря качественным неводам и моторным ботикам. Одежда экипажей — в отличие от грязно-зеленых отечественных роканов — мечта модников: «А роканы у них какие! Черные, лоснящиеся, опушены белым мехом на рукавах и вокруг лица, в таком рокане спокойно можно по улице гулять — примут за пижона» (2/120). В этом морском «пижонстве» — профессиональное достоинство, уважение к их труду, которого «уродующиеся» в промысле советские рыболовы не чувствуют. Рассказы случайно попавшего на иностранный корабль матроса о телевизорах в салоне с разными программами: «В одном ковбои скачут, в другом — мультипликации, а в третьем — девки в таком виде танцуют — не жизнь, а разложение» (2/120) — звучали почти фантастикой:

никаких телевизоров на советских траулерах не было, и в Мурманске в то время была только одна местная телевизионная программа.

Мирная, но недоступная жизнь открывается морякам, когда спасшийся траулер оказывается в норвежском фьорде.

Бухта открылась — вся сразу, чистая, молочно-голубая. Только если вверх посмотришь и увидишь, как облака проносятся над сопками, почувствуешь, что там творится в Атлантике. Ровными рядами — дома в пять этажей, зеленые, красные, желтенькие, все яркие на белом снегу. А по верху — сопки, серые от вереска, снег оттуда ветром сдувает, и как мушиная сыпь — овечьи стада на склонах. Суденышки у причала стояли не шелохнувшись, мачта к мачте, как осока у реки — яхточки, ботики, сейнера, реюшки, тут почти у каждого своя посудинка (2/321).

Но команде не позволялось даже на час ступить на берег. Власти сверхдержавы опасались, что, уронив «достоинство советского человека», моряки могли бы улыбнуться норвежскому мальчишке или поиграть с фарерским песиком. И в гости к спасенным в этом рейсе шотландцам их тоже никто не пустит — на том стояла советская власть.

Эмпирическое осознание хрупкости и мимолетности человеческого существования по контрасту с вневременной мощью океана, ощущение беспредельности водной стихии и условности политических границ навсегда утвердили в Георгии Владимове уверенность в своем праве на свободу — личную, географическую и социальную, — определившие его мировоззрение и судьбу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

18 февраля 1976 года Феликс Кузнецов* провел с Владимиром интервью для «Литературной газеты». Во время этой беседы писатель определил жанр своего романа как «параболу».

«Три минуты молчания» — притча о «звезде», просиявшей в темный колодец жизни (2/146), о «зерне, упавшем в хорошую почву»**, о человеке «услышавшем» и «увидевшем», для которого близость смерти и большая любовь приоткрыли смысл и цель его существования на Земле.

Георгий Николаевич Владимов был человеком не созерцания, но действия. Он хотел менять жизнь своим творчеством и, по крайней мере в молодости, думал, что это возможно, что литература может и должна влиять на окружающую действительность, что текст не существует сам по себе, но живет страстностью своего создателя: «В конце концов только страсть, темперамент делают книгу. ... Никакие слова не жгутся, нужен еще “угль, пылающий огнем” в левой стороне груди, нужна личность автора»***. Писатель считал, что цель литературы — пробуждение социального и нравственного сознания читателя: «...это и есть то главное, ради чего пишутся книги вообще»****. Именно поэтому он выбрал эпиграфом своей книги цитату из Р. Киплинга, кончающуюся словами: «И... бог, что ты вычитал из книг, да будет с тобой, Томлинсон!» С удивительным и неисчерпаемым идеализмом Владимов глубоко и искренне верил, что спасение человечества — в сознательной и деятельной доброте. И в ро-

* Кузнецов Феликс Феодосьевич (1931–2016) — литературовед и критик, в 1977–1987 годах — первый секретарь правления Московской писательской организации Союза писателей СССР.

** Евангелие от Матфея. Притча о сеятеле. 13:3–23.

*** Кузнецов Ф., Владимов Г. Диалог в прозе. С. 6.

**** Там же.

мане «Три минуты молчания» он хотел внушить своему читателю истину Сениного оракула, «старпома из Волоколамска»: «Может быть, мы и живы — минутной добротой» (2/388).

Вневременная страстность этого призыва составляет резкий контраст методу написания романа — жесткому, конкретно-вещественному реализму. Он проявляется и в репортажной точности, с которой описан трудный и опасный процесс морского промысла, и в беспощадности изображения персонажей и их отношений. Страшна короткая вставная новелла о «юноше» Ленке — женщине, погибшей или покончившей с собой в океане (2/134–136). И о ее возлюбленном, когда-то легендарном капитане, навсегда сломленном этой смертью, своей виной и страхом перед ответственностью и превратившемся в «прилипалу», в жалкого граковского лакея. В этой истории читателю оставлено просторное поле для догадок и интерпретаций, любая из них глубоко трагична.

Но стилистика и жанр «Трех минут молчания» многогранны. Драматизм отношений человека и океана отражен в языческом одушевлении вод и скал: «прекрасных», «живых», «сволочных», грозно «идущих», чтобы погубить маленький корабль, но отступивших, когда над штормовыми волнами Северного Ледовитого океана взвизывает белый парус — символ человеческой воли и разума в тысячелетних отношениях со стихией. Эта великолепная картина — неожиданная романтическая инкрустация в тексте. Легенда о «северном голландце» вносит в повествование элемент мистического реализма. В прелестной истории про синего китенка и невозможно-очаровательных сказках-притчах ритм, лексика и хронотоп текста варьируются, создавая в нем яркие коллажные вкрапления.

Владимов считал, что плавание на «Всаднике» определило его собственное созревание как человека и писателя. Он думал, что и «настоящего Руслана» (отличающегося

от первых двух вариантов), и роман «Генерал и его армия» не мог бы написать, не пройдя эту морскую школу, социальную, рабочую и лексическую. В Северном Ледовитом океане он познал творческий «метод собственной шкуры» глубоко и полно. Память о поездке в Мурманск, о работе на «Всаднике» и роман «Три минуты молчания» были ему особенно важны. В 1989 году, отвечая на вопрос анкеты журнала «Иностранная литература» о «самом дорогом из написанного», Владимов назвал «Три минуты молчания»: «Он дорог мне, как родителю, — изболевшееся, страдавшееся дитя. Я выстрадал этот роман сначала боками и всей шкурой, плавая матросом рыболовного флота по трем морям Атлантики — Баренцеву, Норвежскому, Северному, затем — когда всю меру правды, которую там постиг, пытался втиснуть в романную форму. Наконец, это был мой последний роман, напечатанный в “Новом мире” Александром Твардовским, — я храню страницы с его пометками и запись его выступления на редколлегии, и мне дорого, что он нашел мою вещь “вещью достойной”, которую нельзя не напечатать, хотя и предвидел все последствия этого шага для журнала»*.

* * *

В один из его приездов мы долго шли в дождливый пасмурный день вдоль набережной Темзы, и я, посмотрев на посеревшее лицо Владимирова, со страхом (больное сердце) поняла, что он очень устал. Мы зашли в ближайший паб, и, чуть отойдя в тепле, он захотел «Bloody Mary», а потом вторую. И вдруг спросил меня, глядя на набухшую от дождя Темзу: «*Вы иногда во сне видите Мурманск?*»

Кольский не отпускал тех, кто однажды был погружен в его холодную неприветливую атмосферу. Ни Венедикта

* Владимов Г. Ответы на анкету журнала «Иностранная литература» // Бремя свободы. С. 232.

Ерофеева, выросшего в Заполярье и всю жизнь несвободного от плена этого родного несладкого края, ни Владимира, бывшего на Севере несколько месяцев, ни меня, проводшую там детские школьные годы.

Я всю жизнь вижу во сне один город — Мурманск. Иногда я невесомо двигаюсь по темному холодному проспекту Ленина между больших безликих зданий. Но чаще, отворачиваясь от колючего ветра под темно-серым нависающим небом, я нескончаемо и торопливо иду по сопке над темным городом, рядом с белеющими огромными сугробами к тускло-высвечивающимся вдали огонькам далеких домов.

Во владимовских снах он уходил почему-то всегда спиной к движению — от редких огней ночного порта и поблескивающего темного залива.

«В «Арктику»?» — спросила я. Георгий Николаевич засмеялся и чокнулся с моим стаканом «Bloody Mary».

О РЕАКЦИИ НА РОМАН

«Есть две разновидности искусства... есть искусство, и есть официальное искусство», — писала Гертруда Стайн*. Роман «Три минуты молчания» — искусство, поэтому успех книги превзошел все ожидания автора. Журнал раскупили моментально, в библиотеках читатели записывались в длинную очередь.

Альфред Коц прислал отзыв тогдашнего начальника добычи Мурманского промыслового порта — «сельдяного бога», объявившего роман «низкопробным», что очень развеселило Владимира**. «Официальное искусство» — партийно-литературная критика сочла книгу подрывной. Действительность, изображенная в романе «Три минуты

* Stein G. The Autobiography of Alice B. Toklas. London: Penguin Books, 2001. P. 37.

** Коц А. Встречи с Георгием Владимовым. С. 12.

молчания», была шокирующим отражением жизни и взглядов того пролетариата, именем которого правила и на чьем труде паразитировала советская номенклатура. Признать правдивость такого изображения она никак не могла — это разрушило бы основу ее благополучия и власти. На роман и его автора обрушился ледяной шквал официальной критики. Пресса запестрела письмами «негодующих читателей». Из Калининграда в Союз писателей *«поступил сигнал»*, написанный в форме доноса былых времен:

Редакция газеты «МАЯК»

Газета Калининградского обкома КПСС для предприятий рыбной промышленности Калининградского производственного управления.

22 декабря 1969 года

Правлению Союза писателей СССР

Направляем вам отчет о конференции читателей по роману Г. Владимова «Три минуты молчания», опубликованному в 7–9 номерах журнала «Новый мир» за 1969 год.

Редакция газеты Калининградского обкома КПСС для предприятий рыбной промышленности области «МАЯК» получила многочисленные отклики от читателей-моряков, в которых этот роман оценивается, как произведение клеветнического характера.

Редактор газеты «МАЯК»

И. Хрусталев

В читательской конференции*, напечатанной на целом развороте газетного листа, приняли участие разнообразные корреспонденты. Письмо «жены моряка» Л. Тиш-

* Маяк. 1969. 18 декабря. С. 2–3 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 41. Д. 76. С. 85–89.

ковой было опубликовано под заголовком «Не пускай Геннадия в море». Сама она романа не читала, но сообщала, что ее шокированные родители решительно потребовали, чтобы она запретила любимому зятю плавание на рыболовных судах. Капитан В.С. Локшов категорически утверждал, что флоту нужны были не «сеньки-шалаи», а «настоящие матросы» — бог знает, что он имел в виду. Боцман В.А. Степкин твердо объяснил читателям, что, если бы Владимов правильно описал роль партийной и комсомольской организации, никакие швы на «Скакуне» не разошлись бы и аварийной ситуации не случилось. Остальные выступления под заголовками «Не тот метод», «Лежалый товар», «Моряки достойны уважения», «Далеко от действительности» были написаны в основном студентами или преподавателями Калининградского технического института (ныне КТГИ), утверждавшими, что Владимов совершенно исказил картину рыболовного промысла. Доцент В.В. Чудов, например, был очень обеспокоен тем, что, неверно употребив термин «баррер руля», Владимов навсегда запутал читателя. Все пишущие с непререкаемой уверенностью заявляли, что таких траулеров, как «Скакун», в Советском Союзе больше нет и быть не может, а уж таких матросов и подавно. Не учась в мурманской средней школе (прививка на всю жизнь от языковых шоков), они категорически утверждали, что советские моряки не могли так разговаривать. Их очень беспокоило, что писатель ввел в заблуждение «широкую общественность». Внизу страницы — симпатичная фотография, где две милые женщины в официальных костюмах, с неизменными начесами на аккуратных головках, беседуют, предположительно, с моряками — кроме одного человека в военно-морской форме, профессию остальных, одетых в штатское, в шапках или папахах, определить невозможно. Это могли бы быть и пастухи-скотоводы.

В том же номере газеты была помещена отдельная статья с заголовком «В кривом зеркале» доцента кафедры русской литературы Калининградского университета Н.К. Костенчик*. На целой газетной странице, охватывая ряд проблемных аспектов книги, автор клеймит Владимова за «бессильный гуманизм» и неверное отражение жизни советских моряков. Почему, например, Г. Владимов в своем романе не воспекает радость труда? Н.К. Костенчик была уверена, что советский рыболов, закатавший 100-килограммовую бочку сельди при зимнем шторме в 8 баллов в Северном Ледовитом океане, не может ее не испытывать. И разве советский моряк стал бы употреблять такой недостойный жаргон — «уродоваться» вместо «работать», — трудясь на благо Родины, любящей свою селедку? Или, например, Сенин роман с Нинкой, его «морской любовью» — разве в Советском Союзе мужчины относятся к женщинам «по-свински»? Ну, конечно, случаются отдельные истории с *отрицательными* персонажами, но зачем же писать о них в литературе? А уж главный персонаж книги совсем не герой, а мелкий сутяга, ставший рыболовом не ради поэзии штормовых северных морей, а в погоне за «длинным рублем» (ведь дался же полунисшим советским критикам несчастный «длинный рубль»!) и так далее — типичная заказная статья. Обо всем этом, вспомнив профессора Преображенского: «Я не охотник до бессмыслиц», — можно было бы и не писать. Но отчеты о таких же читательских конференциях и статьях появились в прессе всех крупных портовых городов России, «очевидная оркестровка по указанию свыше», и, аккуратно отправленные в Союз писателей, доходили до Владимова. Все это, как он считал, «нагнетало атмосферу». Калининград, идя в авангарде, лишь показал другим пример «идейности».

* Костенчик Н. В кривом зеркале // Маяк. 1969. 18 декабря. С. 3.

Мой брат, учась в Ленинградском кораблестроительном институте, проходил в начале 1960-х военно-морскую практику в Калининграде. Первое, что увидели студенты, войдя на территорию военного порта, был огромный стенд, озаглавленный «ОНИ МЕШАЮТ НАМ ЖИТЬ» с фотографиями и адресами развратниц. Пришедшие из плавания моряки подходили и, внимательно рассмотрев, выбирали ту, которая им особенно мешала. Записав адрес, они уверенной походкой направлялись для немедленного устранения помехи. Калининградские власти, организовавшие газетную компанию против романа «Три минуты молчания», прекрасно понимали реальные нужды защитников моря. Как и во многих ситуациях, лицемерная система существовала на двух уровнях.

Отзывы критиков в прессе тоже не заставили себя ждать. Они варьировались от редких, очень позитивных, как очерк В. Перцовского «Проза вмешивается в спор»*, до небольшого количества с разными оговорками признающих роман удачным, например, статья М. Синельникова «Траулер “Скакун” в шторм и штиль»**. Но основное количество составляли резко отрицательные рецензии, как публикация С. Высоцкого «Одиссея матроса Шалая»***. В принципе, негативные отзывы были — с поправками на разный интеллектуальный уровень авторов — очень похожи на калининградский, описанный выше. Все оказывалось «клеветой на советскую действительность»: и аварии в море, и адский труд моряков, и невыносимые бытовые условия их жизни, и их безыдейные и не вписывающиеся ни в какие идеологические рамки разговоры, не говоря уже о лексике. Владимов после все-

* *Перцовский В.* Проза вмешивается в спор. С. 27–48.

** *Синельников М.* Траулер «Скакун» в шторм и штиль // Литературная газета. 1970. 7 января. С. 4.

*** *Высоцкий С.* Одиссея матроса Шалая // Известия. 1970. 11 февраля. С. 3.

общей хвалебной реакции на «Большую руду» был изумлен *размером* ругани. Но он ясно отдавал себе отчет, что времена менялись очень быстро и к худшему, и «кошачий концерт» (2/390), хотя и был крайне неприятен, но не ранил его особенно глубоко. Он хорошо знал, что читатели восприняли книгу восторженно, он получал от них массу прекрасных писем, особенно от моряков всех портов со всех концов страны, на журнал в библиотеках была длинная очередь, и в редакцию шли восхищенные отзывы читателей.

Настоящей болью была только реакция А.И. Солженицына. К тому времени они уже были знакомы, и Владимир относился к Солженицыну с беспредельным уважением, бесстрашно поддерживая его мужественным открытым письмом Четвертому съезду писателей (см. ниже). И тем тяжелее и неприятнее было ему, когда, зайдя в «Новый мир», он получил письмо, в открытом виде оставленное на столе одного из редакторов. Солженицын начал выражением восхищения молодому коллеге: «Начал я Ваш роман просто *с наслаждением*: какая легкость рисунка, полет пера, какая непринужденность языка и жаргона!» Но далее он объяснял, что не смог прочесть книгу Владимира и не понимает, зачем она была написана, ибо автор выбрал тему, в которой ничего путного и важного выразить нельзя:

Морская тема не может, по-моему, сказаться ни на общественном, ни на нравственном, ни на эстетическом развитии России... Морская тема — боковой переулочек, и именно поэтому я не в силах в него свернуть... Все самое героическое, что может произойти сегодня на море, — не интересно для нашей духовной истории (2/392).

Письмо прочитала вся редакция, то есть о нем уже знала вся литературная Москва до того, как оно попало

в руки Владимова. И письмо, и манера его «опубликования» глубоко задели Владимова. Он считал подобное письмо «невозможным», Лев Копелев назвал его «хамским»*.

Много лет спустя об альтернативе «суша — море» в романе писал Максим Кантор: «Не получается у героев на суше: их обманывают, дурят, и они спиваются. Они люди неплохие, но пронирыливая жизнь на берегу пробуждает в них самое скверное. У них не получается создать семью, компанию, общество. Владимов показывает десяток биографий — все дрянные»**.

Когда «Скакун» возвращается в порт, Владимов с беспощадностью реалиста напоминает читателю, почему все моряки уже записались в следующий рейс: несчастный обозленный Феликс с ребенком-инвалидом, невозможная жена «Маркони», неустроенный Серега, бездомный Сеня Шалай. Кантор справедливо утверждал, что только в море, в смертельной опасности, моряки проявляют себя «людьми высшей пробы»***.

Владимов включил письмо Солженицына в послесловие к «Трем минутам молчания» (2/392). Кроме остроумного аргумента: «Если море — “боковой переулочек” нашей духовной истории, раковая больница — что же, ее столбовая дорога?» (2/393) — он привел главное достойное возражение:

...Так называемый «широкий читатель»... выстраивался в библиотечные очереди и, не надеясь уже дожидаться книжного издания, нес новомирские комплекты в переплетную. Своим не замороченным разумом он оценил мой трижды непреодолимый роман как более или менее

* Копелев Л., Владимов Г. Литература существует, как двуконь. С. 172.

** Кантор М. Каждый пишет, что он слышит. <https://story.ru/istorii-znamenitostej/istoriya-tsiviliatsii/kazhdyy-pishet-cto-on-slyshit/>.

*** Там же.

достоверное повествование о людях моря, имеющих столько же притязаний на изображение их в литературе, сколько и все иные россияне самых разных профессий и мест проживания. Этот читатель имел свободу полагать, что главное действие происходит в душе человека и в его взаимоотношениях с близкими, а сценическая площадка может быть любая (2/394).

* * *

Из ранних академических исследований о романе «Три минуты молчания» самый глубокий и обширный анализ содержится в статье А. Коца «Художественное своеобразие прозы Георгия Владимова»*. В 1998 году Лев Аннинский обратился к роману в предисловии к владимовскому четырехтомнику, прослеживая прямую преемственность характера главного героя Сени Шалая от Виктора Пронякина: хотя на генеалогическом уровне связь существует, аргументация Аннинского кажется не особенно убедительной. Но, как обычно, он замечательно пишет о своем, современника и друга Владимова, восприятии романа**.

Позднее, уже в 2010-х годах, о «Трех минутах молчания» было написано несколько серьезных статей. Владимир Соболев предлагает подробный обзор ранней критики и интерпретацию отдельных мотивов произведения, прослеживая его связь с литературной традицией. Наиболее важная частью этой работы*** — исследование соотношений романа с текстами писателей того же поколения — В. Аксенова, А. Гладилина и других. Но также очень

* Коц А. Художественное своеобразие прозы Г. Владимова. С. 148–171.

** Аннинский Л. Рок, судьба и участь Георгия Владимова. С. 15–26.

*** Соболев В. Неопознанные аллюзии: критика 1970-х о романе Георгия Владимова «Три минуты молчания» // Вопросы литературы. 2014. № 5. С. 301–319.

ценен проведенный анализ связи с западными источниками — Джеком Лондоном и Р. Кипплингом, особенно любимыми Владимовым, и с писателями «потерянного поколения» Р. Олдингтоном и Э. Хемингуэем. А.В. Чистяков в своем реферате «Концепция личности в романе Г. Владимова “Три минуты молчания”»^{*} проводит интересный анализ персонажей, особенно Сени Шалая. И необходимо упомянуть статью Е. Скарлыгиной, предлагающую яркий обзор творчества писателя^{**}.

* * *

После публикации критика книги в прессе не умолкала, но открыто ссориться с известным молодым писателем «производственной тематики», куда твердо записали Владимова после публикации «Большой руды», литературная номенклатура не хотела:

Начальство решило, что я попал в «плохой рейс» и «неправильный коллектив». Мне предложили плавание на большом круизном теплоходе с заходом в Индийский океан, где я мог бы увидеть все прелести «настоящей жизни советских моряков»: никаких штормов, никаких аварийных ситуаций, никаких катящихся бочек рыбы. А наоборот, штиль, радость труда, песни и пляски на палубе. Я, конечно, немедленно согласился, нагло потребовав отдельную каюту: «Мне нужно писать». Но, по размышлении зрелом, власти все-таки решили, что не стоит тратить на меня деньги, и поплыл вместо меня в отдельной каюте по волнам Индийского океана какой-нибудь Граков (ГВ).

^{*} Чистяков А. Концепция личности в романе Г. Владимова «Три минуты молчания» // Вестник РУДН. 2012. № 4. С. 67–74. (Литературоведение. Журналистика.)

^{**} Скарлыгина Е. Творчество Георгия Владимова на родине и в эмиграции // Лингвистическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2015. № 20. С. 139–142.

* * *

Писать о романе «Три минуты молчания» было очень трудно. Жизнь из него *«так прет»*, что я, как и сам Владимир, никак не могла *«уложить текст на страницу»*. Каждое слово, наполнение каждой фразы этого произведения столь весомо и поразительно, что самым трудным было решение отбора материала.

Я испытала и продолжаю испытывать глубокое сожаление, что, не перечитав «Три минуты молчания» в период нашего частого общения, я больше не могу сказать Георгию Николаевичу, какой прекрасный роман он написал.

Глава тринадцатая

«Шестой солдат»

Мы стоим за дело мира,
Мы готовимся к войне!

Александр Галич.

Рассказ, который я услышал
в привокзальном шалмане

Следом за написанием морской эпопеи Владимов обратился к драматургии. Первым опытом в театре была постановка пьесы «На дороге Пронякин» по повести «Большая руда»:

Взялся ее поставить Театр Советской Армии. Драматический вариант написала и поставила Маргарита Микаэлян (жена режиссера Сергея Микаэляна). Пьеса вышла малоудачной, шла недолго, всего девятнадцать постановок, и на те-то солдат пригоняли. Из моих книг не получают ни экранизации, ни театральные постановки. Вещь, отлитая в определенную форму, не поддается переливке в другую (ГВ).

Несмотря на неудачу, театр считал Владимова «своим автором». Ему было предложено участвовать в конкурсе на лучшую пьесу о подводниках или ракетчиках. Владимова заинтересовала тема ракетчиков, и возникла идея поехать на какой-нибудь полигон межконтинентальных ракет, чтобы набраться реального опыта и посмотреть, как происхо-

дят испытания. Удалось даже получить «допуск на запуск», но «друзья-коллеги» объяснили, что после этого можно и не мечтать о поездках за границу. Владимов отказался под предлогом, что будет писать языком метафорическим и вводить реалии из жизни ракетчиков в пьесу все равно нельзя. Он работал быстро и с большим вдохновением: *«Мне всегда очень хотелось написать пьесу. Но как-то раньше у меня не получалось. А эта написалась легко. История про живые и мертвые души, от Гоголя в России никуда не денешься»* (ГВ).

Пьеса была закончена в 1970 году, и автор представил ее в театр. На чтении присутствовали режиссеры Леонид Хейфец и Андрей Попов, которым она очень понравилась. Актеры много смеялись и явно радовались, что «Шестой солдат» пойдет у них на сцене.

Приступили с энтузиазмом, но репетиции очень скоро были остановлены, так как вмешалась цензура — Главное политическое управление армии и флота объявило пьесу «*нацифистской*». Театр пробовал «*пробить*» постановку через министра обороны, но маршал А.А. Гречко пьесу читать отказался, так как, по его компетентному мнению, «*даже подзрения в нацифизме на сцене Театра Советской армии возникать не должно*». Хотя Владимов слегка переработал текст, «*клеймо нацифизма было не отмывать*», и постановка не состоялась.

Позднее Владимов посвятил пьесу «Шестой солдат» А.Д. Сахарову и передал через Е.Г. Боннэр опальному академику в горьковскую ссылку. Сахаров прислал благодарность в стихах: «*Там было про Афину Палладу, милое стихотворение, сахаровское*». Письмо изъяли у Владимова при обыске, и больше не отдали, «*затеряли*».

В 1981 году пьеса «Шестой солдат» была впервые опубликована в журнале «Грани»*. Она состоит из двух действий, восьми актов и эпилога. Кроме основных персонажей, на сцене действуют жители Олимпа, Афина Палла-

* Владимов Г. Шестой солдат // Грани. 1981. № 121. С. 5–106.

да — богиня справедливой войны и ее брат Арес — кровавый, вероломный и трусливый бог войны.

Я понял, что существование ракет, их функции и возможные последствия выходят за сферы нормального земного человеческого быта и общения. Поэтому мне показалось, что нужно ввести в сюжет божества вроде Марса и Афины Паллады (ГВ).

XX век изменил многое в ведении войн, и Владимов, воспитанник военного училища, сознавал это очень остро: *«Всегда у военных было понятие воинской чести, даже в войнах, особенно в войнах. А в последнем всемирном кровавом потопе схлестнулись два преступника, Гитлер и Сталин»* (ГВ).

В документальном фильме «Pearl Harbor Declassified»^{*} показано несколько интервью с японскими пилотами, которые, рассказав о возбужденной радости от успеха совершенной операции — бомбежки Перл-Харбор, говорят о своей реакции ужаса, когда они узнали, что налет был совершен без объявления войны: «Мы были обесчещены!» Все считали, что «так нельзя поступать — войну следует вести честно, по правилам!». Но обе колоссальные мировые боины начались без объявления войны.

В отсутствие того, что японские пилоты называли «правилами», то есть соблюдения военных конвенций, появление и развитие ракет, снабженных атомными боеголовками, означало иную концепцию войны. Возможность огромных разрушений, совершаемых в очень короткий временной интервал, была устрашающей и иррациональной из-за неясности цепи командования, принимающего решения. Идея «кнопки», которую может нажать один человек, вызвав уничтожение миллионов,

^{*} Nelson C. Pearl Harbour Declassified // History Channel / Military History. Creative Differences. UK. 2012.

царила и в Советском Союзе, и за его пределами. Наиболее яркий пример в западном искусстве того времени — замечательный фильм Стэнли Кубрика «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу»*. В британском сатирическом сериале 1986–1987 годов «Yes, Prime Minister» премьер-министр Великобритании посещает со своим секретарем военное министерство, где главнокомандующий объясняет ему, как, нажав кнопку, глава государства может начать атомную войну. Тот теряется: «Что, просто нажать кнопку?!» — и получает уверенный, радостно-бодрящий ответ: «Просто нажать!» Премьер-министр в растерянности и ужасе от свалившейся на него ответственности обращается к своему секретарю:

— А если я напьюсь?

— Вам лучше не напиваться.

— Но если я чокнусь?!

— Кабинет министров может заметить...

— А вдруг я перепутаю кнопки?

Его с веселым смехом успокаивает главнокомандующий:

— Это не имеет значения. Никто никогда не узнает, не так ли?***

Страх роковой человеческой ошибки отражается и в советском популярном анекдоте, который Владимов включил в текст пьесы:

— Иванов, ты чо там?

— Да почесался.

— Почесался, а Бельгия куда делась? (1/391)

* *Kubrick S. Dr. Strangelove, or How I Learned to Stop Worrying and Love the Bomb. Hawk Films production, 1964.*

** *Lotterby S., Whitmore P. Yes, Prime-Minister. BBC 2. 1986–1987. Ep. 1.*

В 1962 году Карибский кризис — противостояние СССР и США, едва не приведшее к атомному столкновению, — усилил ощущение вероятности внезапной катастрофы. В.Я. Лакшин писал: «Живешь сотнями забот дня, думаешь о тысяче дел, мелочей, а на дне сознания шевелится: может быть, все это только *до завтра*. Возвышает ли такое *memento mori*? Все дела, помыслы, заботы, имеют ненадежный, призрачный фон, зыбкий, колеблющийся. Все готово оборваться в бездну. Даже радоваться нельзя вовсю, без оглядки, без отравляющей мысли: и это мигуно, случайно, пир во время чумы. Часто просыпаюсь от ставшего привычным кошмара начавшейся атомной бомбежки: воя, взрыва и вселенской черноты»*.

Дети в школах полупешпотом передавали друг другу разговоры родителей, нагнетая и сгущая краски. «Кнопка» фигурировала во всех рассказах. Все боялись за отцов, которые вот-вот «уйдут на фронт». О каком именно фронте может идти речь в атомной войне, мы не задумывались. В июле 1967 года В.Я. Лакшин записал в своем дневнике: «...на радио пришло распоряжение: “Хватит пускать слюни о мире. Воспевайте героиню войны”»**.

В такой атмосфере Владимов писал пьесу «Шестой солдат» — о мире и войне. В земной истории любви, предательства, прощения, постижения и надежды — где разглядела советская цензура подрывной «пацифизм»?

МИР В ГОРОДЕ ЭНСКЕ

За более чем век до написания пьесы «Шестой солдат» в вымышленный Н.В. Гоголем уездный город N въехала бричка. Появление сидевшего в ней господина, которого

* Лакшин В. «Новый мир» во времена Хрущева. С. 69–70.

** Там же. С. 70.

в конце «поэмы» мчит к неведомым пространствам птица-тройка, неожиданно привело в движение полусонных обитателей российской провинции.

Действие владимовской пьесы начинается с того, что в город Энск, похожий на любой другой в советской глубинке, приехал на поезде («стальная конница» победила «живых коней») Солдат ракетных войск — «красивый, но в очках». Его появление также дает толчок для целой цепи событий. Вокзал — символ преходящего и одновременно предопределенной цикличности жизни — одно из главных мест действия в пьесе. Люди, которых Солдат видит на вокзале, — очень узнаваемая Россия 1960-х. Крестьянин, едущий «из России в Россию» после трех лет тюрьмы и лагеря:

Да я ж говорю — не уберегся. А на горячем месте сидел — в совхозе материально ответственным лицом. По-русски сказать — кладовщик. Вина-то моя еще раньше была — как меня на это место сагитировали, а я согласие дал. Ну, дак, по моим годам возвышения хочется, не все ж навоз вывозить. Тут я его и увидел, возвышение! Мне уж потом следователь всю картинку нарисовал... Хороший он, грамотный человек. Вишь, говорит, как они тебя заморочили. В солидарность вовлекли, да тем и запугали, а сами-то из этой солидарности как-то выпали (1/441).

Во времена вегетарианские, отголосок которых еще прозвучал в «Золотом теленке» в образе Фунта, существовала «честная профессия» — зиц-председатель, профессиональное подставное лицо. Такие «фунты» нанимались специально, чтобы пойти под суд и отсидеть в тюрьме, если жульнические махинации фирмы разоблачат. Фунтам платили зарплату, пока они были на воле, и двойной оклад «за вредность» во время тюремного

пребывания. Но «джентльменское соглашение» мошенников перестало существовать во «времена зрелого социализма». Советская милиция прекрасно понимала, что сажает «подставленных», а не настоящих виновных, но так было проще и быстрее «закрыть дело»*. И вот теперь такой отсидевший «преступник» не первые сутки спит на вокзале, отдыхая от жизни и не торопясь вернуться в мышиную возню родной деревни, где его явно никто и ничего хорошего не ждет: «Так это... куда оно — торопиться? Все одно ж я далее не поеду, а в Мышакове так и так буду» (1/374).

Тут же обитают граждане обычных привокзальных профессий. Продащица мороженого, женщина, как любили говорить в СССР, «с мечтой» о «торговой точке» на пляже: «Ящик раскидала — и загорай» (1/374). Табачник, торгующий лотерейными билетами: «Ваше счастье стоит 30 копеек», — все соседи которого выигрывают, кто машину «Волга», кто пианино — вечные легенды о неожиданном счастье, урванном куске благополучия, которое средний советский человек не мог заработать честным трудом (1/373). Инвалид с костылем, продающий книги и восполняющий трудность жизнь в стране, немилосердной к инвалидам, воспеванием героики и сказочного профессионализма органов госбезопасности: «Капитан Елочкин разоблачает матерого агента. Всего за 15 копеек» (1/374). И наконец, цыганка, вещунья, провидица, понимающая толк в жизни и людях: «...Мне бы сразу характер клиента распознать, а что с ним в нашем городе может случиться, то уж наперед известно» (1/379).

Приезжает влюбленный Солдат, чтобы увидеть красавицу Анджелу. Цыганка сразу предупреждает, что он ви-

* Сюжет встречается, например, в повести Валентина Распутина «Деньги для Марии» (1976).

дит девушку не такой, как она есть. Она не блондинка, за которую себя выдает: «Свой волос у ней темный», — речь явно идет не только о цвете волос (1/377). Но солдат не обращает внимания — много было «крашенных» в той стране.

Первая сцена, в которой мы видим Солдатского ангела и ее темноволосую подругу Надежду, — примерка свадебного платья готовящейся к свадьбе Анджелы. Но песня, которую поют при этом девушки, раскрывает многое в безрадостной судьбе невесты:

Узнай же ты, что в нашем тихом крае
Жизнь не стоит, она идет вперед,
Что без тебя известный Колька-фраер
Мне вот уж год проходу не дает.
<...>
А за окном кудрявую рябину
Отец срубил по пьянке на дрова-а (1/380).

Существуют два варианта этой песни из блатного репертуара: письмо матери и письмо жены. Владимир использует вариант «письма жены»*. В нем звучит тоскливое женское обращение к любимому, находящемуся далеко в заключении. В словах про Кольку-фраера чувствуется чуть мстительная обида на мужа-уголовника, который не мог или не захотел построить нормальную жизнь и защитить ее от таких посягательств. Красавица Анджела тоже выходит замуж за «фраера» — от безнадежности и чтобы устроить обеспеченную старость своего беспомощного пьяницы-отца. Ее жизнь и пошла бы «на дрова» в замужестве с нелюбимым (и нехорошим),

* Вариант «письма матери» звучит в фильме Виктора Соколова по сценарию Леонида Зорина «Друзья и годы» (1966).

но обеспеченным и в той стране — жизнеспособным человеком. В песне звучит глубокая тоска, которая прорывается у невесты тем же вечером в разговоре с отцом: «Господи, уеду я на край земли, расплжусь со всеми!» (1/395)

В день перед ее свадьбой Солдат наконец решается на знакомство. Начав отношения в шутку, девушка не может устоять против его искренности и глубокого чувства. Препятствие к счастью — жених Жека, директор артели инвалидов. Его очень трезво оценивает вечно пьяный отец Анджелы: «Костюмчик на тебе дорогой, а под костюмчиком — туфты восемьдесят шесть кило» (1/388). Генеалогия этого жениха восходит к двум литературным персонажам. Первый — Альхен, ворующий взяточник, завхоз богадельни старух в «Двенадцати стульях» Ильфа и Петрова. Жека также бесстыдно наживаетея на инвалидах и подкупает отца Анджелы благоустройством дома и выпивкой. Второй персонаж — преуспевающий капиталист Петр Петрович Лужин из «Преступления и наказания»: «Он знал, женщинами можно “весьма и весьма” много выиграть. Обаяние прелестной, добродетельной и образованной женщины могло удивительно скрасить его дорогу, привлечь к нему, создать ореол...»^{*} Мотивы женитьбы Жеки вполне сходны с лужинскими, что он с гордостью объясняет Солдату: «Из нее еще такую аристократочку можно слепить!» (1/309) Казалось бы, зачем этому жлобу из провинциального Энска «аристократочка»? Но Жека Кондаков не собираетсея всю жизнь «руководить» инвалидами. Он хочет свое место в рядах привилегированной советской номенклатуры. И станет одним из необразованных честолюбивых функционеров, знающих свою цель и уве-

^{*} Достоевский Ф. Преступление и наказание // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1986. Т. 6. С. 235.

ренных в ее исполнении: «...в Париже консулом буду, в Рио-де-Жанейре — послом», — и бог Арес подтверждает: «Будет...» (1/499)

Сцена в доме Анджелы, где сходятся все основные действующие лица, — одна из ключевых в пьесе. Она начинается безнадежной попыткой Солдата достучаться до души и совести жениха:

...не любит она его. Это я точно знаю... Я у нее появился слишком поздно. Так вот... если с ним поговорить по-человечески... он тут — лишний. Рано или поздно она убежит от него, ему же тогда будет тяжелее. А у этих двоих тоже все будет испорчено, весь праздник. Зачем ему брать чужое? (1/393)

Но Жека уступать «свое» вовсе не намерен, и завязывается драка, которую останавливает патруль.

Состав патруля очень любопытен. Во-первых, капитан — его начальник, нелепый, разумный и справедливо «сполняющий» свои обязанности. Это персонаж из биографии Владимова — гроза Ленинградского суворовского училища капитан Григорьев, деливший курсантов на две группы: тех, которые «сполняли», и тех, которые «нарушали». О его русском языке Владимов всегда вспоминал с улыбкой: «Один из моих первых учителей изящной словесности, он делом доказывал, что наша речь вполне могла бы обходиться без многих излишеств, не переставая быть понятной, — разве непонятно одесское “керосина нет и неизвестно”?»*

Второй участник патруля — матрос Абордажный, цитирующий «Сашу Блока» и сошедший со страниц поэмы «Двенадцать»: он держит «революционный шаг» и зна-

* Владимов Г. Долог путь до Типперэри. С. 21.

ет, что «неугомонный не дремлет враг». Покой ему «только снится», так как он его совсем не хочет (1/379). Третий патрульный — пограничник, посреди России охраняющий рубежи России. Советский номенклатурный треугольник: руководитель, идеолог и практик фиктивной деятельности.

Приведя Жеку с фингалом и Солдата с разорванным рукавом в дом невесты, Капитан пытается разобраться в ситуации, грозящей неприятностями Солдату. Анджела, сердясь, что он поставил под угрозу ее замужество, отказывается от него: «Я его полчаса-то и видела» (1/398). И тут случается предсказанная цыганкой на вокзале «неожиданность»: темноволосая (некрашенная), «светлая лицом» Надежда, объявляет, что она — возлюбленная Солдата. И выдумывает сотканную из сентиментальных клише историю их «романа», для убедительности подкрепляя свое душещипательное повествование цитатами из песни «Девичье сердце»:

...Говорят, что натерпится муки
Та, что станет твоею женой.
Как же сердце отдать в твои руки,
Сбережешь ли подарок такой?*

«Не надо Евтушенко», — перебивает девушку Капитан (1/399–400). Владимов, признающий талант, но крайне иронически относившийся к честолюбию и гражданским зигзагам коллеги, не мог удержаться от сарказма. По его словам, «*театральные были в восторге*».

События следующего дня в пьесе идут плотной чередой. Анджела убегает со своей чудовищной свадьбы, где на мотив лирической песни:

* Текст песни М. Сагаипова, музыка Ю. Зацарного.

Белым снегом, белым снегом
Ночь метельная ту стезю замела,
По которой, по которой
Я с тобой, родимый, рядышком прошла*, —

пьяные гости распевают:

Белым хреном, белым хреном,
Белым хреном поросенка поливай.
Поросенок с белым хреном
Очень даже имитирует рай! (1/424)

Она навсегда прощается с Солдатом — ее предательство разлучило их в земной жизни. Надежда тоже расстанется с Солдатом: он любит другую — не судьба. Обозленный Жека грозит тюрьмой, фактически — смертью отцу Анджели. Одиноким Солдат ждет поезда, чтобы навсегда уехать на свою гибельную службу. В конце двух описанных дней мирной жизни в городе Энске все действующие лица безнадежно несчастливы, как будто почва выбита у каждого из-под ног.

Но три одиноких и обездоленных человека: Солдат, потерявший любовь, Крестьянин, утративший землю, и станционный Дежурный, однажды преодолевший страх (1/444), — обретают свою родину. Три живых души, они находят друг друга на вокзале, чтобы не спеша, серьезно и глубоко побеседовать за бутылкой водки. Она и оказалась их Русью — «птицей-тройкой», приземлившейся в городе Энске.

* Текст песни Г. Варшавского, музыка Е. Родыгина.

ЭНСКИЕ ВОЙНЫ

В «Шестом солдате» три хронотопа войны: тайная, атомная и вечная.

Тайную войну ведет гений контрразведки — великий капитан Елочкин, вызывающий восхищение торгующего инвалида:

Где он пройдет, там трем Штирлицам делать нечего... В могиле у их тайник был и рация, а крест — вместо антенны... Старушка одна, во время ихнего сеанса, матушку пришла проведать, так как увидела это дело — враз к матушке и отошла. Что ты! Контрразведка с ног сбилась. И если б не Елочкин! (1/376)

Капитан патруля, с интересом выслушав Жекину дребедень про «суровое время» и Агента 007, демонстрирует, что, несмотря на своеобразие своего русского языка, он прекрасно мог бы сочинять истории о легендарном Елочкине:

Вот вы говорите — позвоним в часть. Спросим: «Люди в вас есть в увольнении?» А что нам с вами ответят? «Рядовой Петров в увольнении». — «А приметы в него какие, в вашего Петрова?» — «Обыкновенный, в очках». Так с этого мне толку мало. А посмотрим на это не через очки, а как это может быть. Получает Петров увольнительную. Садится он с ней в поезд, веселый и потому небдительный. Выходит, предположим, в тамбур покурить. А тут вы его — по голове. И — с насыпи. Надеваете его обмундирование, вещи его берете, очки. И начинаете проникать везде. Что вы так, голову в плечи? Мне тоже его жалко, Петрова. Хотя он проявил небдительность... Папаша тут сидел, тормоза проверяет. Вот вы его завербовали — он их не проверил. Буксы горят, пробка, вся магистраль стратегическая пара-

лизована. Или — пошивочный комбинат. Очень удобно. Любую форму можно сшить для ваших агентов. Танкиста, артиллериста, связиста. Погон нацепил — и майор (1/402).

Насладившись своим творчеством, служака трезво «сполняет», проявляя при этом не только здравый смысл, но и заботливость:

Капитан. Ну, так. Прошу сюда. Сутки вы мне отсидите. Солдат. Не понял, товарищ капитан. Наш человек или не наш?

Капитан. Драку я вчинил или вы вчинили? Какая причина была, что вы дрались?

Солдат. Причина уже отпала.

Капитан. Но фингал у гражданина штатского — не отпал? Так что — сутки...

Пограничник. Думаете, промашка, товарищ капитан? А вдруг нет?

Капитан. Это все мечты, Евсюков. Посидеть он посидит, конечно, тем более — где ж ему спать?.. (1/403)

Выйдя с гауптвахты, Солдат является на свадьбу и пользуется мифологией Елочкина, чтобы отомстить Жеке, возведя его в ранг агента ЦРУ. Он особенно налегает на финансовый аспект, зная, что при нищете советского населения валюта покажется гостям неотразимым соблазном:

Солдат. Он вам не говорил, сколько мы ему платим, поросенку этакому? Это-то он скрывает. Пятьсот фунтов чистоганом.

Витюшка. В месяц?

Солдат. В неделю! И столько же премиальных ему набежало. В золотых рублях — две тысячи.

Тамара. Слушай, а сертификатами? Сертификатами сколько? (1/431)

Шпионский бред «за 15 копеек» и «500 фунтов чисто-ганом» прекращается мгновенно, когда Солдат видит свою любовь — Анджелу.

Интересно, что некоторые мотивы сюжета о Елочкине прямо перекликаются с песней Владимира Высоцкого «Пародия на плохой детектив». В рассказе о Елочкине фигурирует шпион белоэмигрант Ситников, он же Бен Джексон, он же Макс Нидермайер — перекличка с двойным именем «мистер Джон Ланкастер Пек» у Высоцкого. Лазурное побережье, вилла, два «мерседеса», которые сулит «шпионам» Солдат, напоминают «дом в Чикаго», вино и женщин в песне Высоцкого. Метаморфоза места — могила, оказавшаяся центром шпионской связи, всплывает у Высоцкого в ряде превращений:

Клуб на улице Нагорной —
стал общественной уборной,
Наш родной Центральный рынок — стал похож
на грязный склад,
Искаженный микропленкой,
ГУМ — стал маленькой избенкой.
И уж вспомнить неприлично, чем предстал театр
МХАТ.

Не исключено, что Высоцкий читал пьесу у кого-нибудь из приятелей-актеров или слышал цитаты из нее. Но, скорее всего, штампы шпиономании, которыми оперировали оба художника, так густо висели в советском воздухе, что они пользовались ими независимо друг от друга.

Атомный фронт — таинственная область, где расположены ракетные войска и связанная с ними угроза всемирного разрушения. Не только солдат, но и офицер, дающий команду к атомному взрыву, носит очки. Об этих очках у Солдата в конце происходит короткий диалог с Крестьянином:

К р е с т ь я н и н. Убить... Ну, а ты людей-то, через свои очки, видишь?

С о л д а т. Иногда — нет. Сплошное серое что-то...

К р е с т ь я н и н. Вот они какие — разбираться будут...

Молодой еще, а — злопамятный!..

С о л д а т. Если наш мир все-таки не погибнет — его спасут злопамятные люди. Которые не прощают зла... (1/422)

Игорь Золотусский интерпретировал эти слова, как «память писателя»*, но можно расширить это толкование. «Злопамятность» — правдивая, народная и интеллектуальная память о живой, реальной истории страны. С этой памятью, защищающей народ от повторения былых бед и несчастий, как считал Владимов, в России особенно неблагоприятно.

В пьесе атомная война иррациональна и страшна не из-за самого разрушительного арсенала, но из-за людей, управляющих этим оружием. На гауптвахте Солдат видит фантастический сон о начале атомной войны, являющийся фарсовым отражением Карибского кризиса. В этом сне, когда угроза войны, казалось бы, миновала, на пульт управления врывается будущий функционер Жека, орущий: «От души нажму!.. Врежем, чтоб неповадно...» (413) Учитывая «жек», сидевших на кремлевском Олимпе, единственная надежда на выживание обрисована Владимовым с глубоким сарказмом:

К а п и т а н. Я вам скажу — в такое время мы живем, что и никаких мифов не надо. Вот представьте, — вы там у кнопки сидите, — явится какой-нибудь псих. Ударит ему, что он, понимаете, Юлий Цезарь.

С о л д а т. Двое, товарищ капитан.

* Золотусский И. На пути ко всей правде // Звезда. 1999. № 2. С. 200.

Капитан. Как вы сказали?

Солдат. Нужны как минимум два психа. Притом они должны работать на параллельных пультах, далеко друг от друга, и производить строго согласованные действия. Без этого — старт не состоится. Ну, сами понимаете, два Цезаря никогда не сталкиваются.

Капитан. Это вы меня сильно обрадовали, арестованный. Подумать, на чем Земля держится! (1/403–404)

Легко представить себе удовольствие военного цензора, читавшего это строки.

Вечная война богов. Солдат видит во сне сошедших к нему с Олимпа в камеру гауптвахты светлооковую Афину Палладу, богиню справедливой войны, и ее брата, бога войны Ареса — труса, готового в любое время завязать небольшую драчку и мировую бойню. Божественная Афина остается на мифологической высоте, тогда как образ Ареса очень реалистичен: он говорит иногда языком капитана Григорьева, но чаще — Жеки, сходство с которым легко заметить. Олимпийские боги описаны как свора склочников, удивительно напоминающих советскую номенклатуру. Когда Солдат хочет купить книгу «Мифы Древней Греции», продавец-инвалид очень толково объясняет суть древней мифологии, и его слова звучат явной аллегорией зазвездного Кремля:

Инвалид. Читал я эти байки. Нет, стиль, конечно, художественный, все ж таки древние писали, а вот содержание — спорное. Про что повествование? Из жизни богов, так? Но какие ж это боги, ты меня извини! Громилы первый сорт, сволочь на сволочи сидит, всю дорогу один другому козьи строят. Хуже людей!

Солдат. Но похоже, правда? (1/376)

В эпилоге пьесы Афина и Арес подходят на безымянной высоте к обелиску пехотинца Павла Чурилкина, подорвавшегося на гранате, которой он хотел уничтожить вражеский танк. Арес, погубивший его, оправдывается тем, что уделил солдату частичку своего бессмертия. Но для человеческой судьбы такое бессмертие не дар, а трагедия. В романе Валентина Распутина «Живи и помни» Надька, молодая вдова с тремя маленькими детьми, убивавшаяся о своем на войне погибшем любимом муже, говорит: «...Не мог мой паразит в живых остаться... Не правда, что ли? Наклепал ребятишек и... смертью храбрых. А что я теперь с его смертью храбрых делать буду? Их, что ли, кормить?» — Надька кивнула в сторону дома, где оставались трое ее ребятишек, и заплакала, размазывая слезы по пыльному лицу»*.

К обелиску Чурилкина приносит цветы Солдатский ангел — Анджела. И Афина Паллада обещает впредь защищать «свою сестру» (1/454) от безобразий вояки-брата. Потому что каждый клочок этой земли уже полит кровью. Может быть, в этом и состоял пресловутый «пацифизм» драматурга. Добротой авторского пера в эпилоге пьесы вечный Солдат и его ангел Анджела соединяются друг с другом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Шестой солдат» — пьеса, написанная в традиции, близкой вахтанговскому фантастическому реализму. Живые реалистические характеры — Солдата, Крестьянина, Надежды и других действующих лиц сочетаются с явно марionеточными персонажами — тамадой, адъютантами Жеки с криминальным душком, Венюшкой и Витюшкой, патрульными. Повседневность смешивается со сном, мистическое и гротескное — с бытовым и приземленным.

* Распутин В. Живи и помни. М.: Известия, 1977. С. 226–227.

Появление олимпийских богов выводит повествование из реального в мифологическое пространство.

Написав «Шестого солдата», Владимов не исполнил идеологического заказа и не воспел «героику войны». Но точностью наблюдений и деталей, блеском игры смешанных лексических регистров, элементами фантазмагии и клоунады он создал реалистическую и очень грустную картину жизни в советском городе Энске. Он написал искрящийся остроумием, веселый и трогательно-печальный текст об атомной сверхдержаве, готовой разрушить весь мир, и о живущих в ней несчастных людях, единственное душевное прибежище которых — бутылка водки на троих.

Слова капитана патруля «на чем земля держится» (1/404) — перифраза песни Булата Окуджавы «Молитва»: «Пока земля еще вертится». Владимов очень хотел, чтобы в финале этой смешной и грустной театральной постановки звучали слова песни, как мольба о милости.

Но ему сразу и категорически объяснили, что на сцене Театра Советской Армии «никаких молитв» звучать не может, и не надо *«дразнить цензуру»*. Спорить было бесполезно.

В силу разных обстоятельств эта блестящая пьеса — самое малоизвестное из произведений Владимова. Но непреходящая современность ее не вызывает сомнений, и остается только ждать режиссера, который обогатит российскую сцену, поставив ее в театре.

* * *

В 1972 году Г.Н. Владимов подал в суд на Политическое управление армии и флота, запретившее постановку пьесы. Он требовал выплаты неустойки. Владимов выиграл этот процесс, и ему была выплачена компенсация в размере 200 рублей, но, как он сказал, *«дело было не в деньгах, а в безнаказанности, в которой они были уверены. Я не хотел доставить им это удовлетворение»*.

Глава четырнадцатая

Цирк в цирке, или Спекулянтка Домбровская

Уносите, дети, ноги,
Не ходите, дети, в лес!
В том лесу живет в берлоге
Лютый зверь — Обехаэс*!..

Александр Галич.
Маленькая поэма

В 1967 году на деньги, заработанные в Северном Ледовитом океане, и аванс за роман «Три минуты молчания» Владимов приобрел «запорожец», самую маленькую и дешевую из советских марок машин, которую в народе называли «драндулетом для инвалидов»: инвалиды войны — Герои Советского Союза имели право на приобретение «запорожца» вне очереди. Владимов чрезвычайно наслаждался вождением, закупил инструменты, сам чинил свое сокровище, проводя под ним часы, и охотно отзывался на просьбы знакомых и друзей, нуждающихся в транспорте.

Но в 1972-м из-за этой машины случилась история, которая могла произойти только в Советском Союзе. Георгий Николаевич рассказывал мне о ней очень подробно

* ОБХСС — Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности, существовавший в разных ипостасях в 1932–2011 годы, когда его сменил Отдел по борьбе с экономическими преступлениями.

во время одной из наших длинных прогулок. Некоторые материалы оказались в РГАЛИ*. Она касалась, в первую очередь, тещи писателя Елены Юльевны Домбровской, на чье имя был записан владимовский «запорожец». В происходившем принимал также активное участие писатель Владимир Дмитриевич Дудинцев. Отношения его с Владимовым со времени издания романа «Не хлебом единым» оставались очень теплыми. Дудинцев, бывая иногда у них дома, всегда заходил сначала к Елене Юльевне, жившей на первом этаже, «*выразить свое почтение*». Ее верность погубленному безжалостной травлей мужу трогала и восхищала писателя.

Владимов относился к Елене Юльевне с глубокой преданностью и уважением. Елена Юльевна беспредельно любила единственную дочь и перенесла свое обожание на восхищавшего ее «Жорика», к которому она относилась, как к собственному сыну. Зная Наташину неисправимую непрактичность и беспомощность в повседневной жизни, энергичная Елена Юльевна полностью взяла на себя заботу об их быте, помогая физически, материально и душевно во все самые трудные времена. В молодости Елена Юльевна часто бывала за границей, где она занималась закупкой диких зверей, слонов, львов и тигров для советского цирка. Но после самоубийства мужа она не хотела оставлять надолго дочь и перешла на более бюрократическую работу в управление Госцирка, хотя и оставалась «*распорядительницей диких зверей*» или, как смешно называлась ее официальная должность в официальных документах, «работником художественно-производственного отдела главка в жанре дрессуры животных». Ее профессиональные знакомства были очень обширны, легкий

* Документы об этой истории: Владимов Георгий Николаевич // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 41. Д. 76. С. 58–79. Приводя далее цитаты из этих документов, я буду в скобках писать только номера страниц.

и приятный характер этой замечательно красивой женщины делал ее любимой и уважаемой всеми окружающими. Она была очень дружна с Ириной Бугримовой, известнейшей в то время укротительницей львов, народной артисткой СССР и звездой советского цирка.

В ноябре 1972 года Елена Юльевна внезапно была извещена, что должна представить «объяснительную записку» по поводу «незаконного приобретения» ею машины «запорожец» (67). Оказалось, что в ОБХСС и управление Союзгосцирка поступили анонимные письма, авторы которых остались неизвестны. Владимов и Дудинцев, юристы по образованию, составили «объяснительную записку», подробно аргументируя, что ничего незаконного совершено не было. Первый результат их совместного творчества в архивах не сохранился, хотя, возможно, существует в анналах Госцирка или ОБХСС.

1 декабря 1972 года Елена Юльевна была вызвана на заседание Центральной группы народного контроля Союзгосцирка. Повестка дня гласила: «О незаконном приобретении автомашины работником аппарата Союзгосцирка товарищем Е.Ю. Домбровской» (67). Мастерство писателей с некоторым даже удивлением было одобрено на заседании председателем народного контроля Л.И. Прожейко: «Как видите, объяснительная записка подробная и составленная, я бы сказал, умно и убедительно» (67). Но его это, разумеется, не удовлетворило. Протокол заседания этой комиссии — образец абсурда с удивительными формулировками, например, что в советском учреждении начальникам непозволительно «вступать в контакты с подчиненными». Несмотря на робкие возражения двух членов комиссии, что не нужно придавать значения анонимным письмам, никакого проступка совершено не было, комиссия вынесла решение: Елена Юльевна должна быть уволена, так как она «не только использовала дружественные отношения с артисткой Бугримовой,

но использовала служебное положение и нанесла моральный ущерб работникам аппарата Госцирка» (70). Никакого смысла, не говоря уже о здравом, найти в этом заседании, протоколе и его заключении совершенно невозможно.

Владимов с Дудинцевым опять уселись за письменный стол. Я приведу их совместное письмо с ясным и последовательным изложением сути событий, из-за которых разгорелся скандал:

Председателю народного контроля тов. Воронову Г.И.
Копия: министру культуры Фурцевой Е.А.

Уважаемый Геннадий Иванович,

Прошу извинить, что обстоятельства вынуждают беспокоить Вас.

В 1967-м году актриса цирка Бугримова Ирина Николаевна, народная артистка СССР, приобрела для меня и на мои деньги в г. Запорожье, где она тогда гастролировала, автомобиль «Запорожец» новой модели, только что запущенной в серию. Завод «Коммунар» продал ей машину с ведома и разрешения Запорожского исполкома по установленной государственной цене. Поскольку свободная перепродажа машин не была в то время разрешена, я пользовался машиной по доверенности Бугримовой, а в 1969 году, когда ей самой подошла очередь получать «Волгу», она, не желая, чтобы за ней числились две машины (хотя это законом не запрещено) оформила акт дарения на имя Е.Ю. Домбровской (Кузнецовой), работника Союзгосцирка, матери моей жены. В нотариальную контору Кисловодска, где оформлялась дарственная, я не мог прибыть, так как находился в длительной командировке, и к тому же, мне было безразлично, на кого из членов моей семьи будет записана машина. В настоящее время я езжу по доверенности Домбровской, и это удобно нам обоим, так как при случае ее мо-

жет подвезти любой, имеющий водительские права. Такова суть дела, подтверждаемая всеми надлежащими документами.

Пять лет спустя по анонимному заявлению, поступившему в ОБХСС, председатель народного контроля Л.И. Прожейко возбудил дело о спекуляции машинами и нарушении профессиональной этики в отношениях И.Н. Бугримовой и Е.Ю. Домбровской, с прозрачными подозрениями на взятку. Надо сказать, что Домбровскую, вдову заслуженного деятеля искусств РСФСР Е.М. Кузнецова, теоретика и практического создателя советского цирка и народную артистку СССР Бугримову связывает более чем тридцатилетняя дружба, а как раз по службе они не зависят друг от друга ни в малейшей степени. Не говоря уже о том, что помощь в приобретении автомобиля вообще к служебным делам не относится и не входит поэтому в компетенцию народного контроля данного учреждения. Тем не менее Л.И. Прожейко взял на себя смелость учинить дотошное разбирательство, притом без соблюдения элементарной предосторожности и такта. Грязные слухи о «спекулянтке» и «взяткодательнице» Бугримовой распространялись по Совгосцирку в то время, когда она находилась на гастролях советского цирка в Японии; только чудом это не сделалось достоянием зарубежной прессы. Е.Ю. Домбровской он без обиняков предложил уйти на пенсию, тогда-де он прикроет дело, а иначе передаст в суд. Для моего сведения он сообщил, что машина находится у меня незаконно и должна быть «конфискована в доход государства».

1-го декабря с. г. состоялось заседание народного контроля под председательством Л.И. Прожейко, разрешившееся ниже следующим постановлением:

1. поставить вопрос перед руководством Союзгосцирка о недопустимости работы Е.Ю. Домбровской в центральном аппарате главка.

2. предложить нотариальной конторе г. Кисловодска расторгнуть сделку, как нарушающую постановление Совета Министров СССР от 1962 г. о разрешении дарить автомобили только близким родственникам (давно отменное. Г. В.).

3. настоящее довести до сведения всех постов народного контроля во всех цирках страны.

Весьма прискорбно, что высокие функции народного контроля выпадают человеку, столь неграмотному юридически, как Л.И. Прожейко (сомнительно вообще наличие у него какого-либо образования), не обладающему к тому же ни опытом, ни здравым смыслом, способному лишь дискредитировать возложенную на него миссию. Не найдя себе достойного применения, он порочит людей достаточно заслуженных, немало на своем веку сделавших для советской культуры и искусства, угрожает им, шантажирует, попросту треплет нервы и отрывает от дела, а ведь люди эти, надо учесть, пожилые и весьма занятые.

Поскольку дело касается моей семьи и поскольку приплетено и мое имя — ничем себя не опорочившего советского писателя — я и обращаюсь к Вам с просьбой — вмешаться и урезонить не в меру ретивого контролера. Ни наши имена, ни наша работа, ни, наконец, совершенная нами операция, едва ли содержащая какой бы то ни было криминал, не дают повода для такого преследования и травли, для всей этой недостойной интриги.

Г.Н. Владимов

Писатель, член Союза Писателей СССР

5 декабря 1972 года (65–66)

Мысль, что из-за него — без вины виноватого — государственная машина обрушилась на двух женщин, при-

вела Владимова в состояние полного неистовства, воскресив в душе глубокую травму, связанную с преследованиями, арестом и судом над Марией Оскаровной. Но у него не было прежнего чувства беспомощности: он больше не был безвестным студентом с подбитым глазом, смотревшим морозной декабрьской ночью вслед машине, увозившей его мать в ГУЛАГ. Он был Георгий Владимов — известный писатель, тяжелым трудом в Арктике заработавший деньги на свой «запорожец». И он готов был яростно и до конца бороться за Елену Юльевну со всем бюрократическим репрессивным советским аппаратом.

Прожейко не унимался, и соавторы послали письмо в самые высокие инстанции, уже открыто используя имя и авторитет В.Д. Дудинцева (61–64). Я приведу отрывки из него:

23/IV—73 г.

Генеральному секретарю ЦК

Л.И. БРЕЖНЕВУ

Генеральному прокурору СССР

Р.А. РУДЕНКО

Председателю Комитета народного контроля СССР

Г.И. ВОРОНОВУ

Уважаемые товарищи,

Из прилагаемого письма, направленного мною 5-го декабря 1972 г. на имя тов. Воронова, Вам будет ясна суть дела, из-за которого я вынужден теперь беспокоить Вас. Преследование и травля, предпринятые народным контролером Союзгосцирка Л.И. Прожейко против артистки И.Н. Бугримовой и редактора художественно-производственного отдела Е.Ю. Домбровской, косвенно и против меня, — по существу узаконены, поддержаны тем обстоятельством, что мое письмо оставлено без внимания.

В Комитете народного контроля СССР оно не рассматривалось вообще, а было переадресовано в Московский городской комитет, где им занимался тов. В.Ф. Смирнов, пригласивший меня для беседы. На этот разговор я пришел не один, а с писателем В.Д. Дудинцевым, членом ревизионной комиссии Московской писательской организации, юристом по образованию, бывшим работником прокуратуры. Помимо своих познаний, он был необходим мне и как свидетель, так как я знаю обыкновение иных работников аппарата ограничиться устными высказываниями, не оставляя письменных следов. Наш разговор продолжался три часа, но мог бы продолжаться и трое суток, ибо тов. Смирнов принадлежит к людям, которые убеждены свято в непогрешимости своего учреждения и которых переубедить невозможно никакими аргументами. Он соглашался буквально с каждым пунктом в отдельности — что ни одна норма закона не нарушена «подследственными» и «подсудимыми»; что не пострадала ни одна государственная копейка; что незачем было народному контролю возбуждать «дело», после того как от него отмахнулся ОБХСС; что не те люди попались в сети блюстителям законности и морали и т. д., — но, едва ставился вопрос об общей оценке решения, он спохватывался и твердил одно: «А решение — правильное, мы его отменять не будем, они на это имели право». То есть, они имели право преследовать людей, когда их можно было и не преследовать; они имели право — четыре месяца вызывать их на допросы, угрожать, шантажировать, распространять слухи; они имели право опорочить их по всем городам, где только есть цирки, не считаясь ни с какими прежними заслугами. Что там заслуги! — тов. Смирнов не без гордости нам сообщил, что перед ним сам А.Н. Туполев покойный сживал «вот на этом стуле» с тремя начетами. К концу беседы он принялся нас успокаивать, что мы-де «придаем этому делу слишком

много значения», что он постарается, чтобы Домбровскую не увольняли, пусть спокойно работает. Наше требование — передать дело в суд, в прокуратуру, любому профессиональному юристу, — он отклонил: «Дело не судебное, а этическое»...

По телефону он мне сообщил, что мое письмо направлено им дальше, в комиссию района; ответит мне, по-видимому, парторг Союзгосцирка тов. Емельянов. Круг замкнулся, — как нередко он у нас замыкается, — ответить мне поручено тому, кто непосредственно и направляет всю деятельность Л.И. Прожейко. Впрочем, он и не ответил мне. И отвечать, по-видимому, не собирается. Зато отвечено Е.Ю. Домбровской — тем, что ее по-прежнему упорно выпроваживают, так как она «плохо себя вела», корят «некрасивой историей с машиной», — теперь уже ссылаясь на решение, утвержденное всеми инстанциями, «вплоть до товарища Воронова»...

В письме Владимов и Дудинцев указывали на фальсификации в деле Елены Юльевны:

На заседании группы народного контроля 1-го декабря случается конфуз: начальница Домбровской, Ю.М. Ларионова, характеризует ее как лучшего работника Союзгосцирка. Емельянов не скрывает досады: «Она нам испортила всю игру». Однако Прожейко его досаду рассеивает, работая над протоколом так усердно, что уже В.Ф. Смирнов свободно оперировал именем Ларионовой как отождествившейся с Домбровской отрицательно. Когда это сообщают Ларионовой, она требует немедленно предъявить ей протокол, Прожейко — отказывает на том основании, что эти документы — «партийные». Излюбленный их прием — ссылаться на документы, с которыми, однако, ознакомиться нельзя! И в то же время — нельзя передать дело в суд, в прокуратуру. Так органы партии, органы

народного контроля превращаются в органы внесудебной расправы.

Расспросив цирковых артистов, Владимов многое узнал о глубокой аморальности Л.И. Прожейко, возбудившего все дело. О его безответственности и подлости, которая привела к смерти молодого артиста цирка во время гастролей в Румынии. О том, как номенклатура подыскивала денежные должности «для своего», на каждой из которых он проявлял полную некомпетентность, но, несмотря на это, получал продвижения. О том, что у его жены каждый раз, когда он проваливал очередную работу, возникала раковая опухоль, чудом рассасывавшаяся, как только Прожейко устраивался на новом месте.

По сути дела, он и есть — достойный объект народного контроля, профан, ежемесячно извлекающий из кармана государства 175 рублей, не принадлежащих ему по праву. Но весь фокус, что он сам себе контроль, к тому же — председатель группы, а недавно введен и в члены парткома, где будет вести работу по обмену партийных документов...

Прямого ответа на это письмо не было. Но из Кремля прилетело указание «разобраться», хотя без разъяснений — как именно. Руководство Госцирка, которому никакого дела не было до злосчастного владимовского «запорожца», было крайне недовольно всей историей, совершенно не понимая, куда дует ветер, какое принять решение и *«как посмотрят верхи»*. На всякий случай все стали с Еленой Юльевой необыкновенно вежливы и предупредительны: *«Директор Госцирка самлично к 8 Марта преподнес большую коробку шоколадных конфет»*.

10 мая 1973 года на самого Владимова поступила жалоба в СП Москвы на имя В.Н. Ильина, секретаря правле-

ния по организационным вопросам. Автором его был секретарь парткома Госцирка Г.А. Емельянов: «В связи с неоднократными клеветническими заявлениями зятя Домбровской Е.Ю. писателя Г. Владимова в различные инстанции, партийный комитет 13 февраля 1973 года утвердил решение комиссии народного контроля Союзгосцирка и рекомендовал руководству решить вопрос освобождения от работы инспектора Домбровскую Е.Ю.

Партийный комитет возмущен клеветническими заявлениями Г. Владимова, доходящими до аполитичности оценками решений парткома и народного контроля Союзгосцирка, к которым он не имеет никакого отношения.

Просим принять соответствующие меры (78)».

Ильин, по словам Владимова, *«повел себя очень прилично, никаких мер не принял и принимать не собирався»*. Кончилось все проще, чем можно было ожидать. Звезда советского цирка Ирина Бугримова,

...одурев от этого мафазма и писания объяснительных записок: «Я вот на них львов своих напушу, они им напишут!» – пожаловалась своей подруге Галине Брежневой, которая налетела на папеньку Генсек, наверное, удивился: из-за какого-то там советского «запорожца» – и такой сыф-бор. Он-то сам предпочитал британские «фоллс-ройсы». Но дочку генсек любил, так что приподнял брови. От Елены Юльевны сразу отцепились, и еще какое-то время она продолжала работать, но потом ушла на пенсию (ГВ).

Я вначале не знала, вставлять ли эту историю в книгу, поскольку она никак не связана с литературой. Но в ней – эпоха, в которую жил писатель, непредставимая для других поколений и стран. И совместное эпистолярное творчество двух талантливых авторов. Совершенно бессмысленный, изнуряющий абсурд этой травли длился не-

сколько месяцев и отнял у Владимова колоссальное количество душевных сил. Елена Юльевна держалась, хотя ей было очень тяжело, но Наташа была в кризисном состоянии. Она часто плакала, вспоминала самоубийство отца и страшно боялась потерять обожаемую мать, от которой очень зависела эмоционально. Георгий Николаевич чрезвычайно беспокоился о здоровье и состоянии жены. Отпускать ее от себя он боялся, ходил с ней в магазин и даже к парикмахеру, так как понимал, что она могла налететь, оскорбить, даже ударить преследователей матери, и бог знает, чем бы это кончилось, *«заперли бы в тюрьму или в психиатрическую»*. Ему было очень трудно сосредоточиться на литературной работе, что крайне сердило и угнетало его: *«Подумайте, чем должен был заниматься писатель, и еще Владимир Дмитриевич по доброте своей столько времени тратил, нам помогая! Просто кошмар был»*.

В 1982 году в топливный бак этого старенького владимовского «запорожца» был засыпан килограмм сахарного песка, превративший бензин в своего рода сироп. Страшная месть КГБ за рассказ «Не обращайтесь вниманья, маэстро» — *deus ex machina* органов советской государственной безопасности.

Глава пятнадцатая

Глазами собаки

Кум докушал огурец
И закончил с мукою:
«Оказался наш Отец
Не Отцом, а сукою...»

Александр Галич.
Поэма о Сталине

Собаки статей не пишут...
Лидия Чуковская.
Процесс исключения

В 1970 году в дверь Владимовых позвонил курьер из Франкфурта-на-Майне с письмом, в котором содержалось предложение напечатать повесть «Верный Руслан» в журнале «Грани», принадлежавшем издательству «Посев». Однако Владимову казалось, что еще не все возможности официального писательского существования на родине исчерпаны, и он отклонил это предложение. Но в 1974-м Владимов «дозрел», и в 1975 году его литературный шедевр — повесть «Верный Руслан» была опубликована в Германии*.

* Владимов Г. Верный Руслан // Грани. 1975. № 96. С. 3–173.

ИСТОРИЯ НАПИСАНИЯ ПОВЕСТИ

Тема ГУЛАГа остро интересовала Владимова с молодости. Он пытался представить себе жизнь матери в заключении, потом слышал ее рассказы и с жадностью впитывал свидетельства людей, прошедших через лагерь. Стихи и рассказы Варлама Шаламова, которые Владимов читал в редакции «Нового мира», «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына, важнейшая книга эпохи, глубоко трогали его. Но он понимал, что тема *«должна созреть, и нужно было найти свой угол зрения»*.

Работая в «Новом мире», Владимов познакомился с журналистом Наумом Мельниковым: *«Третий человек, бывший космополит»**. Однажды, приехав из Казахстана, из города Темиртау, возле которого в сталинское время было много концентрационных лагерей, Мельников рассказал, как там по улицам бегают бывшие лагерные собаки. Еду ни от кого не берут, несчастные, худые, *«что фас, что профиль»*. Когда 7 Ноября или 1 Мая проходит очередная демонстрация, собаки сбегаются со всех сторон, сгоняют всех в колонны и не дают расходиться. Подкармливать их опасно, кидаются. Иначе никого не трогают. Услышанное поразило Владимова: *«Я сразу почувствовал, что это мой сюжет»*.

В 1963 году Владимов принес рассказ в редакцию «Нового мира». Вещь была сатирической, и Руслан был *«эткий бериевец в собачьей шкуре, только что не разговаривал. Сплошной антропоморфизм»*. Рассказ сотрудникам понравился чрезвычайно. Но сомневающийся Владимов решил показать текст Твардовскому, который предложил ему зайти *«часика через полтора»*. Проторчав это время

* Мельников (Мельман) Наум Дмитриевич (1918–1994) — писатель и публицист. О травле Мельникова в 1948 году: <https://litrossia.ru/item/4637-oldarchive/>.

в редакции, волнующийся автор постучал в дверь Твардовского. *«Знаете, Жора, — откровенно сказал тот, — мы можем это тиснуть. Но вы же своего пса не разыграли: вы из него делаете полицейское дерьмо, а у собаки — своя трагедия. Я лично собак не люблю, но подумайте в своего пса, почувствуйте его мир»*. «Меня особенно задело его слово “тиснуть”», — признавался Владимир. Он почувствовал, что Твардовский прав. Сюжет предлагал огромный потенциал, *«отделываться насмешечками было глупо и пошло»*. «Александр Трифонович, я заберу рассказ, не нужно пока отдавать в печать», — сказал Владимир. Друзья из отдела прозы были очень недовольны, уговаривали отредактировать и вставить в номер, но Владимир *«уперся»*. И вскоре у него вскоре появилась иная концепция книги: «Сверхзадача была — увидеть ад глазами собаки и посчитать его раем»*:

*Я решил, что, во-первых, нужно его как-то больше особочить, тогда мне самому будет яснее, что менять. Но пока я занимался особочиванием, тема закрылась, и меня перестали спрашивать, когда я принесу переработанный рассказ. Это происходило в 1963 году, а в 1964-м Хрущева сняли**, и вместе с ним ушла из печати лагерная тема. Новая власть считала, что ни к чему возвращать «прошлые обиды»: нужно светло смотреть в брежневосусловское светлое будущее. Твардовский теперь только руками разводил, риторически вопрошая, где же я был раньше и почему так долго не нес переделанный вариант (ГВ).*

Понимая, что в СССР публикация больше невозможна, Владимир решился:

Руслан уже ходил по рукам и бегал по самиздату. В конце концов, раз она ходит по рукам, то могла попасть в Германию без моего

* Владимир Г. Письмо Льву Аннинскому о «Верном Руслане» // Бремя свободы. С. 225.

** Н.С. Хрущев был снят с должности главы советского правительства 13 октября 1964 года.

ведома. Но, согласившись отдать в «Посев», я решил перечитать повесть и обнаружил, что мне не все в ней нравится. Я засел и доделал ее, добил окончательно и только тогда отдал. Вышло, как и предсказал Твардовский, прочитав первый переработанный вариант: «Этот песик, Жора, obeжит весь мир». Повесть, опубликованную впервые в 1975 году, в тот же год перевели на тринадцать языков, хотя на английском она появилась только семь лет спустя, но зато Майкл Гленни перевел, их лучший переводчик*. А в России до 1989 года она так и распространялась догугенберговским способом, на самиздатских «Эриках» (ГВ).

О «Верном Руслане» было написано много прекрасных эссе и критических статей: Андрея Синявского**, Натальи Ивановой***, Андрея Немзера****, Александра Чистякова***** и других исследователей. Я не сомневаюсь, что и в будущем об этой повести будут думать и писать многие поколения литературоведов и историков литературы. Предлагаемая работа — мое прочтение, текстологический анализ повести*****.

* Vladimir G. Faithful Ruslan. The story of a Guard Dog. Introduction by Richard Adams. New York: Simon and Schuster, 1979, trans. by Michael Glenny. Перевод был впервые опубликован спустя четыре года, а не семь лет, как сказал Владимир.

** Синявский А. (Абрам Терц) Люди и звери // Континент. 1975. № 5. С. 367–404.

*** Иванова Н. Трагедия преданности и ее комедия [Владимов Г. «Верный Руслан»] // Огонек. 1989. № 21. С. 9–11.

**** Немзер А. В поисках утраченной человечности // Октябрь. 1989. № 8. С. 184–194.

***** Чистяков А. Художественный хронотоп в повести Г. Владимова «Верный Руслан» // Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения: Матер. Междунар. науч. конф. М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 544–547.

***** Эта глава основана на статье, которая была опубликована в 1993 году и очень понравилась Г.В. Владимову и Н.Е. Кузнецовой: Гайсер-Шнитман С. Глазами собаки // Schweizerische Beiträge zum XI. Internationalen Slavistenkongress in Bratislava, September 1993. Slavica Helvetica. Peter Lang. Bern — Berlin — Frankfurt-am-Main — New York — Paris — Wien. B. 42. S. 41–57.

ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ

Чтобы составить себе представление об отношении к собакам на Руси, достаточно открыть словарь В. Даля и прочесть приводимые там поговорки и выражения, касающиеся «лучшего друга человека». В большинстве случаев они эзоповским языком передают состояния, связанные с поступками или жизнью людей. Они отражают: а) незначительность и неуважение: «Собака лает, ветер носит»; б) презрение к низкой душевной организации: «Вольно собаке и на владыку брехать»; в) дурной характер: «Как сойдутся, так и собачатся»; г) собачье существование как низшую ступень человеческого бытия: «В такую пору добрый хозяин и собаки не выгонит за ворота» д) двойственность службы. С одной стороны, без собаки не обойтись: «Без собаки и зайца не поймает». С другой стороны, упрек за безмерную ретивость: «Как собака на сене — сама не ест и другим не дает»; е) тематику смерти, например: «Собаке собачья смерть», и так далее.

Ни одна европейская литература, даже в собаколюбивой Англии, не занималась с такой интенсивностью «собачьей» тематикой, как русская. Собаки стали персонажами русской литературы уже в XIX веке. Первыми вышли на сцену гоголевские сплетницы в «Записках сумасшедшего», гротескная метафора шизофрении, нелепые двойники больной человеческой души. Собачья тематика была подхвачена Тургеневым в пронзительном и страшном рассказе «Муму». На Севере, в Мурманске, где я впервые прочитала его ребенком, собак не любили. Полярный холод, повышенная криминальность, исключавшая идиллические вечерние прогулки, и тяжелейший жилищный кризис не позволяли держать собак в домах. Они бегали по окраинным улицам испуганные, агрессивные, со свалывшейся некрасивой шерстью, — все боялись их и никаких добрых чувств не испытывали. Но с детства оставался в памяти

рассказ о немом и его собаке, о поруганной любви и убийстве, о нарушении всех неизвестных нам тогда библейских заповедей. Он учил глубокому отвращению к произволу, к жестокой власти человека над человеком. Умиротворяющим аккордом на этом фоне «собачьих» трагедий прозвучали ласково-человечная «Каштанка» Чехова и философические «Сны Чанга» Бунина. Позднее эта «гуманная» собачья традиция была продолжена повестью Г. Троепольского «Белый Бим Черное ухо». И, говоря о генеалогии «Верного Руслана», необходимо отметить, что Владимов очень любил роман Джека Лондона «Белый клык», связь с которым исследована Анастасией Де Ля Фортель*.

С написанием «Собачьего сердца» Михаила Булгакова собаки попали в гущу политики. «Собачье сердце» — гротеск, острейшая политическая сатира. Сюжетная метаморфоза — Шарик—Шариков—Шарик — представляет вывернутое наизнанку отражение истории осла Люция в «Метаморфозах» Апулея. Но если у Апулея герой, превращенный черной магией в осла, заслуживает милость и благорасположение богов в награду за свою любовь к жизни и беспримерное ослиное долготерпение, принимая вновь облик счастливого человека, у Булгакова развязка оказывается прямо противоположной. Увлечшись научным экспериментом, профессор Ф.Ф. Преображенский создает из «милейшего пса» Шарика несноснейшего хама Полиграфа Полиграфовича Шарикова — доведенный до абсурда прототип будущего homo sovieticus. Гражданин Шариков совершенно извел профессора и после вторичной операции был возвращен ученым эскулапом в блаженное собачье бытие. В новом мире его участь оказалась завиднее человеческой.

* Де Ля Фортель А. Человек и зверь в литературе: «Верный Руслан» Георгия Владимирова в диалоге с «Белым клыком» Джека Лондона // Собрание сочинений: К шестидесятилетию Льва Иосифовича Соболева. М.: Время, 2006. С. 298–308.

Второй шедевр русской политической «собачьей» литературы XX века — повесть Георгия Владимова «Верный Руслан. История караульной собаки». Это рассказ об экзистенциальном шоке первой «перестройки», когда после смерти Сталина дала трещину монолитная система идеологии и лагерей. Владимов входил в литературу в то время, когда общество искало границы и пути адаптации к пусть неполной, но новой свободе в стране. Его повесть о великолепных «выродках» — сторожевых лагерных овчарках, отпущенных на волю, — стала яркой иллюстрацией переходной эпохи.

СЮЖЕТ И КОМПОЗИЦИЯ

Закрывается один из лагерей ГУЛАГа. Узники отпущены на свободу, персонал отправляется: кто в почетную отставку — «за выслугой лет», кто — «за особые заслуги» — на высокую преждевременную пенсию. Сторожевых овчарок приказано расстрелять. Но что-то трогается после разрыва лагерьной проволоки в сердце хозяина Руслана. Без раздумий расстреливавший беззащитных людей, он вдруг, как будто пугаясь возмездия, не хочет проливать лишнюю кровь: «...руки марать? Когда можно — и не марать» (1/269). К тому же убийству находится непредвиденный свидетель — местный тракторист: «Самое тебе, вологодский, хреновое дело доверили — собак стрелять» (1/247). И вохровец, наконец впервые в жизни нарушив приказ, отпускает собаку на волю. Для Руслана и других лагерных овчарок начинается странная жизнь. Матерые псы не подготовлены к ней ни полученной лагерьной выучкой, ни жизненным опытом. Уверенные поначалу, что их послали для приема и охраны новой партии заключенных, они целыми днями ждут поезда. Но голод — не тетка, а хозяева больше не приносят еду. И постепенно собаки перестают «служить», и, каждая

в меру своей оборотливости и удачливости, в основном не очень удачно, устраиваются «на гражданке».

Труднее всех это дается Руслану. Цельный по характеру и верный от природы, он усвоил лагерную науку как справедливое и счастливое евангелие. Не то чтобы у него не возникало сомнений — их заглушала потребность любви и желание веры. Инстинктивная животная кровожадность (он не любил кусать и «трепать» заключенных) не отождествлялась для него со Службой. Служба была — *любовь* к человеку. И собака ищет в свободной жизни знакомую сладкую неволю. Руслан придумывает караулить бывшего лагерника. Начинается гибельная подтасовка, ГУЛАГОВСКИЙ МИФ наполняет существование пса абсурдным псевдосодержанием. И когда на станцию приезжают молодые строители целлюлозно-бумажного комбината, Руслан принимает их за новую партию заключенных, пытаясь загнать в свой лагерный рай в «красивых стройных колоннах».

Композиция повести — разорванный круг. Жестом, похожим на долгожданную команду «фас!», отправляет его хозяин на волю: «Ты еще тут, падло? Я же тебе сказал — иди... — он вытянул руку с дымящейся папиросой», — указывая туда, где мертвые «хозяева» господствуют над жизнью людей и собак:

Два неживых человека, цвета алюминиевой миски, зачем-то забрались на тумбы и вот что изображают: один, без шапки, вытянул руку вперед и раскрыл рот, как будто бросил палку и сейчас скомандует «апорт», другой же, в фуражке, никуда не показывает, а заложил руку за борт мундира — всем видом давая понять, что апорт следует принести ему (1/250–251).

Цвет алюминиевой миски пес определить мог — по лагерной посуде. И на той же единственно знакомой Руслану дороге от лагеря к станции его в яростном недоразуме-

нии, как по враждебной команде «фас!» кого-то невидимого, убивают свободные люди. Убивают, потому что кончилась эпоха, иссяк воздух, разрушено *метафространство* бытия верного Руслана.

ЛАГЕРЬ КАК МЕТАМИР

В повести Владимова зона персонифицирована. Мы видим ее глазами пса после вынесения ей смертного приговора. Описание неожиданного безлюдья построено на отрицаниях: никто «не продышал дырочки» в окошках, никто «не любопытствует», никто «не воняет», никто «не шумит» (1/239). Новый и чужой персонаж поселился на родном Руслану просторе — «неслыханная», «необычная» тишина. Глазами пса брошенный лагерь — живое претерпевшее существо: «молчащие» бараки с «плоскими глазами» (ср. «глаза-плошки» хозяев), вдруг «почерневшие от старости» бревна, «ослепшая» вышка с глазами, «как бельма», и как будто сошедший с ума «скалящийся» прожектор. Лагерный столб, поваленный ненавистным «рылом» зверя-трактора, падает, «как человек, упавший навзничь с раскинутыми руками» (1/249). А в «глазастой» машине «ржущий» зверь с «огнедышащей пастью» — бойкий курносый тракторист (1/246). Описание этого странного существа также строится на отрицаниях: он «не снял шапки», обратился к хозяину, как «ни один двуногий» до сих пор не смел, «не опустил глаза, не втянул голову в плечи, лицо у него не покрылось испариной...» (1/247). Все эти «не» спасли жизнь Руслану. Но принять их он «не согласился бы ни за что на свете» (1/250), потому что они означали «нет» основам его жизни — лагерю и Службе.

Лагерь существовал для Руслана, как земное, конкретное воплощение гармонии Вселенной, оттого столько мистики вложено в описание этого собачьего рая:

Мир, огражденный колючкою в два ряда и вышками по углам, залитый светом фонарей, музыкой и голосами из черных раструбов, точно с неба свисающих на невидимой проволоке. Начала этого мира не знал Руслан — и не мог представить его конца (1/275).

И вдруг произошел коллапс этого микрокосмоса. Уже раньше видел Руслан признаки грянувшей катастрофы. Последние дни лагерники вели себя странно: свободно ходили, к хозяевам были непочтительны, даже сдурели настолько, что дразнили собак. Руслан начинает метаться, ища объяснений: побег?! И эту надуманную собачью фикцию он толкует как призыв *Службы*.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛУЖБЫ

В начале жизни Руслан помнил школу. Мир двуногих был поделен на две категории. Первая — обожаемые хозяева с глазами-плошками на божественных лицах. Умные, как лучшие из собак, властвующие над жизнью и смертью, как долженствует могущественнейшим из зверей. И человеческое стадо — враждебно-неразумное, серое, «воняющее», «смрадное, ревущее, обезумевшее» (1/240), требующее недоверия и осторожности — зека: «Хотя и двуногие, они все-таки не совсем были люди» (1/286). Руслан воспринял эту шигалевскую иерархию, как святую догму и непреложный закон мироздания:

Бедный шарик наш, перепоясанный, изрубцованный рубежами, границами, заборами, запретами, летел, крутясь, в леденеющие дали, на острия этих звезд, — и не было такой пяди на его поверхности, где бы кто-нибудь кого-нибудь не стерег. Где бы одни узники, с помощью других узников, не охраняли бережно третьих узников

и самих себя от излишнего, смертельно опасного глотка голубой свободы. Покорный этому закону, второму после всемирного тяготения, караулil своего подконвойного Руслан — бессменный часовой на своем добровольном посту (1/319).

Руслана научили в школе трем главным истинам: «все всех стерегут»; заключенные должны двигаться в «красивых, стройных колоннах», а «шаг в сторону...»; не доверять никому, кроме хозяев, — чужие руки отравят кусок горчицей. И этой отлично усвоенной науке не противоречил опыт друзей-псов, застреленных хозяевами: боги, они давали собакам службу и пищу и за это распоряжались их жизнью. Руслана воспитали, вложив в ограниченное собачье сознание единственный смысл жизни — Служба. Не борьба за выживание и даже не любовь к хозяину — при всей природной ограниченности собака подозревала ущербное несовершенство «этих прекрасных существ», — Служба делается экзистенциальной осью бытия, Руслановым «не хлебом единым»: «Лучшей наградой за Службу была сама Служба» (1/249). Служба, бесчеловечность которой не была открыта Руслану, вознесена наивной верой пса на степень религиозного служения: «Так он судил о течении времени — и все отслуженное им не просто уходило зря, а отмерялось на этих небесных часах» (1/319). Невозможность исполнения Службы — особенная «невиданная кара» (1/250), наполняющая душу Руслана метафизическим страхом перед «неведомым наказанием» (1/260). С младенчества вошедшая в кровь и плоть животного, Служба оказывается сильнее его жизненного инстинкта.

И оттого неестественная, наполненная губительным мифом жизнь караульных собак всегда кончалась насильственной *смертью*.

ТЕМА СМЕРТИ

Смерть присутствует в каждой строке этого напряженного текста. Словами автора: «Псу в первой же сцене вынесен смертный приговор, и все происходящее — только отсрочка исполнения»*.

В своей девятилетней жизни Руслан был свидетелем нескольких убийств. Первое: автоматная очередь вслед вырвавшемуся из колонны зека. Накануне хозяин «сделал смазь», смял рукой лицо этого заключенного и, подбросив сапогом его очки, холодно и презрительно сказал: «Подбери глаза!» (1/269) И человек выбрал смерть, утвердив свое достоинство и последнее право — на отчаяние. Так трансформировалась теория «волеизъявления» полубезумного Кириллова в советской действительности. Затем последовала смерть без вины виноватого Рекса. Пес засмотрелся на побег лагерника — беспрецедентное нарушение порядка — с любопытством и интересом: божья тварь, он не читал «Бесов». И как живое существо со здоровым жизненным инстинктом могло предвидеть этот страшный бег человека — из жизни? Но и хозяева Достоевского не читали. Зато они «знали», что собака должна была предчувствовать, и застреленный на следующий день Рекс остается лежать на снегу на радость воронью. Позднее Руслан понял: «Сейчас и другое ему пришло — озарение, догадка, отчего Рекс упустил того лагерника: да ведь не мог он ничего предчувствовать заранее, потому что и сам человек не знал, что он через секунду сделает!» (1/269)

Вслед за казнью Рекса приходится присутствовать Руслану при расстреле заключенного, устроившего самосуд над доносчиком-убийцей. И Руслан слышит страстную мольбу, и обещание любви и благословения, и готовность

* Терц А. Люди и звери // Континент. 1975. № 5. С. 391.

приговоренного жить зверем. И видит равнодушие хозяина, профессионально исполняющего свой долг: «Не бойсь, я тебе больно не сделаю, как другой какой-нибудь» (1/301), — нормальный и даже неплохой человек. И вдруг он видит реакцию Руслана, дрожащего, охваченного страхом, упирающегося, не понимающего и не принимающего эту казнь во имя неведомых ему принципов. И тогда обрушивается на него злость вохровца, чувствующего свой смертный грех убийцы в животной тоске собаки.

И самое страшное из всех этих убийств — история собачьего бунта, смерти Ингуса и безумия любимого инструктора.

Началось с доноса. Главный хозяин, — «конечно, справедливый, но зверь» или «все ж таки зверь, хотя — справедливый» (1/315), как характеризуют персонаж его же подчиненные, — в наказание за «обсуждение судеб родины» (1/309)* гонит заключенных работать на пятидесятиградусный мороз. И за отказ «применяет санкцию»: насмерть замораживает их ледяной струей. И тут возникает собачий бунт. Вожак его — Ингус, существо высшего происхождения и особого склада. Ингус пришел в этот мир с врожденным, неведомым другим собакам знанием, с «поэзией безотчетных поступков», с тоской и непредсказуемостью (1/307). Он совершенно не годится для лагерного мира, в котором все определено без сложностей, глубин (недаром у вохры глаза-плошки) и противоречий. И на этот мир восстает безрассудный пес, не перенесший зверского преступления людей:

Если бы кто-нибудь разгадал собачьи молитвы, он бы узнал, что это одна и та же извечная жалоба — на свою немощь проникнуть в таинственную душу двуногого и по-

* Можно вспомнить эпизод суда над князем Игорем: *Солженицын А.* В круге первом. М.: Наука, 2006. С. 321–328.

стичь его бессмертные замыслы. Да, всякий зверь понимает, насколько велик человек, и понимает, что величие его простирается одинаково далеко и в сторону Добра, и в сторону Зла, но не всюду его сможет сопровождать зверь, — даже готовый умереть за него, — не до любой вершины с ним пойдет, не до любого порога, но где-нибудь остановится и поднимет бунт (1/313).

В бунте Ингуса — отрицание власти хозяев, за которое он расплачивается жизнью. Восставшие с ним собаки несут наказание за поддержку мятежника. Сначала окатив ледяной струей из шланга — апокалипсического змия «сплюснутый рукав стал оживать, круглиться, из желтого наконечника выплюнулось влажно-свистящее сипение» (1/310), — их поставили смотреть на погрузку оконченных трупов: «Эту скорбную службу они высидели до конца» (1/317). Мучаясь от трупного смрада, Руслан впервые узнал в лагерном раю запах ада.

Но гибель Ингуса повлекла за собой вторую трагедию: безумие самой близкой собакам человеческой души. Собачий инструктор — единственный из описанных людских персонажей лагеря занимается живым делом*. Кинолог по призванию, он обожает и понимает животных. Целенаправленно живя преданностью этому четвероногому миру, он учит своих питомцев, лечит их, помогает им и даже развлекает их театральными представлениями. Он «хозяин» в лагерной структуре, но ему, единственному в том мире, было ведомо великое чувство любви. Может быть, поэтому псы угадывают в его профиле «что-то собачье» (1/295). О чем думал наедине с собой этот человек? На что он — *знающий*, что «никогда собака не укусит того, кто ее безумно любит... на такое извращение

* О прототипе образа инструктора см. письмо Кристине Петшицкой-Бохосевич (Архивное приложение к настоящей главе).

способен только человек» (1/296), — закрывал глаза, уши и разум? Вся его глубокая любовь уходила на четвероногих подопечных: «Они ему все казались травмированными, раз им досталась такая тяжелая служба» (1/296). Но вот бандиты напали на построенный им узенький душевный коридорчик: они убили Ингуса, его дитя, любимца. Эта огненная смерть («вокруг скошенного рыльца вспыхнул яркий красно-оранжевый ореол, а из головы Ингуса... из черной рваной дыры плеснуло горячим, розовым с белыми осколками» — 1/312) вулканом взорвала его маленький невеселый космос. Он сходит с ума, как Софья Петровна в одноименной повести Лидии Чуковской. Потому что знает, что прав был беззащитный Ингус, и хочет стать им, чтобы уйти от лагерной службы, от диких людей-извергов и увести за собой собак:

...там, в заповедном этом краю, они будут жить как вольные звери, одной неразлучной стаей, по закону братства, и больше никогда, никогда, никогда не служить человеку! (1/318)

Бессмертная душа Ингуса, в существовании которой никогда не сомневались собаки, переселилась в этого человека — и как горька оказалась для лагерных псов разлука с ним.

И последняя смерть — гибель Руслана. Руслан мечтал о Службе, и однажды пришел поезд, в провинциальный тупичок приехала Русланова смерть. В повести люди дважды ломают собаке хребет. Сначала в переносном смысле: отняв у матери, убив братьев и сестер и обрекая на грустное сиротство. Руслан обращает свою нерастраченную любовь на хозяев, а вохровец называет его «падало» — дешевка, падаль. Вне лагерного бытия обученный для ГУЛАГа пес больше не нужен и даже страшен человеку. И тогда ему ломают хребет еще раз, уже по-настоящему, до смерти. Описание битвы Руслана с людьми — силь-

нейшие страницы повести, одни из самых страшных в русской прозе. Руслана убивают — за любовь, которая без его разума и ведома была на Службе ненависти и власти. В последние часы он прозревает: «Убогая, уродливая его любовь к человеку умерла совсем... Достаточно он узнал наяву о мире двуногих, пропахшем жестокостью и предательством» (1/369). Но и в смертный путь уходит собака с видением злой человеческой воли.

Звякнул карабин, отпуская ошейник. Хозяин, протягивая руку вдаль, указывал, где враг. И Руслан, сорвавшись, помчался туда — длинными прыжками, земли не касаясь, — могучий, не знающий любви. А следом летело Русланово слово, единственная ему награда — за все муки его и верность:

— Фас, Руслан!.. (1/370)

Лагерный пес уходит в вечность, где *природой* приготовлены ему «тьма и покой» (1/369).

СОБАКА И ПРИРОДА

В отношениях Руслана с природой отражаются все конфликты этого несложного существа. Повесть начинается описанием метели: «Всю ночь выло, качало со скрежетом фонари, брякало наружной щеколдой, а к утру улеглось, успокоилось...» (1/237) Снежный шторм — «оно», существо без лица и названия. От глаголов среднего рода возникает чувство тоски, враждебной силы, дурных предчувствий. Руслан слушает бушующую метель в своей служебной клетке: он защищен властью человека от неистовства природы. И человеком же лишен выбора, простора и единства с миром. Утром, когда хозяин выводит Руслана во двор, первая реакция собаки на снег — инстинктив-

ная радость, счастье очищенного, обновленного мира. Вторая: снег — враг, потому что вредит Службе. В его слепящей белизне гложут звуки, пропадают запахи и теряются следы. И другой враг — луна, в древности пригласившая его к костру человека и вынудившая «заменить свободу верностью». Луна и ночь — это сиротство и одиночество, бесплужбная тоска. Только тем и хороши звезды, что по ним можно наблюдать конец тьмы:

Ночь густела, наливаясь чернотою и холодом, и вызревали все новые и новые звезды, мерцающие, как глаза неведомых чудищ. Впрочем, живые эти светильники были ему все-таки ближе, чем ненавистная луна, от которой даже пахло покойником; он... знал за ними одно хорошее свойство — если задремлешь и опять откроешь глаза, то застaneшь их уже переместившимися (1/319).

Но когда кончается служба человеку, остается только вселенское «оно» — природа: «Руслан почувствовал вдруг, что и сам он, и автомат больше не нужны хозяину. От отчаяния, от стыда хотелось ему упасть задом в снег, задрать голову к изжелта-серому солнцу и извить свою тоску, которой предела не было» (1/250).

В «гражданской» жизни Руслана отношения его с природой меняются; он снова превращается в ее любимого сына, в охотника, «во всем его матером совершенстве, в зверином великолепии» (1/330). Обретенная гармония отражается в грезах и видениях собаки: пастушеская служба, вольная любовь и преданность, тяга к великому океану. И не человек прячет его в клетку от стихии, но он природным могуществом защищает хозяина от бушующих волн (1/346). Перед этими картинами естественной, счастливой жизни и службы, родившимися из собачьего подсознания, отступает вся наносная лагерная наука, привитая недобрыми *людьми*.

ХОЗЯИН И ПОТЕРТЫЙ

Два человека играли решающую роль в существовании Руслана: лагерный вертухай и Потертый — бывший заключенный. «Хозяева» — подвид рода человеческого. Руслан даже задавался вопросом, отбирают ли их по особым приметам, как собак, и уж определенно подозревал он, что они тоже проходят «школу» (1/246). Что знаем мы о хозяине Руслана? Он — ефр-р-рейтор, что очень приятно для слуха его подопечного. Он из крестьян и после лагерной службы едет к себе в деревню. Физически он восхищает Руслана, «молодой, статный, сильный» (1/263). Для определения культурного уровня достаточно услышать звучание его речи «рвесси», «ошиваисси». Его пошлость обрисована маленькой деталью: реакцией вохровцев на самодельный накол — рисунок на портсигаре. Но для Руслана хозяин — божественная собачья ипостась. Из его рук готова собака принять пищу и смерть. Потому что их связала — Служба. Перемена жизни дается хозяину нелегко, хотя служба и обеспечила ему высокую «полярную» пенсию. Работать он не собирается, да и нет у него, видимо, никакой гражданской специальности. Подобно Руслану, он тоже не вполне в состоянии осмыслить происшедшие перемены. Как и овчарка, он тоже надеется, что служба вернется, объясняя бывшему лагернику: «А я б те по-другому советовал считать. Что ты — временно освобожденный. Понял? Временно тебе свободу доверили» (1/265). К тому же и архив лагерный, как знает вертухай, «вечного хранения». В этой новой и странной для себя ситуации хозяин чувствует некоторую дезориентацию и дискомфорт. Он даже пытается если не оправдаться, то объяснить: «Я присягу давал или не давал?» и «Но ты же не скажешь, что я живоглот был?» (1/265) «Живоглот» — определение, которое Потертый произносит в адрес Сталина. Но наметанный глаз зека

различает в вохровском облике лагерную травмированность: «...палец у тебя — дергается. Руки дергаются — поболе, чем у меня. Весь ты дерганный, брат» (1/263). Вспомним инструктора, говорившего о кровожадном Джульбарсе: «Он не зверюга, он просто травмирован службой» (1/296). Во время своей последней встречи с хозяином Руслан узнает на собственном опыте, что значил лагерьный ад: горчица, «смазь». Тогда-то «чудесный» хозяин начинает двоиться и оборачивается «ненастоящим», «мутноглазым» подлецом и предателем.

Потрясенный Руслан прячется в обиде и сразу же начинает мечтать о «настоящем» хозяине, обладателе «божественного голоса» (1/262). Но так как жить без человека пес не может, он пока находит замещение — Потертого. В отличие от анонимного вохровца, прозвище бывшего зэка пишется с большой буквы — личность, индивидуальность. Он тоже несколько двоится в сознании Руслана. Потертый, навсегда пропахший лагерем, не может быть «хозяином». Весь вложенный в собачье сознание миф Службы не позволяет Руслану существовать с бывшим заключенным в нормальных собачье-человеческих отношениях. Хотя еще в лагере собака заметила, что школьные уроки о безобразиях и злом коварстве заключенных как-то не совсем соответствовали действительности. Потертый отчетливо понимает, что Руслан его «караулит». Но и сам, внутренне несвободный от лагеря, он принимает эту тяжелую игру: «...разговорчики безответственные — отставить! Ты, Руслаша, следи, чтоб я лишнего не болтал» (1/282). Человек этот по профессии — ремесленник-краснодеревщик. В его профессиональном мастерстве, близком искусству, — главный стержень его личности, его сохранившееся достоинство. Выпущенный на волю, он прибил к Стюре так же, как к нему потом прибивается Руслан. И у Потертого «сломан хребет», и распрямиться он больше не может. Застряв

у Стюры, между двумя полюсами — домом и лагерем — он пытается обрести надежду и силы, чтобы преодолеть страх перед нормальной жизнью. Но слишком глубоко отравил его лагерный ад, слишком силен был этот страшный метамир, навсегда захвативший его в плен. Судьба оказалась в его жизни сильнее любви к семье и дому. Поэтому он не возвращается на материк, а остается у бабы Стюры, бесхитростной и загадочной русской души: «...пустить бы пустила. И пожрать бы дала. И выпить. Спал бы ты в тепле. А сама — к оперу сообщить... Да, таких гнид из нас понаделали — вспомнить любо»* (1/341). Недаром тосковал Достоевский о «широте» русского человека.

В повести есть еще один персонаж, эквивалент бабы Стюры, но в собачьей ипостаси, старающийся нормально и неголодно прожить свой недолгий земной век. Умный Трезорка, к счастью для него не годящийся для хозяйской «службы», а потому ею не искалеченный. Дворянка, знающая, где вильнуть хвостом, отступить или урвать кусок, но оставшаяся честным и добрым псом, пусть и прожившим свой недолгий собачий век с блохами, но в «гниду» не превратившимся. Пример выживания в советской стране.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Герой повести верный пес Руслан — рыцарь лагерной системы, *canis sovieticus*. Повесть написана в намеренно зауженной «собачьей» перспективе. Пес — существо ограниченное, от природы неспособное к абстракции и осмыслению. И вместе с тем наивно-живое, полное неугасающего жизненного огня. Рассказчик смотрит

* *Терц* А. Люди и звери. С. 391.

на действительность глазами Руслана. Стилистические и информационные сдвиги, которые он допускает, переходя на «человеческое» повествование, только подчеркивают условность «собачьего» взгляда на разворачивающиеся события. Эта условность перспективы усиливает эффект основной темы повести: рассказа об убийственной манипуляции и черной подмене смысла. Владимов писал, что собака — «зверь, но заключивший договор с человеком. И там было — любить хозяина, защищать его, даже ценою свой жизни, но не было — “пасти двуногих овец”, это вставлено задним числом, жульнически»*.

Н.Я. Мандельштам с тоской вспоминала о «нормальной жизни с разводами и разбитыми сердцами»**.

Но эту нормальную жизнь превратили в лагеря, сломанные судьбы, цепь нескончаемых убийств. В книге «Процесс исключения» Лидия Чуковская писала: «Я хочу, чтобы винтик за винтиком была исследована машина, которая превращала полного жизни, цветущего деятелем человека в холодный труп...

Что же привело нас к этой небывалой беде? К этой совершенной беззащитности людей перед набросившейся на них машиной? ...Тут огромная работа для историка, для философа, для социолога. А прежде всего для писателя»***.

Для писателя, потому что единственное, что человечество пока оказалось в состоянии противопоставить апокалипсическому чудовищу тоталитаризма, — личное мужество и чистое, открытое Слово. Его и сказал Георгий Владимов, знавший, что «колокол звонит по каждому

* Владимов Г. О «Верном Руслане» // Литературное обозрение. 1990. № 3. С. 84.

** Мандельштам Н. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1970. С. 22.

*** Чуковская Л. Процесс исключения. М.: Междунар. ассоц. деятелей культуры «Новое время»: Журн. «Горизонт», 1990. С. 198–199.

из нас» (4/152) в мастерской, страшной повести о погубленной лагерной овчарке.

У людей, служивших ГУЛАГу и в ГУЛАГе, был выбор — человеку от природы дана способность к мышлению. Но у собаки такого выбора не было. И потому не кошунство помянуть память Руслана, жестокого лагерного сторожа и несчастной человеческой жертвы, словами Бориса Пастернака:

Что ж, мученики догмата,
Вы тоже — жертвы века.
Лейтенант Шмидт

АРХИВНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение первое

В 1975 году «Свобода» устроила серию передач с чтением книги Александром Виноградовым (Юлианом Паничем)*. Вступление подготовил Александр Галич:

Здравствуйте, дорогие друзья. Сегодня вы послушаете повесть Георгия Владимова, которую читает для вас Александр Виноградов.

Я вам говорил, по-моему, то есть говорил безусловно, какое ошеломляющее впечатление оставила у меня эта повесть, когда я прочел ее впервые. Произведение необычайно талантливое, мужественное, горькое. И я невольно вспомнил о другой повести, которую многие из нас читали в конце 1940-х годов. Это повесть тоже о собаке, тоже об овчарке. Написана она чешским писателем Людвиком Аш-

* «Архив Радио Свобода». Я очень благодарна сотруднице архива Ольге Широковой, нашедшей и приславшей мне эту запись. («Радио Свобода» внесено Минюстом России в реестр СМИ-иноагентов.)

кенази, который сейчас живет на Западе*. Это повесть о собаке, воспитанной в мире добра. И когда гитлеровцы вошли в Прагу и отобрали эту собаку у хозяев с тем, чтобы она служила сторожем в лагере для заключенных, она не могла привыкнуть к этой жизни. Она знала, что люди — это добро.

Повесть Владимова о собаке, которая воспитана в мире зла, в мире жестокости. И вы знаете, когда всякие партийные пропагандисты с иронической усмешкой говорят о так называемом буржуазном гуманизме, о так называемых абстрактных понятиях добра и зла, то мы с вами уже давно знаем, что добро и зло — понятия не абстрактные, они понятия конкретные, а зло мы знаем в лицо, знаем его по имени.

Великая честь, великая заслуга Владимова, что он называет это зло, эту жестокость, которая калечит души не только людей, но и животных. Так вот, слушайте повесть Георгия Владимова «Верный Руслан», которую читает для вас Александр Виноградов.

В конце февраля — начале марта 1981 года к пятидесятилетнему юбилею Георгия Владимова передачи 1975 года повторили. Прозвучали также отрывки из статьи Андрея Синявского «Люди и звери».

Приложение второе

В 1993 году режиссер В.И. Хмельницкий снял фильм по повести «Верный Руслан». Предварительно режиссер переписывался с Владимовым. Я приведу одно письмо Георгия Николаевича. Оно касается не формальностей, но содержания повести и будущего фильма, и дает наиболее полное свидетельство о взгляде писателя на своего героя и всю тематику книги.

* *Ашкенази Л.* Собачья жизнь и другие рассказы. М.: Теревинф, 2009.

24 июня 1990 г.

Уважаемый Владимир Ильич, благодарю за письмо от 25-го мая. В тот день, представьте, я еще был в Питере, выступал в Доме литератора. Выпала мне поездка от амстердамского «Гулливера», европейского «сообщества артистов и интеллектуалов», с оплатой самолета и гостиницы. Жаль, что всего на 7 дней...

Я рад, что лед тронулся и Вы, как мне кажется, на верном пути с фильмом. Хорошо, что не приглашали сценариста, а сами написали то, что будете снимать, зная при этом возможности и пределы дрессировки. И сценарий, по-моему, удался Вам. В большинстве случаев перегруппировка эпизодов, совмещения и перемещения, сделанные компактности ради, оправданны. Есть и потери — например, история с ошибкой Рекса, столько значащая для Руслана и других собак, — но тут, верно, ничего не попишешь. И без того у меня по поводу многих сцен сомнения, потянут ли четверолапые актеры.

Думаю, для зрителя — не только для Потертого — явится неожиданностью враждебный выпад Руслана в последнюю их встречу, когда он дает понять, что никогда Потертый не был ему хозяином. В повести это внешне подготовлено — тем, что Руслан перед почтой отказывается сторожить вещи подконвойного. У Вас — Потертый дважды просит об этом, и Руслан как будто соглашается. Это, как говорится, «грубое нарушение устава». Он ведь «расслабился» только раз, когда ткнулся лбом в колено подконвойному, и это особо подчеркнуто удивлением Стюры.

Много места в сценарии заняла церковь. Разумеется, у Вас есть право на такое решение, и грешно тут было бы возражать, но свечка за упокой собаки... Боюсь, это вызовет активное неприятие верующих, здесь надо трижды посоветоваться — м. б., со священником.

Финалы у нас принципиально разные. Опять же не оспариваю Ваше желание, чтобы последним движением умираю-

щего — к тому же воображаемым — было бы не злобное преследование неведомого врага, когда единственная награда — «Фас!» — а возвращение (пусть и недостижимое) к чему-то доброму, к теплоте детства, в ласковые руки Инструктора. Как говорится, по-христиански я с Вами соглашаюсь, а все же трагедия Руслана этим ослабляется. Он уже возвращался к детству и не нашел там отрады, там мать-медалистка уступила смерти пятерых его братьев и сестер. А Инструктор — что ж, он тоже служил всеобщему обману и, хотя в этом раскаялся и даже сошел с ума, превратился в собаку, но должны ли мы, зрители, напоследок все ему простить? Поэтому-то я приходил к выводу, что Руслану «оболащаться было ни к чему».

Я обдумывал два варианта финала — один даже был первоначально в повести, но как-то не смонтировался с заключительным пассажем, показался излишним. То было пастушеское видение Руслана: широко по степи разбрелись овцы, а уже смеркается, мелькают в отдалении темные силуэты волков, в глазах у них отражаются, посверкивают отблески костра, и пастухи тревожными голосами зовут Руслана. А он, израненный, лежит в высокой траве, слышит их — и не откликается, не спешит на помощь, впервые в своей жизни он — дезертир... Другой финал, который я себе представлял именно для кино, связан с образом глобуса (кстати сказать, и у Вас появляющегося в сцене политинформации). Руслан, сорвавшись с места по приказу нового хозяина, бежит длинными прыжками, «земли не касаясь», затем его прыжки делаются все длиннее, все замедленнее, и вдруг мы видим, как под его лапами и рельеф меняется, летят ему навстречу страны, континенты, моря, весь шар земной поворачивается, летящий к звездам... Разумеется, можно было бы смонтировать и оба эти финала, один за другим, — если покажется Вам интересным.

Может быть, посодействует Вам в работе критика на «Руслана» — скажем, очень интересная статья А. Синявского (Абрама Терца) «Люди и звери», которая должна была

выйти в № 1 «Вопросов литературы» сего года, или же статья Льва Аннинского «Собачье сердце?» в № 8 журнала «Литературное обозрение» за год 1989-й; сказывают, была еще статья А. Немзера в «Октябре» за прошлый же год, но в каком № — не знаю, я ее не читал*.

Ваш актерский ансамбль, действительно, мне не известен, кроме Лидии Федосеевой-Шукшиной, которая именно то, что надо. Печальный вопрос насчет возраста здесь не играет роли: хотя тете Стюре не более 40, но деревенские (тоже и поселковые) женщины выглядят почти всегда старше.

Пленку «Кодак» можно только приветствовать! Я здесь смотрю по телевизору западные фильмы 1938–40 годов, с цветом ровно ничего не сделалось за полвека. Цвета, разумеется, грубее современных, но они и тогда были такие, не во времени дело.

Пожелаю Вам большой удачи с новым фильмом! Буду весьма признателен, если время от времени коротенько проинформируете, как идет работа. Элле Аркадьевне — взаимно — лучшие пожелания и привет.

Ваш Г. Владимов (FSO)

Приложение третье

Отрывок из письма Георгия Владимирова Кристине Петшицкой-Бохосевич:

Я в детстве, до войны, занимался в кружке юных собаководов, мы готовили питомцев в подарок пограничникам; самый смысленный получал кличку Ингус и направлялся славному Карацупе**. Не знаю, куда они там еще направ-

* Немзер А. В поисках утраченной человечности // Октябрь. 1989. № 8. С. 184–194.

** Карацупа Никита Федорович (1909/1910?–1994) — знаменитый полковник пограничной службы, создавший школу дрессировки служебных собак.

лялись и какой еще проходили «спецкурс» — может быть, и конвойный...

Инструктор из Руслана во многом списан с натуры, именно с дрессировщика тигров Константина Константиновского, мужа известной укротительницы Маргариты Назаровой. Мы с ними помногу общались в Сочи, живя в одной цирковой гостинице во время их гастролей. Костя Константиновский учил тигров ходить по бревну и прыгать через горящий обруч именно таким образом — опускался на четвереньки и показывал наглядно. Тигры его обожали и сразу понимали, что от них требуется. Его Вы могли видеть в фильме «Полосатый рейс» (комедия с тиграми на пароходе), где он дублировал актера Дмитриева, очень на него похожего. Сдается мне Костя со своими питомцами (среди них был знаменитый Пурш, которого можно было без опасений погладить и потрепать за ухо) разговаривал на каком-то языке джунглей: часто видели, как он с ними беседует часами, а они ему что-то отвечают. Умер он от опухоли в мозгу и, как показало вскрытие, последние годы (когда я с ним и общался) был полусумасшедшим. А мы его считали просто человеком со странностями.

Славного Карацупу я, кажется, видел до войны в Харькове, к нам в училище имени Дзержинского, где моя мать преподавала русский язык и литературу, часто приезжали знаменитые пограничники и рассказывали о своих подвигах. Известный фельетонист Рыклин написал даже книжку «Пограничник Карацупа и его собака Индус»*. Позднее выяснилось, что эта кличка оскорбительна для индийцев, пришлось собаку переименовать в Ингуса... Должен сказать, что у нас был настоящий культ пограничника и «границы на замке».

* Владимир неверно запомнил фамилию автора. *Рябчиков Е.* Пограничник Карацупа и его собака Ингус. М.: Диафильм, 1959. 57 с.

Что касается литературных приемов, то они, будучи очень действенным средством произвести более сильное впечатление, сократить время и пространство повествования, могут быть и рассчитаны сознательно, и возникнуть по вдохновению. В Руслане для экономии места эпизоды лагерной жизни помещены в середину повести в виде воспоминаний собаки об уроках его учений: это позволило автору изображать лагерь выборочно, насколько запомнилось Руслану; если бы я эти эпизоды изложил вначале, вышло бы и слабее, и более растянуто, и не так играло на характер героя. Это есть литературный прием, и рассчитан он сознательно. Приемы «остранения» — как Руслану видятся памятники Ленину и Сталину или чтение речей по бумажке — это были случайные находки в процессе писания, буквально «на ходу». Для этого, наверное, нужно хоть немножко почувствовать себя собакой. В принципе, очень даже выигрышные приемы могут явиться во сне — если много и долго о них думаешь. Не знаю, достаточно ли внятно я выразился (23.06.1995, FSO).

* * *

Возвращение Владимова к российскому читателю началось, когда в 1989 году редактор «Знамени» Григорий Яковлевич Бакланов, презрев партийные вопли: «Хватит нам собачатины!»* — раздавшиеся после публикации в журнале булгаковского «Собачьего сердца», принял решение напечатать повесть «Верный Руслан». Эта публикация была очень важна для писателя и стимулировала его желание работать: *«Мой генерал так и побежал за собачкой»*.

* Бакланов Г. Жизнь, подаренная дважды. М.: Вагриус, 1999. С. 380–383.

Глава шестнадцатая

Отщепенец и диссидент

Заключенные параллели
Преподали нам славный урок —

Не делить с подонками хлеба,
Перед властью не падать ниц,
И не верить ни в чистое небо,
Ни в улыбки сиятельных лиц.

Александр Галич.

Вальс, посвященный уставу
караульной службы

КОЛОКОЛ ЗВОНИТ

«**Н**а меня не надо было вешать “клеймо антисоветчика”, я им стал очень рано», — сказал мне однажды Георгий Николаевич. В молодости он старался найти свой путь в литературной жизни в рамках существующей системы. Но после короткой оттепели наступило похолодание, и молчать стало невозможно. Толчком к первому открытому выступлению против режима был состоявшийся 10–14 февраля 1966-го в Москве суд над писателями Юлием Даниэлем и Андреем Синявским. За неавторизованную публикацию за границей своих произведений Даниэль был приговорен к 5 годам

лагерей, Синявский — к 7. Осужденные виновными себя не признали и не каялись, что вызвало общее восхищение и сочувствие в среде интеллигенции.

Власти никак не ожидали той волны протеста, которую вызвали этот процесс и приговор. Шестьдесят два важнейших писателя и деятеля культуры подписали письмо протеста против ареста и суда, предлагая взять «виновных» на поруки. Молодые литераторы тоже остро реагировали на происходящее:

В ЦДЛ меня встретил мрачный Вася Аксенов, день проводивший в зале суда, и сказал: «Надо писать». Мы пошли к Гладилину в редакцию «Юности» и сочинили там письмо, которое подписали еще восемнадцать человек. Мы писали о государственном престиже и несовместимости этого позорного судилища с демократией и цивилизацией. О том, что нельзя судить писателя — за публикацию. Текст был короткий, но энергичный. Подписали, сколько я помню, Евтушенко, Ахмадулина, Вознесенский, Окуджава, Василь Быков, Коржавин... Это было именно то письмо, а также письмо шестидесяти двух маститых писателей, выступивших в поддержку Даниэля и Синявского, о которых Шолохов произнес свою мерзкую речь на съезде писателей, сожалея, что в наступившие вегетарианские времена господствует «правосудие», а не «революционное правосознание» времен ЧК, и только поэтому «молодчики с черной совестью», Даниэль и Синявский, «не расстреляны» (ГВ).*

Шолохову «за нас всех» ответила Лидия Чуковская: «Приговор двум интеллигентным людям, двум литераторам, не отличающимся крепким здоровьем, к пяти и семи годам заключения в лагерях со строгим режимом, для принудительного, непосильного физического

* Шолохов М. Речь на XX съезде КПСС // Собр. соч.: В 8 т. М.: Художественная литература, 1960. Т. 8. С. 317—331.

труда, — т. е., в сущности, приговор к болезням, а может быть, и к смерти, представляется Вам недостаточно суровым....

Вы поднялись на трибуну как представитель советской литературы.

Но Вы держали речь, как ее отступник. Ваша позорная речь не будет забыта историей.

А литература сама отомстит за себя, как мстит она всем, кто отступает от налагаемого ею трудного долга. Она приговорит Вас к высшей мере наказания, существующей для художника, — к творческому бесплодию. Никакие почести, деньги, отечественные и международные премии не отвратят этот приговор от вашей головы»*.

Письмо Лидии Чуковской, названное Солженицыным «гордостью русской публицистики»** и глубоко восхитившее Владимова, было направлено ею в восемь инстанций, три правления разных центров и отделений Союза писателей и пять печатных изданий, мгновенно распространившись в самиздате: *«Лидия Корнеевна понимала лучше всех нас, тогдашних, как работает система. Я очень многому у нее научился».*

Но в 1966 году молодые писатели по неопытности послали свое письмо только трем адресатам — Брежневу, Косыгину и Подгорному, не сохранив его копии. В результате оно не попало в «Белую книгу» Александра Гинзбурга***, где собраны материалы о процессе над двумя писателями, и, как выразился Владимов, *«не осталось в истории»*. Подписавших по одному вызывали в ЦК КПСС, и Ю.Я. Барабаш****: *«...промывал наши молодые мозги.*

* Чуковская Л. Процесс исключения. М.: Согласие, 1996. С. 327–331.

** Солженицын А. Бодался теленок с дубом. М.: Согласие, 1996. С. 629.

*** Гинзбург А. Белая книга по делу Даниэля и Синявского. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967.

**** Барабаш Юрий Яковлевич (р. 1931) — литературовед и публицист, в 1966 году — консультант отдела культуры ЦК КПСС.

Нам показалось, что письма он не читал. Больше всего его интересовало: кто зачинщик, чья идея, кто автор текста?» Владимир с Аксеновым особенно не скрывали, что именно они были авторами письма, а в результате «*книжки наши посыпались*».

За первым выступлением последовал очень смелый гражданский шаг. В мае 1967-го Александр Солженицын обратился к Четвертому Всесоюзному съезду советских писателей с открытым письмом:

«1. Я предлагаю Съезду принять требование и добиться упразднения всякой — явной или скрытой — цензуры над художественными произведениями, освободить издательства от повинности получать разрешение на каждый печатный лист.

2. Я предлагаю четко сформулировать в пункте 22-м устава ССП все те гарантии защиты, которые предоставляет союз членам своим, подвергшимся клевете и несправедливым преследованиям, — с тем, чтобы невозможно стало повторение беззаконий»*.

Более восьмидесяти писателей по инициативе Константина Паустовского подписали коллективное письмо в поддержку его требований. Владимир послал в президиум съезда отдельное открытое письмо:

И вот я хочу спросить полномочный съезд — нация ли мы подонков, шептунов и стукачей, или же мы великий народ, подаривший народу плеяду гениев? Солженицын свою задачу выполнит, я в это верю столь же твердо, как и он сам, но мы-то здесь при чем? Мы его защитим от обысков и конфискаций? Мы пробили его произведения в печать? Мы отвели от его лица липкую и зловонную руку клеветы? Мы хоть ответили ему вразумительно из наших редакций и правлений, когда он искал ответа?

* Солженицын А. Бодался теленок с дубом. С. 598.

...Письмо Солженицына стало уже документом, который обойти молчанием нельзя, недостойно для честных людей. Я предлагаю съезду обсудить это письмо в открытом заседании, вынести по нему ясное и недвусмысленное решение и представить это решение правительству страны (4/145–148).

Владимов писал, что живая, свободная литература уходит в бесцензурное подполье. О позорном закреплении слова, жизненно необходимого читателям, об истории преследований великих и достойных писателей. Солженицын особо отметил это выступление: «А венчало всех доблестное безоглядное письмо Георгия Владимова, дальше меня пошедшего — в гимне самиздату»*.

Это письмо ставило автора на позицию открытого противостояния официальным литературным организациям, их практике и советской системе в целом: *«Бунт на корабле!»* *«После этого письма было затишье, и никаких особо репрессивных действий со стороны властей не последовало. Но атмосфера менялась очень быстро»*. Последствия выступления в поддержку Солженицына почувствовались через пару лет, когда *«забуксовала»* публикация *«Трех минут молчания»*: *«Ввиду плохого поведения непокорного автора гнусное издательство “Советская Россия” не только не хотело платить гонорар, что должно было сделать по закону, но требовало вернуть аванс. Все это было как-то беспросветно»*. *«Беспросветность»* длилась несколько лет, но в 1975 году произошли два события:

Во-первых, в Германии был напечатан «Верный Руслан», песик мой, сразу побежавший по миру, а во-вторых, в Московское отделение СП пришел Сергей Сергеевич Смирнов, лауреат Ленинской премии по литературе, автор «Брестской крепости» и очень симпатичный человек (ГВ).

* Солженицын А. Бодался теленок с дубом. С. 167.

Вскоре до Владимирова дошел слух:

*Альберт Беляев**, хозяин советской литературы, вызывал к себе Феликса Кузнецова, чтобы выяснить, можно ли оказать на непокорного автора давление и где он уязвим. Кузнецов так объяснял ситуацию: «Роман лежит семь лет – не печатают, пьесу “Шестой солдат” военная цензура забодала за “нацифизм”, и в Париж визы не просит» (ГВ).

Кузнецов пригласил Наташу в ресторан, где расспрашивал, что можно сделать или пообещать для умирения Владимирова: «Оказалось, что самой большой проблемой был для властей человек, у которого отнять нечего». Владимов связался с Кузнецовым и предупредил, что каяться в публикации «Верного Руслана» не собирается, а если без его ведома будет опубликовано покаянное письмо, примет свои меры: соберет западных корреспондентов и объявит им, что письмо — фальшивка.

Тогда в дело вмешался Сергей Сергеевич Смирнов, секретарь Союза писателей СССР. Тяжелейшим моментом литературно-общественной карьеры Смирнова было его участие в травле Бориса Пастернака. По словам Владимирова, Смирнов глубоко раскаивался и готов был помогать всем как мог. Он вызвал Владимирова «на беседу»: «О собачке не упоминал, выступить против хищных западных издателей не предлагал и покаяния не ожидал — знали, что бесполезно». Благожелательный Смирнов предложил опубликовать «Три минуты молчания» отдельной книгой тиражом в 100 тысяч экземпляров. Условие: встретиться и побеседовать с Феликсом Кузнецовым. Названная

* Беляев Альберт Андреевич (р. 1928) был с 1966 года заведующим сектором художественной литературы, потом заместителем заведующего отделом культуры при ЦК КПСС. Он был также автором программной книги: *Беляев А. Идеологическая борьба и литература*. М.: Советский писатель, 1977.

«Диалог в прозе», эта беседа была опубликована 18 февраля 1976 года в «Литературной газете»*. Каждый в ней говорил на ту же тему, но о своем. Кузнецов — о социальной ответственности писателя перед обществом, Владимов — о социальной ответственности писателя за общество. Кузнецов о литературе и писателе как выразителе общественных процессов, Владимов о важности для литературы личности и страстности писателя, который представляет собой «национальное достояние» народа. Это были два голоса, которые вели разные партии, но, понимая смысл игры, старались не создать ощущения резкой какофонии. Роман «Три минуты молчания» был издан в том же году, и весь тираж его мгновенно «слетел с прилавков». Цензура не позволила изменить ни слова в журнальном варианте текста.

Замечание Кузнецова о «визе в Париж» оказалось пророческим: в 1976-м «невыездного» и не выезжавшего ранее в капиталистическое зарубежье Владимова пригласило на Франкфуртскую книжную ярмарку норвежское издательство «Gyldendal Norsk Forlag», в 1976 году выпустившее перевод «Верного Руслана»**. Ни о чем не подозревавший Владимов получил письмо из «Посева» с вопросом, почему он не отозвался на приглашение. Владимов обратился прямо в «Gyldendal Norsk Forlag», чтобы узнать, куда они послали письмо. Оказалось, что оно было направлено в иностранную комиссию Союза писателей. Откуда без ведома Владимова был послан «хамоватый ответ», что Владимов «занят, болен и желания участвовать в выставке не выражает». Владимов связался с издательством, которое немедленно выслало дубликат приглаше-

* Кузнецов Ф., Владимов Г. Диалог в прозе. С. 6.

** *Vladimov G. Trofaste Ruslan: Historien om en vakthund.* Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 1976. Перевод на норв.: Odd Lund. «Gyldendal Norsk Forlag» — норвежский филиал датского издательства «Gyldendal».

ния автору напрямую, но оформить он уже не успевал. На следующий год *«упорные варяги»* повторили приглашение, послав его одновременно Владимову и в Союз писателей, который и письмо норвежцев, и обращения Владимова, чтобы его отпустили во Франкфурт, игнорировал. Это воспринималось, как унижение: *«...на шесть дней не могут из-под контроля выпустить!»*

Между тем в Союзе писателей *«шел погром»*: исключили Лидию Чуковскую, Владимира Войновича, Льва Копелева, Владимира Корнилова*. Всех их Владимов знал и глубоко уважал, и в нем созрело окончательное решение: *«Я спрашивал себя: “А что же я-то там делаю?”»*

10 октября 1977 года Владимов отправил в президиум Союза советских писателей заявление о добровольном выходе из организации, нарушившей за время своего существования все правила профессиональной и человеческой этики. Оно кончалось словами:

Унылая серость с хорошо разработанным инструментом словоблудия, затопляющая ваши правления, секретариат, комиссии, лишена чувства истории, ей введом лишь жажда немедленного насыщения. И эта жажда — неутолима и неукротима.

Оставаясь на этой земле, я в то же время не желаю быть с вами. Уже не за себя одного, но за всех, вами исключенных, «оформленных» к уничтожению, к забвению, пусть не уполномочивавших меня, но, думаю, не ставших бы возражать, я исключаю вас из всей жизни. Горстке прекрасных талантливых людей, чье пребывание в вашем «Союзе» кажется мне случайным и вынужденным, я приношу извинения за свой уход. Но завтра и они поймут, что колокол звучит по каждому из нас, и каждым

* Л. Чуковская и В. Войнович были исключены из СП СССР в 1974 году, Л. Копелев и В. Корнилов — в 1977-м.

этот звон заслужен: каждый был гонителем, когда изгоняли товарища, — пускай мы не наносили удара, но поддерживали вас — своими именами, авторитетом, своим молчаливым присутствием.

Несите бремя серых, делайте, к чему пригодны, — давите, преследуйте, не пущайте. Но — без меня.

Билет № 1471 возвращаю.

Георгий Владимов

Москва, 10 октября 1977 г. (4/149–152).

Письмо немедленно попало в самиздат и передавалось по несколько раз в день *«вражескими голосами»*. Союз писателей *«взбеленился, как брошенная жена»*, и Владимирова срочно исключили, как человека, *«...вставшего на путь... нарушившего нормы... и чем-то там пренебрегшего...»*. К тому времени Смирнов уже скончался от рака, и исключение из Московского отделения Союза писателей СССР происходило под председательством Феликса Кузнецова. Члены правления не проявили большой фантазии и через два года после публикации «Верного Руслана» записали в протоколе № 14 постановления от 20 октября 1977-го: «За публикацию в антисоветском издании “Посев” книги “Верный Руслан”, глумящейся над советской действительностью, и клевету на Союз писателей СССР, содержащуюся в письме Г.Н. Владимирова от 10.X-77, которым он поставил себя вне рядов Союза писателей, — и с к л ю ч и т ь Владимирова Г.Н. из Союза писателей СССР».

23 ноября 1977-го на специальном заседании СП РСФСР под председательством Сергея Михалкова исключение было подтверждено: *«Я не знаю, пели ли при этом действе гимн Советского Союза»**, — комментировал исключенный.

* Оба документа об исключении из СП хранятся в РГАЛИ: Георгий Владимов // Ф. 631. Оп. 41. Д. 76/12–13; Михалков Сергей Владимирович (1913–2009) — автор трех версий гимна Советского Союза (1944, 1977 и 2000), председатель Союза писателей РСФСР (1970–1990).

Жизнь Владимова в советской литературе закончилась. Но он давно осознал, что не укладывается в ее рамки, и, по его собственным словам, выход из Союза писателей был для него «освобождением». На «исключение» он особого внимания не обратил.

ПРАВООЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Когда я начал писать роман «Генерал и его армия», я попросил, чтобы меня познакомили с генералом Григоренко. И мы очень быстро подружились. Он был диссидентом и находился под надзором и слежкой. Я тоже со своими выступлениями считался неблагонадежным, и хотя мои встречи с Григоренко носили вначале чисто литературно-исследовательский характер, для властей я «засветился» и скомпрометировал себя связью с инакомыслящим. Григоренко мне предложил вступить в их группу «Международной амнистии» и вместе работать: «Вы – человек по духу демократичный» (ГВ).

Принцип работы международной неправительственной организации «Amnesty International» основан на идее создания и существования планетарной сети отделений, проводящих в жизнь ценности и философию прав человека. Филиалы организации должны защищать жертв политических репрессий не в своей, а в других странах. Предполагалось, что это приведет к постепенному формированию и развитию космополитического гражданского общества, связанного солидарностью и гуманистическими ценностями, независимо от языка, национальности и политического режима отдельных стран. Кроме того, такой принцип защищал членов организации от репрессий местных властей. Но в качестве частных лиц им не запрещалась борьба за права человека в своей стране. В Советском Союзе группа «Международной амни-

стии» возникла в 1974 году. Инициаторами ее создания в СССР были не случайно «люди Вселенной», как сказал о них Георгий Николаевич, — ученые-физики Андрей Дмитриевич Сахаров, Валентин Федорович Турчин* и Андрей Николаевич Твердохлебов**. Московская группа «Международной амнистии» была зарегистрирована официально в сентябре 1974 года. Ее первым председателем был выбран физик-теоретик В.Ф. Турчин. Добровольный выход Владимирова из Союза писателей совпал с отъездом в эмиграцию Турчина. По его предложению Владимирова, уже ставший членом московской группы, был выбран ее председателем. Об обстановке, в которой приходилось работать, Владимир рассказывал:

Нам в тоталитарной стране, где всякая независимая политическая деятельность рассматривалась, как крамола, было особенно трудно. Почту перехватывали, дважды перетряхивали архив и конфисковали бумаги, один раз еще у Турчина, другой раз — у меня. Нужна была связь с Лондоном, им позвонить или оттуда из центра звонили. А у меня отключили телефон. Я был руководителем до самого отъезда, а когда уехал, группа как-то заглохла (ГВ).

Хотя московская группа при Владимирове защищала чешских и польских диссидентов, используя свои связи на личном уровне, члены ее активно вступались за политических заключенных в СССР, распространяли запре-

* Турчин Валентин Федорович (1931–2010) — физик-кибернетик и советский правозащитник, председатель московской группы «Amnesty International» (1974–1977).

** Твердохлебов Андрей Николаевич (1940–2011) — физик и правозащитник, один из учредителей Комитета прав человека в СССР (1970–1972), один из основателей «Группы-73» — правозащитной организации, помогавшей политзаключенным и преследуемым по политическим мотивам (с 1973 года).

щенную литературу и помогали авторам печататься за рубежом. Все это было связано с немалым риском. В интервью Льву Копелеву Владимов рассказывал: «К нам попала книга Мороза*. У нас были знакомые, которые могли передать ее на Запад. Вручали мы ее, как сейчас помню, под большой слежкой. Была назначена встреча с иностранным журналистом, который приехал на своей машине. И как только мы ее передали, вдруг со всех сторон появилась милиция. Нас стали спрашивать, что мы тут делаем, хотя мы находились во дворе собственного дома. Спасла положение жена журналиста, быстренько спрятавшая эту рукопись под сиденье. И когда милиция начала внутрь заглядывать, там на поверхности ничего не было видно, а обыскивать иностранную машину они не решились. Так мы впервые приняли активное участие в самиздате»**.

Передавая мне этот эпизод, Георгий Николаевич с явным удовольствием вспомнил историю, опущенную в официальном интервью Льву Копелеву. По его словам, когда милиция окружила их в темном дворе и начала задавать вопросы, Наташе показалось, что один из милиционеров занес руку на Владимова (чего не было, *«просто игра теней под фонарем»*). Обученная цирковая наездница с моментальными реакциями, маленькая Наташа, готовая за обожаемого мужа в огонь, воду и медные трубы, с пронзительным воплем: «Не смей на Жорика!» — совершив какое-то головокружительное движение в воздухе, вскочила на шею ошеломленному стражу порядка. Тот от неожиданности плюхнулся на землю, все в пол-

* Мороз Валентин Яковлевич (1936–2019) — украинский историк, поэт и прозаик, представитель украинского национального движения, диссидент. В сентябре 1965-го был осужден по статье 62 Уголовного кодекса СССР (антисоветская агитация и пропаганда) на 4 года лагерей. Наказание отбывал в ИК ЖХ-385-17-А в Мордовии.

** Копелев Л., Владимов Г. Литература существует, как двуконь. С. 159.

ной растерянности расступились. Наташа, виртуозно соскочив со своей жертвы, кокетливо поправила платочек на голове и с воинственным видом встала рядом с мужем. На этом официальная часть «операции» закончилась, милиционеры были *«совершенно сбиты с панталыку»*.

Самым важным для Владимирова в эти годы была дружба с Андреем Дмитриевичем Сахаровым.

С Сахаровым я познакомился в 1972 году, когда звенели фанфары и шла подготовка к празднованию 50-летнего юбилея образования СССР. Он позвонил мне и пригласил приехать к нему домой. Мы приехали к нему к восьми вечера и просидели до четырех утра, никак не могли наговориться и расстаться. Потом мы встречались регулярно.

Я подписал его обращения по поводу отмены смертной казни и амнистии для политических заключенных. Нужно сказать, что до встречи с Сахаровым я не был противником смертной казни, считая, что в каких-то особых случаях применение ее оправдано. Андрей Дмитриевич хотел обратиться в Президиум Верховного Совета с призывом о полной отмене смертной казни и надеялся, что я к нему присоединюсь. По советским законам того времени смертная казнь предусматривалась 25 пунктами в 14 статьях — жутко кровожадный кодекс! Я говорил Сахарову: «Это бесполезно — бороться за отмену, они на полную отмену не пойдут. Давайте возьмем поближе к их логике. Скажем, что слишком много статей, попробуем добиться, чтобы было не 25 пунктов, а 10 — это будет уже наша победа». «Это будет изначальная сдача, поражение, — сказал он мне, — потому что это значит, что мы смертную казнь все-таки признаем». «Но, Андрей Дмитриевич, — возражал я, — ведь бывают же случаи, когда нужно применить смертную казнь...» «Какие же это случаи?» — поинтересовался он. «Ну, например, Нюрнбергский процесс, — сказал я, — надо было этих негодяев по-

весить, взять хотя бы Геринга...» «Не надо никого вешать, — убежденно возразил Андрей Дмитриевич, — мы ведь не просто отнимаем у человека жизнь, мы отнимаем у него возможность стать другим, осознать свои действия, вынести приговор самому себе. Эти злодеи умерли, не раскаявшись, подчиняясь праву победителя в войне, а не нравственному закону». «Но ведь они другими бы не стали», — хмуро сказал я. На что Сахаров ответил: «А вот это — мы не знаем, никогда не узнаем, и не нам с вами это решать». Этот разговор произвел на меня глубочайшее впечатление, и я, идя домой, думал, что у Сахарова есть истинное правовое сознание, до которого я — выученик юридического факультета советского университета — не дорос. Мне предстояло взять у Андрея Дмитриевича много уроков.

В.Н. Сойфер* приводит еще один рассказ Владимова о первой встрече с Сахаровым, который я слышала и от Георгия Николаевича: «Первый раз мы пришли к А.Д. Сахарову. И вот сидим, слушаем, а говорит одна Люся. Андрей Дмитриевич сидит, мило улыбаясь и не вставляя практически ни слова в нашу беседу. И вдруг я вижу, что на стене над столом появился таракан. В какой-то момент заметил его и Андрей Дмитриевич. Ну что сделает любой человек, увидавший такого непрошеного зверя? Прихлопнет! Однако Андрей Дмитриевич поискал глазами на столе что-то ему нужное, увидел коробочку из-под лекарств, высыпал аккуратно лекарства в бумажечку, коробочку слегка приоткрыл, осторожно поднес ее снизу к таракану, ловким движением стряхнул таракана в коробочку и захлопнул ее. Видно было, что он доволен своими действиями. Затем он подошел к открытому окну и уже протянул руку, чтобы выбросить коробочку с жерт-

* Сойфер Валерий Николаевич (р. 1936) — биофизик, генетик, историк науки, правозащитник. Живет в США.

вой, как вдруг втянул руку назад и спросил меня: “Георгий Николаевич, а как вы думаете, он не разобьется?” (Сахаровы жили на седьмом этаже высоченного дома.)

Я помялся и сказал, что не очень уверен, но вроде бы не должен. По правде, такая заботливость меня несколько удивила.

Тогда Сахаров подсел к столу и на каком-то обрывке бумаги карандашом что-то почирикал, какие-то формулы, после чего удовлетворительно заключил: “Нет, не разобьется”, — подошел к окну и аккуратно выпустил из руки коробочку с тараканом»*.

Передавая мне этот эпизод, Владимов сказал:

Меня тогда пронзило, что у Сахарова иное, какое-то библейское восприятие бытия, лишенное сюжентности. Это был великий ученый, который воспринимал жизнь на земле и человеческую жизнь, как часть вечности, в которую нельзя, неестественно вмешиваться петлей или пулей, так как они совершенно ничего не меняют, лишь увеличивая земные несчастья. Это меня убедило сильнее даже его доводов. Этот вечер произвел на меня глубочайшее впечатление. После того как я вышел из Союза писателей и стал председателем московской группы «Международной амнистии», наши встречи носили регулярный характер. У него был приемный день, который он старался выдерживать, чтобы оставить себе время заниматься физикой. Поэтому мы и ездили по вторникам «на кухню к Сахарову» (ГВ).

Человеческие отношения Владимовых с Андреем Дмитриевичем Сахаровым и Еленой Георгиевной Боннэр сложились прекрасно. Сахаров, очень ценивший прозу Владимова, рассказал ему, что они с Еленой Георгиевной сошлись при первой же встрече во мнении, что «Три минуты молчания» — их любимая и лучшая книга в литературе тех лет. Георгий Николаевич очень гордился этой оценкой. В сво-

* Сойфер В. Встречи с писателями // Континент. 2010. № 145. С. 319.

их «Воспоминаниях» Сахаров писал о Георгии Николаевиче и Наташе, что ему «все больше нравилась эта семья»*. Ему вторила Е.Г. Боннэр: «Владимова очень люблю»**.

В 1977-м в Москве было несколько терактов. Погибли семь человек, и тридцать семь были ранены. В подготовке и проведении терактов были обвинены три армянских националиста, и после короткого закрытого суда в самом начале 1979 года обвиняемые были расстреляны. А.Д. Сахаров пробовал добиться задержки приговора и пересмотра дела, приводя существенные аргументы. В письме Л.И. Брежневу от 30 января 1979-го он высказывал серьезные опасения, что могла произойти судебная ошибка или имела место умышленная фальсификация. В ответ КГБ организовало хулиганскую кампанию физической травли А.Д. Сахарова, с нападениями и подбрасыванием угрожающих писем ему и Е.Г. Боннэр. Владимов поехал посоветоваться с Лидией Чуковской, и они пришли к выводу, что нужно возложить на высший эшелон власти ответственность за происходящее. Результатом было написанное ими письмо.

Депутатам Верховного Совета СССР

Ю.В. Андропову

Н.А. Щелокову

Жизнь академика А.Д. Сахарова в опасности. Ему ежедневно угрожают расправой, в письмах и по телефону; в его квартиру врываются люди, называющие себя родственниками погибших в московском метро.

Вам отлично известно, что академик Сахаров никогда не защищал убийц, а только ходатайствовал о гласности и справедливости суда.

* Сахаров А. Воспоминания. М.: Альфа-книга, 2011. С. 521.

** Боннэр Е. Постскриптум. Книга о горьковской ссылке. М.: Интербук, 1990. С. 50.

Вы, государственные деятели, поставленные охранять общественный порядок и безопасность граждан, вы несете личную ответственность перед народом нашей страны, перед всем миром за жизнь академика Сахарова.

24 февраля 1979 г.

Георгий Владимов, священник Сергей Желудков, Владимир Корнилов, Лев Копелев, Лидия Чуковская, Раиса Лерт, Владимир Войнович*.

Когда в июле 1978 года проходил третий процесс по делу литератора, издателя и правозащитника Александра Гинзбурга, Владимовы, А.Д. Сахаров и Е.Г. Боннэр на владимовском «запорожце» вместе ездили в Калугу на процесс. Калуга, родина основателя космонавтики К.Э. Циолковского, была «закрытым городом», куда иностранцы не допускались, а следовательно, присутствие иностранной прессы на процессе было исключено. Поэтому московские и питерские правозащитники решили, что по возможности большее их число должно присутствовать в Калуге во время процесса, чтобы выразить свою солидарность Гинзбургу и продемонстрировать сопротивление режиму.

Выехали мы рано утром на моей машине, Андрей Дмитриевич, Елена Георгиевна и мы с Наташей. В дороге неожиданно сорвалась с одной петли дверь моего «запорожца». Сахаров сразу ухватил дверь и держал ее всю дорогу, не переставая спокойно беседовать. Иногда он начинал дремать, по-прежнему держа дверь в руках и прислоняясь к ней головой. И я за его прекрасную, драгоценную голову очень волновался и старался ехать тише и как можно поосторожнее. В Калуге ни нас, ни других приехавших на процесс ни в одну гостиницу не пустили. Спали, кто в машинах, иногда по три-четыре человека, кто – у знакомых впопал-

* РГАЛИ. Чуковская Лидия Корнеевна // Ф. 3390–793. Ед. хр. 43.

ку, по несколько человек в комнате на полу. Я потом написал скетч «Лик моего народа» – зарисовка своих впечатлений (ГВ).

Невероятная пошлость, ненависть, источавшаяся «ржущей», оскорбляющей толпой во время столкновений правозащитников и представителей КГБ, переданы в скетче Владимова образами, как будто сошедшими с гротескных брейгелевских полотен: «Вот эти гогочущие, глумливые, неподдельной злобой исковерканные лица — это он и есть, лик моего народа?» (4/154) Из уст Владимова с его врожденным чувством глубокого уважения к каждому человеку и к своему народу эти слова звучат совершенно беспрецедентно. Но после окончания процесса пришло осознание служивой обязанности этих людей устраивать чудовищную вакханалию. Сталкиваясь с ними на автозаправке или в магазине, он разглядел их любопытство и интерес к себе, и усталость от собственной «натасканности, наддрессированности». Эта поездка сблизила его с Сахаровыми еще больше.

Мы активно общались вплоть до его ареста и ссылки. Потом весь контакт шел через Елену Георгиевну Боннэр. Так получилось, что я узнал и предупредил его об аресте, хотя должного внимания они на мое предупреждение не обратили.

Дело было в 1980 году. Мы сидели у них до двенадцати ночи, а когда вернулись домой, нас подждал мой сосед, Леонид Седов, социолог, автор интересных статей. В его институте работала женщина, муж которой был майором КГБ. Она и сказала ему, что есть решение об аресте Сахарова, который будет лишен всех своих наград и званий и отправлен в ссылку в город, куда иностранцам нет доступа, чтобы лишить его контактов с иностранными корреспондентами. Как рассказывал Седов со слов своей коллеги, это даже не инициатива КГБ. Таких мер требова-*

* Седов Леонид Александрович (1934–2018) — историк, социолог, политолог.

ли военные, готовившиеся к вторжению в Афганистан. Как бывает в таких случаях, когда составляется план вторжения, афимия ставит определенные условия правительству. Одним из них было удаление Сахарова из Москвы, так как можно было ожидать от него открытой критики этой интервенции. И я вспомнил, как, выходя из дома Сахарова, мы обратили внимание на двух топтунов неподалеку, хотя была холодная, морозная январская ночь.

Я собрался немедленно ехать к Сахарову, но было уже за час ночи, и я решил, что позвоню – терять нечего. Трубку снял сам Сахаров, но я подумал, что он человек немножко не от мира сего, лучше сказать Боннэр, она боевичка, деятельная и предприимчивая. Я попросил Елену Георгиевну и объяснил ей, что получил надежные сведения. Она это как-то приняла скептически: «Ну, что же ты, Жора, сидел, сидел у нас...» Я ей объяснил, что только что сам узнал. Она не прислушалась: «Мы уже сотни раз слышали, что он будет арестован и лишен всего. А меня лишат звания инвалида Отечественной войны...» Я пробовал ее убедить: «Елена Георгиевна, это серьезно. По моему, нужно завтра же с утра собрать пресс-конференцию с иностранными журналистами. Это может Андрея Дмитриевича на какое-то время защитить». Она спросила, как я узнал ночью. Я не мог подвести ни соседа, ни этого майора и его жену, но сказал, что источник серьезный и надежный. Она не хотела верить, хотя сам Сахаров отнесся к этой информации внимательно: «Если Жора вдруг так звонит посреди ночи, наверное, он что-то важное узнал...» В своих мемуарах, он говорит, что пресс-конференция его бы не спасла. И мой авантюрный план – уехать куда-то и переждать – тоже.

А на следующий день так и получилось, как мне сказали: арестовали, лишили всех званий и сослали в Горький. Больше я Ан-*

* 22 января 1980 года Сахаров был задержан по дороге на работу и без суда сослан в город Горький. Указом Президиума Верховного Совета СССР он был лишен звания трижды Героя Социалистического Труда, а постановлением Совета Министров СССР – звания лауреата Сталинской и Ленинской премий и ордена Ленина.

дрия Дмитриевича не видел, но след в моей жизни и душе он оставил глубочайший (ГВ).

Владимов немедленно бросился к Лидии Корнеевне Чуковской, уже сочинившей письмо в поддержку, под которым в течение нескольких часов было собрано семнадцать подписей. Владимир объехал всех на машине.

...Это имя — Андрей Сахаров — стало синонимом благородства, героизма, человечности.

Прославленный ученый, мыслитель, гражданин мира, он воплотил в себе лучшие черты русского национального духа — доброту, готовность к самоотверженности, отзывчивость к страданию, нетерпимость ко лжи и произволу. Униженные и оскорбленные всегда находили у него отклик и помощь. Где бы на нашей планете не творилось насилие, Сахаров неизменно против гонителей, он всегда на стороне гонимого...

Кому нужны преследования первого русского лауреата Нобелевской премии мира, человека, который в глазах сотен миллионов людей всех континентов поднял и утверждает славу нашей Родины, олицетворяет ее честь и достоинство?

Только тем, кто хотел бы возвращения мрачных времен сталинщины.

Одумаемся! Если сегодня можно преследовать Андрея Сахарова, завтра всему народу придется круто.

Василий Аксенов, Сара Бабеньшева, Борис Биргер, Инна Варламова, Георгий Владимов, Владимир Войнович, Евгений Гнедин, о. Сергей Желудков, Лев Копелев, Владимир Корнилов, Раиса Лерт, Раиса Орлова, Г. Померанц, Ф. Светов, Алексей Семенов, Ф. Ясиновская-Литвинова, Лидия Чуковская.

28 января 1980*

* РГАЛИ. Чуковская Лидия Корнеевна // Ф. 3390. Д. 78. Ед. хр. 2–4.

В 1981 году, отзываясь на шестидесятилетний юбилей Сахарова, Владимов писал: «...Андрей Сахаров — несомненная и наибольшая удача демократического движения, воплощение его совести, оправдание всех его ошибок и поражений. В своей прекрасной зрелости он — звезда первой величины на небосклоне нашей общественной жизни...

Мне посчастливилось знать его почти уже десять лет — крупнее и человечнее я не встретил...»*

Далее Георгий Николаевич рассказывал:

Я продолжал руководить московской группой «Международной амнистии». Нужно сказать, что мы не были в изоляции — времена все-таки были другие. Белла Ахмадулина была нам очень верна, нас навещали Андрей Битов, Лев Аннинский, Семен Липкин, Инна Лиснянская. Мы общались и с другими людьми, бывали в мастерской Бориса Мессерера, на дачу к друзьям ездили. Когда праздновали мое пятидесятилетие, за столом сидело двадцать пять человек. Художник Борис Биргер часто приходил, и Рой Медведев нам очень помогал и давал дельные советы (ГВ).

Стало ясно, что после смерти Брежнева ничего к лучшему не изменилось, обстановка ухудшается, и КГБ решительно взялось за Владимовых. Более всего Георгий Николаевич опасался за жену.

Наташа никогда не была официальным членом «Амнистии», но принимала в нашей работе в Москве самое активное участие. Она сразу сказала, что готова исполнять разные поручения, но ни в какую группу вступать не хочет. В ней было настоящее бесстрашие, я редко в жизни такое встречал. Может быть, увидев повесившегося отца, она уже самое страшное в жизни видела и больше ничего не боялась. Она была нашим курьером, передавая

* Владимов Г. К 60-летию А.Д. Сахарова // Бремя свободы. С. 111–112.

«Хронику текущих событий» и другие материалы иностранным корреспондентам. Она очень ловко это проделывала, встречаясь и ними обычно на почтамте. Иногда она подписывала наши письма или призывы. Она занималась опасной работой, за распространение и участие в «Хронике текущих событий» могли посадить, но она шла на это сознательно.

Ее вызвали на допрос по делам Бородина и Крахмальниковой, якобы как свидетельницу. Но это был лишь предлог: «Подумайте о вашем нынешнем поведении!» – с угрозой говорили ей. И так по-отечески корили, что она «плохо смотрит за мужем» и не ограждает меня от «дурных влияний». Намекали ей, что, если Владимов будет продолжать свою антигосударственную деятельность, «мы и про ваши вылазки можем вспомнить». У них были, конечно, сведения или догадки о ее встречах с иностранными корреспондентами.

Но однажды она сделала серьезную ошибку, поставив себя под удар. У нас сидели два человека, фамилии их были, кажется, Кулакин и Денисов, имен их я не помню. Они хотели – ни больше ни меньше – издавать новый правозащитный журнал. Наташа зашла ко мне в комнату и, открыв шкафчик, где у нас лежали «Посевы», предложила им почитать последние номера.

Кулакина вскоре арестовали, и он сразу раскололся. Сказал, что ходил ко мне, и Наташа дала ему два номера «Посева». И что он был у нас не один, а с Денисовым. Тут Денисова тоже прихватили. А тот решил поважничать и сказал, что ему дал журналы сам Владимов. Возникло расхождение в показаниях, и это Наташу спасло. На допросах мы оба сказали, что ничего не знаем и никому журналов не давали.

Но Наташа ходила по острию ножа. КГБ чем ей только не грозило: и арестом, и тем, что меня убьют, и письма были, и звонки, и слежка – я обо всем этом написал в рассказе «Не обращайтесь вниманья, маэстро» (ГВ).

Глава семнадцатая

«Не обращайтесь вниманья, маэстро»

Рассказ «Не обращайтесь вниманья, маэстро» был написан в 1982-м и посвящен Генриху Бёллю. Текст впервые прозвучал по «Радио Свобода»* и был опубликован в журнале «Грани» в том же году**.

Повествование возникло из вполне реальной жизненной ситуации: на Малой Филевской, где жили Владимовы, стояло пять хрущевок, домов-пятиэтажек. Георгий Николаевич обратил внимание, что на окнах одной из квартир напротив появились новые занавески, которые никогда не раздвигаются, хотя *«за занавесочками происходит мелькание рук»*. Он решил узнать, что же там происходит, и вышел во двор. Возле дома его с энтузиазмом приветствовали опохмелявшиеся алкоголики: *«Они только одни мне и радовались, поднятыми кулаками и бутылками выражая солидарность и громко хрипя: “Молодец, мужик! Руби этим козлам по розам!”»* Поздоровавшись с ними, Владимов подошел к *«бабушкам на лавочке»*, которые охотно поведали ему, что в той квартире поселились *«странные люди»*: *«Почты не получают, бутылок не сдают...»* — недоумевали хроникерши***. *«Наблюдают»*, — сообразил Вла-

* Внесено Минюстом России в реестр СМИ-иноагентов.

** Владимов Г. Не обращайтесь вниманья, маэстро // Грани. 1982. № 125. С. 5–58; первое издание в СССР: Сельская молодежь. 1989. № 6. С. 46–52; № 7. С. 50–56.

*** В интервью Л. Копелеву (Архивное приложение к главе 19) Владимов вспоминал, что задал этот вопрос дворнику, но на мой запи-

димов, и в уме его стал рождаться сюжет. Он вспомнил историю, услышанную от своего соседа А.Д. Пятигорского. В доме, рядом с тем, в котором жили родители Пятигорского, расположилась «малина» — банда уголовников. Бригада из МУРа, чтобы следить за ними, обосновалась в квартире престарелых родителей Пятигорского. При этом с хозяевами милиционеры вели себя по-хамски, так что интеллигентный «*папа-Пятигорский*» решил, что они могут быть не представителями власти, а другой бандой уголовников. Поэтому, исполняя свой гражданский долг, он сообщил о «преступниках» в соседнее отделение милиции. «Братъ бандитов» явился вооруженный отряд, чуть не перестрелявший ошеломленных и не ожидавших нападения коллег.

Владимов решил перевести эту историю в политический ракурс: никаких уголовников, а просто «*сидит себе писатель и стучит по клавишам, меняя в пишущей машинке страницу за страницей*», а из окон соседнего дома за его «подрывной деятельностью» следят бездельники, называющие свое времяпрепровождение «охраной государственной безопасности Советского Союза». Георгий Николаевич провоцировал их и держал окно открытым, не задерживая занавесок. Когда к Владимовым приходили гости, Наташа широким жестом распахивала шторы, демонстрируя свое презрение к соглядатаям*.

Рассказ был написан за две недели. Позднее диссиденты передавали Владимову, узнав своими путями, что его текст обсуждался на коллегии комитета госбезопасности: смотрите, мол, товарищи, мы все еще непопулярны и с милицией у нас отношения, в самом деле, не налаженные: «*Конечно, Владимов — фигура одиозная, диссидент, право-*

си информация была получена от «бабушек на лавочке». Между интервью Л. Копелеву и рассказом мне прошло шестнадцать лет и неудивительно, что воспоминания могут разниться в мелких деталях.

* Мессерер Б. Георгий Владимов. С. 153.

защитник, словом, отщепенец, но прислушаться и сделать выводы не мешает» (ГВ).

Вначале власти решили применить к Владимову статью о тунеядстве, по которой в 1964 году был осужден Иосиф Бродский. Милиции были даны соответствующие указания. Но, по словам Владимова, милиционеры, которые по приказу КГБ регулярно ходили к ним в квартиру и требовали отчета о средствах проживания, были настроены очень дружелюбно. Они терпеть не могли сотрудников КГБ, считая тех паразитирующими бездельниками. Поэтому охотно объяснили Владимову, что ему нужно регулярно предъявлять сведения о прожиточном минимуме — 66 рублей в месяц. Этого будет для милиции достаточно, чтобы оставить его в покое и самим избежать неприятностей. Участковые явно не хотели осложнений с известным писателем и диссидентом для пользы КГБ. Предъявлять справки на наличие этой суммы было несложно. Фильм «Большая руда» регулярно показывался по провинциальным телеканалам, поступали гонорары за книги. Жили Владимовы скромно, одним хозяйством с матерью Наташи, Еленой Юльевой. Они всегда обедали и часто ужинали втроем в ее квартире. В рассказе «Не обращайтесь вниманья, маэстро» районный участковый дядя Жора, реальный персонаж, говорит об этом очень трезво:

— Тунеядец-то он тунеядец, — сказал дядя Жора с досадой, разглядывая носок сапога, — да у него книжки печатаются — в Америке, в Англии, в Швеции и хрен знает еще где. Кроме как у нас. Сигналы на него поступают, а как на них реагировать? Его, понимаешь, дипломаты приглашают, не очень-то подступишься (1/206).

Напротив дома, где жили Владимовы, был очень приличный магазин, куда Наташа ходила за продуктами — в том же районе проживали работники ЦК, поэтому там

часто появлялись продукты получше, чем в обычных гастрономах. Представители госбезопасности посетили магазин, строго допрашивая продавщиц, какое количество спиртного покупают Владимовы, что они предпочитают, водку или коньяк, какими купюрами платят.

Продавщицы встали на защиту клиентов всеми своими пышными бюстами: мол, платят все больше копейками и мелочью, а большими купюрами никогда, спиртное покупают только по революционным праздникам, а так – разве бутылочку сухого в день рождения. Они не знали, кто именно нами интересуется и почему, но, видимо, решили, что раз власти интересуются, значит, мы свои люди – шахер-махеры (ГВ).

В результате продавщицы прониклись к Владимовым «цеховой симпатией и норовили подсунуть Наташе кусочки получше и поделекатнее». Но ситуация была далеко не безобидной.

На Наташу дважды совершались «покушения». Один раз – самими гэбистами, просто припугнуть. Но другой раз подпустили уголовников, чтобы ее серьезно избили. Ее случайно спасли проходившие мимо милиционеры. Я им был очень благодарен, мы с ними подружились, и я использовал их имена в рассказе «Не обращайтесь внимания, маэстро». ... Там тексты из жизни, они не только за мной и Наташей следили. Лидию Чуковскую очень «опекали» и всем давали прозвища, которые явно считали очень остроумными (ГВ).

Один из звонков, о котором Лидия Корнеевна Чуковская рассказала Владимову, он включил в текст рассказа «Не обращайтесь внимания, маэстро».

Дочкин просил Железную леди побеспокоить....

— Але, можно Лидию Корнеевну? ...Ваш почитатель звонит. Обижаетесь на нас, что мы вам конверты перепута-

ли? Но письмо-то — дошло. Не ошибается тот, кто ничего не делает... Как же так — не делать? Ничего не делать мы не можем. Мы же вам жить не мешаем. Воздухом дышите? Дачку еще пока не отобрали? (1/203)

Владимов просил Наташу, у которой была великолепная память, сразу записывать тексты всех звонков в их дом. Один из дословных примеров устного творчества стражей государственной безопасности также воспроизведен в рассказе:

— Але, можно Наталию Евгеньевну?.. Кто говорит? Академик Сахаров говорит. Ну, кто ж тебе, Натуля, еще звонить может? Большому кораблю — большое плавание... Чего звоню? Удивлен я, Натуля, безобразным поведением твоего сожителя... А надолго ли он тебе — муж? Я так думаю — ненадолго. Ты уже могла убедиться на примере некоторых твоих друзей, что за подобные штучки, что он вытворяет, судьба наказывает очень жестоко. Смотри, не образумишь своего красавца — будем вместе скорбеть о преждевременной потере кормильца... Але, куда ты там делаешь? Телефон, небось, бегала замерять? Давай замеряй. Делать тебе не хрена, Натуля, лучше бы рубашки мужу погладила, а то в мятой ходит, нехорошо, Натуля (1/204).

Совершавший звонки в рассказе Коля, довольный произведенным эффектом, объясняет: «Выматываюсь потому, что всю душу вкладываю» (1/204), — свидетельство того, что Владимир думал о глубине и богатстве чекистских душ.

Рассказ «Не обращайтесь вниманья, маэстро» — одно из самых ярких описаний состояния общества и клана КГБ в литературе того времени.

Общество в рассказе представлено писателем и его соседями-читателями, обитающими как будто на двух по-

люсах. Читатели в недалеком прошлом впитывали каждое слово кумира:

...этот наш тунеядец был некогда в большой моде, его печатали в «Новом мире», и по его сценариям снимали фильмы, и вот в этой самой квартирке пел громоподобно, услаждая весь двор, покойный теперь артист Урбанский. И тогдашняя восходящая звезда Л.Л. привозила дорогого автогра со съемок на своей машине, и оба наших дома наблюдали, как она ему на прощанье протягивает цветы (1/206).

Но отношение к авторам, вошедшим в литературу в период хрущевской оттепели как представители «молодой прозы», после конца оттепели изменилось:

Тогда была кампания любви к молодым, любили целое поколение, которое почему-то называлось «четвертым», и он входил в эту плеяду, «надежду молодой литературы», считался в ней «одним из виднейших». Потом у всей плеяды что-то не заладилось с их новыми книгами, не так у них стало получаться, как от них ждали, к тому же они имели глупость «нехорошо выступать» и что-то не то подписывать и до того довыступались и доподписывались, что их стали выкорчевывать всем поколением сразу... Да, все почему-то не получается у нас — оправдать надежды Родины! (1/206–207)

Теперь любители литературы «воротят носы, стараясь не попадаться ему на глаза» (1/206). В то же время только у него можно попросить защиты в бесправной стране:

Единственный персонаж осмеливается говорить о его статусе во всеуслышание — наша районная шизофреничка Верочка. Когда, раз в полгода, ей приходит пора ложиться в больницу, а врачи почему-то не кладут, она кри-

чит на весь двор, подпрыгивая упруго на двух ногах, как воробей: «А я на их писателю пожалуюсь на пятом этаже! Он за mine по “Голосу Америки”^{*} заступится!» (1/207)

Источникапелляций «Верочки» — записанная В.Н. Сойфером история, которую Владимов любил вспоминать. Соседка, простая женщина просила у него защиты от начальства: «Георгий Николаевич! Передайте по “Голосу Америки” обо мне, а то ведь они не прекратят на меня наезжать. Я им сказала, что вам пожалуюсь, а уж вы их под орех разделаете. Только на вас и надежда»^{**}. Сам писатель-диссидент вынужден держаться особняком: «...не может же он не чувствовать на себе десятки взглядов — любопытствующих, осуждающих, а то даже испепеляющих, — ведь отчего-то он каменеет лицом, проходя сквозь эти взгляды, старается пройти быстрее» (1/205). Но он продолжает заниматься делами, составляющими главное содержание его жизни, работая со словом на бумаге и борясь за достоинство и свободу своего потерявшего нравственные ориентиры народа.

Разрыв между полюсами символично обрисован в печальной истории с «елочками», происшедшей в действительности. После многих лет бездомности и бесприютности, поселившись в двухкомнатной кооперативной квартире среди безрадостного ландшафта хрущевок, Владимов ощутил в себе гены своего деда — «фея»-мичуринца. Он решил озеленить окрестные дворы и отнесся к задаче с полной ответственностью. Почитав литературу и посоветовавшись, Георгий Николаевич пришел к заключению, что лучше всего приживутся елочки: *«Лиственные деревья более деликатные, сосны капризные, а елочки везде ра-*

^{*} Внесен Минюстом России в реестр СМИ-иноагентов.

^{**} Сойфер В. Встречи с писателями. С. 321.

стут». Каждую неделю он ездил на своем «запорожце» в лесное хозяйство под Москвой, привозил по две-три молодые елочки, завернув корни вместе с землей в специальную рогожку, и планомерно сажал их. Соседи посмеивались и предрекали катастрофу, дети радовались, собирались кружком и активно помогали, загребая ладошками землю и бросая в ямки. «*Растут, растут!*» — радостно кричали они Владимову, когда он появлялся во дворе. Семьдесят две елочки, которые он посадил, прижились, пошли в рост, но радость от них была недолгой.

...и вот тут-то мы показали этому психу, что он не зря потрудился для общества. Перед каждым Новым годом по ночам визжали ножовки... Скоро от всех семидесяти остались одни колья, с полуосыпавшимися боковыми ветвями, смотреть противно и горестно... Как же было не понять еще тогда, что мы больная страна, больная неизлечимо (1 / 220).

Соприкасаясь, но не сливаясь с окружающим миром, будто в отдельном микрокосмосе, живет семья еврейских интеллигентов, в квартире которых поселяются сотрудники КГБ. Отец — бывший инженер, пенсионер с большим сердцем, — собирает и чинит часы, беспрерывно звонящие и тикающие, как отзвук древней иудейской истории. Сын — обожаемый поздний ребенок, пишущий диссертацию на замысловатую и недоступную обычному уму тему, — «Опыт анализа онтологических основ древне-тамильского эпоса сравнительно с изустными произведениями на пракритах». Такие «темочки» (1/208), лишённые идеологического содержания, были способом выживания советской интеллигенции. Надежда Яковлевна Мандельштам в 1956 году под руководством В.М. Жирмунского защитила диссертацию на тему «Функции винительного падежа по материалам англо-саксонских поэти-

ческих памятников». Даже эксперты КГБ не могли найти в таких темах крамолы — или не очень старались. Глава еврейской семьи — Анна Рувимовна, женщина с прекрасным иконописным лицом и острым умом, бесстрашная и не скрывающая своего презрения к «профессии» новых жильцов:

Я потратила свою молодость на субботники и воскресники, увлекалась поэзией бесплатного труда, но, оказывается, есть такое бесплатное удовольствие — не считая, конечно, стоимости бинокля, — заглядывать в чужие квартиры, в чужие окна... я не знаю, в замочные скважины. Я чувствую, как я от этого молодею! (1/213)

Но мужчинам страшно: «Ты мой сын, — сказал папа, — поэтому ты боишься. И поэтому говоришь об этом честно» (1/281).

Вторгнувшись в этот замкнутый мирок, команда КГБ проводит дни, занимаясь полной чепухой: следит за писателем, отпуская при этом едкие, а иногда завистливые замечания об одежде и подарках, привозимых гостями, терроризирует людей по телефону и разводит любовные шашни в чужой квартире. За эту полезную деятельность они получают от государства привилегии, нормальным труженикам недоступные.

Характеристика прислужников режима в рассказе совершенно прозрачна. Во-первых, простая корысть — доступ к распределителям:

С двенадцати до двух они по очереди удалялись обедать — наверно, в хорошее место, поскольку успевали там же и отовариться; по приходе он сообщал ей: «В заказах икра сегодня красненькая, четыре банки взял...» Или она ему: «Сегодня ветчина югославская, ты б тоже взял, твоя Нина мне спасибо скажет» (1/203).

Во-вторых, откровенный цинизм:

— Вы не думаете, Константин Дмитриевич, что, когда ваши дети вырастут, — наверно, есть они у вас? — они прочтут его книги и спросят вас: что было опасного, если просто сидел человек и поскрипывал себе перышком?..

Коля-Моцарт, усмехаясь куда-то в пол, помотал головой, вздохнул. Вздох, по крайней мере, был человеческий:

— Эх, Анна Рувимовна!.. Это они сейчас спрашивают. А когда вырастут — спрашивать перестанут... Да может, это самое опасное и есть — сидит человек и что-то скребет перышком. А мы не знаем — что (1/234).

В-третьих, удивительное свойство всемогущих служителей советского монолита — истерия:

— Да они тебе повеситься предлагают! — кричала дама. — А сало — русское едят!..

Следом мы и впрямь услышали рыдания — во что-то мягкое. Похоже, она орошала слезами мой диванчик.

— Может быть, ей что-нибудь нужно успокоительное? — спросила мама отчасти с жалостью, отчасти брезгливо. Коля, не отвечая, закрыл дверь... (1/233)

Сама техник-лейтенант КГБ Сизова предпочитала, как известно, сало югославское.

И наконец, в-четвертых, умственная зашоренность, которую Владимов воспроизвел в тексте дословной цитатой из его собственной «беседы» с обыскивавшим его квартиру капитаном КГБ Капаевым:

Он стоял перед полкой, заложив руку за борт пиджака, задрал голову, отставив ногу, вылитый «маленький капрал», которому ужасно хочется в Бонапарты.

- И вообще, я вам скажу, некоторые этапы нашей истории пора бы уже забыть.
- Да-а? Это интересно. Какие же этапы?
- Вы сами знаете какие (1/198).

Это временщики, для которых есть кормящая их сиюминутность, но нет осмысления настоящего и истории своей страны, нет — России. Именно поэтому Анна Рувимовна говорит, что их нужно лишить национальности. На ее разумный вопрос: «Зачем все это?» — Коля-Моцарт отвечает: «Идеология», — потому что в отсутствие смысла он должен повесить какую-то вывеску на свою непристойную, но выгодную профессию.

Коля-Моцарт — тусклое и искаженное отражение «маэстро», стучащего на своей пишущей машинке. И писатель, и соглядатай любят прелестного, всечеловечного Окуджаву. И даже техник Сизова, при всей своей пошлости, понятна, когда говорит о том, что Высоцкий ее «трогает сексуально»: нутряная, природная мощь барда сделала его народным сокровищем. Есть общее поле, где и гонители, и гонимые сходятся. И в другую эпоху в другой стране они могли бы мирно сосуществовать, нормально и честно работая и не нанося друг другу вреда.

Игорь Золотусский писал об аспекте комического гротеска в рассказе: «...слежка в этом рассказе поднята до уровня игры, что, с одной стороны, усиливает поэтический эффект, с другой — страшное делает нестрашным, грозное смешным. Это шутовская поэзия сыска, антидетектив, клоунада подслушивания и подглядывания, заканчивающаяся комической дракой, достойной арены цирка. Вместо благородной сатиры Владимов создал комикс, разыграл водевиль, напаялив на своих преследователей дурацкий колпак»*.

* Золотусский И. На пути ко «всей правде». С. 199–200.

Но этот рассказ, как отмечал Лев Копелев*, драматичнее комикса, элементы которого, несомненно, присутствуют. И Коля-Константин, и «дама»-техник Галина Сизова, и невидимые топтуны «Валеры», следящие во дворе за передвижениями писателя и его гостей, — куклы, которыми управляет незримый страшила-кукловод в странном, бессмысленном и жутковатом спектакле «Идеология». Действие его происходит не в прекрасном и трагическом *theatrum mundi*, но в ином, искусственном и отталкивающем советском театре бесчестия.

На таких людях, как Коля-Моцарт и гэбистская «дама», держалась система, которая, чуть пошатнувшись, рухнула бескровно и с необычайной быстротой. В 1981 году над этой системой можно было смеяться — чем и занималась, сочиняя анекдоты, советская интеллигенция. Ее можно было бояться — она карала психушками и тюрьмами. С ней можно было самоотверженно бороться, как делали диссиденты. Но она еще работала, всеми своими хулиганскими методами выживая Владимова из страны.

* Копелев Л., Владимов Г. Литература существует, как двуконь. С. 168.

Глава восемнадцатая

Эмиграция

Как же странно мне было, мой Отчий Дом,
Когда Некто с пустым лицом
Мне сказал, усмехнувшись, что в доме том
Я не сыном был, а жильцом...

Александр Галич. Песня об Отчем Доме

Ровно в восемь часов утра 5 февраля 1982 года в дверь Владимовых позвонили. Владимовы вставали рано, и Наташа уже спустилась на утренний кофе к матери. Сотрудники КГБ пришли в обе квартиры одновременно. У Елены Юльевны немедленно отключили телефон и начали обыск, а Наташу сразу увезли на допрос в Лефортово, любезно пообещав: *«Мы предупредим мужа, чтобы не волновался»*. Елена Юльевна успела набросить на нее свою шубку.

Капитан КГБ Вячеслав Николаевич Капаев предъявил Георгию Николаевичу ордер на обыск. Официальным предлогом было дело молодого прозаика Е.А. Козловского, обвиненного по статье 190-1 Уголовного кодекса РСФСР — «Заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный и государственный строй». Козловский был арестован 7 декабря 1981-го. Основанием была публикация его сатирического произведения «Диссидент и чиновница» в журнале «Континент», где готовилась к выходу его же повесть «Красная пло-

щадь»*. По Москве прокатилась волна обысков, и многих людей «по делу Козловского» вызывали на допросы. В 1991 году Владимов очень резко и саркастично писал о Козловском**, обвиняя его в своей вынужденной эмиграции: «...при том обыске, из-за Козловского, и добыли у меня гэбисты доказательства моей “антисоветской деятельности”, после чего могли на выбор мне предложить — Запад или Восток — и представить к лишению гражданства»***. Позднее он сказал мне: *«Может быть, он и не был провокатором. Он, скорее всего, был слабый человек и очень испугался. Или кто знает, что они делали — применяли какие-то средства, заставляющие таких людей говорить. Без опасений для КГБ, что их подопечный потом решится об этом рассказывать»*.

Во время обыска в 1982-м Капаев сообщил Владимову, что арестованный Козловский якобы рассказал следствию, что отдал Георгию Николаевичу рукопись своей книги «Красная площадь» для передачи на Запад****. На что Георгий Николаевич ответил лаконично: рукопись по просьбе Козловского читал — часто молодые писатели просят высказать свое мнение об их прозе, книга ему не понравилась, к отправке ее на Запад отношения не имел. Капаев угрожал писателю и вел себя по-хамски, как будто арест был делом решенным и неминуемым.

Наташа в Лефортово категорически отрицала все: Козловского не знаю, дома не принимала, «Красную пло-

* Козловский Е. Диссидент и чиновница // Континент. 1981. № 27. С. 15–52.

** Владимов Г. Какой зефир струит эфир // Бремя свободы. С. 273–274.

*** Там же. С. 274. См. также: Пугач А. Действующие лица, организации и исполнители. Беседа с Г. Владимовым об обстоятельствах его эмиграции из СССР // Юность. 1991. № 2. С. 57–61.

**** Козловский Е. Красная площадь // Континент. № 30. С. 12–60; № 31. С. 57–156.

щадь» в глаза не видела, ничего никому не передавала. После семи с половиной часов бессмысленного допроса ее отпустили домой. Для Владимова время ее отсутствия было необычайно мучительным: Капаев намекал, что Наташа арестована и не вернется с допроса.

В то время в квартирах Владимовых и Е.Ю. Домбровской шел ремонт, которым занимался Валерий Николаевич Сойфер, ученый-генетик, потерявший работу и подрабатывавший ремонтами квартир. Покрасив стены у Владимовых, он приступил к работе в квартире Елены Юльевны и оказался близким свидетелем этого эпизода в жизни писателя. Сойфер работал над книгой об истории генетики в СССР* и давал машинописные главы на прочтение заинтересованному Георгию Николаевичу. Некоторые из них лежали на столе, когда в квартиру явилась команда КГБ. На вопрос следователя Владимов ответил, что это главы из рукописи «Управляемая наука» Марка Поповского (уже уехавшего на Запад). Во время этого обыска сотрудники КГБ даже не подходили к столу, за которым Владимов писал и в котором он хранил литературные заметки и рукописи. Сойфер вспоминает слова Владимова, сказанные им после этого обыска: «Но даже если бы они все унесли, я бы восстановил свои вещи целиком. Константин Георгиевич Паустовский говорил, что он помнит все написанное им дословно, до каждой запятой. Вот так и я. Я долго хожу и шепчу слова будущих фраз вслух, так что Ташенька (его жена. — В. С.) меня иногда даже ругает за это. Но благодаря такому методу я сначала проговариваю, и не раз, вслух все тексты, привыкаю к ним, а потом уже все кладется само собой на бумагу. Если написанный текст уничтожат или конфискуют,

* *Сойфер В.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. Нью-Йорк: Эрмитаж — Тенафлай, 1994. Сойфер писал фамилию «Капаев» как «Копаяев».

я все равно восстанавливаю его точно таким же, каким он был в оригинале»*.

Сойфер был последующие дни главным собеседником Владимирова, пережитое напряжение которого проявлялось в необычной для него разговорчивости.

«Один из “шмональщиков” наткнулся на два тома “Архипелага” Солженицына. Подняв глаза к Владимову, он заявил:

— Вот читаешь “Три минуты молчания” и веришь. Читаешь Солженицына — и не веришь!

На что Георгий Николаевич ответил:

— Вот видите, как тяжело быть писателем.

Наступило минутное замешательство, после чего “читающий шмональщик” переспросил:

— Я что-то не совсем понял. К чему это вы?

— А представьте себе писателя, которого его же читатели и шмонают! — ответил Владимов**.

В результате обыска были изъяты записные книжки и материалы, связанные с его деятельностью в «Международной амнистии»***. За первым обыском последовал второй:

28 декабря 1982 года у меня опять был обыск. Это была пятница — типичный день для подобной деятельности КГБ. Они забрали адреса и карточки иностранных корреспондентов. Об обыске объявлять иностранным корреспондентам нужно сразу, а в пятницу они на выходные разъезжаются. Ну, а понедельник — для газет это уже не новость. После обыска я позвонил Рою Медведеву, и сразу через полчаса стали съезжаться в основном американцы, но был и немец, и англичанин. Они брали у меня интервью и сразу сообщали в свои агентства и печатные органы (ГВ).

* Сойфер В. Встречи с писателями. С. 324.

** Там же. С. 323.

*** Владимов Г. Протокол обыска // Новое русское слово. 1982. 22 июня. С. 3.

В письме ФСБ генерал-полковнику Н. Ковалеву Владимов обрисовал обстановку, в которой они жили:

В бытность мою правозащитником, председателем Московской группы «Международной амнистии», мне был оказан немалый набор «услуг»: наружное наблюдение, перлюстрация писем и пропажа их, прослушивание телефона и обрывы разговора, телефонные и письменные угрозы убить меня; в конце концов телефон отключили и номер передали людям, которые на вопросы обо мне отвечали, что я эмигрировал или — что умер. В моей квартире и в гараже проводились негласные обыски, что мы легко обнаруживали по своим приметам... Людей из моего окружения вербовали в стукачи, в чем одни признались, а других мы разоблачили, будучи в этом достаточно опытными. При обыске 28 декабря 1982 года изъяли оружия труда — пишущие машинки с русским и латинским шрифтами (24.07.1996, FSO).

Третий обыск прошел 5 февраля 1983-го. У Владимира изъяли всю переписку с «Посевом», считавшуюся криминалом:

«Посев» — это НТС, а НТС — антисоветская организация. И стало ясно, что КГБ готовит какое-то дело. А тут я еще выступил летом 1982 года с рассказом «Не обращайтесь, маэстро». Они после этой ответной зуботычины просто остервенели и совсем обнаглели (ГВ).

Наташа во время этого обыска совершенно потеряла самообладание, кричала и ругала обыскивающих так, что те растерялись: арестовывать ее приказа не было, обуздать было невозможно. Владимов не вмешивался. После этого обыска *«потащили меня на допросы по поводу Бородина и Крахмальниковой».*

Л.И. Бородин до ареста бывал у Владимовых, и его судьба очень волновала Георгия Николаевича. Он не считал Бородина большим писателем и совершенно отстранялся от некоторых аспектов его христианско-националистического мировоззрения, но его мужество и стойкость внушали Владимову глубокое уважение.

Зоя Александровна Крахмальникова была арестована 4 августа 1982-го. Обвинения против нее основывались на написании религиозных статей и распространении религиозной литературы, а также на составлении сборника религиозного содержания «Надежда», который был издан в журнале «Посев». С ней Владимовы практически не общались, так что КГБ быстро бросил эту линию давления, сосредоточившись на Бородине.

После обыска 28 декабря 1982 года обстановка начала стремительно сгущаться и делалась все более опасной. Уже пришел к власти Андропов, прямо из спецслужбы в генсеки. Особенно на меня действовали «покушения» на Наташу. Хотя они и были инсценированы, но кто знает, каков мог быть исход. И я понимал, что не могу ее подвергать такой опасности. Мы стали думать об эмиграции. Андрей Дмитриевич Сахаров из Горького тоже советовал эмигрировать: «Вас, Жора, они, пожалуй, не арестуют, но могут арестовать Наташу, и отдадут Вам ее в аэропорту», — писал он мне в записке, переданной Боннэр (ГВ).

Владимовы никак не могли решиться, понимая бесповоротность такого шага: «Под давлением, которое чувствовалось во всем, мы находились в переменчивом настроении: утром — остаемся, вечером — надо ехать!» Звонки и поддержка зарубежных друзей были очень важны, но сигналы были противоречивыми. В.П. Аксенов очень подбадривал и торопил с отъездом, А.А. Зиновьев советовал не обольщаться относительно легкости жизни на Западе и оставаться в Москве.

Травлю КГБ усиливали слухи, что я пишу роман о Власове. Но травля эта была на удивление злобной, даже остервенелой. Следили, ходили по пятам, ехали за моей машиной, отключили телефон, угрожали убийством, изымали литературу и материалы для романа – такие честные методы борьбы применяли (ГВ).

4 января 1983 года на допросе в КГБ, связанном с делом Бородина, подполковник А.П. Губинский поставил Владимову ультиматум, требования которого изложены в письме Ю.В. Андропову от 12 января 1983-го:

Он объявил, что «расшифрована» моя переписка. Я зачастую подписи не ставил или ставил не свою и передавал через туристов. Губинский сказал, что признана моя машинка, мой характер печати, что у них все «идентифицировано». И он готов «выделить» мое дело из дела Бородина, и составить на меня отдельное уголовное дело, если я:

1. не назову все свои связи;
2. не обязуюсь письменно не заниматься больше антигосударственной деятельностью;
3. издаваться на Западе только официально и отдавать государству полученные от западных изданий деньги (4/166).

О выполнении этих условий не могло быть и речи. Срок на размышление был дан до 20 января. Владимовы советовались со всеми друзьями, считавшими, что ультиматум очень серьезный, и нужно использовать любую возможность, чтобы уехать.

Допросы продолжались.

Следователь Губинский, с которым у нас были идеологические разговоры, осведомил меня о том, что, если я покину Родину, «Россия ничего не потеряет». «А вы, стало быть, – спросил я, – мои книги читали?» «Нет», – не моргнув глазом, ответил он.

Я ему говорю: «Как же вы судите о человеке? Вы решаете судьбу русского писателя и ни одной книги его не прочитали». «А мне это не нужно», – твердо так он мне ответил. Он был 1943 года рождения. Я его задел сильно. У меня квартира, видимо, прослушивалась. Я, вернувшись с допроса, сказал Наташе, что мой следователь, похоже, от дезертира родился: от кого же еще мог ребенок родиться в 1943 году? Так что на следующем допросе он вернул, что его отец был политруком пулеметной роты и погиб при форсировании Днепра. Я его спросил, в какой же армии он был: «Ну, я не помню, какая там была армия...» Я ему сказал на это: «Если бы мой отец погиб при форсировании Днепра, я бы точно помнил, в какой он был армии». На это он ничего не ответил, но весь позеленел (ГВ).

Владимов жил в постоянном и изматывающем страхе за Наташу. Объясняя свое решение эмигрировать, он сказал мне:

Если бы я был один, я бы ни за что не уехал. Я хотел жить в своей стране, я хотел быть «там, где мой народ, к несчастью, был». Но я был уверен: знай Ахматова, что ее сын окажется в ГУЛАГе, она бы эмигрировала. Рисковать Наташей я никак не мог, не хотел, не имел права и ни за что бы не стал (ГВ).

Сама Наташа очень устала от напряжения и страха за мужа и уговаривала его уехать. Она считала, что все равно система скоро рухнет. Но пока нужно уехать и нормально пожить несколько лет: «Все это и без нас развалится. Тут все друзья приедут с Запада, попутешествовавшие, загорелые, а мы здесь так измучаемся, что уже и радоваться ничему не сможем».

Владимов решил принять приглашение Кельнского университета читать лекции по русской и советской литературе. Приглашение было устроено Генрихом Бёллем и Львом Копелевым. 12 января 1983 года Владимир обра-

тился в письме к Андропову с просьбой выпустить его на год за границу, объяснив свои основания для выезда:

...Я готов принять ставшие уже привычными тернии русского писателя, и как прежде недрогнувшей ногой ступил на палубу рыболовного траулера, так же ступлю и под своды Лефортовской тюрьмы. Уверяю Вас, ни следствие, ни суд, ни уготованные мне лагеря не переменят моих убеждений и не покажутся тяжелее того бесчестия, которое я нанес бы себе требуемым покаянием.

Однако вместе со мной, а может быть — вместо меня, грозятся арестовать мою жену, Наталию Кузнецову. Окажется, и на нее «материала достаточно», а главная ее вина — что она не прилагает усилий добиться от меня вышеуказанного письма, да еще мешает общению со мной людей, которые могли бы на меня повлиять «в лучшую сторону». Это, в общем, неплохо придумано, хотя и не ново. Быть храбрым за чужой счет — невелика честь, и я не могу допустить, чтобы по моей вине, действительной или воображаемой, пострадал другой, будь то жена или вовсе посторонний. Как видите, славным чекистам не стоило нравственных усилий унизиться до презираемой во всем мире, но действенной тактики заложничества.

Я предлагаю иной выход, менее ущербный для нашего государственного престижа. Я готов покинуть Россию. Быть вынужденным к этому — больно и обидно для нас, свою любовь к ней мы доказали уже тем, с каким терпением сносили гонения, преследования, унижения нас самих и нашего жилища. Я не покинул свою страну добровольно в трудные для нее годы и надеюсь, в меру сил и способностей, еще послужить ей, живя за рубежом, — до той поры, когда мы сможем вернуться (4/164–167).

Ответа от Андропова он не получил — письма предполагалось писать просительные. Понимая, что Владимир

такого письма никогда не напишет, Белла Ахмадулина сама написала письмо Андропову с просьбой выпустить Владимовых.

Уважаемый Юрий Владимирович!

Мои собственные обстоятельства — благоприятны, я пишу, печатаюсь и выступаю, чем не могу не дорожить.

Тем скорее решаюсь я просить и умолять Вас — нижайше, как и подобает просителю.

Писателю Георгию Владимову (и жене его Кузнецовой Наталии Николаевне) грозит арест или грозят арестом.

У Владимирова есть приглашение уехать во Францию для лечения, он, правда, тяжело болен, я говорю об этом лишь по моему усмотрению и отчаянию, потому что принимаю его здоровье и жизнь близко к сердцу.

С давних пор нашей общей литературной молодости, принесшей ему успех и известность, я прихожусь Владимову верным товарищем, любящим коллегой. Я бы не могла рассчитывать ни на чье уважение, если бы именно сейчас об этом забыла.

Я хорошо понимаю, что не к Вам и не мне должно обращаться с просьбой о возможном отъезде Георгия Владимирова в чужие страны. Но я опасаюсь, что Владимову не хватает спокойствия и может не достать времени для принятия своих мер, надобных и правильных в его трудном случае.

Еще и потому пишу Вам, что люди всегда были ко мне добры, а судьба милостива.

Примите, пожалуйста, мои добрые новогодние пожелания.

Белла Ахмадулина
11 января 1983 года*.

* Мессерер Б. Георгий Владимов. С. 161.

Белла Ахмадулина со своим мужем Борисом Мессерером отвезли письмо на улицу Куйбышева в приемную генерального секретаря. Ахмадулиной сразу позвонили с Лубянки и предложили встретиться в ресторане. Она с вызовом ответила, что у нее нет денег кормить и поить генералов КГБ, а за их счет она в ресторан не пойдет. Тогда ей предложили встретиться в редакции ТАСС, где ее ждал главный борец с диссидентами генерал КГБ Ф.Д. Бобков* и работавший в ТАСС генерал Вячеслав Ервандович Кеворков**.

Белла за меня просила и за Бородину, которого должны были судить. Он был арестован в мае 1982 года. Он передал через своего адвоката, что хотел бы уехать. Но генералы объяснили, что кровопролития в отношении меня не хотят, а Бородину не отпустят и даже говорить об этом не будут. Встретились они с ней, вероятно, из чистого любопытства. Ну, Белла – это Белла, вышла от генералов, мы ждем ее, волнуемся. А она нам докладывает в упоении: «Я была прямо как Сара Бернар!» Мы ей говорим: «Да, подожди ты с Сарой Бернар! Скажи, что тебе там было объявлено?» Смелый она человек, чистый и преданный. Мы ее очень любили, я и сейчас очень люблю. Генералы сказали Ахмадулиной, что Бородину будут судить, а с Владимовым они «крови не хотят», и, если будет заявление на отъезд, оно будет удовлетворено (ГВ).

Георгий Николаевич не сомневался, что, если он уедет в Германию, ему не дадут вернуться, и он окажется в эмиграции. Губинский говорил писателю: «Все зависит от того, как вы будете себя вести». Но Владимов ему не верил.

* Бобков Филипп Денисович (1925–2019) — первый заместитель председателя КГБ СССР.

** Кеворков Вячеслав Ервандович (1923–2017) — генерал-майор КГБ.

Умные люди мне объяснили, что они всем так говорят, чтобы по приезде на Запад человек вел себя тихо и не делал никаких заявлений.

Больше нас никуда не вызывали, оформили визы очень быстро. Пришел ответ из ОВИРа, что, пожалуйста, выезжайте. Стали собираться. Я в заявлении на выезд написал, что хочу уехать в конце мая, указал дату 1 июня. Но тут мне стали намекать «опекуны», что нужно поскорее уехать, до апреля. Я отказался, хотел дожидаться суда над Бородиным. Тогда начались угрозы: «Мы можем к вам через несколько дней прийти с арестом». Я ответил: «Приходите с арестом!» Просто пугали, потому что ясно, что было решено избавиться от меня, а не в тюрьму сажать.

Бородина судили в мае 1983 года, ему дали 10 лет лагерей и 5 лет ссылки. А до этого меня выдвинули на премию «Liberté» французского ПЕН-клуба. Позвонили из Парижа, спросили, не навредит ли мне премия и приму ли я ее. Я спросил, кто еще выдвинут. Они ответили, что Бородин и какой-то поляк. Так как этот разговор происходил за неделю до суда над Бородиным, я решил отказаться в его пользу. Сказал, что я снимаю свою кандидатуру и прошу дать Бородину. Но один он не потянул на эту премию, ее разделили с поляком, тоже диссидентом*. Может быть, морально это его и поддержало, но не повлияло нисколько на приговор суда. Как десять лет хотели ему влить, так и влили. Это была моя последняя гастроль в Советском Союзе.

Съездили мы в Ленинград, попрощался я с матерью, с родными местами, съездил в Петродворец, сходил в училище свое, по друзьям походил.

Уезжали мы очень тяжело, чувство было ужасное, на меня какой-то ступор напал, я ничего перед собой не видел. Пошел и наткнулся на стеклянную стену.

* В 1983 году Le Prix de la Liberté французского Pen Club разделили Леонид Бородин и польский поэт Марек Новаковский (Marek Nowakowski; 1935–2014).

Шмон на таможне был унижительный, жуткий, потрошили все чемоданы. Наташа спрашивала: «Что вы ищете?» – не поднимая голов, отвечали: «Мы знаем, что...» Искали хоть какую-то бумажку: зацепиться, изъять. Записную книжку с адресами забрали. Объявили, что ни книг нельзя, ни словарей, особенно на словари налегали. То есть им хотелось, чтобы человек в чужой среде оказался беспомощным, без языка. А кончив шмонать, заставили нас самих собирать и укладывать разбросанные вещи: «У нас нет рабочих рук». Поехала с нами в Германию мать Наташи, Елена Юльевна Домбровская.

Владимовы вылетели в Германию 26 мая, в день рождения Наташи: «Боль была страшная. Наташа плакала, Елена Юльевна держалась очень мужественно, успокаивала дочь и даже меня подбадривала».

Как только самолет приземлился во Франкфурте-на-Майне, в салон вошел широкоплечий мужчина из советского посольства и громко спросил: «Кто тут Владимов? Вас просят выйти последним». Мужчина остался стоять возле дверей. Когда самолет опустел, он широким жестом: «Пожалуйста», — пригласил писателя в изгнание.

Глава девятнадцатая

Начало жизни в Германии

Во франкфуртском аэропорту Владимова ждали журналисты и представители «Посева». Состоялась короткая пресс-конференция, и в тот же день немецкое телевидение сообщило о приезде писателя.

Мое состояние вы представляете. В холле франкфуртского аэропорта находился Н.Б. Жданов, директор «Посева». Я его не знал в лицо и, приняв за немца, сказал бодро: «Guten Tag!» Все изумились: «Вы знаете немецкий?!» Я говорю: «Нет, я не знаю немецкого. Но “Guten Tag!” – знаю». Была такая пятиминутка, нас снимали. Там, впрочем, Наталия на пленке мелькала чаще, чем я. Нас троих повез к себе на ужин Артемов**, директор НТС. Вечером туда позвонил из Вашингтона Вася Аксенов и тоже что-то доложил по «Свободе»*** после нашего разговора. Так что прибытие было освещено. А на следующий день нас привезли в Menschenrechtskommission, где была долгая полутора-часовая пресс-конференция, организатором которой был НТС, полностью взявший нас под свою опеку (ГВ).*

* Жданов Николай Борисович — директор издательства «Посев» в 1980–1992 годах.

** Артемов Александр Николаевич — председатель НТС в 1972–1984 годах; Романов Е.Р. занимал тот же пост в 1984–1995-м.

*** «Радио Свобода» внесено Минюстом России в реестр СМИ-иноагентов.

Первый период жизни Владимовых в эмиграции был вполне благополучным, несмотря на травму, хотя и не неожиданную, от лишения гражданства:

Указ Президиума Верховного Совета СССР

№ 520

О лишении гражданства СССР Владимирова Г.Н.

Учитывая, что Владимир Г.Н. систематически занимается враждебной Союзу ССР деятельностью, наносит своим поведением ущерб престижу СССР, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

На основании статьи 18 Закона СССР от 1 декабря 1978 года «О гражданстве СССР» за действия, порочащие высокое звание гражданина СССР, лишить гражданства СССР Владимирова Георгия Николаевича, 1931 года рождения, уроженца гор. Харькова, проживающего в ФРГ.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Ю. Андропов.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР:

Т. Ментешавили

Москва, Кремль, 1 июля 1983 г.

№ 9573-X (FSO).

Наталия Евгеньевна Кузнецова послала заявление в посольство о добровольном отказе от советского гражданства. Ответа она не получила. Владимов комментировал на «Радио Свобода»*: «Могу ответить на этот указ словами моего персонажа из рассказа “Не обращайтесь внимания, маэстро”: “Надо их самих лишить навсегда — национальности!”

Я продолжаю верить, надеяться: настанет час, когда нам всем, лишенным гражданства, вернет его с почетом

* Внесено Минюстом России в реестр СМИ-иноагентов.

новая, свободная Россия. Мы приложим все силы, чтобы это произошло скорее»*.

Во многих отношениях начало жизни на чужбине было для Владимова более легким, чем у большинства эмигрантов. Он приехал на Запад известным писателем и диссидентом, его репутация была безупречной, его мужество и смелость вызывали всеобщее восхищение. Он был желанным гостем университетов, обществ и клубов. Скопившиеся гонорары за издания его романов за границей обеспечивали на первое время денежную базу для безбедной жизни. Впереди была перспектива работы, о которой он мечтал еще в Москве: как редактор эмигрантского журнала «Грани» он надеялся влиять на судьбу литературного процесса и развитие общественной мысли не только за пределами России, но и в самой стране.

Впечатления, наблюдения и состояние первых месяцев эмиграции прослеживаются в письмах Владимова двум главным адресатам — матери и Илье Львовичу Белявскому. Первое письмо Марии Оскаровне я приведу полностью, так как письма матери, чью образованность и литературный вкус он всегда ценил, были для Георгия Николаевича частью творчества.

16 August 1983

Georgij Vladimov
Lubacker Strasse, 7
D-6236 Eschborn / Ts 1
West Germany

Дорогая мама!

Вот выбрался, наконец, оформить свои впечатления письмом. Их много, и всего сразу не расскажешь, поскольку

* Владимов Г. О лишении советского гражданства // Бремя свободы. С. 119.

ку совсем иной мир, иная страна, иной народ — не только по языку, но всеми жабрами и «пищиками».

Мы поселились в Эшборне, маленьком городке в 15 километрах от Франкфурта, сняли квартиру из 3-х комнат на 9-м этаже — с видом на лесистые холмы Таунус и на американскую военную базу. Да, все это очень просто. Огороженный невысоким заборчиком и рядами деревьев лагерь, стоят одноэтажные казармы в виде коттеджей, видны рядами грузовики с зачехленными ракетами, по городку расхаживают солдаты-американцы в маскировочных балахонах, много среди них очкариков, негров и женщин, которые служат в армии США наравне с мужчинами. Захаживают в магазины, отовариваются вином — сразу 5–6 бутылок — здесь оно хорошее и дешевое; с местными как-то не соприкасаются, немцы к ним относятся настороженно.

Городок Эшборн — очень древний, построен 2000 лет назад римлянами, здесь был их лагерь на границе империи, кое-где сохранились остатки тех еще поселений или только стен. Все это ухожено, снабжено соответствующими табличками, увито плющом, обсажено цветами. Цветы здесь везде — на каждом окне, на каждом балкончике, в палисадничках, каждый квадратный метр используется, чтобы посадить хоть одну елочку — и цветы. В центре Эшборна — символический вяз, окруженный каменной кладкой [«эш» — это вяз, а «борн» — родиться, т. е. название расшифровывается приблизительно как «родившийся от вяза» или «вокруг вяза»]; неизвестно — 2-тысячный или малость помоложе, он в два охвата и с дуплом, которое заделано бетоном и затянута железной сеткой.

Множество магазинов и магазинчиков, на каждом шагу какой-нибудь ресторанчик или кафе, или пивная [пиво здесь — народный напиток и пьют его вдумчиво и подолгу, по несколько литровых кружек] — живописные зеленые улочки, живописные любовно ухоженные домики, выло-

женные цветной плиткой тротуары; похоже немножко и на Ялту, и на Таллин...

Я прочитал уже три лекции осеннего семестра в разных университетах, пришлось поездить, побывать в Кельне, в Мюнхене, в Бохуме, в Тюбингене. Германия — красивейшая страна, много лесов, несколько рек, правда, с коричневой водой вдоль берегов, сплошные виноградники на кручах, знаменитые рейнские и мозельские вина, а выше рыцарские замки. В них либо отели с ресторанами и стоянками машин, либо «проклятая частная собственность». Самый красивый город Германии — Мюнхен, нам его доводилось видеть в основном из окон машин, в которых нас возили, но и то, что виделось, поражает мощью красоты, богатством зелени, роскошеством старинных зданий — здесь их так берегут, подновляют, подкрашивают, украшают цветами, что кажется — вчера только закончили постройку. Несколько поменьше и посуровее — Кельн, но там зато чудо мира или только Европы — знаменитый Кельнский собор, который, рассказывают, выше Парижской Богоматери. Он тоже двуглавый, и перед порталом — для наглядности — установлена точная копия его креста в три-четыре человеческих роста. К сожалению, собор этот с разных сторон обстраивается разными коммерческими зданиями — банками, фирмами и т. п., с этим борются, но уже ничего не поделаешь, разглядывать его можно лишь вблизи, задирая голову, или совсем издали, но только верхушки. И все равно — грандиозное зрелище.

Самый, пожалуй, некрасивый — Франкфурт. Сплошь модерн, небоскребы тех же банков и фирм, очень мало зелени, но за это надо благодарить американскую авиацию, которая его хорошо повыбила. Только за Майном [или по-нашему, в Замайнье] сохранились старые кварталы, и туда устремляются по праздникам или просто по субботам франкфуртцы, чтобы отдохнуть душой. Великое множество машин, которым негде приткнуться [и повсюду

строят для них многоэтажные гаражи-стоянки — за плату, разумеется, — но проблемы это не решает], жить скучновато и душновато, оттого все стремятся купить или снять квартиры в окрестностях вроде нашего Эшборна.

Бохум — университетский городок — рассмотреть не удалось, шли тогда дожди, а вот другой городишко — Тюбинген — произвел на нас сильное впечатление. Здесь бы «жить и жить, сквозь годы мчась», как сказал поэт. Тихо, уютно, мило, зелено, основной народ — студенты, весь городок — вокруг университета, основанного 600 лет назад, в круглой котловине, похожей на чашу. Поверху — замки и монастырь. Целый день по жаре возил нас на своей машинке местный энтузиаст... Мы побывали с ним на кладбище — с могилами солдат и офицеров обеих мировых войн, на общей стеле надпись «Они умерли за нас». И тут выяснилось, что сам наш гид — бывший солдат вермахта, в 1945-м был на пороге Москвы... Сорок два года прошло, мы можем теперь лишь удивляться, что нас тогда сделало врагами. Но ведь и Генрих Бёль, который меня сюда вытягивал, был солдатом вермахта... Он, кстати, нас принял у себя в доме, как бы сказать, в Кельнской области, обнял и расцеловал, даже прослезился, что увидел меня целым и невредимым. Ему 65, но выглядит старше, даже дряхленько, очень болен, хотя напряженно работает, пишет, выступает. Это был первый немецкий дом, который мы посетили, и самый лучший дом, не слишком зализанный, скорее крестьянский хутор, с каменными сараями из неотесанных бутовых кубов. Пахло скотиной — чтоб не заниматься стрижкой травы [а это в Германии непереносимая операция, даже ритуал], Бёль на свой участок охотно пускает соседских овец, коров и лошадей. Несколько часов провели в беседах и спорах — по поводу размещения на территории Германии американских ракет, выпили немножко, я ему подарил рассказ «Не обращайтесь вниманья, маэстро», ему посвященный, только что вышедший в английском переводе.

Но, разумеется, Бёлль не слишком типичный немец. Вообще же сей народ — необычайно дотошный, усидчивый, терпеливый в работе. Стрижет ли немец траву, строит ли дом, метет ли улицу перед своим окном, ходит ли драить свою машину — он не отвлекается ни на минуту, не перекуривает, не бежит в перерыве похмелиться. Все — до вечера, когда он засядет с пивом и будет наслаждаться отдыхом и беседой. Неизвестно только — когда он читает книги. Поразительна самодисциплина народа — без всякого принуждения: можно полгорода пройти и не встретить ни одного полицейского. Кто же уличное движение регулирует? Никто, сами следят за порядком. И притом, ездят на сверхскоростях. Но стоит пешеходу вступить на «зебру» [отмеченный белыми широкими полосами переход], как машины замирают, и тебя ладошкой приглашают пройти спокойно. Люди предупредительны, отзывчивы, не говорю вежливы — это у них в крови, в генах. На другой день, как мы поселились, все нам в лифте стали говорить «Гутен Таг», а выходя на своем этаже — «Ауфвидерзеен». Только всего и нужно, чтоб ты себя чувствовал спокойно — и свободно. Можно ходить по городу хоть в трусах, если жарко [а в Английском парке в Мюнхене молодые люди обоего пола ходят и загорают голыми, называются «нудисты»], можно свою машину размазывать тюльпанами или сплошь обклеить красотками из журналов — никто не упрекнет, не обратит особого внимания. Каждый живет, как хочет, и оригинальность только приветствуется.

К русским относятся с особым интересом и вниманием, но это особ-статья, в новых поколениях живет раскаяние за все, что их отцы причинили нам в 1941–1945 годах. И, глядя на этих немцев, никогда не скажешь, что это они или такие же, как они, могли строить виселицы и расстреливать пачками в Бабьем яру. В мозгу не укладывается.

Вот разве что к денежкам они относятся свехуважительно, трижды задумаются, прежде чем лишний пфенниг потратить, а ведь это совсем даже не монета, коробку спи-

чек на нее не купить. Мы, разумеется, к деньгам относимся по-русски, за два квартала не пойдем в другой магазин, где чуть подешевле, и это их одобрения не вызывает, щедрые натуры тут не пользуются авторитетом. Вот это все-таки настораживает, хотя не скажешь, что это такая уж противная черта национального характера...

Ну, вот мои первые впечатления от гнилого Запада. На вид он совсем не гнилой, впечатление — огромного богатства, но и огромного труда, вложенного в это богатство, но и немалой бережливости, и внимания ко всему живому. Поэтому между домами на газонах резвятся дикие кролики и порхают бекасы, а для собачек и кошек продается специальная еда в красочных пакетиках и баночках.

Далее — поглядим. Нам предстоит еще многое увидеть и оценить. Впереди еще Франция и Америка. Но это, по-видимому, на следующий год. Пока — обсмотреться нужно здесь, куда нас пригласили, да и поработать для разнообразия.

Напиши о себе, как живется, как может, что соседи говорят. Может, что прислать отсюда, есть возможность передать посылочку. Здесь все есть, затруднение испытываешь только от обилия, но все довольно-таки дорого, надо с разумом покупать, ловить дешевые распродажи.

Как поживают Юра с Валеи? Помогают ли? Звонит ли Илья?

Так как письма за границу имеют тенденцию иной раз пропадать, пиши заказными и сохраняй квитанцию, это немного дороже, зато надежнее.

Желаю здоровья, целую.

Жора (FSO).

Огромной радостью была покупка новой машины, приобретенной на смену «запорожцу», выведенному из строя «*чекистским сиропом*». Он сразу написал матери и даже послал ей фотографию своего приобретения.

Ты спрашиваешь, как я купил машину. Разумеется, по-русски, то есть все деньги сразу... Машина прекрасная, портреты — анфас и профиль прилагаю, цвет у нас синий, с металлическим лаком — от солнца, называется «стратоблау металик»... С могучим мотором — 75 л<ошадиных>. с<ил>. летит, «как пух из уст Эола» (06.11.1983, FSO).

В этом же письме Владимов рассказывает о большом путешествии по Европе, об автострадах, о поразившем его отсутствии контроля на границах:

Паспорта предъявляют, не вылезая из машин, пограничники только кивают. Моим советским «паспортиной», впрочем, заинтересовались, пригласили войти. На мне была джинсовая рубашка с погончиками, того же почти цвета, что у пограничника-француза, и покуда он, отвлекшись от своих обязанностей, сидел в глубине комнаты, я стоял в дверях — водители протягивали паспорта мне. Разумеется, я их пропускал без задержки, они поблагодарили и тут же давали газу... А где же, спрашивается, секреты в кустах, каракупы с собаками?

В целом, конечно, Париж неопишуемо... Столько красoty понастроено, такое изобилие и такая мощь, что проникаешься уважением к роду людскому... Что и говорить, прекрасен город, но вот жить в нем — нельзя. Моря, океаны машин, тяжелый воздух, суета, вечное движение. Хорошо приезжать сюда на месяц-другой пожить в этом празднике, но переселиться насовсем...

Переселиться я бы хотел в Лондон. Вот город, где можно жить, и жить достойно. Чем-то напоминает Ленинград — спокойствием ли, шириною Темзы, сравнимой с Невой [Сена ведь, в сущности, узкая речушка] или близостью моря, которая ощущается в свежем воздухе... Архитектурно Лондон куда эклектичнее Парижа, здесь строят новые дома рядом со средневековым Тауэром, но

именно от этого больше чувствуется дыхание истории, в Париже она как бы застыла. Здесь меньше бьющей роскоши, больше сдержанности и вкуса, но, конечно, центральная часть с Трафальгар-сквером, парламентом, часами Биг Бен и т. п. очаровывает не меньше Парижа. Вот только чувствуешь себя как-то спокойнее, достойней...

Ну, да всего не перескажешь. С многими людьми мне пришлось встретиться — с эмигрантами, журналистами, парламентариями французскими и английскими. В Лондоне снимали меня для телевидения, они делали композицию по «Маэстро» и заставили меня немного поиграть, т. е. постучать на машинке и потом вчитываться в написанное. Показали это в вечернем выпуске* вместе с репортажем о моем приезде, наутро меня узнавали на улице.

В апреле мне предстоит большая поездка по США, с докладами и лекциями, к которым готовлюсь понемножку. Вот пока все. Насчет денег не беспокойся, хватает, живем безбедно (06.01.1984, FSO).

В частых письмах Илье Львовичу Белявскому он делится психологическими наблюдениями о западной ментальности, описывая свои первые впечатления о народе, среди которого ему довелось поселиться.

В общем-то, живем мы здесь неплохо, я редактирую толстый литературный журнал и свое пишу помаленьку. Вот на днях передавали большой кусок нового романа по радио, а вскоре опять про собачку будут передавать, ей ведь, собачке, уже 10 лет исполнилось. Иногда приезжают московские друзья погостить, был этим летом Аксенов, а мы ездили в Париж и Брюссель к Максиму. Все вроде рассе-

* 2 декабря 1983 года в программе «Ночные новости» (Newsnight) был показан инсценированный эпизод из рассказа «Не обращай внимания, маэстро». Владимов с удовольствием сказал мне, что он получил 25 фунтов «за хорошее исполнение роли».

яны, но границ практически нет в Европе [только в Австрию нужна виза], а по телефону, благодаря всемирной автоматике, можно созвониться через минуту. Правда, дороговато, особенно в США — минута 12 марок днем и 8 ночью. Тем не менее все перезваниваются активно, и сплетни разносятся вмиг по всему шароу (10.09.1985, FSO).

* * *

Не устаешь удивляться Западу. Тебе, как юристу, будет, вероятно, интересно, что здесь развита презумпция честности. Верят любому твоему заявлению, письменному или устному, пока иное не доказано, — а тогда хоть беги из страны!..

По некоторым причинам мне не удалось вывезти из Москвы водительские права, так что мне предстояли полные экзамены, да после обязательных трехмесячных курсов [все на немецком! и за все плати] но вдруг выяснилось, что твоя жена и теща или просто друзья могут подтвердить клятвенно перед нотариусом, что видели у тебя в Москве эти права и ты их возил на машине. И тебе выдают немецкие права — на основании этого заверения! <...>

И еще одно небезынтересное наблюдение — чем отличается бюрократ советский от западного [немецкого]. И тот и другой любят проявлять власть, показать свою силу, но у первого это означает — что-нибудь ЗАПРЕТИТЬ [что на самом деле мог бы и разрешить], а у второго — что-нибудь РАЗРЕШИТЬ [что на самом деле мог бы и запретить] (05.12.1985, FSO).

Он часто советовался с Белявским по вопросам, связанным с оставшейся в Советском Союзе собственностью и гонорарами. Поздравляя друга с днем рождения, он писал 21 марта 1986 года: «...посылаю тебе альбом старинных замков Германии, из которого можно заключить, какая это красивая страна. По ландшафтам, пожалуй, не сравнится с ней никакая другая евространа...»

Итак, первое время эмиграции подарило свободу, сравнительную легкость жизни, множество впечатлений, радость от поездок и встреч с друзьями — все лучшее, что Владимов мог ожидать от перемены в своей судьбе.

АРХИВНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Среди самых близких друзей Владимовых в эмиграции были Лев Зиновьевич Копелев и Раиса Давыдовна Орлова, также выехавшие в Германию для чтения университетских лекций в 1980 году и вскоре лишенные гражданства. Владимов всегда отзывался о них с огромной теплотой и любовью:

Когда казалось, что ареста и лагеря не избежать, и я был готов к этому, но только очень боялся за Наташу, возник Лев Копелев, с которым мы и знакомы-то практически не были. Он нам звонил и посылал телеграммы из Германии, где поднял на ноги Генриха Бёлля, Вилли Брандта и кого только мог. Через него и устроилось приглашение в Германию. И когда мы ехали, я очень полагался на то, что Копелев будет близко. Я ему часто звонил, советовался. И очень пожалел впоследствии, что не послушался его: Копелев советовал принять приглашение «Свободы» и не брать журнал «Грани», не связываться с НТС. Их дом в Кельне, пока Рая Орлова была жива, был для нас прямо прибежищем души. Мы очень любили к ним в гости ездить. Но эта эпоха кончилась с Раиной смертью в 1989 году, хотя этот Казанова из ГУЛАГа еще два раза женился** (ГВ).*

* «Радио Свобода» внесено Минюстом России в реестр СМИ-иноагентов.

** После смерти Р.Д. Орловой в 1989-м Л.З. Копелев официально был женат один раз на Марии Леонене (урожд. Крейчи; 1932–2022) в 1996–1997 годах.

В 1983 году исследовательский институт Forschungsstelle Osteuropa Бременского университета в Германии заказал Раисе Орловой ряд интервью с видными деятелями русской культуры, оказавшимися в эмиграции. Иногда в роли интервьюера выступал Лев Копелев, как это было и в случае с Георгием Владимовым*.

При интервью, которое приводится ниже, присутствовала Наталия Евгеньевна Кузнецова, жена Владимира. Владимовы приехали в Кельн в гости к Р.Д. Орловой и Л.З. Копелеву, обстановка была неформальной, и Копелев, начавший с формального «вы», быстро перешел на дружеское «ты».

Расшифровка и редакция этого интервью были сделаны при жизни Р.Д. Орловой и Л.З. Копелева. Качество записи довольно плохое. Н.Е. Кузнецова принимала активное участие в разговоре, но так как она говорила не в микрофон, часто трудно разобрать ее фразы. В некоторых случаях я указывала, в тексте или в примечаниях, на ее участие. Но в записи при редактировании Р.Д. Орлова и Л.З. Копелев старались сохранить, за редкими исключениями, только реплики Г.Н. Владимирова.

Беседа Льва Копелева с Георгием Владимовым (14 декабря 1983 года)

Лев Копелев (ЛК): Георгий Николаевич, когда вы впервые встретились с таким явлением, как самиздат? Что вы помните о своих первых встречах с самиздатом?

Георгий Владимов (ГВ): Моя первая удачная встреча с самиздатом была в 1964–1965 годах, когда я прочитал повесть

* Это интервью и его расшифровка находятся сейчас в архиве Forschungsstelle Osteuropa Бременского университета (01-003/W/LK/399-407). Впервые интервью было опубликовано под названием «Литература существует, как двуконь» в журнале «Знамя» в июле 2019 года.

Булгакова «Собачье сердце». Встреча была очень удачной — это значительное произведение, и оно произвело на меня очень сильное впечатление. Я сразу понял, что такая вещь не могла быть напечатана в советских издательствах, и что самиздат — дело серьезное и необходимое. В нем плавают крупные литературные киты и просто — большая литература. Таким образом, я сразу признал, что самиздат есть вещь необходимая, как дополнение, альтернатива советскому печатанию.

Затем мы читали различные воззвания диссидентов, рукопись Мороза. Мы читали рассказы Шаламова, хотя это не был для меня самиздат. Он приносил свои «Колымские рассказы» в редакцию «Нового мира»*. Почти все рассказы Шаламова я читал, еще когда работал в «Новом мире». Сначала самиздат — это были мутные машинописные копии, которые размножались и распространялись в Москве. В основном воззвания и диссидентские письма.

Читали также Цветаеву, Гумилева, уже переплетенные сборники. В 1964 году мы читали в самиздате «По ком звонит колокол» Хемингуэя, который был переплетен вместе с Тендряковым. Это была, пожалуй, наша самая первая встреча с переплетенным самиздатом, то есть перепечаткой на машинке романа Хемингуэя «По ком звонит колокол». Он по каким-то соображениям долго-долго не печатался в Советском Союзе. Кажется, от Хемингуэя требовали каких-то купюр, что-то оттуда выбросить, по-моему, сцены с Марти или упоминание о Долорес Ибаррури. А поскольку Советский Союз был единственной страной, где можно что-то запретить в области литературы, то французские коммунисты запрещали эту книгу у нас издавать**.

* «Колымские рассказы» Варлама Шаламова долго лежали в редакции «Нового мира», но опубликованы не были.

** Председатель Коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури была против издания романа на русском языке, так как счи-

Вторым опытом, как я уже сказал, было перепечатанное «Собачье сердце» Булгакова, а третьим — книга Мороза*, которую мы, кстати, передавали на Запад, уже принимая практическое участие в самиздате.

ЛК: Это уже следующий вопрос: расскажите, пожалуйста, какое непосредственное участие вы сами принимали в самиздате?

ГВ: К нам попала книга Валентина Мороза. У нас были знакомые, которые могли передать ее на Запад. Вручали мы ее, как сейчас помню, под большой слежкой. Была назначена встреча с иностранным журналистом, который приехал на своей машине. И как только мы ее передали, вдруг со всех сторон появилась милиция. Нас стали спрашивать, что мы тут делаем, хотя мы находились во дворе собственного дома. Спасла положение жена журналиста, быстро спрятавшая эту рукопись под сиденье. И когда милиция начала внутрь заглядывать, там на поверхности ничего не оказалось, а обыскивать иностранную машину они не решились. Так мы впервые приняли активное участие в самиздате.

Когда появился Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ» (это был тамиздат), мы эту книгу дали людям, которые сдела-

тала, что Хемингуэй слишком негативно изобразил французского коммуниста-антифашиста Андре Марти. Первое закрытое издание романа «По ком звонит колокол» было в 1962 году (Изд-во иностранной литературы). Роман не поступил в продажу, но распространялся по списку. В 1968-м роман был издан со значительными купюрами в четырехтомнике Хемингуэя издательством «Художественная литература».

* В самиздате, еще во время пребывания Мороза в заключении, появился его очерк «Репортаж из заповедника имени Берия», о котором и говорит Владимов. Этот очерк-памфлет был издан на Западе отдельной карманной книгой, вероятно, для завоза в Советский Союз, время и место издания не указаны. Следующие публикации: Нью-Йорк: Новый журнал. 1968. № 93. С. 172–203; а также: Самиздат века. М.: Полифакт, 1997. С. 184–200.

ли с нее ксерокопии. Точно так же я давал для ксерокопирования номер «Граней» с «Верным Русланом».

ЛК: Расскажите об истории с «Верным Русланом» в самиздате.

ГВ: В 1963 году я написал первый вариант «Верного Руслана». Это был рассказ, 62 страницы. И сразу же этот рассказ из комнаты машинисток «Нового мира» попал в самиздат. Машинистки его распечатали, но, чтобы не подводить автора, отрезали верхнюю часть первой страницы с именем, так что рассказ попал в самиздат анонимно. Несколько раз он ко мне возвращался. Я с интересом наблюдал, какие там происходят изменения и вариации. Там были какие-то фразы, чувствовалось: не мои. Видимо, они были плохо или неясно отпечатаны, какая-то восьмая копия была, и переписчик дополнял по памяти, и не всегда точно.

Интересно, что рассказ этот приписывали вначале Солженицыну. Поскольку Солженицын в то время выступал в каких-то клубах институтских, его несколько раз просили прочитать «ваш знаменитый рассказ о собаке». Он отвечал, что это не его рассказ, и называл имя автора.

ЛК: Называл?!

ГВ: Интересно вот что. Когда Солженицын отказался от авторства, рассказ стал как бы бродячим сюжетом. Считалось, что это какая-то записанная легенда, что сюжет никому не принадлежит, что это запись чьего-то устного рассказа. Интересно, что двенадцать человек написали свои вариации на тему о лагерной собаке. В том числе и Александр Яшин, который принес свой рассказ в журнал «Москва». Но об этом стало известно в «Новом мире», где находился мой рассказ. Из редакции в «Москву» позвонили и объяснили, что это не бродячий рассказ, а рукопись, которая должна у них идти в печать. Яшин свой рассказ забрал и, кажется, уничтожил.

Двенадцать человек написали о Руслане. Таким образом, когда я приступил к этому сюжету, я был тринадцатым. Я думаю, если это мне больше других удалось, то потому, что это был *мой* сюжет. Я его выносил, я его родил. И для других это был все-таки сюжет приبلудный, чужой, который их поразил эффектностью, но они его не в состоянии были разыграть. И не чувствовали всех возможностей сюжета.

Когда я принес этот рассказ в «Новый мир», он всем очень понравился, все его хотели печатать. Но неожиданно уперлось дело в Твардовского, который прочитал «Верного Руслана» после всех, вызвал к себе автора и сказал: «Я могу его тиснуть и в таком виде. Но мне кажется, что вы не использовали всех возможностей, не разыграли сюжет. Здесь таится гораздо бо́льшая тема, чем вам сейчас это кажется. Я лично собак не люблю, но вы напрасно его сделали таким полицейским дерьмом и смее-тесь над этим псом. А ведь у этого пса своя трагедия».

Твардовский был первостатейный читатель — не только прекрасный поэт и замечательный редактор. Он умел вычитать то, чего автор еще не сказал, но мог сказать, каким-то мозжечком чувствовал, но выразить не смог. А Твардовский моментально это ухватывал: какие еще есть возможности и какие передо мной стояли вопросы. Прекрасный был читатель. И он всегда был деликатен. Когда члены редакции начинали давать прямые советы: делайте так-то, пожените своего героя на такой-то героине и т. п., Твардовский всегда их останавливал и говорил: «Только ради Бога, ничего не советуйте, потому что автор о своем произведении, о своем герое знает в тысячу раз больше, чем мы все вместе взятые». Он не советовал, а просто говорил, на какой стадии находится произведение, что он в этом видит нечто большее. А уж как вы там будете выстраивать сюжет — это ваше авторское дело. Это было, конечно, самое ценное.

Он отметил излишний антропоморфизм, потому что изображалась не столько собака, сколько вохровец в собачьей шкуре. Это ему не очень понравилось, и он предложил этот рассказ несколько «особачить», как он выразился, то есть побольше внести туда живого пса: «Проникните в собаку, в ее трагедию, в ее мир...»

Пока я «особачивал», прошел год-полтора примерно. За это время сняли Хрущева, и закрылись ворота для лагерьной темы. Ничего нельзя было больше в «Новом мире» о лагере печатать, и Твардовскому осталось только развести руками. Так появился второй вариант. Интересно, что в самиздате он не нашел пристанища, так как рынок был уже забит первым. И когда говорили, что есть новый, никто не хотел его опять переписывать. Второй был лучше, но поражающего действия первого тиража он не имел.

Таким образом эта повесть долежала до 1974 года, когда издательство «Посев» меня нашло и предложило ее опубликовать.

ЛК: Следующий вопрос — тамиздат. Когда ты столкнулся с тамиздатом и как рассматриваешь соотношение тамиздата и самиздата и в своем опыте, и в литературном процессе?

ГВ: Тамиздат — понятие, которое вступило в русскую литературу сразу после Октябрьской революции. Сразу же стало ясно, что какие-то писатели в России печататься не могут. Поэтому в первые же годы советской власти возникла проблема тамиздата. С точки зрения читателя, и Бунин, и Куприн, и Бердяев, Ремизов, Пильняк — все это был тамиздат.

В возрасте двадцати шести лет я наблюдал уход большого писателя в тамиздат. И я лично столкнулся с этой проблемой, еще когда работал в «Новом мире», и у меня в редакционном столе долго лежал роман Пастернака «Доктор

Живаго». Начальство колебалось: печатать не печатать, давайте подождем. В конце концов, вернули рукопись Пастернаку. В 1957 году, когда в Москве проходил IV Всемирный фестиваль молодежи и студентов, пришел член редколлегии Борис Лавренев и стал рассказывать, что Борис Пастернак передал рукопись своего романа некому Фелтринелли, итальянскому коммунисту, издателю, который снял копию и уже объявляет о том, что он будет печатать по-русски.

Почему-то Борис Лавренев — человек добрый (не злой, по крайней мере) — очень зло и язвительно говорил об этой истории. Помнится такая фраза: «Если Пастернак не понимает, что это не шуточки, то не будет больше Бориса Пастернака».

Все настроились сразу против Пастернака — такая была реакция, против него. И я думаю, что поэтому, когда возник скандал с исключением, это судилище, там участвовали люди, от которых трудно было бы этого ожидать: Борис Слуцкий, Вера Панова, Владимир Солоухин, да и сам Сергей Сергеевич Смирнов в этом грязном деле принимал участие. Список ораторов был довольно пестрым.

Как я к этому относился? Я чрезвычайно молод был, двадцать шесть лет. Я понимал смысл всей этой травли, которая велась «ушастыми» из «Литературной газеты». Кочетов был тогда редактором, и всю неделю поливали Пастернака. Я был свидетелем такого же «полива» Дудинцева год назад той же «Литературной газетой», так что я это воспринимал параллельно, как явления одного ряда.

Единственное, когда я почувствовал к Пастернаку не то чтобы неприязнь, а как-то стало за него обидно, — когда он отказался от Нобелевской премии. И как-то я подумал: «Будучи на вершине славы, зачем же проявлять такую слабость? Еще неделю перетерпеть бы!»

Но я тогда, как и многие, не заметил одного факта. Дело в том, что в своем письме на имя Хрущева* Пастернак просил не лишать его Родины и говорил, что он отказывается от Нобелевской премии. Но он не отказывался от самого «Доктора Живаго»! Это чрезвычайно важно, но этого тогда никто не заметил. Он ни словом не раскисал в том, что написал свою книгу, и в том, что напечатал ее в тамиздате. Это стало заметно, и потом мы об этом вспомнили, когда в «Литературной газете» появлялись рассказы, вернее покаяния наших друзей, не выдержавших давления, которые отчасти отказывались от своих рукописей. Я считаю, это уже недостойно писателя, — говорить о том, что рукопись не доработана, что они не отвечают за нее, так как она давно написана. Они всячески отходили от своего собственного детища. Пастернак этого не сделал.

Второй раз мы столкнулись с таким явлением, как тамиздат, уже в масштабах всей страны, когда стало известно об аресте Андрея Синявского и Юлия Даниэля. И вот здесь, мне кажется, начальство литературное, и вообще власть, сделали большую ошибку. Помня судилище над Пастернаком, которое было в самую пору оттепели, они рассчитывали на такое же всенародное осуждение этих двух, как они их называли, «отщепенцев» и «перевертышей», которые печатались под псевдонимами. Действительно, на многих писателей произвело неприятное впечатление, что люди прятались под псевдонимом. Но когда двое подсудимых впервые в истории политических процессов в России не признали себя виновными, к ним вспыхнуло горячее сочувствие. И здесь неожиданно для властей около ста человек выступили в их за-

* Письмо-обращение Б.Л. Пастернака к Н.С. Хрущеву датировано 31 октября 1958 года. Оно было опубликовано на первой полосе «Правды» 2 ноября 1958-го.

щиту. Одно письмо подписали восемьдесят три писателя во главе с Паустовским и Эренбургом. Они просили отдать Синявского и Даниэля на поруки. И было еще наше письмо, письмо молодых, которое не попало в «Белую книгу» Гинзбурга* просто по нашей дурости и наивности.

А дело было так. Ко мне подошел Василий Аксенов в клубе литераторов и спросил: «Как тебе все это нравится?» Тогда шел как раз этот суд. Я сказал, что мне это не очень нравится. Он сказал: «Надо выступить. Как ты думаешь?» Я сказал: «Конечно, надо выступить». Причем оба поняли слово «выступить» — конечно же, в защиту! И мы сходу пошли в редакцию «Юности», где никого не было, кроме Гладилина. И мы втроем быстренько состряпали письмо**... Мы составили письмо, в котором просили вообще не судить Синявского и Даниэля, так как они — писатели. Нельзя судить писателя за слово — такова была наша просьба к Косыгину, Подгорному и Брежневу.

Мы изготовили три экземпляра и послали по адресам, не догадавшись оставить себе один экземпляр для прессы. Подписали двадцать человек: Вознесенский, Евтушенко, Рождественский, Василь Быков, Окуджава, Белла Ахмадулина, Гладилин, мы с Аксеновым, Муля (Самуил — С. Ш-М.) Дмитриев подписал размашисто и другие.

* В 1966 году Александр Гинзбург составил сборник документов о процессе писателей. Письмо с предложением взять на поруки А. Синявского и Ю. Даниэля было подписано шестьюдесятью двумя писателями и опубликовано в «Литературной газете» 19 ноября 1966-го. Полный текст можно прочесть в сборнике: *Гинзбург А. Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля.* https://imwerden.de/pdf/belaya_kniga_po_delu_sinyavskogo_danielya_1967__ocr.pdf.

** Наталия Кузнецова добавляет, что писали Аксенов с Владимиром, а Гладилин присутствовал скорее пассивно; Владимов соглашается: «Наталию Евгеньевну развлекал».

За это письмо Шолохову было «стыдно». А за то письмо восьмидесяти трех писателей — «вдвойне стыдно», как он говорил потом на съезде*.

Потом нас вызывали в ЦК, где Барабаш нас прорабатывал, доказывал, что и Запад воспринял Даниэля и Синявского очень плохо и никто их там не собирается защищать. Вызывали нас поодиночке. Мы сказали: «Знаете, мы высказали, а дальше — вам решать».

Тогда меня впервые удивило, почему они не читают и не говорят о тексте самого письма, а только смотрят на подписи: кто раньше подписал, кто позже? Первая встреча с нашей партийной бюрократией.

Третий этап тамиздата, я считаю, хотя художественно не очень ценный, но принципиально важный, — это издание «Метрополя»**, предпринятое Аксеновым, Битовым, Искандером. И еще несколько старших там было писателей, как Липкин, Лиснянская.

Что тут было принципиально важно? Здесь авторы себя не ставили в положение, что они будут как-то защищаться тем, что они утратили контроль над рукописями. Тут об этом не могло быть и речи. Они сами собрали рукописи, сами составили сборник, сами переплели его, художник Борис Мессерер его оформил. К Западу прибегли только за типографией, а все остальное было составлено в здесь. Это был уже какой-то тамиздат в самиздате. Такое интересное сочетание. Первая массовая попытка писателей издаться во что бы то ни стало.

Сам я принял участие в тамиздате как автор в 1975 году, когда в 96-м номере журнала «Грани» вышла повесть «Вер-

* Речь идет о выступлении М.А. Шолохова на XXIII съезде КПСС в 1966 году: https://imwerden.de/pdf/belaya_kniga_po_delu_sinyavskogo_danielya_1967__ocr.pdf.

** Альманах «Метрополь» был издан в самиздате тиражом 12 экземпляров в Москве в декабре 1978-го. В 1979 году он был опубликован американским издательством «Ardis Publishing».

ный Руслан». Тогда еще в Советском Союзе были люди типа Сергея Сергеевича Смирнова, которым было не наплевать, с чем же мы остаемся. Писатели уезжают в эмиграцию, уходят в тамиздат. Он был обеспокоен такой утечкой мозгов. Он меня уговаривал не то чтобы покаяться, об этом не могло быть и речи, а просто выступить в «Литературной газете» и сказать, что я живу в России и что я не хочу покидать мою страну и т. д. Так возникло мое интервью в «Литературке» с Феликсом Кузнецовым. Это было 18 февраля 1976 года. В это время шла передача «Руслана» по Би-би-си. И в редакцию «Литературной газеты» шли многие письма с вопросом: как это понять? С одной стороны, — кажется, это перед XXVI* съездом КПСС происходило, — выступает писатель в «Литературке», составляет обоймы, раздает похвалы и т. д. А в то же время идет передача его тамиздатской повести.

Но что еще более удивительно, после этого вышла книжка «Три минуты молчания», которую семь лет не издавали. И если бы не было «Руслана», она бы так и не вышла, так бы и лежала. А тут с ней поспешили. Хотели автора оставить в советской литературе, приглашали вернуться в советскую литературу и вышла книжка в конце 1976 года. Мое последнее опубликованное произведение в Советском Союзе.

Потом Сергей Сергеевич Смирнов** умер. Некоторое время был Луконин, кажется, через три месяца тоже умерший. Пришел Феликс Кузнецов. И пошла обычная наша писательская империя секретарей. И этим секретарям уже было на все наплевать: останемся мы с кем-то, не останемся. Я это все быстро почувствовал и про-

* Владимов ошибся: в 1975 году в Москве проходил XXIV съезд КПСС.

** С.С. Смирнов умер 26 марта 1976 года.

должал быть автором тамиздата. Напечатал еще две вещи*.

Но в 1977 году пошел разгон писателей-тамиздатчиков. Были исключены Лев Копелев, Чуковская, Войнович, Корнилов. Какая-то была массовая «демобилизация». Из Союза начали выгонять. А я был принят после «Руслана» в ПЕН-клуб. Одна из первых заповедей члена ПЕН-клуба — защищать своих коллег. Никаких способов защитить исключаемых у меня не было, и во мне стало созревать желание просто уйти из этого Союза, который мне ничего не дал, и даже за границу ни разу не послал.

И тут представился предлог. В 1977 году я получил приглашение от норвежского издательства «Gyldendal» на Франкфуртскую книжную ярмарку, которое от меня, конечно, скрыли. Для меня этот предлог подоспел вовремя — я к нему придрался и вышел из Союза. Так кончает тамиздатчик. Возвращение писателя, печатавшегося на Западе, обратно в официальную литературу очень трудно по понятным причинам, но и чисто психологически, поскольку он отведал свободы. У меня четыре слова поправили в «Руслане», и то эти поправки были в лучшую сторону. Такое ощущение свободы было просто опьяняющее. Вернуться обратно в нашу цензуру, в эту редактуру, где от тебя требуют или треть выбросить, или выбросить самое любимое — то, ради чего ты, собственно, писал. Даже выбросить то, чем твоя вещь понравилась в редакции, — вот что удивительно! Даже в «Новом мире» такое происходило. Вернуться к этому чисто психологически очень трудно, а вернуться официально — значит, проползти на коленях от порога до стола начальства. Так просто нельзя! Надо совершить что-то такое, чтобы тебя простили. Так, к несчастью, наш приятель Искандер написал рассказ для «Литературной газеты». Рассказ

* Имеются в виду пьеса «Шестой солдат» (1981) и рассказ «Не обращайтесь внимания, маэстро. Рассказ для Генриха Бёлля» (1982), опубликованные в журнале «Грани».

приняли. А потом так изувечили, так искалечили рассказ, что он его сам не узнал. Это рассказ о море, о лодке...*

ЛК: Когда мальчишку топили? Очень сильный был рассказ, я знаю его в рукописи.

ГВ: Надо сравнить с текстом «Литературки». Там что-то ужасное было. Фазиль ощутил большой психический удар, так что даже потом попал в психушку. Гордый восточный человек, он такого не мог вынести. Так что возвращение всегда связано с какими-то унижительными процедурами. По настоящему ни один не вернулся. «Туда» уходят надолго. Так же было с Битовым**. Не всегда большая вещь имеет успех. Конечно, если она имеет успех на Западе, она защищает писателя. Его стараются не то чтобы не трогать, но как бы не замечать, не пристаю́т к нему. Но бывает так, что писатель вложил много надежд своих, много своих трудов, пота и крови, соков и мозга, да и вещь написал замечательную — «Пушкинский дом». К сожалению, мне так думается, что она все-таки рассчитана на русского читателя и на очень умного и интеллигентного читателя, который очень хорошо знает русскую литературу. Там прелестные полунамеки, ссылки или полуссылки на известнейшие цитаты из русской литературы. В переводе на другой язык они совершенно теряются, они непонятны: в чем тут смысл — этой фразы, этого абзаца, этой остроты? Тут необходимо иметь не только хорошего переводчика, а необходим дальнейший подстрочный комментарий, где сказано, где какая игра слов, где и что подразумевается. Тем более что главный герой его — литературовед, не уйдешь от этого, это профессия.

* *Искандер Ф. Мальчик-рыболов // Путь из варяг в греки. М.: Время, 2003. С. 665–678.*

** Владимир начинает говорить о Битове после напоминания Н.Е. Кузнецовой. Роман Андрея Битова «Пушкинский дом» был впервые напечатан в американском издательстве «Ann Arbor: Ardis» (Michigan, 1978).

Битов не имел ожидаемого, заслуженного успеха... И в этом случае автор попадает в опаснейшую ситуацию. Как и Владимир Корнилов*.

Вещи, животрепещущие для русского читателя, на Западе такого эффекта не производят. И писатель оказывается между молотом и наковальней: с одной стороны, с Запада никто не поддерживает, шума нет, а здесь он видит усмешливые рты — ну что ж, придется, видимо, возвратиться?! Тут происходит такой психологический удар. Я замечал это и по Корнилову, и по Искандеру, и по Битову. Они вступают в некую полосу творческого кризиса, который может продолжаться несколько лет. Тут печататься они уже не могут, потому что и цензура будет придирается к ним сильнее, и этот глоток свободы, опьяняющий, отравляющий — они же глотнули его!

ЛК: Как тамиздат влияет на самиздат? Есть обратное влияние, как ты считаешь?

ГВ: Ну, в каком смысле влияет... Некоторое время они существовали параллельно, и лучшие вещи самиздата попадали в тамиздат, как, скажем, Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки», прекраснейшая вещь. Она просто рождена самиздатом и тамиздатом. Сначала она ходила лет пять или шесть. Настолько неизвестен был автор, что никто не пытался его отыскать. Считали, что это псевдоним, что это чья-то шалость какого-то профессионального писателя, укрывшегося под чужим именем. И в конце концов она была напечатана на Западе**.

* Несколько произведений Владимира Корнилова были напечатаны за рубежом: Девочки и дамочки // Грани. № 94. 1974. С. 3–140; Без рук, без ног // Континент. 1974. № 1. С. 19–122; Континент. 1975. № 2. С. 95–196; Демобилизация. Frankfurt/M.: Посев, 1976.

** Ерофеев Вен. Москва — Петушки // Ами. Иерусалим. 1973. № 3. С. 95–165.

Я не случайно сказал, что ее приняли за шалость какого-то известного писателя, потому что вещь была не ученическая, а уже мастерская. Кажется, это легко — написать исповедь пьяного человека. Тут большая изощренность видна, и сильная рука автора, и его знакомство с русской литературой очень большое. Он стоит скорее на традиционной почве, нежели на авангардистской. Он называет свою вещь «поэмой», вспоминает «Мертвые души». Главы от Москвы до города Петушки он называет по названиям станций, и вспоминается «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева. Много там таких переключек с уже известной нам русской традицией, с русскими сочинениями XIX века. Так шагнул человек прямо в мастерство, и если бы не самиздат и тамиздат, вещь осталась бы совершенно неизвестной.

Как же влияет тамиздат на самиздат? Я думаю, что он его в последние годы уже подавил, поглотил. Значение самиздата стало падать постепенно с появлением книжек, с появлением уже готовой печатной продукции...

ЛК: А не кажется тебе, что качественно самиздат изменился, что в самиздате теперь больше периодика, уже не художественная литература?

ГВ: В самиздате ходят различные воззвания, письма протеста или письма в чью-то защиту. Можно назвать самиздатом перепечатку, ксерокопирование тамиздата. Где-то в Грузии взяли и набрали первую часть «Архипелага» типографским способом*, и так эта книга ходила сверстанная, но не переплетенная. Продавали ее рублей по 20. Как уж ухитрились, непонятно!

* Савельев А. «Архипелаг ГУЛАГ», изданный Звиадом Гамсахурдиа. 1974 год. Из архива «Международного Мемориала». <https://arзамас.academy/materials/1143>.

Но в целом значение самиздата, как единственной отдушины, конечно, упало, и художественная литература уже действительно является нам в виде книжек и журналов, как «Время и мы», «22», «Континент», «Грани», «Синтаксис». Представить себе какие-то статьи сначала в самиздате, а потом в тамиздате как-то уже нельзя. Они сразу попадают в тамиздат. Просто изменилась психология автора. Раньше, печатая свою вещь, он ее широко раздавал читать. Теперь, наоборот, он ее бережет до того случая, когда представится возможность ее переправить, потому что дать читать — значит навести на себя след, слежку за каналами, за контактами и т. д. Тут автор становится уже конспиратором, так как настраивается психологически на издание за рубежом.

В связи с этим значение самиздата стало падать, но, конечно, нельзя отрицать и сейчас его революционного на нас действия, которое продолжалось в течение нескольких лет. Интереснее проследить влияние тамиздата на Россию. Дело в том, что он поступает в микроскопических дозах: 1000–1500. Тем не менее он свое действие производит. Тамиздат производит свое действие и на аудиторию, потому что все-таки есть какая-то часть читателей, которые его знают, умеют его найти, раздобыть, получить либо для чтения, либо эту книжку купить. Существует черный рынок и люди, которые этим профессионально занимаются и заламывают за книги довольно большие цены. «Руслан» стоил 100 рублей в супере, и 50 рублей стоила маленькая красная книжка. На черном рынке обычно примерно такие цены: 50, 70, 100 рублей. Первый том «Архипелага» сначала стоил 150 рублей, потом, по мере поступления дешевеет, — 50 рублей. А «Руслан» в конце уже 30 рублей стоил. Значит, много экземпляров поднакопилось. То есть существует читатель, который все-таки читает тамиздат. И он повышает свой критерий к писателю, требует от него уже большей правды.

С другой стороны, писатели почти все (я думаю, восемьдесят процентов) читают тамиздат, и он для них имеет подстегивающее значение. Писатели видят: вот уровень правды, на который они могут выйти, уровень обобщения, смелости, свободы письма. И в то же время для каждого писателя теперь тамиздат, как корабль, — плацдарм, на который всегда можно отступить. И рукописи его становятся смелее. И если мы возьмем последние предандроповские годы очень осмелела официальная литература. Стали появляться вещи, относительно которых меня сейчас спрашивают: «Как это могли напечатать?!» Произведения Распутина, Айтматова, «Полтора квадратных метра» Можаява, «Старик» и «Дом на набережной» Трифонова...

С одной стороны, и писатель стал смелее, с другой стороны, и начальство не хочет упустить писателя, потому что понимает, что писателям есть куда уходить. Вещь появилась в редакции, ее прочли — и всегда можно сделать вид, что она сама ушла куда-то. И начальство — оно тоже хочет сохранить официальную литературу. Им нужен какой-то отряд писателей, еще не совсем перешедших черту. Так что свое революционное действие на писателей тамиздат производит.

Другая беда, конечно, что в самом тамиздате не всегда плавают шедевры. Очень много поступает и дребедени, где чувствуется, что писатели не вынесли тяжкого бремени свободы.

Писатель — это самоограничение. Талант в том и состоит, что ты сам отвечаешь за свое слово. Больше тебя никто не поправит, поэтому вдвое должен быть бдителен к самому себе. Потому что нет Аси Берзер*, которая скажет: «Жора, как вы могли такое написать?» Нет Твардовского, который скажет: «Ну, что это такое? Это вообще — “Детгиз”! Этого я не могу слышать!» Таких наставников

* Берзер Анна Самойловна (1917–1994) — литературный редактор «Нового мира» в 1958–1971 годах.

за тобой уже нет, твоя рука — последний твой цензор, последний твой редактор. Многие этого не выдерживают. В частности — Лимонов. Его роман «Это я — Эдичка» (ЛК: У меня не хватило сил прочесть.) весь вне традиции русской литературы, вне ее социальности, благородства, сдержанности. Такой авангард я не приветствую.

Надо еще сказать, что огромное значение имеет мемуарная литература, которая почти целиком расположилась в тамиздате. Мемуарная литература особенно уязвима.

ЛК: Началось с самиздата: с Надежды Яковлевны*, Гинзбург**.

ГВ: Да, «Крутой маршрут» Гинзбург, две книги Надежды Мандельштам, «Хранить вечно» Льва Копелева***, Ивинская**** о Пастернаке...

Если прозаик еще может пойти под нажимом на какие-то уступки, то мемуарист в принципе не может! Как он может уступить, то есть изобразить факт не так, как он был, или, вообще, опустить какой-то фактор. Мемуарная литература особенно страдает не столько от официальной нашей критики, сколько от редактуры и цензуры. Она воссоздает живую память, восстанавливает историю, время воссоздает, и, конечно, она целиком расположилась в тамиздате. Любопытно, что даже официальные литературоведы, критики уже начали понемножку ссылаться на тамиздатские вещи.

Наблюдается переход из самиздата в тамиздат, но, главным образом, интересно, что сохраняется мемуарная литература, то есть сохраняется наше время, и на эти книги уже ссылаются. Уже ссылки идут на Ивинскую, которой нет в со-

* Мандельштам Н. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во Чехова, 1970; Мандельштам Н. Вторая книга. Париж: YMCA-Press, 1972.

** Гинзбург Е. Крутой маршрут. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967.

*** Копелев Л. Хранить вечно. Ann Arbor: Ardis, 1975.

**** Ивинская О. Годы с Борисом Пастернаком. В плену времени. Париж: Fayard, 1978.

ветской литературе. Считается даже хорошим тоном, щегольством ссылаться на нее в диссертациях, в рефератах.

ЛК: Соотношение самиздата — тамиздата оказывает сегодня и обратное влияние на литературу, даже печатающуюся. Ты привел несколько замечательных примеров.

ГВ: Мне трудно назвать какие-то другие примеры. Книг много, а как они влияют на современную литературу, это трудный вопрос...

ЛК: У тебя есть рассказ об авторе тамиздата, посвященный Бёллю. Расскажи об этом, ведь это твое творчество.

ГВ: Почему этот рассказ появился... Мы, действительно, заметили за нами слежку из противоположных окон. Там поселились какие-то странные люди. Все, весь квартал их заметил. Мы стали выяснять, кто это такие. Все время они закрывались какими-то занавесками, никогда форточку не открывали, только поздно, поздно ночью. А потом нам сказали — дворник сказал: «Странные, — говорит — люди: почту не получают, бутылок не сдают». Мы тут поняли, что чекистами была сделана колоссальная ошибка: конечно же, русский человек должен бутылки сдавать!

И тогда я стал думать: а как же те люди, которых оттуда выселили или переселили в другие комнаты? Как же они? Они же знают меня, знают, что я двадцать лет живу в этом доме, хожу по этому двору, где сажал елки, деревья. Никто из них меня не предупредил. Даже милиция меня иногда предупреждала, а соседи — нет!

Стал я над этим раздумывать, размышлять и понял, что есть страх. Действительно, такое давящее чувство, которое владеет нами шестьдесят с чем-то лет. Нужно быть адвокатами этим людям, обвинить их — легче всего.

И вот так стал рождаться сюжет «из окна» — напротив моих окон. Ну, а так как герой-то — я сам, автор тамиздата, — возник писатель, который сидит в противоположном окне.

А перед этим у меня был обыск, который продолжался восемь часов. Шесть гэбистов и два понятых, тоже восемь человек, шарили по всей квартире и, естественно, разговаривали. Мы общались, человеческие существа не могут совсем без общения. Я наблюдал этих восьмерых человек в течение всего рабочего дня. Там есть фразы, целиком вошедшие в рассказ, просто от живого капитана Капаева. Он мне втолковывал, что некоторые факты нашей истории пора уже забыть. Это мне очень нравилось...

ЛК: Факты забыть?!

ГВ: «Некоторые этапы нашей истории пора бы уже забыть». Потом смотрели отчеты издательств, которые поступили. Денег наличных у нас не было, только отчеты о том, что поступило в немецкие банки. Они смотрели на эти бумажки и рассуждали о том, как «растет» их подопечный. Из всего этого родился веселый такой рассказ.

ЛК: Ну, веселье — это не главная его черта.

ГВ: Там списано немножко с наших соседей, эти вот персонажи, эта семья*. Я представлял их себе на месте людей, которые сейчас там живут с наблюдателями-чекистами.

ЛК: Так появилась уже литература об авторах тамиздата. Ты открыл тему!

ГВ: Надо сказать, что постепенно русский читатель (это непревзойденный читатель — ни в одной стране такого читателя нет!) как-то перестает даже замечать, где напечатано. Просто в разговоре упоминает произведения и имена даже независимо от того, что появилось в «Континенте», а что — в «Дружбе народов». Я, вообще, открыл новую страницу, когда «Три минуты молчания» были напечатаны сначала в «Новом мире», а потом — в издательстве «Посев». Читатель сравнивает между собой различные произведе-

* Как уже указывалось, прототипами были родители Александра Моисеевича Пятигорского, соседа Владимовых.

ния, не считаясь с тем, имел ли автор больше свободы или меньше свободы. А просто трезво — что собой представляет произведение. Даже не доходит до такого спора: это вот — подцензурное, а то — свободное. Оценивается трезво, и все больше и больше предъявляется требований к тамиздату, понимая, что «там», имея какие-то возможности, нужно их использовать, написать без дураков.

ЛК: Читатель уже отличает спекуляцию от настоящей вещи.

ГВ: Раньше ведь хвалили всех, лишь бы только ругали советскую власть или Андропова, Брежнева, лишь бы были разоблачения. Теперь это считается дешевкой.

Тамиздат, я считаю, прежде всего вошел в жизнь русского советского читателя именно потому, что к нему стали предъявлять жесткие требования как к *литературе*.

ЛК: Очень важно, очень важно.

ГВ: Хватит играть в свободу — осуществляйте свободу! Вот такое отношение. Я считаю, что это здоровое качество каждого движения, если оно, наконец, начинает само себя критиковать. Сейчас мы будем печатать роман одного писателя*. Он пишет о диссидентах, об ошибках, о неудачах. Этот человек имеет право так говорить; он сам отсидел и сидит сейчас. Он подвергает критике какие-то аспекты этого движения. Во-первых, и он имеет право, и демократическое движение, наконец, может само себе предъявить счет.

ЛК: Это признак здоровья. А укрывательство — признак слабости, болезни.

ГВ: В конце концов, можно сказать, что литература существует, как двуконь, как говорил Гуль. Есть два потока: тамиздатский и подцензурный. Но я думаю, что поскольку един

* Речь идет о Леониде Бородине, чей роман «Расставание» был издан «Посевом» в 1984 году.

читатель, то едина и литература. Истина рассечена, но это продлится недолго. Как только мы перестанем досажать нашей власти публицистикой и заявлениями или хотя бы, когда мы помрем, наши книги вернутся, как вернулись Михаил Булгаков и Бунин.

ЛК: Бунин вернулся даже еще при жизни, и какой Бунин — «Окаянные дни»!

ГВ: Я думаю, что сейчас вернется Набоков. Найдутся такие энтузиасты, как Симонов, который вытащил Булгакова. Я думаю, у него было это хорошее качество — он любил вытаскивать вещи, которые долго не издавали, и издавать. Такие честолюбивые люди всегда найдутся, которые сочтут для себя какой-то честью впервые напечатать Набокова, протолкнуть. А дальше пойдет постепенно. Он уже безгласен и ничего плохого не скажет против нас. И эти два потока сольются, как это и должно быть, в единую русскую литературу.

ЛК: Есть литература и не-литература.

Наталья Кузнецова: Мальцев*, который говорит, что там не осталось никакой литературы, — совершенно бездарный и невежественный человек. Это безобразие!

ЛК: Что такое Мальцев?

ГВ: Дело заключается в том, что каждый писатель должен для себя решить, какие потери он понесет. Если он пойдет в литературу подцензурную, он, конечно, понесет моральные потери, но зато его слово разнесется в невиданных тиражах по всей России. Если он пойдет в тамиздат, он сохранит свое произведение в целости, но, увы, в микродозах. Это надо решать.

Есть такие, которые, вообще этого не могут. Но есть такие, для которых встает вопрос: идти ли им в тамиздат или

* *Мальцев Ю.* Вольная русская литература. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1976.

все-таки здесь попробовать. Я думаю, что такой вопрос вставал и перед Можаявым*, когда его пять лет не печатали. Его повесть, хорошая повесть, вылежала все сроки**.

ЛК: Хорошая книжка! И Кузькин прекрасный... Я совершенно с тобой согласен, что среди наших соотечественников здесь есть то, что я называю «парашный синдром». В тюрьме у нас было такое: человек, попав в камеру, был убежден, что все хорошие люди сидят, а на воле остались либо трусы, либо стукачи, либо наши несчастные родственники. Больше никто. Вот этот «парашный синдром» есть и некий «эмигрантский синдром». Этот Мальцев — типичный представитель «эмигрантского синдрома»: мы все здесь, все здесь прекрасно. А там они все подцензурные — либо трусы, либо продажные. Он за это дорогую цену платит [нрзб], если должен выступать и поносить Сахарова и Солженицына. Это дорогая цена. Все равно эти два потока сольются, как это и должно быть, в единую русскую литературу.

ГВ. Но тут есть другое. То, что в эмиграции новый русский писатель уже не родится. Он — оттуда. Он там рождается. Я думаю, может быть, среди солдат Афганистана растет Толстой... Это какое-то и социальное, и политическое...

ЛК: Саша Соколов там написал все. Саша Соколов — это чистый тамиздат. Саша Соколов написал «Школу для дураков» в Москве, делал это для Карла Проффера и увез с со-

* Можаяев Б. Из жизни Федора Кузькина // Новый мир. 1966. № 7. С. 42–118. Можаяев озаглавил свою повесть «Живой», но редакция «Нового мира» решила изменить название.

** Н.Е. Кузнецова говорит (хотя запись не совсем ясная), что Можаяев поставил условие: если не выйдет здесь, выйдет на Западе. Следует несколько реплик, в которых все хвалят книгу.

бой. А Саша Соколов женился на этой... Вся история на моей шкуре шла*.

ГВ: Но нет, так рассуждать нельзя, что если цензура, то уже — все, ничего не может быть. Может быть! Дело в том, что наши русские писатели — профессионалы, они умеют протаскать сквозь цензуру. И читатель — тоже профессионал. Он тоже умеет читать. Он с полупамятки понимает, что здесь хотел сказать автор. Они понимают друг друга. И вот этот симбиоз «писатель — читатель» все равно продолжается.

ЛК: Я совсем еретическую вещь скажу: для некоторых литераторов свобода оказалась очень опасной, потому что там стремление преодолевать цензуру в поисках цели содействовало известной изощренности в слове. А тут можно все! Оказалось же, что всего-то не так уж и много.

ГВ: Можно не доказывать художественными методами, а просто крикнуть: «Долой советскую власть!» И кричи на здорovie. А ты попробуй Расскажи, докажи сюжетом, характером, какими-то художественными средствами.

ЛК: Это судьба Кузнецова. Страшная судьба. Человек он очень талантливый, а что произошло с «Бабьим Яром»**, когда он его здесь напечатал со всеми цензурными купюрами, восстановил якобы?! У меня такое ощущение, что он не только восстановил то, что было изъято цензурой,

* Роман Саши Соколова «Школа для дураков» был закончен в 1973-м и опубликован в издательстве «Ardis» (США) в 1976 году. Говоря о женитьбе Соколова, Лев Копелев имеет в виду первую жену писателя Иоханну Штайндль. Н.Е. Кузнецова напоминает, что Л.З. Копелев уже им рассказывал эту историю.

** *Кузнецов А.* Бабий Яр. Роман-документ // Юность. 1966. № 8–10. Затем книга была выпущена издательством «Молодая гвардия» в 1967 году. Полное издание, о котором говорят Копелев и Владимов, появилось в издательстве «Посев» (Франкфурт-на-Майне) в 1970-м.

но еще и дописал. И были убийственные рецензии. В рецензии одного серьезного критика было написано: «Это странное издание доказывает высокий вкус советской цензуры». Потому что без этих вольностей было цельное художественное произведение, а сейчас много риторического. Это было сильное произведение, художественный репортаж, художественное исследование. Это впервые было... А здесь сгорел человек.

ГВ: И Битов сейчас — это писатель между самиздатом, тамиздатом и печатной литературой.

ЛК: Страшно быть между этими шестеренками. У Гроссмана то же самое было. Он не должен был реализоваться. Он тоже выходил в тамиздат. «Все течет»* было в тамиздате сначала.

ЛК: Расскажи о Солженицыне.

ГВ: Трижды я встречался с Солженицыным, и трижды он предстал передо мной совсем другим человеком.

Помню, в первый раз это было в 1968 году, летом. Я уже выступил за него, и мы переписывались, но еще не виделись. И он пришел в тот знаменательный день, когда из «Граней» поступила телеграмма о том, что Виктор Луи передал за границу «Раковый корпус»**. И Твардовский вызвал Солженицына. Именно в этот день мы с ним встретились в «Новом мире» и познакомились.

Я сидел у Софьи Ханановны*** и ожидал, когда освободится Твардовский. По поводу романа я приходил, продлевать договор на год.

* Роман Л. Гроссмана «Все течет» был впервые опубликован в издательстве «Посев» (Франкфурт-на-Майне) в 1970 году.

** В 1968 году журналист Виктор Луи без разрешения автора переправил на Запад рукопись «Ракового корпуса», см. об этом: *Солженицын А. Бодался теленок с дубом*. М.: Согласие, 1996. С. 202–205.

*** Милиц Софья Ханановна — секретарь А.Т. Твардовского в «Новом мире».

Вошел человек, высокий, в темном костюме, величественный. Мне он показался ростом с дверь. И я почему-то сразу понял, что это Солженицын, хотя Софья Ханановна, не отрывая головы от машинки и продолжая печатать, небрежно ему отвечала. Она, видимо, очень переживала, потому что Твардовский шумел по поводу этой телеграммы. А она всегда принимала сторону Твардовского и честно была недовольна Солженицыным. Она очень небрежно говорила ему: «Александр Трифонович занят!» — «Когда освободится?» — «Не знаю!» И он покорно вышел. Я спросил у нее: «Кто это?» И она, тоже не отрывая рук и головы от машинки, сказала: «Солженицын». Тут я вылетел за ним: «Александр Исаевич, здравствуйте!» — «Здравствуйте». — «Я такой-то». — «А, тогда очень приятно». Мы разговорились. И тут же он стал меня учить. Вот это первая черта, которую я в нем увидел. Он стал расспрашивать меня о моем романе. Я говорю: рыбки, море, то да се. «Какой объем?» Я говорю: «Пятьсот страниц». — «Надо триста пятьдесят!» — «Почему триста пятьдесят? — удивился я. — Ну, постараюсь сократить». Тут я совершил ошибку. Я спросил его, по какому поводу он к Твардовскому идет. «Да вот, появился на Западе “Раковый корпус”, и ходят такие слухи, что я это передал». И я эдак простодушно его спросил: «А вы не передавали?» Я ему хотел дать такой совет, что факт передачи должен быть, так сказать, узаконен, то есть засвидетельствован. Если нет факта передачи, значит, все погибло. Но он воспринял этот мой вопрос как провокационный. В нем мгновенно проснулся зэк: он весь замкнулся, глаза потемнели. «Нет, нет, ничего я не передавал».

Это была первая встреча.

Вторая встреча произошла, когда уже набирался в печать роман «Три минуты молчания». Тоже было лето. Солженицын пришел, в легкой рубашке, в дачном облачении, сообщить о том, что его избрали в Академию, даже в две

Академии. И тут он был какой-то маленький, худенький, ловкий, как обезьянка, с очень рассчитанными, не суетливыми, но быстрыми движениями и быстрым голосом. Того величественного человека в костюме с галстуком не было. Я удивился: он как будто на полголовы стал ниже. Особого разговора не было. Он только меня поздравил, сказал: «Ну, как, прошло цензуру?» Я говорю: «Да, прошло, печатается». — «Ну, слава богу, слава богу, я поздравляю!» Вот так было.

А третья встреча наша произошла, когда снимали Твардовского*, и Твардовский еще сидел в «Новом мире» в своем кабинете наверху, а внизу у Аси Берзер творилась такая ходынка. Все в пальто... Пальто свалены были. Все ходили. Кто водку, кто колбасу тащил. И все обсуждали, что делать, как спасти Твардовского, чтобы сохранить его в «Новом мире». Все стояли внутри, в центре комнаты, человек двадцать.

И вот я увидел, что по плинтусу этой комнаты ходит человек, заложив руки за спину, в каком-то странном таком... как х/б, плаще брезентовом с капюшоном, такой заготовитель сельский. И так вот ходил, заложив руки, по периметру этой большой комнаты и не принимал участия в разговоре. А потом подошел, послушал и, подняв палец, всем нам сказал: «А с чего это началось? Это началось с Чехословакии, когда интеллигенция обосралась!» И все как-то так растерялись. Я ему только сказал: «Александр Исаевич, но мы ждали вашего сигнала!» На него это как-то нехорошо подействовало. Он только взглянул быстро, ни слова не ответил и продолжал опять ходить. Потом он ко мне подошел, уже когда несколько поразошлись, и спросил... Это было после его письма...**

* А.Т. Твардовского сняли с должности главного редактора в феврале 1970 года.

** *Владимов Г. Собр. соч. Т. 2. С. 392.*

Наталья Кузнецова: Довольно мерзкого и довольно гнусно посланного письма в открытом виде! Он его оставил в «Новом мире» в открытом виде, и все знали до того, как его Владимов получил!

ЛК: Это было просто хамское письмо! Он мне рассказал, сказал: «Возьми прочитай». Я прочитал и ответил: «Это письмо хамское! После того, что он написал о тебе! Если бы ты даже так думал, то не имеешь права так писать!»

ГВ: Письмо, которое ни один писатель другому писателю еще пока не писал, о том, что роман этот вообще не следовало писать — вне зависимости от его достоинств или недостатков.

Он подошел и сказал: «Вы на меня, наверное, обиделись за то письмо?» Я ответил: «Ну, конечно, в общем...» — «Нужно смотреть на вещи шире!» Я говорю: «Как же я могу смотреть на вещи шире, если меня другой писатель не читает и даже говорит, что не следовало этот роман писать?!» Он опять сказал: «Надо смотреть на вещи шире». — «Ну, как же все-таки, Александр Исаевич, вы говорите, что море — это закоулок русской истории, а что раковая палата — это столбовая дорога русской истории?» И опять он ничего не ответил. Это был последний наш разговор. Больше я его не видел.

Вот три мои встречи с товарищем Солженицыным.

Когда ему вручали Нобелевскую премию, он прислал мне приглашение. Написано было, правда, по трафарету. План приложил. Все кроки* были вычерчены удивительно: как к нему прийти, как миновать посты, как лучше подойти к дому...

* Кроки (от *фр.* *croquis*, *croquer*) — чертеж участка местности с обозначениями главных объектов.

**Письмо Георгия Владимова и Наталии Кузнецовой
к 75-летию Льва Зиновьевича Копелева**

Апрель 1987

Дорогой Лева!

Есть сведения, что тебя в этот день — 9 апреля — не будет в Кельне: юбилей тебе не по душе. Признаться, и у меня от этих круглых и полукруглых дат, делящихся на пять без остатка, як кажут украинцы, «свэрбыть». Как-то излишне напоминает это и верстовые столбы, что дорога, увы, с односторонним движением... Однако не оставлять же юбилей врагам нашим. Пусть тебе будет утешением, что ты подарил своим друзьям повод хорошо выпить и, чем Бог послал, — закусить.

Семьдесят пять — еще не закат жизни, но время подбить первые бабки: что сделано? как прожито? и что дальше?

Если вычертить линию жизни любого из нас, получится, вероятно, замысловатая кривая, близкая к синусоиде. Стыдиться ее не следует, известно же, что идти под парусом круто к ветру, можно только лавируя. А ветер века был зело крут и многих сажал на камни. В свое оправдание и ты можешь сказать — колебался вместе с веком. Вместе с ним ошибался, впадал в соблазны, питал иллюзии, вместе с ним — прозревал. Но сдается мне, что прозревал ты все-таки раньше других, поскольку имел надежный компас (настаиваю на ударе). Это — твоя доброта, доверчивость к людям, всегдашнее желание и умение видеть их лучшими, чем они есть. Таких нравственных зубров сейчас поискать: их следует, по-видимому, занести в Красную книгу и ежегодно подсчитывать, сколько осталось. Этот твой компас безошибочно тебе подсказал, что с побежденными, какими б они ни были, нельзя поступать по-свински, он же провел тебя невредимо для души через дантовы круги «Архипелага» и притягивал к тебе людей, готовых сражаться за твою свободу, рискуя соб-

ственной, он же в свой час вывел тебя к «Новому миру», крохотной заповедной гавани, где еще ценились рыцарские добродетели и свобода духа. Сожалеть ли, что, бывши на стороне гонимого, ты и сам оказался среди гонимых, получил в награду статус изгнанника? И конец ли это? Не думаю. Просто еще одно испытание — может быть, самое тяжкое, судя по тому, что его не выдерживают самые закаленные бойцы. Ты его выдерживаешь с честью, и мы, твои друзья, не завидуем, а гордимся твоей популярностью, как своею собственною, как некоей компенсацией нашего общего несчастья. Я так об одном сожалею, что познакомились мы поздно — из-за моей «несветскости»? или черт его знает, почему — а ведь двигались параллельными курсами! Может быть, как раз в тот день, 7 декабря 1954 года, когда ты вышел на волю из ворот «шарашки», выскочил 12-й номер «Театра» с моей статьей о «Юдах странствий» Арбузова, определившей мой жизненный путь. Может быть, не раз, друг друга не зная, сталкивались мы в двухэтажном флигеле на Пушкинской площади или в Путинковском переулке.

Однако же твое присутствие я всегда чувствовал, и железная закономерность была в том, что мы все же оказались вместе в тот исторический день, когда из Москвы увозили Сахарова. Были потом твои телефонные прорывы ко мне в Москву, ощущаемые, как артподдержка на плацдарме, когда под ногами земля горит, твое громогласное заступничество, твои и Генриха Бёлля телеграммы, которые не посмели мне не доставить и перед которыми попятилась-таки гончих стая, — для тебя обычное дело, одно из многих твоих добрых дел, но для меня — неожиданный подарок, обретение настоящего друга, которого я мог бы и упустить. К счастью, этого не случилось.

Чего пожелать тебе, дорогой Лева, в твой вершинный день? Как будто все есть у тебя (кроме России) — верная и любимая спутница, дети и внуки, крыша над головой,

достаточно книг на своей полке. Но знаю, как мучит тебя, что родные тебе люди разбросаны по разным континентам, и не собрать их ныне за одним столом. Пожелаю, чтоб это было последнее ваше разобщение, чтобы не позже следующего апреля сбылась твоя мечта: всех сразу увидеть, обозреть непрерывность рода — то естественное и необходимое, чего едва не лишила тебя жестокая наша мать-родина. Еще пожелаю тебе ценности пускай банальной, но не знающей девальвации и повышающейся год от года, — здоровья. Пусть твоя рука твердо держит перышко, а глаза видят написанное. Желаю тебе, чтобы еще долгие годы ты ощущал простую радость существования и чтобы оставался таким, какой есть, — жадным до жизни, любопытствующим и мудрым, неутомимым в поисках истины.

Крепко обнимаю тебя и Раю.

Твой Георгий Владимов (подпись)

Дорогой Лев Зиновьевич!

Поздравляю, обнимаю, целую, желаю многие лета.

...И примкнувшая к нему Наташа (FSO).

Глава двадцатая

Работа в «Гранях» и конфликт с НТС

Через полгода после приезда Владимов приступил к работе главного редактора журнала «Грани». Журнал был частью издательства «Посев», принадлежавшего НТС. Владимов редактировал 131–140-й номера в период с января 1984-го по июнь 1986-го, когда он был уволен. Сотрудничество и разрыв с НТС определили его жизнь в эмиграции, и поэтому необходимо подробнее остановиться на этом эпизоде.

К ИСТОРИИ НТС

Полного независимого исследования истории НТС не существует. Писать об НТС сложно, потому что особенно в послевоенный период союз постоянно создавал собственный миф, далеко не всегда совпадавший с реальностью*. Мой очень краткий обзор основан на тех публикациях, которые я читала, и моем понимании ситуации — никаких претензий на полноту или оригинальность исследования истории НТС у меня нет и быть не может. Я отбирала только те сведения, которые помогают понять исторические истоки и общий фон конфликта.

* *Tromly B. Making of a Myth. The National Labor Alliance, Russian Emigres, and Cold War Intelligence Activities // Journal of Cold War Studies. 2016. Vol. 18–1. Pp. 80–111.*

Нужно также отметить, что Владимов не знал многих фактов, о которых я напишу. Его часто упрекали позднее в том, что он связал себя с партией, имевшей столь сомнительное прошлое. Но Владимов, живя в СССР, не верил в коллаборационизм НТС с фашистами во время войны или антисемитизм, прямых отзвуков которого он не встречал в публикациях «Посева» и «Граней». Так как эти утверждения исходили от КГБ, он считал их обычными наветами пропаганды.

О довоенной истории организации есть очень компетентная статья Л.В. Климович*. В последние годы, кроме сведений, опубликованных в архиве Митрохина, открылись архивы УННРА, ЦРУ и других организаций, и появились независимые академические работы об истории НТС в период «холодной войны», как, например, исследование Давида Альбанезе**, а также очень интересные статьи и книга Бенджамина Тромли «Cold War Exiles and CIA. Plotting to free Russia»***.

Народно-трудовой союз российских солидаристов — русская националистическая организация, которая из разрозненных эмигрантских молодежных групп оформилась в единое движение на съезде, состоявшемся 1 июня 1930 года в Белграде в Югославии. В то время она называлась «Национальный союз русской молодежи за рубежом». Организация меняла название несколько раз и обрела свое окончательное имя в 1957-м. Для простоты

* *Климович Л.* Народно-трудовой союз российских солидаристов: ранние страницы истории // Неприкосновенный запас. 2013. С. 139–156.

** *Albenese D.C.S.* It takes Russians to beat Russians: the National Union of Labor Solidarists, nationalism, and human intelligence operations in the Cold War // Intelligence and National security. 2017. Vol. 32. Iss. 6. Pp. 782–796.

*** *Tromly B.* Cold War Exiles and CIA. Plotting to free Russia. Oxford: Oxford University Press, 2019.

изложения я буду пользоваться аббревиатурой НТС, даже говоря о более ранних периодах.

Многие из членов НТС воевали в Белой армии, другие детьми или подростками выехали с семьями из России в эмиграцию после революции. Организация была немногочисленной, ее члены жили в разных странах Европы, в США и в странах Дальнего Востока. Активные молодые люди, они не хотели мириться с потерей родины и мечтали вернуться в Россию. Целью солидаристов была борьба с советской властью вплоть до ее низвержения. Основой их идеологии служили три кита: идеализм, национализм, активизм. Члены НТС подходили к поставленной цели очень серьезно: «Каждый вечер, после трудового дня... мы собирались вместе, слушали и читали лекции и доклады, изучали экономику, историю и социологию, готовились к политической борьбе за свой народ»*. Они читали советские газеты и литературу и смотрели, по возможности, советские фильмы. По сути дела, это было первое поколение советологов-самоучек, что сыграло важную роль в послевоенной истории союза.

Во второй половине 1920-х и в начале 1930-х годов солидаристы делали неоднократные попытки нелегального проникновения на советскую территорию с целью разведки настроений у населения, но почти все переходы границы кончались провалом и гибелью участников**. Советская пропаганда и органы госбезопасности активно использовали подобные случаи для нагнетания атмосферы, устрашения и репрессий внутри страны. Эта тема широко отражена в литературе и популярной культуре. Достаточно вспомнить фарсовый «допрос» Кисы Воробьянинова, учиненный Остапом Бендером: «Вы че-

* Казанцев А. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. М.: Посев, 2011. С. 36.

** https://ru.wikipedia.org/wiki/Народно-трудовой_союз_российских_солидаристов.

рез какую границу переходили? Польскую? Финляндскую? Румынскую?» — песенку братьев Покрасс на стихи Е. Долматовского «Коричневая пуговка валялась на дороге», а также строчки создателя гимна СССР:

В глухую ночь,
В холодный мрак
Посланцем белых банд
Переходил границу враг —
Шпион и диверсант.

Сергей Михалков.

«Граница». 1937

В 1930-е годы центр НТС постепенно переместился в Германию. Член НТС Борис Прянишников писал в своих мемуарах о влиянии фашизма и его близости идеологической ориентации союза: «И в национал-социализме, выдвинувшем идею служения национальным интересам — спасение поверженного аварией корабля, а не поведение крыс — и в фашизме, приблизившемся к идее трудового солидаризма, мы видим убедительные доказательства возможности и успешности этой борьбы»*.

Солидаристы с симпатией относились к типу националистического корпоративного государства, схожего с правыми фашистскими диктатурами Франко, Муссолини и особенно Салазара, планируя подобное им политическое устройство «свободного русского государства»**.

Коротко анализируя предвоенный период активности и идеологии НТС организации, Альбанезе писал: «Солидаристы противостояли и коммунизму, и капитализ-

* Прянишников Б. Новопоколенцы. Silver Spring: «Multilingual Typesetting». 1986. С. 41, с. 118.

** *Fromly B.* The Making of a Myth: The National Labor Alliance, Russian Emigres, and Cold War Intelligence Activities. P. 82; см. также: Прянишников Б. Новопоколенцы. С. 114.

му с позиций авторитаризма и антисемитизма. В 1939 году в газете “За Родину”, публицистическом органе НТС, было написано: “Несомненно, что подавляющее большинство евреев враждебно Национальной России и русскому народу”. В газете употреблялось слово “жиды”, оскорбительное в русском языке. Солидаристы одобряли создание Люблинской резервации*, как возможное решение еврейского вопроса, и когда победа Германии казалась неизбежной, они поддерживали геноцид**.

В 1936 году в Германии в Шарлоттенбурге было создано «Управление делами российской эмиграции» под руководством генерала В.В. Бискупского. Решив не регистрироваться там, в 1938-м НТС формально объявил о самороспуске. Хотя для самих солидаристов ничего не изменилось, и союз продолжал существовать, о чем знали немецкие власти, но фактически это означает, что НТС, как организация, и деятельность отдельных ее членов не отслеживается в официальных документах*** вплоть до ее возрождения в 1945 году.

Вторая мировая война и вторжение Гитлера в СССР было для НТС временем действия и надежды. Солида-

* Термин «Люблинская резервация» существовал с сентября 1939 года и до апреля 1940-го и означал план переселения в Люблинское воеводство евреев Польши и других стран. В Люблинскую резервацию были высланы десятки тысяч евреев, которых принуждали работать в трудовых лагерях в бесчеловечных условиях. Позднее в Люблине было организовано большое гетто для евреев и цыган, полностью уничтоженное фашистами перед приходом советских войск в 1944 году. Через Люблинское гетто прошло и там погибло 34 тысячи евреев и неизвестное количество цыган.

** *Albenese D. C. S. It takes Russians to beat Russians: the National Union of Labor Solidarists, nationalism, and human intelligence operations in the Cold War. P. 784. (Пер. С. III-М.)*

*** Это объясняет слова Юрия Цурганова в передаче на «Радио Свобода» (внесено Минюстом России в реестр СМИ-иноагентов) о том, что в архивах, относящихся к военному времени, нет никакой документации о НТС и отдельных ее членах в предвоенный период и во время войны. <https://www.svoboda.org/a/2044124.html>.

ристы рассчитывали, что, столкнувшись с реальностью России, Гитлер поймет, что русские, создав родственный фашистам политический режим, должны сами управлять своей страной. Но Гитлер не выказывал никакой готовности понимания, а его теория о славянах, как «низшей расе» была оскорбительна для русских националистов, и позиция НТС изменилась. С небольшими вариациями в разгар войны основная политическая доктрина НТС, как и руководства армии генерала А.А. Власова, состояла в том, чтобы с помощью гитлеровцев прийти на территорию Советского Союза, помочь немцам свергнуть Сталина и советский режим, а затем, подняв всенародное восстание против оккупантов, освободить от них Россию. Какой бы утопической ни казалась такая концепция, она позволяла и НТС, и соратникам Власова, рассматривать свой статус, как попутчиков, лишь временно пользующихся немецкой армией, но по существу, как «третью силу», которой они стремились стать, но в реальности не были. Поэтому во второй половине войны начальный лозунг солидаристов «Россия без Сталина» сменился на «Россия без Сталина и Гитлера». О тесной связи и участии членов НТС во власовской армии подробно писала кембриджский историк Екатерина Андреева*.

Этот период отражен в большом ряде мемуаров с характерными названиями, как, например, офицера Третьего рейха В.К. Штрик-Штрикфельдта «Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение»** или члена НТС А.С. Казанцева «Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. 1941–1945»***.

* *Андреева Е.* Генерал Власов и русское освободительное движение. Лондон: Overseas Publication Interchange, 1995.

** *Штрик-Штрикфельдт В.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. Пер. с нем. И. Баха и М. Рубцовой. 3-е изд. М.: Посев, 1993.

*** *Казанцев А.* Третья сила. М.: Посев, 1994.

Сухие, как отчет, воспоминания бывшего председателя НТС В.М. Байдалакова также представляют собой важный источник информации*. Байдалаков, оставшийся председателем союза до 1955 года, после войны эмигрировал в США и резко критиковал страну за излишки демократии и юдофилию**. Подробная книга Бориса Прянишникова «Новопоколенцы» охватывает период с середины 1920-х и до начала 1950-х годов — список таких мемуаров можно продолжить. Особенно значительны в случае Владимирова воспоминания основателя журнала «Грани» Евгения Романовича Островского-Романова (далее: Романов) «В борьбе за Россию» — эмигранта второй волны, прожившего войну на оккупированной территории, где он вступил в НТС, и выехавшего в Германию вместе с немецкими войсками. Но полагаться на мемуарную литературу, относящуюся к этому периоду, в описании истории невозможно. Память часто подсказывает ту информацию, которая примиряет человека с собой и миром. И так как политическая ситуация Германии и ценности страны полностью изменились в послевоенный период, интерпретация и память о прошлом часто обретали обновленные или цензурированные характеристики.

Во время войны члены НТС пользовались всяким легальным случаем для поездок на оккупированные территории в целях пропаганды своей организации***. Технические профессии многих из них помогали получению там должностей****. Кроме того, немецким войскам на оккупированных территориях необходимо было

* Байдалаков В. Да возвеличится Россия, да гибнут наши имена. М.: Консалтинг, 2002.

** *Trotly B.* Cold War Exiles and the CIA... P. 106.

*** Романов Е. В борьбе за Россию. С. 62–63.

**** Андреева Е. Генерал Власов и русское освободительное движение. С. 28–29.

очень большое количество переводчиков и администраторов, владевших русским языком для работы в действующих там учреждениях, таких как Министерство восточных оккупированных территорий под управлением Альфреда Розенберга*, абвер — военная контрразведка, куда входили зондеркоманды по борьбе с партизанами, гестапо и других**. В марте 1942 года немцами были созданы учебные лагеря в Циттенхорсте, а затем в Вустрау, куда вербовались русские военнопленные и эмигранты для подготовки переводчиков и административных кадров фашистского управления в России. Кандидаты набирались среди русских эмигрантов, перебежчиков и пленных. Многие члены НТС преподавали там, вербуя учащихся в свою организацию. Служившие в немецкой администрации на оккупированных территориях солидаристы вели активную пропаганду своего союза среди местного населения. Немцы в первый период войны смотрели на их деятельность сквозь пальцы.

«Бескомпромиссный нейтралитет», который провозглашали идеологи НТС перед войной***, на службе в оккупационных войсках был нереален, активного или опосредованного (как, например, переводы письменных и устных приказов) участия в действиях фашистов избежать было невозможно****. Некоторые члены НТС говорили об этом совершенно открыто. В.Н. Ламздорф, служивший переводчиком в немецких войсках на оккупи-

* Розенберг Альфред (1883–1946) был казнен как военный преступник 16 октября 1946 года по приговору Нюрнбергского суда.

** *Tromly B. Émigré Politics and the Cold War: The National Labor Alliance (NTS), United States Intelligence Agencies and Post-War Europe // Contemporary European History. 2019. Vol. 29, issue 1. P. 47.*

*** «От Исполнительного бюро Совета НТС» // За Россию. 1939. Октябрь. № 90. С. 1.

**** Более подробно см.: *Tromly B. Making of a Myth... P. 83; в статье того же автора: Émigré policies... P. 48.*

рованных территориях, рассказывал сыну: «Ни разведкой, ни контрразведкой мы не занимались, хотя, конечно, если мы вдруг случайно разоблачали советского агента, то мы его сдавали куда надо»*. «Куда надо» — очевидный эвфемизм гестапо.

С конца 1943 года, но особенно в 1944-м отношение фашистов к НТС изменилось, так как они подозревали, что организация инфильтрирована советскими агентами. Более ста (разные источники называют разные цифры) членов союза были арестованы, многие из них отправлены в концентрационные лагеря, где часть их погибла**. Эта трагедия стала позднее важным аргументом НТС против обвинений в коллаборационизме***.

Война кончилась крахом для Германии, и временная ассоциация НТС с фашистами, идеологическая, политическая и военная, себя не оправдала. Но удивительным образом союз возродился в лагере для перемещенных лиц Менхегофе, находившемся в американской зоне оккупации, и опять начал активно действовать. Основателем и первым начальником лагеря был Константин Васильевич Болдырев, американский гражданин русского происхождения, ставший впоследствии активным солидаристом. Как считали члены НТС, война обнажила всю степень недовольства режимом в СССР, и поэтому следо-

* Иванов И. Интервью с Владимиром Ламздорфом. 2019. 27 сентября. <https://localcrew.ru/lambsdorff/>.

** Об арестах и заключении см.: *Байдалаков В.* Да возвеличится Россия... С. 45–51; *Tromly B.* Cold War Exiles and the CIA. P. 43.

*** В письме от 9 ноября 1985 года (FSO), написанном Е.Р. Романовым на радиостанцию Südwest Rundfunk и адресованном известной журналистке Gisela Mehlmann, Романов протестовал против ее утверждения, что НТС сотрудничал с нацистами, ссылаясь на репрессии 1943–1944 годов. Письмо подписано «Dr Ostrovsky» — настоящая фамилия Романова. «Dr» явно было поставлено для важности, так как никаких диссертаций он не писал и не защищал.

вало продолжать борьбу. Но внутри самого движения сразу после войны возник острый конфликт старых членов и новых, прибывших со второй волной эмиграции, вождем которых быстро сделался Е.Р. Романов*. Байдалаков с раздражением писал, что прежние «идеализм» и «идейность» сменились меркантильностью, «хлестаковщиной» и «активным очковитирательством»**.

Болдырев вернулся в США в 1948 году*** и, используя свои связи, развернул очень активную кампанию пропаганды союза. Он писал статьи в популярные журналы — «Reader's Digest» и «Look», его выступления обсуждались в «Newsweek». Он даже ездил в Голливуд, пытаясь убедить голливудских продюсеров создать фильм о подвигах НТС во время войны. В конце 1948-го на пресс-конференции в Нью-Йорке Болдырев заявил, что НТС, насчитывавший к тому времени 643 человека, рассеянных по разным странам и континентам, полностью готов к быстрому и полному низвержению сталинского режима. Он утверждал, что у союза есть широкая агентурная сеть на территории СССР и сильное подполье, готовое к вооруженному восстанию. Все, что нужно его организации, — скромная сумма в 10 миллионов долларов, в послевоенное время совершенно фантастическая, и НТС быстро выиграет для Запада холодную войну****. Большинство утверждений Болдырева были чистейшим блефом, на что ему сразу и недвусмысленно указала эмигрантская печать. Во время войны у НТС были связи и завербованные

* Прянишников Б. Новопоколенцы. С. 250–261; см. также: Байдалаков В. Да возвеличится Россия... С. 79–64.

** Байдалаков В. Да возвеличится Россия... С. 72.

*** Попов А. Загадка генерала Болдырева: новые документы по истории белой Сибири // История белой Сибири. Тезисы III научной конференции. Кемерово. 1999. С. 48–54. <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1185895>.

**** Tromly B. Making of a Myth... P. 80; см. также: Tromly B. Cold War Exiles and the CIA. Pp. 108–111.

члены на оккупированных территориях, но тех, кто не эмигрировал с немцами на Запад и избежал ареста в СССР, оставалось ничтожно мало. Тем не менее доклад Болдырева широко обсуждался в американской прессе и обратил на себя внимание ЦРУ.

Послевоенные отношения между бывшими союзниками ухудшались стремительно. Советский Союз быстро становился врагом, обладающим атомным оружием, коммунисты пришли к власти в Китае, шла война в Корее, и освобожденную от фашистов Европу разделил железный занавес. Перед американцами, не ожидавшими такого масштаба конфронтации, встали неожиданные задачи. В ЦРУ не хватало специалистов, не только владеющих русским языком, но и понимающих советскую культуру, внутреннюю ситуацию, а также ментальность населения и властей. Опыт, кадры и знания НТС хотя бы отчасти заполняли эту лакуну. Политическая цель НТС, заключающаяся в свержении советского режима, совершенно устраивала ЦРУ. Организационные способности, инициативность и изобретательная практичность руководства и многих членов НТС производили впечатление. Явным доказательством было создание и успешное развитие печатных органов, газеты «Посев» (впоследствии журнал «Посев»), журнала «Грани» и самого издательства «Посев».

После войны НТС основательно поработал над своим имиджем*. Члены организации отдавали себе отчет в серьезности проблемы: «На Западе... о нас плохая пресса. Запад, по крайней мере, сейчас смотрит на нас как на гитлеровских коллаборантов»**. Основных проблем было две: антисемитизм и националистический корпоратизм. В 1946 году планы НТС о судьбе евреев в «свобод-

* *Tromly B. Cold War Exiles and the CIA. Pp. 4–6.*

** *Прянишников Б. Новопоколенцы. С. 214.*

ном русском государстве» предполагали две возможности: евреи должны будут жить в специально отведенной им зоне или покинуть пределы России без сохранения имущества. Но позднее Р.Н. Редлих, член Исполнительного бюро НТС, убедил соратников, что «русский вопрос» находится, как он сформулировал, в «руках международного еврейства», и надежда на американские деньги при антисемитской программе нереальна. Прагматичный НТС радикально убрал антисемитизм из официальной программы и дискурса партии*. Солидаристы также полностью изменили свою политическую платформу, расставшись с дискредитированной идеей корпоративного государства фашистского типа. Была густо добавлена демократическая риторика, убран излишний национализм, так что — какой бы скепсис ни звучал в их внутренних кругах и разговорах — программа НТС *urbi et orbi* обрела умеренно-либеральное звучание, приемлемое для будущих спонсоров.

В 1951 году, радикально урезав финансовый аппетит будущего партнера, ЦРУ заключило с НТС договор «Petya-8», включавший основание радиостанции для свободного вещания, пропаганду среди советских войск, находившихся в Восточной Германии, и подготовку агентов для внедрения и подрывной работы в СССР, хотя попытки такой практики после нескольких провалов и ответных ударов МГБ/КГБ, убивших и похитивших руководящих членов НТС, были прекращены. Прокси-война приобрела сугубо идеологический характер.

Важной частью программы НТС была «молекулярная теория» Владимира Поремского**. Основная идея состояла в распознавании среди советского населения недоволь-

* О еврейском вопросе и НТС см: *Tromly B. Émigré Politics...* P. 49.

** Владимир Дмитриевич Поремский был председателем НТС в 1955–1972 годах. <http://ricolor.org/history/b/vp/tr/>.

ных граждан, количество которых, как уверял союз, исчислялось в миллионах. Их следовало организовать в «молекулы» — ячейки сопротивления, независимые и неизвестные друг другу, но каким-то образом связанные с центром и готовые по его сигналу поднять восстание. Ничего оригинального в этой идее не было: источник ее — сеть клеточек-ячеек-молекул — можно проследить еще в страшной нечаевской истории, ставшей основой «Бесов» Достоевского, хотя связь внутри «молекулы» Поремского должна была сохраняться не на крови, а на идейной основе. Каким образом «молекулы» в доинтернетовский период могли получить одновременный сигнал к восстанию и объединиться, откуда взялось бы оружие для борьбы с режимом, и кто ими руководил — вероятно, навсегда останется открытым мраком неизвестности. Конечно, американцы были не столь наивны, чтобы верить в «восстание молекул», но ЦРУ правомерно считало, что эта игра будет отнимать ресурсы КГБ. Таким образом, к моменту приземления Владимирова во Франкфурте своеобразный *status quo* выглядел следующим образом: НТС активно создавал и раздувал миф о своем политическом могуществе и «молекулах»; ЦРУ, успешно ведя подрывную, идеологическую прокси-войну, субсидировало этот миф, отвлекая и распыляя ресурсы противника; КГБ храбро сражался с этим мифом, не забывая использовать его для посадки диссидентов. Хотя можно не сомневаться, что изобретательная организация нашла бы и другие причины для того, чтобы репрессировать недовольных. Все были при деле, при деньгах, а кому полагалось — и при звездочках на погонах.

Реальная практическая сторона деятельности НТС в СССР заключалась в связях с диссидентами, доставке и распространении запрещенных книг, журналов и Библии. Для этого НТС пользовался открытыми (официальная почта) и закрытыми (курьеры, диппочта) каналами — «стрелами», как их называли солидаристы. ЦРУ

активно поддерживало деятельность издательства «Посев». Журналы НТС — общественно-политический «Посев» и литературно-исторические «Грани» распространялись в крупных советских городах. И хотя они были доступны сравнительно небольшому количеству людей, это был серьезный и важный аспект деятельности союза. «Посев» был для писателей в СССР одним из западных издательств, публиковавших и плативших гонорары за напечатанные произведения, не пропущенные советской цензурой.

ЖУРНАЛ «ГРАНИ»

В 1981 году в журнале «Грани» была напечатана пьеса Владимира «Шестой солдат», в 1982-м — рассказ «Не обращайтесь вниманья, маэстро», и в 1985 году глава «Три командарма и ординарец Шестериков» из романа «Генерал и его армия».

Как упоминалось, журнал «Грани» возник в Менхегофе*. Название его придумал Евгений Романович Романов и несколько лет до 1951 года редактировал и выпускал его практически в одиночку. Сын белого офицера, Романов провел войну в Днепропетровске, издавая местную газету. Первоклассный шахматист, журналист, очень интересовавшийся литературой, по словам Владимира, *«великий комбинатор и интриган»*, Романов на протяжении последующих десятилетий был не только фактическим главой и мозгом партии, но движущей силой и душой журнала «Грани». Получив сначала американскую лицензию, издательство «Посев», выпускавшее «Грани», стало со временем немецкой фирмой, получавшей, как

* Югов А. Интервью с основателем журнала Е.Р. Романовым // Грани. 1986. № 141. С. 256–283.

и все эмиграционные органы печати, небольшие дотации от государства. Определенную финансовую основу обеспечивала подписка на журналы и продажа книг. Позднее на издание и развитие журнала шла также часть бюджета, получаемого от ЦРУ, но проследить потоки денег невозможно.

Журнал активно печатал литературу эмигрантов первой волны, публикуя таких ведущих писателей, как Бунин, Ремизов, Зайцев, Тэффи и многих других. В 1955–1961 годах Романов вновь стал редактором «Граней». По его словам, НТС отводил литературе большую революционную роль, схожую с воздействием «Кружка Петефи» в Венгрии в 1956-м. Восстание в Венгрии очень подхлестнуло надежды НТС, как свидетельство того, что «народ готов» к освобождению от власти коммунистов.

Романов считал, что свободные «Грани» конкурировали с «Новым миром». С точки зрения воздействия на общество, такая идея не вполне отражала реальность. «Новый мир» огромными тиражами распространялся по всей стране и был доступен в каждой библиотеке, тогда как циркуляция «Граней» была очень ограниченной. Но в бесцензурных «Гранях» были впервые опубликованы многие важнейшие произведения эпохи: «Собачье сердце» Булгакова, «Четвертая проза» Мандельштама, «Котлован» Платонова, «Крохотки» Солженицына, «Реквием» Ахматовой, стихи из «Доктора Живаго» Пастернака, «Все течет» Гроссмана, «Фотограф Жора» и стихи Окуджавы, а также стихи Коржавина, Бродского, Горбаневской, — длинный и впечатляющий список имен легко продолжить.

Мобилизация западного общественного мнения в пользу преследуемых в СССР писателей и диссидентов была важной миссией «Граней». Журнал активно занимался пропагандой политической литературы, устроив, например, в Париже пресс-конференцию, на которой

была представлена «Белая книга» Александра Гинзбурга. Романов утверждал также, что именно «Грани», сотрудничая с созданным НТС в Париже обществом «L'Art et le Progrès», впервые выдвинули на Нобелевскую премию А.И. Солженицына*.

К середине 1970-х годов поток рукописей из СССР ослаб, что, в первую очередь, было связано с эмиграцией. Многие писатели, оказавшись на Западе, публиковались в издательствах и печатных органах в Европе, США и Израиле. Постепенно журнал приобрел несколько одностороннее направление, которое Романов определял, как работу по восстановлению «исторической памяти». Но сам он был этим не особенно доволен, так как его идея многогранности журнала, главной частью которого должна была оставаться литература и публицистика, казалась утерянной. Романов считал, что нужен был новый редактор, который мог бы более тесно связать журнал с современной литературой, с авторами, живущими в СССР, и дать ему более широкое и разветвленное направление. Идея привлечения в журнал Владимирова принадлежала именно ему. Романов утверждал, что, еще живя в Москве, Владимир согласился рекомендовать новых авторов, писал отзывы и благосклонно отнесся к предварительным разговорам о возможном руководстве журналом «Грани»: «...в смысле взглядов, подхода к литературе, к литературному журналу за рубежом и его роли в стране, — в этом смысле была очень большая близость. Я эту переписку читал, и открытую, и закрытую, — это ведь целое досье, все-таки почти 13 лет! И Владимир был готов к предложению перенять редакторство, потому что были намеки и в письмах, и устные»**.

* Югов А. Интервью с основателем журнала Е.Р. Романовым. С. 268.

** Там же. С. 278.

Его утверждение вполне вероятно, так как даже после разрыва с НТС Владимов писал:

Я полагаю, единственная и бесспорная заслуга НТС, да и того же Е.Р. Романова, что в труднейших условиях они основали издательство и журналы, печатали наш художественный и публицистический Самиздат, многих из нас — и самых разных — в пору «похолодания» поддержали, не дали нам загдохнуть. Никогда не забывая об этом, я и пытался сделать «Грани» — и надеюсь, 10 выпущенных мною номеров доказывают мои усилия — центром, объединяющим российских авторов по цензу таланта и мысли, всех, имеющих что сказать, независимо от партийных влечений и установок (4/215).

Таков был общий фон, на котором разразился один из самых больших конфликтов, потрясших русскую эмиграцию.

КОНФЛИКТ

Когда по приезду во Франкфурт Владимову было официально предложено стать главным редактором «Граней», он колебался очень недолго и приступил к работе с начала 1984 года. Журнал выходил каждый квартал. «Грани», наряду с «Континентом», быстро превратились в ведущий литературный голос эмиграции, лучший вариант толстого журнала. Достаточно упомянуть лишь нескольких авторов, публиковавших в «Гранях» литературные, публицистические и критические произведения и статьи: Василий Аксенов, Петр Вайль и Александр Генис, Фридрих Горенштейн, Сергей Довлатов, Феликс Кандель, Раиса Орлова и Лев Копелев, Виктор Некрасов, Борис Парамонов, Илья Серман и многие другие. Каждый

номер становился событием литературной жизни и за рубежом, и среди интеллигенции в советских больших городах. И хотя циркуляция журнала в СССР была очень ограниченной, значение «Граней» для тех, кто получал возможность прочтения журнала, недооценить было невозможно.

Что же произошло и почему столь успешный редактор был уволен? Я приведу историю конфликта с НТС в рассказе самого Георгия Николаевича*, выдержках из корреспонденции, которую я нашла в архиве и цитатах из существующих публикаций. Начало рассказа восходит к 1974–1975 годам:

Когда мое разрешение на публикацию «Верного Руслана» было «Посевом» получено, ко мне явился курьер от издательства, первый из многочисленных, побывавших в нашем доме. Курьерами были молодые люди двадцати двух – двадцати трех лет, изучавшие или знавшие русский язык. НТС оплачивал им половину стоимости путевки в Россию, что очень привлекало студентов. Приезжали курьеры не только из Германии, но и Голландии, Дании и других стран. Им поручалось доставить письмо или книгу, получить ответное послание и иногда вывезти рукопись. Их также обучали, как найти адрес, не расспрашивая прохожих, чтобы «не засветиться». Переписка была открытая, закрытая, под псевдонимом. На тот случай, чтобы, если курьер попадет, он мог отбрехаться, мол, подошли в аэропорту, попросили передать, бросить в ящик.

И когда из-под пресса КГБ – с непрерывной слежкой, подслушками и глушилками, обысками и допросами – видишь сами лица их курьеров, молодых идеалистов из Англии, Дании, Италии, Нидерландов, прекрасные лица СВОБОДНОРОЖДЕННЫХ, –

* Этот рассказ записан во время пребывания Владимова у нас в Лондоне. Он отчасти совпадает с текстом «Необходимого объяснения» — открытого письма, которое Владимов опубликовал после разрыва с НТС (см. ниже).

таким и представляется лицо этой партии, единственного политического объединения в российском Зарубежье.

И НТС представлялся нам как глубоко законспирированная и очень симпатичная организация. Эти курьеры (по счету НТС они послали ко мне в Москву двадцать девять курьеров) ее как бы олицетворяли, и мы видели перед собой прекрасных молодых людей, интеллигентных, очень тепло настроенных к России, к Москве, к правозащитникам. Создавалось впечатление, что маленькая, очень спаянная и связанная родственным духом организация противостоит могучему КГБ, который никак не может с ней справиться. Сколько он ее ни треплет, сколько ни разоблачает, а она существует, и подобраться к ней органы никак не могут. Ни внедрить свою агентуру, ни разложить изнутри, ни уничтожить. Это ложное впечатление владело всеми, кто был с ними связан, хотел у них печататься» (ГВ; см. также: 4/206).

В интервью журналу «Форум» Владимов дает очень живую картину своего тогдашнего состояния и отношения к «Посеву» и НТС:

Вам нетрудно себе представить, что значит там, в Большой зоне, письмо из-за границы. С диковинными марками, в длинном таком конверте, каких в СССР, по причинам исторического материализма, не делают. Письмо оттуда, куда вы полвека не можете выехать, потому как — «невъездной». Или звонок телефонный — сквозь шорох прослушки и после вчерашнего обыска: «Ваша книжка вышла в Италии...» Это ведь такая отдушина! Или приезжает курьер с этой книжкой, с Тамиздатом. Вы его усаживаете за стол, не знаете, как ублажить, не отпускаете без подарка — в России же не бывает иначе! — он вам подарил маленький праздник: общение с большим недоступным миром...

Было бы ложью, что мы совсем ничего не видим из Большой зоны. Коробят эти высокие словеса, революционные призывы из безопасного далека, но — пропустишь

мимо уха: ну, не стилисты, и нетерпение их гложет, зато — делают дело. И мы верим нашим товарищам, которые эмигрировали: читаю, к примеру, Коржавина — какие прекрасные люди в «Посеве»! Оно, правда, странно немного — читать похвалы «посевцам» в одноименном журнале, но пишут же не сами, пишет Коржавин, которого я с 1956 года знаю. Да вот и Максимов, и Галич сотрудничают с НТС, выступают на «посевовских» конференциях. В другое ухо гудит нам родная пропаганда, что НТС — идейный и злейший враг, от которого нас спасают только славные «органы» — вот те самые, что вчера перелопатили вашу квартиру. Наконец, мы вообще абстрагируемся от партии, которая что-то там обещает, бездну всяких благ и свобод, реально — мы видим издательство, где мы многие нашли пристанище. Мы разделяем эти понятия — НТС и «Посев» (4/233).

Какие-то трезвые голоса, нужно сказать, раздавались. Рой Медведев, наш хороший знакомый был настроен против НТС и говорил, что они незаконно используют его имя. Но у него был в Англии брат Жорес, который ему мог давать советы и информировать. А мы, отгороженные железным занавесом, проведать ничего не могли. Тем более что доносятся и положительные отзывы. И мы верили, что наши друзья на месте и разобрались. Приходившая к нам от них молодежь — курьеры оставляли светлое впечатление, и трудно было поверить, что разговоры об их добровольной коллаборации во время войны — это не очередная утка КГБ (ГВ).

Прилетев во Франкфурт, Владимовы были сразу встречены представителями НТС. Позднее Георгий Николаевич писал:

...едва приземлившись, я попал в их круг, такой плотный, что Анатолий Гладилин, примчавшийся из Парижа для

первого интервью, сорок минут не мог ко мне пробиться. Позднее он заметил: «Они окружили тебя тогда, как ксендзы — Козлевича». <...> Но, измученный предотъездными неделями, нескончаемым расставанием, зверским таможенным досмотром, которым заботливая родина дает нам напоследок доброго материнского пинка, я был тронут встречей. Дружеский ужин у председателя НТС А.Н. Артемова, свои переводчики, свои поводыри на первых шагах в неведомом мире (4/233).

Оглядываясь назад и рассказывая мне позднее об этих первых неделях, Владимов видел ситуацию в иных тонах:

Поселили они нас очень хитро, сняв для нас маленький, одноэтажный бунгало на окраине города. Это выглядело, как дорожный мотель, рядом было несколько таких же бунгало. Никто там не появлялся, мы были законспирированы совершенно. Даже от работников «Посева» нас предохраняли. Наборщица хотела ко мне пробиться, но не смогла узнать адрес или телефон. Сняли нам две комнатки, в одной Елену Юльевну поселили, в другой меня и Наталию. Мы там жили почти что месяц. Они держали нас крепко, изолируя от возможных контактов.

В общем, у НТС была задача такая: держать и «не пущать». Хотя у меня записные книжки украли, я держал несколько телефонов в памяти. Я ездил в Кельн, лекции читал, встречался и подолгу разговаривал с Копелевым. Письма мне, конечно, не могли не доставлять. Но, в целом, у НТС была установка, чтобы лишних людей не было, «не беспокоить». Время от времени приезжал Жданов на машине и вез меня в здание «Посева», встречаться с каким-нибудь корреспондентом. Немецких корреспондентов я не знал совершенно, почему эти корреспонденты, а не те, мне тоже было неизвестно. Вероятно, допускали только тех, кто был дружественен к НТС, по-

тому что были корреспонденты, которые их на дух не переносили (ГВ).

На следующий день после прибытия в Эшборн приехали А.Н. Артемов и Е.Р. Романов: «На другое же утро — первое утро на чужбине — они предложили мне журнал: “Это наша мечта, чтобы Вы приняли и повели «Грани»”» (4/205). Позднее в «Необходимом объяснении» Владимов писал о том, что ему были поставлены три условия:

С нашей стороны — три условия, точнее — пожелания. Чтоб не было фобий: русофобии, юдофобии... Второе — чтоб «Грани» не стали ареной счетов и эмигрантских склок. Ну, и чтоб не было критики НТС. Собственно, первые два — никакие не условия, они — из кодекса интеллигента, третье же было — на редкость привлекательно, я не хотел даже упоминания НТС — помня, чем это грозит авторам в СССР (4/205).

Е.Р. Романов вспоминает об этих пунктах иначе: «Да, три условия были, но не совсем те. У меня есть запись нашей беседы, и по ней хорошо видно, о каких пунктах идет речь. Первое. Журнал — для России, для русских авторов и русских читателей прежде всего, то есть для авторов и читателей в Советском Союзе. Второе. Журнал по своей направленности должен оставаться в рамках российской национальной традиции, то есть в том духе, в каком он всегда и развивался, без крена в проблемы Запада, Восточной Европы и т. д. ... Третье. Мы не вмешиваемся ни в какие эмигрантские склоки, споры и т. п. Никакого разговора о том, чтобы не атаковать НТС, вообще не было — о чем тут было говорить? Смешно: человек перенимает редакторство нашим журналом, готовится работать с нами бок о бок, в тесном контакте, — так надо

еще ставить такое условие?! Такая мысль и в голову никому не могла прийти, как же мог быть такой пункт? Также никакого пункта о русофобии и юдофобии не было, это он тоже выдумал»*.

На той же встрече Георгий Николаевич решительно сказал, что он не намерен вступать в НТС, так как позиция писателя должна быть «над-партийной». Артемов казался разочарованным, но Романов сразу согласился с Владимиром и одобрил его решение.

*В течение первой недели я получил от радиостанции «Свобода»** в Мюнхене предложение работы редактором отдела культуры. Условия были неравные: заработки на «Свободе» в два раза выше, полтора месяца отпуска, лечение, в котором я нуждался после инфарктов, бесплатные занятия английским языком и американское гражданство через пять лет. Очень соблазнительно для «отщепенца», эмигранта, изгнанника, и я впоследствии очень жалел, что туда не пошел. Дело было еще и в том, что, никогда ранее не занимаясь радиожурналистикой, я не представлял себе этого жанра. Я никогда не выступал перед микрофоном, все это было для меня внове. А журнал – вещь для меня знакомая. Я работал три года в «Новом мире» при Симонове, а потом Твардовском среди интеллектуальных, образованных профессионалов самого высокого класса, какой была тогда команда «Нового мира». Это был мой главный литературный институт. Я позвонил Леве Копелеву посоветоваться, и он склонял меня принять предложение от радио «Свобода»: большая русская колония, много интересных людей, можно найти себе в отделе культуры достойное применение. А НТС – партия, которая, в конце концов, свое слово скажет и натуру проявит, как и всякая партия. Это был серьезный аргумент, и я об этом и сам думал (ГВ).*

* Югов А. Интервью с основателем журнала Е.Р. Романовым. С. 278–279.

** Внесена Минюстом России в реестр СМИ-иноагентов.

Легко ли, редактировать партийный журнал? С другой стороны, разве у Твардовского он был свой? И партия нависала над редакторским столом, и собственный партбилет — слева, где сердце, — удерживал от слишком резких телодвижений, но как много он смог, успел. Ну, наконец, и партия все-таки совсем другая, совсем противоположная. И хотя известен закон, что любая оппозиция зеркально копирует своего противника, однако и законы имеют же исключения (4/205–206).

Твардовский, по свидетельству самого Георгия Николаевича, вплоть до самых последних лет жизни, когда «...вера его начала как-то тускнеть», был искренним и глубоко убежденным коммунистом. Поэтому никакого нравственного или интеллектуального конфликта в том, что он принял и повел в СССР журнал «Новый мир», для Твардовского не было. Положение и ситуация с НТС в этом смысле была совершенно иной. Но Владимов не вникал в партийную идеологию НТС, так как, по его словам, ему было обещано, что он может редактировать независимый, «надпартийный» журнал, — и соблазн был огромным. В письме Жоресу Медведеву, написанном 5 августа 1983 года, Владимов писал: «Я лелею мечту основать свой журнал — разумеется, толстый, литературный и немного политический, в духе либерально-демократической традиции Твардовского» (FSO). И вот, как ему казалось, появилась реальная возможность осуществления ранее несбыточной мечты. Человек чрезвычайно активный в общественной жизни, Владимов хотел быть не только автором прозы:

Я всегда мечтал иметь «свой» журнал, которым я мог бы воздействовать на литературный процесс. Передо мной стоял привлекавший меня пример Максимова, хотя в «Гранях» мне таких условий обеспечить не могли. Мне предложили зарплату 3000 или

3500 марок, но я согласился. Одновременно велись переговоры с американцами о получении гранта. Я этот грант просил не для себя: «Грани» авторам платили жалкие 3 марки за страницу. А «Континент» – 30 марок во французском эквиваленте, в десять раз больше. Поэтому Максимов был грозным конкурентом, оттягивая себе лучших авторов. И я сказал, что для того, чтобы вести качественный журнал, мне нужен гонорарный фонд.

Приехали какие-то американские представители, и официально «от имени американского правительства» предложили мне вести «Грани». Деньги – гонорарный грант – поступят из частного пенсильванского фонда, а у меня, как редактора, будут такие же финансовые условия, как были бы на «Свободе»*. С этим я приступил к работе, и «мой» первый номер «Граней» (131-й) вышел в феврале 1984 года. Поначалу отношения были эйфорического плана. Я очень нуждался в новых друзьях. Не зная немецкого языка, я вынужден был пользоваться их переводческими услугами. Они меня очень опекали (ГВ).

О том, что изначальные отношения были очень хорошими, говорит тот факт, что в первое лето Владимовы провели отпуск вместе с Романовым в Голландии**. Но такая идиллия продолжалась недолго.

Как и предрекал Копелев, «природа партии» начала проявляться довольно быстро. Мне настоятельно рекомендовали взять в качестве ответственного секретаря редакции жену председателя НТС, А.Н. Артемову: при ней будет «полный порядок», на нее можно полностью положиться, она – давнишний работник «Посева», редактор, корректор.

Вскоре выяснилось, что эта дама была ко мне приставлена, как комиссар Фурманов при Чапаеве. Она сразу стала своевольничать и нажимать: это – «мы печатаем», а это – «мы не печатаем».

* «Радио Свобода» внесено Минюстом России в реестр СМИ-иноагентов.

** Романов Е. В борьбе за Россию. С. 235.

Она отвечала за переписку, и писала авторам совершенно дурацкие и глупые письма, вызывая их насмешки. Так что у нас сложилась полуконфликтная ситуация, и я ей напомнил, что журнал — это не коллективное руководство и должен быть один редактор, а не два. Сотрудницей она оказалась совершенно негодной, так что Наташе приходилось и читать, и отвечать авторам. И она тоже, конечно, была этим недовольна: «Почему я должна за нее работать?» В конце концов, я попросил Романова, нового председателя НТС, чтобы Артемову убрали из журнала. И он тогда сам предложил, чтобы Наташа официально заняла ее место. Артемова же была в партии очень влиятельная дама-патронесса. И я ощутил при ее отставке глухое противодействие. Это был первый удар по клану, который был потрясен, обижен и снести мое своеволие без последствий не мог. Мне скоро стало ясно, что мне будут вставлять палки в колеса. Я попробовал с ними объясниться напрямую, чтобы было ясно, кто есть кто, и чтобы они меня с журналом оставили в покое.

Но пока я продолжал работать, не приглядываясь к этим людям уже другими глазами, и у меня стали появляться вопросы о том, что, собственно, представляет собой НТС.

Мне показалось странным их широковещательные заявления о «десяточках-пятерочках» в СССР. Причем громко объявляется, что они там ведут работу, распространяют литературу, тамошние члены друг о друге не знают, но все подчиняются зарубежному центру во Франкфурте. Что существует «молекулярная теория» Поремского, по которой все слои советского общества пронизаны этими ячейками-молекулами. Даже в высших эшелонах власти есть «свои люди». Даже есть целый город (!!!), который готов к восстанию, распространяется и по сигналу из Франкфурта выступит с вооруженным мятежом.

Все это мы уже «проходили» в русской литературе: контора «Рога и копыта», союз «Меча и орала».

Я начал задавать им, и не только им неудобные вопросы. Например, не странно ли, что люди «молекул» друг о друге ничего не знают, но все вместе готовы к организованному восстанию? Как-то нет в этом логики. И зачем же так громко вещать об

этих «глубоко законспирированных» пятерочках, которые подвергаются жестокому преследованию в случае раскрытия? Ведь такая трескотня – бальзам на уши КГБ (ГВ).

Нужно сказать, что вплоть до последнего десятилетия подрывная идеологическая прокси-война, которая велась бы не прямыми военными действиями и не шпионажем, была за гранью наших представлений. Владимов, выехав из СССР, не понял, и не мог понять, что в случае НТС речь идет о такой прокси-войне, в которой мифология важнее реальности. Задавая совершенно оправданные вопросы, он втыкал иголки в раздутый мыльный пузырь, при том что ни одна из сторон не хотела, чтобы этот пузырь лопнул:

*Мое любопытство пришлось им очень не по душе. Они не ожидали такой неожиданной самостоятельности и независимости. В их планах было приобрести под свое крыло, заполучить известного писателя, правозащитника. Обеспечить его и дать работу, ожидая, что он покорно вольется в их здоровый коллектив и станет членом НТС. Мечта была несбыточная, и расчет был без хозяина. Но Романов был человек ловкий и хитрый, и понимал, что нужно прилаживаться и терпеть. Важно иметь хороший журнал с известным и авторитетным редактором. И не выносить сор без избы. Важно, чтобы эмиграция ничего не знала о конфликтах и разногласиях. Но я разговаривал с друзьями, рассказывал им, в какой среде оказался, и потом слушал упреки от членов НТС в «неколлегиальности»: «Не нужно было про это рассказывать...» Не скажу, чтобы вначале вмешивались в то, что печатал. Но когда я захотел изменить обложку – она была цвета лягушки в обмороке – на голубую новомировскую, это вызвало большое недовольство: «Зеленый – цвет надежды!»**

Они скучные серые люди. Я занимался журналом, а им хотелось вовлечь меня в свои мероприятия. Я два раза выступил у них

* Начиная с 135-го номера цвет обложки журнала был переменен на синий.

в клубе, сделал доклады о цензуре, о Твардовском. Единственный, с кем можно было говорить – был Романов, человек дошлый, хитрый, очень умный, с большим жизненным опытом. Постепенно обстановка стала ухудшаться, хотя журнал выходил и стал ведущим в эмиграции. Стали приходить письма от каких-то членов НТС, что журнал я веду неправильно. Один раз пришла анонимка (по почерку мне кажется, что ее писала Артемова) с упреком, что я допускаю много ненормативной лексики в журнале. Они считали Васю Аксенова и Сашу Соколова «фривольными авторами». А уж Феликс Кандель был просто шоком. Это все была глупость, потому что в «Гранях» ненормативной лексики было меньше, чем в других журналах. Но получение анонимки в западной жизни – с этим я мифиться не собирался (ГВ).

В Бременском архиве я нашла корреспонденцию с членом НТС Н.И. Петровым, относящуюся к этой анонимке (ее самой во владимовском архиве нет). Она ясно показывает возрастающее раздражение Владимова:

К сожалению, история с анонимкой, подброшенной на мой редакторский стол, не представляется мне столь безобидной, как Вам. Мнение не шибко грамотного читателя о «заборной литературе» в «Гранях», которое и Вы находите несправедливым, никак не может меня интересовать. Но приобретя черты анонимности [и будучи представленным в предновогодний, своего рода итоговый, день], это мнение приобретает и другой смысл, отчетливо выраженной оппозиции НТС новым «Граням». Наполучавши анонимок от КГБ, никак не предполагал, что эта нечистая игра продолжится в здании «Посева» (19.01.1985, FSO).

История эта после обмена несколькими письмами заглохла, хотя при чтении ее становится ясно, что обострение отношений – вопрос времени.

Потом начались разговоры, что раньше это был «русский журнал», а теперь «русскоязычный». И письма такие приходили. Слишком много еврейских фамилий среди авторов. Раньше журнал был «истинно русский», а теперь стал просто «эмигрантский» и «интеллектуальный». Я хорошо знаю, что за такими упреками в «русскоязычности» кроется... (ГВ)

В архиве хранится рукописное послание от 14 ноября 1985 года, на которое Владимов ссылался в «Необходимом объяснении» (4/209):

Вена, 14.11.85

Г-ну Владимову,
Главному редактору журнала «Грани»,
6230, Frankfurt a. M. 80

Уважаемый господин редактор,
Сообщаю Вам, что я прекращаю подписку на Ваш русскоязычный листок и не желаю больше видеть его в своем почтовом ящике. Причины того, я думаю, Вам ясны. Объяснять Вам, почему данный листок является плевком в русскую православную душу, я надеюсь, излишне. Вы сами прекрасно это знаете. За номера, присланные мне в этом году, будет, разумеется, заплачено.

С уважением
Елена Ванина
Erlachgasse 84/18
A – 1100 Wien (FSO).

По словам Владимова, «высший эшелон» никакого антисемитизма себе не позволял, но в более низких слоях союза он никуда не делся: *“Но сначала мы как-то терпели ради журнала, ради авторов, которых печатали. Но все катилось к тому, что придется расстаться. Я начал получать*

письма, излагающие претензии, ну, и конечно, отвечал на них» (ГВ).

Писем, обращенных руководством НТС к Владимову, в архиве очень немного, и они относятся, как правило, к более позднему периоду. Но к началу 1986 года атмосфера была напряженной и продолжала накаляться. Романов и его окружение считали, что журнал теряет «четкое индивидуальное лицо», хотя не совсем ясно, что имеется в виду, и почему Владимову не очертили это «лицо» при поступлении на работу. Однако в тот момент НТС не вмешивался, хотя Романов говорит о «недовольстве» организации, и о том, что продолжение такой литературной линии привело бы в будущем к конфликту*. Владимов чувствовал это недовольство. Я приведу отрывок из письма Георгия Николаевича к председателю Исполнительного Бюро НТС Ю.Б. Брюно, которое демонстрирует его восприятие отношений с руководством НТС и ясно показывает, что дело идет к разрыву отношений:

Что журнал стал интереснее, приблизился к современности, к нуждам сегодняшней России, вполне может стать первым журналом в русском Зарубежье, я слышу от коллег-писателей, от читателей, эмигрантов и аборигенов, наконец, из Совдепии, не слышу — на Флоршайдег 15. ...Член НТС, В. Филимонов, высказывает мне озабоченность, что у нас перебор с еврейскими фамилиями, и что мы оскорбляем верующих — каким же образом? Тем, что мы печатаем, как их оскорбили в СССР? ...Еще один член — и как будто не рядовой, а из руководящих — А.М. Югов** выражает свое недовольство в формах вполне унитазных: орет благим матом [и букваль-

* Романов Е. В борьбе за Россию. С. 236.

** Югов Александр Михайлович — член редколлегии журнала «Посев»; в 1989–1993 годах главный редактор журнала.

но — матом] на моего сотрудника Л. Рудкевича, сотрясая междуэтажные перекрытия, что мы ему, Югову, маститому публицисту, предпочитаем «каких-то» Вайля и Гениса; называет он их — «шваль и пенис»... (03.02.1986, FSO)

Суть расхождений двух сторон понятна: Владимирова интересовала литература и литературный процесс, поэтому качество рукописей было его единственным критерием. Для НТС основным был все-таки политический аспект литературы и публицистики, даже в ущерб качеству материала. В феврале между Владимовым и Исполнительным бюро НТС состоялась встреча, после которой Брюно писал:

Юридически журнал Грани принадлежит издательству Посев. Но само издательство было шаг за шагом, книга за книгой и номер за номером, отстроено за четыре десятилетия членами НТС и в опоре на НТС...

Как в общественном сознании, так и практически, Грани неизбежно останутся «журналом НТС»; но одновременно Грани могут быть и «журналом Владимирова» — нести на своем содержании Ваш отпечаток, и одновременно пользоваться результатами работы НТС с авторами издательства Посев в России и распространительной сетью Союза. Но это возможно, да и вообще делать Грани возможно, не в противостоянии и конфликте, а только совместно с НТС и в опоре на него.

Еще раз хочу подчеркнуть, дорогой Георгий Николаевич: журнал под Вашим руководством отвечает ожиданиям руководства НТС. Что же касается Ваших трений с издательством Посев и НТС, снова выражу надежду на то, что устранение недоразумений позволит нам вместе делать общее дело в атмосфере взаимного доверия и доброжелательства (09.03.1986, FSO).

Но атмосфера не разрядилась, и напряжение только нарастало:

Я им явно пришелся не ко двору, и Наташа, которая тянула журнал и во всем меня поддерживала, тоже вызывала их большое недовольство. Мы были в этом «коллективе» – чужие, так что дело дошло до того, что я перестал ездить в редакцию «Граней», находившуюся в здании «Посева». В комнате, принадлежавшей журналу, работала молодая женщина, заведующая редакцией, которой я отдавал все распоряжения по телефону. Мы же с Наташей работали дома в Нидерхаузене. С НТС переписывались, даже по телефону больше не разговаривали. Становилось ясно, что долго такое сотрудничество продолжаться не могло. Тон постепенно менялся.

Конспирация их носит характер бутафорский, и они очень неаккуратно хранят свои документы. Так на стеллажах «Граней» лежали отчеты от курьеров-туристов, которые меня посещали. Конечно, когда к нам в Москве приходил такой молодой человек, мы сажали за стол, угощали, разговаривали. Мой сосед Леонид Седов хорошо знал английский и помогал нам. А потом выясняется, что этот турист писал отчет, включая туда сведения, сколько я пил, какие у нас с Наташей отношения, как я отношусь к славе литературной, насколько высоко себя ценю. Однажды Романов забыл в редакции на своем столе бумаги, и Наташа, присевшая на его стул, прочитала отчет Владимира Рыбакова о посещении какой-то французской графини. И там он описывал, какие у нее отношения с мужем, возможно ли, что у нее есть любовники, и главное – можно ли добиться от нее денег в этот «Союз мечта и орала» – НТС. Они тоже пытались мне гадости про Наташу говорить: «Она вас порочит!» А ей про меня, что ее «не ценю». Мы сразу эти разговоры пресекли. Тогда они попытались заткнуть Елену Юльевну в свое болото. Ее приглашали в гости к людям, ей по возрасту подходящим, и там вели осторожные беседы. Но Елена Юльевна была – скала. Тогда Романов стал Наташу обихаживать. Пригласил в ре-

сторон для конфиденциальной беседы, и предложил ей вести журнал, стать главным редактором «Граней»: «А Владимов будет автором. Он же писатель, ему нужно больше времени для своего творчества. А вы вполне сможете!» Наташа ему ответила: «Я – человек Владимова. Я могу помочь ему, и никому больше».

Потом стали мне уже прямо объяснять, что я, как редактор, от них завишу, так как «Грани» – журнал НТС. Я попытался найти status quo и написал, что, если они дадут мне без помех делать журнал, мне их партийные дела безразличны (ГВ).

Я приведу отрывок из этого письма:

3 июня 1986 г.

Директору издательства «Посев»
Н.Б. Жданову

Уважаемый Николай Борисович,
Благодарю Вас за письмо от 26.5.1986
Благодарю искренне – оно мне многое приоткрыло. Все не мог я никак в толк взять, как объяснить Ваше требование сдавать журнал целиком – нелепое, непрофессиональное, не способствующее ни качеству журнала, ни его выходу в срок. Теперь понимаю – так удобнее цензору. В самом деле, не бегать же ему [или ей] в типографию за каждым материалом по отдельности...

Привыкши к субсидиям, Вы, по-видимому, вполне равнодушны к увеличению или падению подписки, для меня же это – показатель моей работы. Вам – как издателю – не мешало бы знать: подписчик очень не любит, когда выписываемый им журнал приходит не в срок. Или это хроническое и прогрессирующее опоздание устраивается преднамеренно? Ведь именно таким образом советская цензура сбивала подписку на «Новый мир»...

Знали бы мы тогда, что за обстановочка в этих «Гранях», не видать бы вам ни одной статьи, ни «Верного Руслана», ни меня во Франкфурте!

Надеюсь, Вы усвоили, что со мной, как с Тарасовой*, не будет. Со мной будет вот как: номер я буду привозить лично Вам, полчаса на просмотр в моем присутствии, затем вместе с Вами сдаем номер в типографию под расписку. То же самое — с версткой. И чтоб никаких «швиigemуттеров», «швиgefатеров» и прочих посторонних духу не было возле «Граней»!

Вас огорчает «атмосфера отчужденности и даже враждебности», которой я и Наталия Евгеньевна «отгораживаемся» от издательства, — так поищите у себя, откуда эта атмосфера, из чьего зловонного рта! Не было людей, доверчивее к вам настроенных, чем мы во Франкфуртском аэропорту 26-го мая 83-го года. Думаю, других таких дураков — не будет, мы последние. Сколько же надо были приложить усилий, чтоб наше доверие рассеялось в дым! Вот, оказывается, что и на работу меня оформили неправильно, пользуясь моим незнанием германских налоговых законов, — значит, с самого начала были обман и ложь. И продолжают они поныне... Я никогда не отказывался от участия в жизни издательства. Но сидеть на издательском совете рядом с мадам Артемовой, оболгавшей мою жену и меня самого, подсылавшей ко мне Филимонова задавать «каверзные» вопросы [на самом деле — клинически идиотские], — увольте...

Впрочем, до НТС мне уже нет дела. Настоятельно прошу только об одном — НЕ МЕШАЙТЕ МНЕ ДЕЛАТЬ ЖУРНАЛ «ГРАНИ». Я намерен сосредоточиться только на нем и на своей литературной работе. Вот един-

* Тарасова Наталья Борисовна — редактор журнала «Грани» в 1962–1982 годах.

ственный приемлемый для меня компромисс с вами (FSO).

Я отправил это письмо 3 июня, и в тот же день пришло письмо от директора «Посева» Н.Б. Жданова (подходящая фамилия!), что они отказываются от наших услуг. Причины увольнения не объяснялись: «Благодарим вас за вашу работу. В дальнейшем от сотрудничества отказываемся...» И в том же письме было написано, что я «...проявил нелояльность к НТС», хотя я им никакой лояльности изначально не обещал (ГВ).

На фирменной бумаге издательства «Посев» был написан следующий текст:

Франкфурт 3.6.1986

Уважаемый Георгий Николаевич!

От имени Издательства благодарю Вас за редактирование журнала «Грани» с № 131 по № 140. В дальнейшем мы отказываемся от сотрудничества с Вами по выпуску журнала и поэтому заканчиваем наши рабочие отношения в этой области с Вами к 30 июня 1986 года.

Связанные с этим решением практические вопросы мы обсудим при встрече, которая должна состояться в июне месяце.

С наилучшими пожеланиями на будущее и с уважением,

Н.Б. Жданов
Директор Издательства

П. С.: Прилагается расчет по гонорарам за Вашу работу по редактированию журнала «Грани» в период 1984–1986 гг. Н.Б.Ж. (FSO).

В тот же день Владимову было отправлено второе письмо на бланке НТС:

3.6.1986 г.

Уважаемый Георгий Николаевич!

Последние Ваши и Наталии Евгеньевны письма убедительно доказывают, что дальнейшие наши с Вами деловые отношения бессмысленны, как для НТС, так и для Вас. Остается лишь искренне пожалеть, что Вы сочли возможным занять в отношении НТС столь нелояльную позицию.

Как бы то ни было, поскольку издательство Посев решило выпускать журнал Грани без Вашего сотрудничества, и памятуя о немалом совместно пройденном пути, мы готовы материально облегчить Вам переходный период, как мы это уже делали в 1983 году. Детали предлагаю обсудить при встрече.

С искренним уважением,

Ю.Б. Брюно, Председатель Исполнительного Бюро
Совета НТС (FSO).

* * *

Не скажу, чтобы увольнение было для меня полной неожиданностью. Мне позвонил Владимир Рыбаков, автор романа «Тяжесть», работавший ответственным секретарем журнала «Посев». Он мне сказал, что готовится увольнение. Я до сих пор не знаю, был этот звонок его личной инициативой или НТС хотел меня припугнуть в последний раз. Я ответил, что это не секрет: «Я вижу, что что-то готовится. Но вы представляете, какой разразиться скандал?» «Из-за чего?» – удивился он. Я ответил, что эмиграция такого не потерпит: увольнение редактора успешного журнала! На что он уверенно заявил: «Ни одна эмиграция никогда ни вокруг чего не объединится» (ГВ).

На сайте Народно-трудового союза русских солидаристов конфликт с Владимовым также освещен*, в основном, членом НТС Владимиром Рыбаковым, автором романов «Тяжесть», «Тавро», повести «Афганцы» и других произведений. Рыбаков пишет, что идея сделать Владимова главным редактором принадлежала Е.Р. Романову. До этого кадровая политика НТС сводилась к тому, что лучше иметь дело с людьми некомпетентными, но зато испытанными и верными. Но в случае Владимова, Романов от этого принципа отошел. Ему очень хотелось, чтобы его детище — журнал «Грани» был не просто хорошим, но самым лучшим. Рыбаков был изначально против выбора Владимова редактором «Граней», настоятельно советуя Романову отказаться от этой идеи. Когда конфликт обострился, Рыбаков действительно сделал вышеупомянутый звонок по просьбе Романова, который просил его попробовать урезонить Владимова и убедить не идти на разрыв. Рыбаков даже посетил Владимова, но встреча оказалась безрезультатной. По его словам, Владимов сказал: «Американцы создали послевоенный НТС**, они им руководят: а тот, кто платит, заказывает музыку. Мне Максимов все хорошо объяснил, а он на этом деле собаку съел. Если американцы решат отдать *“Грани”* мне, так и будет». По мнению очень раздраженного этой встречей Рыбакова, Максимов просто хотел устранить журнального конкурента и специально ввел Георгия Николаевича в заблуждение. В это трудно поверить: все, знавшие Максимова, говорили о нем, как о человеке нелегком, но совершенно порядочном. Насколько

* <http://ntsrs.ru/content/9-popytka-vladimova-sozdat-svoysobstvennyy-zhurnal>.

** Это утверждение не совсем соответствует действительности. До 1951 года американцы специально НТС не занимались. Менхегоф был очень большим лагерем, где члены НТС составляли очень активный, но сравнительно маленький процент.

убедителен был в роли посредника не совсем доброжелательный автор «Тяжести», определить теперь невозможно.

В целом реакцией на увольнение была теплая поддержка Владимирова, он получил много личных писем, выражавших глубокое сочувствие. Но это увольнение немедленно стало и фактом общественной жизни:

Когда меня уволили, эмиграция объединилась. После увольнения я написал открытое письмо «Необходимое объяснение», и за меня вступились шестьдесят три человека. Весь цвет эмиграции – там только Солженицына и Синявского не было – правозащитники и писатели Максимов, Аксенов, Гладilin, Копелев, Тарковский, все важнейшие фигуры высказались в мою поддержку. Максимов напечатал в «Континенте». Когда я ему позвонил, он сразу стал собирать подписи (ГВ).*

Информация и аргументы в «Необходимом объяснении», которые я цитировала выше, излагают историю взаимоотношений, рассказанную мне Георгием Николаевичем. В письме в поддержку Владимирова, которое называлось «Серые начинают и выигрывают» (отсылка к фразе Владимирова при выходе из Союза советских писателей: «Несите бремя серых...»), основной тезис сводился к следующему: «По каким правилам или законам писатель, редактор литературного журнала, не принимавший на себя по вступлении на пост никаких партийных обязательств, должен непременно проявлять к вам политическую или человеческую лояльность, да еще в каком порядке? Прекрасный русский писатель, опытный новомировский редактор, многолетний председатель московской группы “Амнести” дорого заплатил за свою “нелояльность” к советской системе и руководящей ею

* Владимир Г. Необходимое объяснение // Континент. 1986. № 48. Спец. прилож. С. 1–9. См. также: Собр. соч. Т. 4. С. 205–215.

партии. К сожалению, и здесь, в свободном мире, он снова вынужден платить за “нелояльность” к антисоветской системе и руководящей ею партии. Но писатель, художник, подлинный гражданин своей страны, по самому своему положению и призванию, не может и не должен проявлять обязательной лояльности к какой-либо партии или системе, иначе он не соответствовал бы своему высокому назначению. В этом для нас были и остаются смысл и цель профессионального и человеческого служения, как у себя на родине, так и в изгнании. И писатель Георгий Владимов всей своей жизнью и деятельностью отвечал и продолжает отвечать такому служению»*.

Нужно отметить, что были среди эмигрантов те, кто, как Кронид Любарский, отказался подписать письмо в «Континенте», считая, что Владимов совершил огромную ошибку, связавшись с партией, имевшей такое прошлое, как НТС. И должен быть рад своему прозрению и освобождению, а протестовать тут нет причины. На этот довод в журнале «Синтаксис» в статье «Вся власть сонетам» ответили П. Вайль и А. Генис, постоянные авторы «владимовских» «Граней»: «Письмо протеста вызвало, в свою очередь, бурю протестов уже с другой позиции (тут нам и пригодился “Вечерний звон”**). Суть ее невежливо выражается в мнении: “Так ему и надо. Продался фашистам, пусть расхлебывает”. А вежливо — в письме К. Любарского: “Ваша вина состоит в том, что Вы согласились стать редактором партийного журнала, и не просто партийного, а принадлежащего партии, которая Вам по духу своему неприемлема... Согласие на «Грани» было грехом против принципов”. Заметим, что все три сторо-

* Вместо колонки редактора. Серые начинают и выигрывают// Континент. 1986. № 48. С. 353–354.

** «Вечерний звон» — газета, выпускавшаяся в Париже в 1986–1988 годах В.С. Котляровым (1937–2013).

ны не сомневаются, что журнал при Владимове стал лучше, чем был»*.

Они писали о том, что компромисс с НТС, на который изначально пошел Владимов, согласившись редактировать «Грани» — приемлемая цена, если результатом оказались десять номеров прекрасного литературного журнала. В том же номере «Синтаксиса» была еще одна публикация о конфликте Владимирова с НТС, называвшаяся «А где же ваши сонеты?»: в обсуждение под псевдонимом Глория Мунди ввязалась Мария Васильевна Розанова-Синявская, обожавшая литературные скандалы. Она полностью поддержала Кронида Любарского**. Владимир Максимов напечатал едкий редакционный комментарий на ее выступление «Проходит ли мирская слава?»***. Василий Аксенов очень рассердился на публикацию Розановой и написал в июле 1986 года Белле Ахмадулиной и Борису Мессереру о выступлении «гиньольной четы Синявских»****. Раиса Орлова ответила Любарскому, что, когда друг и писатель в беде, нужно поддерживать его, а не разбираться в политике и принципах: «Да, я была среди тех, кто отговаривал его брать “Грани”. Но он же начал создавать журнал совершенно новый, где посевовского, НТСовского не было и в помине, а была хорошая проза, стихи, статьи» (29.06.1986, FSO). Владимов написал Любарскому резкое письмо, которое ходило по рукам. В нем он писал, что взял журнал, думая о русской литературе и мечтая объединить вокруг него лучших

* Вайль П., Генис А. Вся власть сонетам // Синтаксис. 1986. № 16. С. 69–83.

** Мунди Глория (Розанова-Синявская М.). А где же ваши сонеты? // Синтаксис. 1986. № 16. С. 84–90.

*** Максимов В. Колонка редактора. Проходит ли мирская слава? // Континент. 1987. № 51. С. 361–363.

**** В бесконечном объятии. Переписка Беллы Ахмадулиной и Бориса Мессерера с Василием и Майей Аксеновыми / Вступления Б. Мессерера и В. Есипова // Октябрь. 2011. № 10. С. 67.

авторов и эмиграции, и живущих за железным занавесом. Владимир Войнович не подписал письма в «Континенте», так как принял решение не подписывать коллективных писем, но сделал бы исключение для Владимирова, если бы была надежда на положительные практические последствия. Кроме того, он считал, что любая партия имеет право распоряжаться содержанием своего журнала и решать, что в нем будет напечатано. Последовала неприятная переписка между ним, Максимовым и Владимиром*. Перечисление писем, отзывов, споров и ссор в личной переписке и публикациях можно продолжать очень долго, но этот материал интереснее для историка русской эмиграции и к сути конфликта нового не добавляет.

НТС отозвался опубликованием в «Гранях» открытого письма, озаглавленного «Вынужденный ответ». Отрицая все аргументы Владимирова, письмо оглашало главную претензию к писателю: «...Отсутствие интереса и желания работать с авторами в России. Владимирова интересовали только один-два человека из его старых друзей. Так начала раскрываться оброненная осенью 1983 года на лосевской конференции — показавшаяся тогда случайной — фраза Владимирова, что он видит журнал “Грани” как “посадочную площадку” для авторов, вынужденных покинуть страну. Другая тенденция — вмешательство в административные и коммерческие вопросы издания журнала, лежащие в компетенции издательства. Потребовалось немало времени, чтобы десятки беспричинных, как нам казалось, конфликтов привели нас к пониманию горькой истины: для нас журнал “Грани” всегда был инструментом служения России, а для Владимирова — “посадочной площадкой”»**.

* Войнович В. Автобиография. Роман моей жизни. С. 713–718.

** Правление НТС. Вынужденный ответ // Грани. 1986. № 140. С. 237–248.

Риторика о высоком «служении России» НТС и якобы конъюнктурной «посадочной площадке» Владимова, который с огромным риском и преданностью служил интересам своей страны и из-за этого был вынужден уехать в нежеланную эмиграцию, совершенно несостоятельна. Аргумент, что он не воспринимал «Грани» с полной серьезностью и ответственностью, не имеет никакой серьезной основы.

На этот разрыв наложилась личная трагедия. Елена Юльевна, страшно переживавшая всю эту историю, попала в больницу в Висбадене с обширным инфарктом через две недели после увольнения и умерла 18 июня 1986 года. Она была так важна в семье и так любима обоими, что Наташа и Георгий Николаевич чувствовали себя осиротевшими и очень одинокими без нее.

Скандал и ссора продолжались:

Для НТС это был страшный удар. Всем стало ясно, что эта организация – вовсе не вождь и руководитель русского зарубежья, как она себя старалась представить, и никакого авторитета у нее нет...

И тут, очень поздно, я узнал, что эти жулики меня на работу с самого начала не оформили. Мое жалованье называлось «гонограф», который я получал за редактирование каждого номера, хотя журнал выходил раз в квартал, а деньги я получал каждый месяц. А Наташа, оказывается, была – не «ответственный секретарь», а мой личный секретарь. Так что это я должен был платить ей выходное пособие, когда «Посев» ее уволил. Мы подали в суд, адвоката нам рекомендовал Вадим Белоцерковский (ГВ).

Тот факт, что у Владимова, совершенно не понимавшего западной жизни, не было с «Посевом» настоящего контракта, включающего социальную защиту, и никто не объяснил ему условия его приема на работу, говорит

о недобросовестности НТС в денежных отношениях. Через два месяца после увольнения Владимов послал в издательство «Посев» письмо, где излагал свои финансовые претензии к НТС. Они включали:

1. Возмещение всех социальных страховок, то есть больничной кассы, пенсионного фонда, страхования на случай потери работы и т. д., которые при отсутствии контракта ему не выплачивались.

2. По немецким законам о расторжении рабочего договора положено предупреждать за шесть месяцев, и в течение этого времени зарплата сохраняется. Владимов требовал, чтобы, несмотря на отсутствие договора, ему выплатили деньги за полгода.

3. Он считал, что на том же основании издательство должно оплатить Наташе три рабочих месяца и выдать отпускные.

4. Он полагал, что его гонорары, пока он жил в Москве, или были плохо инвестированы в Швейцарии, или НТС присвоил себе часть процентов, и поэтому требовал возмещения.

Общая сумма компенсации составляла 72 тысячи немецких марок*.

Не получив ответа, Владимовы подали в суд. Лев Копелев нашел немецкого адвоката Г.И. Ульриха, специалиста по «рабочему праву», который согласился вести дело *pro bono*. Среди бумаг Владимова в архиве я нашла письмо этого адвоката от 11 марта 1988 года. Он извещает Владимова, что снимает с себя адвокатские функции в текущем процессе по двум причинам: во-первых, Владимовы не предоставили ему необходимых документов для ведения дела. Я предполагаю, что этого не было сделано из-за отсутствия таковых документов. Нанимая Владимова на работу, ему объяснили, что НТС договоров не заключает:

* Приблизительно 36 тысяч евро.

«У нас все на доверии»; во-вторых, и главное, господин Ульрих узнал, что, не оговаривая с ним этого заранее, Владимов пришел в здание суда и попросил свидания с судьей. С помощью переводчика в разговоре с судьей он пробовал объяснить свою ситуацию и склонить судью на свою сторону. По западным понятиям и законам это было серьезнейшим нарушением судебной процедуры, желанием «повлиять на исход процесса». Адвокат расценил это действие как выражение недоверия к себе. В тот же день он написал также и Льву Копелеву письмо, объясняющее свой отказ от ведения дела. Он писал и Владимову, и Копелеву, что квалифицированная адвокатская поддержка необходима, чтобы была хоть какая-то надежда на благополучный исход очень трудного дела, и рекомендовал немедленно обратиться к другому адвокату. Очевидно, тогда и всплыл адвокат Вадима Белоцерковского. Этот эпизод — ясная иллюстрация того, насколько Георгий Николаевич не понимал западной системы, что делало его совершенно беспомощным в защите своих прав. Ушлые деятели НТС не могли не знать этого:

И на суде они представили дело именно так, будто я получал гонорар, и постоянным сотрудником не являлся. А Наташе они платили на какой-то швейцарский счет из фонда НТС, а «Посев» — якобы независимое издательство, поэтому ей ничего не обязан. Суд в Германии — формальный, раз другая организация, значит, с ней и судитесь. Доказать ничего было невозможно. Мы были неопытными и не оформили с адвокатом контракт, а он вроде бы нас взял с тем, что, если выиграет — возьмет с нас гонорар, а проиграет — счет выставлять не будет. Я думаю, что НТС (или КГБ) его просто подкупил, так как он дважды не явился в суд и совсем ничего для нас не сделал. Его официальное объяснение состояло в том, что дело было изначально совершенно проигрышное. Таким образом, нас в одночасье выбросили на улицу, без пфеннига. Мне Романов со Ждановым предлагали

отступного – 30 тысяч марок, но с тем, чтобы я молчал: «Ваши заявления плохо сочетаются с нашим намерением...» Т. е. молчи – тогда получишь. Злоба в них была страшная, когда я выступил с «Необходимым объяснением». Но я им сказал, что со мной так разговаривать невозможно, я ультиматумы не признаю. И, живя в свободной стране, я не могу добровольно нарушать ее законы о свободе слова и печати. И тогда они эти деньги просто оставили себе.

Я пробовал связаться с ЦРУ через Васю Аксенова, у которого был там знакомый генерал. Но тот навел справки (он прямого отношения к НТС не имел) и сказал, что, мол, конфликт слишком далеко зашел и вмешиваться они не хотят. Деятели НТС с самого начала все устроили так, чтобы можно было в любой момент от меня освободиться. Они хотели под меня получить дополнительные деньги, американский грант. Десять номеров дали мне сделать, а потом, так как я обманул их ожидания, решили выгнать на улицу. А грант у них остался (ГВ).

Аксенов писал Белле Ахмадулиной и Борису Мессереру, что безуспешно пытался помочь Владимову «тихой дипломатией»*, и, когда я встречалась с ним в Вашингтоне, подтвердил слова Георгия Николаевича. Историю с грантом можно реконструировать приблизительно таким образом: НТС убедил ЦРУ, что грант необходим, чтобы привлечь в журнал крупнейшего писателя и правозащитника и дать ему возможность создать лучший в эмиграции журнал, который будет распространяться в СССР. Грант был устроен как спонсорство из частного фонда, и деньги перечислены на один из счетов НТС. Деньги предназначались для оплаты гонораров авторам «Граней». Владимов предполагал, что его гонорар платил-

* В бесконечном объятии. Переписка Беллы Ахмадулиной и Бориса Мессерера с Василием и Майей Аксеновыми. С. 67.

ся из того же источника. Среди бумаг Владимирова в бременском архиве есть написанное по-немецки письмо, датированное 3 ноября 1986 года, от американского адвоката Хельги И. Бреннэн из фирмы, находящейся в Силвер-Спринг, поблизости от Вашингтона. Явно отвечая на письмо Георгия Николаевича, она просит прояснить, был ли грант именным, — единственная возможность для него получить деньги. Есть много свидетельств, что грант именным не был. Расставаться с «Гранями» и деньгами НТС совершенно не собирался.

Романов писал, что разрыв произошел по двум главным причинам. Он, как и многие, считал, что источником конфликта была Наталия Евгеньевна Кузнецова, не ладившая с сотрудниками и оказывавшая на Владимирова слишком большое влияние. Документация об этом в доступных мне архивах отсутствует. Есть два кратких упоминания о письмах Наташи в корреспонденции председателя Исполнительного бюро Ю.Б. Брюно. Аксенов писал Белле Ахмадулиной и Борису Мессереру: «...личные отношения в их небольшой общине дошли уже до абсурда, не без помощи, увы, Наташкиного эпистолярного жанра»*. В основе конфликтных действий и высказываний Наташи лежало наивное убеждение, что гражданская и писательская репутация Георгия Николаевича настолько высоки, что руководство НТС не посмеет предпринять против него никаких шагов, и американцы им этого, в любом случае, не позволят. При мне Георгий Николаевич никогда не винил Наташу в происшедшем и, наоборот, говорил и писал с глубокой благодарностью о ее неизменной поддержке.

* В бесконечном объятии. Переписка Беллы Ахмадулиной и Бориса Мессерера с Василием и Майей Аксеновыми. С. 67.

Когда я посещала Владимовых, Наташа читала мне много своих писем, но я не могу сейчас воспроизвести их содержание. В архиве их нет.

Однако, по словам Романова, и это была не главная причина разрыва. Он утверждает, что Владимов не понимал основу сотрудничества американцев с НТС, а именно: ЦРУ финансировало организацию, требуя строгого отчета, но давая ее членам самим решать, куда идут деньги. Владимов же, не поладив с НТС, не только захотел вести «Грани», пользуясь грантом, как свой независимый журнал, но считал, что НТС «...*душит голову американцам своими “молекулами” для выжимания денег*», и его прямой долг — раскрыть ЦРУ глаза на этот бессовестный обман. Он попросил американских представителей о встрече. ЦРУ связалось с Е.Р. Романовым и Ю.Б. Брюно и пригласило их на встречу*. Окончившись безуспешно, она послужила толчком для окончания совместной деятельности.

Понимаете, я долго прозревал, и постижение мое шло, конечно, очень медленно. Вначале я решил, что эта организация примазалась к нашему правозащитному движению, использует его, поставляя наивным американцам туфту и получая от них деньги. Это типично семейное предприятие, связанное кумовством, замужествами, давнишними дружескими связями. Что они в контакте с КГБ я как-то не верил, хотя такие разговоры ходили. То есть я понимал, что, скорее всего, есть какие-то внедренные кадры, и обсуждал это с Романовым. Он ответил так, что, мол, мы принимаем все меры защиты, и у нас методы проверенные и испытанные, но все равно, полностью, конечно, исключать инфильтрации нельзя. У них был в Нидернхаузене какой-то закрытый сектор, центр, куда допускались только очень проверенные люди. Существует ли он сейчас — я не знаю, но они там по городу ходят. Постепенно я пришел к выводу, что это был филиал КГБ на Западе. Сейчас разведки не могут работать изолированно. Им нужен, как это называют в космических ко-

* Романов Е. В борьбе за Россию. С. 237–238.

раблях, «переходной вестибюль», где одевается космический скафандр перед тем, как человек переходит в другую среду. Это одна задача. Но я думаю, что другая задача КГБ была – использовать НТС для борьбы с инакомыслящими. Юрий Галансков – был их член, так и умер в лагере*. Якифу и Красину грозили 64 статьей** за связь с НТС. Меня лишили гражданства. Я был, конечно, председателем «Международной амнистии». Но с точки зрения закона – что я делал антисоветского? Вступался за Сахарова, за других людей. Так ведь это законом не запрещено. А вот забрав мою переписку с «Посевом», они могли доказать мою связь с НТС, что для Андропова было основанием для лишения меня гражданства. То есть, понимаете, как для КГБ удобно: сама связь с этой организацией была криминал, так что можно было легко посадить за нее. Ну, а то, что они во время войны сотрудничали с гитлеровцами, было очень удобно для дискредитации всех, кто был с ними связан.

Наташу дважды останавливали на улице Нидерихаузена непонятные люди, то ли НТС, то ли КГБ, и предлагали «поговорить». Она отвечала, что позовет полицию.

Потом была переписка, в которой я потребовал расчета за книги. У них были все права на мои произведения, и на 75 лет. Но раз у нас такое политическое противостояние, я хотел, чтобы права вернулись ко мне. Они отнекивались, бумаги мне не посылали и всячески оттягивали отказ от прав. Тогда я обратился

* Галансков Юрий Тимофеевич (1939–1972) — поэт и диссидент. 12 января 1968-го был приговорен к 7 годам заключения по делу о «Белой книге», сборе и публикации материалов, связанных с процессом Синявского — Даниэля. Умер в лагерной больнице лагеря 17-а в поселке Озерном в Мордовии от заражения крови.

** Один из пунктов статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года включает «измену Родине», возможным наказанием за которое была смертная казнь. Петр Якир (1923–1982), историк, и Виктор Красин (1929–2017), экономист, оба — участники правозащитного движения были арестованы в 1972-м. Сотрудничая со следствием и выступив с раскаянием по телевизору, они получили небольшие сроки, замененные ссылкой.

к западным издателям с компьютерным письмом о том, что мои отношения с «Посевом» разорваны, и прошу их отказаться от договоров с этим издательством. Все западные издательства это сделали. А теперь Гольдман проставил мой мировой копирайт, так что будущие договора будут заключаться прямо со мной.*

А с гонорами выяснилось, что пока я жил в России, они присваивали себе львиную часть моих гонораров, да и не только моих.

А кто проверит? Человек сидит в России за железным занавесом и вынужден им верить. А они присылают отчеты. Потом я установил, обратившись в издательства, сколько, на самом деле, денег они зарабатывали на мне (ГВ).

По словам Романова, «Посев» брал стандартные на Западе 30% за продажу иностранных прав. Как подсчитывал Георгий Николаевич и какие конкретные цифры он имел в виду, я не знаю. Суд Владимовы проиграла: «Мы вышли из суда ограбленные, но и НТС потерпел большой урон».

Конечно, вся эта ситуация НТС тоже очень нервировала. Владимов считал, что именно они подстегнули атаку советской прессы:

Они мобилизовали «Литературную газету» на подмогу. В 1987 году там появились помойные статьи, где я был представлен склочником, клеветником и лжецом. Причем в одной из них цитировалось, что я говорил одной из сотрудниц НТС в частном разговоре о Максимове. Понимаете, мы с Максимовым всегда были близкими друзьями и соратниками. Но, как о писателе, я о нем не особенно высокого мнения. Максимов публиковал в «Контин-

* Гольдман Борис Эрленович (1955–2004) — издатель собрания сочинений Г.Н. Владимирова в 4 томах. После смерти писателя авторские права принадлежат его дочери Марине Владимовой.

ненте» что бы я ни написал. Вот они и решили нас поссорить, призвав на помощь «Литгазету» – давнишний рупор КГБ (ГВ).

В «Литературной газете» в 1987 году появились две статьи*, подписанные псевдонимом Б. Иванов (Владимов узнал позднее и сказал мне, что реальное имя автора было Юрий Баранов), — «Отщепенцы начинают и проигрывают» и «Еще раз об играх отщепенцев».

Первая была набором всех возможных клише, передергиваний и искажений: НТС был на службе гестапо, и, конечно, связь с ЦРУ всячески подчеркивалась и обыгрывалась. Владимов был представлен как средний, не особенно продуктивный писатель, попытавшийся использовать махровую антисоветскую организацию с корыстной целью обогащения. Автор корреспонденции сурово заклеил двурушничество писателя, который печатался под *псевдонимом*, вместо использования отцовской фамилии Волосевич или материнской Зейфман — заодно и как бы боком сообщалось, что у Владимирова еврейская кровь. По какой причине честный Юрий Баранов подписал обе свои статьи редким псевдонимом «Б. Иванов», я объяснить не берусь. При этом цитировалась переписка с «Посевом», изъятая у Владимирова во время обысков и находившаяся в недоступных простым смертным анналах КГБ. По просьбе В.Е. Максимова Владимов опубликовал в «Континенте» свою реакцию на первую статью: «...Я совершил массу предосудительного — выступал в защиту Синявского и Даниэля, Солженицына, Сахарова, Орлова, Щаранского, Гинзбурга, альманаха “Метрополь” и журнала “Поиски”, выходил из Союза писателей и возглавлял московскую группу “Амнистии”, осуждал оккупацию Афганистана и, наконец, по вы-

* *Иванов Б. (Баранов Ю.) Отщепенцы начинают и проигрывают // Литературная газета. 1987. 14 января. С. 15; Иванов Б. (Баранов Ю.) Еще раз об играх отщепенцев // Литературная газета. 1987. 30 сентября. С. 15.*

езде, два с половиной года редактировал мерзкие “Грани” — все это время советская печать безмолвствовала. Когда же ее терпение лопнуло? Когда я выступил против НТС.

Перед этим феноменом остановимся и разведем руками...»*

Вторая статья была целенаправленной: ее явной задачей было создать конфликтную ситуацию между Владимовым и Максимовым и произвести раскол в эмиграционных кругах. Ссора между писателями, действительно, произошла, и одной из причин было то, что после Владимова редактором «Граней» стала Е. Самсонова-Брейтбарт, родная сестра Максимова, хотя Максимов был этим крайне недоволен и удручен. Писатели так и не помирились, но Владимов всегда отзывался о Максимове с большой теплотой и грустью.

В одном из писем Романов написал, что «...надежды на сотрудничество с вами не оправдались, а надежды были большими». Такой печальный принял тон... Я позднее узнал, что в какой-то момент приезжали представители ЦРУ с идеей перебросить меня на какой-то другой журнал, но НТС оказал на них такое давление, что они ничего не предприняли.

Ну, а потом перестройка началась, новой формы деятельности они как-то не нашли, и субсидии прекратились. Сейчас они, кажется, заняты спекуляцией вещами и помогают русским бизнесменам ориентироваться в Германии, работают переводчиками, гидами. Часть своего здания сдают какому-то музыкальному ансамблю (ГВ).

Это практически дословный рассказ Георгия Николаевича о конфликте, лишившем его любимой работы и средств к существованию.

* Владимов Г. К выступлению «Литературной газеты» // Континент. 1987. № 51. С. 363–367.

Когда мы были в гостях у В.П. Аксенова в Вашингтоне, я спросила его об этой истории. Уже отойдя от первой обиды за друга, он сказал, и я записала в тот же вечер его точный ответ: «Жора напрасно с ними так разругался. Они были довольно безобидные, суетились, конечно, чтобы деньги от ЦРУ получать, но журнал-то они ему вести не мешали. А редактор он был замечательный! Всегда там кто-то что-то говорит, всегда в журналы анонимки приходят... И, конечно, там много антисемитов, а где их нет? Не обращал бы внимания. Дело делал прекрасно, деньги получал хорошие. Они бы его не тронули, им тоже скандал был ни к чему».

Я слышала и от В.В. Войновича схожее мнение, в моей записи его слова: «Зря Жора себе так напортил. Журнал при нем был прекрасный, платили очень хорошо. Конечно, они были ему люди чужие, так ведь не детей ему было с ними крестить. Серьезно работать не мешали...»

Войнович, знавший больше подробностей, чем Аксенов, считал, что главной причиной конфликта была Наташа.

Человек более гибкий и легкий, взвесив pro и contra, может быть, нашел бы для себя приемлемый status quo и, продолжая работать и получая деньги, вести журнал. Но Владимов таким человеком не был. Цельность и страстность характера, привычка борьбы, выработанная с ранней юности и обострившаяся во время жизни в СССР, отрицание политических и личных компромиссов и очень высокие нравственные мерки и к себе, и к окружающим, которые сделали его символом мужественного противостояния тоталитарной системе, в эмиграции привели к яростному конфликту с НТС, обернувшемуся для него жизненной драмой, так тяжело сказавшейся на его и его родных последующей жизни.

Василий Аксенов, навестивший их через месяц после увольнения, в июле 1986 года, писал Белле Ахмадулиной

и Борису Мессереру: «...эта семья оказалась в трагической и унижительной ситуации. Они сидят на десятом этаже в унылой хрущобе (хоть и с бассейном), по неделям ни с кем не разговаривают живьем, униженные и оскорбленные и, как мне показалось, основательно растерянные и убитые потерей Е.Ю.*. Наташка, хоть на поверхности, держится даже лучше, чем Жора; его же я никогда прежде не видел в таком нервном, раздраженном и неуверенном состоянии»**.

Результат разрыва с НТС был ужасный. Гонорары за книги подходили к концу. Владимовы оформили социальный грант, при котором они получали деньги на оплату квартиры и самые основные нужды. В связи с этим переезд куда бы то ни было был очень осложнен, и Владимовы оказались в изоляции в маленьком, провинциальном немецком городке, без родных, без друзей, без работы, без языка и с минимальным количеством денег. Единственной отдушиной было общение с Львом Копелевым и Раисой Орловой, которых они время от времени навещали в Кельне. Наташа начала писать корреспонденции и критические статьи в «Русскую мысль», Владимов иногда выступал на «Радио Свобода»***, но все это были нерегулярные случайные заработки. Их одиночество, неблагополучие и начавшаяся болезнь Наташи сделали жизнь очень тяжелой и морально, и материально.

В мае 1990 года во время первой поездки Владимова в Россию в тогда еще Ленинград в гостиницу к нему без предупреждения заявился полковник КГБ М.Б. Жеглов, утверждавший, что был с Владимовым одновременно, хотя и курсом помладше, в Суворовском училище:

* Елена Юльевна Домбровская, о смерти которой я писала выше.

** В бесконечном объятии. Переписка Беллы Ахмадулиной и Бориса Мессерера с Василием и Майей Аксеновыми. С. 67.

*** Внесено Минюстом России в реестр СМИ-иноагентов.

Я его не помнил. Он называл имена моих соучеников, которых будто бы знал и помнил, но имена и разные их черты он легко мог узнать, и не учась в Суворовском. У него было ко мне предложение: чтобы я выступил с ними против НТС: «Мы дадим вам все материалы и любую печатную площадь в любом органе». Я подумал: «Перестройка – перестройкой, а у них по-прежнему все схвачено». Но мне стало любопытно, и я спросил, как он и его коллеги себе представляют НТС. Ответ был, что это: «...семейное предприятие, которое раздувает свою значимость». Я заинтересовался, зачем же им тогда на эту тупфту время тратить. Его ответ был, что есть наивные люди, которые верят, что НТС – нечто большее, и пусть они «...от вас с вашим авторитетом узнают правду». То есть они хотели своих же союзников представить как таких нестрашных врагов. Цель была мне ясна: чтобы помешать пониманию, что НТС – просто часть их структуры. Я, разумеется, сказал, что никаких совместных публикаций я с КГБ делать не буду. И что они мне совсем не нужны, что НТС боится меня одного, а не с ними (ГВ).

Добавлю еще, что позднее Владимов считал, что квартиру в Москве ему тоже не возвращали из-за ссоры с НТС. В письме, обращенном к Б.Н. Ельцину с просьбой о получении квартиры, Владимов писал:

Ближе моих коллег я соприкасался с эмигрантским Народнотрудовым союзом, небезызвестным НТС: не только публиковался в его печатных органах, но один из них, журнал «Грани», редактировал по выезду. Эта организация считалась (уже не считается) злейшим врагом нашей державы, при отягощающем статусе пособников Гитлера; говорилось (уже не говорится) о ее разветвленной «молекулярной сети» глубоко просочившейся в наши структуры и готовящей самые крутые изменения; за связь с ней карали правозащитников особенно жестоко, давали максимальные сроки заключения, П. Якиру и В. Красину грозили

высшей мерой, а я вот подвергся — без сколько-нибудь внятных обвинений, просто «за связь» — изгнанию из отечества. При близком рассмотрении мне нетрудно уяснить, что эта ядовитая организация живет блефом и сплошь инфильтрирована людьми КГБ, если не является его филиалом на Западе. На этой почве возник у меня с НТС конфликт скандального свойства с переносом скандала в советскую печать. Читатели в эмиграции и России не упустили, что выступления публицистов Лубянки отличались повышенной злобностью и поняли это так, что я имел неосторожность сильно повредить нашей агентуре.

Я бы принес извинения и обещал впредь не разоблачать НТС, если бы дело шло только об агентуре, которую должна, наверное, иметь всякая уважающая себя разведка — скажем, для игровых контактов с ЦРУ. Но это воронье пугало использовалось бывшим КГБ еще и для расправы с нашим демократическим движением. Коль скоро я не умалчиваю об этих темных деяниях КГБ, легко понять, что его наследница ФСБ не так жаждет моего возвращения, при сохранении свободы выезда (18.09.1995, FSO).

Ответа на это письмо не было, и квартиру от московской мэрии Владимов так и не получил.

Одна из частей задуманной Владимовым автобиографической трилогии была бы посвящена этому конфликту. Учитывая ту доскональность, внимание к деталям и честность, с которой Владимов писал, мы узнали бы об этой истории больше и подробнее, чем он мне рассказывал. Но его голос со страниц ненаписанной книги до нас больше не дойдет.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Почти через десять лет после разрыва Георгий Николаевич попросил НТС вернуть ему оригиналы всех его

писем, в том числе посланных в издательство из Москвы. Смысл отказа легко восстановить по письму Владимира:

10 июля 1995 г.

В издательство «Посев»
Л.А. Мюллеру

Уважаемый господин Мюллер,
Благодарю за письмо от 5.07.95.

Я уже сожалею, что своей просьбой причинил так много хлопот любимому издательству. Но, право, никак не мог предположить того, что содержится в Вашем ответе.

Зачем трудились уничтожать оригиналы моих писем, могли бы вернуть их мне. Я понимаю, моей корреспондентке (точнее — кому поручено подписывать ответы) глубоко безразлично, кто ей и что писал из России, — равно, как и сама Россия. Но для меня с этой перепиской, помимо ее содержания, слишком многое связано. В сущности, из-за нее мы лишились родины, жилища в Москве, всего нажитого имущества. И она же была использована, чтобы обгавкать меня в печати, опорочить мое имя для всех, кто меня знал.

Последнее вполне соответствовало пожеланиям руководства НТС, и с его точки зрения, «компроматериал» свое отработал, больше не пригодится. Однако ж, как ни относиться к автору, прежде «любимому», а далее уже не приносившему дивидендов, одни неприятности, но уничтожить подлинные тексты писателя — на это, я думаю, не отважилось бы никакое другое издательство в мире. Сочло бы актом вандализма, несовместимым с понятиями культуры, цивилизации.

Впечатляющий штрих Вы мне подарили! Пожалуй, я заплатил бы, чтобы узнать, кто отдал распоряжение на уничтожение. Посмотреть бы в лицо этому человеку. Оно, собственно, и есть — обобщенный лик НТС.

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМОВ: БРЕМЯ РЫЦАРСТВА

Просьбу мою снимаю.
С лучшими пожеланиями

Г. Владимов (FSO)*.

И любопытное сопоставление: в 1995 году Владимов обратился в ФСБ, так как он хотел, чтобы ему вернули бумаги, отнятые у него при обысках в Москве в 1982–1983-м. И получил следующий ответ:

Посольство Российской Федерации в ФРГ

Waldstrasse 42
53117 Bonn
Консульский отдел

Уважаемый Георгий Николаевич!

В связи с Вашим обращением относительно ознакомления с Вашим досье и возврата материалов, которые были изъяты у Вас при обыске в 1982 году, информируем, что проведенная проверка выявила отсутствие в архивах ФСБ России каких-либо документов, касающихся Вашей личности.

Что касается материалов, изъятых во время обыска в Москве в Вашей квартире и в квартире Вашей тещи Домбровской Е.Ю., то согласно установленным нами данным, они были уничтожены в 1990 году в установленном порядке за ненадобностью.

С уважением,
Советник Посольства РФ в ФРГ
Ю.А. Гречухин, 9.I.96 (FSO).

* Документация НТС хранилась на микрофишах, и, вероятнее всего, переписка или какая-то ее часть все-таки уцелела. Я дважды писала наследникам архива НТС с вопросом о владимовских материалах, но ответа не получила.

Глава двадцать первая

«Генерал и его армия»

Генерал — это не только чин или звание,
это поступок и характер.

*Георгий Владимов**

What is honour? A word...

*Willam Shakespeare. Henry IV, part 1***

«Генерал и его армия» — исторический роман, последнее законченное произведение Георгия Владимова, результат его многолетних исследований и интереса к военной истории. Эта книга получила две букеровские премии — в 1995-м за журнальный вариант, опубликованный годом раньше в журнале «Знамя»***, и в 2001-м — уже за полный вариант, как «лучший роман десятилетия»****.

Поэтика романа «Генерал и его армия» необычайно комплексна. Эпическое повествование сочетается в нем

* *Владимов Г.* Третья мировая? // Московские новости. 1995. 1 января. С. 15.

** «Что есть честь? Слово...» (*Шекспир У.* Генрих IV. Акт I; пер. с англ. Е. Бирюковой.)

*** *Владимов Г.* Генерал и его армия // Знамя. 1994. № 4. С. 3–71; № 5. С. 6–49.

**** Букеровская премия «За лучший роман десятилетия» присуждалась дважды: в 2001 году ее получил Георгий Владимов, в 2011-м — Александр Чудаков.

с историческими экскурсами и авторскими отступлениями, создавая сложное плетение жанрового нарратива. Нелинейный хронотоп текста очень подвижен. Его архитектоника содержит несколько временных лифтов, по замыслу автора свободно двигающихся между пространствами прошлого и настоящего и поднимающихся при разных стадиях повествования на новую высоту обозрения, где читателю открывается иная перспектива для осмысления исторических событий прошлого.

Художественная ткань этого романа кажется не всегда столь органичной, как в других произведениях писателя, хотя текст наполнен сотнями страниц прекрасной прозы лучшего владимовского образца. Но автор сам признавал некоторые слабости, отвечая на замечания Солженицына о «*провисаниях*»^{*}:

Критику Вашу принимаю. Не досталось мне жесткого опыта лубянских камер, посидеть не пришлось — кроме суворовских трехсуточных карцеров, но там же и повинность была, и точный час выхода, а проникнуться безысходностью заключения без вины — нормальному воображению, может быть, и не дано. Но верны — и огорчительны Ваши слова о потере ощущения армейской массы. То есть потеряна армия, обещанная в заглавии. Я это и чувствовал, да не знал, как преодолеть. Видимо, слишком увлекся идейными спорами Кобрисова с комиссаром, которые не хотелось перемешать жанровыми солдатскими эпизодиками (17.11.1997, FSO. АП^{**}).

Это связано, вероятно, и со сложностью исторического материала, и со страстностью личной позиции автора,

^{*} См. ниже: Архивное приложение. Письмо Солженицына от 31 августа 1997 года и ответ Владимова от 17 ноября 1997-го. См. также более подробно: Солженицын А. Георгий Владимов «Генерал и его армия»: из «Литературной коллекции» // Новый мир. 2004. № 2. С. 144–151.

^{**} Все отсылки в тексте даются к АП к этой главе.

и с тем, что впервые в жизни Владимов работал под давлением сроков. «Книжная палата» заключила с ним договор, и нужно было вовремя представить в издательство переработанную из журнального варианта полную версию книги. Она вышла в 1997 году. После долгих лет изоляции и отсутствия читательской среды в Германии возвращение в русскую литературу с большим романом воспринималось как вступление на родную почву, в родной воздух.

* * *

«Генерал и его армия» — одно из самых исследованных произведений современной литературы. После публикации журнального варианта Владимов особо отметил статью И.З. Сермана «Историческое полотно. О романе Георгия Владимова “Генерал и его армия”», в которой ученый писал: «Роман Владимова — первый опыт подлинно исторического романа о советско-германской войне 1941–1945 гг. Цель романа, цель автора — понять то время, от которого нас отделяет полвека — столько же, сколько отделяло Толстого от войны 1812 года. И в одном Владимов последовательно верен тому правилу, которое Толстой установил для себя еще в 1863 году и записал в дневнике: “Каждый исторический факт необходимо объяснять человечески”»*.

Серман считал, что Владимов отразил в своем романе главное, что привело Россию к победе над фашизмом — пережитые до войны и во время войны страдания, объединившие весь народ**.

Наиболее фундаментальная работа — статья Н.Л. Лейдермана «Георгий Владимов и его генералы, или Реализм

* Серман И. Историческое полотно. О романе Георгия Владимова «Генерал и его армия» // Русская мысль. 1995. 30 марта. С. 12–13.

** Там же. С. 12.

сегодня»*, анализирующая ряд тематических аспектов книги, а также вопрос о традиции реализма в литературном процессе 1990-х годов и соотношении с ней последнего произведения Владимирова. Текст представляет собой расширенный вариант главы из книги «Современная русская проза, 1950–1990-е годы», написанной Н.Л. Лейдерманом совместно с М.Н. Липовецким**. Как убедительно показывают ученые, реализм как жанр и литературное течение пережил многие изменения и трансформации в последней четверти XX века, и сам Владимир, хотя и настаивая впоследствии на его торжестве в своем тексте (4/440–443), во многом отошел от его канонов: «Роман Владимирова отчетливо демонстрирует, что писатель-реалист прибегает к приемам из репертуара модернизма, когда стремится преодолеть ограничения, налагаемые условностями реалистического принципа (саморазвития типического характера во взаимодействии с типическими обстоятельствами)... Опыт романа “Генерал и его армия” со всей очевидностью свидетельствует, что автор, стремящийся быть верным реализму и даже воинствующе декларирующий его превосходство над иными творческими методами, не смог обойтись без помощи приемов, относящихся к ведомству модернизма»***.

Их выводы дополняет статья И.Н. Сухих****, предложившего версию об элементах «постмодернизма» владимировского романа. Среди исследований о «Генерале и его армии» нужно отметить блестящее эссе Н.Б. Ивановой***** о фольклорных, исторических и литературных корнях

* Лейдерман Н. Георгий Владимир и его генералы, или Реализм сегодня // Урал. 2003. № 7. С. 225–248.

** Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература. 1950–1990-е годы // М.: Academia, 2003. Т. 2. С. 521–532.

*** Там же. С. 559.

**** Сухих И. Баллада о добром генерале // Звезда. 2002. № 6. С. 220–230.

***** Иванова Н. Дым отечества // Знамя. 1994. № 7. С. 183–193.

романа, подробную положительную рецензию А.И. Солженицына*, высоко оцененные Владимовым работы А.С. Немзера**, анализ тематики романа, его литературных источников, концепции личности, особенностей жанра и стиля в статьях Л.А. Аннинского, Т.В. Демидович, К.Д. Гордович, И.П. Золотусского, А.В. Чистякова и других исследователей, чьи имена и работы будут упомянуты ниже или их можно найти в приведенной библиографии.

* * *

Почти сразу после публикации в «Знамени» произведение Владимова вызвало неожиданную для автора публичную дискуссию. Спор произошел из-за выступления в газете «Книжное обозрение» писателя Владимира Богомолова, автора романа «В августе сорок четвертого», подвергшего резкой критике верность военных деталей, точность образов исторических персонажей и «новую мифологию» в произведении Владимова***. В своем тексте я буду цитировать Богомолова, приводя в скобках номер страницы по публикации на сайте «ImWerden». Я коснусь только основных фактов, связанных с текстом романа.

Начиная статью сенсационным сообщением о существующем в России государственном заговоре — разрушить память и исказить события войны — Богомолов ссылается на *некоего* «полковника, доктора исторических наук»

* *Солженицын А.* Георгий Владимов «Генерал и его армия». С. 144–151.

** *Немзер А.* Кому память, кому слава, кому темная вода // Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е. М.: НЛО. 1998. С. 86–89; *Одолевая туман.* Заметки о романе Г. Владимова «Генерал и его армия» // Замечательное десятилетие русской литературы. М.: Захаров, 2003. С. 127–135.

*** *Богомолов В.* Срам имут и живые, и мертвые, и Россия // Книжное обозрение. 1995. № 19. С. 14–19; см. также: <https://imwerden.de/publ-185.html>.

и *каких-то* людей из издательства «Русская книга», в доверительной беседе сообщивших ему сведения, на основании которых он сделал свое сокрушительное заключение. Важная роль в этом подрывном государственном мероприятии отводилась им роману «Генерал и его армия».

В.П. Лукьянин писал о доводах Богомолова: «...он подошел к роману, как к военно-историческому трактату, каковым тот не является»*, — хотя сам Богомолов далеко не всегда приводит документированные основания для своих утверждений. В большинстве случаев цитаты или перифразы даются без сносок или указаний на точные источники, иногда по памяти или с чьих-то слов, так что установить контекст, источник или (часто) авторство невозможно, и обсуждение такой информации лишено серьезной основы. В некоторых случаях он приводит трагические факты из истории войны, никакого прямого отношения к роману Владимова не имеющие. Богомолов ссылается на две опубликованные на Западе книги о Второй мировой войне на немецком языке (5), не объясняя, где точно в них и какую именно информацию можно найти. Не зная немецкого, сам он их читать не мог, и неизвестно, кто и почему из десятков тысяч книг о войне, написанных на Западе, выбрал для него именно эти две.

Единственные цитаты в тексте Богомолова с указанием выходных данных — из книги генерала Гейнца Гудериана «Воспоминания солдата»**. Опубликованная «Воениздатом» в 1954 году, книга эта в широкую продажу не поступала, хотя запрещена не была. Она предназначалась для советских военных академий в качестве учебного пособия. Владимов прочитал «Воспоминания солдата» в начале 1960-х у генерала П.В. Севастьянова, чьи мемуары он редактиро-

* Лукьянин В. Георгий Владимов. Генерал и его армия // Урал. 1996. № 1. С. 189.

** Гудериан Г. Воспоминания солдата. М.: Воениздат, 1954.

вал. Богомолов считает, что «разоблачил» писателя, включившего в свой текст отдельные факты из воспоминаний немецкого генерала (5–6). Использование дневников и мемуаров, если они сохранились, совершенно обычный прием при написании исторического романа — в нем нет ничего предосудительного или некорректного. Владимов никакой тайны из этого не делал. Бессмысленно звучит также грозное обвинение, что Владимов «замалчивает» (7) в своем романе цель Гитлера — завоевание территории России вплоть до Урала. «Замолчать» эту информацию никак невозможно, поскольку она известна каждому школьнику.

В разделе, посвященном генералу А.А. Власову, Богомолов утверждает (без указания источников), что Власов в защите Москвы и начавшемся наступлении не участвовал из-за острого отита и даже называет точные даты его госпитализации (12). Эта версия официально распространялась после войны и казни генерала, но документально никак не подтверждена. Напротив, в изданном Федеральной службой безопасности Российской Федерации сборнике «Смерш. Исторические очерки и архивные документы» не только написано, что Власов принимал участие, но он даже назван «героем Московской битвы»*, — невозможно заподозрить авторов этого тома в архивном невежестве или необоснованной апологии генерала-предателя. Об очень высокой оценке Сталина действиям армии Власова под Москвой можно прочитать в воспоминаниях Н.С. Хрущева**. 13 декабря 1941 года «Правда», «Известия» и другие советские газеты напечатали на первой странице фотографии командиров, среди них Власова, которые особо отличились

* Смерш. Исторические очерки и архивные документы. 3-е изд., испр. и доп. / Ред. В.С. Христофоров, В.К. Виноградов, О.К. Матвеев и др. М.: ЦГА Москвы, 2010. С. 55.

** Хрущев Н. Время, люди, власть: В 4 кн. М.: Московские новости, 1999. Кн. 1. С. 341, 382, 528–530.

при защите Москвы. За проведение Московской операции Власов был награжден орденом Красного Знамени и произведен в генерал-лейтенанты. По версии Богомолова, генерал был удостоен всех этих почестей за гнойное воспаление среднего уха.

Богомолов высказывает сомнение, что Жуков приговаривал офицеров к расстрелам на Халхин-Голе, так как внесудебные расстрелы начались в армии только в 1941-м (14). Но в тексте романа Жуков и говорит с улыбкой генералу Кобрисову, что приговоры выносил не он, а трибунал: обоим понятно, чего стоили такие трибуналы, но формальности соблюдались неукоснительно (3/242–243). Об этих приговорах можно прочесть в мемуарах воевавшего на Халхин-Голе генерала П.Г. Григоренко, свидетельство которого сомнений не вызывает*, — факты, к которым мы еще вернемся.

Ирония о якобы «маразме» Жукова, который по тексту романа при встрече не уверен, видел ли он раньше генерала Кобрисова, бьет совершенно мимо цели. Богомолов утверждает, что, так как Жуков в 1941 году командовал фронтом (14), он должен был встречать Кобрисова и забыть этого не мог бы — деталь, будто бы доказывающая некомпетентность Владимова в военных делах. В самом начале войны Жуков был недолгое время представителем Ставки на Юго-Западном фронте. По сюжету романа, генерал Кобрисов, отступая из Прибалтики вглубь страны, в начале 1941 года находился на Северо-Западном фронте, к которому Жуков отношения не имел. Под Москвой по развитию действия Кобрисов не попадает под командование Жукова, а потом оказывается в госпитале из-за ранения. Фактология этого сюжетного мотива в романе основана на воспоминаниях генерала П.В. Севастьянова (см. ниже).

* Более подробно я пишу об этом в разделе об источниках романа «Генерал и его армия».

Никакой непоследовательности или ошибки в тексте Владимова нет — Богомолов или невнимательно прочитал текст, или в раздражении перепутал фронты и командующих.

В сочинении Богомолова приводится длинная цитата из выступления генерал-фельдмаршала К.Р.Г. фон Рундштедта на Нюрнбергском процессе (7), но совершенно непонятно, почему ответственность за его слова приписывается Гудериану. Тот факт, что Гудериан выступал на процессе не как обвиняемый, но как свидетель, Богомолов считает кознями американцев. Главное обвинение, предъявленное советской стороной Гудериану при подготовке Нюрнбергского процесса, было в преступлении, получившем в истории название Катынский расстрел: в 1940 году в лесах недалеко от Смоленска были казнены 21 857 польских военнопленных и представителей интеллигенции. По мнению союзников, не было представлено реальных доказательств вины Гудериана в этом военном преступлении. Их и не могло быть. В 1990-м Россия официально признала, что расстрелы польских граждан были произведены «тройками» НКВД по приказу ЦК ВКП(б), подписанному Сталиным, Молотовым, Берией и другими*. Обвинение Гудериана в Катынском расстреле было попыткой Сталина переложить на немецкого генерала преступление советского режима. Богомолов, писавший свой опус в 1995 году, не мог об этом не знать.

Полной фантазией звучит его сообщение о «заданиях», которые Гудериан якобы получал в американской тюрьме,

* Смерш. Исторические очерки и архивные документы. С. 341; Подробнее см.: *Sanford G. Katyn and The Soviet Massacre Of 1940: Truth, Justice And Memory* // Routledge Series on Russian and East European Studies. Routledge. 2009. № 20; см. также: Убиты в Катыни: Книга памяти польских военнопленных — узников Козельского лагеря НКВД, расстрелянных по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года // М.: Мемориал, 2015.

где он находился как военнопленный в 1945–1948 годах. И совершенно непонятно, откуда взялись у Богомолова точные сведения о том, что именно говорил (или не говорил) Гудериан, выступая после войны с лекциями в закрытых американских военных школах (7).

Богомолов язвительно пишет, что Владимов фантазирует и выжить, как Кобрисов в романе, получив восемь пуль в живот, невозможно — «случай в медицине небывалый» (15). Врачом Богомолов не был и историей медицины не занимался. «Небывалый», по его мнению, случай произошел под Москвой с генерал-майором П.В. Севастьяновым, о чем я пишу ниже.

Богомолов утверждал также, что в Смерш новые кадры не набирались, и поэтому появление в романе Владимова такого персонажа, как майор Светлооков, — некомпетентная выдумка писателя (18). Но в сборнике «Смерш. Исторические очерки и архивные документы» объясняется, что организация при возникновении и формировании «привлекала в свои ряды перспективных офицеров»*, так что повествование Владимова было фактически верным.

Но что касается сюжета о Смерше — Богомолов служил в этой организации в конце войны и хранил любовную преданность ей всю жизнь, хотя и отрицал это позднее**. Даже не стоит дальше обсуждать его возражения, доводы и детали, связанные с ее деятельностью. Работа

* Смерш. Исторические очерки и архивные документы. С. 79.

** В статье в «Книжном обозрении» служба Богомолова в Смерше также отрицается. Но сведения об этом подтверждаются архивными материалами, см.: Войтинский Владимир Иосифович. ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1620. Д. 293; там же: Богомолец Владимир Осипович. Ящик Б-2134. Имя В.О. Богомолова при рождении — Войтинский Владимир Иосифович. С 1948-го по 1953 год его фамилия была Богомолец. С 1953-го он по документам Владимир Осипович Богомолов.

Смерш строилась на принципе строжайшей секретности, и в отсутствие информации писатель волен излагать свою концепцию и интерпретацию ее действий и поведения сотрудников.

Можно расширить и продолжить список ошибок, неточностей, передержек и искажений, но суть совсем не в них, а в том, что весь тон статьи Богомолова удивительно напоминает разоблачительные выступления и публичные доносы в советской прессе. Именно поэтому С.И. Чупринин советовал Владимову даже не вступать в обсуждение (он выразился менее корректно), о чем Георгий Николаевич упоминал в письме Г.Я. Бакланову (25.03.1996, FSO). Бакланов придерживался того же мнения, что и Чупринин. Но Владимов рассматривал это как свой долг перед читателями. Он написал Е.С. Аверину*, требуя немедленной публикации своего ответа в «Книжном обозрении»:

На Букеровской пресс-конференции 5 декабря было признано, что произведение господина Богомолова относится к жанру политического доноса... Я не склонен щадить того, кто не пощадил мой долгий труд, оплевал в своей статье, имеющей только ту ценность, что по ней видно, как разговаривали с людьми в «Смерш» (26.02.1996, FSO).

Владимов писал, что нанесен урон его чести — «как человека, писателя, патриота России»: «Одного “восхваления гитлеровского вермахта” тут достанет с верхом»**. В своем опровержении, кроме объяснения фактов, Владимов писал о трагедии — о войне русских с русскими, которую Богомолов предпочел не заметить в его тексте.

* Аверин Евгений Сергеевич (1937–1998) — главный редактор газеты «Книжное обозрение» (1986–1998).

** Отсылка к тексту: *Богомолов В.* Срам имут... С. 23.

Ответ Владимирова включен в его собрание сочинений, как первое приложение к роману «Генерал и его армия» (3/423–460). Коротко и бурно отшумев, этот спор затих. К собственно литературе, как точно заметил Н.Л. Лейдерман, он отношения не имел* и был, по выражению В.П. Лукьянина, «не о том!»**. Ответом Владимирова, его исполненным долгом перед читателями остается текст его произведения.

Предварительную версию романа «Генерал и его армия» читал Лев Копелев, пославший Владимиру восторженное письмо после опубликования одной из глав романа:

Генералы, которые обличали Толстого во множестве ошибок, почтили в мире, а миллионы людей и сегодня больше чем век спустя верят Пьеру Безухову и толстовскому Кутузову и мало кто — один из 10 млн — интересуется, как было «на самом деле» (05.09.1985, FSO. АП).

И.З. Серман с восхищением отметил после прочтения главы в «Континенте»:

Ощущение необыкновенной убедительности и правды всего, Вами увиденного сквозь полустолетие, удивляет и завораживает. И сразу складывается впечатление, что иначе это, о чем Вы писали, происходить не могло (10.09.1988, FSO. АП).

Роман высоко оценил Г.Я. Бакланов, писатель военной темы:

* Лейдерман Н. Георгий Владимов и его генералы, или Реализм сегодня. С. 230.

** Лукьянин В. Георгий Владимов. «Генерал и его армия». С. 189.

Но человеку не воевавшему так почувствовать атмосферу войны, самое неощутимое, если ты сам не пережил, так почувствовать и передать — это поразительно! И очень точна психология, психология людей этого времени (25.01.1995, FSO. АП).

Насколько глубоко Владимов вникал в изображаемый материал, было ясно А.И. Солженицыну:

И невозможно не заметить Вашей отличной осведомленности во фронтовых реалиях (сказалось Ваше «суворовское» воспитание? — а потом вникание, внимание, военные знакомства?) — что в артиллерийском деле, что в танковом, что в авиационном (31.08.1997, из архива А.И. Солженицына. АП).

Все четверо были боевыми офицерами, и роман «Генерал и его армия» воспринимался ими как произведение достоверное. Владимов в письме Льву Копелеву и Раисе Орловой определил свою художественную позицию:

Кому они нужны, эти истинные передвижения армий? — на самом деле, никогда не истинные! Никто их не помнит досконально, и даже документы один другому противоречат — стало быть, наполовину врут. А между тем военные сюжеты, как никакие другие, страшно зависят, скажем, от рельефа местности (была ли река справа или слева, были холмы в 200 или 300 метров высотой), и от погоды (был ли дождь или пыль в глаза). Так он должен был придумать свой рельеф и свою погоду, как удобно ему, художнику, для его замысла. Я писал книги за генералов, и я знаю — для них истина не то, как происходило, а — как запомнилось. А это уже и есть миф, который сильнее действительности (10.09.1985, FSO. АП).

На замечание Богомолова о «мифотворчестве» прекрасно ответил Н.Л. Лейдерман: «Упреки Богомолова автору романа “Генерал и его армия” в том, что он создал “новую мифологию”, на самом деле никакой обвинительной силы не имеют — всякий художник, романтик или модернист или даже самый правоверный реалист именно свою “новую мифологию” и создает. И если он пишет об исторических событиях, он творит свою художественную “мифологию истории” — то есть ищет ч е л о в е ч е с к и й смысл истории, определяет ценностное значение отношений с историей в судьбе человека, в обретении им гармонии с миром или в утрате этой гармонии. Разве картина битвы за Трои в гомеровской “Илиаде” — не миф? А разве не стала художественным мифом история похода и поражения князя Игоря из “Слова”? И кто будет изучать историю Крестовых походов по романам В. Скотта “Айвенго” или “Ричард Львиное Сердце”? А Великую французскую революцию по роману А. Франса “Боги жаждут”?»*

Разобраться в точности военных деталей и логистики может сейчас только военный специалист**. Историко-философский характер любой войны навсегда остается открытым для переосмысления и литературных интерпретаций.

Второе приложение к роману «Новое следствие, приговор старый» — реакция Владимирова на статью Леонида Решина о власовской армии. (3/409–422). Эта тема очень интересовала и волновала писателя***. Уже в течение и особенно после окончания войны всех совет-

* Лейдерман Н. Георгий Владимов и его генералы. С. 230.

** Jukes G. A Novelist and His Hero // Acta slavica japonica. Sapporo. 2001. № 18. Pp. 230–239.

*** Решин Л. Коллаборационисты и жертвы режима // Знамя. 1994. № 8. С. 138–179; Владимов Г. Новое следствие, приговор старый // Знамя. 1994. № 8. С. 180–187; см. также: Владимов Г. Собр. соч. Т. 3. С. 407–422.

ских солдат, воевавших на стороне Гитлера, стали называть «власовцами» и в официальном, и в народном дискурсе. Это название — метафорическое, не отражающее реальной истории и многослойности коллаборационизма, но факт того, что имя Власова и его солдат стало синонимом предательства. Так как власовская РОА никогда не сражалась на территории Советского Союза и не имела прямого отношения к описанным в романе Владимова событиям, анализ истории этой армии и ее действий лежит за пределами моей работы.

* * *

«Генерал и его армия» — произведение настолько насыщенное и сложное, что полное исследование всех его аспектов: исторического, философского, жанрового, стилистического, лексического и других — заслуживает написания отдельной книги или диссертации. Охватить их в одной главе невозможно.

Моя цель и рамки анализа — дополнить существующую информацию об источниках романа и рассмотреть наиболее важные мотивы и темы текста.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ РОМАНА

В 1968 году, написав рассказ «Поклонная гора» (шестая глава будущего романа), Владимов принес его на суд в «Новый мир». Твардовский, как всегда, отнесся к работе Владимова очень доброжелательно и откровенно объяснил свою точку зрения:

Напечатать это можно, но вы, Жора, в 20 страниц вместили тему большого романа. Ведь в этой пляске — судьба человека, это

надо показать, развернуть. Нужно быть очень большим художником, чтобы сделать это на 20 страницах, а вы им пока не являетесь. Поэтому решите сами, печатать или забирать (ГВ).

Твардовский сказал также, что хотя рассказ хорошо написан, но эпизод с пляской на Поклонной горе и самовольным возвращением генерала Кобрисова в армию полон натяжек и звучит не очень правдоподобно. С ним были согласны А.Г. Дементьев и А.И. Кондратович. Но Владимов, знавший историю со слов генерала П.В. Севастьянова, менять сюжет не захотел, хотя сразу осознал, что предстоит очень большая работа, чтобы реализм и достоверность происходившего представлялись читателю несомненными. Отказавшись печатать рассказ, он забрал его из редакции.

Постепенно в его сознании начал кристаллизоваться замысел большого романа, куда входили и реальные, и вымышленные образы. О концепции произведения он позднее говорил: «Вторых “Войны и мира” мы не дождемся, масштабы были таковы, что не уместятся ни в какие тома. Я взял лишь одну операцию, из которой видно, что такое вообще операция, как она строится, какое в ней бывает столкновение интересов, страстей, честолюбий, оплачиваемых всегда чужой и притом большой кровью»*.

Работа над романом была прервана отъездом в эмиграцию. Официально вывезти рукопись было невозможно. Пакет с текстом был бы слишком большим для одного человека, поэтому роман и записки к нему были разделены на части и розданы для перевозки за рубеж нескольким иностранным журналистам, курьерам от НТС, дипломатам. Одна из этих частей была утеряна, и восстанавли-

* Владимов Г. Нужна посадочная площадка: Интервью журналу «Форум» // Бремя свободы. С. 178.

вать ее было очень сложно: многие заметки и черновики оставались в России и доставлялись со случайными okazиями. Организовать все материалы воедино было процессом очень трудоемким, и вновь вступить в сюжет оказалось непросто. Две главы появились в «Континенте», еще одну Владимов напечатал в «Гранях» в период своего недолгого редакторства.

Первые годы в эмиграции роман писался очень медленно. Владимовы привыкали к новой жизни, много путешествовали, Георгий Николаевич выступал в разных городах и странах, была масса эмоциональных встреч и впечатлений. Потом он принял должность редактора «Граней», и жизнь стала более оседлой. Но работа в журнале отнимала большое количество времени, а конфликт с НТС стоил многих душевных сил. И Владимов признался дочери Марине, что первые пять лет он так сожалел, что уехал, и ностальгия по России была столь сильной, что ему не писалось.

После разрыва с НТС в 1986 году он вернулся к тексту романа. Появилась возможность читать опубликованные на Западе мемуары о войне, письма генерала Гудериана, находящиеся в Bundesarchiv*, и другие источники. С конца 1980-х работа над романом стала продвигаться быстрее, и текст приобретал все более завершенное состояние.

В декабре 1993 года почтальон доставил пакет с надписью «В собственные руки» на домашний адрес Натальи Борисовны Ивановой, заместителя главного редактора журнала «Знамя» и литературного критика, очень высоко ценимого Владимовым. В пакете оказалась рукопись романа «Генерал и его армия», ставшая первым журнальным вариантом книги. Наталья Бори-

* Bundesarchiv, Berlin, BArch № 802/13, Aktenzeichen: Akz. Nr.: 189/03. В чтении этих писем Владимову помогал Лев Копелев.

совна, лежавшая дома с высокой температурой, сразу начала читать и не могла оторваться всю ночь. Температура к утру упала, и, чудесным образом выздоровев, она повезла рукопись в редакцию. Г.Я. Бакланов, в то время главный редактор «Знамени», прочитав текст, позволил Владимову и попросил разрешения на публикацию. Он сказал, что, несмотря на некоторую недосказанность, основной стержень держит повествование и напечатать его, как журнальный вариант, вполне возможно. Роман был опубликован в 4–5-м номерах журнала за 1994 год.

Букеровская премия, которую получил за него Владимов в 1995 году, была экзистенциально важна. Еще в 1993-м он с большой горечью говорил мне при встрече, что интерес к литературе писателей его поколения был утерян в ранние перестроечные годы. Публикация «Верного Руслана» и очень живая реакция на повесть в России благотворно повлияли на его настроение. Но у писателя было чувство, что его *«любимый песик»* был лишь выплатой давнего долга российскому читателю. С опубликованием и успехом его нового романа «Генерал и его армия» к Георгию Владимову вернулось чувство непосредственной причастности к русской литературе. Премия решила и финансовую проблему, позволив спокойно, не отвлекаясь на случайные заработки, закончить роман.

ОБ ИСТОЧНИКАХ РОМАНА

Владимов двигался к написанию книги о войне несколько десятилетий. Опыт военного детства и обучение в Суворовском училище, где у него было интенсивное общение с учителями-офицерами и сослуживцами матери, рано зародили в нем огромный интерес к военной теме.

Работая над романом, он основывался на свидетельствах профессиональных военных, на работе в военных архивах, открытых и закрытых и на многочисленных источниках о Второй мировой войне.

Два военачальника сыграли основную роль в формировании сюжета романа, образов его героев и концепции войны — генерал-майор Петр Васильевич Севастьянов (1907–1968) и генерал-полковник Петр Григорьевич Григоренко (1907–1987).

Генерал Петр Васильевич Севастьянов. Как уже упоминалось, к 1965 году, двадцатилетию победы над Германией, «Воениздат объявил серию “Военные мемуары”... В общем, это был хитрый ход, чтобы все эти разговоры военачальников канонизировать, ввести в какие-то цензурные рамки. Одно дело генерал у себя на кухне бурчит, что все не так было. Другое — когда ему дают микрофон, перо, — правда, с пером генералы не в ладах, — пожалуйста, говорите. И они говорят именно то, что от них хочет услышать советская пропаганда»*.

В качестве *«генеральского пера»* нанимались молодые писатели, и так Владимов познакомился с генералом Петром Васильевичем Севастьяновым.

Основой сюжета романа «Генерал и его армия» послужила рассказанная Севастьяновым история о судьбе генерал-полковника Никандра Евлампиевича Чибисова**, *«могучего донского казака»*, которого, по словам рассказчика *«сняли за успех»*. Владимов ввел эту фразу в роман: «...бывают, хотя и редко, такие случаи, когда снимают именно за успех» (3/334). Севастьянов был начальником политотдела, членом Военного совета 40-й армии, которой коман-

* Владимов Г. Возвращение к реализму / Беседу вела Е. Константинова // Вопросы литературы. 2001. № 5. С. 246.

** Чибисов Никандр Евлампиевич (1882–1959) — генерал-полковник, Герой Советского Союза.

довал при форсировании Днепра и на подходах к Киеву генерал К.С. Москаленко*. Соседняя 38-я армия Чибисова готовилась к освобождению Киева. Но Н.С. Хрущев, бывший членом Военного совета, и генерал К.С. Москаленко придумали, что город должен освободить украинский генерал. Хрущев сумел убедить Сталина** — и Чибисов был отстранен от армии:

...был мой соавтор членом Военного совета в 40-й армии К.С. Москаленко — и порассказал мне о художествах «командарма наступления», сперва без пользы растратившего свою армию на Букринском плацдарме, а затем переметнувшегося на плацдарм Лютежский, чтобы отнять 38-ю армию у Н.Е. Чибисова (3/441).

П.В. Севастьянов был человеком живым, с языком ярким и красочным, но только в застолье. Стоило включить магнитофон, как из него начинал *«переть деревянный советский жаргон»*. Генерал, найдя в лице Владимова благодарного слушателя, часто говорил: *«А вот был еще у нас такой случай... Вы, Жора, выключите магнитофон...»* «Он многое рассказывал о войне — гораздо больше и интереснее, чем получилось в книге. Так вот, этот генерал сказал мне: «Вся история Великой Отечественной войны есть история преступлений. Но когда-нибудь это вскроется,

* В Советской армии начиная с 1943 года существовала градация генеральских чинов от генерал-майора до генерала армии. Все описанные в романе генералы двигались по служебной лестнице, и их чины менялись в течение войны. При анализе я буду, как правило, называть их «генералами».

** О шифровке и звонке Сталину Н.С. Хрущева, в результате которого генерал Н.Е. Чибисов был снят с командования 38-й армией и вместо него назначен генерал К.С. Москаленко см.: *Хрущев Н. Время, люди, власть. Кн. 1. С. 537–539*. О том, что идея взятия Киева украинским командармом принадлежала Н.С. Хрущеву: *Севастьянов П. Неман — Волга — Дунай. С. 169*.

только никому это не будет интересно, и нас с вами на свете не будет»*.

Когда Севастьянов хотел что-то уточнить или вспомнить, собирались на ужин его старые товарищи. Чаше других приходил маршал К.А. Мерецков, командующий Волховским фронтом в 1942 году. Заместителем его был командарм 2-й ударной армии А.А. Власов. Севастьянов на кухне, включив воду и понизив голос, рассказал Владимову о том, как на второй день войны, 23 июня 1941-го, Мерецков был арестован НКВД. Три месяца его жестоко пытали, угрожая уничтожением семьи, но в конце сентября выпустили по приказу Сталина и послали командовать армией. Сообщая Мерецкову об этом приказе, следовательно, сломавший ему ребро, предложил генералу чай с пирожным, ставшим в романе Владимова «довоенным сливочным тортом» (3/290). Приезжал генерал М.Ф. Лукин, который в 1941 году попал в плен без сознания и которому в Германии ампутировали ногу. Он встречался там с Власовым, безрезультатно уговаривавшим его перейти на сторону немцев. Приходили колоритный усатый волжанин генерал В.М. Баданов и решительный, живой генерал Ф.П. Озеров**. Во время застолий все они свободно делились воспоминаниями, не обращая внимания на молчаливого молодого человека, и он слышал много интереснейших сюжетов и деталей.

Так впервые прозвучал для Владимова рассказ о генерале В.И. Морозове***, война для которого началась

* *Владимов Г.* Возвращение к реализму. С. 246.

** Озеров Федор Петрович (1898–1971) — генерал-лейтенант, в августе 1941 года был начальником штаба 34-й армии. Окончил войну командармом 50-й армии 2-го Белорусского фронта. В его честь назван город Озерск в Калининградской области.

*** Морозов Василий Иванович (1897–1964) — генерал-лейтенант, в начале войны командующий 11-й армией Северо-Западного фронта.

в Прибалтике. Ожесточенные бои шли уже два часа, а в армию Морозова все еще поступали указания «не отвечать на провокацию». Потом последовал приказ: прекратить отступать, немедленно перейти в наступление и вернуть всю захваченную территорию вплоть до границы. Морозов просил подкрепления и, не дождавшись, послал резкое сообщение командующему Прибалтийским военным округом Ф.И. Кузнецову*. Кузнецов, не поверив, что сдержанный и дисциплинированный Морозов мог так писать, решил, что генерал попал в плен, счел сообщение провокацией и перерезал связь и все поставки. Только на третий день войны Морозов смог связаться с командующим. Кузнецов отказался его выслушать, обозвав «немецким шпионом»**. За первую неделю войны армия Морозова потеряла 75% техники и 60% людей. Двенадцатилетняя дочь Морозова, находившаяся в пионерском лагере в Паланге, погибла во время бомбежки. Морозов за ночь поседел, и у него от нервного потрясения и перенапряжения начались ужасные боли в животе. Ухаживавшая за ним медсестра, возлюбленная генерала, решительно увезла его из армии. Тогда генерал Ф.П. Озеров — командир одной из дивизий — собрал ночью у костра в лесу пять генералов, и, ужиная печеной картошкой, они выбрали его командующим армией. Озеров приказа Москвы о наступлении исполнять не стал, сделав вид, что принял его за провокацию. Но так как, отступая от западной литовской границы к Москве, он сумел вывести армию из окружения, сохранив людей и оружие, неповиновение сошло ему с рук. История этого отступления, выбор командующего у костра и другие эпизоды из рассказов Севастьянова, бывшего политкомиссаром армии,

* Кузнецов Федор Исидорович (1898–1961) — генерал-полковник, в начале войны командующий Северо-Западным фронтом.

** *Севастьянов П.* Неман — Волга — Дунай. С. 32.

переданы в его мемуарах и перешли в повествование Владимова. Из биографии самого Севастьянова позаимствована история с французским коньяком и путаница с Большими и Малыми Перемерками*. Задирая рубаху, Севастьянов давал сосчитать свои ранения на мощном животе, принявшем восемь пуль, вошедших в романе в генерала Кобрисова.

Владимов утверждал, что именно под влиянием Севастьянова он обратился к новой для русской военной литературы теме.

О войне много написано, и сказать о ней что-то новое чрезвычайно трудно... Но самое страшное звено этой цепи, генеральское звено, пропитанное интригами, безжалостное, морально-коррумпированное и решавшее судьбы миллионов солдат, – о нем очень мало сказано и написано. И я думал – это будет мое слово о той войне. До меня был Симонов, но он скорее затуманил эту тему. Он брался за слишком острые, непроходимые сюжеты о генералах, командовании, планировании операций. И цензура его объела и обесцветила. К тому же я мог писать о теме Власова, закрытой в симоновское время (ГВ).

О «генеральской войне» писали И. Стаднюк в романе «Война» и А. Чаковский в трехтомной эпопее «Победа», но Владимов был полон скепсиса: «Эти люди правду ценят на вес золота, поэтому особенно ею не разбрасываются»**. Он хотел написать в своем романе ту правду о войне, которую он слышал при «выключенном магнитофоне». О войне, на которой не государственные или стратегические соображения, и никак не солдатские жизни были главным: «Я увидел, что представляла собой их вой-

* Большие и Малые Перемерки – микрорайоны в черте Твери.

** Владимов Г. Нужна посадочная площадка: Интервью журналу «Форум» // Время свободы. С. 178.

на — такие эмоции, такие подводные течения, такие всевозможные интриги. А в особенности, если призом был Киев, за который командующий армией ожидал проливной звездный дождь на погоны и на грудь»*.

Севастьянов очень живо и откровенно рассказывал Владимову о Г.К. Жукове, Н.С. Хрущеве, К.С. Москаленко (в романе Терещенко), П.С. Рыбалко (в романе Рыбко), И.Д. Черняховском (в романе Чарновский) и других персонажах будущего романа, которых генерал близко знал.

Прототипом политкомиссара армии Дробниса, описанного в романе, был генерал-полковник Лев Захарович Мехлис, жестокий и беспощадный человек, которому подчинялась военная пропаганда, печать и радио. В «Красной звезде», главной военной газете армии, *«был собран целый букет»* — Шолохов, Симонов, Эренбург, Фадеев: *«Вся наша краса у него там печаталась»*. Военным корреспондентом «Красной звезды» был также отец Ларисы Исаровой, Теодор Яковлевич Лильин (Шварц), которому Мехлис покровительствовал. Тесть очень обрадовался, узнав, что Владимов редактирует севастьяновские мемуары, и просил упомянуть добрым словом Мехлиса, *«хорошего человека, про которого все забыли»*. Владимов напомнил Севастьянову о Мехлисе, на что тот, вздохнув, ответил: *«Я вам, Жора, расскажу про него одну историю, а вы уж сами решайте, хороший ли он человек, и нужно ли его добрым словом вспоминать»*, — и изложил историю, введенную в роман, как сцену расстрела майора Красовского. Человек, спрашивающий: *«Почему свет?»* (3/219) — был в жизни генерал Севастьянов, ставший невольным свидетелем садистской казни, учиненной Мехлисом.

* Владимов Г. Я бы хотел сейчас быть рядом с соотечественниками / Беседу вела Эльвина Шугаева // Литературная газета. 1990. 6 июня. С. 5.

Вместе с Севастьяновым Владимов попал в закрытый Центральный архив Министерства обороны в Подольске. Основные материалы, накладные и докладные были ему не особенно интересны. Один раз он даже сфулиганил: найдя неподписанный приказ о доставке водки, поставил под ним свою размашистую подпись. Но когда дело дошло до материалов военной прокуратуры, открылся страшный мир: *«Я-то думал, что был подготовлен, но к жестокости, подлости и бессмысленности этого ада нормального человека ничто подготовить не могло».*

Среди дел, которые он читал, встретилась фамилия лейтенанта Галишникова, расстрелянного «за трусость». *«Я прочел его дело, понял, что он ни в чем не виноват, и решил, что я его в своем романе реабилитирую»:*

И вот однажды пришел из боя лейтенант с одиннадцатью солдатами, остатком его роты, и сказал, что есть же предел идиотизму, что с такой горсткой людей ему не отбить высоту 119 и он их губить не станет, пусть его одного расстреляют. Лейтенант Галишников — так звали обреченного, генерал его имя запомнил (3/214).

В романе расстреливают не его (уже упомянутая казнь майора Красовского), но в жизни двадцатидвухлетний лейтенант был казнен за неисполнение «священного приказа Верховного» (приказ № 227, см. ниже), ни при каких ситуациях не разрешающего отступлений.

Вечерами Владимов по памяти записывал прочитанное, маскируя материал как наброски исторического романа о Малюте Скуратове.

На него произвели тяжелое впечатление воспоминания Севастьянова о раскулачивании, грабежах и позорном участии армии в репрессиях против безоружных крестьян, «сборе семенного фонда» — то, о чем сам генерал рассказывал с огромной горечью, угнетенный своим

участием в разорении и уничтожении крестьянства. Диалог Кобрисова с его ординарцем Шестериковым был дословной цитатой, записанной Владимовым:

Выплыл в памяти и такой странный их разговор за водочкой, когда генерал выпрашивал настойчиво: «А все же мужичок принял колхозы?» — «Как не принять, Фотий Иванович, ежели обрезаю не хватило». И генерал, насупясь, не поднимая глаз на него, а глядя в стопку, сказал: «Ну, выпьем, чтоб в следующий раз — хватило...» (3/123)

Генерал А.А. Власов тоже пришел в роман «с подачи Севастьянова». Именно наступление Власова спасло Севастьянову жизнь под Москвой, когда он был ранен во время своего легкомысленного похода «на коньяк» в Большие (Малые) Перемерки: «А не Власов, остался бы я тогда лежать в снежном овраге», — вспоминал Севастьянов. Владимов уже думал о включении фигуры Власова в роман, и рассказы Севастьянова послужили основой для формирования сюжета и образа этого персонажа в книге.

Тепло прощаясь со своим редактором, Севастьянов сказал в последнем застолье: «Мое дело было такое, что у меня умирали люди. Но я не палач. А при казнях я всегда себя палачом чувствовал. Так тяжесть на душе и оставалась навсегда». Эта фраза, чуть измененная, была включена в текст романа (3/250).

История освобождения Киева и судьба генерала Е.Н. Чибисова поразили Владимова: «Услышав, не написать об этом было не только невозможно, но просто бесчестно». В тексте романа он сформулировал свою цель:

Вот разве что сыщется все-таки дотошный историк, который не пощадит штанов в усидчивом рвении и доко-

пается до истины? Или найдется шелкопер, бумаго-марака, душа Тряпичкин, разроет, вытащит, вставит в свою литературу — и тем спасет генеральскую честь? (3/258–259)

Вспоминая свой мемуарно-генеральский опыт, Владимов подытожил: *«Первый генерал был у меня страшно удачный, без его рассказов роман бы не возник в том виде, в котором появился на свет»*. Но и генералу повезло с молодым редактором: среди серии генеральских мемуаров, книга Севастьянова выделяется живостью, драматизмом повествования и яркой образностью языка.

Генерал Петр Григорьевич Григоренко. Вторым важнейшим источником был генерал-полковник Петр Григорьевич Григоренко (лишенный позднее воинского звания и орденов за диссидентство). Владимов специально попросил познакомить его с опальным генералом, предполагая, что тот может многое ему рассказать о войне и интересующих его персонажах. Григоренко произвел на писателя огромное впечатление: *«и в гражданской одежде, по всей манере говорить и держаться Григоренко был — генерал с головы до пят»*, «...даже гэбисты не придумали оперативной клички иной, чем “Генерал”» (3/442). Если с Севастьяновым была определенная субординация: он рассказывал молодому писателю о войне, и тот мог лишь задавать наводящие вопросы и записывать, то с Григоренко можно было свободно и подробно обсуждать события войны и людей. Для Владимова это был глубоко обогащающий опыт.

Петр Григорьевич рассказал мне много интереснейших фактов про войну. Его знания и мнения о событиях и людях произвели на меня большое впечатление и во многом сформировали мое видение ситуации в армии в предвоенный период и во время вой-

ны. В свою книгу «В подполье можно встретить только крыс»^{*} он не вставил многие истории, которые я от него услышал. Я решил, что обязательно должен его рассказы воспроизвести в своем романе, чтобы они не пропали (ГВ).

Первым опытом военных действий, где участвовал Григоренко, был Халхин-Гол. По рассказу Григоренко уже в этом столкновении ясно проявились все причины катастрофической ситуации начала Великой Отечественной. Прибыв на место военных действий, он был поражен, насколько огромная страна была не подготовлена к войне: почти вся Транссибирская железная дорога была парализована локальным дальневосточным конфликтом. Не хватало профессиональных карт и офицеров, умеющих их читать, не была разработана система коммуникации.

На Халхин-Голе Григоренко впервые столкнулся с Г.К. Жуковым, которого он считал военачальником крайне честолюбивым и жестоким, но не очень образованным^{**}. По его мнению, Жуков повторил в войне на Халхин-Голе ошибки, которые были причиной поражения в Русско-японской войне 1904–1905 годов. Подробный их анализ можно было прочитать в профессиональной литературе. Ситуация начала улучшаться, когда ко-

^{*} Григоренко П. В подполье можно встретить только крыс. Нью-Йорк: Детинец, 1981. В России опубликован вариант книги: Григоренко П. В подполье встретишь только крыс. М.: Алгоритм, 2015. 320 страниц вместо 845 страниц оригинального текста: практически вся информация, касающаяся состояния армии перед войной и во время войны опущена. Сами мемуары опубликованы в серии «Я предал Родину», для чего невозможно найти никакого рационального объяснения. Полный текст книги П.Г. Григоренко есть на сайте: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=808>.

^{**} О войне на Халхин-Голе и командовании Жукова см.: Коломиец М. Танки на Халхин-Голе. «Необъявленная война» Сталина. Боевое крещение советских танкистов. <https://coollib.com/b/359772/read>.

мандующим Дальневосточным фронтом был назначен генерал-полковник Г.М. Штерн, грамотный военный и достойный человек, о котором Григоренко сохранил самую теплую память*. После конфликта на Халхин-Голе комиссия военных экспертов после долгой и тщательной работы представила подробный доклад с необходимыми рекомендациями об изменении структуры и подготовки советских вооруженных сил. Доклад был нейтрален, но каждому участнику конфликта на Халхин-Голе была ясна позитивная оценка действий Штерна, в то время как Жуков был представлен не лучшим образом. Жуков, прочитав доклад, объявил, что писавшие «ничего не поняли», и наложил резолюцию: «В архив». Необходимые, с точки зрения специалистов, реформы армии проведены не были. Григоренко констатировал (он называет доклад «книгой»): «Книга, вскрывшая на небольшом боевом эпизоде теоретические пороки в боевой подготовке войск и офицеров, которые выявились и во Второй мировой войне, оказалась упрятанной от офицерского состава. Ради сохранения собственного престижа начальники в Советском Союзе готовы были на любые подлоги и обманы, на нанесение любого ущерба народу и государству»**.

Григоренко писал о Жукове как о человеке «жестком, мстительном». Раз не поладив с ним на Халхин-Голе, Григоренко очень старался избежать встречи с ним, когда начал служить на Западном фронте. В романе Владимова есть эпизод, когда Григоренко упоминается напрямую в диалоге Жукова с Кобрисовым:

* С мая 1938 года Г.М. Штерн был начальником штаба Дальневосточного фронта, с сентября — командующим 1-й Отдельной Краснознаменной армии на Дальнем Востоке. Участник войны с Финляндией. С января 1941-го — начальник Главного управления противовоздушной обороны Народного комиссариата обороны СССР.

** Григоренко П. В подполье можно встретить только крыс. С. 239.

— Командующий, откуда я вас еще до этой войны помню? Не были на Халхин-Голе?

— Был, товарищ маршал.

— А по какому поводу встречались?

Кобрисов, появившись, сказал:

— А вы меня к расстрелу приговорили. В числе семнадцати командиров.

Маршал улыбнулся той же улыбкой беззубого ребенка.

— Ну, ясно, что к расстрелу, я к другому не приговариваю. Не я, конечно, а трибунал... Как же случилось, что живы?

— А нас тогда московская комиссия выручила, из Генштаба, во главе с полковником Григоренко. Они ваш приказ обжаловали и, наоборот, кое-кого к «Красному Знамени» представили. В том числе и меня. Вы же потом и подписали (3/242–243).

Источник этого эпизода — рассказ самого Григоренко: «К тому времени уже имелось семнадцать приговоренных к расстрелу. Даже не юристов содержание уголовных дел приговоренных потрясало. В каждом таком деле лежал рапорт начальника, в котором тот писал: “Такой-то получил такое-то задание, его не выполнил”. И резолюция на рапорте: “Трибунал. Судить. Расстрелять” либо записка Жукова: “Трибунал. Такой-то получил от меня лично такой-то приказ. Не выполнил. Судить. Расстрелять!” И приговор. Более ничего. Ни протоколов допроса, ни проверок, ни экспертиз. Вообще ничего. Лишь одна бумажка и приговор»*.

Инициатором пересмотра дел семнадцати командиров был Г.М. Штерн. Как и сказано в романе, все обвиненные были оправданы, многие получили награды и успешно воевали в Великой Отечественной.

* Григоренко П. В подполье можно встретить только крыс. С. 327.

7 июня 1941 года Герой Советского Союза генерал-полковник Г.М. Штерн, еврей по национальности, был обвинен в шпионаже в пользу гитлеровской Германии. После многодневных жестоких пыток он был без суда, по личному приказу Берии, расстрелян 28 октября 1941-го в поселке Барбыш, вблизи Куйбышева (ныне Самара), в числе двадцати пяти военачальников высокого ранга. Именно к этой трагедии относятся строки романа: «Так судьба генерала Кобрисова не склонилась к тому, чтобы стать ему двадцать шестым расстрелянным в октябре в Куйбышеве или Саратове...» (3/295)

Георгий Николаевич сказал мне, что ему было непросто найти баланс между тем глубоким отторжением, которое вызывал Жуков у Григоренко, и пониманием, что нужно считаться в романе *«с народной легендой»* о маршале, имя которого связывалось с победой над гитлеровской Германией. Кроме того, Владимов высоко ценил роль Жукова в свержении Л.П. Берии.

Главным в воспоминаниях Григоренко, поразивших Владимова — *«хотя я не думал, что меня можно еще больше удивить»*, — была именно роль в армии НКВД, а потом Смерша — организаций, к которым совершенно преданный в то время советской власти генерал, относился с глубоким презрением: «Картину страшного погрома офицерских кадров на Дальнем Востоке наблюдал и я лично. Уже два года прошло с тех пор, как прекратились массовые аресты, а командная пирамида восстановлена не была. Многие должности просто не были заполнены, квалификация не соответствует. Батальонами командуют офицеры, закончившие училище меньше года тому назад. И это еще ничего — есть комбаты с образованием курсов младших лейтенантов и с практическим стажем несколько месяцев командования взводом и ротой. Да и как можно было быстро заткнуть столь чудовищную брешь. Я уже говорил о штабе армии, где осталось всего два офицера.

В дивизиях было еще хуже. В дивизии, дислоцированной в том районе, где начались события на Хасане (40-я стрелковая дивизия), были арестованы не только офицеры управления дивизии и полков, но и командиры батальонов, рот и взводов. На всю дивизию остался один лейтенант. Его невозможно было назвать даже временно исполняющим должность командира дивизии. Поэтому командир корпуса полковник (впоследствии маршал) В.И. Чуйков позвонил этому лейтенанту по телефону и сказал: «Ну вы, смотрите там. За все отвечаете до приезда командира дивизии». А командир дивизии все не ехал. Посылали двух или трех, но ни один не доехал. Арестовывали либо по пути, либо по приезде в дивизию»*.

Для самого Григоренко в 1941 году война тоже началась неприятностями с НКВД, так как в первый день под влиянием шока от новости о нападении Германии он, не удержавшись, откровенно высказал свое мнение: прифронтовая авиация — основа защиты страны — была выведена из действия слепотой верховного командования**. Военные аэродромы находились слишком близко к границе, самолеты с них не были отведены в глубь страны, и первое, что сделали немцы, разбомбили их. Генерал Севастьянов писал о втором дне войны: «Не доходя несколько километров до Каунаса, за краем рощи мы увидели сожженный, разбитый бомбами аэродром. На поле пылали остовы машин. По-видимому, бомбардировка стала летчиков врасплох, да и вряд ли они успели бы подняться в воздух за те минуты, что немцы летели от границы. Вот каков был ответ на загадку, почему только два са-

* Григоренко П. В подполье можно встретить только крыс. С. 242–243; см. также: Бакланов Г. Жизнь, подаренная дважды. М.: Вагриус, 1999. С. 33–34.

** Официальное подтверждение этого факта см.: Смерш. Исторические очерки и архивные документы. С. 19.

молета с красными звездами на крыльях появились над нами за весь долгий день обороны»*.

Это означало, что немцы беспрепятственно бомбили отступающую армию, что увеличивало беспорядок в войсках, количество погибших и раненых и устрашающе влияло на психологическое состояние солдат.

На Григоренко был написан донос, и начались бесконечные комиссии, собрания-заседания, объяснительные записки и изматывающие душу допросы — это происходило в самые первые катастрофические недели войны, когда вся энергия страны была необходима для организации борьбы с врагом. По словам Владимова, Григоренко говорил ему об НКВД:

Они, как пьявки, высасывали кровь из армии, уже обескровленной и обезглавленной. Грамотных офицеров катастрофически не хватало, ресурсов не было, оборона разваливалась, гражданское население бежало, куда и как могло, а эти негодяи занимались тем, что уничтожали и выводили из строя оставшиеся лучшие военные кадры, кого за то, что еврей, кого за то, что поляк, кого — за ум и честную службу (ГВ).

Именно Григоренко рассказал Владимову, что Смерш вербовал всех шоферов, ординарцев и адъютантов, которые должны были докладывать о своих «пассажирах» и начальниках. Отвертеться было невозможно, хотя многие избегали докладов, прикидываясь дурачками или ссылаясь на то, что докладывать нечего. Один из шоферов Григоренко, «белобрысенький белорус», сразу рассказавший генералу о вербовке, сформулировал так: «Буду я ему доносить, как же, пусть лопухом подтирается». И говорил приставававшему смершевцу, что его начальник, «как тронешь машину», моментально засыпает: «А чуть остановишь,

* Севастьянов П. Неман — Волга — Дунай. С. 24–25.

сразу просыпается, свойство организма у него такое...» Тот едко возражал, что предыдущие шоферы «такого свойства организма» у Григоренко не замечали. «Дык, а я че могу сделать-то, — “наивно” хлопал ресницами парень, — значит, как тронешь машину...»

От Григоренко Владимов услышал поразительный эпизод, который едва не стоил генералу (тогда полковнику) свободы и жизни. В одной из частей на Западном фронте, где он служил, был смершевец, всегда ходивший с коротким хлыстом, которым он разрубал воздух, когда хотел кого-то припугнуть. Однажды Григоренко, изможденный после тяжелого сражения, увидел, как этот смершевец в лихо сидящей на голове фуражечке и чистенькой гимнастерке, громко отчитывал измученного, измазанного землей и кровью солдата, взмахивая хлыстом, отчего тот вздрагивал. Выдержанный Григоренко вдруг потерял самообладание и, вырвав из рук смершевца хлыст, сломал его и заорал: *«А ну вон отсюда! И чтоб духу твоего тут не было! Выпорю этим хлыстом так, что мать родную не узнаешь!»* Спросив фамилию солдата, он сразу внес его в список представленных к званию Героя Советского Союза. Владимов сказал мне, передавая этот эпизод:

Я осознал тогда, что психология Смерша была психологией крепостных холоуев, которых веками пороли на конюшне. Это были мертвые души, неожиданно для самих себя вызванные к жизни и дорвавшиеся до власти над живыми людьми. Отсюда и хлысты, и совершенно инстинктивно у Григоренко — угроза порки (ГВ).

Из этого рассказа Григоренко появились в романе го-голевское имя и отчество и свистящий прут Светлоокова, а также история о представленном к Герою «кланяющемся» солдате (3/33).

Глубокое понимание атмосферы войны и психологии будущих персонажей сформировались для Владимова в беседах с Петром Григорьевичем Григоренко.

Генерал Никандр Евлампиевич Чибисов. Владимов нашел фотографии генерала Н.Е. Чибисова, и замысел начал серьезно увлекать его*. Он тщательно собирал информацию о Чибисове: донской казак, родился в 1882-м, четыре года учился в Донской духовной семинарии, в 1912-м сдал экзамен на вольноопределяющегося 2-го разряда. В 1915 году окончил школу прапорщиков в Петербурге, поступил юнкером на военную службу, воевал в Первой мировой войне, был ранен, попал в плен, бежал, был награжден тремя Георгиевскими крестами и окончил войну штабс-капитаном. После революции в феврале 1918-го Чибисов перешел на сторону красных и воевал на разных фронтах Гражданской. В этот период судьба свела его со Сталиным, у которого навсегда осталась большая симпатия к Чибисову, что очень раздражало Н.С. Хрущева. В 1921-м Чибисов участвовал в подавлении крестьянских восстаний в Тамбовской и Воронежской губерниях.

Оставшись после войны в армии, в 1935 году Чибисов окончил Военную академию имени Фрунзе. Участвовал в советско-финской войне, начал Великую Отечественную заместителем командующего Ленинградским военным округом, с января 1941-го стал заместителем командующего войсками Одесского военного округа. Посетивший Одессу маршал Н.И. Крылов писал о Чибисове: «Генерал Чибисов в Одессе пробыл до первых чисел августа, причем я не так уж часто видел его за это время.

* Более подробную информацию о Н.Е. Чибисове можно найти на сайте Министерства обороны Российской Федерации. <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/heroes/USSR/more.htm?id=11843152@morfHeroes>.

Но Никандр Евлампиевич запомнился как воплощение кипучей энергии, неистощимой работоспособности. Все, что он ни делал, он делал увлеченно и как-то весело. От одного общения с ним люди приободрялись и тоже веселели. У Чибисова была масса забот по окрестностям в связи с новыми формированиями. Но и из того, что касалось Приморской армии, он ничего не откладывал до прибытия своего преемника, которого ждали из Москвы»*.

Маршал К.К. Рокоссовский также отзывался о Чибисове как командующем армией под Киевом очень положительно: «Генерал Н.Е. Чибисов в командование войсками 38-й армии вступил недавно, до этого он был заместителем командующего Брянским фронтом. По своим данным он, безусловно, был на месте, армией командовал безупречно»**.

Н.С. Хрущев, при полном отсутствии военного образования состоявший в 1943 году членом Военного совета 1-го Украинского фронта, явно дает разгул воображению, чтобы принизить Чибисова: «...С ним ездили его жена и дочь, и он возил с собой чуть ли не корову или козу. Адьютантом у него был его зять. Одним словом, это был какой-то подвижной казачий хутор. Он сам казак. Из-за семьи ему несподручно было прижиматься к переднему краю»***. Он не скрывает, что Чибисов был ему «крайне несимпатичен». В своих мемуарах Хрущев пишет, что все решения принимались им совместно с командующим фронтом генералом Н.Ф. Ватутиным. Но Севастьянов сказал Владимову: «*Ватутин к Никандру с большим уважением относился. Никита всегда прикрывался Ватутиным*».

* Крылов Н. Не померкнет никогда. <http://militera.lib.ru/memo/russian/krylov1/01.html>.

** Рокоссовский К. Долг солдата. <http://militera.lib.ru/memo/russian/rokossovsky/10.html>.

*** Хрущев Н. Время, люди, власть. Книга первая. С. 534.

Добавлю, что, если бы «корова или коза» действительно существовали, Севастьянов, хорошо знавший Чибисова, не преминул бы рассказать заинтересованному Владимову о столь красочной детали. Прочитав о ней в мемуарах Хрущева, Владимов все же ввел «хутор» в повествование: «Да как-то странно воюешь. Целое хозяйство тут развел, коровы у тебя тут...» (3/397) — хотя эта деталь в образе генерала Кобрисова кажется не совсем органичной. Но этой деталью Владимов, вероятно, хотел усилить колорит «*генеральской дури*», но главное — показать угасший военный азарт своего персонажа: «Сказать честно, он не был уже полководцем, это в нем умерло» (3/397). Он писал А.С. Немзеру об историческом прототипе: «Чибисова, с кого во многом списан Кобрисов, убили как полководца» (25.11.1994, FSO. АП).

В 1944 году Чибисов был отозван с фронта и назначен руководителем Военной академии имени Фрунзе, а после войны — командующим Белорусским военным округом вплоть до отставки в 1954-м. Никандр Евлампиевич Чибисов скончался в 1959 году от инфаркта, так что встретиться со своим героем писателю не довелось.

В биографию владимовского персонажа вошли факты из жизни не только Чибисова*, но и других генералов: Чибисов не был на Халхин-Голе, где воевал П.Г. Григоренко, не сидел в тюрьме, как К.К. Рокоссовский или А.В. Горбатов, не погибал от ранений в овраге, как генерал П.В. Севастьянов. Характер персонажа приобретал все более ясные черты: *«И мне казалось — он типично русский кутузовского плана командующий: главное, не мешайте событиям развиваться. И русская дурь его — генеральская, и страсть к охоте, и коллекция дорожных ружей»*.

* Более подробно о военной биографии Н.Е. Чибисова можно прочесть: *Jukes G. A Novelist and His Hero*. Pp. 230–239.

О генерале Гейнце В. Гудериане. Из письма Владимова немецкой переводчице романа Антье Леетц*:

...Цитаты приводятся из книги Гудериана «Erinnerungen eines Soldaten»**. То, что я включил в его письмо жене, на самом деле содержится в нескольких письмах, написанных в те дни какому-то близкому другу, которого Гудериан не называет. Кроме того, некоторые факты взяты прямо из текста книги. Иными словами, письмо Гудериана жене — это мое произведение. Известно, что он был очень дружен и откровенен с женой Маргаритой (Гретель), делился с ней своими успехами и горестями, поэтому вполне допустимо предположить, что эти же мысли и настроения он высказывал в письмах к ней. (Не исключено, что свои мемуары он потом писал на основании тех сохранившихся писем.) Поскольку это моя компиляция, Вы можете перевести эти цитаты не дословно.

«Быстроходный Гейнц» — взято из его мемуаров. Так о нем говорят солдаты («Видал Быстроходного Гейнца?»). Это было его прозвище... О его хитроумных запутанных передвижениях «вальсирование», «плетение кружев» (точнее, наверное, «вязание кружева»?) упоминается в книгах других генералов, я уже не помню, и кого именно. Выражение «в кулаке, а не вразброс» (3/87) взято из воспоминаний Эриха фон Манштейна «Утерянные победы»: так ему советовал Гудериан при подготовке операции «Цитадель» (Курская дуга), это основа его танковой доктрины об использовании танков большими концентрированными массами, а не по одиночке или рассредоточенными на малые группы.

* Wladimow G. Der General und seine Armee. Augsburg: Weltbild Augsburg, 2004. 448 S. (Aus dem Russ. von Antje Leetz.)

** Guderian H. W. Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg: K. Wowind Verlag, 1951.

«Русский Кристи» — из мемуаров Гудериана. Уолтер Кристи (Walter Christie) — американский конструктор, заложивший основы танкостроения. Немцы называли «русскими Кристи» советские танки, поскольку в них довольно рабски воспроизводились его конструкции. В отношении «Т-34» это несправедливо.

Разговор Гудериана с Францем Гальдером (3/92) — вымысел (fiction), но основанный на записи Гальдера в его дневниках. Разговор Гудериана с Гитлером — тоже вымысел, основанный на анализе отношений между ними; об этих отношениях много говорится в книге Гудериана. Разговор с русским генералом П. тоже вымысел (3/87), основанный на рассказе одного русского эмигранта (бывшего при этом переводчиком) лично автору... (10.03.1995, FSO)

Святые и ангелы. Севастьянов сказал Владимову о своем «подозрении», что Власов был религиозен, но скрывал это. Образ мученика Андрея Стратилата возник в романе не случайно. В беседе со своей соседкой Татьяной Андреевной Пятигорской Владимов узнал, что ее отец работал в 1930-х годах на строительстве ГЭС, недалеко от расположения дивизии, которой командовал тогда Власов. Там они познакомились, подружились и решили, что у них общий святой — Андрей Стратилат. Владимов выяснил, что недалеко от Лобни, в деревеньке Белый Раст, в районе действий власовских войск под Москвой, есть церковь Андрея Стратилата.

Но тут произошло наложение разных пластов информации. В христианской традиции, идущей из Греции, есть два святых Стратилата — святой Феодор (IV век н. э.), покровитель христианского воинства, и святой Андрей (IV век н. э.), воин-мученик. Т.А. Пятигорская была человеком очень религиозным. Она была уверена, что Андрей Стратилат — это князь Андрей Боголюб-

ский (1110–1174), и Владимов принял ее слова на веру. По церковному преданию, в битве под Луцком 8 февраля 1150 года князь Андрей Боголюбский был спасен от смерти молитвой великомученику Феодору Стратилату*. Возможно, эта легенда была источником убеждения Т.А. Пятигорской. Князь Андрей Боголюбский, убитый своими боярами, был канонизирован. Смерть князя «от руки своих» показалась Владимову знаменательной как символ и отражение судьбы Власова, поэтому он ввел в роман иконный образ Андрея Стратилата, по его представлению — князя Андрея Боголюбского.

В 1959 году Владимов впервые побывал в Киеве и увидел возвышающуюся над городом бронзовую статую князя Владимира, несущего крест к Днепру, — символ христианизации Руси. Издалека статуя показалась ему черной. Этот образ совершенно поразил Владимова. Он очень любил ахматовское «черных ангелов крылья остры». Перед самой поездкой в Киев Владимов впервые прочел подборку стихов Мандельштама. «Черный ангел» ассоциировался для него и с мандельштамовским «Как черный ангел на снегу» — ставшим одним из его самых любимых лирических стихотворений. *«Увидев черного ангела над Киевом, я сразу почувствовал, что обязательно о нем напишу, это было видение судьбы»*. На этом черном ангеле сходятся нити судьбы генерала Фотия Ивановича Кобрисова в его романе.

СЮЖЕТ РОМАНА «ГЕНЕРАЛ И ЕГО АРМИЯ»

Главный персонаж — генерал Фотий Иванович Кобрисов командует 38-й армией, готовящейся к штурму Предславля

* <http://www.davidova-pustyn.ru/biblioteka/zhitiya-svyatyh/blagovernij-knyaz-andrej-bogolyubskij/>.

(Киева), столицы Украины. Генералу удался гениальный военный маневр, в результате которого его армия оказывается в самой выигрышной позиции для освобождения города. Кобрисов — солидный и известный военачальник. Даже Сталин готов доверить ему свою жизнь: если бы пришлось отдать Москву, именно Кобрисов должен был сдерживать врага, пока вождь эвакуируется. Такова была роль генерала в войне — задний план, подстраховка. Его называли в армии «негромким командармом» (3/113, 140, 248).

Предславль — и это отражается в семантике имени — мог стать городом его долгожданной славы*. Но не только военной победы жаждал генерал. Освобождение от экзистенциального кошмара связано для Кобрисова с завоеванием Предславля. Генерал попал на войну прямо из камеры НКВД. Владимов рисует абсурдный и страшный сюжет: Кобрисов, поставленный позднее на защиту Сталина, был обвинен в попытке покушения на вождя. Чтобы унижить генерала, требуя признания, во время бессмысленных допросов следователь его «ставил на колени в угол и шлепал линейкой по рукам» — как провинившегося школьника (3/349). Кобрисов с отчаянием чувствовал, что попал в псевдореальность, где истина, смысл, логика полностью обесценены и он не мог защитить свою честь в инквизиторской игре.

Но вторглась в этот дикий спектакль большая война. После сталинских чисток в армии грамотных военных не хватало, и «террорист» был срочно освобожден из тюрьмы и отправлен на защиту Отечества и тирана. Память об аресте и унижениях годами сжигала душу Кобрисова. Дойдя с армией до Предславля, генерал видел символ своего душевного освобождения — золотой купол чудом уцелевшего в Предславле собора и плывшего над

* Имя города произведено от имени княжны Предславы (ок. 983 — после 1018), дочери князя Владимира Святославича.

городом в небе Черного ангела с крестом. Освобождение Черного ангела от врага позволило бы генералу восстановить униженное чувство чести и вернуть себе право на растоптанную в тюрьме гордость*. Именно поэтому, выслушав насмешливый рассказ майора Донского об униженном солдате, Кобрисов реагирует непонятно для адъютанта: «Значит, говоришь, он кланяется?.. А надо его к Герою представить, тогда кланяться не посмеет» (3/33) — и сам вносит солдата в список представленных к награде (см. выше: раздел о генерале П.Г. Григоренко). Но именно возрождения человеческого достоинства в генерале и не может допустить бросившая его в тюрьму система: «Беда с этими репрессированными. Уже сказали ему: “Ошиблись, ступай домой”, — нет, он вокруг себя сто раз перевернется, чтоб всем доказать, кто он и что. Почему он на Предславль и нацелился» (3/48), — сетует смершовец Светлооков.

Военная ситуация ясна: только Кобрисов может быстро и с минимальным количеством потерь захватить Предславль. Но начинаются генеральские интриги, зависть, мелочные расчеты, неумное честолюбие. Каждый командарм-украинец хочет освободить город. Но все вместе они скорее готовы смириться с тем, что это сделает кто-то «из своих», украинских командармов, а не «чужой» — русский Кобрисов, даже если его маневр спасет десятки тысяч солдатских жизней. Какова роль Смерша в этом — остается недоговоренным, но конец книги ясно показывает, что эта роль велика. Кобрисова отстраняют от наступления на Предславль, обязуя атаковать маленький городок Мырятин**, который, как он предполагает,

* А.И. Солженицын писал в рецензии о чистом тщеславии Кобрисова в его желании освободить Предславль, но мне мотивация генерала кажется более сложной и важной для сюжета.

** Мырятин — имя, данное в романе селу Лютеж. По звуковой ассоциации некоторые критики думали, что речь шла о городе Пиря-

будут яростно защищать советские военнопленные, воюющие на стороне гитлеровских войск. Не перенеся унижения, предвидя бесполезные солдатские жертвы и чувствуя отвращение к участию в гражданской войне, Кобрисов отказывается проводить операцию.

Последствия бунта сказываются сразу: его отзывают в Москву. Недалеко от столицы генерал со своей свитой — адъютантом, шофером и ординарцем — делает последний привал на Поклонной горе. И здесь неожиданно из черного горла хрипящего над картофельным полем репродуктора Кобрисов узнает, что его войска штурмовали и захватили Мырятин и что он оставлен командующим армией, награжден звездой Героя Советского Союза и повышен в звании, став генерал-полковником. Что задержало его отставку, остается неясным самому генералу: бюрократическая ли машина, еще не прожевавшая приказа о снятии; Сталин ли, в смутных надеждах Кобрисова понявший суть происшедшей несправедливости; или, как чувствует его исстрадавшаяся душа, Некто, знающий, что хватило в этой жизни обид и унижений? С потрясенным генералом делается истерика: «Складывается ситуация, преисполненная глубокого эпического трагизма... лично Кобрисов потерпел поражение — его тактические планы были отвергнуты и все было сделано вопреки им. Но, с другой стороны, он не может не радоваться тому, что освобождена еще какая-то часть родной земли, что армия, которую он пестовал, одержала победу и отмече-

тин, находящемся на расстоянии приблизительно 160 км к востоку от Киева. Но в передаче https://vtoraya-literatura.com/publ_4281.html?spush=c3VwZXJmaW5AeWFuZGV4LnJl на «Радио Свобода» (внесено Минюстом России в реестр СМИ-иноагентов) Владимов подтвердил в беседе с Ю.Б. фон Шлиппе, что речь идет о Лютеже. Возможно, эта путаница происходит также оттого, что в воспоминаниях К.С. Москаленко он пишет о тяжелых потерях его армии при захвате Пирятина. См.: *Москаленко К.* На Юго-Западном направлении. Т. 2. С. 120.

на в приказе Верховного Главнокомандующего. Поэтому его реакция на сводку Информбюро двойственная — тут и радость, тут и горькие слезы»*.

Но среди своей пляски «на костях» (3/367) Кобрисов вдруг вспоминает тюремного следователя, предлагавшего ему при освобождении кусок «довоенного» сливочного торта. И хотя тогда голодный генерал с достоинством отклонил жирную сладость, сейчас к нему приходит леденящее осознание, насколько цепко система держит его в заключении:

«А все-таки вмазали они тебе этот торт, — сказал себе генерал. — Было и впрямь, как тогда, предощущение противной сладости на губах, сползающих с носа и подбородка липких сгустков. — Нравится? И кушай на здоровье!» Тут ему вспомнились его предчувствия, что с этим Мырятиным непременно должно связаться что-то роковое для него... (3/365)

В этот момент Кобрисов принимает судьбоносное и роковое решение: презрев визит в Ставку, вернуться на фронт к своей поредевшей армии. Но его вторичный бунт карается убийством:

...от Поклонной едут на погибель, ведь никакой армии у Кобрисова уже нет, он играет со смертью, за такое его возвращение эти бандюги, считающие, что с ним «хорошо расплатились», его по голове не погладят (письмо А. Немзеру от 25.11.1994, FSO. АП).

Это письмо было написано Владимовым в 1994 году, когда роман еще не был окончен. В нем звучат именно те

* Лейдерман Н. Георгий Владимов и его генералы, или Реализм сегодня. С. 245.

слова, которые произнес потом в полной версии текста смершевец Светлооков, посылая в машину «шальной» артиллерийский снаряд.

...Ведь расплатились же с вами! Неужели мало? Звезду на погон и Звезду на грудь — фактически за одну только пере-
праву... за один лишь замах! Другой бы доволен был выше
головы, а вам подавай — Предславль!.. Один бог знает, как
я вас уважаю. Но ведь правду говорят: жадность фраера
губит! (3/379)

Снаряд убивает сидящих в машине генеральского
адъютанта, шофера и ординарца, чьи жизни кончаются
не в бою, но как в строчках глубоко любимого Владимо-
вым поэта:

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, —
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна ни покрышки.
И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

Александр Твардовский.
Я убит подо Ржевом

Убивает свиту генерала не враг, но «свой» — майор
Смерша. Сам «заговоренный» генерал, вышедший из ма-
шины размять ноги, чудом уцелел, навсегда потрясенный
кровавым и безнаказанным преступлением. Эпilog ро-
мана — рассказ об угасании, о последних перед смертью
часах генерала Кобрисова.

Вопрос, который встает по прочтении романа и вы-
ходит далеко за рамки его сюжета: в чем, несмотря на ми-

лость Верховного и звезды на погоны и грудь, причины жизненного крушения и душевного умирания Фотия Ивановича Кобрисова?»*

ОДИНОЧЕСТВО ТРЕХ ГЕНЕРАЛОВ

Мотив одиночества не случайно возник у писателя, остро переживавшего состояние изоляции в чужой стране. Одиночество — основной, пронизывающий мотив романа, отраженный в образах трех генералов — Г.В. Гудериана, А.А. Власова и Ф.И. Кобрисова**.

Судьба всех троих связана разными мотивами, в частности, русской путаницей и русской метелью, в которой теряется Гудериан, из которой выходят к Власову две сибирские дивизии и в которой валится в снег заблудившийся раненый Кобрисов***. Но в голову приходит не пушкинская «Метель» с ее светлым концом, а воспоминание о выюге, в которой «закружились бесы разны».

Противопоставление исторических персонажей Власова и Гудериана показалось Владимову интересным и перспективным****, и он читал об обоих генералах все, что мог найти. Во многом характеры этих военачальников были контрастны, но материалов о Власове было недостаточно, чтобы проводить более глубокие психо-

* См. также: *Коган А.* Поражения и победа генерала Кобрисова // Литературное обозрение. 1995. № 3. С. 98–101.

** См. о связи образов трех генералов: *Немзер А.* Одолевая туман. С. 129–130.

*** О мотиве метели: *Иванова Н.* Дым отечества // Знамя. 1994. № 7. С. 189.

**** См. подробнее: *Мартынов А.* Воротынцев и Гудериан. К вопросу о некоторых интертекстуальных источниках романа Георгия Владимова «Генерал и его армия» // Сб. матер. междунар. науч. конф. / Отв. ред. А.А. Решетова. Рязань: Рязанс. гос. ун-т, 2014. С. 139–148.

логические сравнения. Судьбы генералов также различны, но при всей разности характеров, культуры и образования сходство заключалось в том, что оба преданно несли свою службу до тех пор, пока сами не оказались в эпицентре исторической и личной катастрофы.

Гейнц Вильгельм Гудериан (1888–1954), потомственный военный, получил образование в лучших военных школах Германии. Владимов считал его «*генералом с хорошим пером*»*. Книги Гудериана очень профессиональны, но близко личность написавшего их человека разглядеть не позволяют. Образ его сложился в представлении Владимова в основном из писем генерала жене и сыну, которые писатель прочитал в Германии.

Как и многие военные вермахта, Гудериан был против нападения на Советский Союз, считая войну на два фронта бесперспективной. Но Гитлер был неостановим. Подчинившись его приказу, генерал стал движущей силой блицкрига, командующим танковым корпусом под Москвой, где судьба войны начала меняться.

Повествование о Гудериане в романе начинается с эпизода, когда заблудившийся в метели танк командующего сползает в овраг. Эта маленькая дорожная авария символична: почва уходит из-под ног генерала, он вдруг и ясно понимает, что война будет проиграна.

Главным смыслом и оправданием войны с Советским Союзом была для Гудериана защита Европы от большевизма. Реальность оказалась совсем иной. Врагу противосто-

* Упомянутая книга «Воспоминания солдата» (1954) была переиздана в слегка расширенном варианте: *Гудериан Г.* Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945 / Пер. Д.А. Лихачева. М.: Центрполиграф, 2019. Кроме того, Гудериан был автором ряда книг и статей, наиболее известные: *Guderian H.W.* Achtung — Panzer! Stuttgart: Union Deutsche Verlagsgesellschaft, 1937; *Guderian H.W.* Kann Westeuropa verteidigt werden? Göttingen: Presse-verlag, 1950. Лев Копелев помогал Владимову в чтении отрывков из книг Гудериана.

яла «уже не Совдепия, с ее усилением и усилением классовой борьбы, противостояла Россия» (3/96), и политические цели войны оказались несостоятельными. Трагическая реальность страны не давала завоевателям никакого нравственного превосходства. Один из самых сильных эпизодов романа, основанный на реальных событиях, когда Гудериан открывает ворота городской тюрьмы в Орле и видит тела расстрелянных НКВД перед эвакуацией заключенных — всех подряд. Но люди, с плачем бросающиеся к телам родных, косятся на немецкого генерала с ненавистью: для них он — враг, а не освободитель. Они хорошо знают, что такое бессилие перед грубой властью вооруженных, и въехавший к ним на танке чужеземец не спасет и не изменит к лучшему их покалеченные жизни:

...не было нужды выслушивать то, что было на уме у всех у них, плачущих, вопящих, причитающих, и что он знал и без этого. Ты пришел показать нам наши раны, а — виселицы на площадях? а забитые расстрелянными овраги и канавы? а сожженные деревни с заживо сгоревшими стариками и младенцами? а все зверства зондеркоманд и охранных отрядов, все насилия и грабежи, совершаемые армией Третьего рейха?.. Слава о них обгоняла ход его танков и уже была здесь, на тюремном дворе, прежде чем он сюда явился (3/96).

К зиме ему становится ясно, что блицкриг провалился. И генерал полностью осознает иррациональную для тевтонского ума правоту унылого штабного коллеги: «...этой стране все на пользу, а прежде всего ее бедность, ее плохие дороги, ее бесхозяйственность и хроническое недоедание в деревнях, недостаток горючего, мастерских, инструмента, корма для лошадей» (3/92). Не сравнивая прямо, Гудериан начинает думать о своем Бородине (3/91) и понимать, что причины крушений обеих армий в России схожи.

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский Бог?

Александр Пушкин.
«Евгений Онегин»

В «остервенелой» храбрости солдат, в «отчаянном везении» (3/81) русских в ту морозную зиму гитлеровский генерал чувствовал ледящую руку этого Бога. Об эпизоде чтения Гудерианом «Войны и мира» в Ясной Поляне Владимов писал:

Сходства с 1812-м годом, действительно, нет — и Гудериан его не находит, сопоставляя себя с Наполеоном, но, сидючи 26 дней в доме Толстого, невольно об этом думается (07.05.1993, FSO. АП).

И это дошло до железного Гейнца, волею судьбы прикованного к столу Толстого, как будто к пыточной дыбе, и отступил-то он не перед «тридцатьчетверками», а перед «безвестным Кошкиным»* из шарашки, не сталинских генералов убоялся, а Наташи Ростовской, взбалмошной «графинечки» (09.10.1985, FSO. АП)**.

Гудериан в Ясной Поляне представлен в момент глубочайшего кризиса — сознания крушения, личного, идеологического и военного. Больной, несчастный человек, оставленный в полном одиночестве отступившими кол-

* Кошкин Михаил Ильич (1898–1940) — конструктор советского танка Т-34, сыгравшего решающую роль в победе в войне. Сам Кошкин арестам не подвергался, но был связан с несколькими «шарашками» — НИИ и КБ, где работали арестованные специалисты.

** Нет никаких указаний или свидетельств, что Гудериан в Германии или в России читал «Войну и мир».

легами, самый победоносный генерал немецкой армии должен написать первый в своей военной карьере приказ об отступлении — о поражении:

Впервые его подпись — без имени, звания, должности — показалась ему как бы отдельной от него, чуждой всему, что он делал до сих пор, чем прославился. Просто человек, голый и беспомощный, — Guderian... (3/99)

Для Владимова образ Гудериана был попыткой продумать, прочувствовать и осмыслить войну глазами противника — «голового и беспомощного» человека в момент поражения. В подходе писателя, готовившегося в юности стать офицером, чувствовался старинный рыцарский код: врага не унижают, изображая его стратилатов гротескными и глупыми истериками, как было принято в советской литературе и как можно видеть, например, в киноэпопее лауреата Сталинской премии Михаила Чиаурели «Падение Берлина». Войну ведут достойно, и чем страшнее и отвратительнее враг, тем важнее уравновешенное и ясное сознание его силы и уязвимости. Только оно, как писал И. Серман, дает нравственный приоритет и вневременную победу:

Вам удалось посмотреть на войну с некоей общей, а не только русско-советской точки зрения, и это дало Вам, как писателю, огромные возможности видеть во все стороны света (10.09.1988, FSO. АП).

* * *

Второй образ одиночества в романе — командующий 20-й армией под Москвой генерал Андрей Андреевич Власов, защищавший столицу от Гудериана и других частей немецкой армии.

История Власова очень занимала Владимова со времен учебы в Суворовском. Я уже писала, что закрытый суд и расстрел Власова в 1946 году оставили в пятнадцатилетнем суворовце чувство неудовлетворенности и ощущение, что *«может быть, не Власов, а власти хотели что-то от народа скрыть»*. Даже в юности ему казалось очень важным понять причины и обстоятельства этого немыслимого предательства.

Владимова очень раздражал — *«так история не пишется»* — факт замалчивания полной исторической правды в официальном дискурсе и военных мемуарах: маршал Жуков, многократно и похвально отзываясь о действиях 20-й армии под Москвой, ни разу не называет имени командующего*. Владимов всегда считал, что о роли в войне и предательстве генерала, но главное — о причинах появления самого феномена власовской армии необходимо говорить открыто. Решив включить в роман наступление под Москвой, Владимов понимал, что без образа Власова не обойтись, и начал читать доступные ему материалы, сохранившиеся газеты и мемуары немецких генералов, а также воспоминания коллег Власова по РОА. Важным источником был и оставался для него «Архипелаг ГУЛАГ» (17.11.1997, FSO. АП).

Особенно заинтересовал писателя тот факт, что приказ немецкой армии об отступлении был отдан за день до начала власовского наступления. Так как Власов знать о таком приказе не мог, это, по мнению Владимова, говорило *«о бесовской интуиции, которая ему подсказала, что немцы воевать больше не могут, что-то такое с ними произошло, что он в этой метели распознал, почувствовал. Как будто ими вдруг одолела какая-то апатия»*.

* Жуков Г. Воспоминания и размышления: В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. Т. 2. Гл. «Битва за Москву»: <http://militera.lib.ru/memo/russian/zhukov1/index.html>.

Н.Л. Лейдерман верно отметил, что в образе Власова есть некая схематичность, не свойственная владимовскому перу*. Вероятно, причиной тому было отсутствие личных писем или воспоминаний самого Власова — живого прикосновения к его личности. Образ генерала в описании Владимирова кажется привлекательным, народно-богатырским, почти «лубочным», что вызвало большое и понятное недоумение, недовольство и нарекания критиков и читателей. По словам Владимирова, во время написания романа его интересовали власовские солдаты значительно больше, чем сам генерал. Он считал, что сам Власов попал в плен случайно, но сотни тысяч людей, перешедших на сторону врага, случайностью быть не могли**. Как писателю, ему было важно найти какое-то объяснение, хотя бы частично проникнуть в причины единственного в истории России феномена невиданного массового предательства. Почему пленные советские солдаты поверили Власову, согласившись перейти с ним на сторону врага и воевать против своего народа? Владимирову казалось (может быть, идеалистически), что, если бы авторитет, притягательность генерала и доверие к Власову не были столь велики, солдаты предпочли бы скорее умереть от голода в немецком плену, чем воевать против своей страны. Это отражено в романе, когда, думая о Власове и его солдатах, Кобрисов проецирует ситуацию на себя и своего ординарца:

Никогда не подвергая такому испытанию, Кобрисов тем не менее отчего-то уверен был, что, позови он с собою Шестерикова, тот пойдет, не спрашивая ни о чем, ну разве что — взять ли диск запасной к автомату (3/210–211).

* Лейдерман Н. С. 239–241.

** Владимир Г. В России завершился панический этап. Беседу вел Юрий Буйда // Известия. 1998. 26 июня. С. 5.

Владимов считал роковой и непростительной ошибкой Власова, за которую тот расплатился жизнью и честью и остался в памяти народа предателем, — его обреченный на провал союз с бесчеловечным гитлеровским режимом: «Он... был игрок, а стал игрушкой» (3/211). И, как писатель объяснил позднее, написав: «...минута его решимости и час безволия определили судьбу Москвы» (3/181), — он почувствовал, что генерал Власов, как литературный персонаж, был для него исчерпан*, и больше писать о нем не хотел.

В размышлениях «бывшего террориста» Кобрисова звучит понимание, что каждый генерал на той войне и при том Верховном мог бы оказаться перед выбором, который пришлось сделать Власову. Попад в 1942 году на Волховский фронт и командуя 2-й ударной армией, оказавшейся в окружении, Власов ясно понимал чрезвычайную трудность своего военного положения. На многочисленные попытки его и генерала (впоследствии маршала) К.А. Мерецкова убедить Ставку, т. е. Сталина, послать Власову подкрепление или разрешить планомерное отступление, приходил отказ. Летом 1942-го армия попала в окружение в болотистой местности. Смертность солдат была чрезвычайно высокой не только из-за постоянных бомбежек, от которых нигде было укрыться, но и от голода и дизентерии. Еда кончилась, солдаты ели траву и грызли кору деревьев — фактически армия погибла. Власов разбил остатки войска на небольшие группы и приказал каждой самостоятельно пробиваться из окружения. Почти все попали в плен, сам генерал Власов, выданный местным старостой, также.

Из немецких лагерей возвращения не было: все пленные советские солдаты считались дезертирами, независимо от обстоятельств попадания в плен. Они знали, что

* Владимир Г. В России завершился панический этап.

на Родине их ждало наказание вплоть до расстрела, а их семьи подлежали репрессиям. Хотя количество пленных было столь велико, что власти со временем перестали расстреливать всех подряд. Были созданы специальные лагеря, где спасшихся или бежавших из немецкого плена «фильтровали» и отправляли в штрафные батальоны или в ГУЛАГ (см. ниже). Но гласно об этом нигде не сообщалось, т. е. в 1942 году армия и даже высшее командование знали только, что приказ № 270* оставался в силе.

Перед Власовым стоял выбор: унижительное и долгое пребывание в немецком лагере, потом суд и, возможно, смертная казнь за измену Родине или попытка найти выход из этой ситуации, восстав с оружием в руках против Сталина. Сама необходимость такого ненормального жесткого выбора никак не оправдывала личного предательства генерала, но многое говорила о правительстве советского государства, бесстыдно и бесчеловечно отрекавшемся от своих солдат.

Владимов, думая о судьбе Власова, в разные периоды рассматривал генерала то как возможного, но неудавшегося спасителя своей страны, то как командующего, предавшего свою Родину, но лишенного правосудия, и поэтому не только преступника, но и жертву. Мне казалось, что Владимир, при всей своей страстности и колебаниях в размышлениях о Власове, после многих лет отказался от окончательного суждения о судьбе генерала и остановился на ощущении, близком «Молитве о семи повешенных» Франсуа Вийона:

Господь простит — мы знали много бед.
А ты запомни — слишком много судей.

* Великая Отечественная: Т. 13 (2-2). Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. — 1942 г. М.: ТЕРРА, 1997. С. 58-60.

Ты можешь жить — перед тобою свет,
Взглянул и помолился, а бог рассудит.
(Пер. И. Эренбурга)

Как и в образе Гудериана, подписавшего приказ об отступлении под Москвой, мотив заброшенности, одиночества и изолированности принижывает весь образ Власова, принимающего противоположное гудериановскому решение под Москвой — о наступлении: «Что привело сюда генерала, он и сам себе не мог признаться. Скорее всего, страх, рожденный непониманием происходящего, который только усиливался в закрытом пространстве. Он был здесь страус, зарывший голову в снег» (3/99).

* * *

Образ главного персонажа романа генерала Кобрисова — воплощенное одиночество. Одиночество русского генерала среди коллег-украинцев. Одиночество начальника среди вербуемых для доносов на него подчиненных. Одиночество среди близких по духу военных, все понимающих, но служащих трону и не признающих бунта. Одиночество командира, берегущего солдат в армии, не считавшейся с их кровью. Одиночество человека, обретшего чувство чести в стране, где побеждали честолюбивые: «Он один. Против всеобъемлющего хаоса, прикидывающегося порядком»*.

Свита генерала: шофер Сиротин, ординарец Шестериков и майор Донской, ехавшие с ним в «виллисе» в Москву и обратно к Предславлю, тоже пребывают каждый в своей скорлупе. Отчасти это связано с разностью их образования, опыта, мироощущения и характеров, но в большей степени — с разъедающей деятельностью Смерша.

* Немзер А. Одолевая туман. С. 129.

И если анализировать каждый персонаж романа, становится ясно, что глубинная тема романа «Генерал и его армия», основная черта жизни в буднях, победах и поражениях всех его главных героев, кроме мыкающего майора Светлоокова, — разобщенность и глубокое экзистенциальное одиночество каждого человека. Все драматические события книги определяются этим состоянием героев.

СМЕРШ: ВОЙНА БЕЗ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Птица вещая, троечка,
Тряска вечная чертова,
Не смущаясь ни столечко,
Объявилась ты, троечка,
Чрезвычайкой в Лефортово.
Ах, Россия, Россия...

Александр Галич. Русские палачи

Роман начинается с возвышенно-иронической ноты. Генеральский «виллис» мчится через бесконечные версты, как «колесница нашей Победы» и «взвихренная слякоть летит за ней как шлейф». Гоголевской птицей-тройкой несется машина «по дорогам России», и, как у Гоголя сторонились «другие народы и государства», смотрят вслед «виллису» пропускающие его шоферы с «недоумением и неясной тоской». Как и гоголевская тройка, мчится «виллис» не просто к какому-то географическому центру, но к «неведомой цели». Гоголевское перо вознесло чичиковскую кибитку на недоступную высоту духа, которая не имела ничего общего с сидящими в ней людьми и их странствием по плохим российским дорогам. У Владимова «колесница Победы», наоборот, переводится с этих высот на уровень реальности превращением машины в живое существо: «маленький туполобый зверь», поющий «песню упрямства» и «бойко

прыгающий на переезд» (3/339). И несется «виллис» не по небосводу, но в смертельную реальность, из которой вынужденно-добровольно, чтобы спасти свою душу и совесть, решил уйти в отставку генерал Кобрисов.

Вокруг генерала Кобрисова война разворачивалась на трех фронтах. Первый и единственно честный — тот, где враг ясен: на полях военных сражений. Второй фронт — штабных интриг, демагогии, борьбы за власть и милость тирана. Но на третьем фронте в романе идет та единственная война, в которой никогда не бывает победителей. Война, на которой Смерш разрушает жизни и души всех ее вольных и невольных участников.

На этом фронте Кобрисову противостоит тезка гениального создателя «птицы-тройки» — майор Николай Васильевич Светлооков. Фамилия его соткана из двух ассоциаций, «светлое будущее» и «всевидящее око». «Всевидящее око» — символ всеведения и всепроникновения Божия, один из самых важных сюжетов русской иконописи. Вторая возможная ассоциация — «всевидящее око» Малюты Скуратова и его опричников в фильме Эйзенштейна «Иван Грозный». Майор Светлооков — личность и темная, и прозрачная. Мелкий инквизитор, он умело создает вокруг себя атмосферу «чуда, тайны и авторитета», говоря от имени таинственного «мы». Мистификация поддерживается маскарадом: майор появляется в формах разных войск и с погонами разных званий, так что никто не знает точно ни его места в военной иерархии, ни границ его власти*. Но сам смершовец осознает свою явную и могучую важность:

Не пополнев, он как-то больше места занимал теперь в пространстве — ноги ли разбрасывал пошире, локти ли

* В рассказе об аресте матери Владимова я писала, что троица, пришедшая арестовать Марию Оскаровну, поразила его тем, что была в формах и чинах разных войск, один — майора артиллерии.

раздвигал, но с ним стало не разойтись в дверях — прежде легко расходились. Еще и прутик его неизменный потребовал своего пространства, которое он со свистом иссекал замысловатыми траекториями (3/37).

Организация, к которой он принадлежал, захватила жизненное пространство миллионов людей: «...за спиной улыбчивого майора маячат трибуналы, штрафбаты, пыточные камеры Лубянки, забой Колымы...»*

Сам Светлооков — трезвый прагматик и прекрасно понимает, что чушь — все эти «сведения», игры «в опасность», разговоры о «настроениях» и «врагах»: «Природа хороша тут, верно? Нам бы любоваться — может, последняя в жизни. А мы тут черт-те чем занимается, интригами...» (3/47) Как и Коля-Моцарт, Светлооков использует фиктивные понятия, которые дают ему не только значительные материальные и жизненные преимущества, но и реальную возможность выжить в мировой войне. Что привело этого веселого стихоплета в ряды одной из самых страшных — даже по меркам сталинского времени — организаций? Светлооков перечисляет несколько соображений: карьера, сохранение жизни, «Родина велика» — простое шкурничество или его эвфемизмы. Основа власти этого майора — бесчестие: «И то, что было зазорным в прошлом веке, за что не подавали руки, отказывали от дома, били по морде подсвечниками, сделалось теперь как бы графским титулом, княжеским достоянием» (3/51). Нормы морали и человечности, достоинство и честь личности не имеют в глазах Светлоокова и его «инстанций» никакой ценности.

Основное занятие Светлоокова на войне — вербовка доносчиков, и в этом он проявляет наблюдательность и понимание людей. В орбите генерала Кобрисова вра-

* Лейдерман Н. Георгий Владимов и его генералы. С. 233.

щаются трое: адъютант Донской, шофер Сиротин и ординарец Шестериков. Фамилии их — говорящие, первые две не требуют объяснения. К вопросу о третьей я вернусь чуть позднее.

Первый, кого поймал в свои сети смершевец, — шофер Кобрисова рядовой Сиротин (3/14–21). Сиротин — простая душа, жизнелюб и модник. Чувствуя, что Кобрисов почему-то не дорожит собой и ведет странную игру со смертью, Сиротин обоснованно опасается за собственную жизнь. Поведение командующего угнетает его, и оно очень не нравится майору Светлоокову, знающему, как трудно рассчитывать на покорность человека, не боящегося потерять жизнь. Светлооков понимает, как искалечили душу генерала Кобрисова унижение и произвол, пережитые им в застенках НКВД. «С кем один раз ошиблись — тот для нас пропащий», — уверенно говорит смершевец о *миллионах*, с которыми «ошиблись» органы госбезопасности (3/48). Угадав страх водителя, Светлооков оплетает его моральным давлением от имени анонимного и всемогущего «мы», свистом барского прута, от которого сжимался веками боявшийся простолюдин, демагогией, которой Сиротин не в силах противопоставить интеллектуальную аргументацию. Испытывая стыд и внутренне чувствуя, что втянут в нехорошую историю, Сиротин все же соглашается давать майору сведения о генерале. Объясниться с командующим он не может, потому что Сиротин не приучен формулировать свои сложные проблемы:

...Сиротин представил себе удивленный и брезгливый взлет генеральских бровей и бьющий брезгливый вопрос: «И ты согласился? Шпионить за мной согласился!» Чем было бы ответить? «Для вашего же сохранения»? А на это он: «Скажи лучше — для своего. О своей шкуре заботился!» И после этого ничего Сиротин бы не сумел объяснить генералу (3/30).

В этом шофер и советский солдат Сиротин, как и миллионы таких же солдат, — потомок Миколки из «Преступления и наказания», не шедшего в понятии о своих гражданских правах дальше фатального «засудят». Но человеческая душа куда сложнее, чем о ней думал Петр Верховенский и майор Светлооков, и в ней всегда остается место сомнению: «Он возвращался, сбитый несколько с толку, задетый и с тревожной раздвоенностью в душе... как бы не сделать завтра какой-нибудь промах, не ступить уже на полшага в то зыбкое и пугающее...» (3/29) И хотя Сиротину не пришлось донести на генерала, смершевец навсегда вырвал водителя из мира простых вещей:

И еще одно постигал водитель Сиротин, изъездивший тьму дорог: если пересеклись твои пути с интересами тайной службы, то как бы ни вел ты себя, что бы ни говорил, какой бы малостью ни поступился, а никогда доволен собою не останешься (3/30).

Второй, с кем в рощице беседует Светлооков, — майор Андрей Донской, амбициозный, неглупый и пустоватый: «...есть у него как будто и способности, и знания кой-какие, и с начальством обхождение, и что называется “храбрая личность”, но... бабы-то пойдут вернее чувствуют, чего мужик стоит», — размышляет о своем адъютанте генерал (3/356). Вдохновленный своей аристократической фамилией, Донской избирает идеалом князя Андрея Болконского, стараясь подражать ему в манере поведения. Но в советском майоре нет нравственной субстанции, достоинства и чувства чести, которые ставили князя Андрея выше любой карьеры и которые были в его время залогом высокой карьеры. В отличие от неискушенного Сиротина, Донской знает настоящее лицо смершевца, оказавшись свидетелем сцены расстрела русских

пленных по самовольному приказанию майора. Но и Светлооков, внимательно наблюдавший его растерянность и бездействие во время казни, знает, что с этим гражданином он совладеет без особых усилий. С удивительной легкостью ловит смершевец адъютанта — тенью власти над чужой судьбой, неясным намеком на благополучный поворот карьеры (3/43–50). Позерство и словоблудие Донского рассеиваются от одного свиста прута — прием Светлоокова, которым он пользуется регулярно: как барин, угрожающий крепостным, или кучер, правящий конями. Выдавая адъютанту маску для участия в своем маскараде, смершевец даже не берет с него «расписки о неразглашении». По своей нравственной сути майор Донской куда ближе «агентше» Зоечке, чем князю Болконскому: завлекая и Донского, и Зоечку в свои сети, Светлооков, со скидкой на интеллектуальный уровень каждого, намекает на неведомые «головокружительные перспективы», и этого соблазна оказывается достаточно. Персонаж, с которым в творчестве Владимова перекликается образ Донского, — Лиля Щетинина, незадавшаяся любовь Сени Шалая, не видевшая особого греха в «невредных» доносах, если они дают жизненные преимущества.

Владимов в отдельном этюде описывает судьбу несчастной телефонистки Зоечки — от маленькой стукачки с фарфоровым лобиком до «опустившейся бабищи, с изолганным, пустоглазым, опитым лицом, с отечными ногами, с задом, едва помещающимся в судейском кресле», — единственным светлым воспоминанием которой оказывается погубленный шофер Сиротин (3/28). Разрушенная жизнь — цена доносов, «тайн» и «головокружительных перспектив», обрисованных когда-то смершевцем недалекой девчонке.

Но с третьим персонажем Светлоокову приходится туго (3/118–124). И не только потому, что ординарец Шесте-

риков глубоко предан генералу, которого он спас от смерти. О выборе фамилии Шестерикова сам Владимов писал:

Я всегда тщательно подбираю фамилии, и Шестериков — едва ли не главное лицо, вокруг которого все и вертится (Платон Каратаев, но только этой войны), — да, конечно, от «шестерки», и это в нем есть, но также и от «шестеренки» — в отлаженном механизме армии, государства, то есть вещи необходимой, без которой никак ничто не вертится (10.09.1985, FSO. АП).

Но позднее в письме А.С. Немзеру он корректировал свой замысел:

Зато я Вам благодарен, помимо всего прочего, и за то, что не произвели фамилию «Шестериков» от шестерки. Забыто у нас слово «шестерик» — запряжка лошадей цугом в три пары; так они тащили дорогие кареты дилижансы, но также и тяжелые орудия — даже в Отечественную, когда тягачи увязали в трясине. Мне кажется, что фамилия выбрана верно, поскольку Шестериков соединяет в себе черты и слуги, и воина (25.11.1994, FSO. АП).

Шестериков — из середняков, и простить или забыть разорения деревни и родной земли он не может. В нем сохранились здравый смысл и крепкая душевная основа, которые оберегают его от подлости. Для него Светлооков не авторитет, как для Сиротина, и не тайна или долгожданное чудо будущей карьеры, как для Донского. Для Шестерикова майор Светлооков — лоботряс и самозванец, который сломал полную смысла, труда и пота жизнь крестьянства. Светлоокову не удастся завербовать ординарца, но одну брешь он все-таки пробил: рассказом, как генерал участвовал в коллективизации. В этом и была изначальная трагедия, давшая силу Смершу, его предшест-

венникам и потомкам, — братоубийство Гражданской войны и потом — «перегибы» коллективизации, расколовшие крестьянство и армию на жертв и палачей, сделавшие сотни тысяч соучастниками преступлений. Гражданская война не кончилась для безземельного Шестерикова:

Кровавоглазая ненависть была из кротких голубых глаз Шестерикова — та ненависть, что подкидывала к плечу обрезы и поднимала на вилы охочих до чужого хлеба и заставляла свое сжигать, чтоб не досталось никому, и которая была обратной стороной любви — к мягкой родящей земле, к растущему колосу, к покорной и доверчивой, словно бы понимающей долг скотине, — ненависть человека, готового трудиться и поливать эту землю потом, чтоб накормить весь свет, и у которого не получается это, не дано ему, не нарежут ему вдоволь земли, потому что от этого странным образом разрушится весь порядок жизни, позволяющий такому Светлоокову холить свое мурло, писать бумажки, годные на подтирку, и ощущать себя поэтому хозяином (3/122).

Именно эта ненависть — страшная цена для человеческой души — защищает Шестерикова от тайной службы:

Границы же власти таких людей, как Светлооков, он определил, не рассуждая, одним инстинктом травленного зайца: она там проходит, эта граница, где ты не допускаешь их к себе в душу... сколько лет уже это в нем звучало, как заклинание: не верь им! Не верь им никогда. Не верь им ни ночью, ни днем. Не верь ни зимою, ни летом. Ни в дождь, ни в вёдро. Не верь и когда они правду говорят! (3/122-4).

И в этом сошлись Шестериков, которому «не хватило обрезов», чтобы защитить свой клочок земли, и незнако-

мый ему казненный в подвалах Лубянки корниловский офицер, наставлявший генерала Кобрисова: «Даже если правду можно сказать, все равно врите. Спросят, кто написал “Мертвые души”, — говорите: “Не знаю”. Гоголя не выдавайте. Зачем-то же им это нужно, если спрашивают» (3/273).

Лучше всех других Шестериков знает свои позиции в той гражданской войне, которая развивалась в легализации доносов, возведенных в ранг подвига, в жестокости и нечувствительности к чужой боли и крови, нужной Смершу, чтобы опутать всех нечаевской сетью. И те, кто не участвовал в этом активно, вынуждены были хранить молчание. Его единственно и добился от Шестерикова очень недовольный смершевец. И если молчание Шестерикова, не сообщившего генералу о встрече, не было предательством, оно было глубокой болью и отчуждением.

В конце трех лесных рандеву Светлооков рассказывает всем собеседникам сон о том, как он чуть не переспал «с мужиком». Этот рассказ свидетельствует, насколько ясно Светлооков сознает непристойную природу своей работы и презирает своих «агентов». Когда наивный, ошарашенный Сиротин не знает, как реагировать, майор поясняет: «Ты, это, не рассматривай, как будто тебя употребили...» (3/22) А получив подпись Сиротина о неразглашении, он насмешливо говорит шоферу, как потерявшей невинность девушке: «И всего делов. А ты, дурочка, боялась. Пригладь юбку, пошли» (3/22). Умного Донского от «сонной» грязи смершевца передергивает, но он уже встал на путь бесчестия, а страх и надежда на покровительство сильнее чувства замаранности.

И только «простой» Шестериков, все потерявший и потому страха не чувствующий, со спокойной издевкой толкует фрейдистский сон майора: «А это — погода пере-

менится» (3/124). На упрек раздраженного Светлоокова: «Не наш ты все-таки человек», — Шестериков отвечает обреченно: «Ваш, совсем ваш, именно, что ваш» (3/122). Но крепостной ненавистной системы, единственный из всех, он внутренне не становится ее рабом. И именно поэтому он оказался для Владимирова, наряду с генералом Кобрисовым, главным персонажем романа.

Сон смершевца на ином, нежели прямая провокация, уровне, — мотив потустороннего, иррационального, рождающего мистический, подсознательный страх и тот паралич, физический и волевой, который бывает в сновидениях. Как заметил Лев Аннинский, «возникает ощущение какой-то потаенной, всеобщей, невидимой слабости у всех этих, как сказали бы сейчас, крутых и вроде независимых и по-своему достойных “вооруженных мужчин”»*. Это страх не только разрушения жизни, но и мучительного унижения и потери человеческого достоинства, которыми грозило каждому гражданину СССР соприкосновение с тайными органами. Этот страх испытывали все, и бесстрашный командарм генерал Кобрисов, и далекий, казалось бы, высоко сидящий Илья Эренбург (3/38).

Та душевная «тяжесть» и «недовольство собой», которые вызвал Светлооков в Сиротине, и легко поддавшемся Донском, и даже устоявшем против него Шестерикове, вели к замкнутости и разобщенности — «никому не говорить», к глубокому одиночеству человека посреди всех «мы» и «коллективов», от имени которых правили бесы-смершевцы. И «под небом воюющей России» летел в «виллисе» генерал-полковник Кобрисов не только к своей армии, но под подлую власть «Смерша» — майора

* Аннинский Л. Спасти Россию ценой России // Новый мир. 1994. № 10. С. 215.

Светлоокова, который, разрезая воздух прутиком, правил «птицей-тройкой» — сталинской Россией.

Но Владимов дает почувствовать цену происшедшей со Светлооковым метаморфозы. Служа артиллерийским офицером, майор был смел, но перейдя в Смерш, он начал нервничать и чувствовать новые страхи. Он опасается «своих», той же завербованной им ретивой Зоечки, оказавшейся не управляемой куколкой, а маленьким монстром тайной службы. Он нервно пугается чужого дыхания и шорохов (3/118). И в образе самоуверенного, наглого, сознающего свою безобразную власть над другими смершевца вдруг проглядывает кусочек босховского ада: «...Донской смотрел в эти простодушные изумленные глаза, где в самой глубине, в расширившихся зрачках таилось что-то болезненное, зверино-тоскливое» (3/50). Сам образ Светлоокова с его деградацией от боевого офицера до пугливого и наглого палача описан, как контрапункт Кобрисову, пережившему мучительные трансформации от успешного генерала до униженного заключенного, от краткого сознания своего военного гения до чувства глубокого поражения. Но сквозь все эти испытания генерал сохранил то главное, что Владимов ценил в людях выше всего, — чувство чести.

Смерш — черная утопия, реализация провидения Достоевского о «бесах». Тематический и художественный прием, который выбрал писатель для раскрытия этой темы, — подстановка. «Не тот» гениальный Николай Васильевич, но наглый и бездарный убийца-опричник, присвоивший себе «право на бесчестие». Не всеведение Божие, но соглядатайство. Не князь Андрей Болконский, но пустозвон и доносчик — Андрей Донской. Не ясный, добрый, открытый земле и миру Платон Каратаев, но несчастный крестьянин Шестериков — лишенный почвы и корней, живущий в тошной крепостной зависимости

от ненавистных хозяев. Не Россия, но темная реальность страны, в которой «некие силы, дотоле скрытые, вышли из своих укрытий и одержали верх» (3/256).

В той стране и на той войне, где власть была у Смерша, всем ее вольным и невольным участникам суждены были, в реальности или на уровне метафизическом, только смерть и поражения.

ГРАЖДАНСКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Я все равно паду на той, на той далекой, на Гражданской...

Булат Окуджава. Сентиментальный марш

Как можно объяснить одиночество в воюющей стране, в тесном сосуществовании миллионов, объединенных одной общей целью — победить жестокого и бесчеловечного врага? В 1972 году Михаил Шолохов на вопрос сына о дате окончания Гражданской войны ответил: «Она, может, и не кончилась»*.

Квинтэссенция Гражданской войны в русской литературе — рассказ «Письмо» в сборнике И. Бабеля «Конармия»**. В письме матери неграмотный подросток, «сын полка» Гражданской войны, хвастается, как он живет при красном командире «очень великолепно», но тут же жалуется: «...каждые сутки я ложусь отдыхать не евши и безо всякой одежды, так что дюже холодно»***. Сообщает, как во имя трудового народа бойцы Конармии «с героическим духом рубают подлую шляхту», но несознательные мужики, которых они при этом грабят, от них «хоронятся» и ве-

* Быков Д. Михаил Шолохов // Дилетант. 2019. № 1. <https://ru-bykov.livejournal.com/3677866.html>.

** Бабель И. Конармия. Собр. соч.: В 2 т. М.: Время, 2006. Т. 2. С. 48–52.

*** Там же. С. 49.

дут себя враждебно. Между детскими описаниями городов и ландшафта он сообщает матери о смерти среднего из ее сыновей, своего брата, садистски замученного белоказак-отцом: «...резали до темноты, пока не кончился». Единственная эмоциональная интонация от этого глубоко задавленного ужаса, как короткое рыдание, прорывается в его словах: «Я написал тогда до вас письмо, как ваш Федя лежит без креста». А далее он подбадривает мать, сообщая, что ее старший сын стал командиром: «Теперича какой сосед вас начнет заbijать, — то брат Семен Тимофеевич может его вполне зарезать». Между рассказами о Краснодаре, Воронеже и счастливыми воспоминаниями о «блинах и гусятине», мальчик сообщает матери о мести старшего брата, нашедшего и зверски убившего отца. Ребенок даже не осознает нечеловеческого отчаяния, которое испытает несчастная женщина, читая его письмо. Совершенно неспособный интеллектуально и эмоционально проработать чудовищную действительность, в которой он обитает, подросток пребывает в мире полного разрушения и смещения всех человеческих норм, бытовых и нравственных. Единственный, кто его волнует на белом свете, — уже не люди, а его жеребенок Степа, за которым он умоляет мать ухаживать, обещая, что за это ее «бог не оставит». Фраза рассказчика об этом письме: «Оно не заслуживает забвения», — режет слух нерусскостью, которая у Бабеля не могла быть случайной. Этот лингвистический диссонанс дает почувствовать, что человеческий язык просто не вмещает того кошмара, о котором повествуется в этом письме подростка.

Какое будущее ожидало мальчика Курдюкова и его огромного, тупого брата-командира после Гражданской войны? Неграмотные, не приученные думать, лишённые всяких понятий права, суда, государственности, ценности личности, они научились «жить великолепно», «ру-

бать», убивать, мучить и при этом сохранять неколебимую уверенность в своей правоте и высоких целях. В их диком мире «кислого огурца и мировой революции»^{*} не оставалось места состраданию к чужой боли^{**}.

Они не были большинством народа, но именно из них вырастали те кадры, которые, по словам Сталина, «решали все». Военные сражения, в основном окончившиеся в 1922 году, превратились в нескончаемую гражданскую войну, то латентную, то обостряющуюся, — отчасти потому, что эти «кадры» иначе жить не умели. Они превратились в мучителей миллионов, в бездумных, безжалостных палачей — арестовывавших, пытавших, насилующих, расстреливавших, — несчастные люди с психикой, навсегда чудовищно искаженной Гражданской войной. Глядя на этих победителей жизни, вырастали мальчишки, становившиеся «светлоокими» опричниками, чтобы спастись от передовой. Во время войны они убивали своих соотечественников в заградотрядах и расстреливали солдат за провалы и неудачи верховного командования, а в мирное время шпионили за людьми и мешали им жить, с аппетитом поглощая за это недоступные нормальным труженикам продукты из специальных распределителей.

Длящееся наследие Гражданской войны — распад правового государства, безнаказанность самосудов, приговоры, определявшиеся не законом, а классовой идеологией, искажение норм и культуры общественных отношений. И чувство бессилия, полной потери контроля населением в обстоятельствах, где ценность человеческой личности и жизни оказались утрачены.

^{*} Бабель И. Конармия. С. 55.

^{**} Можно вспомнить, как примеры, повесть Владимира Зазубрина «Щепка» (1923) и поставленный по ней в 1991 году фильм режиссера Александра Рогожкина «Чекист» (1992) и роман Юза Алешковского «Рука» (1978).

Конечно, шла и нормальная жизнь, и миллионы бывших воинов Гражданской, как и другие люди в стране, строили свою семью, находили профессию, устраивали дом и быт. Эти две реальности существовали, одна разрушая другую, и жившие в них люди пересекались постоянно. Гениальный скрипач Давид Ойстрах, лауреат многих международных премий, рассказывал Мстиславу Ростроповичу, как в 1937-м или 1938 году, приготовив узелок, он ждал каждую ночь возможного ареста*. И однажды в два часа ночи у дома остановилась машина, из которой вышли люди в форме. В подъезде осталось двое мужчин — живущий напротив сосед и Ойстрах, остальные были арестованы. Они с женой стояли под дверью и ждали. Шаги остановились на их площадке, сотрудники НКВД позвонили в соседнюю квартиру. Ойстрах почувствовал огромное облегчение и радость («не меня!») и уже в следующий момент — безмерный стыд и ужас. По признанию великого музыканта, что-то в нем навсегда умерло, он был душевно сломлен той ночью, став одной из невидимых, неисчислимых жертв войны, которую органы госбезопасности вели против своих граждан.

Понятие «своих» постоянно обыгрывается в романе. Оно постепенно кристаллизуется в словах и поступках персонажей и становится ясно, что «свои» для генерала Кобрисова — его семья, его ординарец, шофер, адъютант, солдаты его армии и даже — при всей неоднозначности отношений — его коллеги. Это совершенно иное понятие, чем абстрактные невидимки «свои», чьим именем оперирует смершевец Светлооков.

Как и все общественные процессы, гражданская война очень обострилась в России во время Второй миро-

* Этот рассказ передает Мстислав Ростропович в фильме Брюно Монсенжона «David Oistrakh, Artist du Peuple» (1994). Ростропович не помнил точно года, о котором рассказывал Давид Ойстрах.

вой войны, принимая новые образы и формы. Роман «Генерал и его армия» — повествование об этих двух войнах, о чем пронизательно писал Н.Л. Лейдерман: «...это и есть война, но война в н у т р и страны, война русских с русскими. Вместе с тем трагические перипетии Отечественной войны представлены в романе в связи с тем, что творилось в России ранее (подавление крестьянских волнений в 1920-е, жуть Большого террора конца 1930-х, аресты военачальников перед самой войной и т. д.). Они и становятся концентрированным воплощением и выражением сути того, что происходило в России с установлением диктатуры большевиков: начиная с 1917 года непрекращающаяся гражданская война своих против своих стала перманентным состоянием страны и общества»*.

Итоговой книгой стал для Георгия Владимова выношенный и отмеченный глубокой личной болью роман о двух войнах: войне народа против гитлеровской Германии и войне гражданской, одновременно идущей на нескольких фронтах — коллаборационистов, Смерша и советской власти со своим народом.

ТЕМНАЯ И МУТНАЯ ВОДА КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА

Массовый переход советских солдат на сторону врага — одна из самых болезненных тем в российской истории. За пять первых месяцев войны количество пленных и перебежчиков составило почти 2,5 миллиона человек**. НКВД задержал многих солдат, группами или в одиночку

* *Лейдерман Н.* Георгий Владимов и его генералы. С. 237. Первое упоминание мотива Гражданской войны в романе Владимова: *Немзер А.* Одолевая туман. С. 131.

** Смерш. Исторические очерки и архивные документы. С. 27.

старавшихся перейти на сторону немцев*. Владимов писал: «...измена была столь массовой, что уже теряла свое название, впору стало говорить о второй гражданской войне в России» (3/211). Второй формой коллаборационизма было активное сотрудничество и помощь гитлеровцам на оккупированных территориях.

Полная история советского коллаборационизма во Второй мировой войне еще не написана**. Состав коллаборационистов был очень неоднороден, формы и причины сотрудничества с врагом самые разные. Чтобы показать необычайную комплексность этой темы, я перечислю некоторые факторы.

«Идеологический». Крестьянская ненависть к власти, оставшаяся после коллективизации, побуждавшая не только к добровольной сдаче в плен, но сделавшая многих сознательными перебежчиками, которые сражались потом на стороне фашистов или служили им на оккупированных территориях. Коллаборационисты этой категории не всегда, но нередко оказывались очень страшны для мирного населения и партизанских отрядов. Это особенно типично для случаев, когда они были из местных и хотели свести старые счеты. В литературе эту тему можно, например, найти в образах полицая в романе Василя Быкова «Знак беды». Исторический пример более позднего времени, хотя тут трудно даже говорить об идеологии, — «Дивизия Каминского», РОНА: казни, убийства,

* Смерш. Исторические очерки и архивные документы. С. 26.

** Наиболее подробные на сегодняшний день исследования темы: *Beyda O., Petrov I. Collaborators from within the Soviet Union // Joining Hitler's Crusade: European nations and the Invasion of the Soviet Union, 1941 / Ed. by D. Stahel. Cambridge: Cambridge University Press. 2017. Pp. 341–426*; История отечественной коллаборации / Ред. А. Мартынов. М.: Старая Басманная, 2017; *Перегожин В. Вопросы коллаборационизма // Война и общество, 1941–1945. М.: Наука, 2004. Т. 2. С. 293–305.*

насилие, мародерство и жесточайший криминальный беспредел*.

«Географический». Жители аннексированных западных областей и Прибалтийских стран не чувствовали своей принадлежности к захватившей их стране. При описании отступления Советской армии из Литвы комиссар Кирнос рассказывает генералу Кобрисову то, что Владимов услышал во время одного из застолий у Севастьянова:

...в нас бросали из окон цветочные горшки, куски штукатурки, шлак с чердаков, кирпичи, а то и детские посудины опорожняли на наши головы. Я должен составить политическое донесение, как мне это оформить? Как воздействие вражеской пропаганды? Или раскрылись подлинные настроения народа, который так и не влился в полноправную семью, не успел за два года привыкнуть к новой жизни? Я не могу написать, что это были отдельные жители, это был чуть не весь город (3/310).

«Юридический». 16 августа 1941-го вышел приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии № 270 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия», подписанный И.В. Сталиным, С.М. Буденным, К.Е. Ворошиловым, Г.К. Жуковым и другими военачальниками. Каждый командир, политработник и войсковое соединение были обязаны сражаться насмерть, даже в случае окружения превосходящими силами противника. Отступать или сдаваться в плен врагу категорически запрещалось, обстоя-

* Бригада РОНА // Антипартизанская война в 1941–1945 годах / Под общ. ред. А.Е. Тараса. М.: АСТ, 2005. С. 142–160; также см.: Munoz A.J. The Kaminski Brigade. A History 1941–1945. New York: Axis Europa Books, 1997.

тельства, например ранение с потерей сознания, во внимание не принимались*. Нарушивших приказ следовало расстреливать на месте. Это ставило пленных в безвыходную ситуацию: умереть в немецком концлагере, попасть на Родине под расстрел или в ГУЛАГ, или служить врагу с надеждой на чудо.

«Биологический». Советским солдатам часто грозила голодная смерть, так как СССР не подписал Женевской конвенции о военнопленных. Хотя она предполагает гуманное обращение с пленными в любом случае, фашисты это предписание игнорировали, уверенные в своей безнаказанности и отсутствии реакции со стороны советского командования. Вильгельм Штрик-Штрикфельд — личный переводчик генерала фон Бока, работавший с оккупационными властями, писал о состоянии советских солдат в плену в 1942 году: «Невероятно ухудшилось бедственное положение военнопленных. Как привидения, бродили умиравшие с голоду, полуголые существа, часто днями не видевшие другой пищи, кроме трупов животных и древесной коры.

Герсдорф и я посетили лагерь военнопленных под Смоленском, где смерть уносила ежедневно сотни жертв.

Смерть в пересыльных лагерях, в селлах, на дорогах»**.

Нередко, попав в плен, солдаты соглашались воевать в немецкой армии в надежде перехитрить врага, перебежать в бою на сторону советских войск и сражаться против фашистов. Наиболее удачливыми были те, кто попал к партизанам и боролся вместе с ними.

Следует также отметить еще один важный фактор — неосведомленность. С 1939 года и до начала войны Германия была союзной дружественной державой, и информации об идеологии фашистов и их зверствах в Германии

* Этот мотив можно проследить в фильме Григория Чухрая «Чистое небо» (1961).

** *Штрик-Штрикфельдт В.* Против Сталина и Гитлера. С. 62.

и завоеванных странах в советскую печать не проникало.
Перед гитлеровским посланцем в Москве расстилалась
красная дорожка.

Полыхает кремлевское золото,
Дует с Волги степной суховей.
Вячеслав наш Михайлович Молотов
Принимает берлинских друзей.

Карта мира меняется наново,
Челядь пышный готовит банкет.
Риббентроп преподносит Улановой
Хризантем необъятный букет.

И не знает закройщик из Люблина,
Что сукна не кроить ему впредь,
Что семья его будет загублена,
Что в печи ему завтра гореть.

И не знают студенты из Таллина
И литовский седой садовод,
Что сгниют они волею Сталина
Посреди туруханских болот.

Акт подписан о ненападении —
Можно вина в бокалы разлить.
Вся Европа сегодня поделена —
Завтра Азию будем делить!

Смотрят гости на Кобу с опаскою.
За стеною ликует народ.
Вождь великий сухое шампанское
За немецкого фюрера пьет.

Александр Городницкий.
Вальс тридцать девятого года

Принимая в Кремле фашистского министра иностранных дел и празднуя с ним 23 августа 1939-го подписание «Пакта о ненападении» или, как его стали называть, «Пакт Молотова — Риббентропа», Сталин на вечернем банкете в Кремле предложил тост за Гитлера: «Я знаю, как немецкий народ горячо любит своего фюрера. Поэтому я хотел бы выпить за его здоровье»*. Дружелюбие висело в воздухе, и из-за него, особенно в начале войны, становясь в ряды гитлеровских войск, многие советские солдаты не вполне понимали, с какой страшной силой они связывали свою жизнь. И не знали, что и сами они, и их родные в глазах фашистов были «Untermenschen» — низшая раса, «недочеловеки». Хотя такое незнание не оправдывает предательства, но это одно из возможных объяснений массовости феномена.

Можно перечислить и другие факторы, приводившие к коллаборационизму, но исторический фон темы, затронутой Владимиром, достаточно ясен.

Аргументация Н.Л. Лейдермана, с которой и читатели, и критики согласны, перечисляющего преступления пособников фашистов и возражающего против упрощенного представления их жертвами, — совершенно справедлива**. Но дикие бесчинства Смерша при расправе с ними никакой справедливости даже не предполагали.

* *Бережков В.* Как я стал переводчиком Сталина. М.: ДЭМ, 1993; Nazi-Soviet relations, 1939–1941: documents from the archives of the German Foreign Office / Ed. by Raymond James Sontag and James Stuart Beddie. Washington: Dep. Of State. 1948. Pp. 6–7. Подробно-сти о посещении этого банкета см.: *Taylor T.* Munich. The Price of Peace. New York, 1979. Pp. 14–21; Фокус. <https://focus.ua/archivist/391771>; *Млечин Л.* Сталин. Наваждение России. <https://www.goodreads.com/book/show/30344298>.

** *Лейдерман Н.* Георгий Владимов и его генералы, или Реализм сегодня. С. 231.

Впервые тема коллаборационистов и гражданской войны прозвучала в начале романа «Генерал и его армия» в эпизоде расстрела. «Не остывшие» еще после боя солдаты, т. е. не совсем способные осмыслить ситуацию спокойно и ясно, должны расстрелять обезоруженных коллаборационистов-земляков: воронежские — воронежских, рязанские — рязанских... «В кустиках», без суда, без приговора. Эта казнь учинена Светлооковым с чувством полной безнаказанности или заботы о законе (3/41–42). Бессилие и бездействие Кобрисова, которому докладывает об этом возмутительном эпизоде адъютант Донской (не рисковавший активным вмешательством), — шокирующая иллюстрация того, насколько широко простирался в армии произвол и власть Смерша. Подобные групповые внесудебные расправы вели к криминализации общества и общественного сознания.

Второй эпизод: взяв в плен солдат, воевавших на стороне гитлеровцев, смершевцы пообещали им шанс на жизнь — доплыви до другого берега и живи, стрелять не будем, «слово чекиста». И верные своему слову чекисты устроили кровавый аттракцион: не стреляли, но спустив на воду катер, гонялись зигзагами за плывущими и разрезали на куски всех до единого. Какой бы тяжелой ни была вина тех, над кем сомкнулись в тот день окровавленные воды реки, садистский грех их палачей отвратителен (3/389).

Третий эпизод связан с десантником, сумевшим почти сразу убежать из плена, сцена, о которой Солженицын писал: «...просто кусок живого сердца и мяса... (По моим многочисленным тюремным встречам — все верно до струнки!)» (31.08.1997, FSO. АП). Этот солдат даже не сражался на стороне гитлеровцев: вся его вина состояла в том, что, избив, его забрали в недолгий плен (3/200–205). Но тут в дело вступает Смерш, и генерал

Кобрисов, совершенно понимая невиновность десантника, не может ничего поделать, чтобы защитить и спасти его от подозрений и будущих истязаний. Зато для Светлоокова такой пленный — праздник. Он и паясничает, и предвкушает допрос с пристрастием, и радуется своей бесчеловечной власти над судьбой воина. Единственное проявление сочувствия, которое возможно в этой ситуации для командующего армией Кобрисова, — пожелание несчастному выдержать испытания и пытки «там», в царстве светлооковых, перед которыми он сам бессилен*.

Владимов думал, что тысячи солдат, которые, сражаясь в советских войсках, отдали бы жизнь за Родину, часто поднимали оружие против нее, став в ряды гитлеровской армии не по убеждениям, но от отчаяния, голода и безысходности. При создании этих эпизодов писатель был уверен, что, хотя и предатели, эти солдаты не менее преступников, осужденных на Нюрнбергском процессе, заслуживали справедливого суда, права открыто сказать свое последнее слово, и если и умереть, то не в ожесточении и отчаянии от происшедшей с ними жизненной катастрофы, но с чувством очищающего раскаяния и смирения.

* * *

19 апреля 1943 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красногвардейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и их пособников». В этом указе пове-

* Обо всех этих случаях Владимир слышал от генерала П.В. Севастьянова и его коллег.

шение как одна из форм приведения приговора в исполнение было введено официально. И «в воспитательных целях» утверждалось, что казнь должна производиться публично, а тела повешенных следовало оставлять на виселице в течение нескольких дней.

Под одну из упомянутых категорий наказуемых попадали те, кто под оккупацией хоть как-то сотрудничал с немцами, во всяком случае, так трактовался этот указ на местах. Среди них были настоящие преступники, перенимавшие манеру и методы поведения фашистов. Суды над ними происходили при полной поддержке народа. Генерал П.В. Севастьянов пишет об эпизоде, когда население аплодировало во время суда и казни семерых пособников нацистов*. Но таких было незначительное меньшинство. Миллионы людей, оказавшихся на оккупированных территориях, просто старались выжить, чувствуя глубокое отвращение к гитлеровцам и не принимая никакого участия в их преступлениях**.

В романе описывается казнь старосты, которого должны повесить в присутствии жены и детей-подростков (3/248–250). Часто, хотя и не всегда, старостами были мужики, пользующиеся доверием односельчан или жителей маленьких городов, которые миром выбирали их и просили занять эту должность. В воспоминаниях Хрущева есть эпизод, когда жители горячо защищают бывшего старосту и отказываются выдать его на расправу***. Вся вина таких старост была в том, что они старались наладить для людей возможно более нормальную жизнь в ужасных условиях оккупации, для чего им поневоле приходилось иметь дело с немецкими властями.

* Севастьянов П. Неман — Волга — Дунай. С. 175.

** О жизни под оккупантами см.: Кузнецов А. Под немцами // Новое время. 2017. 21 июня. Сюжеты истории. <https://newtimes.ru/articles/detail/116873/>.

*** Хрущев Н. Люди. Годы. Власть. Кн. 1. С. 534.

Судя по реакции растерянного населения, это был один из таких случаев. Рядом на смерть ехали два полица из местных, из которых один — придурковатый парень, явно надевший чужую форму из идиотского чувства щегольства и не понимающий: «А чо я такого сделал? Чо сделал?» (3/249) И тут же шел немец, настоящий враг, злой, решительный, непокорный, в последний момент совершивший самоубийство, не дожидаясь казни*. В тексте приводится детальное описание уродливой процедуры повешения: действия бригады экзекуторов, растерянная реакция «политически несознательного» населения, без вины виноватого — не смогли, не успели, не эвакуировались, — понимающего, что неизвестно кто и за что будет наказан следующим.

Ясная цель автора — убежденного противника смертной казни — показать ее отвратительность, усиленную публичностью действия. Немецкая оккупация была ужасной. Но, освобождая землю от бесчеловечного врага, с чем приходили освободители к своему народу? Кто был победителем, кто торжествовал на этом средневековом празднике смерти? Даже издавшие виды профессиональные военные** испытывали стыд при виде убийства безоружных:

Должно быть, какой-то высший судия насылает на нас это ощущение, наказывая за соучастие, а зритель ведь тоже — соучастник. И верно, не один Кобрисов чувствовал так: ехали обратно, в штабном автобусе, как-то разрозненно,

* Эта история перекликается с самоубийством накануне казни гитлеровского ближайшего соратника Германа Геринга, приговоренного Нюрнбергским трибуналом к повешению. Геринг принял яд и умер 15 октября 1946 года за два часа до исполнения приговора.

** Эпизод основан на рассказе П.В. Севастьянова.

стыдясь друг друга, и рады были разъехаться каждый в своем «виллисе», никого не позвав, как всегда бывало, к себе в гости, — люди войны, наученные мастерству убивать, причастные к десяткам тысяч смертей (3/250).

Владимов считал, что Сталин, обязывая генералов к присутствию на экзекуциях, посылал им грозное предупреждение: «Тех же, кто себя и впрямь ощутили победителями, Сталин убоялся не меньше, чем Гитлера в 1941-м; к их вразумлению и были призваны нововведения — Смерш и публичное повешение, где непременно присутствовала армия. Какое это производило впечатление на “победителей”, я попытался описать» (3/448).

В конце 1943 года Красная армия наступала по всем фронтам, и движение ее на Запад было неостановимым. Случаи добровольного перехода солдат на сторону врага в это время были крайне редки. Население, пережившее жестокость оккупантов, с восторгом приветствовало своих освободителей. Даже безжалостный К.С. Москаленко писал в своих мемуарах: «Охваченные великой радостью освобождения от ужасов оккупации, женщины, дети и старики, составлявшие в основном население очищенных от гитлеровцев городов и сел, повсюду становились нашими проводниками. Самоотверженно, не страшась смертельной опасности, они вели передовые отряды наступающих советских войск тайными прибрежными тропами к наиболее удобным для переправы местам»*.

Такие же сцены и описания можно найти во всех генеральских мемуарах. Зачем же нужны были Сталину эти повсеместные публичные казни, которым подвергали

* Москаленко К. На Юго-Западном направлении. М.: Наука, 1972. Т. 2. С. 119.

не только настоящих преступников, но и таких старост? Говоря о «вторичной оккупации» (3/249), Владимов думал, что народ сгонялся на такие «воспитательные казни» для устрашения: война с немцами кончится, но была, идет и будет продолжаться гражданская война, война власти против своего народа.

Тема коллаборационизма, затронутая в этом романе, очень болезненна, чрезвычайно комплексна и многогранна. Отвращение к пособникам фашистов не должно заслонять ни факта ее существования, ни расследований внесудебных пыток и казней, учиненных Смершем, ни того, что не только преступники, но и мирное население, поневоле оказавшееся под оккупацией, становилось после освобождения жертвой неправых политических расправ и многолетних преследований. Эта тема должна быть глубоко и всесторонне исследована историками, социологами, психологами. Смелость, с которой Владимов открыто ставил вопрос о ней в литературе, поразительна. С его выводами и взглядами можно не соглашаться, но ценность его мужественного призыва к гласности в историческом осмыслении одной из самых трагичных страниц российской истории несомненна.

ОТ ТЮРЬМЫ И ОТ СУМЫ...

Эпизод тюремного заключения генерала Ф.И. Кобрисова. Перед войной и в первый ее период генерал Кобрисов проходит сквозь двойной опыт, не предполагавшийся в нормальном течении его жизни: сначала тюремное заключение, а потом долгое отступление со своей армией под неостановимым натиском врага.

Незадолго до начала войны Кобрисов был вызван с Дальнего Востока в Москву и арестован — история, схожая с арестом маршала В.К. Блюхера, ссылка на ко-

торый есть в романе (3/261). Заключение в тюрьме — жестокая школа жизни, где генерал столкнулся с людьми неизвестных ему доселе социальных и интеллектуальных слоев.

Фамилию следователя, ведущего в застенках «дело» генерала, Льва Зосимовича Опрядкина можно истолковать по-разному. Корень слова совпадает со словом «порядок». Это может означать, что Опрядкин — страж существующего порядка или что следователь около этого порядка прикармливается. Фамилия увязывается также со словом «прядка» — один среди бесконечного множества таких же «волосиков» системы, неисчислимых, бесхребетных, колеблющихся от каждого «дуновения» политического ветерка (3/294). И наконец, возникает морфологическая ассоциация имени с Опискиным — мелким деспотом, приживальщиком и иждивенцем Фомой*. В прошлом беспризорник и мелкий воришка, Опрядкин — идеальный кадр для опричнины, что сразу разглядел представитель органов Удальцов (еще одна говорящая фамилия): «...ты наш человек, Лева, помни мои слова, ты к нам придешь» (3/282). Он и пришел, став старшим лейтенантом — трусоватый, необразованный, без гражданской профессии, но «в органах» оказавшийся при чине, привилегиях и с неожиданной властью над человеческими судьбами. Его речь полна бессмысленных фраз: «...я для родины на преступление пойду», — без всякого осознания, что его деятельность есть не что иное, как преступление против родины**. Дешевый пафос таких заявлений напоминает о его прошлом — мелкого уголовника. А.И. Солженицын, знавший эту категорию лю-

* Фома Опискин — персонаж повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели».

** О сатирическом аспекте образа Опрядкина см.: Гордович К. Русская проза конца XX в. — начала XXI в. СПб.: Petronius, 2017. С. 150–152.

дей, признал образ Опрядкина несомненной удачей (31.08.1997, FSO. АП).

Образы трех заключенных: корниловского офицера, профессора юриспруденции, бывшего товарищем прокурора при Временном правительстве, и профессора-литературоведа, обладателя оригинальных писем Вольтера, — представляют людей из сфер, генералу ранее очень далеких. Корниловец, знающий, за что он арестован, глубоко презиравший советскую власть и ее служителей, готов к смерти и встречает ее с достоинством профессионального офицера. Его урок генералу, противником которого он был в Гражданскую войну: к мужественному врагу следует относиться с уважением.

Наиболее важны в тюремном пребывании Кобрисова «беседы у параша» с профессором, специалистом по Вольтеру — выбор не случайный. Главные постулаты просветителя — гарантия равных возможностей для всех граждан, право каждого человека на свободу и равенство перед законом и право собственности на продукты своего труда — сделали французского мыслителя идеологическим противником советской власти. Но так как сжечь великого вольнодумца на костре, отправить на Соловки или расстрелять было невозможно, лубянский следователь Галушко жег во время допросов оригиналы его писем (3/285–6). Эта свечка на Лубянке — отблеск костров на площадях, в которые веками бросали книги и культурные ценности инквизиторы всех времен и народов.

Из бесед «у параша» генерала с литературоведом, кроме саркастической перифразы классика: «Коммунизм — это советская власть минус канализация всей страны», — вытекало два важных тезиса, сформулированных интеллектуалом, яснее осознающим общую картину происходящего в стране. Во-первых, в СССР произошла полная криминализация общественной формации, которой правят временщики:

...модель воровской шайки, законы общества, которое себя чувствует вне закона. Воры и бандиты никакого другого наказания не знают, только смерть. Это даже не наказание, это просто мера безопасности. По тюрьмам будут сидеть те, кто у них не вызывает опасения... Чтобы искоренить неискоренимое — собственность, индивидуальность, творчество, — они положат хоть пятьдесят миллионов, а напугают полмира. Эксперимент — бесконечный и заранее обреченный, через тридцать-сорок лет это будет ясно всем. Но на их век работы хватит (3/278).

Во-вторых, размышления об армии, в которых товарищ по несчастью очень ясно предрекает Кобрисову причину его будущего поражения: «Мало побеждать во славу цезаря, надо еще все победы класть к его ногам и убеждать его, корча из себя идиота, что без него бы не обошлось!» (3/277–8)

Главный тюремный урок, вынесенный Кобрисовым: в безнадежной ситуации нужно обрести смирение, позволяющее перенести испытания без потери самоуважения. Навсегда поколебав ценности, усвоенные генералом в течение его советской военной карьеры, пребывание в застенках психологически подготовило почву для его будущего мятежа.

Последним эпизодом заключения стал для Кобрисова парад освобожденных из тюрем генералов, перед которыми появляются Сталин и Берия. Избитые, с выдерганными ногтями, выбитыми зубами и сломанными ребрами генералы, выпущенные из застенков НКВД, «держат равнение», готовые служить Отчизне. И именно эта несломленность, мужество вызывают ненависть тирана. В этом эпизоде отражается все презрение писателя к Сталину, зародившееся в молодости и лишь усиливавшееся в течение его жизни:

Прямо перед Кобрисовым стоял некто, обидно маленький, рыжеватый, с грубым рябоватым лицом; он смотрел в лицо Кобрисову с ненавистью; топорщились, как у рассерженного шипящего кота, обвисшие усы, трепетали крылья мясистого грубого носа, — и что-то он лепетал злое, раздраженное и угрозное. В тяжелом взгляде желто-табачных глаз горели злоба, и страх, и отчаяние, как у подраненного и гонимого зверя. В продолжение тех секунд, что он смотрел на Кобрисова, тот чувствовал головокружение, ватное тело будто проваливалось куда-то, ноги его не держали. Показалось, стоявший перед ним что-то спрашивал у него, он повторил свой вопрос, но отозвался стоявший за спиной у него, и тотчас сквозь желтые прокуренные зубы выхаркнулась ругань. Не понимая ни слова, Кобрисов явственно различил в невнятном лепете, в гортанных обрывках фраз: «Труссы, предатели, зачем выпустили, никому верить нельзя...» Так слышится злая брань в собачьем лае, в крике вороны. Видеть это и слышать было и страшно, и брезготно — мог ли так вести себя человек военный, да просто мужчина, мог ли — Вождь! Ибо стоявшее перед ним, рябоватое, затравленное, лепечущее, это и было — Сталин (3/298).

Эта сцена очень визуальна, перед читателем — театр сталинской эпохи. И кукла «Вождь», вышедшая на сцену и захватившая власть на этих страшных подмостках, — подделка, отвратительный голый король. Этот эпизод перекликается с описанной в книге историей, когда в южном санатории в голову статуи вождя кто-то ночью запустил коричневый ком (3/345–346). Никто не сомневается, что это г... Перепуганные генералы сидят по комнатам или обходят статую за версту, шепотом предупреждая друг друга о смертельной опасности, боясь даже смотреть в ту сторону. Бабы же — жена Кобрисова Майя Афанасьева с нянечкой, прихватив ведро и швабру, отправляют-

ся к оскверненному памятнику и смывают с высокого лика Отца народов темное пятно, которое оказывается на поверку баклажанной икрой. Короткий двусмысленный комментарий сообразительной генеральши, с детства знающей запах и ценность природных удобрений, можно интерпретировать так, что разве что баклажанной икры на сытом юге кто-то не пожалел...

Но чем бы ни мазали это усатое лицо, его обладатель правил кровавым балом. Опомнившись от первого шока и пережив унижение от собственной трусости в первые дни войны, Сталин, казалось, не верил, что «братья и сестры» будут мужественно и самоотверженно защищать свое Отечество, землю, семью. Ему казалось, что это возможно только под страхом смертной казни, и сыпались из Кремля приказы (о приказе № 270 я уже писал): «Горячим летом 1942-го, после сдачи Ростова и Новочеркаска и приказа 227, “Ни шагу назад”*, как соловьи-сто защелкали выстрелы трибунальских исполнителей! Страх изгонялся страхом, и изгоняли его люди, сами в неодолимом страхе — не выполнить план, провалить кампанию — и самим отправиться туда, где отступил казнимый. Так обычен стал вопрос: “У вас уже много расстреляно?” Похоже, в придачу к свирепому приказу спущена была разрядка, сколько в каждой части выявить паникеров и трусов. И настреливали до нормы, не упуская случая. Могли расстрелять командира, потерявшего всех солдат, отступившего с пустой обоймой в пистолете. Могли — солдата, который взялся отвести дружка тяжело раненного в тыл: “На то санитарки есть”. А могли и санитарку, совсем молоденькую, которая не вынесла вида ужасного ранения, ничего сделать не смогла, сбежала из ада. Ставили

* Приказ № 227 наркома обороны СССР И.В. Сталина от 28 июля 1942 года. <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/prikaz-227-ni-shaghu-nazad>.

перед строем валившихся с ног от усталости, случалось — от кровопотери, зачитывали приговоры оглохшим, едва ли вменяемым. И убивали с торжеством, с таким удовлетворением, точно бы этим приблизили Победу» (3/214)*.

Приказ № 227 был подписан Сталиным 28 июля 1942 года: «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» или, как его называли в просторечии, «Ни шагу назад!». Приказ предписывал создание штрафбатальонов и рот, а также заградотрядов. По приказу № 227 было осуждено 994 300 человек, из которых 436 600 отправлены в ГУЛАГ**. В штрафные роты и батальоны с сентября 1942-го и до конца войны в 1945-м попали 427 910 человек***. «Паникеров и трусов» предписывалось «истреблять на месте». Кого именно относить к этим категориям — было открыто интерпретации. Сколько всего было «истреблено», в доступных официальных источниках не сообщается. По этому приказу был в свои двадцать два года расстрелян лейтенант Галишников, не удержавший с одиннадцатью солдатами высоту 119 против наступающих немецких танков.

И невольно встает вопрос: как же беспомощно и травмировано должно быть общество, где такие расстрелы были возможны, а бросивший страну в первые дни войны Верховный Главнокомандующий принимал военные парады?

Чужой язык, непонятный вытянувшимся в струнку военным, — звучит из уст Сталина, как отторжение от России и ненависть к ней и ее народу.

* Обо всех этих случаях Владимов слышал от П.В. Севастьянова и его товарищей.

** *Krivosheev G. Soviet Casualties and Combat Losses. London. Greenhill-books, 1997. Pp. 91–92.*

*** *Веременко Ю. Красная армия и Вторая мировая война. М.: Алгоритм-Издат: Эксмо, 2010. <http://army.armor.kiev.ua/hist/strafniki.shtml>.*

Вождь был сейчас со своей армией, готовой за него умереть, и ненавидел ее, и в чем-то подозревал, и не желал говорить с нею на языке, понятном ей. Как насмерть испуганный припадает памятью к облику матери, к ее лицу и рукам, так и он припадал к родной грузинской речи. Унизив, изнасиловав чужую ему страну, он теперь убегал туда, к своему горийскому детству, к мальчишеским играм, к семинарии своей, где он себя готовил стать пастырем духовным. И выглядело это как обильный верблюжий плевок во все лица, обращенные к нему в трепетном ожидании (3/298).

Н.Л. Лейдерман трактует этот абзац, как писательскую концепцию: беды России происходят от того, что ею правят чужие*. Это возможная интерпретация, хотя я не нахожу подтверждения этому ни в публицистике, ни в других произведениях, ни в высказываниях Владимова. Анализируя эти строки, я прихожу к выводу, что Владимов считал Сталина чуждым всему: людям (и, помня о репрессиях в Грузии, можно сказать, что его «своим» было совсем не легче), России, солнцу (его работа по ночам, любовь к яркому свету), жизни, миру. Как вышло, что этот мужской вариант Горгоны, от взгляда которого ватно подламывались ноги генералов, стал на десятилетия властителем, несущим гибель миллионам людей? Владимова очень волновал этот вопрос, о котором он говорил в интервью, когда текст «Генерала и его армии» только писался (4/261). Без ясного ответа на него, как был уверен писатель, у России нет надежды на лучшее будущее.

* Лейдерман Н. Георгий Владимов и его генералы, или Реализм сегодня. С. 238.

ТЕМА ОТСТУПЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛА Ф.И. КОБРИСОВА И ЕГО АРМИИ

Никогда потом не был так стремителен темп немецких наступлений и так оглушительны успехи оккупантов; никогда потом они не имели такого преимущества — в силе техники, мощности огня, обученности кадров. А между тем именно в эти полгода исход войны был предрешен, если и не окончательно, то, во всяком случае, бесповоротно. Был потом Сталинград, были Курск и Белгород, Корсунь-Шевченковская операция и много других побед — их одерживала уже спасенная Россия. А спасена она была именно в те трагические дни сорок первого года...

Георгий Владимов. Так начиналась победа (4/116)

Люди сорок первого года все меньше и меньше могут говорить сами за себя, они умирают в боях каждый день. Но мы пойдем по земле, политой их кровью, и я хочу, чтобы вы помнили: без их героических жертв не могло быть и наших побед.

*Из речи генерала И.Д. Черняховского**

Отступление, мысленно называемое Кобрисовым «Поход на Москву, или планомерный драп» (3/302) — второй эпизод воспоминаний генерала. Это повествование несколько выпадает из общей структуры романа, ослабляя его цельность, но оно было очень важно для Владимирова, так как позволило ему более полно выразить свои мысли о советском режиме. Он непременно хотел затронуть тему отступления в начальный период войны — не самую распространенную в военной литературе. Связь этого мотива с кутузовским отступлени-

* Цит. по: *Севастьянов П. Неман — Волга — Дунай. С. 112.*

ем в «Войне и мире», отмеченная многими учеными, представляется мне несомненной*. Это также совпадает с авторским определением генерала: «...кутузовского плана командующий: главное, не мешайте событиям развиваться».

Уже упоминалось, что история этого отступления была рассказана Владимову генералом П.В. Севастьяновым, в мемуарах которого приводится также разговор с полковником Главштаба: «Знаете, что я вам скажу, комиссар. Не учили мы людей отступать, даже мысли такой не допускали. Только: “Вперед без страха и сомнения”. А если хотите знать, Гитлер и на это тоже, видимо, рассчитывал... Красная армия отступать не будет, значит, удастся покончить с ней в несколько дней. Так для него ваше отступление — хуже всякого поражения. Больше того, может быть, это и есть его поражение»**.

Кобрисов, прибыв на фронт после заключения в тюрьме, почти сразу принимает на себя командование армией. Вооруженный тюремным опытом, генерал лучше его коллег психологически подготовлен к тактике организованного отступления***.

Потерявшая огромное количество вооружения и миллионы солдат — убитых, раненых, попавших или сдавшихся в плен, — советская армия уходила вглубь страны, усту-

* О связи с «Войной и миром» Толстого писали многие исследователи. Серман И. Историческое полотно. О романе Георгия Владимова «Генерал и его армия». С. 12–13; Чистяков А. Традиции Толстого в романе Г.Н. Владимова «Генерал и его армия» // Вестник Российского университета дружбы народов (Литературоведение, журналистика). 2007. № 2. С. 18–25; Демидович Т. Литературные традиции в современной прозе о Великой Отечественной войне // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. № 2. С. 450–454. Список можно расширить.

** Севастьянов П. Неман — Волга — Дунай. С. 45.

*** Севастьянов приводит слова командующего Западным фронтом генерал-лейтенанта А.И. Еременко о важности умения отступать. Севастьянов П. Неман — Волга — Дунай. С. 45.

пая врагу все больше территории с оставленным там населением. Официальным объяснением была «внезапность» нападения, о чем в наше время, когда известно количество предупреждений о начале войны, полученных Сталиным, говорить не приходится. Генерал Севастьянов писал, что у него и его коллег не было сомнений, что война вскоре начнется. Они видели через границу, как готовились к ней немцы. Граница с Польшей была практически открыта, и местные крестьяне, постоянно ходившие через нее, рассказывали о приготовлениях немцев, называя точную дату нападения. Несмотря на это, военным даже не разрешалось вывезти свои семьи из пограничной зоны*. Для Кобрисова «единственная внезапность была в том, что величайший полководец всех времен и народов оказался недоучкой и дезертиром, на целых одиннадцать дней устранившимся от командования» (3/311).

И поэтому, взяв на себя командование армией, генерал принимает обратно всех, кому удалось убежать из плена и вернуться к своей армии:

Что же после этого винить тех, кто сорвал петлицы или зарыл документы? Или тех, кто поднял руки, а потом бежал из плена, пробирается к своим? Генерал велел принимать всех до единого, не делая никаких попреков. Свинтил знаки различия — будешь рядовым. Бросил винтовку — возьми у погибшего в бою, добудь у врага. Знамя потеряли — вступайте в ту часть, которая его сохранила (3/311).

Кобрисов, испытывавший в тюрьме жестокость режима, был открыт «милости к павшим» (3/311). Этой готовностью к прощению Владимов превращал своего героя в «тайного, неосознанного христианина» (3/277).

* Севастьянов П. Неман — Волга — Дунай. С. 6–16.

Владимовский генерал по-хозяйски рачителен, когда старается сберечь людей и снаряжение. Это отступление «в подкове» двух немецких армий, не атакующих и не навязывающих больших сражений, — для него период размышлений и осмысления, каких в военной жизни почти не бывает.

Писатель рисует своего героя народным полководцем, богатырем, настоящим предводителем воинов:

...он был — всадник, былинного облика воитель и вождь и, не зная этого, являл собою притягательную силу — человека, знающего, куда вести. Если б он передвигался на машине, если бы суетился, даже распоряжался энергично, он был бы от многих взоров без пользы скрыт, но человек на коне, пребывающий в спокойствии и раздумье, помещает себя в центр внимания, он вознесен над головами толпы и владеет ее тревогами и надеждами. Он ехал, ослабив поводья, бросив руки на луку седла, морщась от боли, но чувствуя постоянно обращенные к нему взгляды. И далеко окрест разносилась весть о генерале, собирающем несметную силу для отпора (3/307).

Эта конная иконография очень интересна. В голову приходит много ассоциаций, например, созданный в 1944 году В.Н. Яковлевым конный портрет маршала Жукова, изображающий его сидящим на попоне с золотыми пятизвездиями как божество на белом коне. Попирая немецкие знамена, он возвышается над полуразрушенными Бранденбургскими воротами. Другой образ — статуя маршала Жукова на коне, исполненная Вячеславом Клыковым, была установлена на Манежной площади в 1995 году. Несколько балетная, вытянутая слишком далеко вперед нога клыковской лошади, стоящей на высоком пьедестале, плохо вяжется с массивностью всадника. Раненому Кобрисову

после гибели первого коня пришлось отступать большую часть пути на крестьянском мерине (3/318–319). Эта деталь кажется символом того, что Жуков на своем белом у Яковлева, а потом изящном клыковском коне — в победе отдален от народа, возвышается над ним, тогда как Кобрисов по мере отступления делается ему все ближе.

Тема, которая очень важна в этом эпизоде, — связь с исторической Россией, которая в СССР казалась утерянной. Ее-то и хочет найти генерал: «Иду на восток, в Россию. Хочу, понимаешь ли, концом копья Волгу потрогать. Говорят, часовенка там поставлена, где она вытекает из родничка. Там я посижу, подумаю — и скажу тебе, жива ли Россия или уже нет ее» (3/312). Этот мотив, перекликается с песней «Русские палачи» А. Галича:

Что ни год — лихолетие,
 Что ни враль, то Мессия!
 Плачет тысячелетие
 По России — Россия!
 Выкликает проклятия...
 А попробуй, спроси —
 Да, была ль она, братие,
 Эта Русь на Руси?

Эта — с щедрыми нивами,
 Эта — в пене сирени,
 Где родятся счастливыми
 И отходят в смиреньи.
 Где как лебеди девицы,
 Где под ласковым небом
 Каждый с каждым поделится
 Божьим словом и хлебом.

В романе есть эпизод, подтверждающий, что существует и жива. Еды больше не осталось, и генералу пришлось голодать вместе со своей армией:

И вышел на поляну солдатик — в горбатой шинельке с бахромою на полах, — пригляделся к ним, склонив набок голову в добела выцветшей пилотке, и произнес в горестном изумлении:

— Бог ты мой, командующий с комиссаром не евши сидят, бедненькие. А нам-то хоть сухари выдали. Дай-кось поделимся.

Сунув руки в карманы едва не по локоть, перегибаясь с боку на бок, он что-то нашарил, вытащил каменный армейский черный сухарь и разломил его надвое (3/322)*.

В этот период отступления генерал Кобрисов впервые чувствует полную свободу — от политического режима, начальства, Сталина, хотя ему ясно, что этой свободе придет конец: «Иду вольный по своей земле. Никто не гонит меня, да вроде и не препятствует никто. А в душе — тоска» (3/312).

Двигаясь с этой тоской в душе, он вдруг обнаруживает рядом с собой похожую на нелепую птицу фигуру — политкомиссара Натана Евгеньевича Кирноса. В письме немецкой переводчице романа Антье Леетц Владимов прямо связывает его образ с генерал-полковником М.П. Кирпоносом и просит ее сделать следующее примечание: «Кирпонос Михаил Петрович (1892–1941), генерал-полковник, командующий Юго-Западным фронтом, в окружении под Киевом, по официальной версии, погиб в бою, по слухам, застрелился» (10.03.1995, FSO). Но владимов-

* См.: *Севастьянов П.* Неман — Волга — Дунай. С. 43. В романе воспроизводится почти дословно рассказ генерала.

ский образ очень отличается от исторического прототипа. В тексте Натан Евгеньевич Кирнос — пламенный революционер, еврей, скорее напоминающий фанатичного соратника Ленина Я.М. Свердлов. Кирнос — политкомиссар, должность, существовавшая в армии чуть более года с 16 июля 1941-го до 9 октября 1942-го и упраздненная по настоянию военного командования.

Общение с Кобрисова с Кирносом в романе — отражение интереса Владимова к тому, что он называл для себя «альтернативной историей»*. Это странный эпизод, где комиссар уговаривает генерала осуществить план создания жесткой военной диктатуры, переходящей со временем в «человеческую диктатуру» (3/314–317). Безнадежность такой «альтернативы» отражена в самоубийстве политкомиссара (3/329). Владимов писал Кристине Петшицкой-Бохосевич:

Роман «Генерал и его армия» задумывался в то время, когда многим из нас казалось (и автору, конечно, тоже), что выведет Россию из тупика некая сильная и разумная личность, ну, скажем, амбициозный генерал, который имеет военный успех в Афганистане, но как политик и гражданин с этой войной не согласен. Теперь такие надежды возлагают на Александра Лебеда. Мне, признаться, он нравится, но Вы увидите из присланной главы, что на этот вопрос я отвечаю *отрицательно...* (09.07.1996, FSO)

Комиссар Кирнос в романе покончил с собой, когда на кобрисовскую армию спустились с неба «ангелы» — три приземлившихся на парашютах чекиста (3/325–327). Они явились не помогать, а проверить «политические

* См. более подробно анализ этого эпизода: *Лейдерман Н.* Георгий Владимов и его генералы, или Реализм сегодня. С. 244–245. О концепции «альтернативной истории» в романе Владимова: *Jukes G.* A Novelist and his Hero. P. 238.

настроения» и присутствие «предателей» в измученной, изголодавшейся армии. В их явлении ясно обозначается близость Москвы. Пробыв недолго, они испаряются — непосредственное участие в военных действиях не входит в круг их обязанностей.

Отступление закончилось, фортуна войны повернулась под Москвой и явила себя в Сталинграде. Началось наступление по всем фронтам, и в 1943 году Красная армия стояла под Киевом.

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ВОЙНА

Военное командование и Смерш были гранями той пирамиды власти, на вершине которой восседал Сталин. Чем ближе к верху, тем нещаднее шла борьба за Верховную милость, стоившую жизни свите Кобризова и сотням тысяч воинов. Осторожный командующий фронтом генерал Н.Ф. Ватутин, в 1944 году смертельно раненный украинскими националистами, говорит Кобризову — и эта фраза всплывает в романе дважды: «Ты же знаешь, Фотий, мы со своими больше воюем, чем с немцами. Если б мы со своими не воевали, уже б давно были в Берлине...» (3/193)

Слова Ватутина о войне «со своими» — в первом прочтении относятся к генеральским интригам, связанным с освобождением Предславля. Известно, что в гражданских войнах всегда обостряются религиозные и национальные конфликты. Именно национальный вопрос оказался основой решения о том, армия какого командарма будет освобождать Киев:

Есть, мол, такая идея, чтоб это украинец был. У нас на семьдесят процентов украинцы в частях фронта и город великий украинский, поэтому логично, чтобы и командарм был украинец (3/247).

Подлость этой «идеи» раскрывается в размышлениях Кобрисова:

...почему же одних командармов эта идея касалась? Пойдите же до конца — русских десантников, заодно казахов, грузин — снимите с танковой брони. Летчика-эстонца — верните на аэродром. И пусть танкист-белорус вылезет из душной своей коробки, пусть покинет свою «сорокапятку» наводчик-татарин. Вот еще тех евреев отставьте, у которых целые семьи в этом Предславле, во Вдовьем Яру*, лежат расстрелянные. Всех непричастных отведите в тыл, пусть отдыхают, пьют, гуляют с бабами, сегодня одни лишь украинцы будут умирать за свою «жемчужину» (3/247).

Эпизод с подарками Хрущева — вышиванками, бутылкой коньяка и прочими сувенирами для каждого командарма — воспроизведен точно со слов генерала Севастьянова: «Никита Сергеевич приказал внести в хату несколько ящичков и каждому из нас стал раздавать подарки, в которые входила украинская вышитая рубашка. Кто-то в шутку спросил его, когда и как носить эти рубашки, ведь не надевать же на китель или гимнастерку.

— Я, например, ношу под кителем, — отвечал Хрущев, — все-таки душу греет»**.

Эти рубашки, по рассказу Севастьянова, должны были напомнить Чибисову, что среди собравшихся командармов он — единственный не украинец. Но национальная тема, хотя и очень важная, используется для прикрытия других мотивов. В тексте это ясно раскрывается в двух

* Вдовий Яр — очевидная аллюзия на Бабий Яр, место самого массового уничтожения евреев в Украине. С 29 сентября по 11 октября 1941 года там были уничтожены 50 тысяч человек, почти все еврейское население Киева.

** Севастьянов П. Неман — Волга — Дунай. С. 200.

великолепно написанных эпизодах совещания командующих под предводительством Жукова, в рассказе о которых Владимов со скульптурной четкостью обрисовывает портреты генералов.

Терещенко (К.С. Москаленко) — крайне честолюбив и очень трудоспособен. Сознвая недостаток своего образования, он интенсивно старается его восполнить, заказывая книги великих философов и гениальных стратегов. Но оставаясь хамом, несмотря на все свое чтение, он в кровь разбивает носы подчиненных, обрушивает на их головы свою суковатую палку, кричит и плюет им в лицо. В объяснение употребляется одна из бессмысленных фраз советского дискурса: «Я себя не щажу и других право имею не щадить» (3/133). В этой аргументации не больше смысла, чем в его доводе о злосчастной «излучине, посланной Богом», где из-за него погибли десятки тысяч солдат (3/131). Даже Н.С. Хрущев, покровительствовавший Москаленко, писал о нем, как о приспособленце, жестоком и беспринципном человеке: «Он на все способен. Особенно если почувствует, что это выгодно для него, что такая гадость оплачивается, то он пойдет на нее»*. Еще драматичнее свидетельство генерала А.В. Горбатова: «Это не командарм, это бесплатное приложение к армии, бесструнная балалайка... За пять дней наши дивизии захватили не одну сотню пленных, десятки орудий и минометов, и все потому, что действовали по своей инициативе, вопреки приказам командарма. Все руководство командарма заключается в самом беспардонном отношении к подчиненным. Мы только и слышим: “Гитлеру помогаешь, фашистам служишь, предатель!” Подобные оскорбления я слышал в Лефортовской тюрьме от следователя и больше слышать не хочу. Сначала я думал, что командарм позволяет себе так разговаривать только

* Хрущев Н. Люди. Годы. Власть. Кн. 1. С. 651.

со мной, недавно прибывшим с Колымы. Но это трафарет и применяется к каждому из подчиненных»*.

Таков был человек, от которого зависели сотни тысяч солдатских жизней. Коротко, но очень колоритно описан в романе «танковый генерал» П.С. Рыбко (Рыбалко) — образованный профессионал, знающий не только танковое дело, но и как переключить внимание и снизить температуру дискуссий на совещаниях, рассказав дежурный анекдот про обязательного еврея. Ярко и с оттенком восхищения обрисован красавец Чарновский (И.Д. Черняховский). С явной насмешкой — суеющийся и мельтешащий перед военными «партийный работник», член Военного совета Н.С. Хрущев.

То, что объединяет их всех, включая Жукова, — признанное, спокойное, даже не обсуждаемое сознание своего холуйства. Неудачный плацдарм приглянулся Сталину: «Да и все знали самый главный его аргумент, невысказанный: этот кусок Правобережья можно быстрее захватить — и значит, много раньше доложить Верховному о форсировании Днепра» (3/133). Солдатские жизни отступают на второй план перед волей беспощадного хозяина: «Есть тут один тонкий политес, который соблюдать приходится. Сибежский вариант согласован с Верховным. И так он ему на душу лег, как будто он сам его и придумал» (3/254). Цена «политеса» — то, что считалось бы военной катастрофой в любой армии: гибель множества людей и снаряжения. Но увлеченный своей прозорливостью Верховный поставил перед командармами еще и следующую задачу: продолжать сражаться,

* Николаев И. Люди и судьбы. Генерал // Звезда. 2006. № 2. С. 127. В фильме «Генерал Горбатов» (реж. С. Барабанов, сценарий В. Ткачева) на телеканале «История», все, кто воевал с А.В. Горбатовым, особо подчеркивают, что он был редкий генерал, берущий солдатские жизни: <https://www.youtube.com/watch?v=XWGxEchTwg>.

чтобы взять Предславль не к зиме, как предполагалось, но к 7 ноября 1943 года.

Я уже писала о неоднозначности оценки Владимовым исторической фигуры маршала Г.К. Жукова:

Победы маршала Жукова, покрывшие грудь ему и живот панцирем орденов, не для наших слабых перьев, скажем только, что против «русской четырехслойной тактики» не погрешит он до конца, до коронной своей Берлинской операции, положила триста тысяч на Зееловских высотах и в самом Берлине, чтоб взять его к празднику 1 Мая (опоздал на день!)... Треть миллиона похоронок получит Россия в первую послевоенную неделю — и за то навсегда поселит Железного маршала в своем любящем сердце (3/257-258).

И.И. Николаев, работавший с оригиналом рукописи генерала А.В. Горбатова, писал в повести «Генерал»: «Горбатов, второй комендант Берлина, всегда был против штурма. Зачем? Окружить — сами бы сдались. Уложить в самые последние дни несметное число своих людей, пострадавших эту окаянную, не ими затеянную войну, чтобы потом к тому же три четверти города отдать союзникам!..

— Какие люди были! — терзался Горбатов. — Золотые, и каждый думал: завтра жену, детей увидит...»*

Яркость и неординарность военного мышления Жукова проявляется в романе уже в одной фразе: «На войне многие большие дела начинаются несерьезно» (3/142). Его присутствие сразу производит впечатление крупного явления, личности:

...высокий, массивный человек, с крупным суровым лицом, в черной кожанке без погон, в полевой фуражке, на-

* Николаев И. Люди и судьбы. Генерал // Звезда. 2006. № 2. С. 136.

детой низко и прямо, ничуть не набекрень, но никакая одежда, ни манера ее носить не скрыли бы в нем военного, рожденного повелевать. Вставши, он оказался далеко не высоким, но при нем все тянулись, как могли, и закидывали головы, что как раз не доставляло ему приятного (3/226).

На совещании, решившем судьбу Кобрисова и наступления на Предславль, командармы-украинцы выступают единым фронтом, и даже Чарновский, сочувствующий Кобрисову, не решается пойти против «своих». Терещенко и Хрущев настаивают, чтобы генерал сначала отвоевал у врага город Мырятин: «Город советский. Занятый, понимаешь, врагом» (3/238). Кобрисов объясняет, что эта операция, не имеющая никакого стратегического смысла, которая будет стоить многих солдатских жизней: «Ненужная это сейчас жертва. И одно дело — люди настроились Предславль освободить, за это и помереть не обидно, а другое дело — я их сорву да переброшу на какой-то Мырятин. Жалко мне их» (3/241). Но его не слышат — ответ маршала: «...попросите пополнения. После Мырятина выделим» (3/241), — как будто речь шла не о людях, напрасно обреченных на гибель, а о партии гвоздей. Сознывая стратегическую правоту Кобрисова, Жуков принимает сторону Терещенко (Москаленко). Причину объясняет Ватутин: «Так кто же и докладывал Верховному про сибежский вариант? Константиныч и докладывал» (3/241). Кобрисов обречен не только потому, что среди командармов-украинцев, мечтавших об освобождении «своего» Предславля, он русский. Осознав хрупкость человеческой души и жизни, он чужой среди прислужников престола, потому что жизни солдат ценнее для него милости Сталина. Судьба наступления на Предславль (на Киев) решилась совокупностью украинского национализма, вертикального подха-

лимства и завистливого желания потушить неожиданную вспышку гениальности Кобрисова (Н.Е. Чибисова).

На «генеральском» фронте Кобрисову «опустошили сердце», украли ценность жизни: «...уплывал и самый облик никогда не виденного им, кроме как в бинокль, великого Предславля, покрывались туманной мглой черный ангел с крестом и ослепительный купол собора» (3/247). Но генерал сохраняет достоинство, знает себе цену и может внутренне отстраниться от своего поражения: «А знаете, Николай Федорович, — сказал Кобрисов, — все равно я буду считать — я взял Предславль!» (3/253) Оставаясь цельной личностью, он способен принимать пусть роковые для себя, но честные решения: «Я не плач! Мое дело такое, что у меня должны погибать люди, но я — не плач!..» (3/250)

В этих двух эпизодах совещаний ясно вырисовывается вся система иерархии в советской армии: отношение к офицерам, как к вассалам, и к солдатам, как к крепостным. Больше ли, меньше ли погибнет, других бабы нарожают... Венчавший пирамиду власти деспотизм Сталина опирался на феодальную психологию и нравы Гражданской войны.

* * *

Историческая сноска. Тот факт, что Киев был атакован с Лютежского плацдарма (Сибезжский — в романе), указывается теперь в военной литературе как стратегическая ошибка*. По официальным данным, в наступательной операции при освобождении Киева погибло около 150 тысяч человек, из них более 80 тысяч «полегли по оврагам» (3/137) — на Букринском и Лютежском плацдармах, где

* http://kiev1943.ho.ua/sprint_to_Dnepr.html.

командовал генерал К.С. Москаленко*. Невозможно установить, сколько тысяч похоронок, которых могло бы не быть, разлетелось по России из-за интриг Хрущева и честолюбия Москаленко, в октябре 1943 года приступившего к командованию отнятой у Чибисова 38-й армией. Безымянные братские могилы, обелиски и памятник Родина-мать остались от сотен тысяч погибших воинов, которые к параду на Красной площади 7 ноября 1943-го, как и требовал Верховный, освободили великий город.

24 июня 1945-го парадом победы на Красной площади командовал маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский**. Арестованный в 1937 году, выдержавший жесточайшие пытки, дважды выводимый на расстрел, он был в 1940-м выпущен из тюрьмы с выбитыми передними зубами, переломанными ребрами и пальцами ног, перебитыми молотком***.

В толпе высшего офицерства промелькнул в кадре кинохроники генерал-полковник Н.Е. Чибисов — имя его не прогремело в истории.

На белом коне проскакал к Мавзолею «Маршал Победы» Г.К. Жуков, принимавший парад. Поднявшись на трибуну и стоя рядом с цезарем, он произнес краткую речь: «...Мы победили потому, что нас вел к победе наш великий вождь и гениальный полководец маршал Советского Союза Сталин!» Войска прокричали растяжное: «УР-Р-РА-А-А-А-А!!!»

Ни минуты молчания, ни склоненных голов — в память о миллионах погибших.

* Потери сторон в сражениях за Киев см.: <http://kiev1943.ho.ua/casualties.html>.

** Парад Победы на Красной площади 24 июня 1945 года. <https://www.youtube.com/watch?v=eym0FmiEAbQ>.

*** Рокоссовская А. Мой прадед командовал Парадом Победы / Инна Руденко // Комсомольская правда. 2009. 12 мая. С. 4.

КОМУ — ПАМЯТЬ...

Спустя двадцать лет лучший военный поэт — совесть, боль и память народа — написал пронзительные строки:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь,
Речь не о том, но все же, все же, все же...

Александр Твардовский.

«Я знаю, никакой моей вины...»

Так же чувствовал Георгий Владимов, хотя и был из другого поколения. Именно это «все же...» он хотел выразить в своем романе. Эта книга была для Владимова подведением жизненных и интеллектуальных итогов, и поэтому авторский голос отчетливо слышен в тексте романа.

«Генерал и его армия» — книга памяти по погибшим на войне и тем, чьи жизни были сломлены и погублены советской системой. Писатель прекрасно знал и глубоко чувствовал, чьей памяти он посвятил свой роман.

Памяти генерала Петра Васильевича Севастьянова, выжившего после восьми ранений в живот, дошедшего до Берлина, но смеявшего рассказывать о своем настоящем опыте войны только при выключенном магнитофоне. Памяти мужественного генерала *par excellence* Петра Григорьевича Григоренко, лишенного воинского звания и изгнанного из России потомками смершевцев. Памяти генерала Никандра Евлампиевича Чибисова, «могучего донского казака», чья вспышка военного гения была погашена холуйством и жестокостью. Памяти расстрелянного лейтенанта Галишника и его несчастных родных, которые должны были пострадать из-за «дезертира» в семье.

Роман «Генерал и его армия» — реквием по ушедшей в землю России, образы которой созданы в тексте. Девочки-медички, генераловой «дочки», канувшей на переправе, но ставшей предсмертным видением Кобрисова, его последней армией. «Вечно девятнадцатилетнего» студента, поэта Нефелова, погибшего на одной из безымянных высот. Бессемейного жизнелюба Сиротина и безземельного, вернейшего Шестерикова. Реквием по «ореликам» — чьим-то сыновьям, которых оплакивал генерал Кобрисов на Поклонной горе, — и по всем павшим от Москвы и Сталинграда до Берлина.

Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки —
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки,
Внуки, братики, сыновья!

Анна Ахматова. «Победителям». 1944

Андрей Немзер окончил свою рецензию на роман «Генерал и его армия» словами «великая книга», — и ясно, что вопрос не только в качестве прозы*.

Георгий Владимов достиг своей цели. Написав роман, он «восстановил генеральскую честь» (3/258–259). В образе Кобрисова возродил и насытил живым звучанием память о военном гении генерал-полковника Никандра Евлампиевича Чибисова. Это не только редкий случай исторической справедливости, восстановленной в искусстве, но и отражение жизненного и творческого кредо писателя: роль литературы активна, она должна влиять на жизнь, на историю, на людей.

Тема романа «Генерал и армия» — цена человеческой жизни и личная ответственность каждого, в чьих руках

* Немзер А. Кому память, кому слава, кому темная вода. С. 89.

оказываются судьбы людей. Всякая война — трагедия, где люди гибнут от руки врага. Но когда командиры посылают солдат на смерть из соображений идеологии, национализма или холуйства, используя «русскую четырехслойную» и хватая при этом «звезды» на грудь и на погоны, — это преступление. Те, кто его совершал, делали это не из злых побуждений или даже личной жестокости. Без сомнения, все генералы страстно и искренне желали скорейшей победы над врагом. Но они были сформированы Гражданской войной и родившейся из нее преступной системой, которая не учила их ни профессионально, ни лично считаться с человеческими жизнями и беречь их. Пролитая в любом объеме кровь входила в формулу достижения успеха:

— Что же мы, за Россию будем платить Россией?

— Да только и делаем, что платим, Фотя. Когда оно иначе было? (3/244)

Гражданская война, шедшая на разных уровнях и в разных аспектах, обостряла народную трагедию. И именно за эту войну просил прощения генерал-полковник Кобрисов у своего ординарца Сергея Тимофеевича Шестерикова: «Прости, брат...» (3/368)

Георгий Владимов был убежден, что обязанностью искусства было полное и всестороннее освещение и осмысление этой безжалостной человеческой катастрофы на разных уровнях и во всех ее ипостасях. Как он сформулировал однажды: «В нашей стране покаяние всегда запаздывало, но никогда не оказывалось излишним» (4/440). Владимов рассказал в своей книге об одном из бесчисленных трагических эпизодов войны, услышанных им, и воспоминания о которых ушли из истории навсегда со смертью военных поколений. Писатель видел в этом долг общества и литературы перед памятью погибших. Владимов

считал это необычайно важным для сохранения полной памяти о трагедии тех лет, для достижения катарсиса, освобождающего от старых травм и для понимания событий войны, полная история которой еще не написана. И не может быть написана, пока не будут открыты *все* архивы (3/441) и от народа, кровью заплатившего за победу, не перестанут скрывать его историю.

Post Scriptum

«Мое поколение возвращалось угрюмое, печальное. ...“Великой” войны не было. Была война — бойня, бойня, кровавая бойня. Великий был народ, великой была его победа, великим было его терпение. А война “великой” быть не может — это кощунство, это убийство...»*

Булат Окуджава

АРХИВНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Избранные письма о романе Георгия Владимова
«Генерал и его армия»**

**Раиса Орлова и Лев Копелев — Георгию Владимову
и Наталье Кузнецовой**

Совместное письмо Раисы Орловой и Льва Копелева
послано ими сразу после прочтения в журнале «Грани» гла-

* Булат Окуджава. https://www.youtube.com/watch?v=5DaYVg_lUhk&feature=emb_rel_pause.

** Первая публикация этих писем: Миф всегда сильнее правды / Публ. С. Шнитман-МакМиллин // Знамя. 2021. № 2. С. 104–121. Часть информации, которая в сносках приводилась в первой публикации, уже упоминалась в предыдущих главах книги и поэтому удалена из этого приложения. Все письма находятся в архиве Исследовательского центра Восточной Европы (FSO) Бременского университета.

вы «Три командарма и ординарец Шестериков». Письмо Раисы Орловой, напечатанное на пишущей машинке, занимает две полные страницы и по полстраницы на трех листах. Вторая половина этих трех листов занята огромными буквами размашистого почерка Льва Копелева.

5 сент. 1985

Дорогие Жора и Наташа!

Мне очень трудно начать это письмо, но знаю, что, если не выплеснуть сразу же, все уйдет, испарится, и уже никаким усилием памяти не вернуть мне сегодняшнего утра...

Как мы и сказали по телефону, журнал я почти с начала до конца прочитала — с радостью, с «узнаванием» эмоциональным, чего так остро недостает, читая здешние журналы и газеты.

И рано утром, Лев еще спал, я открыла главы из романа. И все исчезло. Надо было готовить завтрак, надо было заниматься своими срочными делами, надо было отвечать на телефонные звонки, распечатывать многочисленные конверты, затопляющую наш дом почту — ничего. И никакой книги передо мною тоже не было.

Я ЖИЛА в другом мире. Я мерзла вместе с Шестериковым, я, как и он, много времени (именно времени — а вовсе не страниц!) не могла войти в госпиталь — запах гноя, первый для меня — уже в реальности запах войны (я работала в челюстном госпитале).

Ни в чем описанном я не принимала участия, я не была на фронте, я жила в Москве до 16 октября, когда нас, как и все учреждения, эвакуировали. Я не только ничего не знаю о Гудериане (кроме имени, конечно!), я и не думала никогда, что вообще мне будет важно войти в его внутренний мир... Словом, я та самая читательница из миллионов, для которых и пишутся книги, — ведь очевидцев становится все меньше. И я поверила всему, с первого до последнего слова. Нет, опять не то. Поверила — это по-

том, и про это потом. Я эти часы, пока не закрыла (с сожалением) книгу, жила в ином времени и совсем в ином душевном состоянии. Пусть Лев, если захочет, расскажет о том, как я вошла в спальню, совершенно заревавшая, но — впервые за многие месяцы — счастливые были слезы.

Я счастлива, что Россия — моя родина. Спасибо, что снова и сильнейшим образом дали мне ощутить, разделить, снова и снова знать — эта глубоко несчастная страна все равно для меня была и будет до смерти самой лучшей на белом свете. И я счастлива, что есть писатель, который так все это за меня, от моего имени, для меня выразил, что чудо под Москвой и просто чудо (мне жаль — это уже теперь, когда я пишу, — что есть фраза в лоб, что Власов — автор этого чуда, ведь оно все же и мистическое, и его-то и выражает Толстой. Одна фраза из другого стилистического ряда).

Я вижу всех, и я ощущаю, как связаны эти двое, больше ощущаю со стороны Шестерикова, а не генерала. Мне еще жаль, что вы его назвали Шестериков, не будут ли это ассоциировать с жаргонным «шестерка»? — а ведь он-то никакой не шестерка, хоть и мечтает нормально об Апрелевке. Потрясла меня сцена на площади, когда трупы из нашей тюрьмы, и как мы, — именно мы, хотя я там не была, я и тогда, и сейчас так ощущала: «Не надо, это не ваше, это наше...» — и никакой к ним благодарности, даже если исключить, — а как это можно исключить? — их собственные страшные жестокости.

Я ведь еще и вовсе не знала, что Андрей — это Власов, а уже была благодарна автору (знаю, что упрямому атеисту, и этим — не атеизмом, а верностью себе, тем, что не поддается никаким модам, — и этим дорогом...) за икону, за эти важные слова, опять же за историческую память. Попробовать докопаться до того, КАК БЫЛО. Но и у Вас, как и у великих предшественников, никогда в литературе на самом деле это не критерий, просто в нашем

сознании, что бы там ни говорили генералы-участники 1812 года, навсегда останется Толстой, миф всегда сильнее правды, но, если миф — в самом высоком значении — растет из правды, из стремления к ней, а не из партийных соображений, тут уж для искусства совершенно безразлично, какая именно партия.

Вот сижу за машинкой, и это вечное грызущее, горестное сознание невыразимости. Я испытала счастье, вот и надо сказать автору — Георгию Владимову спасибо за счастье и перестать мудрствовать. Но столько расшевелило во мне это чтение. И мою осень 1941 года, я ходила к Мавзолею прощаться... ладно, это уже другое, это моя жизнь, которая все чаще с годами кажется мне не то что чужой, но прожитой другим человеком.

Может быть, еще скажу вот о чем: немцы в Ясной Поляне. Во-первых, я этого ждала, была уверена, что поднялось и бывшее чувство — осквернения, но как же замечательно это написано! И Гудериан за столом Толстого, и все, что происходит в его душе... Еще к той фразе про чудо. Ведь когда я читала про лавину отступления, я все равно — и не потому, что я знала про то, что было в декабре, а из самих страниц — над страницами стелется то самое нечто, что и является чудом, что вырастает из всей обыденности войны, из грязи и крови, из горбушки, заначенной Шестериковым, разделенной с милиционером, из мата, изо всего — чудо жизни, ее непредвиденность, чудо России, и чудо русской литературы.

Не знаю, где были написаны эти страницы, в Москве или Голландии*. Но ведь прежде, и когда я училась, и когда сама учила других, для меня фразы «Мертвые души» написаны в Риме, а «Идиот» во Флоренции были проходными фразами, а сейчас они наполнились не только зрительными впечатлениями, я видела эти дома — но просто эмигра-

* Летом 1983 года Владимовы провели месяц в Голландии.

ция наполняет все это своим содержанием... Так что это все равно. Важно, что книга написана и КАК. Это общий наш всехний праздник, что такое есть...

Очень хочется, больше, чем хочется, прочитать сразу все, что дальше. Поймите, тут нет никакого интереса к событиям, просто я уже с этими людьми живу, прожила долго, как им дальше...

В той части, что была опубликована в «Континенте»*, у меня вопрос — можно сказать и разногласие. Видите, как тут и интонация меняется — хотя и там я не оторвалась, пока не кончила, но нарастало ощущение, что ИХ всесилие перенесено на эпоху раньше.

Тут, собственно, трудно спорить. Но и гораздо позже я не жила в стране, где смершевец, чекист стоял за каждым кустом, не говоря уже — за каждым человеком. Мы недавно по другому поводу спрашивали друг друга: вот наша квартира в Москве. Вы знаете все внешнее, отключение телефона, разбитые окна, перехват почты. Быть может, не знаете, что несколько человек из не самого близкого окружения (за одним исключением) вызывали. Но вот мы спрашивали друг друга: а кто был приставлен? кто ходил в наш дом со спецзаданием? И отвечаем: мы таких не знаем. И уверены — это не наша глупость, легкомыслие, наивность — как хотите называйте. Просто в среде наших настоящих друзей не было ИХНИХ людей.

...Разговор Шестерикова со Светлооковым — замечателен. Во всем, в каждой детали. Да и те «вербовки» точны, и с девицей, и с другими. Быть может, дело в их «сгущенности», что ли? Как бы то ни было, вопрос остался тогда, хотя прочитанное (а сейчас из моей все более дырявой головы улетучивается с невероятной быстро-

* *Владимов Г. Майор Светлооков: Глава из романа «Генерал и его армия» // Континент. 1984. № 42. С. 7–59.*

той) — многое запомнила. И еще с самого давнего чтения запомнила, как едут в Москву генерал и ординарец...

...книжка в «новомирского» цвета обложке принесла несколько часов полного счастья. Как это невероятно много в нашем мире, исполненном несчастий!

Спасибо Вам!

Ваша Рая Орлова

Еще несколько слов (как от книги не могла оторваться, так теперь не могу оторваться от этого письма, а между тем нужно срочно разогревать обед, слава богу, что не готовить, вчера сделала), мы едем в Айфель к Аннемари*, уже один раз были между поездками. Сговорились на сегодня.

Лев обещал по оставшимся двум страницам записок Бёлля про Обломова пройтись и на этих днях пошлем**. А письмо — сразу, потом начну мяться, жаться, станет неловко и все прочее.

Добавить же в письмо мне вот еще что захотелось: здесь все более укрепляется у меня убеждение, что из ненависти (пусть оправданной, пусть священной и др.) рождается только ненависть, и — как у Вас сказано, замкнутый круг, преступление — месть и так — дурная бесконечность. Только доброта может действительно спасти мир, нас, каждого в отдельности. И я так счастлива была этой разлитой и недекларируемой добротой. Ведь как же естественно было Шестерикову бросить — сто раз — своего раненого генерала... И многое другое.

Тут хочу повторить сказанное по телефону: благодарна и редактору — за редчайшими исключениями для него:

* Бёль Анна-Мари (1910–2004) — вдова Генриха Бёлля. В Айфеле (Eifel) находился летний дом, где Владимов навещал Генриха Бёлля по приезду в Германию. Л. Копелев и Р. Орлова были очень дружны с Бёллем и его семьей.

** Я предполагаю, что Владимов планировал публикацию этих записок, но она не случилась по причине его увольнения из «Граней».

в на редкость спокойно умной статье не может Поповский не лягнуть Ильфа и Петрова*. Надо бы поместить рецензию на прекрасную книгу «Край непуганых идиотов»**. Мало кто знает, что на тех страшных «присоединительных» письмах требования расстрела в 1937 году, где есть подписи Тынянова***и еще многих достойных людей, ни на одном нет подписи ни Ильфа, ни Петрова. Это только один факт... Благодарна, что в этом номере сильно ощущается, что Вы и на самом деле не разделяете слов Ленина: прежде размежеваться, а потом уже объединяться...**** Этот номер выполняет роль объединительную, и здесь, и с нашим континентом, с нашей родиной. И ничего более важного, по-моему, и нет. Вот этот дух Твардовского (в лучшем, что у него было) как бы прекрасно сохранить. Дай Вам обоим сил!

Обнимаю, теперь уже конец.

Дорогие Наташа и Жора!

Что я еще могу сказать? Сегодня Рая меня разбудила и — буквально со слезами стала говорить именно то, что потом написала. Ты написал отличную, замечательную, поэтическую и добрую книгу. И сколько бы я ни придирался к подробностям, меня мой читательский опыт — да и чужой исторический — научили: правда художника всегда выше, прочнее долговечной правды историка, «спеца», очевидца или соучастника. Ты — художник Божьей милостью и к тому же добрый художник. Этим ты подкупаешь, покоряешь и таких придирчивых оче-

* Поповский М. Предел иронии // Грани. 1985. № 136. С. 282–288.

** Курдюмов. А. В краю непуганых идиотов. Париж: La Presse libre, 1983. (Книга об Ильфе и Петрове.)

*** Тынянов Ю. Приговор суда — приговор страны // Литературная газета. 1937. 1 февраля. С. 5.

**** Ленин В. Заявление редакции «Искры». <http://libelli.ru/works/4-1.htm>.

видцев-соучастников, как я. Генералы, которые обличали Толстого во множестве ошибок, почил в мире, а миллионы людей и сегодня, больше, чем век спустя, верят Пьеру Безухову и толстовскому Кутузову и мало кто — один из 10 миллионов — интересуется, как было «на самом деле». Вот Солженицын, например, точненько воспроизводит движения армий, стенограммы, думские трения, дневники и письма царя, но он одержим не столько художественной, сколько идеологической «сверхзадачей» и все больше уступает недоброй, слепо злой силе своих сугубо рассудочно построенных, сознательно неправдивых исторических схем. И поэтому все больше теряет, как художник. Но все «узлы» и доработанный (переработанный) «Август» я уже просто не могу читать. Обидно до боли наблюдать оскудение, вырождение такого большого дарования. Но это уже другая тема. А тебе, дорогой, исполать и спасибо! Ждем, ждем, ждем и полный текст и вас обоих в гости.

Обнимаю крепко-крепко,

ваш Лева

Георгий Владимов — Раисе Орловой и Льву Копелеву

Дорогие Рая и Лева!

Читаем письмо ваше — и никак не начитаемся, так много в нем дорогого для нас, ответного, рожденного первым движением души, о чем даже Сельвинский сочинил гениальные строчки: «Это великий читатель стиха услышал боль своего поэта...»*. Ни начала, ни дальше не помню.

Наташа, естественное дело, поплакала (у нее всегда слезы на глазах, когда «ее Жорика» хвалят), ну а я, «упря-

* Илья Сельвинский, точные строчки из стихотворения «Читатель стиха» (1932): «Это великий читатель стиха / Почувствовал боль своего поэта». http://www.poesis.ru/poeti-poezia/selvinsky/frm_vers.htm.

мый атеист» (вовсе не атеист, а, наверное, агностик), вдруг осознал особенно четко, что мне, видно, все-таки что-то удалось... Не каждый же получает такие письма от читателей-коллег. Мне радостно, что вы именно так меня поняли — что книга вырастает из доброго, но и горького сознания, что наша страна Россия, нас отринувшая, была, есть и, наверное, надолго еще останется и самой прекрасной, и самой удивительной, и самой несчастной. И это дошло до железного Гейнца, волею судьбы прикованного к столу Толстого, как будто к пыточной дыбе, и отступил-то он не перед «тридцать-четверками», а перед «безвестным Кошкиным» из шарашки, не сталинских генералов убоялся, а Наташи Ростовой, взбалмошной «графинечки».

Об одном я так сильно сейчас сожалею, читая ваше письмо, — что этой главы не дождался Генрих Бёльц*. Станным покажется, но я писал это, держа перед глазами его замечательное солдатское (а вовсе не «бабье») лицо. Ах, как хотелось ему показать — хоть в переводе, хоть в Левином пересказе.

Я всегда тщательно подбираю фамилии, и Шестериков — едва ли не главное лицо, вокруг которого все и вертится (Платон Каратаев, но только этой войны) — да, конечно, от «шестерки», и это в нем есть, но также и от «шестеренки» — в отлаженном механизме армии, государства, то есть вещи необходимой, без которой никак, ничто не вертится.

О Солженицыне я тоже постоянно думаю — ведь он проложил мне пути, показал — как не надо. Кому они нужны, эти истинные передвижения армий? — на самом деле, никогда не истинные! никто их не помнит досконально, и даже документы один другому противоречат — стало быть, наполовину врут. А между тем военные сю-

* Генрих Бёльц умер 16 июля 1985 года.

жеты, как никакие другие, страшно зависят, скажем, от рельефа местности (была ли река справа или слева, были холмы в 200 или 300 метров высотой) и от погоды (был ли дождь или пыль в глаза). Так он должен был придумать свой рельеф и свою погоду, как удобно ему, художнику, для его замысла. Я писал книги за генералов, и я знаю — для них истина не то, как происходило, а как запомнилось. А это уже и есть миф, который сильнее действительности.

И еще одно бесконечно жалко — зачем он себя так связал (хочется сказать — «повязал») этой бесконечной, громоздкой, не столь уже необходимой человечеству работой, где, в сущности, так мало нового сказано? И это — при том, что существует «Клим Самгин» (ненавистного Горького) и «Тихий Дон» (который так хочется отделить от ненавистного Шолохова), что, наконец, сам он имел счастье воевать артиллерийским капитаном чуть не всю эту войну. Такое впечатление, что испугался, уклонился, дезертировал.

Что ж... Как сам же он сказал в предисловии к «Августу», так и я осмеливаюсь повторить: «Стало быть, мне поднимать...»

Очень хочется повидать вас и выслушать все до единого «частные замечания». Ведь текст — не окончательный, и многое я выпустил для журнального варианта. Например, что Гудериан в том егерском батальоне был еще «фехрихом»* (что-то вроде нашего юнкера), что там хранились его винтовка и пилотка, и на поверках фельдфебель ежевечерне выкликал: «Гудериан Гейнц!», а правофланговый отвечивал: «Отсутствует по уважительной причине — командует нашей 2-й танковой армией»**. Может

* Владимир имеет в виду немецкое «Fähnrich» — самый младший чин унтер-офицера в прусской армии.

** Эта деталь была введена в полный текст романа, см.: 3/80.

быть, от этого стало непонятнее, почему солдаты с ним — «на ты». Ну, и еще Катынь осталась за бортом — ведь это он ее брал, и за нее ожидал петли в нюрнбергской тюрьме. Покуда это как-то не привязалось, но, надеюсь, со временем привяжется — к орловской тюрьме с ее трупами*.

Не хочется на трупах обрывать, хочется — во здравие! Сейчас мы в Мюнхен рванем, исполнилось 10 лет «Верному Руслану», и «Свобода»** хочет повторить передачи, но с привлечением автора***. Это денька на три-четыре, а после уж к вам.

Спасибо огромное за письмо! Крепко обнимаем, целуем, желаем лишь одного, банального — здоровья.

Ваш Г. Владимов

10.9.85

Илья Серман — Георгию Владимову

10.09.88. Нью-Йорк

Дорогой Георгий Николаевич!

Здесь, на даче под Нью-Йорком, мне удалось прочесть отрывок Вашего романа в «Континенте» № 56****. Скажу прямо, ничего подобного об этой войне я не читал даже у Гроссмана. Ощущение необыкновенной убедительности и правды всего, Вами увиденного сквозь полустолетие, удивляет и завораживает. И сразу складывается впечатление, что иначе это, о чем Вы писали, происходить не могло.

Вам удалось посмотреть на войну с некоей общей, а не только русско-советской точки зрения, и это дало Вам как

* Владимов Г. Генерал и его армия. С. 93–96.

** «Радио Свобода» внесено Минюстом России в реестр СМИ-иноагентов.

*** Повесть Георгия Владимова «Верный Руслан» звучала в эфире с середины сентября до начала октября 1975 года. См.: Архивное приложение к главе 16.

**** Владимов Г. Даешь Предславль!: Глава из романа «Генерал и его армия» // Континент. 1988. № 56. С. 16–65.

писателю огромные возможности видеть во все стороны света*.

Я в свое время читал у Вас о Гудериане и поразился силе и правдивости этого эпизода.

Надеюсь, Вам работается, несмотря ни на что! Мы будем здесь до 15 октября, а потом в Иерусалим.

Желаю Вам и Вашей жене всего хорошего!

С искренним уважением,

И. Серман

Андрей Немзер — Георгию Владимову

7 июня 1994

Многоуважаемый Георгий Николаевич!

Сегодня, после огорчительной задержки, пришел ко мне пятый номер «Знамени» с окончанием Вашего романа. А послезавтра в Германию есть оказия, поэтому пишу сразу по первопрочтению. Уже первая часть меня ошеломила. То есть я никогда не сомневался в том, что книга получится, но такого все же не предполагал. Было ощущение чуда. Настоящего и неповторимого. Как в детстве-отрочестве, когда читаешь впервые «Капитанскую дочку», или «Три мушкетера», или «Хаджи-Мурата», или «Принца и нищего». Поразительная убедительность. Разом чувствуешь: все так и было и — это не менее важно — только так про это можно рассказывать. Есть банальное речение про наилучшие слова в наилучшем порядке. Обычно их поминают в разговоре о стихах. У меня они вызывали профессиональную иронию. Видимо, и дальше вызывать будут. Но, читая, я был буквально обречен на такое восприятие: лучшие слова в лучшем порядке.

* Гоголь Н. Собр. соч.: В 23 т. М.: Наука, 2003. Т. 1. С. 211. Аллюзия на рассказ «Страшная месть»: «За Киевом показалось неслыханное чудо. Все паны и гетманы собирались дивиться сему чуду: вдруг стало видимо далеко во все концы света».

Вы и без меня знаете, как неожиданно взрываются у Вас финальные эпизоды, как все переворачивается, оставаясь на местах. Но все-таки не могу обойти чисто сюжетной энергии, того потрясения, которое испытываешь, добираясь до Поклонной горы и разворота на 180 градусов. Оценишь тут переименованное издательство «Правда»*, прометелившее номер почти месяц. Теперь (исключая случаи раритетные) уже никто не будет читать «Генерала и его армию» так, как читали его подписчики. Лакуна между частями, тяжесть ожидания, невероятные предположения, оплакивания Кобрисова. Читая подряд, не успеешь притормозить, соскучиться, накрутить своего. Это удовольствие пополам с мучением только для нас. Кстати, сразу после выхода 4-го номера я попросил у Чупринина верстку: НЕ НАШЛОСЬ. Все разобрали, так что, скорее всего, рецензии не поддержатся. Я тоже намерен писать — должность такая**. Постараюсь что-нибудь понять и как-то объяснить. Хотя страшно. Рецензию пришлю, если обнаружу оказию, а пока просто восхищаюсь и поздравляю Вас, как могу, изо всех сил.

Я совсем неплохо (даже хорошо) отношусь к сегодняшней российской прозе (от поэзии и критики скучно), но все равно то, что Вы написали, вызывает какие-то особенные чувства. Случилось что-то большое и прекрасное. Кстати, показательный пример. Один из моих ближайших друзей, очень хороший историк литературы и просто замечательный человек, постоянно измывается надо мной — за мою приверженность к новейшей сло-

* Издательство «Правда», в типографии которого печатался журнал «Знамя», было переименовано и стало называться «Пресса» в 1991 году.

** Немзер А. Кому память, кому слава, кому темная вода // Сегодня. 1994. № 112. С. 10; см. также: Кому память, кому слава, кому темная вода // Литературное сегодня: О русской прозе, 90-е. М.: НЛО, 1998. С. 86–89.

весности, что, по его мнению, мертва безнадежно. Измываться-то измывается, но (в отличие от других-многих) журналы читает. После первой части «Генерала и его армии» он сбавил тон и честно признал: да, прекрасно. Правда, тут же оговорился: общий взгляд остается неизменным, словесности нет, а есть Владимов (как прежде не отрицал он величия Солженицына). А я думаю, что если «Генерал и его армия» появились, то все будет хорошо. Что-то значит эта книга не только для ее автора и читателей, но и для общего контекста, все-таки она (кроме прочего) и свидетельство неистребимости русской литературы.

Простите сумбур и патетику, но впечатления слишком сильны. Большое Вам спасибо. Желаю всего самого доброго Вам и Вашим близким. Надеюсь («Знамя» гордо анонсирует) прочесть повесть.

До свидания. С уважением,

А. Немзер*.

Георгий Владимов — Андрею Немзеру

25 ноября 1994

Дорогой Андрей Немзер

(по-прежнему не знаю Вашего отчества),

Своевременно или несколько позже, но дошли до меня и Ваше письмо июньское, и статья в «Сегодня», и даже прислали текст Вашего выступления по «Свободе»**,

* Немзер А. Одолевая туман: Заметки о романе Г. Владимирова «Генерал и его армия» // Звезда. 1995. № 5. С. 184–188. См. также: Замечательное десятилетие русской литературы. М.: Захаров, 2003. С. 127–135.

** Текст выступления на «Свободе» (внесена Минюстом России в реестр СМИ-иноагентов) входит в публикацию: Немзер А. Опыт свободного вещания // Волга. 1996. № 1. С. 170–171. В этой передаче А.С. Немзер резко оспаривал концепцию статьи о Владимирове П.В. Басинского, опубликованной в «Литературной газете».

которого я не слышал. Было собранся Вам отписать, но тут пошла еще критика на «Генерала» (сказывают, по нынешним временам это редкость), и хотелось знать, «чем сердце успокоится». Ну, вот теперь, с выходом статьи Аннинского в «Новом мире»*, кажется, улеглось в целом благополучно для автора. Общее благосклонное отношение тем более удивительно, что между собою цапались критики довольно непримиримо — Вы с Басинским** и Бондаренко*** с Вами.

Ваша оценка, самая высокая («великий роман»), не прошла незамеченной в наших Тьмутараканях и произвела некое завихрение. Эта оценка, немало меня смутившая, происходит, может быть, оттого что я назвал бы «эффектом Венеры Милосской». Отсутствие некоторых составных частей заставляет предполагать в целом, возможно, и не существующие достоинства, больше того — даже отторгает эти части, как уже и не обязательные (хоть Вы и замечаете, что «истории... остаются недорассказанными», но это общему восприятию как будто не мешает). Я имел счастье видеть саму Даму в Лувре и видел рисунки с пятью вариантами — как ее укомплектовать конечностями (5 за 23 столетия — небогато, но у скольких еще, извините за каламбур, руки опустились перед такой задачей!). Варианты разные: Венера смотрится в зеркало, держит какую-то ветвь, прихватила упдающие одежды и т. п. — и все они хуже безрукой. Этот эффект знают киношники, и я знаю: когда смотрели отснятый материал по моей «Большой руде» (Господи, да помните ли Вы, что была такая повесть и по ней фильм?) — еще не смонтированный, с фонограммой, записанной при уличных шу-

* Аннинский Л. Спасти Россию ценой России. С. 214–221.

** Басинский П. Писатель и его слова // Литературная газета. 1994. 15 апреля. С. 4.

*** Бондаренко В. Русский реализм Георгия Владимова // Завтра. 1994. Июль. № 26. С. 7.

мах, под стрекот мотора и проч., то девушки-монтажницы даже прослезились. А когда все почистили, сляпали, причесали, озвучили в тон-студии, подложили музыку и т. д. — тут и исчезло волшебство. И не возвращалось ни при каких стараниях.

Ваша статья тоже содержит попытку приделывать руки — и любопытно, что шансы Кобрисова Вы в ней рассматриваете уже куда пессимистичнее, чем в письме, там-то слышался даже вздох облегчения. Разумеется, от Поклонной едут на погибель, ведь никакой армии у Кобрисова уже нет, он играет со смертью, за такое его возвращение эти бандюги, считающие, что с ним «хорошо расплатились», его по голове не погладят. И как читатель очень внимательный (Твардовский сказал бы — «квалифицированный») Вы ощущаете опасность и угадываете расправу довольно точно: «перевод на другой фронт... чекистская ликвидация без приговора... налет вражеской авиации». В общем-то здесь ничто ничему не противоречит, нет места для «или» — Чибисова, с кого во многом списан Кобрисов, и убили как полководца, переведя на другой фронт и давши другую армию, которая была уж точно не его. Я бы сказал, Вы верно чувствуете само дыхание гибели, притом — неминуемой; что же касается конкретных примет, то, в сущности, у автора, обладающего некоторой сюжетной ловкостью, многое может обернуться «кстати» — скажем, вроде бы случайно оброненное, что Светлооков был хорошим корректировщиком огня, но ему еще не приходилось вызывать его на себя*. Очень смешна уверенность Бондаренко, что раз генералы, едучи к войскам, не простуживаются, то все будет о'кей**. Я думаю, за всю французскую революцию по дороге к гильотине никто насморка не схватил.

* *Владимов Г. Собр. соч. Т. 3. С. 36.*

** *Бондаренко В. Русский реализм Георгия Владимова. С. 7.*

Есть в Вашей статье одна неточность — Мырятин обороняли не власовцы, просто русские, власовцы на территории СССР не воевали, об этом можете прочесть мое послесловие к очерку неизвестного мне Леонида Решина в № 8 «Знамени»: там, к слову сказать, найдете и продолжение некоторых генеральских судеб. Тогда, в войну, после власовского манифеста*, всех огульно стали звать его именем, и так это по сию пору и осталось. А казнили его с товарищами совершенно ни за что, их бы наградить полагалось**. Слава Богу (и Сергею Чупринину с Натальей Ивановой), что дали это высказать***.

Зато я Вам благодарен, помимо всего прочего, и за то, что не произвели фамилию «Шестериков» от шестерки. Забыто у нас слово «шестерик» — запряжка лошадей цугом в три пары; так они тащили дорогие кареты и дилижансы, но также и тяжелые орудия — даже в Отечественную, когда тягачи увязали в трясине. Мне кажется, что

* «Обращение Русского комитета к бойцам и командирам Красной армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза» (листовка) было подписано А.А. Власовым и В.Ф. Малышкиным 27 декабря 1942 года и опубликовано 13 января 1943-го. 27 декабря 1942 года появилась «Смоленская декларация», подписанная А.А. Власовым и В.Ф. Малышкиным, — призыв к советскому народу бороться со сталинским режимом. В «Пражском манифесте» (официально — «Манифест Комитета освобождения народов России», Прага, 14 ноября 1944 года) была сформулирована политическая программа власовского движения.

** А. Власов, Г. Жиленков, В. Малышкин и другие (всего двенадцать человек) после закрытого трехдневного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР были повешены в день вынесения приговора 1 августа 1946 года во дворе Бутырской тюрьмы в Москве. Как упоминалось, в 1994 году журнал «Знамя» опубликовал статью Л. Решина о власовском движении и отзыв на нее Г. Владимирова. В тексте Владимирова речь идет преимущественно о солдатах РОА и остается неясным, что он имел в виду, говоря в письме о награде Власову.

*** Подробнее о полемике с Л. Решиним см.: *Владимов Г. Новое следствие, приговор старый* // Знамя. 1994. № 8. С. 180–187.

фамилия выбрана верно, поскольку Шестериков соединяет в себе черты и слуги, и воина.

К сожалению, Вашу статью мне прислали в ксерокопии, поэтому не могу ничего сказать о Вашей газете. Пишет Лев Наврозов* в лос-анджелесской «Панораме», что у «Сегодня» тираж 8 тысяч, но что-то не верится. Наврозов — человек увлекающийся и собственными концепциями, и взятой с потолка информацией.

Несколько дней назад позвонили Чупринин с Ивановой, приглашают в Москву. Оплатят нам с женой дорогу и где-нибудь поселят. Предположительно в середине января. Это если Битов возражать не будет, он ведь у вас там теперь большая руководящая шишка (сколько известно мне, это по его идее отняли половинку премии у Кибирова и отдали Дмитрию Александровичу Пригову)**.

Так что встретимся — поговорим. Ехать — аж страшно, ведь 12 лет почти будет, как из белокаменной уехали!

Еще раз позвольте поблагодарить за добрые слова и за всю Вашу темпераментную статью.

Здоровья Вам и удач!

Ваш сердечно

Г. Владимов

Григорий Бакланов — Георгию Владимову

25.01.95

Дорогой Георгий Николаевич!

Мне, конечно, жаль было, что случай повидать Вас, поговорить, не сбылся. Хочу пожелать Вам полного выздоровления, если сердечный приступ был. Но я понимаю Вас,

* Наврозов Лев Андреевич (1928–2017) — писатель, переводчик, историк.

** Тимур Кибиров и Дмитрий Пригов разделили Пушкинскую премию фонда А. Тепфера в 1993 году.

я бы тоже не поехал за премией*, когда это безумие развязалось в Чечне**. Одну из Ваших премий принял и передал на хранение я, другую Наташа Иванова, она же прочла факс***. Не скрою, я был тронут тем, что Вы про меня пишете, мне дорого Ваше мнение, тем более что есть немного людей, чье мнение я ценю. Не сомневаюсь, что все дальнейшее, что я хочу сказать о Вашем романе, о Ваших книгах, Вы не свяжете с тем, что Вы обо мне писали; да я уже частично по телефону говорил о романе.

Из всех отъехавших или фактически выдворенных, изгнанных наших литераторов, я более всего ценю Вас. Солженицын не в счет, его «Архипелаг ГУЛАГ» — это особая статья, хотя он и не прозвучал у нас, как мог бы прозвучать: люди уже многое узнали, прочли. Нетленен «Один день Ивана Денисовича», рассказы — вот подлинное искусство. Пробовал я прочитать «В круге первом», которым когда-то (еще в рукописи) восторгался, пробовал прочесть «Раковый корпус» (он мне и раньше-то не очень нравился, хотя я выступал в его защиту) — ни то ни другое одолеть не смог. Не читаются, вот — абсолютный соцреализм, чего, наверное, он и сам не подозревает. Ну, а «Красное колесо» — это не по моим силам. Я даже в рукописи (а в рукописи запрещенное Вы знаете, как читается!), даже в рукописи не смог одолеть «В августе четырнадцатого». Отвратил язык, незнание войны. Да и откуда ему знать? В книге Решетовской есть его военная фотография: палатка, столик, стул, а сам он в офицерской кавалерийской шинели до пят и с разрезом до хлястика. С большими удобствами нужно было жить, чтобы иметь все это, да еще и жену вы-

* Премия журнала «Знамя» за 1994 год.

** Первая чеченская война началась 11 декабря 1994 года.

*** Владимир Г. «Мы живем в стране, где покаяние всегда запаздывало, но никогда не оказывалось лишним». Речь на встрече старого Нового года и празднике журнала «Знамя» (январь 1995-го) // Владимир Г. Собр. соч. Т. 4. С. 440–443.

писать на фронт, будучи лишь капитаном. А всего показательней шинель: ею же укрыться нельзя из-за разреза. На фронте носили пехотные шинели, ими же и укрывались.

И вот, в связи со всем сказанным, поразительно, как Вы могли написать роман «Генерал и его армия»? При определенной требовательности к себе можно выверить подробности, изучить ход операции и т. д. Но человеку не воевавшему так почувствовать атмосферу войны, самое неощутимое, если ты сам не пережил, так почувствовать и передать — это поразительно! И очень точна психология, психология людей этого времени. Прошел почти год, а у меня перед глазами и генерал Ваш, и Гудериан в Орле рядом с расстрелянными — очень сильная, глубокая картина. Гудериан и его танкисты в снегу... Да многое, многое. Литературной показала только сцена в Ясной Поляне, где Гудериан штудирует Толстого, и автор помогает ему в этом.

А вообще роман Ваш — подлинное произведение искусства — оказался сильнее своего автора. Мне показалось, что конец читается не так, как был задуман, он гораздо сильнее. Да, Ваш генерал жалеет солдат, имеет мужество (редкое для военного человека мужество) отстаивать свой план операции до конца, пожертвовать должностью и т. д. Но у войны своя логика, более сильная, чем логика одного человека. И когда он обласкан в конце и ликует пьяненький... Короче, я за войну не видел и не знал генералов, которые бы жалели солдат. «Солдатиков» вообще — да, но солдатом был для генерала тот человек, который обслуживал его. Это страшная школа, она готовит людей для одного из самых страшных дел.

Всем этим я хочу сказать только одно: очень хорошую книгу Вы написали, хочу, чтобы Вы как-нибудь надписали ее мне и моей жене Эльге Анатольевне*. Она большой Ваш почитатель.

* Бакланова Эльга Анатольевна (урожд. Цукерман; 1926–2017).

Однако на этом «загадка Владимирова» не кончается. Вы не сидели в лагерях, а «Верный Руслан», например, я ставлю в один ряд с бессмертным «Холстомером», с «Изумрудом». И шофером, сколько я знаю, Вы не были, а «Большая руда» — повесть удивительная, я не перечитывал ее с тех пор, а вот помню, многие сцены помню ясно.

И все эти три книги, каждая из которых становилась событием, выше, на мой взгляд, романа «Три минуты молчания»: а уж тут Вы все испытали, как говорится, на своей шкуре: и наплавались, и насмотрелись.

У Вас совершенно своя судьба в литературе, она опровергает многие сложившиеся представления. Но главное не то, что опровергаете, а то, что создано Вами. Не многим дано написать книгу, которой суждено остаться.

Вам дано.

Всего Вам доброго. Дружески жму Вашу руку. И, как говорится, дай Вам Бог. Пожалуйста, приветствуйте от меня Наташу.

Бакланов

Георгий Владимов — Григорию Бакланову

30 марта 1995 г.

Дорогой Григорий Яковлевич!

Ваше письмо, сказать по чести, было для меня большей наградой, чем те премии, что пришлось принять Вам и Наташе Ивановой. Вы правы — кроме недомогания (из-за переменчивой германской погоды), удержала Чечня, ощущение нашей беспомощности, какое я испытывал в диссидентстве, когда мы писали бесчисленные послания вождам, призывая вспомнить о государственном престиже, и ответом было «красноречивое молчание». Жалею, конечно, и я, что не встретились, но есть в конце концов Ваши добрые слова о моих писаниях, тем более весомые

и дорогие для меня, что исходят от писателя-фронтовика, к тому же — квалифицированного читателя (как любил себя называть Твардовский). В проницательности Вам не откажешь; действительно, Гудериан в «Воспоминаниях солдата» ни слова не говорит о «Войне и мире», лишь где-то вскользь упоминает в числе материалов, читанных перед вторжением, но я подумал, что не мог же человек, сам книги писавший и не про одни танки, живя 26 дней в Ясной Поляне, не потянуться к полке — что же там пописывал хозяин усадьбы — и как-то соотнести это с реальностью. Вышло — литературно, и Вы это почувствовали.

Что же до «загадки Владимова», она чрезвычайно проста или ее вообще не существует. Все дело, наверное, в том, удастся ли автору создать свой воображаемый мир, более стройный, гармоничный — и оттого более убедительный, чем сама реальность. Вы знаете, эмигранты иной раз тоже пишут коллегам по поводу прочитанного, и самым приятным было для меня откровение такого рода: «Верится, что все было именно так, а не иначе». А я и не знал, как оно было, я только постарался себе это представить как можно зримее, опираясь на прочитанное или рассказанное людьми воевавшими — от солдат до маршала (Мерецкова), на детство, прожитое в военных городках, на годы в суворовском училище, где воспитателями были еще горячие фронтовики, только вчера из госпиталя — у кого пальцы не сгибаются, у кого глаз не поворачивается в глазнице... Любопытно, что и все вы, фронтовики, приступили к теме войны лет через 10–12, и не только из-за цензурных препон, а что-то в вас самих должно было отстояться, должна была составиться у каждого своя война — может быть, уже и не та, что была на самом деле, но в русле некоей художественной концепции. Не говорю о Симонове, с его не столько писательской хваткой, сколько журналистской, но явление Виктора Некра-

сова выглядело уникальным, ведь он писал свои «Окопы»* чуть не в конце 1945-го. Однако ж, и это, я думаю, объяснимо: он встретил войну всех вас взрослее, 30-летним, к тому же имея два художественных образования — архитектурное и театральное, что, наверное, помогает выработке искомой концепции.

Построить свой мир в «Трех минутах молчания» было трудненько из-за решения — может быть, ошибочного — писать этот роман от первого лица. Твардовский считал, что я себе попросту облегчил задачу, уклонившись от «дирижирования оркестром», и даже отказывался признать сие произведение романом, ибо роман от первого лица не свойственен русской прозе, предлагал назвать ему хоть один такой в XIX веке. Нашли ему такой — «Подросток» Достоевского. Но задачи я себе ничуть не облегчил, дирижировать все равно пришлось, только не своими руками, а руками матроса, видеть мир его глазами, говорить его устами, которые иных слов произнести не хотят или не могут. А сверх того, пришлось слишком много объяснять читателю из области судовождения и такелажа. Удивительно лишь то, что «Три минуты» оказались самой читаемой из моих вещей, чуть не на первом месте в 1970–1971 годы, даже превзойдя кочетовский роман «Чего же ты хочешь?»**. Помните такой?

Можно представить себе восторги Солженицына, дорвавшегося до архивов, всяко лыко лезет в строку. Читатель терпеливый, я ведь одолел-таки его «Колесо», не переставая удивляться: наряду с эпизодами очень сильными — провалы, обрывы сюжетных линий и судеб, неумное цитирование газет и думских протоколов. Но про его незнание

* Книга Виктора Некрасова в первой публикации называлась «Сталинград» и была опубликована в журнале «Знамя» (1946. № 8–10). Под этим же названием она вышла в том же году отдельной книгой в издательстве «Московский рабочий». Во всех последующих изданиях она называлась «В окопах Сталинграда».

** Кочетов В. Чего же ты хочешь? // Октябрь. 1969. № 9–11.

войны мне судить трудно. Читая «Август», казалось мне, что все это он знает: и что такое бой, и жизнь штабов, и мироощущение командующего армией. Вероятно, впечатление его незнания происходит от завала подробностей и слишком послушного следования «правде истории». Военная проза, не мне Вам говорить, сюжетно очень зависима от пейзажа, ландшафта, от времени года, от погоды: ну, так надо было свой пейзаж выдумать, свою погоду, даже свою дислокацию войск, а то ведь получается скучнейшее передвижение таких-то дивизий из пункта А в пункт Б, даже и не дивизий, а номеров. И приложенная карта не спасает от скуки. Знал ли он войну не как писатель, а как человек, офицер? Странна мне эта звукобатарея — бывший артиллерист Василий Ордынский, с которым делали в кино «Большую руду», что-то не слышал про такое. А генерал Григоренко рассказывал мне, как он подбивал Александра Исаевича написать об Отечественной, потягаться с толстовской эпопеей, а тот лишь отмахивался: «Какая у меня была высота наблюдения?» Звучит не очень убедительно — а какая она была у Толстого? — и похоже, как-то не сильно А.И. был этой войной задет. А шинели кавалерийские я хорошо помню — моя мать до войны преподавала русский язык и литературу в кавалерийском училище в Харькове — так там по кромке разреза шли маленькие пуговицы для застегивания, их тоже драили зубным порошком на фанерке с прорезью. Особое пижонство — чтоб блестело на заднице! Но, поди, все же продувало между пуговками?

О шинелях я говорю, поскольку вижу, что Вы не потеряли вкуса к детали, говорящей о человеке больше, чем, быть может, ему хотелось бы. Сколько их было! — и каких! — в «Иване Денисовиче» и, особенно, в «Матренином дворе», и как все теперь затопила идеология — против которой он столько воевал. И ведь прав был, в идеологии ни философии нет, ни нравственности, она и придумывается из своекорыстного интереса («Нравственно то, что

на пользу пролетариату»*), тогда как искусство живет детально, которая зачастую больше целого! Чтоб яснее было, сошлюсь на Бакланова. Человек по имени Парцвания** (верно ли пишу?) остается в памяти тем, что приносил еду в термосе и что однажды термос прибыл без Парцвании, забрызганный его кровью. И возникла нравственная дилемма. Не кощунственно ли эту кровь стереть тряпкой, пучком травы, а содержимое раздать по котелкам и съесть за милую душу? И напротив — не кощунственно ли это варево в землю вывалить, когда человек жизнь положил, чтобы его доставить на плацдарм? Такие вот вещи, простые, как библейские тексты, и задают работу для ума.

«Зная» объявляет Ваш новый роман, ради которого, как я понимаю, Вы и оставили редакторское кресло***. Пожелаю же Вам молодых сил — и удачи. Перефразируя Суворова, «помилуй Бог, надобна же и удача»****.

Как выпущу «Генерала» в «Книжной палате», то, разумеется, подпишу Вам с Эльгой Анатольевной, которой прошу передать мой привет и поклон. Между прочим, она права насчет влияния Гоголя. Люблю его больше, чем Достоевского. Но все же военная проза к нам пришла не из «Тараса Бульбы», а из «Севастопольских рассказов» одного артиллерийского поручика с простреливающим взглядом.

Наташа Вам обоим кланяется.

Ваш сердечно Г. Владимов

* Перифраза В.И. Ленина «Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата» из речи «Задачи союзов молодежи» на III съезде РКСМ 2 октября 1920 года. <https://leninism.su/works/80-tom-41/1218-zadachi-soyuzov-molodezhi.html>.

** Персонаж повести Григория Бакланова «Пядь земли». М.: Художественная литература, 1973.

*** Бакланов Г. И тогда приходят мародеры // Знамя. 1995. № 5; отдельной книгой роман был издан в издательстве «Книжная палата» в 1996 году.

**** Вероятно, Владимов перефразирует фразу Суворова «Сегодня удача, завтра удача, помилуй Бог: надобно же немного и ума». См.: Полевой Н. История князя Италийского. СПб.: 1843. С. 312.

Георгий Владимов — Александру Солженицыну

7 мая 1993 г.

Дорогой Александр Исаевич!

Благодарю Вас за письмо от 24.4. Как всегда у Вас, оно прежде всего информативно: только из него я узнал о соотношении пленных и убитых, о провокациях особистов с пленными немцами.

А на дружеское участие и добрый совет — грех обижаться, тем более что мысль автора в рецензии выглядит и впрямь уплощенно. Да и не могло иначе быть, когда из целого выдергиваешь отрывок, критик из него — цитатки, а газета еще усекает их. У меня же — Гудериан в Ясной Поляне перебирает причины, отчего не удался блицкриг: тут и новинка Т-34, и возня с Киевским котлом вместо рывка на Москву (по плану «Барбаросса»), и эти сонмы пленных, коими русские себе купили время, дотянули до зимы. И как один из немногих, кто понимал, что нельзя с народом так же обращаться, как большевики, «панцер-генерал» винит главнокомандующего (Гитлера), проморгавшего «перемену флага»: вместо снятия социализма выдвинуты святыни национальные, Совдепия с классовой борьбой обернулась — Россией («Пусть вдохновит вас образ великих предков»* и прочее). В таком контексте и всхлип «Братья и сестры!»** к душе приляжет.

Речь Сталина 3-го июля я слушал 10-летним в Харькове, в толпе молодых командиров, вчерашних курсантов

* «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков Александра Невского, Дмитрия Донского...» Из речи И.В. Сталина на параде Красной армии на Красной площади в Москве. 7 ноября 1941 года // Известия. 1941. 9 ноября. С. 1.

** Выступление 3 июля 1941 года по радио И.В. Сталина, Председателя Государственного комитета обороны, начиналось словами: «Братья и сестры!»

училища (где моя мать преподавала русский язык и литературу), а завтрашних мертвецов либо пленных (ни одного я во всю остальную жизнь не встретил!); тут, разумеется, никто репродуктору не грозил, слушали угрюмо — и, как мне теперь кажется, улавливали некое обещание: вот, мол, отобьемся, победим, и все пойдет по-другому... Не так давно «Свобода»* ту речь воспроизвела — Боже, ничего этого не было, никаких обещаний, ни удержанных слез, ни сдавленного дыхания, одно сухое бубнение с акцентом... Вот что с нашим восприятием делает время!

Сходства с 1812 годом, действительно, нет — и Гудериан его не находит, сопоставляя себя с Наполеоном, но, сидючи 26 дней в доме Толстого, невольно об этом думается. Дать же «картину войны» я задачей себе не ставил, один бы кусок ее донести. Однако ж, и Власова я не упустил — только не в Киеве, а под Москвой. Этот отрывок даже «Московские новости» дали полностью — и с портретом командарма-20**. И вот это-то и обидно: тема, Вы говорите, стержневая, но, когда уже столько можно о той войне сказать, никого это не интересует, к фронтовикам отношение похабное, иной раз и так говорят им: «Зачем вы Россию спасали от немцев, которые нам теперь помогают, лучше бы они нас в 41-м завоевали...» Последнее, впрочем, я слышал и здесь — от энтээсовцев.

Хоть и не по теме письма (а может, как раз по теме), но воспользуюсь случаем сказать о «Красном колесе». Прочел у М. Геллера в «Русской мысли», как закономерно автор завершает повествование апрелем 1917-го, когда «уже все ясно»***, и было хотел выступить против — ему,

* «Радио Свобода» внесено Минюстом России в реестр СМИ-иноагентов.

** *Владимов Г.* Престол Андрея Стратилата // *Московские новости.* 1990. 8 апреля. С. 8–9.

*** *Геллер М.* Александр Солженицын: писатель на все времена // *Русская мысль.* 1981. 21 мая. С. 11.

историку, может быть, и ясно, а мне, читателю, нет. Но — застеснялся: что же это я буду писателя поучать, где ему ставить точку? А в частном письме оно вроде пристойнее. Я вот что думаю: сосредоточась на Феврале, естественно было Вам отказаться от прежнего замаха в год 1922-й, однако же и в апреле 1917-го «сквозь туман кремнистый путь блестит». Апрельский броневилок, тезисы, балкон Кшесинской — да, это уже начало Октября, это ему принадлежит, но и Февраль, как в армии говорят, еще «не отстрелялся»; хоть и сданы первые траншеи, но еще будет контрудар в июле — ну, и корниловский мятеж! Читая, я предвкушал Ваш корниловский мятеж (путч, если по-нынешнему, или пронунсиаменто) и особенно приглядывался к тем, кому назначено сыграть в этом финале финалов. Да ведь и профессия Воротынцева* наводила на мысль, что последний рубеж будут оборонять военные, вокруг генерала. Вы ссылаетесь на усталость, на возраст, но, сдается мне, это все внешние объяснения, внутреннее же ощущение — истощенности темы. А она — не истощена! Это Геллер знает, что Корнилова предаст Керенский, а Крымов** застрелится, мне же, читателю, позволено в этом детективе надеяться на чудесный конец: а вдруг повезет России — и еще все может быть поправлено, спасено! Не знаю, довольно ли внятно я выражаюсь, но хотелось бы, чтобы Вы об этом подумали.

Пожелаю Вам всего наилучшего и трижды — здоровья!

Ваш Георгий Владимов

* Полковник Воротынцев — один из центральных персонажей романа-эпопеи «Красное колесо».

** Генерал А.М. Крымов застрелится (по официальной версии) 31 августа 1917 года.

Александр Солженицын — Георгию Владимову

31.08.1997

Дорогой Георгий Николаевич!

Не хотел я читать Вашего романа в журнальных версиях, ждал отдельного окончательного издания. дождался, прочел.

Поздравляю Вас! — книга очень значительная, весо-
мая, умная, яркая, многое запомнится навсегда. От пер-
вых же страниц — удовольствие читать: настоящая лите-
ратура, какой (современной) давно не читал. Для такой
обширной по содержанию картины — весьма компактная
конструкция, нет обвисаний, но тщательно исполнены
замыкания всех начатых завязок. Книга несколько раз по-
ражает как бы самыми неожиданными (а на самом деле
имманентными) поворотами: от «Поклонной горы» (див-
ная сцена) поворот Кобрисова на фронт, и потом орудий-
ный обстрел их «виллиса». Допрос перебежчика из Мы-
рятина — просто кусок живого сердца и мяса — да тема,
которой советско-«российская» литература и по-сейчас
боится. (По моим многочисленным тюремным встре-
чам — все верно до струнки!) Блистательно и: начавшаяся
переправа, команды Шестерикова — и лежка Кобрисова
с медсестрой. (Так и не названной Вами по имени — и хо-
рошо!) И не-расстрел Галишникова (хуже расстрела). Вла-
совская тема, по ее неосвещенности, выдвигается даже
вперед общефронтовой. Провидческая встреча с храмом
Стратилата (и опять тот же удачный прием: генерал не
сразу назван по фамилии) — и вполне убеждает перенос
к Гудериану и символическое совпадение моментов наступ-
ления нашего и отступления их. И Гудериан — удался. (Ко-
гда в советских романах давали немецких высоких лиц —
то всегда неживые чучела.) Вижу, что Вам изрядно доста-
лось за все это в бранных рецензиях, не усмотревших

в книге главного. Не обращайтесь на них внимания, книга — навсегда останется в нашей литературе.

По ходу чтения я делал записи, и мог бы еще многое сказать (среди разрушенного Киева как дивен «Ангел» — Владимир — и получукчевое восприятие Кобрисова), и сам Кобрисов проведен через роман с большим тактом и верностью.

И невозможно не заметить Вашей отличной осведомленности во фронтовых реалиях (сказалось Ваше «суворовское» воспитание? — а потом вникание, внимание, военные знакомства?) — что в артиллерийском деле, что в танковом, что в авиационном.

Но одно провисание все-таки есть — это 5-я глава. И в обеих ее половинах: в дубянской камере не хватает безвыходности гнета, тревоги, а камерная болтовня с вяловатым остроумием рыхла (напротив, Опрядкин — и свежо, и очень удался). И — неправдоподобное двухмесячное отступление без соприкосновения с противником (так могло длиться, — ну, 3–5 дней) — и вот тут-то совсем потеряно ощущение армейской массы. (Я испугался, что от этого момента роман сломится, но так — не произошло, стержень восстановился, и вся композиция, едино включившая и декабрь 41 года под Москвой и октябрь 43-го под Киевом, узловые моменты войны.)

Радуюсь Вашему успеху. Желаю еще следующих! Понимаю, как Вам невыносимо тяжело после Вашей недавней потери. И к тому — неудача вернуться в Россию, что именно Вам-то и тяжело.

Жму руку

Ваш Солженицын*

* Солженицын А. Георгий Владимов — «Генерал и его армия». Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 2004. № 2. С. 144–151.

Георгий Владимов — Александру Солженицыну

17.11.1997

Дорогой Александр Исаевич!

Извините, Бога ради, что так поздно откликаюсь на Ваше письмо. Датированное 31 августа, оно меня достигло ровно к празднику 7 ноября. Возможно, из-за двойного пересечения Атлантики.

Что сказать? Бесконечно рад, что понравился Вам роман, и это не одними словами выражено, но и всем эмоциональным настроем. Ваше мнение всегда много значило для меня — и поэтому тогда так обескуражило по поводу «Трех минут молчания», которые вроде бы и писать не следовало. Теперь же мне и то приятно было услышать, что Вы не стали читать главы и журнальный вариант, а предпочли дождаться полного текста. Был, значит, серьезный интерес.

По всем главным, узловым моментам Вы отметили как удачу именно то, о чем и мечталось, чтобы понравилось. И скажу с благодарностью (да Вы, впрочем, это и могли заметить), что многие понятия — в частности, по власовской теме и не только по ней — почерпнуты из «Архипелага», который для меня остается настольной энциклопедией. Счастлив, если удалось копилку пополнить.

Критику Вашу принимаю. Не досталось мне жесткого опыта лубянских камер, посидеть не пришлось — кроме суворовских трехсуточных карцеров, но там же и повинность была, и точный час выхода, а проникнуться безысходностью заключения без вины — нормальному воображению, может быть, и не дано. По поводу отступления без серьезных схваток с противником — тут бы я отстаивал право на случаи уникальные, так отступала от Каунаса до межозерного дефиле близ Осташкова 11-я армия генерала Озерова, но верны — и огорчительны Ваши слова

о потере ощущения армейской массы. То есть потеряна армия, обещанная в заглавии. Я это и чувствовал, да не знал, как преодолеть. Видимо, слишком увлекся идейными спорами Кобрисова с комиссаром, которые не хотелось перемешать жанровыми солдатскими эпизодиками.

Бранные рецензии, конечно, стараешься не принимать всерьез — если это не Богомолов, столь для меня неожиданный. Печально, что критика наша — убогая. В одном почтенном органе сказали, что для войны маловато у меня крови и гноя, в другом — обозвали автора «литературным власовцем» (но это, кажется, теперь комплимент?), в третьем «гудерианцем», пресмыкающимся перед немецкими бюргерами, любителями колбас и пива, будто у нас к этому национальное отвращение. Интересно, что еще ведомо критику о Германии?

Тронуло Ваше сочувствие к моей тяжелой потере* и к невозможности (пока) вернуться в Россию. Тут и «Букер» не помог (а была надежда!), хоть и позволил закончить роман. Ну, как будто ПЕН-клуб наш взялся квартиру выбить.

Кланяйтесь, пожалуйста, Наталии Дмитриевне. Берегите друг друга. Пожелаю здоровья, бодрости, завершения трудов.

Ваш Г. Владимов

* Смерть 26 февраля 1997 года Натальи Евгеньевны Кузнецовой (1937–1997).

Глава двадцать вторая

Возвращение

Когда я вернусь... А когда я вернусь?..

Александр Галич. Когда я вернусь

Ты — часть нашей драмы, нашей судьбы, без тебя нельзя. Речь не про то, где тебе жить: жить надо там, где ты живешь. Но — все, что ты думаешь и пишешь, — это часть нашей жизни, это *нам* нужно, *жизненно* нужно, *здесь* нужно...*

Лев Аннинский — Георгию Владимову

В России наступали большие перемены, и Владимов очень стремился на родину. В мае 1990 года после семи лет отсутствия Георгий Николаевич с Наташей впервые поехали в Ленинград по приглашению неправительственной организации, международного общества «Гулливёр». Эта поездка произвела на Владимирова сильное впечатление, так как с наступлением перестройки жизнь совершенно переменилась. Его поразило количество людей, особенно пожилых женщин, которые старались продать мелочи, «*пакетик чипсов*», в надежде заработать хоть немножко денег. Он жил в «Астории», но почти все время встречался с друзьями и гулял по городу. Много времени проводил с Ильей Львовичем

* Аннинский Л. Удары шпагой. С. 200.

Белявским, с которым они вместе съездили на могилу Марии Оскаровны. Они разобрали ее бумаги, хранившиеся у Белявского. Среди них были письма, тетрадь лирических стихов, любовных — посвященных мужу, Николаю Волосевичу, нежнейших — сыну и внучке Марине, а также стихи, написанные в тюрьме. Там же были подборки ее газетных публикаций, документы и фотографии.

15 августа 1990-го Михаил Горбачев подписал Указ Президента СССР № 568 «Об отмене Указов Президиума Верховного Совета СССР о лишении гражданства СССР некоторых лиц, проживающих вне пределов СССР». В соответствии с пунктом 15 этого указа Георгию Владимову было возвращено советское гражданство.

Была возможность поехать на следующий год в Москву на Конгресс соотечественников, но Владимов предполагал, что одним из организаторов был НТС. И был обижен тем, что Наташа не была приглашена вместе с ним:

А в августе 1991-го я не поехал, потому что меня пригласили, а Наташу — нет. Я решил, что я не могу ездить, пока она одна в Германии сидит. И мне казалось это очень несправедливым. Она для правозащитного движения сделала больше многих, кто был приглашен. Но я очень пожалел потом, так как именно в 1991-м начался путч. Я мог бы там быть в это время, но пропустил историю (ГВ).

В начале 1990-х он очень интенсивно работал над романом «Генерал и его армия», мечтая, что это произведение станет главной вехой его возвращения в Россию. Он рассчитывал на получение квартиры в Москве и возможности жить на два дома, как его друзья В.П. Аксенов и В.Н. Войнович. Уже упоминалось, что опубликованный в 1994 году в «Знамени» журнальный вариант был выдвинут в 1995-м на Букеровскую премию и Владимов приглашен в Москву. Юз Алешковский предоставил в распоря-

жение Георгия Николаевича и Наташи свою квартиру на время их пребывания в столице. До последнего момента Владимов не был уверен в присуждении ему премии. Церемония состоялась 4 декабря 1995 года — он был объявлен лауреатом.

Получение Букеровской премии воспринималось как обратный перелет через время и пространство. Это была победа его литературного творчества над вынужденной эмиграцией, над одиночеством и изоляцией в чужой стране.

К профессиональной радости добавлялось возбуждение от важнейшего события в личной жизни: после двух десятилетий разлуки Владимов ожидал первой встречи со своей дочерью Мариной, близость с которой осветила теплом и любовью последние годы его жизни. В Москве они выпили на брудершафт — вся переписка до тех пор была очень формальной, на «вы».

Вскоре по приезде в Москву Наташа заболела и слегла с высокой температурой. Когда они вернулись в Германию, выяснилось, что у нее воспаление легких, которое она очень тяжело перенесла. В Нидернхаузене обеспокоенные врачи предлагали немедленное обследование, но Наташа категорически отказывалась. Как вскоре выяснилось, ее состояние было безнадежным, неоперабельный рак, от которого нет лечения. В течение двух лет она боролась с болезнью диетами, лекарствами и страстным детским желанием жить ради «своего Жорика».

Наталия Евгеньевна Кузнецова умерла 2 февраля 1997-го. Отбирая для похорон ее любимые вещи, Георгий Николаевич обнаружил, что в доме не было ни одной целой пары чулок. Красавица и кокетливая модница, Наташа аккуратненько зашивала их. Денег последние годы, особенно до Букера, было очень мало, и она потихоньку от мужа экономила, на чем и как могла. Это поразило и тронуло его до слез. Жизнь в Нидернхаузене в одиноче-

стве без ее заботы, любви и преданности казалась совершенно непредставимой.

Похоронив Наташу рядом с Еленой Юльевной на кладбище поблизости от Нидернхаузена*, Владимир с трудом приходил в себя. Он каждый день ездил на могилы, убирал снег, весной сажал цветы, сколотил скамеечку, иногда сидел и читал на ней, подремывал. Если не было дождя, он проводил на кладбище часть дня, иногда гуляя по окрестностям. Вернувшись в пустой дом, пил водку, чтобы смягчить боль и заснуть. Его мучило чувство вины перед Еленой Юльевной — он думал, что она прожила бы дольше, если бы он не сорвал ее с места**. Первые месяцы он был психологически в тяжелом состоянии. Я видела это, когда он дважды приезжал к нам в Лондон в тот год.

Осенью Георгий Николаевич решил собрать и издать сборник статей Наташи — литературный памятник, который останется от нее. Начав писать в «Гранях» при Владимове (в журнале не хватало критики), Наташа расцвела в этом жанре, проявив себя ярким и талантливым автором. Л.А. Аннинский писал ей: «Я об этом скажу так: если досужие парижские дамы... считают, что статьи “Н. Кузнецовой” написаны Г. Владимовым, значит, статьи написаны на том уровне, что их *можно* приписать Г. Владимову»***. Ее письма Л.А. Аннинскому показывают острый ум, наблюдательность, чувство юмора и литературную одаренность. Сами Владимовы жили трудно, но в начале 1990-х, когда ситуация в России была критической, они слали Аннинским большие посылки с едой и вещами, трогавшие их друзей чрезвычайно: «В подбо-

* Наталия Евгеньевна Кузнецова похоронена рядом с ее матерью Еленой Юльевной Домбровской на кладбище в Оберйосбах (Oberjosbach). В переписке с Аннинским место неверно названо Оберносбах.

** Владимова М. Мой отец — Георгий Владимов. С. 18.

*** Аннинский Л. Удары шпагой. С. 286.

ре суповых концентратов, консервов, приправ и прочих намазок на хлеб насущный (хлеб в ту зиму стал отнюдь не фигуральной, а вполне реальной, и основной едой) — во всем этом ощущались и владимовская воинская хватка, и Наташина душевная щедрость.

Мы были растроганы до неловкости (21.11.91)»*.

Сборник «Что с нами происходит? Литературная критика, публицистика, выступления по радио»** вышел в 1998 году и принес некоторое успокоение: «*Ташечка была бы очень рада*». Он включил в него статьи, публиковавшиеся в эмигрантских изданиях «Континент», «Русская мысль», «Бостонское время», «Панорама», а позднее в журнале «Знамя» и «Независимой газете», а также записи на «Радио Свобода»***.

Предисловие, названное «Серебряное перышко», нежное, полное драгоценных эпитетов, — было написано верным и близким другом Владимовых Львом Александровичем Аннинским. Отметя все суетное, многих при жизни Наташи столь раздражавшее, Аннинский свидетельствовал о главном в ней теми словами, которые хотел читать Владимов: «Вежливость безукоризненна. Фраза выточена. Учтивость отдает хрупким ледком, как при раскланивании в дверях. Или при вызове на дуэль.

Облик безукоризнен. Летящая легкость и тот шарм, что не позволяет женщине появиться на людях без шляпки, а шляпке — быть без бантика, ленточки и качающихся ромашек.

Стиль безукоризненен»****.

* Аннинский Л. Удары шпагой. С. 200.

** Кузнецова Н. Что с нами происходит? Литературная критика, публицистика, выступления по радио. М.: Текст, 1998. С. 240.

*** Внесено Минюстом России в реестр СМИ-иноагентов.

**** Аннинский Л. Серебряное перышко // Кузнецова Н. Что с нами происходит?.. С. 5.

Аннинский разослал сборник по библиотекам. Владимов подарил его всем друзьям. Но полностью смириться с Наташиной смертью: «...почему так рано, всего в пятьдесят девять лет?» — он никогда не смог. Острота горя смягчилась с годами, но боль и чувство огромной потери оставались с ним до конца жизни.

Поздней весной 1997-го в жизни Владимирова неожиданно случилось чудо, как будто вызванное к жизни его собственным творчеством: звезда, увиденная из темного трюма днем посреди океана Сеней Шалаем и ставшая в романе «Три минуты молчания» символом и призывом к человеческой доброте, вдруг зажглась в жизни писателя. В квартире в Нидернхаузене раздался телефонный звонок, и незнакомый голос представился: «Борис Эрленович Гольдман». Незнакомец объяснил, что звонит из Москвы. Перед отъездом Владимирова в эмиграцию один из друзей Гольдмана попросил для него у писателя автограф: Владимов расписался на экземплярах двух своих книг. Самой любимой книгой Бориса Эрленовича был роман «Три минуты молчания». Гольдман сказал по телефону, что этот роман сформировал его и на протяжении десятилетий был главной, много раз перечитываемой им книгой, — он считал себя глубоко обязанным Владимову. Владелец успешного рекламного агентства, он решил, что пришла пора помочь любимому писателю — «человеку, который столько сделал для меня, и, наверное, не только для меня, пора возвращать долги»*. Гольдман предлагал субсидировать издание собрания сочинений Георгия Владимирова. Предварительный авторский гонорар, который он намеревался выплатить, — 10 тысяч долларов, потом проценты от продаж. Владимов едва верил своим ушам и даже заподозрил, что это может быть розыгрыш или какой-то подвох. Он сразу позвонил нам, и я,

* Редакционная статья // Московские новости. 1998. 15 июня. С. 24.

очень обрадовавшись, сказала, что едва ли это обман: богатым людям, любящим искусство и литературу, приятно чувствовать себя меценатами, наверное, и Гольдман такой. Риска никакого, нужно подождать: человек деловой, он обязательно пришлет контракт, из которого все будет ясно. Письменное подтверждение не заставило себя ждать, все было солидно и серьезно.

Георгий Николаевич очень увлекся, переписывался с Борисом Эрленовичем, говорил с ним по телефону, уточнял юридические детали контракта не потому, что в чем-то сомневался — видно было, что ему чрезвычайно нравилась вся эта процедура*. Владимир активно советовался с Аннинским, как лучше составить собрание сочинений и остановился на варианте, который и вышел в свет: вступительная статья Л.А. Аннинского «Рок, судьба и участь Георгия Владимова», три тома прозы, четвертый — избранная публицистика и письма.

В октябре–ноябре 1997 года Георгий Николаевич пригласил Марину в поездку по Европе на машине**. Она писала, что была поражена, увидев его в аэропорту, «впечатлением огромного несчастья»***, которое он производил после смерти Наташи. Сначала они провели неделю в Нидернхаузене, так как Георгий Николаевич заканчивал подготовку своего собрания сочинений для издания. Марина описывает, как в запущенной квартире кабинет с письменным столом и книгами был в безупречном состоянии. В квартире Марину поразило также количество инструментов, разложенных в идеальном порядке. Георгий Николаевич очень любил мастерить что-то руками, возился со своей машиной — «пассатиком» и сам чинил все неполадки в квартире.

* Переписка хранится в архиве FSO Бременского университета в фонде Владимова.

** Владимир с восхищением рассказывал мне об этом путешествии, см. также: *Владимова М.* Мой отец — Георгий Владимов. С. 21–38.

*** Там же. С. 16.

На столе стоял компьютер, рядом красовался ноутбук. Георгий Николаевич, по выражению дочери, «заболел компьютерами». Всем друзьям и людям, которым он симпатизировал, он описывал замечательные свойства ноутбуков и всяческих гаджетов. Когда он приезжал к нам в Лондон, он проводил иногда полдня на Tottenham Court Road — улице компьютерных магазинов, находящейся близко от нас.

История приобретения его собственного ноутбука была такова. В начале 1990-х портативные компьютеры были еще очень дороги. Однажды Наташа, нарядившись по красивее, объявила, что собирается в казино в Висбаден: нужно же испытать, как это бывает, раз там играл Достоевский. Они поехали, и к полному изумлению мужа, Наташа за вечер выиграла 3000 немецких марок: «*Везение начинающих*». На этом она остановилась, и по дороге домой объявила мужу, что дарит ему эти деньги на ноутбук. Счастью обоих не было предела.

Когда подготовка четырехтомника была завершена, загрузив вещи в багажник и вооружившись дорожной картой Европы, Георгий Николаевич с Мариной отправились в странствие, проехав по Южной Германии, потом Франции и Северной Испании. Георгий Николаевич безмерно наслаждался близостью живой, сообразительной, всем интересующейся дочери. Денег было мало, жили в дешевеньких гостиницах, однажды по случайности сняли номер на ночь во французском борделе, где портье, оценив красоту Марины, одобряюще покивал Георгию Николаевичу. Наутро, сообразив, куда попали, побыстрее сбежали из злачного местечка. Перебирали открытки в киосках, чтобы выяснить местные достопримечательности. И очень много разговаривали, открывая друг друга, особенно по вечерам за бутылочкой дешевого местного вина. Путешествие было полным успехом. После отъезда Марины одиночество чувствовалось особенно остро.

В конце декабря 1997 года он полетел в Москву, чтобы встретить Новый год с дочерью. Они были в узком семейном кругу, и, по словам Марины, Георгий Николаевич был очень грустен, повторяя: «Мой первый Новый год без Ташечки». Потом Б.Э. Гольдман оплатил для Георгия Николаевича и Марины квартиру в центре Москвы, где они вместе прожили зимой 1998-го два месяца. Для Владимова, несмотря на очень живую боль потери, эти два месяца были радостным временем. Он ходил с Мариной в гости к старым друзьям, возобновил дружбу с В.Н. Войновичем. Подружился с Г.М. Поженяном и часто общался Г.Я. Баклановым — оба фронтовика и как личности, и как профессионалы вызывали его глубокое восхищение.

К июню четырехтомник был издан, и в середине месяца Георгий Николаевич еще раз полетел в Москву. Гольдман поместил его и Марину в гостиницу «Рэдиссон Славянская». 23 июня 1998 года состоялась многолюдная презентация в здании Малого Манежа. Борис Эрленович устроил все с размахом и вкусом. Это было замечательное событие, собравшее самых разных людей — писателей, поэтов, деятелей культуры и артистов. Борис Эрленович и Георгий Николаевич провели пресс-конференцию. Всем, кто был на презентации, подарили четырехтомник. Центральные газеты напечатали сообщения и статьи об этом событии. Наталья Иванова писала: «То, что вошло в четырехтомник, составляет не только прозу Владимова, но и нашу общую историю. Молодой Пастернак уподобил книгу “куску дымящейся совести”, — у Владимова этика и творчество неразделимы»*.

Впоследствии Борис Эрленович говорил, что сделал ошибку, издав собрание сочинений в своем издательстве. Было бы проще и эффективнее заплатить профессиональ-

* Иванова Н. Четырехкнижие Георгия Владимова // Московские новости. 1998. 15 июня. С. 24.

ному литературному издательству и предоставить им возможность распределения по магазинам и библиотекам, для которых он готов был бы оплатить стоимость собрания сочинений. В результате часть тиража в 10 тысяч экземпляров осталась нераспроданной: книги не попали в книжные магазины в российских провинциях, не появились в основных каталогах и поэтому западными университетскими библиотеками приобретены не были. Рассылка по российским провинциальным библиотекам была делом сложным и трудоемким. Но все это стало очевидным позднее.

Главным и нерешенным оставался для Владимирова квартирный вопрос. Уезжая в эмиграцию, Георгий Николаевич оставил сыну Роя Медведева доверенность на квартиру на Малой Филевской с правом проживания. Но кооператив, не уведомляя владельцев, конфисковал «жилплощадь» после того, как Владимирова лишили советского гражданства. В 1995 году Владимову возместили первый взнос — 3000 рублей, сумма, потерявшая всякий смысл и значение при инфляции той поры. Таким образом, нужно было добиваться новой квартиры. Московская мэрия объявила, что не может принять на себя ответственность за безобразия советской власти и за конфискацию жилплощади, тем более кооперативной, не отвечает. Владимову устно передали предложение: он может получить квартиру от мэрии при условии полного переезда в Россию, требование, которое Аксенову и Войновичу не предъявлялось. На такой радикальный шаг Георгий Николаевич решиться не мог сначала из-за здоровья Наташи, а потом из-за того, что на кладбище под Нидернхаузенем оставались могилы Наташи и Елены Юльевны, бросить которые было для него совершенно невозможно. Мэр Ю.М. Лужков предлагал купить квартиру, по словам Владимирова, за 60–70 тысяч долларов. Георгий Николаевич обратился в ПЕН-клуб к Андрею Битову, который сразу сказал, что, конечно, может устро-

ить покупку квартиры, но речь шла о сумме в 25–30 тысяч долларов. Брать деньги у предлагавшего их Гольдмана Владимов не хотел, так как был твердо уверен, что государство обязано возвратить ему «украденную» квартиру: «...Я хочу получить сдачу там, где меня обсчитали»*. Но государство «возвращать сдачу» не торопилось. Еще 18 сентября 1995 года он написал письмо Ельцину (FSO), но оно осталось без ответа. В то время за него хлопотал Г.Я. Бакланов, готовый выделить на оплату квартиры деньги из фонда «Знамени». Этим вопросом также активно занимался бывший в то время министром культуры Е.Ю. Сидоров, но даже он не мог ничего устроить. Самым реальным вариантом, который предлагали Владимовым, была аренда дачи в Переделкине, но Наташа категорически отказывалась, опасаясь, что аренду могут отнять в любой момент, и они опять окажутся бездомными. Первые годы после ее смерти Гольдман оплачивал гостиницу или снимал квартиру, когда Георгий Николаевич приезжал в Москву.

В 1998 году Марина заметила, что отец не очень хорошо видит. Выяснилось, что нужна была операция по удалению катаракты. Знакомый хирург-офтальмолог взялся ее сделать, но у Владимова не было прописки, а следовательно, медицинского полиса. Врач, поклонник творчества Владимова, не смутился и предложил оформить Георгия Николаевича как бомжа — для бомжей наличие страховки необязательно. Владимов пришел в полный восторг от своего нового статуса, и операция прошла очень успешно. Он просил, чтобы его перевели из отдельного бокса, куда его поместил сердобольный доктор, в обычную семиместную палату: «Вы не понимаете, я хочу быть с народом. Знали бы вы, как

* Владимов Г. Возврат старых долгов / Беседу вела Юлия Чупринина // Общая газета. 1998. 25 июня. С. 10.

много я узнаю нового, когда мы с мужиками дымим в курилке!»*

Но хоть ему и понравился больничный статус бомжа, он мечтал о своем месте на родной земле. Новый год — 2000-й — они с Мариной встречали в шумной и радостной компании в Переделкине. Хозяином был искрящийся весельем и жизнерадостностью Григорий Михайлович Поженян. Владимир, погуляв по Переделкину, с восхищением сказал Поженяну, как ему нравится вся атмосфера, особый покой этого места. Поженян посоветовал обратиться в Международный литфонд с тем, чтобы все-таки получить в аренду дачу в Переделкине. Владимир подал заявление. Поженян использовал свои связи и влияние. Через некоторое время он позвонил, чтобы сказать, что «прощупал почву» и получение дачи в аренду было бы возможно. Но нужна московская прописка или регистрация.

Марина к тому времени сменила фамилию и отчество, став, как и при рождении, Мариной Георгиевной Владимовой. С помощью дружественного нотариуса, одного из почитателей творчества Владимирова, была проведена сложная операция покупки квартиры у дочери, и таким образом у Георгия Николаевича появилась регистрация в Москве.

Дача артистки Валентины Серовой, жены Константина Симонова, находившаяся по адресу Зеленый тупик, дом 27, была перестроена полностью. На ее месте теперь стоял дом с четырьмя входами в отдельные квартиры. Одна из этих квартир была отдана в аренду Владимиру. Соседями были поэты Г.М. Поженян и Н.В. Панченко, с обоими у Георгия Николаевича сложились теплейшие отношения. В феврале–марте 2000 года он с Мариной обустраивал квартиру. В первую очередь был куплен письменный стол и удобный стул — самое важное для пи-

* Владимирова М. Мой отец — Георгий Владимов. С. 41–42.

сателя. Марина подарила отцу «вольтеровское кресло», помещенное в коридоре у телефона. Георгий Николаевич, шутя, объявил, что хочет обставить столовую пошкарнее, *«чтобы принимать журналистов и послов иностранных государств»*. Все это были радостные и веселые хлопоты. Георгий Николаевич накопил множество инструментов. Квартира была очень запущенной, он сам чинил всю сантехнику, которая протекала, *«как фонтаны в Петергофе»*, и делал ремонт. Расчищал совершенно одичавший участок и пруд, даже завел огородик. Его мечта — иметь базу в Германии и жить на два дома, две страны — наконец осуществилась. Он теперь мечтал поселиться с Мариной в Перedelкине: «Потихонечку перебираемся с дочерью сюда»*, — и проводить на родине возможно больше времени.

В 2001-м Г.Н. Владимов получил три премии. Как уже упоминалось, вторую премию Букера за роман «Генерала и его армию» — «лучший роман десятилетия». В том же году ему была присуждена российская премия «За подвижничество» Международного благотворительного фонда имени Д.С. Лихачева, или, как сказал мне Владимов, *«за честь и достоинство таланта»*. За получением премии (диплом, денежное вознаграждение и статуэтка Дон Кихота) он не пошел, сказав дочери, что дело писателя — писать, а не ходить по литературным тусовкам. Статуэтка Дон Кихота хранится у Марины. Третью премию имени академика А.Д. Сахарова — «За гражданское мужество» он получил от журнала и общества «Апрель».

В этот период Владимов был еще полон творческих планов. Он хотел писать автобиографическую трилогию.

«Я почувствовал, что каждый из нас может написать роман о себе, только нужно отыскать подходящие приемы и угол зрения. Я предпочел классицизм с его тремя единствами — времени, места и действия. И выбрал три

* Владимов Г. Возвращение к реализму. С. 222.

дня из своей жизни, протянувшиеся от 46-го года до августа 91-го. Один эпизод расскажет о расставании с Россией, это будет своеобразный проход по Ленинграду, куда я приехал прощаться перед эмиграцией. Другой опишет изгнание, эмигрантское гетто»*.

Он уже начал писать первую часть, сюжетом которой послужил поход к Зощенко и его последствия. Она осталась незавершенной, но была опубликована сначала в журнале «Знамя», а потом вышла отдельной книгой и представляет собой ценный источник сведений о его годах в Суворовском училище.

В планах Владимова было также написание своего рода апокрифа о жизни Христа, спасенного от распятия. Он очень любил историю и предвкушал удовольствие от чтения исторических источников и книг. Кроме того, ему очень хотелось попробовать себя в детективном жанре. Развлекаясь и веселясь, они с Мариной подыскивали главного героя. Марина предложила идею, которая Георгию Николаевичу очень понравилась: писатель переписывается с дочерью, и в письмах они раскрывают преступление.

* * *

В 1999 году в Германии Георгий Николаевич познакомился с Евгенией Алексеевной Миттерфельнер, урожденной Сабельниковой, бывшей актрисой советского кино, которая помогала ему с переводами для немецких властей. Спустя некоторое время после знакомства Георгий Николаевич, очень плохо переносивший одиночество, сделал предложение. Но Женя, хотя и жила отдельно, не была разведена со своим мужем, австрийцем по происхождению. Так как «в грехе» религиозная Женя жить не хотела, она предло-

* Владимов Г. Возврат старых долгов. С. 10.

жила Владимову креститься и обвенчаться. У Владимова, возможно, со времен писания на себя доносов осталось очень авантюрное отношение к тому, что он считал «формальностями», — это было видно уже в истории с «потерянным» паспортом Наташи. «Убеденный агностик», как он себя называл, крестился. В 2000-м они обвенчались, но совместная жизнь в Германии была все-таки невозможна*. Иногда Георгий Николаевич проводил несколько дней у Жени «в гостях», потом возвращался к себе в Нидернхаузен, иногда она бывала у него, иногда они вместе приезжали в Москву, но чаще он жил один в Нидернхаузене или в Переделкине с дочерью**, близость с которой только возрастала, чем больше они узнавали друг друга.

Весной 2001 года Георгий Николаевич с Женей приезжали к нам в Лондон. Красивая высокая Женя восхитила меня ловкостью и умением в домашних делах, видна была прекрасная хозяйка. Она была аффектированно религиозна. Хотя я ни о чем не спрашивала, Женя объявила мне, что рассматривает эти отношения, как «служение», которое ей «повелел батюшка»***. В Георгии Николаевиче чувствовалась жажда теплоты женского присутствия, он очень хотел семейного дома и был готов к глубокой, ровной привязанности.

Писательница Ирина Лазаревна Муравьева, дружившая с Владимовым, очень поддерживавшая и помогавшая ему в трудные времена, с глубокой любовью и искренностью написала о последних годах жизни Георгия Николаевича. Как и у всяких мемуаров, главная ценность ее воспоминаний в живом свидетельстве о его личности, прикосновении к ней. И.Л. Муравьева называет свой этюд

* *Владимова М.* Мой отец — Георгий Владимов. С. 43.

** Там же. С. 42–43.

*** См. также: *Муравьева И.* Всего прочнее на земле печаль // Зная. 2007. № 4. С. 149.

«документальным», хотя никаких документированных свидетельств в нем не приводится. Видимо, поэтому в основной его части встречаются многочисленные неточности и фактические ошибки. Н.Е. Кузнецова умерла не в январе, а 2 февраля 1997-го. Издание фирмой Гольдмана («Б.» в тексте) собрания сочинений Владимова заняло не два месяца, а больше года*. Женя выбросила не пистолет «какого-то власовца», а браунинг Гудериана, подаренный Владимову младшим сыном генерала**. Наташа и Георгий Николаевич оба умерли от рака, но их основные диагнозы были разными, — этот список можно продолжить. Все эти ошибки — игра памяти, нередко встречающаяся в мемуарах и не ослабляющая их ценности, если они не искажают образ главного лица.

В конце своего этюда И.Л. Муравьева пишет об отношениях Г.Н. Владимова и Е.А. Миттерфельнер, ссылаясь на Женю как на свой главный и единственный источник. Возможно, время и пылкое воображение артистической личности создало в памяти Жени именно такой вариант ее отношений с писателем.

На смелый вопрос И.Л. Муравьевой: «А вы ее любите?» — Владимов отвечает: «Вроде как: да»***, — что совсем не выказывает большой страсти. Но почти сразу за этим следует романтическое замечание, что любовь в нем

* Владимов Г. В России завершился панический этап / Ю. Буйда // Известия. 1998. 26 июня. С. 5.

** Уже указывалось, что роман «Генерал и его армия» был переведен и издан на немецком языке в 1997 году. Вскоре после этого Владимов получил письмо от младшего сына генерала Гудериана, в котором тот благодарил писателя за реалистическое («без приукрашиваний и искажений») изображение отца в романе. Они договорились о встрече, во время которой он подарил Владимову первый браунинг отца, полученный Гудерианом в 1907-м, когда после окончания кадетского училища он поступил на военную службу. См. также: *Владимова М. Мой отец — Георгий Владимов*. С. 19.

*** *Муравьева И.* Всего прочнее на земле печаль. С. 149.

«взорвалась». Все, что написано со слов Жени об отношении Георгия Николаевича к мертвой Наташе: истерики, гадкие слова — совершенно не похоже на Владимирова, достойного и благородного человека в каждом своем слове и поступке. В разговорах со мной всегда, до последнего времени, когда речь заходила о Наташе, в его голосе звучала глубокая боль потери и неостывшая любовь. Восхищение ее смелостью, мужеством и самоотверженностью никогда не оставляло его. В последние очень одинокие месяцы он звонил и подолгу разговаривал с Мариной каждый день. Она писала, что отец очень тосковал по Наташе, и любовь его не кончилась с ее смертью: «Надеюсь, что там, на небесах, он встретился со своей Ташечкой и счастлив»*. Он мечтал похоронить Наташу в Переделкине: «...я очень переживаю за мою Ташечку — мне ее не удастся вывезти в Россию, это очень дорого и сложно, а ведь она, как и я, мечтала лежать на Родине»**, — но этой мечте не суждено было сбыться.

* * *

В 2000 году архив Бременского университета начал переговоры с Владимиром о его архиве. Предлагалось купить его за 15 тысяч немецких марок, но профессор Вольфганг Айхведе нашел еще небольшую дополнительную сумму «ввиду трудного финансового положения» писателя. Полностью деньги были выплачены 2 июля 2000-го. Владимир просил о возможности отдавать свой архив не сразу, но постепенно, поделив его на три части. Он собирался писать автобиографическую трилогию, и ему нужны были некоторые материалы. Передавая до-

* *Владимова М.* Мой отец — Георгий Владимов. С. 45.

** Там же. С. 19–20.

кументы, он не оговаривал никаких ограничений для их пользования: все материалы с момента поступления в архив могли быть доступны исследователям. Университет согласился, так как никаких сомнений в честности Владимова быть не могло. При жизни он успел передать две трети архива. Полученные деньги очень помогли ему в последние годы.

Весной 2001 года Георгий Николаевич, находясь в Переделкине с Мариной, пожаловался дочери на недомогание, и обеспокоенная Марина устроила ему консультацию в Боткинской больнице в Москве. Результаты анализов ничего специально серьезного или особенно тревожного не показали. Марина купила отцу чагу, помогающую Солженицыну, и Георгий Николаевич покорно пил указанные порции.

Поздней осенью 2001-го он вернулся в Германию, где были заново проведены все обследования. В феврале 2002 года Георгию Николаевичу сделали операцию: спасти было невозможно, но врачи надеялись продлить его жизнь и избавить от болей. Диагноз был безнадежным. Врачи сказали ему о реальной ситуации, предсказав вероятный срок: полтора года. В западной культуре смерть воспринимается как естественная часть жизни, и считается, что человек должен подготовиться сам, пригласить родных и устроить все свои земные дела. После больницы, где он провел несколько недель, Женя забрала его к себе и пять недель ухаживала за ним. Он был в очень тяжелом состоянии и физически, и психологически. В апреле, позвонив Марине, Женя сказала, что «устала» и «отправляет» смертельно больного Георгия Николаевича в Переделкино на попечение дочери. Марина, к тому времени беременная и жившая в Петербурге, срочно приехала в Москву с мужем. Они привели в порядок квартиру в Переделкине перед приездом Геор-

гия Николаевича, и Марина прожила со слабеющим отцом несколько месяцев. В своем очерке она рассказывает: «Женя приехала на один день, а потом перебралась к родителям, ничего ему толком не объяснив. А потом снова вернулась в Германию. Я случайно обнаружила правду. Открыла шкаф-купе и не увидела ни одного ее платья. Рассказала отцу. Он, совершенно потрясенный, позвонил ей. Она лепетала что-то несуразно-жалкое по телефону: “Ты так изменился за последнее время. Я решила расстаться с тобой сейчас, чтобы осталась память о наших красивых отношениях, не хочется портить их твоим пьянством и мрачностью”. Это не добавило, конечно, ему сил»*.

Это было его последнее лето в Переделкине. Писать больше не хотелось, хотелось природы, земли, деревьев. 4 октября 2002 года родилась внучка Катенька, что очень обрадовало Владимова. Осенью, в конце октября 2002-го он вернулся в Германию. Жизнь уходила из него, он был в полнейшем одиночестве и чрезвычайно исхудал. Я звонила нечасто, не зная, что он всегда один: он говорил, что работает в своей квартире. Сначала я передавала приветы Жене, но они уходили в какое-то неясное пространство, и как-то само собой вопросы, односложные ответы и приветы прекратились. Я знала, что он лечится, но он отделялся общими фразами, и я не расспрашивала о подробностях. Я думаю, что он не говорил о приговоре, потому что ему хотелось отвлечься и по-детски помечтать. Он радовался, когда я звонила, и мы строили планы, куда пойдём и поедём в его следующий приезд: Императорский военный музей, Военный кабинет, где во время войны находился центральный командный пункт Британской армии, имение Черчилля недалеко от Лондона. Его очень инте-

* Владимова М. Мой отец — Георгий Владимов. С. 44.

ресовали «Мемуары» Черчилля, он подробно расспрашивал меня.

Выслушать свой смертный приговор даже для такого сильного человека, как Владимов, колоссальный психологический шок. Ждать приближающуюся смерть в полном одиночестве в чужой стране — непредставимое испытание. Получив в июле от Марины фотографию Катеньки, Георгий Николаевич больше не выдержал. 3 августа 2003 года он подписал окончательный договор с Бременским университетом о том, что его бумаги перейдут в ведение архива. Исполнив этот долг, он загрузил в машину самые любимые книги и инструменты и решил ехать в Петербург, чтобы сначала побыть с семьей, любимой дочерью и внучкой, а потом в Переделкино — умереть на своей земле. Маршрут был выбран через Любек, чтобы с машиной на пароме проплыть по Балтийскому морю до Петербурга. Но под Любеком он почти потерял сознание, и в таком состоянии его нашла полиция. Он был отправлен назад санитарным транспортом* и помещен в больницу в Бад-Соден. Женя узнала об этом, пришла в больницу и провела с ним последние дни. Они помирились**, и конечно, очень хорошо, что он не умирал совершенно один среди чужих людей в чужой стране.

17 октября в больницу пришел с переводчицей нотариус Гейнц Георг Конерт, которому Георгий Николаевич продиктовал завещание. Единственной наследницей всего имущества и копирайта он оставлял свою дочь

* Когда Георгия Николаевича привезли в больницу, оттуда позвонили Марине и рассказали о случившемся. См. также: *Аннинский Л.* Удары шпагой. С. 317.

** *Владимова М.* Мой отец — Георгий Владимов. С. 45. Марина написала это со слов Жени. Ее информация совпадает с рассказом Жени во время последней встречи со мной уже после смерти Георгия Николаевича.

Марину Георгиевну Владимову. Исполнительницей завещания, которая должна была обеспечить передачу наследства, была назначена Евгения Миттерфельнер-Сабельникова, получившая доступ к его квартире в Нидернхаузене. Георгий Николаевич просил, чтобы его похоронили в Переделкине. Он скончался 19 октября 2003 года.

Б.Э. Гольдман оплатил перевоз тела из Германии в Переделкино и похороны. Стоя рядом с Мариной в церкви на отпевании, Борис Эрленович старался поддерживать ее как мог. Женя пела на клиросе и по выходе из церкви по православному обычаю угощала гостей самодельной кутьей. Она мимоходом, передав небольшую сумму денег: «Все, что у него было на счету», — упомянула, что Марину разыскивает нотариус. Наличие завещания два года спустя установила с помощью бременского архивариуса Габриэля Гавриловича Суперфина немецкий адвокат Ольга Эрнестовна Аметистова.

Имущество Георгия Николаевича Владимова, находившееся в его квартире и включавшее, в частности, портрет его красавицы тещи Елены Юльевны Домбровской, а также книги, документы, письма, ноутбук, рукописи и фотографии, до сих пор не переданы единственной наследнице писателя*. Владимов предупредил Марину, что *весь* его архив в соответствии с договором должен быть передан в архив FSO Бременского университета. Для исследователей это было бы неоценимым удобством, но пока этого не произошло. Меня не оставляет надежда, что последняя воля писателя и его обязательство перед архивом будут исполнены.

* Так как копиряйт принадлежит Марине Владимовой, публикация этих бумаг без ее позволения нелегальна.

* * *

«*Мне всегда не везет*», — сказал мне однажды Георгий Николаевич. Может быть, в бытовых делах это и было правдой. Он прожил яркую жизнь, в которой было очень много трудного. Но он был борцом и осуществил свое призвание, став прекрасным писателем. Он знал высокое наслаждение «трудом, дракой, любовью»*, доступное немногим и испытанное им сполна. И в этом Георгий Николаевич Владимов был не просто везучим, но избранным.

* *Бабель И.* История моей голубятни. Т. 1. С. 225.

Встречи с Георгием Владимовым

В конце 1982 года в Базель приехал Александр Александрович Зиновьев, автор только что переведенной на немецкий и нашумевшей книги «Зияющие высоты». В большом Kunsthalle*, рядом с веселыми фонтанчиками Жана Тэнгли**, была организована презентация книги с последующими ответами автора на вопросы публики. Моя подруга Ирена Брежна*** переводила на немецкий. Мне досталась более легкая и приятная задача: погулять по городу, пройтись вдоль Рейна и показать достопримечательности. В музее я подвела Александра Александровича к картине Гольбейна-младшего «Мертвый Христос в гробу». Об этой картине, которая глубоко поразила Достоевского, разговаривают князь Мышкин и Рогожин в четвертой части «Идиота». На Александра Александровича картина произвела сильное впечатление, и он очень благодарил меня за это посещение.

Во время наших прогулок я рассказала, что только что начала писать диссертацию о «поэме» Венедикта

* Зал искусства (нем.).

** Тэнгли Жан (Tinguely Jean; 1925–1991) — швейцарский художник и скульптор, известный представитель направления метамеханики, или кибернетического искусства.

*** Брежна Ирена (р. 1950) — швейцарская правозащитница, журналистка и писательница словацкого происхождения. Автор переведенной на русский язык книги «Неблагодарная чужестранка», М., 2014.

Ерофеева «Москва — Петушки», в то время почти не известной на Западе. Моя проблема состояла в том, что о биографии и жизни Ерофеева не было никаких сведений. Но я знала, что Зиновьев был с ним знаком: на одной из фотографий Владимира Сычева в альбоме «*Des Russes vues par Vladimir Sichov*»^{*} Зиновьев сидел между Венедиктом Ерофеевым и Георгием Владимовым. Александр Александрович предложил мне написать письмо, которое он найдет возможность передать Ерофееву. И довольно быстро я получила от Ерофеева исчерпывающий, по возможностям официальной переписки тех лет, письменный ответ.

В 1983 году пришла весточка от Зиновьева. Он советовал мне связаться с Георгием Владимовым, эмигрировавшим на Запад и живущим в Эшборне. По его словам, Ерофеев с Владимовым были друзьями. Александр Александрович обещал, что напишет Владимову и рекомендует меня. Я до сих пор испытываю глубокую признательность за его память и участие.

Возможность встретиться с Владимовым взволновала и обрадовала меня. Я позвонила, и мы договорились о времени посещения. Через несколько дней поезд мчал меня во Франкфурт с самой красивой коробкой шоколадных конфет, приобретенной в лучшей базельской кондитерской. Приехав и забросив вещи к знакомым, я сразу отправилась в Эшборн.

Владимовы приняли меня со сдержанной приветливостью. Они жили вдвоем с Наташиной матерью Еленой Юльевной Домбровской в двухкомнатной квартире. Георгий Николаевич сразу пожаловался мне на отсутствие обоев. Почему-то он очень любил обои, они были для него воплощением дома и уюта. У всех знакомых и друзей, где я с ним впоследствии бывала, я сразу слышала его

^{*} Русские глазами Владимира Сычева. Paris, 1980.

комментарий по поводу обоев. Мы поговорили о Венедикте Ерофееве. Перефразируя Марка Твена, слухи о том, что они — друзья, были сильно преувеличены. Владимов ничего не знал о биографии, личных обстоятельствах и жизни Ерофеева. Георгий Николаевич признавал за автором несомненный талант и ценил «поэму», как литературное произведение, но привел мне аргумент, который я уже слышала от Кронида Любарского: нельзя так писать о своем народе, как будто его большая часть — спившиеся и опустившиеся дегенераты. Я была совершенно не согласна, но спорить не стала. Замечу наперед, что мы позднее не раз говорили с Георгием Николаевичем о «поэме», и он, высоко оценивая исключительную одаренность Ерофеева, этого аргумента больше не упоминал. Сразу было ясно, что они настолько полярно различны с Ерофеевым по образу жизни, мировоззрению и характерам, что о близкой дружбе не могло быть и речи. Наталия Евгеньевна, Наташа, как она мне сразу представилась, относилась к «Москве — Петушкам» сугубо отрицательно.

Владимовых очень интересовал мой опыт жизни в Швейцарии, и особенно вопрос, как можно поскорее выучить язык. Пройдя через необходимость изучить в эмиграции несколько языков, я охотно делилась опытом, объясняя все свои выработанные трюки для возможно скорого их освоения. И тут они меня огородили. Выяснилось, что они решили учить сразу три иностранных языка: немецкий (который Наташа, впрочем, учить не хотела), французский: *«Косметику разбивать»*, — снисходительно-любовно пояснил Георгий Николаевич пристрастие жены к языку Вольтера и Гюго, и английский: *«Потому что без английского сейчас никуда»*. С этой целью ими было куплено три тетрадки: *«Мы будем выписывать и учить слова сразу на трех языках»*, — пояснили они мне. Явно предполагалось, что, исписав три тетрадки слова-

рем на трех языках, они надеялись овладеть этими европейскими языками. Я обомлела от такой наивности, но особенно разубеждать не стала, рассудив, что безнадежность подобного лингвистического подхода очень скоро станет им ясной и без меня. Но попыталась убедить их, что, живя в стране, необходимо — хотя бы до степени беглости чтения и разговора — овладеть ее языком. Они кивали, но слушали вполуха.

Мы поговорили о ситуации в Советском Союзе, и здесь я была наивнее их: Владимовы предрекали скорое крушение «совдепии», а мне казалось, что безнадежный монолит будет стоять еще много лет. Я просидела у них около двух часов. Но когда я упомянула о Мурманске, Георгий Николаевич сказал, как бы в пространство: *«С тех пор, как я написал “Три минуты молчания”, все, оказывается, жили в Мурманске во дворе ресторана “Арктика”»*. Я удивилась, но отступила, не настаивая на своей правдивости. Наташа предложила пообедать с ними. «У меня есть суп!» — гордо объявила она. Но я поблагодарила и распрощалась.

Выйдя от Владимовых и трясаясь в трамваях по пути к друзьям, я размышляла об этой встрече и пришла к следующим выводам. Во-первых, Владимов поразил меня масштабом своей личности. Было ясно, что это человек — глубокий, серьезный и очень крупный. Во-вторых, на меня произвел глубокое впечатление его патриотизм, неподдельный, лишенный всякого оттенка национализма или дешевого пафоса. Он искренне и деятельно любил и чувствовал прямую ответственность за свою изгнавшую его Родину и ее народ. В-третьих, я поняла, как наивно ехать к большому писателю, чтобы говорить с ним не о его творениях, но о другом писателе. И, наконец, в-четвертых, почувствовав трогательность и очарование Наташи, я все-таки стала ее немножко бояться. Меня пугала резкая безапелляционность суждений и ее

особая, чуть взвинченная нервность, страшную причину которой — самоубийство в 1958 году ее затравленного и доведенного во времена «борьбы с космополитизмом» до психической болезни отца — я узнала много позднее.

Мои личные страхи оказались неоправданными. Наташа всегда была добра со мной и до конца жизни очень ко мне благоволила.

* * *

Примерно через месяц Георгий Николаевич неожиданно позвонил мне. Они ехали в Женеву по приглашению известного знатока современной русской литературы, профессора Женевского университета Жоржа Нива. Там у Владимова планировалось два доклада, один в «Русско-Швейцарском обществе», другой в университете. «Русско-Швейцарское общество» Женевы состояло в основном из детей реэмигрантов. В конце 1920-х — начале 1930-х годов Сталин предложил всем обладателям иностранных паспортов выбирать: получить советское гражданство, отказавшись от паспортов страны своих предков, или навсегда уехать из СССР. В «Докторе Живаго» мимо окон сломанного трамвая, в котором Юрий едет навстречу своей смерти, проходит старая швейцарская гувернантка мадемуазель Флери, идущая за получением выездных документов. Насколько я знаю, все швейцарские граждане, не желая менять гражданство, покинули Советский Союз. Их дети, получив образование уже в Швейцарии, стали успешными врачами, адвокатами, учеными и дипломатами. Но «генетическая память», тяга и любовь к русскому языку, литературе и традициям была в них жива. Они вносили в «Русско-Швейцарское общество» щедрый денежный взнос, и гений организации Жорж Нива кооперировался с ними, приглашая в Женеву русских писателей и деятелей культуры.

Георгий Николаевич сказал, что они очень хотели бы встретиться со мной еще раз, и попросил приехать в Женеву и побыть там с ними несколько дней. Наташа тоже взяла трубку: «Светлана, приезжайте!» Я понимала, что они чувствуют себя неуверенно в чужой обстановке, и хотят видеть рядом знакомое лицо. Через несколько дней я катила мимо прекрасных швейцарских озер в поезде, направлявшемся в Женеву. Владимовых поселили в хорошем отеле в центре города. Я обосновалась в пансиончике. Приехав к ним в гостиницу, я была радостно и тепло встречена Георгием Николаевичем и Наташей и с куда меньшим энтузиазмом или даже совсем без оно-го Жоржем Нива, который моего появления никак не ожидал и совершенно не понимал, зачем и при чем тут я. Жорж (как меж собой называли его все швейцарские и французские слависты), обладая не только исследовательским, но и журналистским талантом, активно занимался просветительской деятельностью. Он писал в швейцарские и французские газеты и журналы яркие и интересные статьи о современной русской литературе. Он собирался сделать несколько интервью с Георгием Николаевичем, и я явно путалась у него под ногами, отвлекая внимание Владимовых. Те же, наоборот, настаивали, чтобы я присутствовала везде и с ними не расставалась.

Вечером у Георгия Николаевича было выступление в «Русско-Швейцарском обществе». До этого мы вместе перекусили и что-то выпили в баре, причем Георгий Николаевич платил за все, и они слушать не хотели о моем денежном участии.

Во время доклада Владимов говорил о своих произведениях, работе в «Новом мире» с Симоновым и Твардовским и о планах на будущее. Потом были ответы на вопросы, и тут он поразил меня еще раз. Как и всегда во время таких встреч, вопросы были самого разного толка

и качества. Владимир отвечал на вопросы, даже казавшиеся мне пустыми или глупыми, с глубоким чувством уважения к каждому человеку. Он возвышал спрашивавшего до уровня своего интеллекта и эмоций, и в этом проявлялось высокое и щедрое достоинство большого человека. На меня это произвело огромное впечатление, навсегда избавив от поверхностного снобизма. И я сделала для себя простой вывод, который очень помог мне в будущем преподавании: на каждый глупый вопрос есть умный ответ. Я до сих пор глубоко признательна Георгию Николаевичу за этот урок.

На следующий день утром было выступление в университете. После него Жорж решительно объявил мне, оказавшейся между молотом и наковальней, что хочет забрать Владимирова для интервью. «Погуляйте с Наташей!» — твердо сказал он. *«Да пусть она поедет с нами»*, — предложил Георгий Николаевич. Я почувствовала, что молот сейчас размозжит мой череп. Но тут выяснилось, что Наташа должна остаться в гостинице, чтобы забрать их вещи из номера и подписать какие-то квитанции. *«Она не справится!»* — мрачно объявил Георгий Николаевич. «С чем тут можно не справиться? Все оплачено! Ей нужно собрать вещи, спустить их на лифте вниз и расписаться», — пожимал плечами рациональный Жорж. *«Она не справится, не справится!..»* — постанывал Владимир. Я предложила, что я останусь с Наташей и помогу. Жорж впервые посмотрел на меня благосклонно. Вечером Владимовы были приглашены в один из женеvских эмигрантских домов, где обещалась водка на смородиновых почках и прочие вкусности. Они должны были ночевать там, а утром выехать назад во Франкфурт. Понимая, что Владимовы остаток визита будут среди кустов смородины и малины под надежной опекой гостеприимных хозяев, я решила вернуться в Базель. Мы простились очень сердечно и договорились быть в контакте.

В последующие годы мы иногда переписывались и перезванивались, но все были очень заняты. Владимовы работой в «Гранях», а потом конфликтом с НТС. Я — своими проблемами. Лозаннский университет, где я писала диссертацию, бог знает почему, категорически отказал мне в стипендии, и мне приходилось разрываться между работой в Базеле по выходным и понедельникам, выезжая по вторникам первым поездом, в 4:30 утра, в Лозанну. Я очень уставала, писала диссертацию по ночам, учила и доучивала французский, готовясь к открытой защите. Защита состоялась 29 ноября 1987 года и прошла очень успешно. Вскоре Лозаннский университет сообщил мне в письме, что рекомендует мою диссертацию к публикации и полностью берет на себя все расходы по изданию книги. Это был огромный подарок. Моим издателем был Жорж Нива, и я сохраняю глубочайшую благодарность за его неожиданную для меня теплую поддержку и высокий профессионализм, с которым он давал мне ценные советы во время подготовки книги к публикации.

Монография «Венедикт Ерофеев. «Москва — Петушки», или The rest is silence» вышла в 1989 году в серии «Slavica Helvetica» и была опубликована известным швейцарским издательством «Peter Lang»*. Получив книгу, я послала экземпляр Владимовым. Спустя какое-то время мне позвонила Наташа и сказала, что ей и Георгию Николаевичу мое исследование очень понравилось, и добавила: «А теперь, Светлана, вы должны написать о Владимове». Я об этом думала и сама.

В 1991 году, работая в Цюрихском университете, я решила пригласить Владимирова выступить перед коллегами

* Сейчас доступно второе издание этой монографии: Шнитман-МакМиллин С. Венедикт Ерофеев «Москва — Петушки», или The rest is silence. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

и студентами. Поговорив с начальством и заполнив бесконечное количество бумаг, я выхлопотала порядочный гонорар. Повесив объявление в университете, я дала знать всем коллегам, друзьям и знакомым. Я ожидала полную аудиторию, человек шестьдесят-семьдесят. Владимовы хотели приехать на поезде к обеду и должны были остановиться у меня. Утром назначенного дня раздался звонок. Георгий Николаевич сообщил, что они оба не совсем здоровы: «...начинается грипп», – и поэтому не приедут. Недели через три позвонила Наташа и категорически объявила, что они приедут через несколько дней. Я опять побежала по начальству, мне пообещали, что, если я заполню соответствующие бумаги, гонорар будет выплачен. Опять объявления, звонки, подготовка, предчувствие и возбуждение от предстоящей встречи. Вечером накануне предполагаемого приезда – звонок. Владимовы не приедут, причины я уже не помню. По лицу тогдашнего заведующего кафедрой – профессора французской литературы – я поняла, что третий раз лучше о гонораре и не заикаться. Больше вопрос об их приезде не поднимался.

В 1993 году я опубликовала статью «Глазами Собаки (О повести Георгия Владимова “Верный Руслан”)». Я несколько помедлила, прежде чем послать ее Владимовым. Боясь их реакции, особенно Наташиной, я малодушно отправила им пакет со статьей накануне отъезда в отпуск. И укатила. Через две недели поздно вечером я вернулась в Цюрих в самом радостном настроении, полная моря, солнца и винограда.

В 7:30 утра следующего дня меня разбудил звонок. «Светлана, – раздался тоненький решительный Наташин голосок, – мы прочитали вашу статью!» Сердце мое куда-то полетело и застучало в обеих пятках. Виноград в крови стремительно превращался в укус. «Очень талантливо! – сказала Наташа. – Даже я, хотя так хорошо знаю текст, многого не заметила». Сердце вернулось на поло-

женное ему природой место, а в крови опять потек виноградный сок. Мы с ней еще немножко поболтали, а потом трубку взял Георгий Николаевич, разговаривавший со мной необычно тепло.

Они позвонили той же осенью. «Мы получили фильм “Верный Руслан”, — сказала Наташа, — и Жора хочет его с вами посмотреть. Мы очень хотим вас видеть, приезжайте!» Я обещала приехать в самом скором времени.

Я обрадовалась их приглашению и потому, что была счастлива их вновь увидеть, и потому, что во Франкфурте проходила одна из первых на Западе ретроспективных выставок русского искусства XX века «Die Grosse Utopie»*. Мне чрезвычайно хотелось ее посетить, и я подумывала о том, чтобы на день или два навеститься во Франкфурт. Я позвонила, и мы договорились с Наташей о времени приезда. Я объяснила, что днем пойду в музей, а потом на поезде доберусь до них в Нидернхаузен. Георгий Николаевич перезвонил и сказал, что они приедут во Франкфурт, встретят меня возле музея и отвезут к себе.

Они подъехали ко времени закрытия музея, и мы сели в машину. «*Что за выставку вы смотрели?*» — спросил Владимов. Я, полная впечатлений, подробно рассказала об увиденном. «*Видишь, а мы пропустили. Сами не знали, и никто не сказал!*» — обратился он к Наташе. — *Давай сходим на следующей неделе!*» Я объяснила, что это был последний день выставки. Мы о чем-то общем беседовали до конца пути, но, когда мы подъезжали, я увидела у поворота к их дому огромный яркий плакат с объявлением о выставке. В этот момент я ясно осознала их полную оторванность от окружающего мира. Видя ежедневно рекламу выставки, они ни разу «не включились» и не попробовали прочесть ее.

Мы вошли в квартиру. В ней было четыре комнаты, в одну из которых, как в царстве Синей Бороды, мне

* Великая утопия (нем.).

было сказано не входить. Тайны в ней, впрочем, не было никакой. Наташа легко и простодушно объяснила: «Жора давно хотел вас пригласить, но я все никак не могла убраться. Так что он, наконец, снес туда к вашему приезду все, что мешало». Она очень жаловалась на здоровье, говорила, что больна: «Ступни горят». Она и была уже больна, но страшный недуг, от которого она умерла несколько лет спустя, еще не проявился в явных симптомах. В гостиной стояла ее большая черно-белая фотография: необычайно красивая девочка лет одиннадцати-двенадцати с пионерским галстуком, в которую, как сказал мне с гордостью Георгий Николаевич, был влюблен Сергей Довлатов. Георгий Николаевич время от времени с нежностью посматривал на фотографию. Но он явно очень устал от разговоров о болезнях, и ему хотелось отвлечься. Мы посмотрели фильм В.И. Хмельницкого с замечательной собакой в роли Руслана. Владимову фильм не очень нравился, он вообще считал, что его книги не ложатся в экранизации. Особенно он был недоволен введенной религиозной нотой: *«Свечку какую-то за Руслана ставят... Я говорил Хмельницкому: "Уберите вы это, фальшь получается!"»*

Они очень много, подробно, эмоционально и иногда сбивчиво рассказывали о конфликте с НТС. О суде, о смерти Елены Юльевны. Они остро ощущали ее потерю и отсутствие в своей жизни. Их отношения были очень близкими, и, обожавшая, безмерно восхищавшаяся мужем Наташа несколько раз вздохнула по ходу рассказа: «Жора — рыцарь, вы понимаете, Светлана, он — настоящий рыцарь!»

Во время этой встречи Георгий Николаевич еще раз упомянул мою книгу о Венедикте Ерофееве и статью о «Верном Руслане». Ему очень нравилось мое отношение к авторским текстам, и он ясно дал понять, что хотел бы, чтобы я о нем написала книгу: *«Я дам вам все материа-*

лы, которые понадобятся». Наташа, воодушевившись и обрадовавшись, сразу притащила множество папок и стала мне рассказывать об отношениях, проблемах и конфликтах с разными людьми, живущими в эмиграции, — о Максимове, Любарском, Войновиче и многих других. Она читала мне письма, свои и Георгия Николаевича, и ответы адресатов. Я начала сникать. Писать об истории эмигрантских столкновений, в которых я не принимала никакого участия и где черт сломал бы обе ноги, рога и хвост, я совершенно не хотела. Ее остановил Георгий Николаевич: *«Оставь!»* — решительным тоном, которого Наташа сразу послушалась, сказал он. — *«Ее интересует — литература. Она может об этом писать, вот пусть и пишет!»* В этот момент я с благодарностью осознала степень его доверия и как ему хотелось бы, чтобы я занималась его творчеством.

Их изолированность, одиночество, неустроенность в чужом для них мире производили очень тяжелое впечатление. Немецкий язык, как и два других, выучен не был. Для всех бумаг и при возникавших проблемах, бытовых и медицинских, нужно было обращаться к каким-то знакомым за помощью. На второй день они стали собираться в магазин. Наташа, одевшись очень нарядно, положила на лицо такое количество косметики, что ее красота пропала под синей, черной и красной красками. На кукольных щечках были выведенные красной помадой аккуратные кружочки. В этот момент она производила болезненное впечатление не вовремя пришедшего в жизнь «грустного клоуна». Она торопливо рассказывала мне о том, что продавщица в супермаркете завербована КГБ, перечисляя явные ей одной приметы, по которым точно выявила это. Георгий Николаевич относился к ней с глубоким состраданием и бесконечной любовью.

Через какое-то время уже после моего отъезда в этом магазине произошел бессмысленный скандал: кассирша

обвинила Наташу в краже баночки салата из сельдерея. Это была полная нелепость, недоразумение, поверить в реальность которого абсолютно невозможно. *«Да мы этот сельдерей и не ели никогда!»* — возмущался Георгий Николаевич. Он написал тяжелое и резкое письмо директору магазина, и больше в этот супермаркет Владимовы никогда не ходили. Они ездили за продуктами в Висбаден.

Я встречала в эмиграции много людей, по-разному адаптировавшихся к жизненной ситуации в условиях чужой страны и культуры. Но я никогда не видела такого одиночества и неблагополучия, как то, в котором жили тогда Владимовы. Я уезжала от них с очень тяжелым чувством.

* * *

Следующие два года наши контакты были эпизодическими. Я переехала в Лондон, Владимов опубликовал в журнале «Знамя» роман «Генерал и его армия» и в 1995-м получил своего первого Букера. Он рассказывал мне об этом по телефону с чувством глубочайшего профессионального и человеческого удовлетворения. Много говорил о надежде вернуть квартиру в Москве, рассказывал, какие шаги для этого предпринял. Впервые несколько раз с радостью упоминал о дочери Марине. Он жил на большом душевном подъеме в это время, хотя невозможность получить жилье в Москве оставалась открытой раной.

Наташа, между тем, болела, угасала и вот умерла 26 февраля 1997 года.

Я не помню, как узнала о ее смерти. По-моему, из газеты «Русская мысль», выходившей тогда в Париже. Я сразу же позвонила Георгию Николаевичу. Мы долго говорили, и я стала звонить ему очень часто. Если я не звони-

ла пару дней, он беспокоился и звонил сам. Мысль о его одиночестве в неустроенной четырехкомнатной квартире была невыносимой. Он тосковал необычайно: «*Открываешь шкаф — кофточка висит...*» Я пригласила его в Лондон, и он легко и с радостью согласился.

Владимов приехал к нам в начале весны. Я освободила все дни, чтобы побыть с ним. В первый же вечер, когда мы ужинали и выпивали, он спросил меня, где я провела детство. Я рассказала, как родители еще до моего рождения уехали из Ленинграда в надежде спастись от ареста во время кампании «борьбы с космополитизмом», и как, проведя несколько лет в глубокой белорусской провинции, городке Горки, мы переехали в Мурманск, где я училась в школе. Георгий Николаевич страшно оживился: «*Что же вы никогда не упоминали про Мурманск!*» — с радостным упреком сказал он мне. Арнольд*, помнивший историю «...про всех, живших во дворе ресторана “Арктика”», улыбнулся. Эта часть моей жизни интересовала Георгия Николаевича чрезвычайно, он много расспрашивал о моем мурманском детстве и даже попросил разрешения что-то из моих рассказов использовать. Помня о берегах Норвегии, к которым в «Трех минутах молчания» попадает советский рыболовный траулер, я поведала ему свою «норвежскую» историю.

Норвегия отзывалась во мне с детства музыкой Грига, неизъяснимо прелестной «Песней Сольвейг» и «Шествием гномов», которые я играла на тугих клавишах пианино. Ребенком, найдя парочку фотографий Норвегии в «Большой советской энциклопедии», я воображала себе полную хрустальных водопадов страну необычайной красо-

* Мой муж Арнольд МакМиллин, профессор русской и белорусской литературы Высшей школы славяноведения Лондонского университета.

ты. Посещение ее во взрослом возрасте подтвердило мои детские грезы.

Мурманск в то время был «закрытым городом», куда иностранцы не допускались. Рациональных причин для этого не было никаких: город был самым большим в СССР европейским портом рыболовного гражданского флота. Там были верфи и большой судостроительный завод, чинивший и производивший траулеры. Не пускать в Мурманск можно было только из-за огромного количества пьяных на улицах и случавшихся время от времени внезапных кратких и яростных сражений проституток, которых в Советском Союзе, впрочем, «не было». Так или иначе, иностранцев мы не видели.

Но однажды в нашей школе номер два было сделано сенсационное объявление: школу посетит делегация норвежских учителей русского языка. Учеников отпустили на два дня с занятий, проход по коридору, где должна была следовать делегация, а также актовый зал мыли, драили и красили.

Нескольким девочкам, в том числе и мне, было поручено надеть парадную форму, белые фартучки и белые капроновые бантики в волосы, и приготовить подарки. Я все исполнила, и на отпущенные мамой рубли купила маленькую палехскую шкатулку с Серым Волком и Иваном Царевичем — верх роскоши по моим детским представлениям.

Я на всю жизнь запомнила лицо сероглазого, светло-волосого норвежца. Теперь я понимаю, что ему было лет двадцать семь — двадцать восемь, но мне, восьмилетней, он казался очень взрослым. После официальных речей мы поднялись на сцену, и я вручила ему свой подарок. Он явно был растроган, очень благодарил, жалея, что не захватил с собой никаких сувениров. Он расспрашивал о моей семье, о том, чем я люблю заниматься, какие книжки читаю. Все уже ушли в зал, и я спиной чувствова-

ла, что осталась с ним на сцене одна и на нас все смотрят. Он спросил мою фамилию и адрес, пожал мне, как взрослой, руку, и я, довольная собой и им, побежала в зал. Дома я доложила маме о подарке, и занятые взрослые меня ни о чем не расспрашивали.

Месяца через полтора я заметила, что с моими родителями что-то происходит. Оба очень нервничали и о чем-то тихонько говорили по секрету от меня. Иногда до меня доносились слова «Яша» и «Париж». Яша, Яков — был папин младший брат, пропавший без вести во время войны. Попытки разыскать его или узнать что-то о его судьбе оказались безуспешны. С двоюродным братом отца, жившим в Париже, они переписывались вплоть до начала времен «космополитизма», когда такая переписка сделалась смертельно опасной. Однажды, придя из школы, я заметила, что мама — совершенный клубок нервов. Минут через пятнадцать пришел папа, и они ушли в нашу шестиметровую кухню, плотно закрыв дверь. Вскоре мама вышла и сказала, что меня зовет папа. Я вошла в кухню, мама за мной. Меня посадили на табуретку, мама стояла у холодильника.

«Светочка, — начал папа, — ты кому-нибудь давала наш адрес? Какому-нибудь иностранцу?» Я сказала, что назвала наш адрес норвежскому учителю. Папа стал объяснять, что не нужно давать наш адрес малознакомым, а тем более иностранцам. Воспитанная в строгом уважении к взрослым, я возразила: «Как же я могла не дать, если он — учитель?!» Вразумительного ответа на этот детский довод у моих родителей не было, и они мямлили что-то неотчетливое. «А что случилось?» — в недоумении спросила я. И тут оказалось, что милый норвежец решил меня отблагодарить и послал мне посылку. Моего отца пригласили объясниться в местный КГБ по поводу «связей» его восьмилетней дочери с капиталистической границей.

Я пришла в полный восторг. В свои восемь лет я не получала никакой почты, а тут целая посылка из Норвегии! «А что он мне послал, где посылка?» — я сгорала от любопытства. Родители переглянулись: «Он послал жвачку и цветные карандаши», — честно ответил папа. Про жвачку я ничего не знала, и эта часть посылки была мне совершенно неинтересна. Но цветные карандаши!!! Это был «дефицит», богатство, о котором мечтали все мурманские дети. «Где они?» — чувствуя, что мои глаза горят от счастья и ожидания, спросила я. Родители опять переглянулись. Посылку оставил себе КГБ. «Но как же? — ничего не понимала я. — Это же *мои* карандаши! Они, наверное, просто забыли их отдать. Папа, давай пойдем завтра в КГБ и заберем! Или я сама сбегая до школы». Я училась во вторую смену, а здание КГБ находилось недалеко. Я сейчас не помню, какими резонами и обещаниями родители умилили мой пыл и разочарование.

Наверное, какой-то сотрудник КГБ подарил эти карандаши своей дочке или сыну. Мне не жалко, я всегда была готова делиться. Но такого ошеломившего меня мелкого воровства «взрослых дядей» я не забыла. Я иногда рассказываю эту историю своим студентам и говорю, что мои разногласия с советской властью начались в восемь лет, когда КГБ украл *мои* цветные карандаши.

Но только взрослой я полностью осознала маразм той ситуации.

22 июня 1941 года в 4:30 утра мои родители проснулись в городе Гродно, самом близком от польской границы. Спать было невозможно из-за грохота в беспорядке отступавших войск. Оставив маму с братом на улице, папа побежал в военкомат и был немедленно мобилизован в армию. Ему было двадцать два года. Он начал войну младшим лейтенантом, служил в военной разведке, участвуя в бесчисленных вылазках в тыл врага для сбора сведе-

ний и поимки «языка», ночуя на деревьях, проводя дни и ночи в снегу. Он был ранен в глаз крошечным осколком снаряда. Врачи решили глаз не оперировать, сказав, что полная потеря зрения в нем была необратимой. Проведя несколько недель в госпитале, папа вернулся на фронт. Он окончил войну майором и командиром дивизии. У него было пять боевых орденов и двенадцать медалей. В 1945 году в двадцать шесть лет он вернулся с войны с неизлечимым туберкулезом, ставшим причиной его ранней смерти. После четырех лет войны он увидел, наконец, своего сына, месячным младенцем оставленного на улице Гродно. И теперь, в неполные сорок лет, обожаемый студентами профессор, он нервничал, идя объясняться с какими-то дармоедами из-за норвежской жвачки и детских карандашей.

Владимов необычайно потеплел ко мне после этого рассказа. Но когда он спросил, за что отцу были присвоены ордена, я не помнила, и он, вздохнув, укоризненно покачал головой: *«Вот – девочка! Сын бы не забыл!»* И тогда я все-таки ему рассказала историю про один орден.

В наш мурманский дом для сдачи экзаменов часто приходили студенты-заочники. Это были в основном офицеры военного флота, базирующегося в Североморске. Многие служили на подводных лодках, плавали и уходили в море на учения. Часто они отсутствовали во время сессий, и им разрешалось сдавать экзамены в другое время. Диплом института нужен им был для продвижения по службе. Придя в нашу крохотную квартирку, они нервничали, как маленькие дети. Квартира — хрущевка — состояла из четырехметрового коридора, двух смежных комнат, 15 и 9 метров, шестиметровой кухни и малюсенькой ванной комнаты. С нами жила моя кузина Галоч-

ка, веселая красавица, работавшая санитарным врачом в порту, а потом и ее муж. В «большой» комнате был круглый стол, за которым каждое воскресенье собирались друзья родителей. Там же стояли мое пианино, на ночь растягивающийся родительский диван-кровать и раздвигающееся кресло-кровать, на котором спала я. В нем же, собранном на день, свернувшись калачиком в красной махровой поверхности, я читала и готовила уроки. Папа сажал офицеров за круглый стол, давал им вопросы и уходил почитать в другую комнату. Я уголком глаза видела, как brave подводники, тайком и стесняясь, списывали ответы из учебников. Когда я однажды сказала папе об этом, он спокойно ответил: «Если они за десять-пятнадцать минут могут найти в учебнике нужное место, списать, да еще толково рассказать мне о списанном, я считаю, что они были прекрасно готовы к экзамену». Сколько я помню, меньше четверки никто не получал. После экзамена, если мамы не было дома и студент ему нравился, папа предлагал выпить коньячку, и, расстелив на плюшевой скатерти газету, резал на ней хлеб и колбасу. Я из своего кресла с интересом слушала их разговоры. Обычно рассказывали гости, папу очень интересовал их морской быт и опыт, и он был прекрасным слушателем. Но я помню, как однажды один из офицеров спросил отца о военных орденах. Уже порядочно угостившийся коньяком папа рассказал, как поздней осенью 1941 года, еще лейтенантом, он получил свой первый орден Красного Знамени, самый высокий из существовавших тогда орденов. А вечером, когда он и несколько офицеров отмечали это событие, его начальник полковник, изрядно подвыпив, сказал: «Я бы тебя, Абрам, к Герою представил, но сам видишь, в какой мы глубочайшей ж... Сейчас Героя только мертвым дают». Я обомлела в своем кресле при слове «ж...». Такие слова в нашем доме никогда не звучали, и из папиных уст я их даже представить себе не могла.

Заметив мою головку, в изумлении возникшую над спинкой кресла, папа серьезно пояснил моментально просекшему ситуацию офицеру: «Ж-Жо-осткая была ситуация на фронте». И оба заулыбались.

Георгий Николаевич даже привстал от волнения: «Услышь я раньше, я бы это в “Генерала” вставил!» — сказал он неожиданно взволнованно. Он дважды произнес: «Только мертвым... Героя — только мертвым...» — и повторил пушкинское: «Они любить умеют только мертвых».

Разогретый моими воспоминаниями и водкой, Владимов много рассказал нам об обысках и преследованиях КГБ, о нападении на Наташу и ее смелости. И как он спросил следователя, допрашивавшего его в КГБ и курировавшего добровольно-принудительный отъезд в эмиграцию: «А вам не обидно, что русский писатель уезжает, покидает свою родину?» — на что тот ответил: «Не-ет! Писателей у нас много...» Арнольд рассудительно заметил: «У них было много писателей, они писали доносы». Мы засиделись допоздна, и в тот вечер наше доброе знакомство переросло в сердечную дружбу.

Мы гуляли с Георгием Николаевичем по лондонским паркам. Когда я привела его в «Сад роз королевы Марии», сказав, что это самое райское место на земле, он скептически заметил: *«Сколько же денег это стоит, ваш рай содержать?»* Я объяснила ему начальную концепцию лондонских королевских парков, созданных еще в конце XVII века: равенство на природе всех сословий, и, таким образом, смешение их для социального образования высших слоев, а также улучшения манер и самосознания более низких. Поэтому «мой рай» — это не просто роскошь. Как и все исторические сведения, эта информация была ему очень интересна. И он как-то по-детски обрадовался, услышав, что все лебеди Великобритании принадлежат королеве. И как однажды, когда какой-то негодяй убил

лебедя, об этом сообщалось по телевизору и в газетах, так как было покушением на собственность Ее Королевского Величества Елизаветы II. Я видела, что наши прогулки, болтовня и мои рассказы об истории действуют на него успокаивающе.

Я повела его в «Коллекцию Уоллеса», где хранится не только прекрасное собрание картин, но есть также залы рыцарских доспехов и удивительной красоты оружия, инкрустированного золотом, серебром, драгоценными и полудрагоценными камнями и перламутром. Георгий Николаевич так заинтересовался, что до картин мы не дошли. Он просил меня переводить все надписи, подробно объясняя мне применение ручного и принципы работы огнестрельного оружия разных времен, систем и калибров. Он знал удивительно много и прекрасно соображал, как и что работает. Через три часа я, слегка одуревшая, вышла из музея с головой, переполненной абсолютно лишними для меня сведениями.

Мы съездили в Виндзор, где мощный замок-крепость произвел на Владимова огромное впечатление. Я очень увлекалась средневековой английской историей, и опять Георгий Николаевич слушал мои рассказы и объяснения с живейшим интересом, задавая много вопросов.

Однажды, встав утром, я увидела, что они с Арнольдом — два жаворонка, уже откуда-то пришли. Выяснилось, что они посещали агентство путешествий.

Англичане — народ эксцентриков. Их национальная особенность состоит в том, что, если человек хочет что-то делать, что не мешает и не вредит другим, значит, это его личный выбор. У него могут быть свои доводы и резоны, и неприлично вмешиваться в чужую жизнь. Помогите, если попросят, а остальное — не ваше дело. Англия — страна не-советов, и мой муж в этом отношении, как, впрочем, и во многих других, типичный англичанин.

«Мне нужен был обратный билет», — просто и ясно объяснил Георгий Николаевич. Я обомлела: «У вас билет был куплен в один конец?» — «Конечно, а как же? — ответил Георгий Николаевич. — Я всегда так покупаю, иногда прямо в аэропорту». Я посмотрела на Арнольда. Он чуть приподнял брови и пожал плечами. Выяснилось, что даже в Россию Владимов с Наташей ездили с билетами в один конец, платя астрономические деньги. «Но, Георгий Николаевич, — я старалась говорить спокойно, — ведь билет, купленный сразу в оба конца, стоит несравненно дешевле!» Он очень удивился, и меня посетило уже испытанное мной в Нидернхаузене тяжелое чувство его неблагополучия в чужом мире. Мы пошли в агентство, где сообразительный молодой человек выслушал меня с некоторым изумлением. К счастью, билет в один конец можно было сдать, после чего агент нашел нам дешевый дневной возвратный билет. Георгий Николаевич улетел бы около десяти утра, а обратный билет, который он бы просто не использовал, был на вечерний рейс. Цена была в три с половиной раза ниже той суммы, которую Владимов заплатил за билет в Лондон. Георгий Николаевич был чрезвычайно доволен: «Я даже не знал, что существуют дневные билеты, кто же так летает, на один день?» Я рассказала, как преподавала русский язык директору большого швейцарского банка. Когда я однажды объяснила, что должна перенести следующий урок, так как буду в Лондоне, он деловито спросил: «Весь день?» Все это привело Владимирова в прекрасное настроение.

Вечером Георгий Николаевич, почувствовав себя Крезом от количества сэкономленных на билете денег, пригласил нас в ресторан. Зная его стесненную ситуацию, мы предложили пойти ужинать в паб неподалеку, где часто бывал живший в доме на параллельной улице Чарльз Диккенс. В пабе Владимов поинтересовался, какое пиво пил Диккенс. О пивных пристрастиях великого

писателя мы ничего не знали. Поэтому они с Арнольдом перепробовали разные традиционные сорта английского пива и изрядно наклюкались, вернувшись домой в самом приятном расположении духа. И тут еще добавили традиционный английский nightcap — «ночной колпак» в переводе моего мужа — стаканчик виски. *«Даже не помню, когда я так хорошо спал, — сказал наутро вставший много позднее обычного Владимов. — В Лондоне у вас я сплю, а у себя...»* — он махнул рукой. «Вот и приезжайте к нам, когда поспать захочется», — предложила я.

Пришло время отъезда. Арнольд вызвался проводить гостя рано утром в аэропорт. Георгий Николаевич очень благодарил нас, сказав мне: *«Спасибо большое, что вы меня вытащили, а то я сижу там один, как бифюк»*.

Несколько месяцев мы перезванивались, а в августе, почувствовав, что он очень затосковал, я опять пригласила его. Он явно обрадовался и, купив билет, бодро доложил: *«Билеты в Лондон дешевые!»*

В первый день мы отправились гулять, и я показала ему место казни в 1649 году короля Карла I. Владимов подробно расспрашивал о гражданской войне, бушевавшей в XVII веке в Великобритании. Рассказ о том, что король пришел на свою казнь пешком через парк Святого Джеймса, очень впечатлил Георгия Николаевича. Через здание и площадь Конной Гвардии мы прошли в этот прелестный парк, где на островке посреди озера стояли два пеликана. По озеру плавало множество уток и лебедей. Попрошайки-гуси вытягивали шеи навстречу. Когда мы вышли к Букингемскому дворцу, к Георгию Николаевичу подошли три черные фигурки — одетые в паранджу женщины. Только яркие черные глаза видны были в прорезях на лице. Он не понял, что они просили, и повернулся ко мне. Кивнув, я взяла у одной из них фотоаппарат — они хотели сфотографироваться на фоне дворца. Я два-

жды щелкнула фотоаппаратом, и, очень довольные, они поблагодарили и удалились. Глядя вслед их хрупким спинкам в развевающихся черных одеждах, Георгий Николаевич сказал: *«В чем смысл такой фотографии?»*

На следующий день мы должны были поехать «на утку» к Игорю Голомштоку, с которым нас связывала нежная дружба. Георгий Николаевич много слышал о нем и был рад познакомиться. Я обещала привезти закуски. Однако утром позвонил удрученный Голомшток: уток в окрестных магазинах не было, а жареная утка была его единственным коронным блюдом. «Приезжайте к нам, я что-нибудь приготовлю», — предложила я. «Но, Светлана, как же, я хотел вас всех уткой угостить!..» — сокрушался Игорь. Я стала его утешать: «Вчера мы с Георгием Николаевичем видели в парке очень много маленьких утят с молодыми мамашами. Уток зрелого возраста мы с вами всех съели, а утиная малышня еще не выросла». И тут я впервые услышала, как Георгий Николаевич засмеялся, легким, недолгим, молодым смехом. У меня отлегло от сердца, я поняла, что он, действительно, отходит душевно. Мы чудесно посидели и выпили с Игорем, который был большим поклонником творчества Владимова. Они прекрасно сошлись, так что Игорь в дальнейшем участвовал в наших походах, особенно в пабы. Увидев, как Георгий Николаевич наслаждается гостями, я начала приглашать друзей, и следующие дни мы, как он выражался, «гудели». Георгий Николаевич начал говорить о том, что ему необыкновенно нравится Лондон и он бы очень хотел переехать сюда из Германии. *«Здесь есть какой-то творческий импульс, энергетика особая, писать хочется. Я такое чувствовал только в Ленинграде»*, — сказал он мне. Он стал живо интересоваться ценами лондонского жилья. Даже покупал газеты и рассматривал объявления, консультируясь с Арнольдом о разных районах. И попросил меня чи-

тать объявления, и, если вдруг что-то «проклянется», немедленно сообщить ему. Но цены в Лондоне даже тогда были астрономическими.

Последующие месяцы он был очень занят, готовя к печати свой четырехтомник, а потом путешествуя с Мариной по Европе. В свой зимний приезд 1998 года, вспоминая осеннюю поездку, он много говорил о дочери. Он очень гордился ею, рассказывая, что она не только прекрасный врач, но у нее много литературных интересов, и она *«...очень неплохо пишет»*. *«Отличный товарищ в путешествиях, — хвастался папа Владимов, — ориентируется в обстановке легко, реакции быстрые. Карту дорожную хорошо читает.* — И добавил, грустно усмехнувшись: *— От Наташи моей, как вы себе хорошо представляете, в дороге толку не было никакого...»*

Мы сходили в Национальную галерею, хотя мне уже было ясно, что исторические музеи интересовали его больше. Он спросил меня, кто мои три любимых «старых мастера», и я назвала Джотто, Тициана и Рембрандта: *«Вот их и покажите»*, — сказал мне Георгий Николаевич. Джотто он посмотрел, как мне показалось, внимательно, но без особого интереса. Реакция на Тициана была более оживленной, он сказал что-то о красоте синей краски, но его более всего интересовали мифологические сюжеты. И когда мы дошли до «Бахуса и Ариадны», он очень оживился, увидев отрубленную голову Минотавра: *«Я всегда думал: что означает этот монстр? Какое-то страшное загадочное существо, которое, значит, зачем-то создали боги?»* Я сказала, что неожиданно вспомнила о Минотавре, когда видела отрывок репортажа суда над Чикатило, зверском садисте и серийном убийце детей, который, странно, как животное, мотая головой из стороны в сторону, сказал о себе: *«Ошибка природы произошла»*. Может быть, Минотавр — первая человеческая метафора непоправимой «ошибки природы», серийный убийца, живущий

в подземном, черном мире своего кровавого кошмара, из которого он не в состоянии выйти? Георгий Николаевич выслушал внимательно, кивнул и вдруг сказал: «*Сталин – тоже был Минотавр*».

На Рембрандта он отреагировал внезапно сильно. Мы сели перед «Пиром Вальтасара», и Георгий Николаевич, когда я напомнила сюжет, как-то погрузился в себя. Он попросил меня дважды повторить древние арамейские слова, светящиеся на картине: «Мене, мене, текел, упарсин». И я помню, как привела ему всегда волновавшие меня слова из «Книги пророка Даниила»: «Текел – ты взвешен на весах и найден очень легким. Мене – исчислил Бог царство твое и положил конец ему. В ту ночь Вальтасар, царь халдейский был убит», – неполно и перепутав порядок.

Глубина рембрандтовских картин и поразительные лица на портретах великого художника произвели на него сильнейшее впечатление. «*Я вас понимаю*», – сказал он мне и по дороге домой расспрашивал о жизни Рембрандта, решив, что хочет почитать о нем. Я пообещала, что следующий раз мы поедем в Кенвуд – дворец-музей в заповеднике посреди Лондона, где висит прекрасный автопортрет старого мастера. Я вообще заметила, что больше всего Владимова трогали в картинах лица и портреты.

На следующий день была солнечная погода, и мы на пароходике поплыли по Темзе в Гринвич. Вид Лондона и окрестностей с реки понравился Георгию Николаевичу чрезвычайно. И он пришел в полный восторг от Морской академии, напоминающей петербургское Адмиралтейство. После часового плавания мы сошли на берег, где возле пристани стоял «Катти Сарк» – корабль, перевозивший в XVIII веке чай из Индии. Музей внутри был сделан так, чтобы показать настоящую корабельную жизнь тех времен. На маленьких нарах спали «матросы», при-

чем одеяла над ними ровно вздымались, имитируя дыхание. Георгий Николаевич попал в свою стихию. Я должна была перевести все надписи и выслушать массу объяснений об устройстве мачт, канатов и так далее. Мы провели там более двух часа, Владимов — в огромном оживлении. Наконец, с трещащей от услышанных сведений головой, мне удалось увести его из трюмов. Мы начали подъем к обсерватории, и я впервые увидела, насколько у него большое сердце. Первый его инфаркт случился еще в России после одного из обысков, проведенных КГБ. Идти на холм ему было очень тяжело, мы поминутно останавливались. Я очень волновалась и жалела, что предложила дойти до обсерватории. Но когда мы, наконец, поднялись, он, отдохнув на скамейке перед великолепной панорамой Лондона, с наслаждением рассматривал удивительной красоты старинные корабельные приборы, а потом, выйдя на улицу, долго и с удовольствием переминался с ноги на ногу по линии 1-го меридиана, разделяющего Запад и Восток.

Под конец мы все-таки съездили «на утку» к Голомштокам. Флора расстаралась и приготовила чудесные закуски, а мы привезли водку. Мужчины, впрочем, начав с аперитива, угостились виски. Все были в прекрасном настроении. Мы с Игорем вспоминали песни Галича, которого он обожал, и, порядочно выпив, они пели с Владимовым военные советские песни, а Флора мелодичным полудетским голоском дважды лихо спела под конец какую-то не вполне приличную песенку своих экспедиционных времен, начинавшуюся словами «Эх, Сюзанна!». Мы вызвали такси, и Георгий Николаевич, к удовольствию афганца-таксиста, немного понимавшего по-русски, продолжал негромко распевать всю дорогу.

Наутро Георгий Николаевич спросил меня, можно ли купить в Лондоне комнату или угол. Перед его отъездом я дала ему список, попросив, чтобы он постепенно отвечал на вопросы в нем и посылал мне в письмах.

В конце мая четырехтомник был напечатан. Георгий Николаевич позвонил и сказал, что Гольдман предложил ему оплатить билеты и визы зарубежных друзей, желающих приехать на презентацию. Дело было в июне, Арнольд должен был поехать в Глазго, где он исполнял обязанности внешнего экзаменатора в университете, и отменить или передвинуть эту работу было невозможно. А я с радостью поехала, прилетев накануне грядущего события.

Утром я позвонила Георгию Николаевичу и спросила адрес, по которому состоится презентация. Он сразу пригласил меня прийти в гостиницу, сказав, что мы поедем вместе.

В его номере я впервые увидела его очень красивую дочь Марину. Сдержанная сила отца вылилась в ней в ступок деятельной энергии, и мне было очень приятно видеть ее любовное отношение к Георгию Николаевичу и атмосферу родства, существовавшую между ними.

Вскоре пришел Борис Эрленович. Поздоровавшись, он заботливо спросил меня: «Вы покушали?» В нем была необыкновенная интимная уютность. Вместе с ним вошли два телохранителя, которые сразу задернули одну из штор на окне и быстро осмотрели комнату. Я почувствовала себя в кадре голливудского криминального фильма. Поинтересовавшись погодой в Лондоне и хорошо ли я долетела, Борис Эрленович спросил: «Сколько я вам должен?» Я вынула из сумочки квитанции. «Что это?» — он смотрел на мои бумажки как баран на новые ворота. Я объяснила: «Квитанции за билет, за визу, посадочный талон...» Не дослушав, он разорвал их, бросил в урну и произнес: «Сколько?» Я назвала сумму. Он вынул кошелек и отсчитал. В комнату вошел его шофер: «Сережа, ты покушал?» — обратился к нему Гольдман. Так как Сережа «покушал», мы могли ехать и отправились в сопровождении телохранителей в большом автомобиле с темными

стеклами. Когда мы вошли в зал Малого Манежа, Борис Эрленович представил нас своей маме, маленькой и такой же уютной, как он сам. Поцеловав сына, она с упреком сказала своему мальчику, ворочавшему миллионными и устроившему прием двум сотням людей: «Боренька, ты опять пятно на костюм посадил. Как же ты так неосторожно?»

В зале было очень много народу: знакомые, как Владимир Войнович, Бенедикт Сарнов, Наталья Иванова, известные незнакомые Елена Георгиевна Боннэр, Наталия Дмитриевна Солженицына, Маргарита Терехова, Ролан Быков и большая толпа, в которой я никого не знала. Георгий Николаевич и Борис Эрленович провели пресс-конференцию с довольно бестолковыми, как мне показалось, вопросами плохо подготовленных журналистов. Выпивки, закуски, разговоры, и в конце все разошлись, и осталась небольшая группа людей. Мы сели вокруг стола. Я помню, как кто-то спросил маму Гольдмана: «А какво это, быть матерью нового русского?» И она с глубокой искренностью, закрыв глаза, сказала: «Очень страшно!»

Но в тот вечер мы очень приятно посидели, и Георгий Николаевич заволновался, как я поеду одна домой. Гольдман предложил вызвать такси, однако один из гостей вызвался меня проводить и помочь тащить два чемоданчика, которые я получила.

* * *

Русская литература обязана Борису Эрленовичу Гольдману изданием наиболее полного, отредактированного самим автором четырехтомника произведений Владимова. И тем, что он благородно и щедро возвратил любимому писателю живое чувство читательской любви и признания.

12 апреля 2004 года Гольдман был убит. Недалеко от Ленинского проспекта столицы на пересечении улиц

Вавилова и Дмитрия Ульянова его машина задержалась около светофора, когда к ней подъехали с двух сторон мотоциклисты, один из которых, приподнявшись, положил на крышу бомбу. Взрыв был немедленный и такой силы, что не только убило всех сидевших в машине и обоих мотоциклистов, но и выбило окна в домах, и была масса пострадавших прохожих. Я помню мое потрясение, когда я прочла об этом коротенькое сообщение в английской воскресной газете. И мне вспомнилась маленькая, закрывшая глаза от страха за сына женщина.

* * *

Георгий Николаевич позвонил, вернувшись в Нидерхузен. Мы обсудили презентацию, поболтали о том о сем. Я пригласила его приехать, и он очень обрадовался. Договорились, что он выяснит насчет билета и позвонит. И тут я совершила ошибку.

Мы с Арнольдом — меломаны и летом часто бываем на концертах в «Royal Albert Hall», где проходит фестиваль классической музыки «Proms». Нам очень повезло. Дедушка одной из аспиранток Арнольда, обожавший классическую музыку и ставший богатым бизнесменом, купил для семьи ложу. В начале каждого сезона мы посылаем список концертов, которые хотели бы послушать, получая бесплатные билеты. Иногда нам дают все пять билетов, и мы приглашаем друзей. Покупаем вино, я готовлю на всех бутербродики с семгой и огурцами, и мы пируем в «собственной ложе» в перерывах.

В тот год 21 августа 1998-го Филармонический оркестр BBC исполнял симфонию № 13 Шостаковича — «Бабий Яр» на стихи Евгения Евтушенко. Солистом был Сергей Лейферкус — великолепный баритон. Я немедленно в счастливом возбуждении рассказала Владимову об этом концерте, добавив, что он, разумеется, пойдет

с нами. Я думала, что ему будет чрезвычайно интересно и приятно слушать великую музыку и пение на родном языке и с таким прекрасным исполнителем.

И тут дело застопорилось. Георгий Николаевич говорил мне о починке водопровода, дороговизне билетов и еще что-то несообразное. Но когда я в третий раз упомянула концерт, он наконец сознался: *«Да, вы знаете, я эту тяжелую музыку не очень-то...»* Тут я сообразила, что именно делало цену обычно дешевых билетов от Франкфурта до Лондона недоступной, и предложила приехать после концерта. На следующий день Георгий Николаевич купил билет. Он прилетел 23 августа, неожиданно приземлившись в эпицентр нашей семейной трагедии.

Я встретила его в аэропорту, мы приехали домой и пили чай, собираясь после этого отправиться гулять по Лондону. Арнольд весь день отсутствовал, помогая младшей дочке устраиваться на новом месте жительства в городке недалеко от Лондона. Он должен был вернуться после девяти вечера к уже известному «ночному колпаку». Когда наше с Владимовым чаепитие подходило к концу, зазвонил телефон. Пенничка, моя падчерица, взволнованно сообщила, что дедушка со вчерашнего вечера не отвечает на телефонные звонки, и она хочет поехать к нему. Я сразу сказала, что поеду с ней, и, повесив трубку, объяснила Георгию Николаевичу, что мне, к сожалению, придется оставить его на несколько часов одного.

Мы с Арнольдом очень дружили с родителями его покойной жены, Бетти и Патриком Синг-Хатчинсон. У Бетти был прелестный, веселый и очень жизнерадостный характер: она обожала хороший шоколад и каждое утро выпивала бокал шампанского, уверяя нас, что это очень полезно для ее больного сердца. Она была сиротой, но ее и двух сестер взял на воспитание богатый брат отца, владелец угольных копий на севере Англии. Бетти родите-

лей не помнила, ей было два года, когда их не стало. Дядя дал всем трем девочкам подходящее времени и статусу образование, а потом и щедрое приданое. Они росли в большом красивом доме в центре Лондона. Рядом находился выстроенный в классическом стиле небольшой дворец с прекрасным садом, принадлежавший старинной английской аристократической семье Синг-Хатчинсон. У них было двое детей, отличавшихся необычайной красотой, сын Патрик и дочь Джоан.

Предками Патрика были морские офицеры, один из которых охранял Наполеона на острове Святой Елены. Синг-Хатчинсон служили в восточных колониях и участвовали во всех важных битвах империи, ведя свою родословную со времен Вильгельма I Завоевателя. Те, кто не служил, были меценатами и художниками. Дом Синг-Хатчинсон был полон произведений искусства, картин и скульптур мастеров Ренессанса, барокко и импрессионистов, редчайшего фарфора, серебра и восточных ценностей.

Коллекция славилась не только в Великобритании, но и за ее пределами. Патрик чрезвычайно увлекался историей искусства и окончил Королевскую Академию художеств по классу скульптуры, занимаясь у Альфреда Гилберта, автора скульптуры «Крылатого Эроса» на Пикадилли. Гилберт, очарованный красотой молодых Синг-Хатчинсон, создал их бюсты, отлив в бронзе прекрасное, чуть надменное лицо Патрика и редкую красоту пятнадцатилетней Джоан с двумя косичками. Впоследствии Патрик стал крупнейшим в стране специалистом и экспертом по английскому фарфору. Отец умер довольно рано, мать занималась розами и каждый день рассылала подругам великолепные букеты цветов из своего сада.

В 1939 году во время одной из беспощадных немецких бомбардировок Лондона на дом Синг-Хатчинсон прямым попаданием упала бомба, навсегда разрушив его до

невосстановимого состояния. Патрик с Джоан собрали под обвалами и грудями камней уцелевшие остатки ценнейшей семейной коллекции. От Ренессанса осталась лишь одна карандашная копия потолка Сикстинской капеллы, исполненная учеником Микеланджело еще при жизни мастера. Остальное было уничтожено. То же случилось с барочной живописью. Импрессионистам повезло чуть больше. Мраморная скульптура погибла вся, как и большая часть фарфора и серебра.

После войны всем владельцам разрушенных домов, рыбацких домиков и дворцов выплатили одинаковую небольшую компенсацию. Никто не роптал: трагедия страшной войны, длившейся семь лет, уравнила всех и оставила разбомбленную страну без средств. Брат и сестра купили на эти деньги для матери небольшой домик с розовым садом в деревне.

Бетти и Патрик знали друг друга с младенчества, он был двумя годами старше. Они поженились и неразлучно прожили шестьдесят пять лет. В годовщину их свадьбы пришло поздравление от Елизаветы II, написанное рукой самой королевы. А через полтора месяца Бетти умерла.

После ее похорон прошла неделя до описываемого мной дня. Мы дважды заезжали к Патрику, и я послала ему интересную статью о картине Гольбейна-младшего «Послы». Патрик всегда был замкнутым человеком, а в последние годы вообще никуда не выходил, боясь оставить Бетти одну. Поэтому, когда он не ответил на звонок не только вечером, но и утром, Пенничка серьезно забеспокоилась, и ее тревога немедленно передалась мне.

Выслушав меня, Георгий Николаевич твердо заявил, что поедет с нами: *«Вы же не думаете, что я отпущу двух женщин одних в такой ситуации?»* Мы встретились на станции метро «Swiss Cottage» и молча пошли к дому Синг-Хатчинсон. Они жили в небольшой трехкомнатной

квартирке. Мы позвонили снизу — ответа не было. Поднялись на лифте и позвонили в дверь. Наконец решили, что я войду первой: Патрик меня знал и, увидев, не испугался бы. Я вошла в квартиру, заглянула в пустую гостиную, прошла в спальню и увидела его на полу. Он лежал в синей пижаме, на белом отвороте карманчика — его инициалы, любовно вышитые Бетти синими нитками. Рядом стоял стакан с густым раствором разведенного снотворного и лежала записка, в которой он просил врачей не возвращать его к жизни. На столе было письмо — жить без Бетти он не хотел.

Я пошла за Пенничкой и Георгием Николаевичем. Вызвали скорую помощь. Медики приехали через сорок минут, засвидетельствовали смерть и позвонили в полицию. Довольно быстро прибыли двое молодых полицейских, мужчина и женщина. Осмотрев квартиру, мужчина написал протокол, с любопытством посмотрев на Георгия Николаевича после моего объяснения о личности и профессии гостя. Меня поразили такт и деликатность, с которыми полицейские с нами разговаривали. Вызвали полицейского врача, необходимого для освидетельствования в таких случаях. Мужчина-полицейский после этого ушел, сказав, что его коллега Хлоя останется с нами и будет организовывать все необходимое: «Вам не надо ни о чем беспокоиться». Я тихонько переводила Георгия Николаевичу, и он слушал и смотрел на все с таким интенсивным «писательским» вниманием, которого я никогда не видела раньше на его лице. Врача пришлось ждать очень долго: он был где-то довольно далеко на месте преступления, а потом попал в пробку. Хлоя была в основном на кухне, время от времени принося нам воды или чая.

Все это время Георгий Николаевич передвигался по гостиной, молча и в изумлении рассматривая портреты предков, главным образом — морских офицеров. При взгляде на молодое великолепие их прекрасных лиц в го-

лову приходила строка Окуджавы: «Все они красавцы, все они таланты, все они поэты». В стеклянной витрине лежало позолоченное и в серебре, инкрустированное камнями оружие, кортики и пистолеты. Рядом стоял прекрасный застекленный шкаф, в котором хранились изделия восточного искусства из слоновой кости, драгоценных и полудрагоценных камней. Книжный шкаф, полный редчайших и ценнейших книг. Между шкафами и витринами висели карандашные рисунки Патрика, картины импрессионистов и британских художников начала века, на мраморной полке стояли бронзовые бюсты брата и сестры, и еще несколько небольших монашеских скульптур в бронзе, исполненных и подаренных Гилбертом любимому ученику. В коридоре был шкаф, где стояла первая английская фарфоровая статуэтка XVII века: Иисус Христос с посохом — пастырь. Между входной дверью и шкафом на стене видел в раме вытканый цветами зеленоватый гобелен, которым покрывалась постель Наполеона на острове Святой Елены. Это были лишь остатки былой роскоши и сокровищ, но все это создавало впечатление маленького интимного музея.

Наконец, приехал врач. После внимательного осмотра, при котором присутствовала Хлоя, он составил свой протокол и пришел к нам в гостиную. Его голос был очень тихим и бережным. Он сказал, что, если это может быть утешением, — Патрик умер очень спокойно и легко, без всяких страданий или боли. По каким-то своим признакам он определил, что у Патрика было очень больное сердце и смерть наступила быстро. Он простился с нами и ушел. Хлоя позвонила в морг. Вскоре приехали два человека в черных костюмах и сделали свое дело очень корректно, быстро и профессионально. Патрика унесли. Было уже позже десяти часов вечера. Хлоя вызвала нам машину. Дверь за нами закрылась, и я покинула эту квартиру навсегда. Пенничка поехала к нам ночевать.

Мы были в состоянии крайней усталости. Приехав домой к ужасно обеспокоенному Арнольду, мы осознали, что никто из нас не ел весь день. Мы спустились в греческий ресторанчик, располагающийся в нашем доме. Есть не хотелось, мы все поковыряли что-то вилкой и вернулись домой.

Наутро приехала младшая дочка Диана. Следующие несколько дней девочки жили у нас и спали на диван-кровати в нашей гостиной (реминисценция моего детства), так как их комнату занимал Георгий Николаевич.

История с Патриком чрезвычайно поразила Владимира, недавно потерявшего любимую жену. Следующие дни он был в состоянии довольно возбужденном, каким я его раньше не видела, несколько раз в разговоре обращался к пережитому: *«Подумайте только, английский африкрат, покончивший с собой от любви!»* — повторял он мне. Присутствие девочек, говоривших с ним по-русски, и теплота жизни в семье были ему явно очень приятны. Он с готовностью ходил со мной в магазин за продуктами, чистил на всех картошку и умело резал лук. Я отчетливо и с болью ощутила, какой он, по сути, семейный человек и как бесконечно тяжела и не подходит ему жизнь в одиночестве. Он опять говорил о том, как ему хочется переехать в Лондон. *«Может быть, — размышлял он, — мне попросить спонсора купить жилье в Лондоне?»*

Похороны Патрика должны были состояться через две недели. Георгию Николаевичу пора было возвращаться в Нидернхаузен: оплатить счета и прочитать корреспонденцию. Записать интервью нам не удалось ввиду всех обстоятельств, и мы договорились, что он приедет опять.

* * *

Он прилетел через несколько месяцев во время «недели чтения», когда студенты должны работать самостоятель-

но и у меня нет занятий. Арнольд притащил из университета большой хороший магнитофон, и на следующее утро мы приступили к работе. Я беспокоилась, но оказалось, что Георгий Николаевич очень хорошо чувствовал себя перед микрофоном. Он охотно отвечал на мои вопросы, и было видно, что вспоминать ему приятно и интересно. Время от времени мы делали перерывы, пили чай, ходили на длинные прогулки, и, вернувшись или поздним вечером, я старалась поточнее записать то, что он мне по дороге рассказал.

У нас часто собирались друзья, и я помню вечер, когда вокруг стола сидели Игорь Голомшток с Флорой и писатель Зиновий Зиник со своей милой и чрезвычайно толковой женой Ниной. Голомшток и Зиник вместе работали на ВВС и прекрасно относились друг к другу. Поговорили о современной литературе, об издательствах, тиражах и планах каждого. В компании Георгий Николаевич был склонен скорее слушать, чем говорить. Зиновий с его острейшим и прелестным чувством юмора очень любил, по крайней мере, в нашем доме, играть роль «agent provocateur». Окинув взглядом поле битвы, он моментально оценил пристрастия присутствующих и заговорил о Льве Николаевиче Толстом. Мы сразу поняли, почему. Игорь Наумович Голомшток — человек редкостного очарования и глубочайшего ума, с настоящими прорывами в гениальность, был в то же время, как говорят англичане, «opinionated» — обладателем неожиданных, сильных и иногда абсурдных «мнений». Например, он терпеть не мог Льва Николаевича Толстого. Его невероятно раздражало «морализаторство» классика, и к тому же он придерживался твердого убеждения, что Толстой — «плохо писал». Маленькую скидку получала только «Анна Каренина», за которой Игорь признавал некоторые литературные достоинства, но в целом — «плохой писатель». Эффект был полным. Георгий Николаевич поте-

рял дар речи, глаза его сделались больше очков, которые он иногда надевал для чтения, и он только переспросил: «Толстой?!» «Толстой, Толстой!» — упрямо подтвердил Игорь. Зиновий наслаждался, но долго почивать на лаврах не собирался. «А кто, по-вашему, самый лучший писатель?» — спросил он Игоря. «Диккенс!» — не раздумывая, ответил англофил Голомшток. С этим трудно было поспорить. «Ну хорошо, — продолжал Зиновий, — а из русских?» — «Достоевский». И тут Зиновий нашел ход, поставив вопрос так: «А как вы думаете, кто лучше писатель, Достоевский или Агата Кристи?» Тут мы все подскочили. «Зиник, — произнес Игорь в изумлении, — ну что вы несете?» — «Почему, — невозмутимо пояснил Зиновий, — решает читатель. Кого больше читают, Достоевского или Агату Кристи? Агату Кристи читают несравнимо больше, значит, она — лучше писатель!» Шум поднялся невообразимый. Все, включая Георгия Николаевича и даже Арнольда, наперебой убеждали сохраняющего серьезный вид, но иногда все-таки хмыкающего Зиновия, что он не прав... Под конец он дал себя «убедить». Все это было очень смешно, весело, и водки было выпито куда больше обычного...

Когда гости ушли, в кухне, где я ставила в машину посуду, внезапно появился Георгий Николаевич. Усевшись на стул, он в теплом подпитии рассуждал: *«Нужно поговорить с Гольдманом и переезжать в Лондон. Удивительные вещи я тут узнаю. Короли на казнь пешком ходят, лебеди все — королевские, с Минотавром мы разобрались... А тут еще Толстой — “плохой писатель”, а Агата Кристи лучше Достоевского! — И, помолчав, с легкой грустью добавил: — А эта квартира вашего родственника, покрывало Наполеона с острова Святой Елены! Английский аристократ, погибший от любви, — подумайте только...»* Это было далеко не последнее упоминание нашей драмы, которая оказала на него сильнейшее впечатление. Прощаясь на ночь, он неожиданно обнял меня и сказал с огромной теплотой: *«Спасибо вам, — и до-*

бавил: — *Когда Лева Копелев был жив, мы с Наташей очень любили к ним ездить. Там был настоящий семейный дом, как у вас». Я была очень рада, что ему хорошо с нами.*

Несмотря на разногласия по поводу Толстого, Игорь и Георгий Николаевич очень тянулись друг к другу, и в последний вечер мы вместе ужинали в пабе «Шерлок Холмс» недалеко от Стрэнда, в доме, где якобы жил бес-
смертный детектив.

* * *

Через несколько месяцев Владимов приехал к нам еще раз. За ужином он рассказал смешную историю. Георгий Николаевич очень увлекался всем, что связано с компьютерами. И купил себе программу перевода. И вот он запустил в программу целый роман «Генерал и его армия» и: *«...пошел чистить картошку. Пока она кипела, роман перевелся. Ну хорошо, — думаю, — английского-то я не знаю, как он там переведен? Я запустил перевод назад на русский. Пока обедал, перевод был готов. Я посмотрел и совершенно не понял, что это за текст...»*

Мы еще кое-что записали и уточнили «биографию в датах» — хронологию его жизни. Когда погода была хорошей, мы гуляли, сходили в Вестминстерское аббатство и Британский музей, где замечательная выставка ассирийских рельефов и греческие залы произвели на него очень большое впечатление.

Он рассказал, что начал писать автобиографическую трилогию. Каждая часть должна была концентрироваться вокруг одного из трех дней, которые «ломали» и на годы определяли его жизнь: поход к опальному Зощенко в 1946 году; отъезд в эмиграцию в 1983-м и суд с НТС 1987-м. Только первая неоконченная повесть о походе к Зощенко «Долог путь до Типперэри» опубликована уже после его смерти.

В конце 2000 года Георгий Николаевич сказал мне по телефону, что он обвенчался с Евгенией Алексеевной Сабельниковой, жившей в Германии в соседнем городке. Я искренне поздравила его. Я была очень рада, что он больше не один и есть кому о нем позаботиться. Они приехали следующей весной. У Жени в одном из частных лондонских университетов училась очень милая и воспитанная дочь, которая несколько раз приходила к нам на ужин.

Оказалось, что в тот год Британский Совет пригласил Владимова как лауреата российского Букера на ужин с английскими букеровскими лауреатами. Лауреатом 2001-го стал Питер Кэри*. Жюри долго колебалось между ним и Иэном Макьюэном**, опубликовавшим в тот же год замечательный роман «Искупление». Но прочтя «Истинную историю шайки Келли» Питера Кэри, я поняла выбор букеровского комитета.

«Я отказался», — объявил, к моему изумлению, Георгий Николаевич. «Но почему?» — «*Да они там, наверное, все молодые писатели...*» Я объяснила, что писатели весьма среднего возраста. «*Понимаете, я спросил про Женю, а они сказали, что могут заказать нам номер на двоих, но дорогу ей нужно оплатить самой. Я подумал, что это как-то унижительно, и отказался*».

У меня просто руки опустились. Дело в том, что Георгий Николаевич очень хотел, чтобы его роман «Генерал и его армия» был переведен на английский язык и издан. По его поручению я звонила двум агентам, которые занимались раньше изданием его книг. По резкости и катего-

* Carey P. True History of the Kelly Gang. Australia, 2000. *Кэри П. Истинная история шайки Келли*. Пер. И. Гуровой. М.: АСТ, 2018.

** McEwan J. Atonement. London, 2001. *Макьюэн И. Искупление*. Пер. И. Дорониной. М.: АСТ, 2010.

ричности их отказа при имени Владимирова я поняла, что в прошлом была какая-то неприятная история. Я предполагаю, что дело было в том, что права на издание его романов на Западе были у «Посева». После разрыва с НТС Владимиров потребовал возвращения ему копирайта, написав письма в печатавшие ранее его книги западные издательства. Поэтому его агенты могли столкнуться с какими-то осложнениями или неприятностями.

Присутствие на таком ужине с лауреатами было бы замечено и прессой, и переводчиками, и издателями. Я до сих пор сожалею об этом упущенном шансе.

В этот приезд Георгий Николаевич и Женя много гуляли сами, и я провела с ним меньше времени. Я показала ему напечатанную расшифровку интервью — более сотни страниц компьютерного текста. Пробежав его, он сказал: *«В таком виде это печатать никак нельзя. Обработайте и напишите биографию»*. Мы еще раз проверили и дополнили «биографию в датах».

Они уехали через несколько дней, и это была наша последняя встреча.

* * *

Думая, что он не один, я не так беспокоилась о нем и звонила реже. Постепенно выяснилось, что он много времени проводит в своей квартире: *«Я тут читаю, работаю»*, — объяснил он мне. Он иногда уезжал и подолгу жил в Перedelкине, где у него, наконец, появилось жилье от Литфонда.

Георгий Николаевич говорил мне, что у него проблемы со здоровьем, что он лечится, но не сказал, что был диагностирован рак. Однажды он позвонил попрощаться и сказал, что едет надолго в Перedelкино. Договорились созвониться, когда вернется. На мое приглашение приехать к нам он сказал, что очень хотел бы. Я пожела-

ла ему легкой дороги. *«А вам — счастливой жизни! И привет большой Арнольду и девочкам!»* — сказал он. Что-то больно кольнуло меня, но в трубке уже был отбой. Это был наш последний разговор. Он не доехал до Переделкина, потеряв сознание в дороге.

Георгий Николаевич Владимов умер в Германии 19 октября 2003 года.

* * *

После его смерти во мне осталось чувство вины, которое сопровождает смерть: не-до-говорила, не-до-звонила, не-до-расспрашивала, не-до-встречалась.

Я бесконечно благодарна судьбе, подарившей мне недолгую дружбу с большим, сильным, ярким и необыкновенно талантливым человеком. От природы его организм, боксера, лыжника, пловца, был очень крепким, и он, вероятно, не ушел бы так рано, если бы его жизнь не была переполнена столькими трудностями и испытаниями.

Думая о прекрасной, трагической и неустроенной судьбе Георгия Николаевича Владимирова, я вспоминаю бодлеровского «Альбатроса» — мощную птицу, парящую на исполинских крыльях над волнами океана, чей высокий полет был оборван бессмысленно и слишком рано*.

* Эти воспоминания были опубликованы в 2018 году в № 7 журнала «Знамя»: в настоящем издании я исключила информацию, которую уже приводила выше, и внесла несколько уточнений к деталям.

Биография в датах

Хронология 1931–2001 годов составлена Георгием Николаевичем Владимовым*.

19.02.1931 — Георгий Николаевич Волосевич родился в городе Харькове. Адрес: Павловский район, Октябрьская улица, дом 8. Родители: Мария Оскаровна Зейфман и Николай Степанович Волосевич.

1933 — Родители разошлись. М.О. Зейфман переехала с сыном на Журавлевку, ближе к центру Харькова. М.О. Зейфман преподавала русский язык и литературу в школе в районе Померки города Харькова.

1934 — Осенью М.О. Зейфман начала работать преподавателем русского языка и литературы в Харьковском пограничном кавалерийском училище имени Дзержинского, принадлежащем ведомству НКВД. Получила ведомственную комнату в Померках.

1940 — Официальный развод родителей. Н.С. Волосевич женился на Белле Зиновьевне Идлин. 14 апреля родилась дочь Елена (Алена).

1941 — Начало войны и эвакуация в Киргизию в поселок Чалдовар. М.О. Зейфман вместе с училищем оказалась в Саратове.

1942 — Б.З. Идлин расстрелян немцами в Дробницком урочище. Н.В. Волосевич депортирован на принудительные ра-

* Единственное отличие — слова «мать» и «отец» заменены именами.

боты в Германию. В августе М.О. Зейфман привезла сына из Киргизии в военный городок, находившийся на окраине Саратова.

1943 — Предположительный год гибели Н.С. Волосевича в концентрационном лагере в городе Шванденмюль (ныне Пила в Польше). Георгий Волосевич поступил на учебу в Суворовское училище пограничных войск в Кутаиси, принадлежавшее ведомству НКВД.

1944 — М.О. Зейфман перевелась на работу в Кутаиси преподавателем русского языка и литературы. М.О. Зейфман и Жора Волосевич издавали стенную газету «Суворовец».

1946 — Суворовское училище переехало в Петергоф. Патроном училища становится В.С. Абакумов. 19 августа — поход к М.М. Зощенко с друзьями и последующий скандал в училище.

1948 — Окончание Суворовского училища с серебряной медалью. Поступление в Ленинградский государственный университет имени Жданова на юридический факультет.

1949–1950 — Капитан В.Е. Мякушко собирает доносы и старается создать дело об «организации», чтобы посадить М.О. Зейфман и Г.Н. Волосевича в ГУЛАГ.

1951 — Исключение М.О. Зейфман из КПСС.

1952 — М.О. Зейфман арестована 15 декабря. Георгий Волосевич переходит на заочное отделение. Подрабатывает грузчиком, верхолазом, молотобойцем.

1953 — Первое слушание дела М.О. Зейфман. Г.Н. Волосевич проходит преддипломную практику при Ленинградской прокуратуре. Окончание ЛГУ. С осени — работа в сельской газете «Пашский колхозник».

1954 — Второй суд над М.О. Зейфман и приговор: 10 лет лишения свободы. Весной Георгий Волосевич уволился из газе-

ты «Пашский колхозник». Ноябрь–декабрь: первые две публикации под псевдонимом Владимов в журнале «Театр».

1955 — М.О. Зейфман активирована по состоянию здоровья и вернулась из лагеря. Г.Н. Владимов пишет внутренние рецензии для центральных газет и журналов — «Театр», «Новый мир», «Литературная газета», «Советская культура» и др.

1956 — Поездка в Москву на Третье всесоюзное совещание молодых писателей. Переезд в Москву. С 13 мая оформление и с начала августа постоянная работа редактором отдела прозы в журнале «Новый мир».

1957 — К.М. Симонов добивается реабилитации М.О. Зейфман.

1958 — Георгий Владимов женится на Ларисе Теодоровне Исаровой (Шварц), литературном критике.

1959 — Перешел на работу спецкором в «Литературную газету», проработал полгода. Редактирование мемуаров генерала П.В. Севастьянова «Неман — Волга — Дунай».

1960 — Публикация в журнале «Смена» рассказа «Все мы достойны большего». Делал литературную запись мемуаров полковника Е.И. Позднякова «Юность комиссара». Командировка на Курскую магнитную аномалию. Работа над повестью «Большая руда».

1961 — Публикация повести «Большая руда» в «Новом мире». Вступление в Союз писателей СССР. Рождение дочери Марины. Публикация мемуаров генерала П.В. Севастьянова. В ноябре поехал в Мурманск в командировку, в декабре ушел в плавание на траулере РТ-849 «Всадник». Покупка для матери квартиры в Пушкине.

1962 — Покупка кооперативной квартиры в Москве, Малая Филевская, дом 16, квартира 58. Работа над сценарием и участие в съемках фильма «Большая руда». Публикация мемуаров Е.И. Позднякова. Написал первый вариант «Верного Руслана».

- 1964** — Выход в прокат фильма «Большая руда». Развод с Ларисой Теодоровной Исаровой. Поездка в Румынию для написания сценария советско-румынского фильма «Туннель». Знакомство с Наталией Евгеньевной Кузнецовой.
- 1965** — Женился на Н.Е. Кузнецовой. Написал второй вариант «Верного Руслана».
- 1966** — Суд на Ю.М. Даниэлем и А.Д. Синявским. Г.Н. Владимов вместе с Василием Аксеновым и Анатолием Гладилиным был автором письма двадцати молодых писателей в поддержку Даниэля и Синявского.
- 1967** — Письмо Четвертому Всесоюзному съезду писателей в поддержку А.И. Солженицына.
- 1968** — Окончание работы над романом «Три минуты молчания».
- 1969** — Публикация романа «Три минуты молчания» в 7–9 номерах «Нового мира».
- 1970** — Разгром журнала «Новый мир». Написал запрещенную военной цензурой пьесу «Шестой солдат» для Театра Советской армии. Предложение публикации «Верного Руслана» от издательства «Посев».
- 1971** — Умер Александр Трифонович Твардовский.
- 1972** — Переиздание «Большой руды» в издательстве «Современник». Выиграл судебный процесс с Политическим управлением армии и флота и получил неустойку за пьесу «Шестой солдат».
- 1973** — Суд с издательством «Советская Россия» из-за отказа печатать книгу «Три минуты молчания». Суд в иске отказал.
- 1974** — История в Госцирке с обвинением Елены Юльевны Домбровской в спекуляции машиной «запорожец». Г.Н. Владимов передал повесть «Верный Руслан» в издательство «Посев» (Германия).

- 1975** — Публикация «Верного Руслана» в издательстве «Посев».
- 1976** — Беседа с Феликсом Кузнецовым, опубликованная в «Литературной газете»: «Диалог в прозе». Роман «Три минуты молчания» опубликован в издательстве «Современник».
- 1977** — Добровольный выход из СП СССР. Знакомство с генералом П.Г. Григоренко. Г.Н. Владимов избран на три года председателем московской группы «Международной амнистии». Близкое общение с академиком А.Д. Сахаровым. Совместная поездка на процесс Александра Гинзбурга в Калугу.
- 1978–1979** — Правозащитная деятельность. Общение и написание совместных писем с Л.К. Чуковской. Работа над романом «Генерал и его армия».
- 1980** — Переизбрание на второй срок председателем московской группы «Международной амнистии».
- 1981–1982** — Обыски, допросы, шантаж, слежка. Написал и опубликовал рассказ «Не обращайтесь вниманья, маэстро».
- 1983** — Обыск, допросы в КГБ и вынужденная эмиграция. Лев Копелев и Генрих Бёлль с помощью Вилли Брандта, председателя Социал-демократической партии Германии, устроили приглашение от Кельнского университета на год для чтения лекций. 26 мая вылетели с Н.Е. Кузнецовой и ее матерью Е.Ю. Домбровской во Франкфурт-на-Майне. Поселились в Эшборне, под Франкфуртом. 1 июля — приказ Андропова о лишении советского гражданства. Получение политического убежища в Германии.
- 1984** — Переезд в Нидернхаузен (38, Lenzstrasse). Работа главным редактором журнала «Грани». Поездки в США, Лондон, Париж. 9 октября — смерть Марии Оскаровны Зейфман.
- 1985** — Работа в «Гранях». Развитие конфликта с НТС.
- 1986** — Г.Н. Владимов и Н.Е. Кузнецова уволены из журнала «Грани». Смерть Елены Юльевны Домбровской.

- 1987–1988** — Проигранный суд с НТС. Наталия Евгеньевна Кузнецова начала активно сотрудничать с «Радио Свобода»* и регулярно публиковаться в газете «Русская мысль». Возвращение к работе над романом «Генерал и его армия».
- 1989** — Публикация повести «Верный Руслан» в журнале «Знамя» № 2. Публикация рассказа «Не обращайтесь вниманья, маэстро» в журнале «Сельская молодежь».
- 1990** — Публикация повести «Верный Руслан» в антологии «Рукописи не горят» (издательство «Молодая гвардия»). Поездка в Ленинград от общества «Гулливёр».
- 1991** — Г.Н. Владимов был приглашен, но не поехал в Москву на I конгресс соотечественников (один из организаторов — НТС).
- 1992** — Работа над романом «Генерал и его армия». Смерть Ларисы Теодоровны Исаровой.
- 1993** — Выход фильма «Верный Руслан», режиссер В.И. Хмельницкий.
- 1994** — Первое письмо от дочери Марины. Публикация романа «Генерал и его армия» (журнальный вариант) в журнале «Знамя» (№4–5).
- 1995** — Получение премии Букера. Поездка в Россию на букеровскую церемонию. Первая встреча с Мариной. Смерть единокровной сестры Елены Дмитриевны Стоновой-Кричевской.
- 1996** — Поездка в США, выступление в Бостоне. Работа над автобиографической повестью «Долог путь по Типперэри».
- 1997** — Смерть Наталии Евгеньевны Кузнецовой. Публикация полной версии романа «Генерал и его армия» (издательство «Книжная палата»). Звонок из Москвы от Бориса Эрленовича Гольдмана, предложившего спонсировать собра-

* Внесено Минюстом России в реестр СМИ-иноагентов.

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМОВ: БРЕМЯ РЫЦАРСТВА

ние сочинений Георгия Владимова. Поездка по Европе с дочерью Мариной.

1998 — Издание собрания сочинений в 4-х томах в России. Презентация 23 июня в здании Малого Манежа. Публикация сборника статей и выступлений Н.Е. Кузнецовой «Что с нами происходит? Литературная критика, публицистика, выступления по радио».

1999 — Поездка в Краков (Польша) на презентацию польского перевода романа «Генерал и его армия». Знакомство с Евгенией Алексеевной Миттерфельнер-Сабельниковой. Включен в комиссию по помилованию при Президенте Российской Федерации.

2000 — Венчание с Е.А. Миттерфельнер-Сабельниковой. Получение немецкого гражданства. 29 апреля — получение российского паспорта в консульстве России в Бонне. Получение квартиры в аренду в Переделкино.

2001 — Букеровская премия за «Лучший роман десятилетия». Премия Дон Кихота «За честь и достоинство таланта». Премия имени академика А.Д. Сахарова «За гражданское мужество» (журнал и общество «Апрель»).

* * *

2002 — Диагностирована неизлечимая раковая опухоль. В феврале операция в Германии. С апреля до октября жил в Переделкине. Разрыв отношений с Е.А. Миттерфельнер-Сабельниковой. В конце октября вернулся в Нидернхаузен. Родилась внучка Екатерина.

2003 — В августе заключил контракт с архивом Forschungsstelle Osteuropa Бременского университета на передачу в архив своих бумаг. Решил ехать в Переделкино — дожить последние месяцы и умереть в России, но сначала повидаться с дочерью и внучкой в Петербурге. Исполнить свой план не успел.

19 октября 2003 — Георгий Николаевич Владимов скончался в Германии. Похоронен на кладбище в Переделкине.

Избранная библиография литературных и публицистических произведений Георгия Владимова*

Сочинения

Собрание сочинений: В 4 т. М.: NFQ/2Print, 1998.

Все мы достойны большего // Смена. 1960. Июль. № 13 (795). С. 11–13.

Большая руда // Новый мир. 1961. № 7. С. 128–190.

Большая руда. М.: Советская Россия, 1962. 136 с.

Большая руда. Frankfurt/M.: Посев, 1984 (с предисловием автора). 157 с.

Мы капитаны, братья, капитаны... // Неделя. 1963. 8 февраля. С. 7–9.

Три минуты молчания // Новый мир. 1969. № 7. С. 3–78; № 8. С. 7–89; № 9. С. 8–95.

Три минуты молчания. М.: Современник, 1976. 382 с.

Три минуты молчания. Frankfurt/M.: Посев, 1984. 405 с.

Три минуты молчания. М.: Вагриус, 2004. 445 с.

Верный Руслан // Грани. 1975. № 96. С. 3–173.

Верный Руслан. Frankfurt/M.: Посев, 1978. 176 с.

Верный Руслан // Знамя. 1989. № 2. С. 6–74.

Верный Руслан. М.: Юридическая литература, 1989. 116 с.

Верный Руслан // Рукописи не горят: Антология. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 302–428.

* Список включает первые публикации, журнальные и книжные, в России и за границей, а также те издания, в которые вошли предисловия или послесловия Георгия Владимова и Марины Георгиевны Владимовой. В список, за редкими исключениями, не включены публицистические произведения и интервью, вошедшие в 4-й том собрания сочинений и в сборник «Время свободы».

Шестой солдат // Грани. 1981. № 121. С. 5–106.

Не обращайтесь вниманья, маэстро // Грани. 1982. № 125. С. 5–58.

Не обращайтесь вниманья, маэстро: Рассказ для Генриха Бёлля. Frankfurt/М.: Посев, 1983. 79 с.

Не обращайтесь вниманья, маэстро // Сельская молодежь. 1989. № 6. С. 46–52; № 7. С. 50–56.

Генерал и его армия (журнальный вариант) // Знамя. 1994. № 4. С. 3–71; № 5. С. 6–49.

Генерал и его армия. М.: Книжная палата, 1997. 448 с.

Генерал и его армия. М.: Время, 2016. 576 с.

Долог путь до Типперэри // Знамя. 2004. № 4. С. 121–157.

Долог путь до Типперэри. М.: Вагриус, 2005. 317 с.

Главы из романа «Генерал и его армия», напечатанные до выхода журнального варианта

Три командарма и ординарец Шестериков // Грани. 1985. № 136. С. 5–82.

Майор Светлооков: Главы из романа «Генерал и его армия» // Континент. 1984. № 42. С. 7–59.

Даешь Предславль! // Континент. 1988. № 56. С. 16–65.

За землю, за волю... // Знамя. 1996. №2. С. 8–27.

Публицистика и интервью

Женские образы в пьесах Анатолия Софронова // Театр. 1954. № 11. С. 136–145.

Методом собственной шкуры // Московский литератор. 1962. 23 мая. С. 3.

Необходимое объяснение // Континент. 1986. № 48. Спец. прил. С. 1–11.

Комментарий Георгия Владимова к выступлению «Литературной газеты» // Континент. 1987. № 51. С. 363–370.

Письмо в редакцию журнала «Континент» // Континент. 1989. № 60. С. 381–390.

О «Верном Руслане» // Лит. обозрение. 1990. № 3. С. 84–85.

Я бы хотел сейчас быть рядом с соотечественниками / Беседа велa Э. Шугаева // Литературная газета. 1990. 6 июня. С. 5.

Престол Андрея Стратилата // Московские новости. 1990. 8 апреля. С. 8–9.

Владимов Г. Комментарии к роману «Генерал и его армия». Вопросы задает Юрий фон Шлиппе. Висбаден: Радио Свобода. 16–17 июля 1990. https://vtoraya-literatura.com/publ_4281.html?spush=c3VwZXJmaW5AeWFuZGV4LnJl (дата обращения: 28.12.2021).

Новое следствие, приговор старый // Знамя. 1994. № 8. С. 180–187.

Когда я массировал компетенцию // Книжное обозрение. 1996. № 19. С. 11–16.

«Мне не интересна оценочная критика...» / Беседовал А. Беляев // Книжное обозрение. № 46. С. 6.

«Я вышел из шинели Дзержинского. И пошел в гости к Зощенко. Мне было тогда 15 лет» / Записал Л. Бахнов // Огонек. 1998. № 33. С. 40–41.

Возврат старых долгов: Беседу вела Юлия Чупринина // Общая газета. 1998. 25 июня – 1 июля. С. 10.

В России завершился панический этап: Беседу вел Юрий Буйда // Известия. 1998. 26 июня. С. 5.

Была ли та война Отечественной? К книге Виктора Суворова «Ледокол» // Московские новости. 1999. 7–13 февраля. С. 20–21.

Прощай, оружие? / Конференц-зал: Литература и война // Знамя. 2000. № 5. С. 6–9.

Возвращение к реализму / Беседу вела Е. Константинова // Вопросы литературы. 2001. № 5. С. 222–248.

Проза — жанр тяжелый: К 70-летию автора: Беседа с писателем / Записала М. Галина // Литературная газета. 2001. 21 февраля. С. 10–11.

«Мы хотели дышать чистым воздухом»: Интервью с писателем / Записал Л. Бахнов // Огонек. 2008. № 52. С. 46–48.

Критическая литература

Александр Твардовский и его «Новый мир» / Публ. М. Лунд // Знамя. 2010. № 1. С. 139–155.

Андреева Е. Генерал Власов и русское освободительное движение. Лондон: Overseas Publication Interchange, 1995. 370 с.

Андрюшкин А. Неизбежность трагедии: Уроки современного исторического романа // Литературная газета. 1992. 12 августа. С. 4.

Аннинский Л., Крячко Л. Суть поиска: Критический диалог [Владимов Г. «Большая руда»] // Октябрь. 1962. № 8. С. 195–209.

Аннинский Л. Гибель Пронякина: Из заметок о молодой прозе // Урал. 1962. № 1. С. 168–174.

Аннинский Л. Ядро ореха: Критические очерки [Владимов Г. «Большая руда»]. М.: Советский писатель, 1965. С. 85–155.

Аннинский Л. Собачье сердце? Из заметок о прозе Г. Владимова // Литературное обозрение. 1989. № 8. С. 20–25.

Аннинский Л. Та, что в погончиках // Литературная газета. 1992. 29 апреля. С. 4.

Аннинский Л. Спасти Россию ценой России // Новый мир. 1994. № 10. С. 214–221.

Аннинский Л. Рок, судьба и участь Георгия Владимова // *Владимов Г.* Собр. соч.: В 4 т. М.: NFQ/2Print, 1998. Т. 1. С. 5–48.

Аннинский Л. Рубежи и упоры Георгия Владимова // Дружба народов. 1998. № 10. С. 219–223; № 11. С. 217–223.

Аннинский Л. Серебряное перышко // *Кузнецова Н.* Что с нами происходит? Литературная критика, публицистика, выступления по радио. М.: Текст, 1998. С. 5–13.

Аннинский Л. Третья Россия // Московские новости. 1998. 15–21 июня. С. 24.

Аннинский Л. Владимир Георгий Николаевич // Русские писатели 20 века: Биографический словарь. М., 2000. С. 156–157.

Аннинский Л. На кренящейся палубе (Современники о Георгии Владимове) // *Владимов Г.* Три минуты молчания; Верный Руслан. М.: АСТ и др., 2000. С. 543–568.

Аннинский Л. Крепости и плацдармы Георгия Владимова: В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: Изд-во МГУ, 2001. 102 с.

Аннинский Л. О Георгии Владимове // Апрель. 2004. Вып. 4. С. 205–220.

Аннинский Л. Обреченное рыцарство // *Владимов Г.* Долог путь до Типперэри. М.: Вагриус, 2005. С. 79–318.

Аннинский Л. Удары шпагой: О Георгии Владимове: Воспоминания, переписка // Знамя. 2004. № 2. С. 134–177; № 3. С. 153–185.

Аннинский Л. Вертится, окаянная! [Владимов Г. «Долог путь до Типперэри»] // Дружба народов. 2005. № 3. С. 219–224.

Арбузов А. Драмы. М.: Советский писатель, 1983.

Архангельский А. Строгость и ясность. [Владимов Г. «Не обращайтесь вниманья, маэстро» и «Верный Руслан»] // Новый мир. 1989. № 7. С. 262–264.

Ахмадулина Б. Непреодолимое положение совести: Памяти Г.Н. Владимирова // Огонек. 2003. № 39. С. 49.

Ашкенази Л. Собачья жизнь и другие рассказы. М.: Теревинф, 2009. 168 с.

Бабель И. История моей голубятни // *Бабель И.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Время, 2006. Т. 1. С. 225.

Бабель И. Конармия // Там же. Т. 2. С. 48–52.

Байдалаков В. Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена. М.: Аваур Консалтинг, 2002. 119 с.

Бакланов Г. Жизнь, подаренная дважды. М.: Вагриус, 1999. С. 380–383.

Балдина Е. Герой в ситуации выбора в повести Г. Владимирова «Большая руда» // Русский человек на изломе эпох в отечественной литературе: Сб. ст. по матер. Междунар. лит.-образ. форума / Вятский гос. гуман. ун-т. Киров, 2007. С. 101–104.

Балдина Е. Стилевой бунт «молодежной прозы» 1960-х гг. и традиции русской советской литературы [Владимов Г. «Большая руда»] // Вестник ВГУ. 2008. № 1. С. 13–17. (Филология. Журналистика.)

Балдина Е. Трагическое в произведениях Г. Владимирова (повести «Большая руда» и «Верный Руслан») // Художественный. текст: Варианты интерпретации: Тр. XII Всерос. науч.-практ. конф. / Бийский педагогический государственный ун-т им. В.М. Шукшина. Бийск, 2007. Ч. 2. С. 47–52.

Балдина Е. Элементы архаического в повести Г. Владимирова «Верный Руслан» // Вестник ВГУ. 2010. № 1. С. 9–14. (Филология. Журналистика.)

Басинский П. Писатель и его слова: О романе Георгия Владимирова «Генерал и его армия» // Литературная газета. 1994. 15–21 июня. С. 4.

Басинский П. Игра в классики на чужой крови // Литературная газета. 1995. 7–13 июня. С. 4.

Бахнов Л. Георгий Владимов: «Мы хотели дышать чистым воздухом» // Огонек. 2003. № 39. С. 46–48.

Белая книга по делу Даниэля и Синявского / Сост. Александр Гинзбург. Frankfurt/M.: Посев, 1967. 432 с. Книга доступна также на сайте: https://imwerden.de/pdf/belaya_kniga_po_delu_sinyavskogo_danielya_1967__ocr.pdf.

Беляков С. Неоконченная исповедь [Владимов Г. «Долго путь до Типперэри»] // Урал. 2004. № 7. С. 245–247.

Беляков С. Современная русская проза о Великой Отечественной войне // Урал. 2005. № 5. С. 294–300.

Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина // М.: ДЭМ, 1993. 400 с.

Битов А. Пушкинский дом. Ann Arbor: Ardis, 1978. 412 с.

Богомолов В. Срам имут и живые, и мертвые, и Россия // Текст: электронный: <https://imwerden.de/publ-185.html> (дата обращения: 12.12.2020). Режим доступа: раздел «История России XX века».

Бондаренко В. Русский реализм Георгия Владимова // Завтра. 1994. Июль. № 26. С. 7.

Боннэр Е. Поскрипtum. Книга о горьковской ссылке. М.: Интербук, 1990. 685 с.

Быков Д. Георгий Владимов. Текст: электронный // Портретная галерея Дмитрия Быкова в журнале «Дилетант»: [сайт]. 2019. № 6. http://www.limonow.de/myfavorites/DB_DILETANT.html#2019.06 (дата обращения: 07.01.2020).

Быть писателем: Георгий Владимов в Бостоне / Публикацию подготовила И. Муравьева // Русская мысль. 1996. 7–13 ноября. С. 11–12.

Вайль П., Генис А. Современная русская проза // Ann Arbor: Hermitage, 1982. С. 34–39.

Вайль П., Генис А. Вся власть сонетам // Синтаксис. 1986. № 16. С. 71–83.

Вайль П. Писатель и его литература / П. Вайль, А. Генис // Панорама. 1987. 11–18 сентября. С. 18–19.

В бесконечном объятии: Переписка Беллы Ахмадулиной и Бориса Мессерера с Василием и Майей Аксеновыми / Публ. Аксеновой М. и Мессерера Б. // Октябрь. 2011. № 10. С. 3–74.

Веремеев Ю. Красная Армия в начале Второй мировой. Как готовились к войне солдаты и маршалы. М.: Эксмо; Алгоритм-издат, 2010. С. 195–208.

Винник Е. Первая монография о творчестве Георгия Владимова // Вестник МГУ. 2001. № 1. С. 166–170. (Филология.)

Владимов М. Мой отец — Георгий Владимов: Предисловие к книге «Генерал и его армия». М.: Время, 2006. С. 7–45.

Вместо колонки редактора. Серые начинают и выигрывают // *Континент*. 1986. № 48. С. 353–354.

Войнович В. Автопортрет моей жизни. М.: Эксмо, 2011. 880 с.

Волков Г. Не обращайтесь вниманья, маэстро // *Новое русское слово*. 1983. 24 декабря. С. 5.

Высоцкий С. Одиссея матроса Шалая // *Известия*. 1970. 11 февраля. С. 3.

Гайсер-Шнитман С. Глазами собаки // *Schweizerische Beiträge zum XI. Internationalen Slavistenkongress in Bratislava*. 1993. September. *Slavica Helvetica*. Peter Lang. Bern–Berlin–New York; Paris; Wien. Т. 42. С. 41–57.

Геллер Л. Собачьи времена: Георгий Владимов и Гюнтер Грасс // *Слово — мера мира*. Статьи о русской литературе XX в. М.: МИК, 1994. С. 31–43.

Геллер М. Александр Солженицын: Писатель на все времена // *Русская мысль*. 1981. 21–27 мая. С. 11.

Геллер М. Георгий Владимов // *Стрелец*. 1988. № 3. С. 16–17.

Генерал армии Д.Г. Павлов: Материалы к биографии / Ред.-сост. Смирнов С.И., Ерофеев В.И. Н. Новгород: Интелсервис, 2001. 595 с.

Гинзбург Е. Крутой маршрут. Милан: Arnoldo Mondadori Editore, 1967. 384 с.

Гладилин А. Писатель, который не торопится // *Новое русское слово*. 1986. 2 февраля. С. 5–6.

Гладилин А. Он был рядом с Сахаровым: Умер Георгий Владимов // *Российская газета*. 2003. 21 октября. С. 1.

Гмызина Э. Повесть Г.Н. Владимова «Большая руда» и творческое самоопределение автора // *Общество, наука, инновации (НПК-2014): Всерос. ежегод. науч.-практ. конф.: Сб. матер.* / Вятский гос. ун-т. Киров, 2014. С. 371–375.

Гмызина Э. Трагическая двойственность морали в повести Г.Н. Владимова «Верный Руслан» // *Общество, наука, инновации (НПК-2015): Всерос. ежегод. науч.-практ. конф.: Сб. матер.* / Вятский гос. ун-т. Киров, 2015. С. 2504–2508.

Горбаневская Н. Георгий Владимов — лауреат Букеровской премии // *Русская мысль*. 1995. 7–13 декабря. С. 20.

Горбатов А. Годы и войны // *Новый мир*. 1964. № 3. С. 133–156; № 4. С. 99–138; № 5. С. 106–153.

Горбатов А. Годы и войны. М.: Воен. изд-во, 1989. 365 с.

Гордович К. Сатирические приемы в психологической прозе Г. Владимова // Русская проза конца XX — начала XXI веков. СПб.: Petronivs, 2017. С. 150–156.

Горловский А. Современный герой. Каков он? [Владимов Г. «Три минуты молчания»] // Литература в школе. 1973. № 5. С. 15–24.

Гречнев В. Сложность жизни и рождение характера: [Владимов Г. «Большая руда»] // Время. Пафос. Стиль: Художественные течения в современной советской литературе. М.; Л.: Наука, 1965. С. 220–246.

Григоренко П. В подполье можно встретить только крыс... Нью-Йорк: Детинец, 1981. 845 с.; см. также: Текст: электронный // Сахаровский центр: [сайт]: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=808> (дата обращения: 22.12.2020). Режим доступа: Воспоминания о ГУЛАГЕ и их авторы.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. М.: Воен. изд-во, 1954. 501 с.

Гус М. Жизнь и существование [Владимов Г. «Три минуты молчания»] // Знамя. 1972. № 8. С. 211–226.

Давыдов Б. Великая Отечественная война в современной прозе // Нева. 1995. № 5. С. 201–204.

Давыдов О. Между Предславлем и Мырятиным // Независимая газета. 1996. 1 февраля. С. 27.

Демидович Т. Литературные традиции в современной прозе о Великой Отечественной войне // Вестник Башкирского ун-та. 2019. Т. 24. № 2. С. 450–454.

Днепров Р. Слушая Владимова, вспоминая Хрущева // Новое русское слово. 1984. 1 июня. С. 3.

Довлатов С. Красные дьяволята [Владимов Г. «Не обращайтесь внимания, маэстро»] // Семь дней. 1984. 12 октября. С. 44–45.

Довлатов С. Письма Сергея Довлатова к Владимовым / Публ. А.Ю. Арьева // Звезда. 2001. № 9. С. 151–179.

Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Известия. 1946. 21 июня. № 223. С. 2.

Достоевский Ф. Преступление и наказание // Достоевский Ф. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 6. С. 235.

Дубровин А. Гражданственность [Владимов Г. «Большая руда»] // Вопросы литературы. 1967. № 1. С. 27–53.

Дудинцев В. Не хлебом единым // Новый мир. 1956. № 8. С. 29–118; № 9. С. 37–118; № 10. С. 21–98.

Дудинцев В. Между двумя романами. СПб.: Журнал «Нева», ИТД «Летний сад», 2000. 240 с.

Дунаев П. Горбатова только могила исправит: Генерал А.В. Горбатов. От Колымы до Берлина. Текст: электронный// Столетие: Интернет-газета. 2009. 30 октября: http://www.stoletie.ru/sozidateli/gorbatova_tolko_mogila_ispravit_2009-10-30.htm (дата обращения: 19.12.2020).

Ермолин Е. Место родины: К уходу Георгия Владимова // Континент. 2003. № 118. С. 430–439.

Ерофеев Вен. Мой очень жизненный путь. М.: Вагриус, 2003. С. 171.

Ерофеев Вен. Москва — Петушки // Ами. Иерусалим. 1973. № 3. С. 95–165.

Ерофеев Вен. Москва — Петушки. Paris: YMCA-Press, 1977. 159 с.

Есауленко Ю. Интертекст в литературе (Повесть Ю.В. Бондарева «Батальоны просят огня» и роман Г.Н. Владимова «Генерал и его армия») // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 3. С. 337–341.

Жесткий гуманизм: Запись беседы с Г. Владимовым и Н. Коржавиным на литературно-общественные темы / Беседу вел П. Нуйкин // Литературная газета. 2003. 10 декабря. С. 14.

Жуков Г. Воспоминания и размышления: В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. Т. 2. С. 7–56.

Золотусский И. На линии огня. (Современники о Георгии Владимове) // *Владимов Г.* Три минуты молчания; Верный Руслан. М.: АСТ и др., 2000. С. 569–587.

Золотусский И. На пути ко «всей правде»: К выходу в свет четырехтомника Г. Владимова // Звезда. 1999. № 2. С. 192–203.

Зубарева Е. Повесть Г.Н. Владимова «Верный Руслан» и русская литературная традиция // Русская словесность. 2003. № 8. С. 8–13.

Зубарева Е. «Каштанка» А.П. Чехова и «Верный Руслан» Г.Н. Владимова: Особенности художественного «диалога» // Век после Чехова: Междунар. науч. конф.: Тез. докл. М., 2004. С. 78–80.

Иванов Б. (Бафанов Ю.) Отщепенцы начинают и проигрывают // Литературная газета. 1987. 14 января. С. 15.

Иванов Б. (Баранов Ю.) Еще раз об играх отщепенцев // Литературная газета. 1987. 30 сентября. С. 15.

Иванов И. Интервью с Владимиром Ламздорфом. Текст: электронный // Журн. сообщества «Local Crew»: [сайт]. 27.09.2019; <https://localcrew.ru/lambsdorff/> (дата обращения: 19.09.2020).

Иванова В. Пронякин против Пронякина: О взаимодействии литературы и кино // Литературная Россия. 1965. 22 января. С. 19.

Иванова Н. Трагедия преданности и ее комедия [Владимов Г. «Верный Руслан»] // Огонек. 1989. № 21. С. 9–11.

Иванова Н. Дым отечества [Георгий Владимов. «Генерал и его армия»] // Знамя. 1994. № 7. С. 183–193.

Иванова Н. Четырехкнижие Георгия Владимова // Московские новости. 1998. 15–21 июня. С. 24.

Иванова Н. Умер Георгий Владимов // Знамя. 2003. № 12. С. 125–126.

Иванова Н. Родине своей мечты [Владимов Г. «Долог путь до Типперэри»] // Московские новости. 2004. 16–22 апреля. С. 12.

Иванова Н. Сильнее мифа: К 90-летию со дня рождения Георгия Владимова // Литературная газета. 2021. 19 февраля. С. 1, 12.

Издательство «Посев». Вынужденный ответ // Грани. 1986. № 140. Приложение. С. 15–21.

In memoriam: Умер писатель Георгий Владимов // Независимая газета. 2003. 23 октября. С. 2.

Каверин В. Эпилог. М.: Аграф, 1997. С. 70–71.

Казак В. Лексикон русской литературы XX века. М.: РИК «Культура», 1996. С. 80–81.

Казанцев А. Третья сила: Россия между нацизмом и коммунизмом. 1941–1945. М.: Посев, 2011. С. 36.

Кантор М. Каждый пишет, что он слышит. Текст: электронный // Story [интернет-журнал]: <https://story.ru/istoriiznamenitostej/istoriya-tsviliatsii/kazhdyy-pishet-cto-on-slyshit/> (дата обращения: 14.02.2020). Режим доступа: раздел «История цивилизации».

Кафаста Р. Два генерала: О рецензиях на роман Г. Владимова «Генерал и его армия» и фильм А. Германа «Хрусталеv, машину!» // Звезда. 2000. № 3. С. 211–222.

Кардин В. Страсти и пристрастия: К спорам о романе Г. Владимова «Генерал и его армия» // Знамя. 1995. № 9. С. 199–210.

Кардин В. И один в поле воин. Текст: электронный // Лехайм [сайт журнала]. 2004. Май. № 5. <https://lechaim.ru/ARHIV/145/kardin.htm> (дата обращения: 04.01.2019). Режим доступа: разделы «Архив», «Воспоминания и размышления».

Карпюшин В. «Вечная... павшим... независимость... Родины...»: Авторское пространство романа Георгия Владимова «Генерал и его армия» // Культура и письменность славянского мира. Смоленск. Изд-во СГПИ, 2004. Т. 3. С. 118–124.

Карпов А. В мире попранной человечности: О повести Г.Н. Владимова «Верный Руслан» // Русская словесность. 1995. № 6. С. 32–36.

Карпов А. Владимов Георгий Николаевич // Русские писатели. XX век: Библиографический словарь: В 2 ч. М., 1998. Ч. 1. С. 300–302.

Климович Л. Народно-трудовой союз российских солидаристов: Ранние страницы истории // Неприкосновенный запас. 2013. № 5. С. 139–156.

Ковальска М. Русский солдат в избранных произведениях В.Н. Войновича, А.И. Солженицына, Г.Н. Владимова // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 517–525.

Ковальская (Френкель) М. Вспоминая прошлое: Посвящается памяти моей любимой мамы Елизаветы Эмануиловны Лойтер. Текст: электронный // Тель-Авивский ун-т: [офиц. сайт] б. г. https://www.tau.ac.il/~levant/kovalskie/Vspominaya_proshloe.pdf (дата обращения: 08.04. 2021).

Коган А. Поражение и победа генерала Кобрисова // Литературное обозрение. 1995. № 3. С. 98–101.

Кондратович А. Новомирский дневник, 1967–1970. М.: Сопряжение, 2011. 950 с.

Константинов К. Рокоссовский. Победа не любой ценой. М.: Эксмо, 2006. С. 42.

Копелев Л., Владимов Г. Литература существует, как двуконь / Публ. С. Шнитман-МакМиллин // Знамя. 2019. № 7. С. 158–174.

Коц А. Встречи с Владимовым: Из воспоминаний // Урал. 1990. № 4. С. 167–182.

Коц А. Художественное своеобразие прозы Г. Владимова // Литературоведение : Метод, стиль, традиции / Пермский гос. ун-т им. А.М. Горького. Пермь, 1970. С. 148–171.

Критика о творчестве Г. Владимова // Современное русское зарубежье / Сост., вступ. ст., справ. и метод. матер. П.В. Басинского, С.Р. Федякина. М.: АСТ, Олимп, 2000. С. 423–432.

Крохин Ю. «Одинокий вызов богу»: К 50-летию одного романа [Владимов Г. «Верный Руслан»]. Текст: электронный // Независимая газета. Приложение НГ Exlibris: [сайт] 2019. 7 марта. https://www.ng.ru/ng_exlibris/2019-03-07/12_973_roman.html (дата обращения: 06.11.2019).

Крылов Н. Не померкнет никогда. М.: Воениздат, 1984. 558 с.

Кудрова И. Возможности формы: [Владимов Г. «Большая руда»] // Пути к художественной правде: Статьи о современной советской прозе. Л.: Советский писатель, 1968. С. 361–395.

Кузнецов А. Бабий Яр: Роман-документ // Юность. 1966. № 8. С. 7–42; № 9. С. 13–46; № 10. С. 15–48.

Кузнецов А. Бабий Яр. Роман-документ. Frankfurt/M: Посев, 1970. 488 с.

Кузнецов Ф. Каким быть...: Литература и нравственное воспитание личности. М.: Советский писатель, 1962. С. 173–242; 231–240.

Кузнецов Ф., Владимов Г. Диалог о прозе // Литературная газета. 1976. 18 февраля. С. 6.

Кузнецова Н. Что с нами происходит? Литературная критика, публицистика, выступления по радио. М.: Текст, 1998. 238 с.

Кузьмина О. «Человеческая» и «собачья» аксиологические системы в повести Г.Н. Владимова «Верный Руслан»: проблема соотношения // Кафедральные записки: Вопросы новой и новейшей русской литературы / Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2005. Вып. 2. С. 129–135.

Кураев М. Испытание правдой. [Война в произведениях писателей 90-х] // Вопросы литературы. 1996. № 1. С. 22–26.

Курдюмов А. (Яков Лурье) В краю непуганых идиотов. Париж: La Presse libre, 1983. 296 с.

Курицын В. Военно-патриотический роман в трех вариантах // Литературная газета. 1995. 11 октября. С. 4.

Лакшин В. Искусство и время: Заметки критика [Владимов Г. «Большая руда»] // Простор. Алма-Ата, 1969. № 1. С. 100–106.

Лакшин В. «Новый мир» во времена Хрущева. М.: Книжная палата, 1991. 266 с.

Ланин Б. Георгий Владимов // *Ланин Б.* Проза русской эмиграции. Третья волна: Пособие для преподавателей литературы. М.: Новая школа, 1997. С. 39–52.

Латынина А. Глазами Руслана: О повести Г. Владимова «Верный Руслан» // *Латынина А.* За открытым шлагбаумом: Литературная ситуация конца 80-х. М.: Советский писатель, 1991. С. 240–247.

Лейдерман Н. Георгий Владимов и его генералы, или Реализм сегодня // Урал. 2003. № 7. С. 225–248.

Лейдерман Н. Трансформация реалистической стратегии: Роман Г. Владимова «Генерал и его армия» // *Лейдерман Н., Липовецкий М.* Современная русская литература. 1950–1990-е гг. / Учебное пособие: В 2 т. М.: Academia, 2003. Т. 2. С. 533–560.

Ленин В. Заявление редакции «Искры» // *Ленин В.* Полн. собр. соч.: В 55 т. М.: Гослитиздат, 1967. Т. 4. С. 354–360.

Лермонтов М. На смерть поэта // *Лермонтов М.* Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 1. СПб.: Издательство Пушкинского дома, 2014. С. 275–277.

Литовская М. Георгий Владимов: Нужно во всем разобраться. К 80-летию со дня рождения писателя // Уральский исторический вестник. 2011. № 35. 151–166.

Литсобытие-94: Размышляют читатели хороших книг // Дружба народов. 1995. № 1. С. 150–156.

Ложь и клевета — не аргументы в споре, а признак бессилия [Редакция «КО»] // Книжное обозрение. № 12. С. 16–17.

Лондон Дж. Мартин Иден // *Лондон Дж.* Собр. соч.: В 14 т. М.: Правда, 1961. Т. 7. С. 314.

Лотман Ю. Воспитание души. СПб.: Искусство-СПб, 2003. С. 499.

Лукьянин В. [Рецензия: Владимов Г. «Генерал и его армия»] // Урал. 1995. № 4. С. 242–247.

Лукьянин В. Георгий Владимов «Генерал и его армия» // Урал. 1996. №1. С. 189–190.

Максимов В. Колонка редактора: Проходит ли мирская слава? // Континент. 1987. № 51. С. 361–363.

Мальцев Ю. Вольная русская литература. Frankfurt/M: Посев, 1976. 474 с.

Мандельштам Н. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1970. С. 22.

Мандельштам Н. Вторая книга. Париж: YMCA-Press, 1972. 724 с.

Мартыненко О. Талант, опекаемый небесами // Московские новости. 2000. 7 сентября. С. 23.

Мартынов А. «Август четырнадцатого» Гейнца Гудериана: О некоторых цитациях романа Георгия Владимова «Генерал и его армия» // Литературная учеба. 2005. № 6. С. 75–81.

Мартынов А. Воротынцев и Гудериан: К вопросу о некоторых интертекстуальных источниках романа Георгия Владимова «Генерал и его армия» // Наследие А.И. Солженицына в современном культурном пространстве России и зарубежья: Сб. матер. междунар. науч. конф. Рязань: Рязанский гос. ун-т, 2014. С. 139–148.

Марченко А. Анархия — мать порядка? [Георгий Владимов. «Генерал и его армия»] // Новый мир. 1994. № 11. С. 209–211.

Марченко А. Испытание работой // Литература и современность. М., 1962. Сборник 3: Статьи о литературе 1961–1962 гг. С. 239–261.

Матвеев П. Звери и люди: К 40-летию выхода «Верного Руслана» Георгия Владимова // Colta: интернет-издание. 2015. 27 октября. <https://www.colta.ru/articles/literature/8988-zveri-i-lyudi> (дата обращения: 19.05.2018). Режим доступа: Литература.

Матвеев П. Георгий Владимов и КГБ // Знамя. 2021. № 2. С. 122–145.

Матвеев П. Против течения: К 90-летию со дня рождения Георгия Владимова // Этажи: [сайт журнала]. 2021. 19 февраля. <https://etazhi-lit.ru/publishing/literary-kitchen/1128-protiv-techeniya.html> (дата обращения: 20.02.2021). Режим доступа: Литературная кухня.

Маяковский В. Вызов // Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Художественная литература, 1955. Т. 7. С. 73–75; Сергею Есенину // Там же. С. 100.

Мефрецов К. На службе народу. Страницы воспоминаний. М.: Политиздат, 1971. С. 282–298.

Мессерер Б. Георгий Владимов // Звезда. 2016. № 1. С. 150–168.

Метрополь: Литературный альманах. Ann Arbor: Ardis, 1979. 763 с.

Метченко А. Новое в жизни и литературе : [Владимов Г. «Большая руда»] // Литература и современность. М., 1962. Сборник 3: Статьи о литературе 1961–1962 гг. С. 7–39.

Млечин Л. Сталин. Наваждение России. СПб.: Питер, 2012. 432 с.

Москаленко К. На Юго-Западном направлении: В 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 2. 567 с.

Муравник М. Сидеть, поскрипывая перышком [Владимов Г. «Не обращайтесь вниманья, маэстро»] // Континент. 1983. № 38. С. 409–412.

Муравьева И. Всего прочнее на земле печаль... // Знамя. 2007. № 4. С. 147–151.

Муравьева И. Генерал и его армия // Русская мысль. 1993. 7–13 ноября. С. 11–12.

Мусаев А. Былое и думы Георгия Владимова // Независимая газета. 2000. 16 ноября. С. 10.

Надсон С. Полн. собр. соч. М.-Л.: Советский писатель. Библиотека поэта. Большая серия. Второе изд., 1962. 516 с.

Народно-трудовой союз российских солидаристов. Текст: электронный // Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Народно-трудовой_союз_российских_солидаристов (дата обращения: 18.11.2018).

Немзер А. В поисках утраченной человечности // Октябрь. 1989. № 8. С. 184–194.

Немзер А. Опыт свободного вещания // Волга. 1996. № 1. С. 170–171.

Немзер А. Кому память, кому слава, кому темная вода // Литературное сегодня: О русской прозе, 90-е. М.: НЛО, 1998. С. 86–89.

Немзер А. Одолевая туман: Заметки о романе Г. Владимова «Генерал и его армия» // Замечательное десятилетие русской литературы. М.: Захаров, 2003. С. 127–135.

Нехорошев М. Генерала играет свита: О романе Г. Владимова «Генерал и его армия» в контексте современной литературы о войне // Знамя. 1995. № 9. С. 211–219.

Николаев И. Генерал // Звезда. 2006. №2. С. 105–147.

Огрызко В. Русские писатели. Современная эпоха: Лексикон: Эскиз будущей энциклопедии. М.: Литературная Россия, 2004. С. 104–105.

Парамонов Б., Толстой И. Друзья Руслана // Радио Свобода: [офиц. сайт]. 2021. 28 марта. <https://www.svoboda.org/a/31172595.html> (дата обращения: 29.03.2021). Режим доступа: Герои Ив. Толстого.

Пастернак Б. Так начинают, года в два... // *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 302.

Пастернак Б. Доктор Живаго. Милан: Фельтринелли, 1957. 592 с.

Паустовский К. Из речи на обсуждении романа В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым» в Доме литераторов / Запись Ф.А. Вигдоровой // Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950–1980-е: В 3 т. / Сост. Барбакадзе М.Ш. М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005. Т. 1. С. 421–422.

Перекожин В. Вопросы коллаборационизма // Война и общество. 1941–1945: В 2 т. М.: Наука, 2004. Т. 2. С. 293–305.

Перцовский В. Проза вмешивается в спор [Владимов Г. «Три минуты молчания»] // Вопросы литературы. 1971. № 10. С. 27–48.

Поздняков Е. Юность комиссара / Литературная запись Г. Владимова. М.: Воениздат, 1962. 224 с.

Полевой Н. История князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск. СПб.: тип. Journal de St.-Petersbourg, 1843. С. 312.

Попов А. Загадка генерала Болдырева: Новые документы по истории белой Сибири // История белой Сибири: Тез. III науч. конф. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. С. 48–54.

Поповский М. Что там за окном? [Владимов Г. «Не обращайтесь вниманья, маэстро»] // Русская мысль. 1983. 14–20 июля. С. 12.

Поповский М. Предел иронии // Грани. 1985. № 136. С. 282–288.

Портер Р. Роль животных в русской и других литературах // Slavica litteraria. 2012. № 15. С. 1–8.

Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. // Русский архив. Великая Отечественная. М.: Терра, 1997. Т. 13 (2–1). С. 58–60.

Проза второй половины XX века. М.: Слово, 2000. Т. 3. 853 с.

Прянишников Б. Новопоколенцы. Мэриленд: Silver Spring, 1986. 306 с.

Пугач А. Действующие лица, организации и исполнители [По материалам беседы с писателем Г. Владимовым] // Юность. 1991. № 2. С. 57–61.

Пушкин А. Путешествие в Арзрум // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1959–1962. Т. 6. 1962. С. 666.

Пушкин А. Евгений Онегин // Там же. С. 163.

Рамзаева В. Роман Георгия Владимова «Генерал и его армия» // Первое сентября. Литература. 2005. № 15. С. 14–21.

Ранчин А. Война и мир Георгия Владимова: О романе «Генерал и его армия» // Стрелец. 1995. № 2. С. 181–190.

Распутин В. Живи и помни. М.: Известия, 1977. С. 226–227.

Рассадин С. О настоящем и похожем [Владимов Г. «Большая руда»] // Юность. 1962. № 4. С. 70–75.

Решин Л. Коллаборационисты и жертвы режима // Знамя. 1994. № 8. С. 138–179.

Роднянская И. Движение литературы: В 2 т. М.: Знак: Языки славянских культур, 2006. Т. 1. С. 392.

Роднянская И. О беллетристике и «строгом» искусстве : [Владимов Г. «Большая руда»] // Литература и современность. М., 1962. Сборник 3: Статьи о литературе 1961–1962 гг. С. 312–343.

Розанова-Синявская М. (Глория Мунди) А где же ваши сонеты? // Синтаксис. 1986. № 16. С. 84–96.

Рокоссовская А. Мой прадед командовал Парадом Победы / Инна Руденко // Комсомольская правда. 2009. 12 мая. С. 4.

Рокоссовский К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1988. 367 с.

Романов Е. В борьбе за Россию: Воспоминания. М.: Голос, 1999. 320 с.

Рыбаков В. Писатели эмиграции: Воспоминания (избранные главы). 2013. Текст: электронный // Народно-трудовой союз российских солидаристов: [сайт] [tp://ntsrs.ru/content/9-popytka-vladimova-sozdat-svoy-sobstvennyy-zhurnal](http://ntsrs.ru/content/9-popytka-vladimova-sozdat-svoy-sobstvennyy-zhurnal) (дата обращения: 18.09.2018). Режим доступа: разделы «Литература», «Мемуары членов НТС».

Рябчиков Е. Пограничник Карацупа и его собака Индус. М.: Диафильм, 1959. 57 с.

Савельев А. «Архипелаг ГУЛАГ», изданный Звиздом Гамсахурдиа. 1974 год. Из архива «Международного Мемориала». <https://arzamas.academy/materials/1143>.

Сахаров А. Воспоминания. М.: Альфа-книга, 2011. 1277 с.

Севастьянов. П. Неман — Волга — Дунай. М.: Воениздат, 1961. 267 с.

Серафимова В. Георгий Николаевич Владимов. Текст: электронный // Серафимова В. Литературоведение. Творчество современных писателей [личный сайт]. 01.09.2012. <http://literature-critic.ru/page/georgij-nikolaevich-vladimov> (дата обращения: 12.06.2018). Режим доступа: раздел «Мои статьи».

Серафимова В. Поэтика прозы Г. Владимова, своеобразие повествования: «Верный Руслан», «Генерал и его армия» // Русская словесность. 2012. № 2. С. 43–51.

Серман И. Историческое полотно. О романе Георгия Владимова «Генерал и его армия» // Русская мысль. 1995. 30 марта – 5 апреля. С. 12.

Сидоров Е. Памяти Владимова // Знамя. 2021. № 2. 102–102.

Симонов К. Глазами человека моего поколения // Истории тяжелая вода. М.: Вагриус, 2005. 506 с.

Синельников М. Траулер «Скакун» в шторм и штиль [Владимов Г. «Три минуты молчания»] // Литературная газета. 1970. 7 января. С. 4.

Синявский А. Люди и звери: По книге Г. Владимова «Верный Руслан (История караульной собаки)» // Вопросы литературы. 1990. № 1. С. 61–86.

Скарлыгина Е. Творчество Георгия Владимира на родине и в эмиграции // Лингвориторическая парадигма: Теоретические и прикладные аспекты. 2015. № 20. С. 139–142.

Смерш: Исторические очерки и архивные документы. 3-е изд., испр. и доп. / В.С. Христофоров (рук.) и др. М.: ЦГА Москвы, 2010. 343 с.

Соболь В. Жаль, что нас не было с ними [Сопоставительный анализ романа Г. Владимова «Три минуты молчания» и повести В.П. Аксенова «Звездный билет»] // Звезда. 2006. № 6. С. 219–224.

Соболь В. Неопознанные аллюзии: Критика 1970-х о романе Георгия Владимова «Три минуты молчания» // Вопросы литературы. 2014. № 5. С. 301–319.

Современная русская литература. 10–11 классы: элективный курс / Ред. Б.А. Ланин. М.: Вентана-Граф, 2005. С. 62–85.

Современное русское зарубежье / Сост. П.В. Басинский, С.Р. Федякин. М.: Олимп; АСТ, 1998. 522 с.

Сойфер В. Встречи с писателями // Континент. 2010. № 145. С. 319.

Сойфер В. Власть и наука: История разгрома генетики в СССР. Tenaflu: Эрмитаж, 1989. 706 с.

Соколов С. Школа для дураков. Ann Arbor: Ardis, 1976. 169 р.

Солженицын А. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 629.

Солженицын А. Георгий Владимов. «Генерал и его армия» // Новый мир. 2004. № 2. С. 144–151.

Соломатин В. Кто поведет «Океан» в море? [Владимов Г. «Три минуты молчания»] // Литературная Россия. 1970. 23 января. С. 11.

Стафилова Е. Жизнь и гибель шофера Пронякина // Знамя. 1962. № 1. С. 206–214.

Сухих И. Баллада о добром генерале // Звезда. 2003. № 6. С. 220–230.

Сухих О. Концептуальная основа системы идей и мотивов романа Г. Владимова «Генерал и его армия» // Грехневские чтения. Н. Новгород, 2008. Вып. 5. С. 142–151.

Тевекелян Д. Мера точности: Несколько давно открытых Америк [Владимов Г. «Три минуты молчания»] // Москва. 1970. № 1. С. 207–215.

Терц Абрам. Люди и зверь // Континент. 1975. № 5. С. 367–404.

Толъц В. «Как у Дюма...»: Памяти Георгия Владимова. Первое интервью Владимова на Западе. Текст: электронный / Радио Свобода: [офиц. сайт]. 2011. 13 октября. <https://www.svoboda.org/a/24361068.html> (дата обращения: 17.10.2019). Режим доступа: раздел «Разница во времени».

Толъц В., Трухан А. НТС: Вчера, сегодня и?.. Текст: электронный // Радио Свобода: [офиц. сайт]. 2010. 15 май. <https://www.svoboda.org/a/2044124.html> (дата обращения: 14.11.2019). Режим доступа: раздел «Разница во времени».

Тудоровская Е. Секрет шедевра [Владимов Г. «Не обращайтесь вниманья, маэстро»] // Стрелец. 1992. № 3. С. 151–156.

Убиты в Катыни. Книга памяти польских военнопленных — узников Козельского лагеря НКВД, расстрелянных по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года. М.: Общество «Мемориал»; Звенья, 2015. 932 с.

Де Ля Фортель А. Человек и зверь в литературе: «Верный Руслан» Георгия Владимова в диалоге с «Белым клыком» Джека Лондона // Собрание сочинений: К шестидесятилетию Л.И. Соболева. М.: Время, 2006. С. 298–308.

Хоробова Е. Повесть Г. Владимова «Верный Руслан» // Литература в школе. 2001. № 7. С. 35–37.

Хрущев Н. Время, люди, власть. Воспоминания: В 4 кн. Кн. 1. М.: ИКК Московские новости, 1999.

Цветаева М. Фортуна // Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 3. С. 373–414.

Чернявский В. Гибель героев: О творчестве Георгия Владимова // Грани. 1977. № 106. С. 204–228.

Чиби́сов Николай Евлампиевич: Биография. Текст: электронный // Министерство обороны РФ: [офиц. сайт] <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/heroes/USSR/more.htm?id=11843152@morfHeroes> (дата обращения: 06.01.2017). Режим доступа: разделы «Словари», «Военно-биографический словарь».

Чистяков А. Художественная проза Г. Владимова: Творческая эволюция: Автореф. ...канд. филол. наук. 26.10.1995. М., 1995. 17 с.

Чистяков А. Проза Г. Владимова в контексте русской литературы 60–90-х годов XX века: Учебное пособие. М.: Изд-во РУДН, 1999. 107 с.

Чистяков А. Художественный хроно́топ в повести Г. Владимова «Верный Руслан» // Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения: Матер. Междуна. науч. конф. М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 544–547.

Чистяков А. Личностное начало в литературно-критическом творчестве Г. Владимова // Личность в межкультурном пространстве. М.: Изд-во РУДН, 2007. С. 158–166.

Чистяков А. Традиции Толстого в романе Г.Н. Владимова «Генерал и его армия» // Вестник РУДН. М., 2007. № 2. С. 18–25. (Литературоведение. Журналистика.)

Чистяков А. Стили́евой диа́пазон повести Г. Владимова «Большая руда» // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. М.: Изд-во РУДН, 2011. С. 213–215.

Чистяков А. Выход на толерантность: Коллектив и личность в повести Г. Владимова «Большая руда» // Толерантность — стратегия развития человеческой организации: Матер. II Междуна. науч.-практ. конф., 16–17 ноября 2010 г. М.: Изд-во РУДН, 2011. С. 102–108.

Чистяков А. Концепция личности в романе Г. Владимова «Три минуты молчания» // Вестник РУДН. М., 2012. № 4. С. 67–74. (Литературоведение. Журналистика.)

Чистяков А. Творчество Г. Владимова в оценке литературной критики // Вестник РУДН. М., 2014. № 1. С. 51–60. (Литературоведение. Журналистика.)

Чистяков А., Денисенко А. Авторская нравственная позиция в романе Г. Владимова «Генерал и его армия» // Вестник РУДН. М., 2017. № 22. С. 267–273. (Литературоведение. Журналистика.)

Чудаков А. Ложится мгла на старые ступени. М.: Время, 2012. С. 403.

Чуковская Л. Процесс исключения. М.: Междунар. ассоц. деятелей культуры «Новое время»: Журн. «Горизонт», 1990. 349 с.

Чупринин С. Оттепель: События. Март 1953 – Август 1968. М.: НЛО, 2020. 1192 с.

Шаврина О. Великая Отечественная война в романе Г.Н. Владимова «Генерал и его армия»: К проблеме воспитания // Актуальные проблемы современной литературы. Курган, 2002. С. 97–102.

Шарымова Н. Прозрение «четвертого поколения»: Интервью с Г.Н. Владимовым // Новый американец. 1984. 19 апреля. С. 12–13; 26 апреля. С. 10–11.

Шнитман-МакМиллин С. Венедикт Ерофеев «Москва – Петушки», или The rest is silence. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 248 с.

Шнитман-МакМиллин С. Встречи с Георгием Владимовым // Знамя. 2018. № 7. С. 123–142.

Шнитман-МакМиллин С. Становление писателя Георгия Владимова, или Как Жора Волосевич на себя доносы писал // Знамя. 2019. № 1. С. 135–141.

Шнитман-МакМиллин С. Георгий Владимов. Письма матери в ГУЛАГ // Знамя. 2019. № 3. С. 153–171.

Шнитман-МакМиллин С. Из критиков в писатели // Знамя. 2020. № 5. С. 170–189.

Шнитман-МакМиллин С. Вы проявили нелояльность // Знамя. 2020 № 12. С. 156–178.

Шнитман-МакМиллин С. Миф всегда сильнее правды // Знамя. 2021. № 2. С. 104–121.

Шолохов М. Речь на XX съезде КПСС // *Шолохов М.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Гослитиздат, 1956–1960. Т. 8. С. 317–331.

Штокман И. Жизнь на миру. Время и проза: Шестидесятые – девяностые. М.: Ключ, 1996. С. 268–273.

Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера: Генерал Власов и Русское освободительное движение / Пер. с нем. И. Баха и М. Рубцовой. М.: Посев, 1993.

Щеглов Ю. Страх, с которым нужно бороться // Независимая газета. 1996. 1 февраля. С. 37.

Щукин В. [Рецензия на книгу: *Petrzyska-Bohosiewicz K.* W poszukiwaniu autentyzmu: twórczość prozatorska Georgija Władimowa. Kraków 1999 // Новое литературное обозрение. 2000. № 44. С. 403–404.

Щуплов А. Отношение к занавесочкам: Определены финалисты Букеровской премии // Книжное обозрение. 1995. № 43. С. 19.

Югов А. Интервью с основателем журнала Е.Р. Романовым // Грани. 1986. № 141. С. 278.

Albenese D.C.S. 'It takes Russians to beat Russians': The National Union of Labor Solidarists, nationalism, and human intelligence operations in the Cold War // *Intelligence and National security*. 2017. Vol. 32, issue 6. Pp. 782–796.

Beyda O., Petrov I. Collaborators from within the Soviet Union // *Joining Hitler's Crusade: European nations and the Invasion of the Soviet Union, 1941* / Ed. by D. Stahel. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Pp. 341–426.

Birstein V.J. SMERSH: Stalin's Secret weapon: Soviet Military Counterintelligence in World War II. London: Biteback Publishing, 2011. 512 pp.

Ellis F. Georgi Vladimov's «The General and His Army»: The Ghost of Andrei Vlasov // *Modern Language Review*. 2001. Vol. 96. № 2. Pp. 437–449.

Ellis F. The Damned and the Dead: The Eastern Front Through the Eyes of the Soviet and Russian novelist. Kansas: University of Kansas Press, 2019. 392 pp.

Guderian H.W. Achtung – Panzer! Stuttgart: Union Deutsche Verlagsgesellschaft, 1937. 208 pp.

Guderian H.W. Kann Westeuropa verteidigt werden? Goettingen: Plesse-verlag, 1950. 85 pp.

Guderian H.W. Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg: K. Wöwindel Verlag, 1951. 506 pp.

Hosking G. Beyond Socialist Realism. London: Paul Elek Publishers, 1980. Pp. 154–161.

Jukes G. A Novelist and His Hero // *Acta Slavica Iaponica*. Sapporo. 2001. Vol. 18. Pp. 224–241.

Lewis B. War on Two Fronts: Georgi Vladimov's «The General and His Army» // *World Literature Today*. 1999. Vol. 73, № 1. Pp. 29–36.

Lipovetsky M. Literature on the Margin: Russian Fiction in the Nineties // *Studies in 20th Century Literature*. 2000. Vol. 24. № 1. Pp. 139–168.

Mazur J. Georgi Vladimov: Literature Pass into Exile // *World Literature Today*. 1985. Vol. 59. № 1. Pp. 21–26.

Munoz A.J. The Kaminski Brigade: A History, 1941–1945. New York: Axis Europa Books, 1997. 80 pp.

Nazi-Soviet relations, 1939–1941: Documents from the archives of the German Foreign Office / Ed. by R.J. Sontag and J.S. Beddie. Washington: Dep. of State, 1948. 362 pp. Pp. 6–7.

Pietrzycka-Bohosiewicz K. W poszukiwaniu autentyzmu. Twórczość prozatorska Gieorgija Władimowa. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków, 1999. 226 pp.

Porter R. Four Contemporary Writers. Oxford; New York; Munich: Berg, 1989. 184 pp. Pp. 129–170.

Porter R. Georgii Nikolaevich Vladimov (Voloisevich) (1931–2003) // Slavonica. 2004. Vol. 10. № 1. Pp. 101–105.

Sanford G. Katyn and the Soviet Massacre of 1940: Truth, Justice and Memory London: Routledge, 2005. 268 pp.

Shnitman-McMillin S. The Troika on a Road of Loneliness and Disorder // Canadian-American Slavic Studies. 1999. Vol. 33. № 2–4. Pp. 293–305.

Stein G. The Autobiography of Alice B. Toklas. London: Penguin Books. 2001. 272 pp.

Taylor T. Munich: The Price of Peace. New York: Garden City, 1979. 1084 pp.

Tromly B. Making of a Myth. The National Labour Alliance, Russian Emigres, and Cold War Intelligence Activities // Journal of Cold War Studies. 2016. Vol. 18 (1). Pp. 80–111.

Tromly B. Émigré Politics and the Cold War: The National Labor Alliance (NTS), United States Intelligence Agencies and Post-War Europe // Contemporary European History. 2019. Vol. 29, issue 1. P. 44–59.

Tromly B. Cold War Exiles and CIA: Plotting to free Russia. Oxford: OUP, 2019. 352 pp.

Видеоматериалы

Булат Шалвович Окуджава. О войне: Беседует Игорь Гелейн [исходное видео для программы «Солдатский медальон», ТВ-канал «Северная корона»]; киностудия «Нерв», 1994. Электронное издание подготовил А. Гелейн. 59 мин. Изображение (движущееся; двухмерное): видео. https://www.youtube.com/watch?v=5DaYVg_IUhk&feature=emb_rel_pause (дата обращения: 22.01.2021).

Генерал Горбатов: [документальный фильм] / режиссер В. Ткачев; сценарий С. Барабанов. ВГТРК: Телеканал «История», 2008. 43 мин. <https://www.youtube.com/watch?v=XWGxEEchTwg> (дата обращения: 19.01.2021).

Годы странствий: [телеспектакль] / режиссеры И. Горбачев, Б. Лескин; сценарий А. Арбузов; музыка А. Пресленев. Ленинградское ТВ, 1968. 2 ч. 23 мин. Изображение (движущееся; двухмерное): видео. <https://www.youtube.com/watch?v=M0jOOtmLXy0> (дата обращения: 30.06.2018).

Друзья и годы: [художественный фильм] / режиссер В. Соколов; сценарий Л. Зорин; музыка В. Баснер. Ленфильм, 1965. 2 ч. 10 мин. Изображение (движущееся; двухмерное): видео <https://www.youtube.com/watch?v=wESdcmsUdUM> (дата обращения: 03.01.2018).

Котовский: [художественный фильм] / режиссер А. Файнциммер; сценарий А. Каплер; музыка С. Прокофьев. Мосфильм, 1942. 71 мин. Изображение (движущееся; двухмерное): видео. UCL: <https://www.youtube.com/watch?v=XoUNAw3EOdE> (дата обращения: 08.01.2020).

Один день Жоры Владимова: [документальный фильм] / режиссер Рома Либеров; сценарий Рома Либеров и Александр Крастосhevский. ВГТРК/ГТРК «Культура», 2011. 40 мин. Изображение (движущиеся; двухмерное): видео. <https://www.youtube.com/watch?v=ICrUna8LosU> (дата обращения: 15.03.2020).

Тихон Хренников. О любви немало песен сложено: [документальный фильм] / Сер. ЖЗЛ; автор и режиссер-постановщик И. Голубева. ВГТРК: «Первый канал», 2004. 29 мин. Изображение (движущееся; двухмерное): видео; <https://www.youtube.com/watch?v=qrPYqZB0Rs> (дата обращения: 05.02.2018).

David Oistrakh, Artiste du Peuple? [documentary film] / director Bruno Monsaigneon. Euripide productions / IMALYRE Groupe France Télécom / La Sept-ARTE, 1994. 1 h 16 min. Изображение (движущееся; двухмерное): видео; <https://www.youtube.com/watch?v=XFDxGuzHqg0> (дата обращения: 06.04.2020).

Dr Strangelove or How I Learned to Stop Worrying and Love the Bomb [feature film] / writers Stanley Kubrick, Terry Southern; director Stanley Kubrick. HawkFilmsproduction, 1964. 1h 35 min. Изображение (движущееся; двухмерное): видео; https://www.youtube.com/watch?v=KB_KSotsxXE (дата обращения: 08.01.2019).

The Pearl Harbor collection. Part 1: Tora, Tora, Tora: [documentary film] / writer and director Laura Verklan; executive producers

Избранная библиография произведений Георгия Владимова

Craig Haffner and Donna E. Lusitana. Greystone Communications, 2000. 1 ч. Изображение (движущееся; двухмерное): видео. <https://www.youtube.com/watch?v=K4bBk0aVEOk> (дата обращения: 11.01.2018).

Yes, Prime Minister [TV series] / writers Antony Jay, Jonathan Lynn; producer Sydney Lotterby. BBC Two, 1986–1987. Episode 1. 30 min. Изображение (движущееся; двухмерное): видео; https://www.youtube.com/watch?v=-L9h1Zn2Tc4_ (дата обращения: 14.07.2019).

Архивы

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

Ф. 631. Владимов Георгий Николаевич. Оп. 41. Д. 76. Ед. 58–89.

Ф. 2665. Владимов Георгий Николаевич. Оп. 1. Ед. 260.

Ф. 3390. Чуковская Лидия Корнеевна. Оп. 1. Д. 793. Ед. 78/1–4.

Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ)

Ф. 238. Войтинский Владимир Иосифович (Богомолов Владимов Осипович). Оп. 1620. Д. 293. См. также: Богомолец Владимир Осипович. Ящик Б-2134.

Архив «Радио Свобода» (внесено Минюстом России в реестр СМИ-иноагентов)

Звуковой архив, не каталогизирован: <https://www.svoboda.org/>.

Bundesarchiv, Berlin: Guderian Heinz Wilhelm. BArch N 802/13, Aktenzeichen: Akz. Nr.: 189/03.

Forschungsstelle Osteuropa Universität Bremen (FSO): Vladimov Georgij. Fond: 01–130.

Указатель имен

Абакумов, Виктор Семенович 50, 657
Аввакум Петров 132
Аверин, Евгений Сергеевич 463
Азиатцев, Дмитрий Борисович 702
Айтматов, Чингиз Торекулович 381
Айхведе, Вольфганг 609
Аксенов, Василий Павлович 12, 145, 147, 148, 155, 182, 213, 244, 307, 309, 325, 345, 353, 362, 373, 374, 412, 423, 433, 435, 440, 441, 447, 448, 593, 601, 659, 668, 680
Аксенова (Кармен), Майя Афанасьевна 435, 440, 441, 448, 668
Александр Ярославич Невский 585
Александров, Григорий Васильевич 132
Александрович, Михаил Давидович 63
Алешковский, Юз (Иосиф Ефимович) 521, 593
Алов, Александр Александрович 171
Альбанезе, Давид 397, 399, 400, 684
Аметистова, Ольга Эрнестовна 612
Андреева, Екатерина Николаевна 401, 402, 665
Андрей Стратилат 491, 492, 586, 665
Андрей Юрьевич Боголюбский 491, 492
Андропов, Юрий Владимирович 321, 345, 346, 348, 349, 354, 381, 385, 443, 660
Андрюшкин, А. 666
Аннинский, Лев Александрович 9, 10, 12, 38, 54, 55, 138, 146, 149, 155, 160, 162, 179, 181, 184, 200, 244, 280, 303, 326, 457, 517, 574, 592, 595–598, 611, 666, 667
Апулей 283
Арбузов, Алексей Николаевич 83, 85, 87, 107–111, 167, 394, 667, 686
Артем Веселый (наст. имя и фам. Николай Иванович Кочкуров) 134, 181
Артемов, Александр Николаевич 353, 416–418, 420
Артемова, Анастасия Николаевна 420, 421, 423, 429
Архангельский, Александр Николаевич 667
Архинов, Абрам Ефимович 215
Арьев, Андрей Юрьевич 670
Ахмадулина, Белла Ахатовна 172, 307, 326, 349, 350, 373, 435, 440, 441, 447, 448, 667, 668
Ахматова, Анна Андреевна 44, 46, 148, 201, 203, 204, 347, 410, 492, 558
Ашкенази, Людвик 299, 300, 667
Бабель, Исаак Эммануилович 134, 148, 519–521, 613, 667
Бабеньшева, Сара Эммануиловна 325
Баданов, Василий Михайлович 473
Байдалаков, Виктор Михайлович 402, 404, 405, 667
Бакланов, Григорий Яковлевич 138, 168, 189, 305, 463, 464, 470, 484, 577–584, 600, 602, 667
Бакланова (урожд. Цукерман), Эльга Анатольевна 579, 584
Балдина, Е.М. 667
Бальзак, Оноре де 87, 98
Барабанов, Сергей 552, 686
Барабаш, Юрий Яковлевич 308, 374
Баранов, Юрий (Б. Иванов) 445, 671
Барбакадзе, М.Ш. 134, 678
Басинский, Павел Валерьевич 573, 574, 667, 674, 680

Указатель имен

Баснер, Вениамин Ефимович 686
Бах, И. 401, 683
Бахнов, Леонид Владленович 665, 667
Белинский, Виссарион Григорьевич 74, 87, 114
Бёль, Аннемари 565
Бёль, Генрих 328, 347, 358, 364, 383, 394, 565, 568, 660, 664
Белоцерковский, Вадим Владимирович 437, 439
Белявский, Илья Львович 58–62, 70, 71, 79, 83, 87, 90, 105, 125, 355, 360, 362, 363, 592, 593
Беляев, Альберт Андреевич 311, 665
Беляков, С.С. 668
Бердяев, Николай Александрович 371
Бережков, Валентин Михайлович 528, 668
Берзер, Анна (Ася) Самойловна 381, 391
Берия, Лаврентий Павлович 39, 50, 65, 68, 70, 71, 461, 483, 537
Бернар, Сара 350
Бианки, Виталий Валентинович 141
Биргер, Борис Георгиевич 325, 326
Бирюкова, Евгения Николаевна 453
Бискупский, Василий Викторович 400
Бисмарк, Отто фон 104
Битов, Андрей Георгиевич 179, 326, 374, 377, 378, 389, 577, 601, 668
Битяй (студентка) 61
Блок, Александр Александрович 256
Блюхер, Василий Константинович 534
Бобков, Филипп Денисович 350
Бовуар, Симона де 155
Богомолов, Владимир Осипович (наст. имя и фам. Владимир Иосифович Войтинский)
457–463, 466, 591, 668, 687
Бодлер, Шарль 655
Бок, Федор фон 526
Болдырев, Константин Васильевич 404–406, 678
Бондарев, Юрий Васильевич 671
Бондаренко, Владимир Григорьевич 574, 575, 668
Боннэр, Елена Георгиевна 178, 248, 319–324, 345, 642, 668
Бородин, Леонид Иванович 181, 184, 327, 344–346, 350, 351, 385
Босх, Иероним 518
Брандт, Вилли 364, 660
Братъя Покрасс (Даниил Яковлевич, Дмитрий Яковлевич) 399
Брежна, Ирена 614
Брежнев, Леонид Ильич 272, 276, 280, 308, 321, 326, 373, 385
Брежнева, Галина Леонидовна 276
Брейгель, Питер (Старший) 323
Брейтбарт (урожд. Самсонова), Екатерина Алексеевна 446
Бреннэн, Хельга И. 441
Брехт, Бертольт 148
Бродский, Иосиф Александрович 330, 410
Брызгин, Константин Николаевич 186, 187
Брюно, Юрий Борисович 425, 426, 431, 441, 442
Бугримова, Ирина Николаевна 268–272, 276
Буденный, Семен Михайлович 525
Буйда, Юрий Васильевич 504, 607, 665
Булгаков, Михаил Афанасьевич 148, 283, 305, 366, 367, 386, 410
Бунин, Иван Алексеевич 283, 371, 386, 410
Быков, Василь Владимирович 148, 307, 374, 524
Быков, Дмитрий Львович 519, 668
Быков, Ролан Антонович 642
Бэкон, Фрэнсис 104, 128
Вавилов, Николай Иванович 28
Вайль, Петр Львович 412, 426, 434, 668
Ванина, Елена 424

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМОВ: БРЕМЯ РЫЦАРСТВА

Варшавский, Григорий Абрамович 258
Васильев, Александр Павлович 83
Васильев, Аркадий Николаевич 174
Ватутин, Николай Федорович 488, 549, 554
Вахтангов, Евгений Багратионович 264
Веремеев, Юрий Георгиевич 540, 668
Вересаев, Викентий Викентьевич 97
Вигдорова, Фрида Абрамовна 134, 678
Вийон, Франсуа 506
Виктор Суворов (наст. имя и фам. Владимир Богданович Резун) 665
Вильгельм I Завоеватель 645
Винник, Е.В. 668
Виноградов, Владимир Константинович 459
Вишневская, Инна Люциановна 108
Владимир Святославич 492, 493, 589
Владимова, Марина Георгиевна 12, 27, 29, 38, 142–144, 146, 148, 169, 170, 172, 182, 185, 444, 469, 593–595, 598–600, 602–612, 626, 638, 641, 658, 661–663, 669, 702
Власов, Андрей Андреевич 43, 44, 346, 401, 402, 459, 460, 466, 467, 473, 475, 478, 491, 492, 498, 502–507, 562, 576, 586, 588, 590, 665, 683, 684
Вознесенский, Андрей Андреевич 307, 374
Войнович, Владимир Николаевич 12, 143, 145, 147, 153, 176, 177, 182, 313, 322, 325, 376, 436, 447, 593, 600, 601, 625, 642, 669, 673
Волков, Г. 669
Волосевич, Вера Степановна 32, 87
Волосевич, Ирина 35, 87
Волосевич, Николай Степанович 17, 18, 21, 24, 30–34, 62, 63, 97, 98, 445, 593, 656, 657
Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ) 536, 616
Воронов, Геннадий Иванович 269, 272, 274
Ворошилов, Климент Ефремович 73, 99, 100, 525
Высоцкий, Владимир Семенович 56, 148, 261, 338
Высоцкий, С. 241, 669
Гагарин, Юрий Алексеевич 153
Гай Юлий Цезарь 262
Галансков, Юрий Тимофеевич 443
Галина, Мария Семеновна 665
Галич, Александр Аркадьевич 15, 26, 42, 63, 148, 165, 201, 214, 247, 266, 278, 299, 306, 340, 415, 508, 546, 592, 640
Галишников (лейтенант) 477, 540, 557, 588
Гальдер, Франц 491
Гамсахурдиа, Звиад Константинович 379, 679
Гауф, Вильгельм 208
Гейне, Генрих 95, 104, 135
Гелейн, Алексей Игоревич 685
Гелейн, Игорь Владимирович 685
Геллер, Леонид Михайлович 669
Геллер, Михаил Яковлевич 586, 587, 669
Генис, Александр Александрович 412, 426, 434, 668
Геринг, Герман 318, 532
Герман, Алексей Юрьевич 673
Гёрне, Маргарита 490, 499
Герсдорф, Рудольф-Кристоф фон 526
Гиацинтова, Софья Владимировна 83
Гилберт, Альфред 645, 648
Гинзбург, Александр Ильич 308, 322, 373, 411, 445, 660, 668
Гинзбург, Евгения Соломоновна 382, 669
Гитлер, Адольф 31, 249, 400, 401, 406, 449, 459, 463, 467, 483, 491, 499, 501, 505, 523, 524, 526, 528, 530, 532, 533, 543, 551, 585, 683, 684
Гладилин, Анатолий Тихонович 145, 167, 244, 307, 373, 374, 415, 433, 659, 669
Гленни, Майкл 281
Глиэр, Рейнгольд Морицевич 58

Указатель имен

Гмызина, Э.В. 669
Гнедин, Евгений Александрович 325
Гоголь, Николай Васильевич 54, 71, 181, 251, 282, 486, 508, 516, 571, 584
Голомшток, Игорь Наумович 637, 640, 650–652
Голубева, Ирина 203, 686
Гольбейн, Ганс (младший) 614, 646
Гольдман, Борис Эрленович 444, 597, 598, 600, 602, 607, 612, 641–643, 651, 661
Гольдштейн, Флора Михайловна 640, 650
Гончар, Олесь (Александр) Терентьевич 204
Горбаневская, Наталья Евгеньевна 410, 670
Горбатов, Александр Васильевич 489, 551, 553, 670, 671, 686
Горбачев, Игорь 686
Горбачев, Михаил Сергеевич 593
Гордиевский, Антон Лаврентьевич 49, 50, 53
Гордиевский, Олег Антонович 49
Гордович, Кира Дмитриевна 457, 535, 670
Горенштейн, Фридрих Наумович 412
Горловский, А. 670
Городницкий, Александр Моисеевич 148, 185, 528
Гранин, Даниил Александрович 131, 181
Грасс, Гюнтер 669
Граффи, Джулиан 702
Гречко, Андрей Антонович 248
Гречнев, В. 670
Гречухин, Ю.А. 452
Грибоедов, Александр Сергеевич 165
Григ, Эдвард 627
Григоренко, Петр Григорьевич 315, 460, 471, 479–487, 489, 494, 557, 583, 660, 670
Григорьев (капитан) 256, 263
Гроссман, Василий Семенович 389, 410, 570
Губинский, А.П. 346, 347, 350
Гудерман, Гейнц Вильгельм 458, 461, 462, 469, 490, 491, 498–502, 507, 561, 563, 568, 569, 571, 579, 580, 585, 586, 588, 607, 670, 676, 684, 687
Гуль, Роман Борисович 385
Гумилев, Лев Николаевич 347
Гумилев, Николай Степанович 225, 366
Гурова, Ирина Гавриловна 653
Гус, Михаил Семенович 670
Гутенберг, Иоганн 281
Гюго, Виктор 616
Давыдов, Б. 670
Давыдов, Олег Викторович 670
Даль, Владимир Иванович 164, 282
Даниэль, Юлий Маркович 178, 306–308, 372–374, 443, 445, 659, 668
Де Ля Фортель, Анастасия 283, 682
Дементьев, Александр Григорьевич 168, 468
Демидович, Татьяна Викторовна 457, 543, 670
Денисенко, Анастасия Владимировна 683
Денисов 327
Джек Лондон (наст. имя и фам. Джон Гриффит Чейни) 87, 103, 148, 245, 283, 682
Джотто ди Бондоне 638
Дзержинский, Феликс Эдмундович 54, 665
Дидро, Дени 104
Диккенс, Чарльз 636, 651
Дмитриев, Иван Петрович 304
Дмитриев, Самуил Александрович 374
Дмитрий Иванович Донской 585
Днепров, Р. 670
Довженко, Александр Петрович 138
Довлатов, Сергей Донатович 412, 624, 670

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМОВ: БРЕМЯ РЫЦАРСТВА

- Долматовский, Евгений Аронович 399
Домбровская (урожд. Келлер), Елена Юльевна 175, 176, 180, 181, 266–277, 330, 340, 342, 352, 416, 427, 448, 452, 595, 601, 612, 615, 624, 659, 660
Доронина, Ирина Яковлевна 653
Дорош, Ефим Яковлевич 140
Достоевский, Федор Михайлович 114, 189, 255, 289, 297, 408, 518, 535, 582, 584, 599, 614, 651, 671
Драбкина, Елизавета Яковлевна 138
Дубровин, Артемий Григорьевич 671
Дудинцев, Владимир Дмитриевич 83, 126, 131–137, 267–269, 272–274, 276, 277, 372, 671, 678
Дунаев, Петр 674
Дюмин, Александр 119
Евтушенко, Евгений Александрович 257, 307, 374, 643
Елизавета II 634, 646
Елина, Ирина Дмитриевна 702
Ельцин, Борис Николаевич 449, 602
Емельянов, Г.А. 274, 276
Енгибаров, Леонид Георгиевич 174, 177, 178, 183
Еременко, Андрей Иванович 543
Ермолин, Евгений Анатольевич 671
Ерофеев, В.И. 669
Ерофеев, Венедикт Васильевич 236, 237, 378, 379, 614–616, 621, 624, 671, 683
Есауленко, Ю. 671
Есенин, Сергей Александрович 99, 676
Есинов, Виктор Михайлович 435
Жданов, Андрей Александрович 48, 54–56, 59, 670
Жданов, Николай Борисович 353, 416, 428–430, 439
Жеглов, М.Б. 448
Желудков, Сергей (Сергий) Алексеевич 322, 325
Жиленков, Георгий Николаевич 576
Жирмунский, Виктор Максимович 335
Жуков, Георгий Константинович 460, 476, 480–483, 503, 525, 545, 546, 551–554, 556, 671
Зазубрин, Владимир Яковлевич 521
Зайцев, Борис Константинович 410
Закс, Борис Германович 118–122, 125, 140, 152
Зацарный, Юрий Андреевич 257
Зейфман, Ида Оскаровна 15, 16, 24, 27, 73, 87, 94, 96, 100, 152, 153
Зейфман, Мария Оскаровна 15–20, 22–24, 26, 28–30, 33, 34, 36–38, 40, 41, 49, 53, 56, 58, 62–80, 82, 84–107, 111–131, 136, 141, 142, 151–153, 168–170, 272, 279, 304, 351, 355–362, 445, 470, 509, 583, 586, 593, 656–658, 660, 683
Зейфман, Ошер Мовьевич 15, 16, 18, 19, 24, 334
Зиник, Зиновий Ефимович 650, 651
Зиновьев, Александр Александрович 345, 614, 615
Золотусский, Игорь Петрович 262, 338, 457, 671
Зорин (наст. фам. Зальцман), Леонид Генрихович 254, 686
Зощенко, Михаил Михайлович 42, 44–51, 53–55, 57, 63, 64, 605, 652, 657, 665
Зубарева, Елена Юрьевна 671
Ибаррури, Долорес 366
Иванов, Всеволод Вячеславович 133
Иванов, И. 404, 672
Иванова, В. 672
Иванова, Наталья Борисовна 281, 456, 469, 470, 498, 576, 577, 580, 600, 642, 672, 702
Ивинская, Ольга Всеволодовна 382, 383
Игорь Рюрикович 466
Идлин, Анна Зиновьевна 33, 34
Идлин, Белла Зиновьевна 20, 30, 31, 33, 656
Ильин, Виктор Николаевич 275, 276
Ильф, Илья Арнольдович 255, 566
Инна Варламова (наст. имя и фам. Клавдия Густавовна Ландау) 325
Исаев, Валентин 101

Указатель имен

Исаева, Майя 101
Исарова (урожд. Шварц), Лариса Теодоровна 141–144, 153, 169, 170, 658, 659, 661
Искандер, Фазиль Абдулович 374, 377, 378
Каверин, Вениамин Александрович 44, 45, 48, 54, 55, 57, 133, 141, 672
Казак, Вольфганг 672
Казакевич, Эммануил Генрихович 131, 168
Казанцев, Александр Степанович 398, 401, 672
Кандель, Феликс Соломонович 412, 423
Каневский, Виталий Евгеньевич 193
Кант, Иммануил 146
Кантор, Максим Карлович 243, 672
Капаев, Вячеслав Николаевич 340–342, 384
Каплер, Алексей Яковлевич 686
Карасти, Рейн 673
Карацупа, Никита Федорович 303, 304, 679
Кардин, Эмиль Владимирович 76, 111–113, 117, 133, 134, 140, 673
Карл I 636
Карнюшин, В. 673
Карп, Мария Поэлевна 702
Карпов, А.С. 673
Кеворков, Вячеслав Ервандович 350
Кельнер, Виктор Ефимович 7
Кербиц, Вера Владимировна 46, 47
Керенский, Александр Федорович 587
Кибилов, Тимур Юрьевич 577
Киплинг, Редьярд 148, 234, 245
Киров, Сергей Миронович 19, 20
Кирпонос, Михаил Петрович 547
Классен, Мария 702
Клещенко, Анатолий Дмитриевич 138
Климович, Людмила Валерьевна 397, 673
Клыкков, Вячеслав Михайлович 545, 546
Ковалев, Николай Дмитриевич 344
Ковальска, М. 673
Ковальская (Френкель), М.И. 34, 35, 673
Коган, Александр Григорьевич 498, 673
Козловский, Евгений Антонович 340, 341
Коломиец, М. 480
Кондратович, Алексей Иванович 140, 189, 468, 673
Конерт, Гейнц Георг 612
Константинов, Кирилл 673
Константинова, Е. 49, 471, 665
Константиновский, Константин Александрович 304
Копелев, Лев Зиновьевич 137, 138, 179, 243, 313, 317, 322, 325, 328, 329, 339, 347, 364, 365–395, 376, 412, 416, 418, 420, 433, 438, 439, 448, 464, 465, 469, 499, 560–570, 652, 660, 673
Коржавин, Наум Моисеевич 307, 410, 415, 671
Корнилов, Владимир Николаевич 313, 322, 325, 376, 378
Корнилов, Лавр Георгиевич 516, 535, 587
Костенчик, Н.К. 240
Косыгин, Алексей Николаевич 308, 373
Котляров, Владимир Соломонович 434
Котлярова, Нина Васильевна 24, 27, 80
Коц, Альфред 146, 151, 154, 237, 244, 674
Кочетов, Всеволод Анисимович 114, 123, 137, 139, 582
Кошкин, Михаил Ильич 501, 568
Красин, Виктор Александрович 443, 449
Крастошевский, Александр 686
Крахмальникова, Зоя Александровна 184, 327, 344, 345
Кривичкий, Александр Юрьевич (Зиновий Юлисович) 118, 120–122, 126
Криппс, Ричард Стаффорд 22

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМОВ: БРЕМЯ РЫЦАРСТВА

Кристи, Агата 651
Кристи, Джон Уолтер 491
Кричевский, Лев Наумович 35, 702
Крохин, Вадим Михайлович 702
Крохин, Ю.Ю. 674
Круглов, Алекс 702
Крылов, Николай Иванович 487, 674
Крымов, Александр Михайлович 587
Крымов, Юрий Соломонович 168
Крячко, Лариса 666
Кублановский, Юрий Михайлович 179
Кубрик, Стэнли 250, 687
Кудрова, Ирма Викторовна 674
Кузнецов, Анатолий Васильевич 145, 388, 531, 674
Кузнецов, Евгений Михайлович 174, 175, 180, 183, 267, 270, 277, 326, 618
Кузнецов, Фёдор Исидорович 474
Кузнецов, Феликс Феодосьевич 187, 223, 234, 311, 312, 314, 375, 376, 660, 674
Кузнецова, Наталия Евгеньевна 10, 54, 55, 143, 144, 171, 174–184, 267, 269, 277, 281, 311, 317, 321, 322, 326, 327, 330–332, 340–342, 344, 345, 347–349, 352–354, 364, 365, 373, 377, 387, 388, 392, 393, 395, 416, 421, 427–429, 431, 437–439, 441, 443, 447, 448, 560–571, 577, 580, 584, 591–601, 607, 608, 615–626, 633, 635, 638, 652, 659–662, 666, 674
Кузьмина, О. 674
Кулакин 327
Куприн, Александр Иванович 371
Кураев М. 674
Курдюмов, А.А. (наст. имя и фам. Яков Соломонович Лурье) 566, 674
Курицын, Вячеслав Николаевич 674
Кутузов, Михаил Илларионович 464, 489, 542, 543, 567
Кшесинская, Матильда Феликсовна 587
Кэри, Питер 653
Л. Пантелеев (наст. имя и фам. Алексей Иванович Еремеев) 141
Лавренев, Борис Андреевич 137, 371
Лакшин, Владимир Яковлевич 139, 155, 251, 675
Ламздорф, Владимир Николаевич 403, 404, 671
Ланин, Борис Александрович 675, 680, 702
Ларионова, Ю.М. 274
Латынина, Алла Николаевна 675
Лебедев, Владимир Васильевич 176
Лебедь, Александр Иванович 548
Леетц, Антье 490, 547
Лейдерман, Наум Лазаревич 455, 464, 466, 496, 504, 510, 523, 528, 529, 541, 548, 675
Лейферкус, Сергей Петрович 643
Лекманов, Олег Андершанович 702
Ленин (наст. фам. Ульянов), Владимир Ильич 60, 98, 305, 324, 548, 566, 583, 675
Леонене (урожд. Крейчи), Мария 364
Леонов, Леонид Максимович 87
Лепинь, Андрис 64
Лермонтов, Михаил Юрьевич 88, 92, 675
Лернер, Дона Янкелева 15, 16, 24, 27
Лерт, Раиса Борисовна 322, 325
Лескин, Борис 686
Лессинг, Готхольд Эфраим 104
Либеров, Роман Александрович 686
Лильин (Шварц), Теодор Яковлевич 476
Лимонов, Эдуард Вениаминович 382
Линник, Юлия Павловна 702
Липкин, Семен Израилевич 326, 374
Липовецкий, Марк Наумович 456, 675, 684, 702
Лиснянская, Инна Львовна 326, 374
Литовская, Мария Аркадьевна 675

Указатель имен

Лихачев, Д.А. 499
Лихачев, Дмитрий Сергеевич 604
Лозовская, Дария Станиславовна 702
Лозовская, Марианна Валерьевна 702
Лозовский, Дмитрий Станиславович 702
Лойтер, Елизавета Эммануиловна 33, 34, 673
Локшов, В.С. 239
Лотман, Юрий Михайлович 52, 675
Лоуренс («Аравийский»), Томас Эдвард 55
Лужков, Юрий Михайлович 601
Луи, Виктор (Виталий Евгеньевич) 389
Лукин, Михаил Федорович 473
Луконин, Михаил Кузьмич 375
Лукьянин, Валентин Петрович 458, 464, 675
Лунд, Марина 131, 665
Любарский, Кронид Аркадьевич 434, 435, 616, 625
Макаренко, Антон Семенович 95
Макарова, Ольга Евгеньевна 702
МакМиллин, Арнольд 627, 633–637, 641, 643, 644, 649–651, 655, 702
Максим Горький (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков) 87, 98, 569
Максимов, Владимир Емельянович (наст. имя и фам. Лев Алексеевич Самсонов) 147, 362, 415, 419, 420, 432, 433, 435, 436, 444–446, 625, 676
Макьюэн, Иэн 653
Малышкин, Василий Федорович 576
Мальцев, Юрий Владимирович 386, 387, 676
Малюта Скуратов (наст. имя Григорий Лукьянович) 477, 509
Мандельштам, Надежда Яковлевна 298, 335, 382, 676
Мандельштам, Осип Эмильевич 410, 492
Маннергейм, Карл Густав Эмиль 40
Манштейн, Эрих фон 490
Марк Твен (наст. имя и фам. Сэмюэл Ленгхорн Клеменс) 616
Маркс, Карл 95, 135
Марти, Андре 367
Мартыненко, О. 676
Мартынов, А.В. 498, 524, 676
Марченко, Алла Максимовна 676
Маршак, Самуил Яковлевич 123
Марьямов, Эзра Моисеевич 140
Масевич, Александр 42
Масевич, Вероника Александровна 42, 45–55, 63, 105, 657
Масевич, Зинаида Эдмундовна 42, 47, 49, 53
Массов, Александр Яковлевич 702
Матвеев, О.К. 459
Матвеев, Павел 676
Матвеева, Новелла Николаевна 168
Матчин, Дмитрий Александрович 702
Махно, Нестор Иванович 47
Маяковский, Владимир Владимирович 38, 42, 43, 60, 99, 102, 676
Медведев, Жорес Александрович 415, 419
Медведев, Рой Александрович 179, 326, 343, 415, 601
Мейерхольд, Всеволод Эмильевич 134
Мельников (Мельман), Наум Дмитриевич 279
Ментешавили, Тенгиз Николаевич 354
Мерецков, Кирилл Афанасьевич 473, 505, 581, 676
Мессерер, Борис Асафович 12, 171, 172, 179, 180, 326, 329, 349, 350, 374, 435, 440, 441, 448, 668, 676
Метченко, Алексей Иванович 677
Мехлис, Лев Захарович 476
Микаэлян, Маргарита Исааковна 247
Микаэлян, Сергей Герасимович 247

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМОВ: БРЕМЯ РЫЦАРСТВА

Микеланджело 646
Минц, Софья Ханановна 389, 390
Митрохин, Василий Никитич 397
Миттерфельнер (урожд. Сабельникова), Евгения Алексеевна 605–612, 653, 654, 662
Михалков, Сергей Владимирович 314, 399
Мичурин, Иван Владимирович 19
Млечин, Леонид Михайлович 528, 677
Можаев, Борис Андреевич 381, 387
Молотов, Вячеслав Михайлович 22, 30, 461, 527, 528
Монсенжон, Брюно 522, 686
Монтень, Мишель де 128
Мороз, Валентин Яковлевич 317, 366, 367
Морозов, Василий Иванович 473, 474
Москаленко, Кирилл Семенович 472, 476, 495, 533, 551, 554, 556, 677
Мунтяну, Франциск 176
Муравник, Майя Ильинична 677
Муравьева, Ирина Лазаревна 606–608, 668, 677
Мусаев, А. 677
Муссолини, Бенито 399
Мюллер, Леонид Антонович 451
Мякушко, Василий Емельянович 51, 52, 57–63, 65, 67, 68, 72, 80, 81, 657
Набоков, Владимир Владимирович 386
Наврозов, Лев Андреевич 577
Надсон, Семен Яковлевич 102, 677
Назарова, Маргарита Петровна 304
Наполеон I Бонапарт 501, 586, 645, 648, 651
Наумов, Владимир Наумович 171
Некрасов, Виктор Платонович 153, 412, 581
Немзер, Андрей Семенович 281, 303, 457, 489, 496, 498, 507, 514, 523, 558, 571–577, 677, 702
Нехорошев, М.М. 677
Нива, Жорж 618–621
Николаев, Игорь Иосифович 552, 553, 678
Никольский, Борис Николаевич 136
Новаковский, Марек 351
Новицкий, Алексей 83, 96, 105, 116, 125
Нуйкин, П. 671
Огрызко, Вячеслав Вячеславович 678
Озеров, Федор Петрович 473, 474, 590
Ойстрах, Давид Федорович 522, 686
Окуджава, Булат Шалвович 111, 148, 265, 307, 338, 374, 410, 519, 560, 648, 686
Олдингтон, Ричард 245
Олеша, Юрий Карлович 141
Ордынский, Василий Сергеевич 171, 583
Орлов, Юрий Федорович 445
Орлова, Мария Николаевна 702
Орлова, Раиса Давыдовна 325, 364, 365, 395, 412, 435, 448, 465, 560–570
Островский, Николай Алексеевич 20, 124
Павлов, Дмитрий Григорьевич 669
Панарин, Геннадий 41–51, 53, 54, 63, 125, 127, 166, 657
Панич, Юлиан Александрович (псевд. Александр Виноградов) 299, 300
Панова, Вера Федоровна 137, 138, 371
Панченко, Николай Васильевич 63
Паперный, Зиновий Самойлович 204
Парамонов, Борис Михайлович 412, 678
Паскаль, Блез 128
Пастернак, Борис Леонидович 25, 83, 136–138, 299, 311, 371, 372, 382, 410, 600, 678
Паустовский, Константин Георгиевич 133, 134, 309, 342, 373, 678
Перегожин, В.А. 524, 678
Перцовский, Владимир 224, 241, 678
Петров, Евгений Петрович 255, 566
Петров, Н.И. 423
Петрова, Нина 650

Указатель имен

Петшицка-Бохосевич, Кристина 9, 291, 303–305, 548, 685
Пильняк, Борис Андреевич 371
Писарев, Дмитрий Иванович 87, 114, 123
Платонов (Климентов), Андрей Платонович 410
Погодин (Стукалов), Николай Федорович 85, 86, 93, 110, 111, 123
Подгорный, Николай Викторович 308, 373
Поженян, Григорий Михайлович 600, 603
Поздняков, Евстафий Иванович 169, 173, 658, 678
Полевой, Николай Алексеевич 584, 678
Померанц, Григорий Соломонович 325
Попов, А.В. 405, 678
Попов, Андрей Алексеевич 248
Попов, Евгений Анатольевич 179
Поповский, Марк Александрович 342, 566, 678
Попофф-Бакланова, Александра Григорьевна 702
Поремский, Владимир Дмитриевич 407, 408, 421
Портер, Роберт 678, 685
Предслава Владимировна 493
Пресленев, Альберт 686
Пригов, Дмитрий Александрович 577
Прилежаева, Мария Павловна 135
Прожейко, Л.И. 268, 270–272, 274, 275
Прокофьев, Сергей Сергеевич 126, 203, 204, 686
Протазанов, Яков Александрович 43
Проффер, Карл 387
Прянишников, Борис Витальевич 399, 402, 405, 406, 679
Пугач, А. 341, 679
Пушкин, Александр Сергеевич 15, 30, 37, 66, 67, 78, 93, 165, 498, 501, 679
Пятигорская, Татьяна Андреевна 491, 492
Пятигорский, Александр Моисеевич 329, 384
Радищев, Александр Николаевич 379
Рамзаса, Валентина 679
Ранчин, Андрей Михайлович 679
Распутин, Валентин Григорьевич 253, 264, 381, 679
Рассадин, Станислав Борисович 679
Редлих, Роман Николаевич 407
Ремарк, Эрих Мария 148
Рембрандт 638, 639
Ремизов, Алексей Михайлович 371, 410
Решетова, А.А. 498
Решетовская, Наталья Алексеевна 578
Решин, Леонид 466, 576, 679
Риббентроп, Иоахим фон 30, 527, 528
Ричард I Львиное Сердце 466
Ричард III 208
Рогачевская, Екатерина Борисовна 702
Рогачевский, Андрей Борисович 702
Рогожкин, Александр Владимирович 521
Родионов (секретарь) 129
Роднянская, Ирина Бенционовна 154, 158, 162, 679
Родыгин, Евгений Павлович 258
Рождественский, Роберт Иванович 374
Розанова-Синявская, Мария Васильевна 435, 679
Розенберг, Альфред 403
Рокоссовская, Ариадна Константиновна 556, 679
Рокоссовский, Константин Константинович 488, 489, 556, 673
Роллан, Ромен 101
Романов (Островский), Евгений Романович 31, 353, 402, 404, 405, 409–412, 417, 418, 420–423, 425, 427, 432, 439, 441, 442, 444, 446, 679, 684
Ростропович, Мстислав Леопольдович 522
Ртвеладзе, Александр Арсеньевич 50
Ртвеладзе, Шатал Александрович 50

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМОВ: БРЕМЯ РЫЦАРСТВА

Рубцова, М. 401, 683
Руденко, Инна 556, 679
Руденко, Роман Андреевич 272
Рудкевич, Лев Александрович 426
Рундштедт, Карл Рудольф Герд фон 461
Рыбаков, Анатолий Наумович 57
Рыбаков, Владимир Мечиславович 427, 431, 432, 679
Рыбалко, Павел Семенович 476, 552
Рыклин, Григорий Ефимович 304
Рюмин, Михаил Дмитриевич 90
Рябчиков, Евгений Иванович 304, 679
Савельев, А. 379, 679
Сагаипов, М. 257
Салазар, Антониу ди 399
Салтыков, Алексей Александрович 172
Сарнов, Бенедикт Михайлович 642
Сартр, Жан-Поль 155
Сахаров, Андрей Дмитриевич 178, 179, 248, 316, 318–326, 332, 345, 387, 394, 443, 445, 604, 660, 662, 669, 680
Сац, Игорь Александрович 140
Саша Черный (наст. имя и фам. Александр Михайлович Гликберг) 145
Свердлов, Яков Михайлович 548
Светов, Феликс Григорьевич 325
Севастьянов, Петр Васильевич 152, 173, 458, 460, 462, 468, 471–479, 484, 485, 488, 489, 491, 525, 530–532, 540, 542–544, 547, 550, 557, 658, 680
Седов, Леонид Александрович 323, 427
Секретов, Станислав 702
Сельвинский, Илья Львович 567
Семенов, Алексей Александрович 325
Семенов, Юлиан Семенович 186
Серафимова, В.Д. 680
Серебрякова, Галина Иосифовна 135
Серман, Илья Захарович 412, 455, 464, 502, 543, 570, 571, 680
Сорова, Валентина Васильевна 603
Сидоров, Евгений Юрьевич 602, 680
Симановский, Илья Григорьевич 702
Симонов, Владимир 183
Симонов, Константин Михайлович 19, 20, 33, 76, 77, 83, 115, 117, 119–122, 126, 129, 134, 136, 138, 139, 203, 386, 418, 475, 476, 581, 603, 619, 658, 680
Синг-Хатчинсон, Бетти 644, 646, 647
Синг-Хатчинсон, Джоан 645, 646
Синг-Хатчинсон, Патрик 644–649, 651
Синельников, М. 241, 680
Синявский, Андрей Донатович (псевд. Абрам Терц) 178, 281, 289, 297, 300, 302, 306–308, 372–374, 433, 443, 445, 659, 668, 680, 681
Скарлыгина, Елена Юрьевна 245, 680
Скотт, Вальтер 466
Слущкий, Борис Абрамович 137, 371
Смайлс, Сэмюэл 104
Смирнов, В.Ф. 273, 274
Смирнов, С.И. 669
Смирнов, Сергей Сергеевич 137, 310, 311, 314, 371, 375
Соболев, Лев Иосифович 283, 682
Соболь (наст. фам. Гринфельд), Владимир Александрович 213, 244, 680
Сойфер, Валерий Николаевич 319, 320, 334, 342, 343, 681
Соколов, Виктор Федорович 245, 686
Соколов, Саша (Александр Всеволодович) 387, 388, 423, 681
Солженицын, Александр Исаевич 23, 148, 178, 242, 243, 279, 290, 308–310, 343, 368, 387, 389–392, 410, 411, 433, 445, 454, 457, 465, 494, 529, 535, 567, 568, 573, 578, 582, 583, 585–591, 609, 659, 669, 673, 676, 681, 702
Солженицына, Наталия Дмитриевна 591, 642, 702
Соловьев, Владимир Романович 83

Указатель имен

Соломатин, Владимир 681
Солоухин, Владимир Алексеевич 137, 371
Софронов, Анатолий Владимирович 38, 83, 95, 135, 664
Спенсер, Герберт 104
Спиноза, Бенедикт 104
Ставиская (Серман), Нина 702
Стаднюк, Иван Фотиевич 475
Стайн, Гертруда 237, 685
Сталин (наст. фам. Джугашвили), Иосиф Виссарионович 23, 24, 41, 43, 60, 64, 65, 67, 68, 70, 117, 135, 175, 249, 278, 284, 305, 324, 325, 401, 459, 461, 472, 473, 480, 487, 493, 495, 505, 506, 510, 518, 521, 525–528, 533, 537–541, 544, 547, 549, 552, 554–556, 568, 576, 585, 618, 639, 668, 677, 683, 684
Старикова, Екатерина Васильевна 155, 157, 162, 681
Стендаль (Мари-Анри Бейль) 87
Степкин, В.А. 239
Стонов, Александр Леонидович 35, 702
Стонов, Дмитрий Миронович 34, 35
Стонов, Леонид Дмитриевич 32, 34, 35, 702
Стонова, Наталия 35, 702
Стонова-Кричевская (Волосевич), Елена (Алена) Дмитриевна 21, 30–35, 656, 661
Суворов, Александр Васильевич 39, 584, 678
Суперфин, Габриэль Гаврилович 612, 702
Сурков, Алексей Александрович 135
Суслов, Михаил Андреевич 280
Сухих, Игорь Николаевич 456, 681
Сухих, Ольга Станиславовна 681
Сычев, Владимир 615
Тайманова, Марианна Евгеньевна 702
Тарас, А.Е. 525
Тарасова, Наталья Борисовна 429
Тарковский, Андрей Арсеньевич 433
Твардовский, Александр Трифонович 120, 123, 125, 131, 138–140, 146, 151, 152, 154, 189, 236, 279–281, 369, 370, 381, 382, 389–391, 418, 419, 423, 467, 468, 497, 557, 566, 575, 580, 582, 619, 659, 665
Твердохлебов, Андрей Николаевич 316
Тевселян, Диана Варткесовна 681
Теккерей, Уильям Мейкпис 101
Тендряков, Владимир Федорович 133, 153, 154, 168
Терехова, Маргарита Борисовна 642
Тимошенко, Семен Алексеевич 43
Тихомирова, Елена Владимировна 110
Тихонов, Николай Семенович 115
Тициан 638
Тишкова, Л. 238, 239
Ткачев, Валерий 552, 686
Толстой, Иван Никитич 678
Толстой, Лев Николаевич 98, 138, 181, 387, 455, 464, 501, 543, 562, 563, 567, 568, 579, 581, 583, 586, 650–652, 682
Тольц, Владимир Соломонович 681
Трауберг, Леонид Захарович 126
Трифонов, Юрий Валентинович 381
Тропольский, Гавриил Николаевич 283
Тромли, Бенджамин 396, 397, 402–407, 685
Трухан, Валерий 681
Тудоровская, Елена Александровна 681
Туполев, Андрей Николаевич 273
Тургенев, Иван Сергеевич 282
Турчин, Валентин Федорович 316
Тынянов, Юрий Николаевич 57, 566
Тэнгли, Жан 614
Тэффи, Надежда Александровна 410
Уланова, Галина Сергеевна 527

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМОВ: БРЕМЯ РЫЦАРСТВА

Ульрих, Г.И. 438, 439
Уорхол, Энди 191
Урбанский, Евгений Яковлевич 171, 172, 333
Фадеев, Александр Александрович 116, 476
Файнциммер, Александр Михайлович 126, 686
Федин, Константин Александрович 123, 135
Федосеева-Шукшина, Лидия Николаевна 303
Федякин, Сергей Романович 674, 680
Фельтринелли, Джанджакомо 137, 371
Феодор Стратилат 491, 492
Филимонов, Вадим Иванович 425, 429
Флобер, Гюстав 87
Франко, Франсиско 399
Франс, Анатоль 466
Фрейд, Зигмунд 516
Фурманов, Дмитрий Андреевич 420
Фурцева, Екатерина Алексеевна 269
Харитоновна, Инна Михайловна 702
Хейфец, Леонид Ефимович 248
Хемингуэй, Эрнест 148, 245, 366, 367
Хмельницкий, Владимир Ильич 300–303, 624, 661
Холмогорова, Елена Сергеевна 702
Хоробова, Е.А. 681
Хренников, Тихон Николаевич 203, 204, 686
Христофоров, Василий Степанович 459, 680
Хрусталева, Иван Сергеевич 238
Хрущев, Никита Сергеевич 70, 139, 155, 196, 251, 280, 370, 372, 459, 472, 476, 487–489, 531, 550–552, 554, 556, 670, 674, 682
Цветаева, Марина Ивановна 216, 366, 685
Циолковский, Константин Эдуардович 322
Цурганов, Юрий Станиславович 400
Цыблинский, Б.С. 77
Чаковский, Александр Борисович 475
Чапаев, Василий Иванович 420
Че Гевара, Эрнесто 59
Черешня, Валерий Самуилович 702
Чернявский, Владимир 682
Черняховский, Иван Данилович 476, 542, 552
Черчилль, Уинстон 610, 611
Чехов, Антон Павлович 181, 283, 671, 672
Чиаурели, Михаил Эдишерович 502
Чибисов, Никандр Евлампиевич 471, 472, 478, 487–489, 555–558, 575, 682
Чикатило, Андрей Романович 638
Чистяков, Александр Валерианович 10, 245, 281, 457, 543, 682, 683
Чудаков, Александр Павлович 134, 135, 139, 158, 195, 453, 682
Чудов, В.В. 239
Чуйков, Василий Иванович 484
Чуковская, Лидия Корнеевна 201, 278, 292, 298, 307, 308, 313, 321, 322, 325, 331, 376, 660, 683, 687
Чуковский, Корней Иванович 123
Чупринин, Сергей Иванович 68, 83, 116, 463, 572, 576, 577, 683, 702
Чупринина, Юлия 602, 665
Чухрай, Григорий Наумович 526
Шаврина, О.Г. 683
Шаламов, Варлам Тихонович 279, 366
Шандор Петефи 410
Шарымова, Н. 683
Шекспир, Уильям 87, 95, 453
Широкова, Ольга Игоревна 299, 702
Шкловский, Виктор Борисович 57

Указатель имен

Шлиппе, Юрий Борисович фон 495, 665
Шолохов, Михаил Александрович 307, 308, 374, 476, 519, 569, 683
Шостакович, Дмитрий Дмитриевич 203, 204, 643
Штайндль, Йоханна 388
Штерн, Григорий Михайлович 481–483
Штокман, Игорь Георгиевич 683
Штрик-Штрикфельдт, Вильфрид Карлович 401, 526, 683
Шугаева, Э.А. 476, 664
Шукшин, Василий Макарович 148, 149
Щаранский, Анатолий (Натан) Борисович 445
Щеглов, Марк Александрович 111, 123–125
Щеглов, Юрий Константинович 684
Щёлоков, Николай Анисимович 321
Щипачев, Степан Петрович 168, 169
Щукин, В.Г. 684
Щуплов, Александр Николаевич 684
Эйзенштейн, Сергей Михайлович 509
Эйлер, Екатерина Владимировна 7
Энгельс, Фридрих 95
Эренбург, Илья Григорьевич 123, 168, 373, 476, 506, 517
Эрмлер, Марк Фридрихович 183
Югов, Александр Михайлович 409, 411, 418, 425, 426, 684
Якир, Петр Иванович 443, 449
Яковлев, Василий Николаевич 545, 546
Ярцева (адвокат) 70, 71
Ясиновская-Литвинова, Флора Павловна 325
Яшин (наст. фам. Попов), Александр Яковлевич 368, 369

Adams, Richard 281
Beddie, James Stuart 528, 685
Beyda, Oleg 524, 684
Birstein, Vadim J. 684
Ellis, Frank 684
Haffner, Craig 687
Hosking, Geoffrey 684
Jay, Antony 687
Jukes, Geoffrey 466, 489, 548, 685
Krivosheev, Grigori F. 540
Lewis, Barry 684
Lotterby, Sydney 687
Lund, Odd 312
Lusitana, Donna E. 687
Lynn, Jonathan 687
Mazur, Josef 685
Mehlmann, Gisela 404
Munoz, Antonio J. 525, 685
Petrov, Igor 524, 684
Sanford, George 461, 685
Sontag, Raymond James 528, 685
Southern, Terry 687
Stahel, David 524, 684
Taylor, Telford 528, 684
Verklan, Laura 687
Whitmore, Peter 520

Благодарности

Написание и завершение этой книги, и особенно в период пандемии, было бы невозможно без активной помощи ряда людей, которым я хочу выразить свою глубокую признательность и благодарность:

Марине Владимовой — позволившей неограниченный доступ к архиву и помогавшей мне в ходе работы.

Марку Липовецкому — за неоценимую для меня всестороннюю и щедрую поддержку и помощь.

Габриэлю Гавриловичу Суперфину — впервые проводшему меня по закоулкам архива Владимирова и чудесным образом всегда находившему нужную мне информацию.

Инне Михайловне Харитоновой — за доброту, помощь и высокий профессионализм

Моим друзьям Дмитрию Лозовскому, Александру Массову, Илье Симановскому и Валерию Черешне, читавшим отдельные главы книги и помогавшим в поисках материалов.

Марии Классен и ее «архивисточкам» — незамедлительно присылавшим все копии нужных архивных документов.

Редакции журнала «Знамя» — Елене Холмогоровой, Станиславу Секретову, Сергею Чупринину, но особенно Наталье Ивановой за теплую поддержку и неизменную готовность печатать мои статьи.

Леониду, Наталии, Александру Стоновым и Льву Кричевскому — за важную информацию, которая помогла мне в прояснении семейной истории Г.Н. Владимирова.

Наталии Дмитриевне Солженицыной, Андрею Немзеру, Марии Орловой, Александре Попофф (Баклановой) и Нине Ставиской (Серман) — за предоставленные для публикации письма.

Моим друзьям и всем знакомым и незнакомым, без помощи которых я не смогла бы закончить книгу: Дмитрию Азиатцеву, Джулиану Граффи, Ирине Елиной, Марии Карп, Вадиму Крохину, Алексу Круглову, Борису Ланину, Олегу Лекманову, Юлии Линник, Марианне и Дарии Лозовским, Ольге Макаровой, Дмитрию Матчину, Андрею и Кате Рогачевским, Марианне Таймановой, Ольге Широковой и еще большому числу моих друзей и коллег, чье имя не вошло в этот список.

«Редакции Елены Шубиной» — за всестороннюю помощь и поддержку.

Last but not least, моему мужу Арнольду — за всё.